

Russische Academie van Wetenschappen
Peter de Grote Museum voor Antropologie en Etnografie (Kunstkamera)

J.J. Driessen-van het Reve
De Hollandse wortels
van de Kunstkamera van Peter de Grote:
de geschiedenis in brieven (1711–1752)

Vertaald uit het Nederlands door
I.M. Michajlova en N.V. Voznenko

Wetenschappelijk redacteur
N.P. Kopaneva

Sint-Petersburg
2015

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Й. Дриссен-ван хет Реве
Голландские корни
Кунсткамеры Петра Великого:
история в письмах (1711–1752)

Перевод с нидерландского
И.М. Михайловой и Н.В. Возненко

Научный редактор
Н.П. Копанева

Санкт-Петербург
2015

УДК 069(091)

ББК 79.18

Д74

*Издание книги подготовлено и осуществлено МАЭ РАН при финансовой поддержке
Фонда издания и перевода нидерландской литературы
Генерального Консульства Королевства Нидерландов в Санкт-Петербурге
Фонда Вильгельмины Е. Янсен, Нидерланды*

Nederlands
letterenfonds
dutch foundation
for literature

WEJansenfonds

*The publisher gratefully acknowledges the financial support of the
Het Nederlands Letterenfonds Nederlandse
Consulaat-Generaal te St.Petersburg
Wilhelmina E. Jansen Fonds*

Д74 **Й. Дриссен-ван хет Reve.** Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752) / Пер. с нидерл. И.М. Михайловой, Н.В. Возненко. Науч. ред. Н.П. Копанева. — СПб.: МАЭ РАН, 2015. — 364 с.; ил.

ISBN 978-5-88431-283-8

Книга нидерландской исследовательницы Йозин Дриссен-ван хет Reve посвящена начальному этапу развития Петербургской Кунсткамеры, прежде всего покупке в Голландии знаменитых коллекций аптекаря Альберта Себы и анатома Фредерика Рюйша. Впервые вводится в научный оборот переписка Альберта Себы и ряда других европейских собирателей и ученых с лейб-медиком Петра I Р. Арескиным, царским библиотекарем, а после создания Академии наук секретарем академической Канцелярии И.Д. Шумахером, президентом Академии наук Л.Л. Блюментростом. Книга предназначена для историков науки, культуры, музейных работников, а также для всех интересующихся историей первого российского музея — Кунсткамеры.

На русском языке публикуется впервые.

Перевод с нидерландского
И.М. Михайловой и Н.В. Возненко

Научный редактор
Н.П. Копанева

Рецензенты:
к.и.н. В.Г. Ананьев, А.Б. Радзюн

*Утверждено к печати Ученым советом Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

Перевод с нидерландского с разрешения автора и издательства
Hilversum Verloren книги: Van het Reve J.J. De Kunstkamera van Peter de Grote/
De Hollandse inbreng gereconstrueerd uit brieven van Albert Seba
en Johann Daniel Schumacher uit de jaren 1711–1752. Hilversum Verloren, 2006.

ISBN 978-5-88431-283-8

© МАЭ РАН, 2015
© Перевод. И.М. Михайлова,
Н.В. Возненко, 2015

Содержание

Предисловие от редактора	I
Введение	13
Исследование	15
Обнаружение архивных документов	17
Что уже было известно	18
Методика работы	23
Постановка проблемы	24
Терминология	25
Глава I	
Россия и Европа	26
Николаас Витсен: коллекционер посещает Москву	26
Петр верит в искусства и науки	27
Куракин и Матвеев	29
Александр Меншиков	30
Запрет на смешение богословия с философией в Голландии	31
Кто не верит, тот притворяется, что верит	35
Петр не верит в чудеса	39
Глава II	
«Республика любителей»	42
Любители	42
Текст, рисунок, объект	45
Амстердам, Хортус ботаникус	48
Лондон, Лондонское королевское общество	51
Лейден, Ван Мушенбрук	53
Амстердам, Фаренгейт	53
Лондон, кофейные дома	53
Париж, Академия наук	54

Берлин, образец для Петра	56
Наука приносит доход	57
В России	58
Глава III	
Главные действующие лица	59
Петр I	59
Советник Петра Готфрид Вильгельм Лейбниц	60
Советник Петра Яков Брюс	62
Альберт Себа	64
Коллекция Альберта Себы	67
Роберт Арескин (Эрскин)	69
Иоганн Даниэль Шумахер	73
Лаврентий Блюментрост	76
Письма	76
Глава IV	
Альберт Себа — поставщик придворных аптек Петра I	78
Некоторые особенности торговли с Россией	78
Импорт лекарств	81
Себа предлагает свои услуги	84
Поставки в придворные аптеки	86
А. Первый заказ 1715 г.	86
Доставка по морю заказа 1715 г.	88
Оплата заказа 1715 г.	90
Список дополнительного заказа	91
Поставка по заказу 1715 г., посланная вдогонку	92
Прибытие заказа 1715 г. в Петербург и Москву	92
Б. Заказ 1716 г.	93
Закупка товаров на 1716 г.	93
Оплата поставки 1716 г.	93
Транспортировка поставки 1716 г.	94
Прибытие поставки 1716 г.	94
Оплата поставки 1716 г. (продолжение)	95

Колебания курса рубля с апреля 1716 г. по май 1718 г. согласно вексям, полученным А. Себой	97
В. Заказ 1717 г.: конкуренция	97
Запоздалая выплата за заказ 1716 г.	98
Оплата заказа 1717 г.	98
Запоздалая выплата за заказ 1716 г., продолжение	99
Расчеты стоимости заказа на 1717 г.	99
Оплата за 1717 г.	100
Г. Заказ на 1718 г.	101
Адмиралтейская аптека	102
Оплата заказа 1718 г.	102
Себа импортирует сырье из России	103
Прибытие заказа 1718 г.	103
Арескин заказывает Себе физические приборы	104
Себа получает второй заказ купить для Арескина физические приборы	105
Поставки Себы для Арескина	105

Глава V

Альберт Себа предлагает Петру купить свою коллекцию	107
Письма. Себа предлагает купить свою коллекцию	107
В Петербурге рассматривают предметы из коллекции Себы	108
Цена кабинета Себы	109
Себа хочет послать своего подмастерья для сопровождения коллекции	110
Опись кабинета Себы	110
Дата покупки. Инициатива покупки	111
Отправка кабинета Себы	112
Финансирование покупки кабинета	112
Список коллекции Себы	113
Объем коллекции	113
Транспортировка	114
Получит ли Себа еще 2000 гульденов за кабинет?	115
Из чего состоял кабинет Себы	116

Глава VI

Коллекция Фредерика Рюйша	118
Фредерик Рюйш	118
Анатомические препараты как произведения искусства	125
Коллекция Фредерика Рюйша	125
Рюйш заказывает гравюры препаратов	130
Письма. Себа и кабинет Фредерика Рюйша	131

Глава VII

Визит Петра I к Альберту Себе в 1716–1717 гг.	
Покупка коллекции Рюйша	133
Петр I в Амстердаме в 1716–1717 гг.	133
Посещение коллекции Якоба де Вильде.	
Знакомство с возможностями иллюстрированного каталога коллекции	134
Посещение Альберта Себы	135
Письма	136
Болезнь Петра и мирные переговоры	136
Посещение коллекции Фредерика Рюйша	138
Упаковка и отправка коллекции Рюйша	138
Оплата кабинета Рюйша	139
Письма	139
Упаковка кабинета Рюйша	139
Секрет Рюйша	140
Второй договор с Рюйшем	141
Состав кабинета Рюйша	142
Пересылка кабинета Рюйша	143
Интерес ученых других стран к секрету Рюйша	145
Царь хочет стать членом Французской академии наук	146
Царь и Арескин возвращаются в Амстердам	148
Hortus Botanicus	148
Отправка кабинета Рюйша	149
Царь становится членом Французской академии наук	151
Прибытие кабинета Рюйша в Петербург	153
Хорошо продуманный импорт культуры	155

Глава VIII**Работа Иоганна Даниэля Шумахера в Кунсткамере Петра I
под руководством Роберта Арескина**

	158
А. Здание	158
Помещение для коллекций. Основание Кунсткамеры	158
Письма	164
Прибытие в Петербург коллекции Себы	165
Помещение для коллекции Рюйша	167
Б. Коллекции	169
Систематизация собрания Кунсткамеры.	
Кто заведовал коллекциями?	169
Каталог библиотеки Арескина	172
Алфавитный каталог	172
Тематический каталог	173
Аптекарский сад	174
Культурная функция Кунсткамеры	176
Библиотека царя	177
Письма. Клермонт — корреспондент Арескина	181
С. Пополнение коллекции и библиотеки	182
Круг обязанностей Шумахера расширяется	182
Поиск экспонатов для Кунсткамеры	183
Шумахер лишается своего начальника	185

Глава IX**Иоганн Даниэль Шумахер занимается Кунсткамерой
под руководством Лаврентия Блюментроста**

	187
Деятельность Шумахера после смерти Арескина	187
Себа и смерть Арескина	188
Обустройство Кунсткамеры	192
Шумахер отправляется в Европу	196
Письма	197
Себа помогает Шумахеру приобрести и отправить в Россию два термометра	204
Коллекция Якоба де Вильде и атлас Теодора Бундермакера	204
Шумахер приобретает картины для Кунсткамеры	207

По возвращении из Парижа Шумахер передает царю письмо Французской академии наук	210
Письма	210
Возведение Кунсткамеры	212
Ремонт Кикиных палат	212
Глава X	
Эпилог. От любительской науки к профессиональной	214
Основание Академии наук в Санкт-Петербурге в 1724 г.	214
Планы создания Академии наук	214
Приглашение европейских ученых в Петербург для работы в Академии наук	217
Письма другим ученым и специалистам	220
Первые сотрудники Академии наук заключают контракты	221
Мастерские	224
Письма	225
После смерти Петра	227
Слушатели и ученики	228
Первые издания трудов петербургских ученых и типография Академии наук	229
Обустройство Библиотеки	232
Обустройство Кунсткамеры	235
Подготовка к изданию каталога « <i>Musei Imperialis Petropolitani vol. 1-2</i> »	239
Артифициалии: прикладное искусство	240
Артифициалии в каталоге	243
Артифициалии: инструменты	243
Натуралии	246
Цель коллекционирования натуралий.	
От собирания к сравнению, систематизации и классификации	250
Натуралии: растения	253
Натуралии: животные и люди	254
Стихотворение, посвященное Себе	263
Шумахер?	264

<i>Оглавление</i>	11
Коллекции натуралий, их дальнейшая судьба	265
Конец универсального музея	266
Распределение коллекций Себы и Рюйша по разным музеям	266
Заключение	268
Кунсткамера Петра Великого	268
Петровская Кунсткамера как энциклопедический музей	269
Себа и Арескин	271
Финансирование покупки коллекции у Себы	271
Пересылка коллекции Себы	272
Дата покупки коллекции Себы и коллекции Рюйша	273
Тайна препарирования	274
Упаковка и пересылка коллекции Рюйша	275
Иоганн Даниэль Шумахер занимается изучением и хранением коллекций	276
Создание Академии наук	277
Библиография	
Источники	
Письма	279
Контракты и акты	279
Рукописи	280
Литература	283
Приложения	
Приложение I. Список предметов из коллекции А. Себы, сохранившихся в петербургских музеях	300
Приложение II. Перечень экспонатов коллекции Себы, составленный самим коллекционером (по копии, сделанной в Санкт-Петербурге в 1716 г.)	305
Приложение III. Список заказанных птиц из коллекции А. Себы, продаваемых на аукционе его наследниками в 1752 г. в Амстердаме	324

Приложение IV. Список препаратов животных из коллекции Альберта Себы, купленных Императорской Санкт-Петербургской академией наук и художеств на аукционе 1752 г. в Амстердаме с указанием оплаченной стоимости	325
Приложение V. Список заказанных из Амстердама художественных материалов для Академии наук в Санкт-Петербурге. 31 марта 1724 г.	328
Приложение VI. Список монет и медалей, предложенных наследниками Якоба де Вильде Петербургской академии наук для покупки	330
Приложение VII. Инструменты, заказанные у Яна ван Мушенбрука в Лейдене для проф. Бюльфингера в Санкт-Петербурге по книге Гравезанда	332
Приложение VIII	334
Именной указатель	342

Предисловие от редактора

Представляемая читателю книга является переводом с нидерландского языка исследования амстердамского историка Йозин Дриссен-ван хет Реве об истории приобретения Петром I двух голландских коллекций — анатома Фредрика Рюйша и аптекаря Альберта Себы. Книга, изданная в 2006 г. в Амстердаме, стоит в общем ряду с другими историко-культурными проектами автора. Еще в 1989 г. Й. Дриссен была куратором совместной российско-нидерландской выставки «Голландцы и Русские 1600–1917. Из истории отношений между Россией и Голландией»¹, с успехом прошедшей в Москве и Амстердаме. К 300-летию Великого посольства русского Амстердамский исторический музей и Государственный Эрмитаж при участии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН реализовали выставочный проект «Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства»², в котором Й. Дриссен была приглашенным куратором Амстердамского исторического музея. Следующим совместным проектом исследователей Петербурга и Амстердама, в котором Й. Дриссен принимала участие, было изучение комплекса рисунков, выполненных в 1720–1760-х годах в Петербургской академии наук со всех экспонатов Кунсткамеры³.

Комплекс переписки Альберта Себы с Робертом Арескиным, И.Д. Шумахером, Л.Л. Блюментростом, изучение которого легло в основу книги, открывает новые страницы в истории становления первого российского публичного музея, каким стала Кунсткамера в Петербурге. Й. Дриссен-ван хет Реве рассматривает деятельность Петра I и его сподвижников в контексте общеевропейских тенденций развития науки, культуры и музеев в частности. Концепция автора оригинальна и будет несомненно интересна всем, кто занимается изучением истории взаимодействия европейской и русской культуры в период реформ Петра I.

1 Дриссен Й. Голландцы и русские. 1600–1917. Из истории отношения между Россией и Голландией: Каталог выставки. 's-Gravenhage; Amsterdam, 1989; на нидерландском яз. см.: *Driessen Jozien J. Russen en Nederlanders. Uit de betrekkingen tussen Rusland en Nederland 1600–1917: Tent. cat. Rijksmuseum. 's-Ravenhage; Amsterdam, 1989.*

2 Каталоги выставок: Peter de Grote en Holland. Culturele en wetenschappelijke betrekkingen tussen Rusland en Nederland ten tijde van tsaar Peter de Grote / Red. R. Kistemaker, N. Kopaneva, A. Overbeek. Bussum; Amsterdam, 1996; Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства: Каталог выставки. СПб., 1996. Был издан также сборник научных трудов по результатам исследований, проведенных в ходе подготовки выставок: Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / Ред. Н. Копанева, Р. Кистемакер, А. Овербек. СПб., 1997.

3 «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760 / Науч. ред. Р.Е. Кистемакер, Н.П. Копанева, Д. Мейерс, Г.В. Вилинбахов. СПб., 2003. Т. 1.; СПб., 2004. Т. 2. На англ. яз.: The paper museum of the Academy of Sciences in St Petersburg c. 1725–1760. Introduction and interpretation / Red. R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers, G.V. Vilinbakhov. [Amsterdam], 2005.

Как научный редактор, считаю необходимым заметить, что ряд положений в исследовании Йозин ван хет Реве представляется мне спорным. Если европейские реалии привлекаются автором книги довольно широко, то, на мой взгляд, нельзя этого сказать об осмыслении характера и своеобразия русской культуры накануне реформ Петра I. Так, автор придерживается концепции, идущей еще от европейской историографии XVIII в., о предпетровской России как стране культурно неразвитой. Тогда такая позиция использовалась дипломатами, литераторами и журналистами с политическими целями скорее как художественное средство и нужна была для создания образа Петра I как преобразователя страны. Справедливости ради надо отметить, что и сегодня довольно многие ученые продолжают следовать этой традиции как в российской историографии, так и в целом в мировой исторической науке. Но есть другая позиция, на мой взгляд, более объективная и менее ангажированная, которая наиболее четко выражена в работе А.М. Панченко «Русская культура в канун петровских реформ»⁴.

Одним из центральных героев исследования Й. ван хет Реве является Иоганн Даниель Шумахер, несомненно сыгравший в создании Кунсткамеры и в истории Петербургской академии наук важную роль. Эта роль многие десятилетия оценивалась негативно. Попытки объективно подойти к оценке деятельности Шумахера были сделаны уже в наше время в работах Ю.Н. Столярова⁵, В.П. Леонова⁶, Е.А. Савельевой⁷. Высоко оценивая роль Шумахера, Библиотека Российской академии наук даже учредила премию имени Иоганна Даниеля Шумахера в области библиотковедения для сотрудников БАН. Для Йозин ван хет Реве Шумахер — одна из важнейших фигур не только в истории Кунсткамеры, но и в создании в Петербурге Академии наук. На мой взгляд, здесь требуется уточнение: Шумахер был прекрасным исполнителем, но вряд ли есть основания приписывать ему, как это часто делает автор книги, инициативную роль в первые годы создания и деятельности Академии наук.

Книга Йозин ван хет Реве познавательна, интересна, она волнует, вызывает желание то соглашаться, то эмоционально спорить с автором. Йозин ван хет Реве показала, как мало еще используется такой источник, как ученая и частная корреспонденция тех, кому мы обязаны созданием первого российского публичного музея. После прочтения книги становится понятно, сколько еще предстоит сделать, чтобы история Кунсткамеры стала органичной частью истории российской и европейской культуры и науки.

Н.П. Копанева

4 «Русская культура в канун петровских реформ / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1984. См., например, также: Очерки русской культуры XVII в. М., 1979; *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; *Бусева-Давыдова И.Л.* Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008.

5 *Столяров Ю.Н.* Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер. (К 300-летию со дня рождения) [1990] // *Столяров Ю.Н.* Избранное. 1960–2000 гг. / Рос. гос. б-ка. М., 2001. С. 473–491.

6 *Леонов В.П.* Судьба библиотеки в России: Роман-исследование. СПб., 2000. С. 125–221.

7 *Савельева Е.А.* Иоганн Даниель Шумахер и библиотека Академии наук // Петербургская академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. Т. 1. С. 82–89.

Введение

Мы считаем, что наши описания точнее, чем у древних, которые основывались в основном на сообщениях других людей. Не будем перечислять ошибки этих великих. Мы хотим только предупредить читателя, что наши наблюдения расходятся с их утверждениями. Мы описываем нашего медведя и не пишем, что у медведей с каждой стороны по 52 ребра.

Клод Перро (1613–1688)

В 1700 г. Россия была преимущественно аграрной страной, в культурном отношении изолированной от внешнего мира. Русским не разрешалось выезжать за границу. Поэтому русские архитекторы, музыканты, ювелиры или иконописцы не могли черпать идеи за пределами России. В остальной части Европы в это время в искусстве уже применялись новые принципы: в живописи — приемы, заимствованные у итальянских художников, в музыке — полифонизм, в гражданской архитектуре — классицизм. Все эти общеевропейские течения в искусстве проникли, например, в соседнюю с Россией Польшу, но не в Россию.

До 1700 г. в России не было культуры светской печатной книги, в том смысле, что здесь не издавались светские книги. Возродившийся в Европе интерес к культуре греков и римлян прошел мимо России. С европейской культурой соприкасался лишь узкий круг российской элиты. Эти россияне общались с иностранцами, приезжавшими в Россию на долгое время и привозившими с собой свои коллекции картин, рисунков и гравюр, библиотеки и всевозможные мелочи. Для многих из этих иностранцев их временное место жительства становилось новым отечеством. Кроме того, высокопоставленные особы, составлявшие совсем узкий круг, получали дары от иностранных послов, например шпалеры с изображением римских героев, альбомы с гравюрами по знаменитым картинам, земные и небесные глобусы, атласы с видами городов, изображениями знаменитых зданий и картами, а также семена и черенки экзотических растений, модели кораблей, кареты. Этими случайными явлениями культурного импорта дело и ограничивалось.

Иностранцы, работавшие в России, привозили с собой свои знания, которые были очень важны в стране, стремившейся к тому, чтобы другие европейские страны считались с ее военной мощью. Военные, знавшие математику, врачи с университетским образованием, химики, умеющие изготавливать свинцовые белила, заводчики, производящие железо, оружейники, литейщики пушек, строители мельниц, ткачи, производящие материю для военной формы, аптекари,

типографы и печатники, специалисты по каналам и портам, судостроители, садовники, художники, граверы, библиотекари, переводчики, дипломаты, музыканты, стеклодувы и, наконец, просто ученые уезжали по различным причинам¹ со своей родины и оседали в России на короткое или долгое время. Но иностранцам приходилось много платить. Петр I (1672–1725), царь-реформатор, искал другие пути.

Россия стремилась избавиться от отсталости в области науки и техники. Для этого Петр решил сам отправиться «на разведку» в Западную Европу. До отбытия в свое европейское путешествие в 1696 г. он, русский царь, христианский монарх, одержал победу над турками, чем вызвал большое уважение в Европе. Экспансия ислама волновала всю Европу: турецкие войска уже были на подступах к Вене. Благодаря взятию Азовской крепости, для чего использовались первые в России военные корабли, построенные с помощью иностранных специалистов, это едва заметное в военном отношении государство на границе христианского мира заняло достойное место на политической карте Европы.

Петр был первым русским царем, покинувшим пределы своей страны. При нем была печать, на которой он велел выгравировать чрезвычайно характерную надпись: «Аз бо емь в чину учимых и учащих мя требую». К тому моменту, когда этот 26-летний огромного роста мужчина собрался в путешествие по Европе, он уже научился у живших в Москве иностранцев всему, чему они могли научить. О том, что царь находится за границей, знал лишь узкий круг доверенных лиц, державших это в глубочайшей тайне. В Риге Петр впервые увидел заспиртованную ящерицу, близ Харлема осмотрел крестьянское хозяйство; он побывал на заседании Генеральных штатов в Гааге, посетил множество кунсткамер со всевозможными коллекциями в Оксфорде, Берлине, Дрездене и Амстердаме, видел художественные собрания английского короля Вильгельма III (1650–1702) в Кенсингтонском дворце в Лондоне, монетный двор в Тауэре, обсерваторию в Гринвиче и ботанический сад в Амстердаме. Ко всему он проявлял безграничное любопытство, свойственное самоучкам.

В Москве Петр уже в юные годы освоил азы военного искусства, а затем в Архангельске искусство мореплавания. Взрослым он закончил свое образование в Голландии и Англии, где с марта 1697 г. по май 1698 г. прошел множество курсов продолжительностью от одного дня (например, курс гробовщика в Лондоне) до нескольких месяцев (курс корабельного плотника в Амстердаме). Он знакомился с парламентами и бургомистрами, с больницами, приютами для сирот и бедняков, посещал синагоги и церкви всевозможных вероучений. Он осматривал коллекции растений, животных и минералов, присутствовал при демонстрациях физических опытов. Царь-ученик вернулся в Москву после того, как получил

¹ Некоторые из этих иностранцев уезжали от безработицы (например, Кист, кузнец из Заандама), другие искали возможности для карьерного роста (как адмирал Крюйс, экипажмейстер из Амстердама), третьи убежали от наказания за убийство (Остерман, студент-юрист из Бохума, убивший своего сотоварища; в России он достиг поста премьер-министра), многие просто искали новые возможности.

образование практически во всех областях науки и искусства, от астрономии, анатомии и хирургии до гравировального искусства и искусства чеканить монеты, которые нельзя было обрезать. Он гордился приобретенными знаниями и навыками, доказательством чему служит то, что по возвращении в Россию он заботливо хранил все свои инструменты и полученные свидетельства.

Вернувшись из Европы, Петр решил обучить своих подданных всему тому, чему научился сам. Для этого он учредил в Москве два высших учебных заведения технической направленности: Школу математических и навигацких наук (Навигацкая школа) и школу для горных инженеров при Берг-коллегии; через пять лет и школу с госпиталем по подготовке профессиональных хирургов и лекарей. Иностранцы специалисты, которых он брал на службу, теперь подписывали контракты о том, что обязуются обучать своему мастерству русских учеников. Чтобы получить возможность шире использовать богатства своей страны, Петр отправлял экспедиции в самые отдаленные области, где исследователи собирали растения и животных и расспрашивали местное население об их умениях и навыках. Он покупал целые библиотеки и коллекции за границей, чтобы дать образование своим подданным. Россия получила возможность знакомиться с новыми идеями, смотреть на мир собственными глазами и сравнивать. Петр I дал своим подданным разрешение, точнее сказать, поручение удовлетворить свое любопытство в отношении остальной части мира.

Кунсткамера Петра I стала в России центром, где были собраны знания о мире. Две самые большие коллекции, купленные Петром для Кунсткамеры, прибыли в Россию из Амстердама. Своему центру знаний Петр придал государственный статус. Для ведения исследовательской работы ученым других стран было предложено стать членами Академии наук. Эта книга рассказывает о первых годах существования Кунсткамеры Петра Великого и об основании Академии наук, сопровождавшемся импортом европейской науки и культуры, причем импорт из Голландии играл большую роль.

Исследование

Письма, недавно обнаруженные в Санкт-Петербурге, дают подробную картину того, как именно создавались Кунсткамера и Академия наук.

Сотрудница Амстердамского исторического музея Рене Кистемакер² и автор настоящей книги нашли эти письма случайно. Оказалось, что в них содержатся богатейшие сведения о приобретении Петром I коллекции, которую собрал амстердамский аптекарь Альберт Себа (1665–1736), а также коллекции натуралий и анатомических препаратов, которую на протяжении всей своей жизни составлял анатом Фредерик Рюйш (1638–1731). Переписка по поводу этих приобретений хра-

2 Рене Кистемакер, глава музейного отдела, приехала в 1991 г. в Петербург вместе с автором этой книги в рамках подготовки большой выставки «Мир на расстоянии вытянутой руки», посвященной голландским коллекциям редкостей в период 1585–1735 гг., которая планировалась на лето 1992 г. в Амстердамском историческом музее.

нится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук и ранее не исследовалась. Письма проливают свет на то, каким образом происходил культурный импорт в Россию в начале XVIII в. и какие он имел последствия.

Поскольку цель моей работы в архиве состояла в том, чтобы определить сегодняшнее местонахождение музейных объектов, поступивших в Кунсткамеру из амстердамских коллекций, я шла обратным путем. Вместо того чтобы начать с чтения научной литературы об исследуемом предмете, я уделяла все время изучению писем. Я была поражена объемом голландского вклада в русскую культуру в первой четверти XVIII в. Я не верила своим глазам и никак не ожидала, что обнаружу столько контактов между основателями Кунсткамеры и Академии наук и голландцами. Я боялась пасть жертвой «мелкодержавного шовинизма», переоценив весомость голландского влияния. Ведь общепризнанной считается версия, что своими корнями Российская академия наук уходит в немецкую науку, поскольку первыми членами академии были не голландцы, а немцы³. Я немного успокоилась, раскрыв за несколько дней до конца моего первого пребывания в Петербурге книгу, написанную унтер-библиотекарем и хранителем Кунсткамеры И. Бакмейстером, и прочитав следующее: «Сие наше хранилище должно началом своим Государю Императору Петру Великому [...] Город Амстердам положил под оное, так сказать, основание»⁴.

Письма в архиве представляют собой деловую переписку амстердамца Альберта Себы с царским лейб-медиком Робертом Арескиным (1677–1718) и его секретарем Иоганном Даниэлем Шумахером (1690–1761) начиная с 1715 г. Переписка велась с большой регулярностью, однако не все письма дошли до нас. В Петербурге сохранялись не только письма от Себы, но и черновики/отпуска отправленных ему ответов. Эти ответы, написанные в основном Шумахером, иногда Арескиным, содержатся в делах исходящей корреспонденции. Примечательно, что Шумахер оставлял у себя черновики/отпуска писем не только к Себе, но и к своему начальнику, лейб-медику Арескину, который большую часть времени находился за пределами Петербурга, сопровождая царя в его военных походах и путешествиях. Благодаря этому у нас есть возможность увидеть, какими мотивами руководствовалась русская сторона при покупке голландских коллекций.

После смерти Арескина в 1718 г. его преемник Лаврентий Блюментрост (1692–1755) и Иоганн Даниэль Шумахер начинают приготовления к созданию Академии наук в Санкт-Петербурге и ведут переписку о приобретении новых коллекций. Они переписываются среди прочих с врачом Германом Бургаве (1668–1738), лейденским физиком В. Гравезандом (1688–1742), мастером по физическим приборам и инструментам Иоганном Мушенбруком (1687–1748), садовником и тор-

3 *Donnert E. Sankt-Petersburg. Eine Kulturgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 2002. S. 16–17; Bucher G. Die Russische Akademie der Wissenschaften – Gründung und Anfangsjahre // Palast des Wissens. Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des Groszen / Red. B. Buberl, M. Dückerhoff. München, 2003. T. 2. S. 248–257.*

4 *Бакмейстер И.Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-петербургской имп. Академии наук / Пер. с фр. яз. Василия Костыгова. [СПб.], 1779. С. 107.*

говцем картинами Питером де ла Куром ван дер Воортом (1664–1737) и книготорговцем Пьером ван дер Аа (1659–1733).

Большинство писем написаны по-немецки, некоторые по-французски или по-голландски, и только одно-единственное письмо по-русски. Это копия письма Петра I, в котором он указывает отдать «аптекарю Себе» деньги для оплаты «анатомических вещей» и «сферы», то есть небесного глобуса, купленного в Париже⁵. Из этого письма становится понятно, что Петр вникал во все детали приобретения экспонатов для Кунсткамеры. И так было не только с Кунсткамерой. Этот царь вникал во все. Даже находясь в военном походе, он вносил правку в русские переводы учебников по техническим наукам или высказывал свое мнение о привезенных из Амстердама новых русских литерах для печати книг «гражданским шрифтом». Например, он приказал, чтобы в Амстердаме заказали другие точки над буквой *ŕ*. Кроме указанной копии с царского письма в исследуемой переписке больше писем царя или к царю не оказалось. Поэтому роль Петра при покупке амстердамских коллекций, а также при основании Кунсткамеры и Академии наук освещается лишь вскользь.

Обнаружение архивных документов

Научные сотрудники Амстердамского исторического музея обнаружили письма, когда просматривали документы, упомянутые в публикации по истории Кунсткамеры Олега Яковлевича Неверова, сотрудника Государственного Эрмитажа⁷. Одно из упомянутых О.Я. Неверовым писем Альберта Себы было переплетено вместе с множеством других в общий толстый том. Оказалось, что в этом томе имеется еще множество писем Себы, на которые у О.Я. Неверова не было ссылок. Если использованные Неверовым письма были написаны аккуратным почерком по-французски, то остальные — скорописью по-немецки и сначала казались не поддающимися расшифровке. В картотеке архива обнаружили еще две ссылки на письма Себы, а именно карточка с указанием письма А. Себы Р. Арескину 1711 г.: «фонд 120, опись 1, № 164»⁸, и указание «Письма Себы члену Академии наук мед. докт. Амману: разряд I, опись 74 а, № 23, 1732–1735».

5 Петр I неизвестному корреспонденту. 25 августа 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 85–86. Текст приводится ниже.

6 *Driessen Jozien J. Het burgerschrift van Peter de Grote // Cyrillische letterkunde. Bijdragen over de geschiedenis, uiterlijk en bruikbaarheid van het Russische alfabet / Red. M. Delemarre, H. Kruyzen, I. Velding, V. Wintermans. Rotterdam, 1993. P. 39–64.*

7 *Neverov O.Ya. "His Majesty's Cabinet" and Peter's Kunstammer // The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in Sixteenth- and Seventeenth-Century Europe / Ed. by O. Impey, A. MacGregor. Oxford, 1985. P. 54–61.* Доклад О.Я. Неверова на одноименном симпозиуме в июле 1983 г. по случаю 300-летия Эшмолеанского музея искусства и археологии в Оксфорде был прочитан не им самим, а председателем, так как дирекция Эрмитажа, где работал Неверов, не хлопотала о его выездной визе в Великобританию, как мне рассказал Артур Макгрегор.

8 Это письмо было опубликовано Джоном Эппелби: *Appleby J.H. Robert Erskine — Scottish pioneer of Russian natural history // Archives of Natural History. 1982. No. 10 (3). P. 384.*

За три месяца автор этой книги выявила и переписала от руки несколько десятков неизвестных ранее писем, которые были переплетены вместе с другой корреспонденцией в шести разных томах; все они относились к самому началу организации науки в России, ко времени, предшествовавшему основанию Академии наук в 1724 г. С помощью этих писем удастся точно установить, когда основатели Академии наук начали готовиться к ее созданию.

Первые два черновика исходящих писем, адресованные господам Шахеру и Шейхцеру, датированы 1713 г.⁹ Эти самые ранние письма были вклеены в том Ф. 1. Оп. 3. Д. 2, содержащий черновики исходящих писем за 1713–1727 гг. В нем нет черновиков, датированных 1714 г., а 1715 г. представлен лишь двумя письмами. В одном из них Шумахер пишет Арескину о том, что он привез «8 caises de livres aux casernes» («8 ящиков писем из казарм»): важное приобретение для недавно основанной библиотеки! Это письмо датировано 29 июля 1715 г.; как и вышеназванные письма за 1713 г., оно вплетено в том. Но после этого письма черновики сохраняются уже системно. Шумахер пишет черновики писем на переплетенных и пронумерованных листах формата ин-кварто. На л. 2 находится первое такое письмо: от Шумахера к Арескину от 12 августа 1715 г. С этого времени и начинается подготовка того, что через десять лет вырастет в Академию наук.

Что уже было известно

Тому, кто хочет узнать больше об Альберте Себе, одном из главных действующих лиц нашей книги, следует для начала прочитать его краткую биографию, написанную Х. Энгелом¹⁰. Книга содержит список литературы, занимающий пять страниц, и исчерпывающий перечень архивных материалов. Автор собрал множество сведений о приключениях приобретенной у Себы коллекции в России. Однако письма Себы, хранящиеся в Архиве Академии наук в Петербурге, ему были неизвестны. Исследовательница Флоренс Питерс в статье, опубликованной в сборнике «Het verdwenen museum» («Исчезнувший музей»)¹¹, показала, насколько велико было значение четырехтомного каталога коллекции Себы для науки, в частности при разработке принципов систематизации животного мира шведом Карлом Линнеем (1707–1778). Кроме того, она проследила судьбу препаратов Себы, попавших во Францию и в Германию.

О Петре I написано множество исследований. Но лишь некоторые иностранные работы недавнего времени, обзор которых будет дан ниже, более или менее подробно описывают ширококомасштабный культурный импорт, происходивший в Петровскую эпоху. Первая современная биография Петра I, уделяющая внима-

9 Иоганн Якоб Шейхцер (1672–1733) был швейцарским знатоком окаменелостей, врачом и куратором кунсткамеры в Цюрихе, богатой собраниями натуральных. Поликарп Готлиб Шахер (1674–1737) был врачом в Лейпциге.

10 Engel H. The life of Albert Seba // Svenska Linné-Sällskapets Årsskrift. 1937. No. XX. P. 74–100.

11 Pieters F. Het schatrijke naturalienkabinet van stadhouder Willem V onder directoraat van topverzamelaar Arnout Vosmaer // Het verdwenen museum / Red. B.C. Slingers, M.H. Besselink. Blaricum; Haarlem, 2002. P. 19–44.

ние не только политической и экономической истории, но и истории культуры (на основе новых архивных материалов), — это вышедшая в 1988 г. в Лейпциге книга Эриха Доннерта¹². Треть своей книги он посвящает происходившим при Петре изменениям в области культуры. В Англии исследовательница Петровского времени Линдси Хьюз, опираясь на новые источники, детально рассматривает культурный аспект исторических событий в книгах «Софья, регент России», о старшей единокровной сестре Петра, и «Россия в эпоху Петра Великого»¹³.

В последнее время в России и Нидерландах появились исследования об иностранных купцах в России. Ян Виллем Веловенкамп описал в 2000 г. житье-бытье купцов, в первую очередь голландских, в Архангельске¹⁴. В.Н. Захаров издал в Москве потрясающе богатое информацией исследование о западноевропейских купцах в России в эпоху Петра, в полной мере пользуясь либеральным для исторической науки климатом, царившим в 1996 г.¹⁵

В.Ф. Левинсон-Лессинг, автор истории картинной галереи Эрмитажа, описал подробно и с хорошим знанием дела культурную составляющую первой поездки Петра I за границу. Он использовал архивные материалы и дневник одного из спутников Петра. В.Ф. Левинсон-Лессинг особо подчеркивал научный характер экспонатов в Петровской Кунсткамере¹⁶. История Кунсткамеры Петра Великого, написанная Т.В. Станюкович в 1953 г. еще при Сталине, — это важнейшее исследование¹⁷, которое могло выйти в свет только при условии приспособления текста к идеологическим требованиям того времени. Темы, связанные с историей Академии наук, хорошо разработаны в двух основательных трудах Эдуарда Винтера, историка из ГДР¹⁸. В Восточном Берлине, расположенном от Москвы дальше, чем Ленинград, он имел возможность по заслугам оценить деятельность иностранцев в Петербурге в XVIII в. Вместе с ленинградской исследовательницей Ю.Х. Копелевич Винтер издал письма молодых ученых, работавших в Академии наук в Петербурге. Публикации самой Ю. Копелевич по истории Академии наук описывают Кунсткамеру как центр российской науки. Ее книга «Основание Академии наук в Петербурге»¹⁹, вышедшая по-русски, в сильно сокращенном варианте была

12 *Donnert E. Peter der Grosse. Leipzig, [1988].*

13 *Hughes L. Sophia, regent of Russia. 1657–1704. L., 1990; Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. L., 1998.*

14 *Veluwenkamp J.W. Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785. [Amsterdam], 2000.*

15 *Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.*

16 *Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1985.*

17 *Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953.*

18 *Winter Ed. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953; Briefwechsel Leonhard Eulers / Hrsg. und eingeleitet von A.P. Juškevič und E. Winter unter Mitwirkung von P. Hoffmann und Ju.Ch. Kopelevič. Berlin, 1959–1976. 3 Bd.*

19 *Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977; Kopelevich Ju.K. The creation of the Petersburg Academy of Sciences as a new type of scientific and state institution // Cross A.G. Great Britain and Russia in the eighteenth century: contacts and comparisons. Newtonville (Mass.), 1979. P. 204–211.*

издана также по-английски. В относительно либеральный период, сразу после Второй мировой войны, А.И. Андреев в качестве редактора подготовил сборник статей «Петр Великий», в который вошла его важная статья об основании Академии наук²⁰. Однако вскоре после публикации книги против Андреева возбудили дело, по которому он обвинялся в «преклонении перед Западом». А.И. Андреев был уволен из Историко-архивного института (Москва) и переехал в Ленинград²¹.

В 1970, 1973 и 1976 гг. С.П. Луппов опубликовал в Ленинграде в трех томах результаты своих архивных исследований по истории русской книги, соответственно, в XVII в., в эпоху Петра и в период вскоре после смерти Петра²². Н.А. Копанев издал новый оригинальный материал, в частности о важном контактном лице библиотеки при Кунсткамере в Голландии книготорговце Пьере ван дер Аа, а также статью, в которой показывает, что знаменитая «Энциклопедия», важнейшая веха европейского Просвещения, могла быть напечатана не во Франции, а в России при поддержке Петра, соответственно, на пятьдесят лет раньше²³.

Американский историк Джеймс Крейкрафт издал в 1988, 1997 и 2004 гг. три книги, соответственно, об архитектуре, искусстве и культуре Петровской России. При написании первых двух книг он в большой мере опирался, по его собственному признанию, на советские исследования, страдавшие ярко выраженной идеологической окраской: чувство патриотизма не позволяло историкам и искусствоведам интересоваться тем периодом, когда в Россию приехали работать иностранцы, а затрудненный для советских ученых выезд за границу мешал им заметить иностранное культурное влияние²⁴. Например, в научной литературе о памятных медалях в честь деяний Петра Крейкрафт обнаружил указание на влияние медалей в честь побед французского короля Людовика XIV (1638–1715), штатгальтера-короля Вильгельма III и Иосифа I Венгерского (1678–1711). Однако в литературе о серии пропагандистских гравюр, выполненных Адрианом Шхонебеком (1657/1658–1705), Питером Пикартом (1668/1669–1737) и Алексеем Зубовым (1682–1751), подобных ссылок на европейский опыт он не нашел²⁵.

20 Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сб. ст. / Ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1947. С. 285–333; Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Там же. С. 63–103.

21 Копанева Н.П. К биографии А.И. Андреева // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 314–324.

22 Луппов С.П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970; Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Л., 1976.

23 Копанев Н.А. Голландский издатель П. ван дер Аа и Библиотека Петербургской Академии наук // Книга в России XVIII — середине XIX в. / Из истории Библиотеки Академии наук / Ред. А.А. Зайцева, Н.П. Копанева, В.А. Сомов. Л., 1989. С. 42–51; Копанев Н.А. «Энциклопедия» в России (новые материалы) // Книга в России в эпоху Просвещения / Отв. ред. А.А. Зайцева. Л., 1988. С. 169–182.

24 Cracraft J. The Petrine revolution in Russian architecture. Chicago, 1988. P. 16.

25 Ibid. P. 270. Впрочем, Крейкрафту никто не указал на то, что петровская программа пропаганды с помощью гравюр была заимствована у французского короля Людовика XIV

В Нидерландах коллективная монография «Een sieraad voor de stad» («Украшение для города») об истории амстердамского ботанического сада «Хортус Ботаникус» дает точное представление о том, какую выгоду город извлекал в эпоху Петра I из хорошо организованной научно-исследовательской деятельности²⁶.

Англичанин Джонатан Израэль обрисовал культурный климат, царивший в Голландии²⁷ и во всей Европе²⁸ в то время, когда Петр I приехал в Европу. С европейской культурой молодой царь познакомился в Немецкой слободе под Москвой еще в юные годы. Израэль описывает, насколько разветвленным было влияние «радикального» Просвещения, охватившего пространство от Лиссабона до Санкт-Петербурга. Он показывает, как широк был круг простых бюргеров, участвовавших в дебатах, в ходе которых они учились мыслить самостоятельно.

В последние годы вышло много книг по истории коллекционирования в раннее Новое время²⁹. Еще в 1970 г. Барбара Балсигер защитила диссертацию, состоящую из прекрасного введения в коллекционирование и обстоятельно прокомментированных каталогов коллекций из Германии, Франции и Англии в период 1565–1750 гг.³⁰ Ульрика Штайервальд написала основательное теоретическое исследование о пользе и необходимости приобретения монархом библиотек и коллекций ради поощрения занятий современными науками. В центре ее исследования находились идеи Лейбница (1646–1716) о практическом использовании знаний³¹. Пауль Раабе издал сборник статей о библиотеках Раннего Нового вре-

и штатгальтера Нидерландов Вильгельма III (будущего короля Англии). Р.Г. Григорьев, хранитель отдела эстампов в Эрмитаже, обнаружил медные доски, которые гравер Шхонебек привез с собой в Россию из Амстердама, когда Петр принял его на работу. Это были доски, гравированные учителем Шхонебека Ромейном де Хооге, пропагандистом Вильгельма, на которых какой-то русский ученик Шхонебека стер голову Вильгельма III и заменил ее на голову Петра, как это нередко делал и сам Ромейн де Хооге для некоторых своих заказчиков. Р.Г. Григорьев был вынужден вычеркнуть рассказ об этом открытии из текста своей диссертации, так как он противоречил догме еще сталинского периода о том, что русские сами научились все делать раньше и лучше, чем иностранцы. Научный руководитель Р. Григорьева продолжал вопреки всему утверждать, что не только голову, но и лошадь, и туловище выполнил русский ученик (дружеский рассказ Романа Григорьева).

26 *Wijnands D.O., Zevenhuizen E.J.A., Heniger J.* Een sieraad voor de stad. De Amsterdamse Hortus Botanicus 1638–1993. Amsterdam, 1994.

27 *Israel J.I.* The Dutch republic. Its rise, greatness, and fall 1477–1806. Oxford, 1995.

28 *Israel J.I.* Radical enlightenment. Philosophy and the making of modernity 1650–1750. Oxford, [2002].

29 Хорошую библиографию можно найти во введении (на нидерландском языке) к учебнику Открытого университета (Нидерланды): *Verzamelen. Van rareitienkabinet tot kunstmuseum* / Red. E. Bergvelt, D.J. Meijers en M. Rijnders. Heerlen; Houten, 1993. В каталоге выставки «Век великолепия» в Художественном музее при Дартмутском колледже в г. Гановере, штат Нью-Гэмпшир, США, также дана прекрасная библиография: *The age of the marvellous. Hanover*, 1991.

30 *Balsiger B.J.* The Kunst- und Wunderkammern. A catalogue raisonné of collecting in Germany, France and England 1565–1750. Thesis University of Pittsburg. 1970.

31 *Steierwald U.* Wissen und System. Zu Gottfried Wilhelm Leibniz' Theorie einer Universalbibliothek. Köln, 1995.

мени в Европе, в которых большинство авторов объясняет наблюдавшуюся в XVII и XVIII вв. тесную связь между библиотеками и кабинетами редкостей тем, что те и другие выполняли функцию научно-исследовательских учреждений³². Важным многотомным изданием стали четыре выпуска описания готторпской кунсткамеры³³, которая послужила одним из образцов для Кунсткамеры Петра. С помощью старых каталожных описей авторы создают картину состава коллекций. О более поздней, учебной, более скромной по объему кунсткамере в Галле при школах Августа Германа Франке, поддерживавших тесные отношения с Санкт-Петербургом, недавно написал исследование Томас Й. Мюллер-Бальке³⁴.

В 1995–1996 гг. российско-нидерландская рабочая группа³⁵ постаралась выявить максимальное число предметов из коллекции Альберта Себы в петербургских музеях в рамках подготовки к выставке «Петр и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого», проходившей в июне 1996 г. в Эрмитаже и в декабре 1996 г. в Амстердамском историческом музее³⁶. Несколькими годами раньше, в 1992 г., выставка во Дворце Меншикова, подготовленная сотрудником Государственного Эрмитажа О.Я. Неверовым, привлекла внимание к весьма значительной, хоть и небольшой по объему части коллекции Себы, попавшей в Эрмитаж, а именно к художественным предметам³⁷.

Большим вкладом в изучение истории голландских коллекций стали статьи, написанные по случаю выставки в Амстердамском историческом музее «De wereld binnen handbereik» («Мир на расстоянии вытянутой руки»), основанной на первом глубоком исследовании данного предмета³⁸. Коллекционирование рассматривает-

32 Öffentliche und Private Bibliotheken im 17. und 18. Jahrhundert: Raritätenkammern, Forschungsinstrumente oder Bildungstätten? / Red. P. Raabe. Bremen: Wolfenbüttel, 1977.

33 Gottorf im Glanz des Barock. Kunst und Kultur am Schleswiger Hof 1544–1713. Kataloge der Ausstellung zum 50-jährigen Bestehen des Schleswig-Holsteinischen Landesmuseums auf Schloß Gottorf und zum 400. Geburtstag Herzog Friedrichs III. 4 dln / Red. H. Spielmann, J. Drees. Bd. I. Die Herzöge und ihre Sammlungen / Red. U. Kuhl. Bd. II. Die Gottorfer Kunstammer. Bew. und comm. Mogens Bencard e.a. Bd. III. Schleswig-Holsteinisches Landesmuseum, Renaissance und Barock / Red. B. Doering. Bd. IV. Felix Lühning, Der Gottorfer Globus und das Globushaus im 'Newen Werck': Dokumentation und Rekonstruktion eines frühbarocken Welttheaters. Schleswig, 1997.

34 Müller-Bahlke Th.J. Die Wunderkammer. Die Kunst- und Naturalienkammer der Franckeschen Stiftungen zu Halle (Saale). Saale, 1998.

35 Работа российских историков велась при поддержке Нидерландского научно-исследовательского фонда NWO.

36 В Петербурге к этой выставке были приурочены два издания: Петр и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого: Сб. ст. / Ред. Н.П. Копанева, Р. Кистемакер, А. Овербек. СПб., 1997; Петр и Голландия. Русско-голландские художественные и научные связи. К 300-летию Великого посольства: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 1996.

37 Неверов О.Я. Из коллекции Петровской Кунсткамеры: Каталог выставки. СПб., 1992.

38 De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1992.

ся в статьях этого сборника как серьезный вклад в развитие науки, и роль коллекционеров в расширении знаний оценивается по заслугам. При интерпретации корреспонденции Себы в рамках моего исследования особенно важны были статьи двух голландских авторов: Яна ван дер Ваалса и одного из инициаторов выставки Яапа ван дер Вейна. Ян ван дер Ваалс провел в Петербурге пилотное исследование, предшествовавшее выставке «Петр и Голландия», изучив рисунки экспонатов Кунсткамеры, выполненные в 1725–1760 гг. Он просмотрел все рисунки, снабдил их комментарием и сравнил со списком коллекции Себы (см. приложение II). По инициативе Рене Кистемакер, главы музейного отдела Амстердамского исторического музея, было проведено глубокое и всестороннее исследование рисунков и изображенных на них экспонатов. Рене Кистемакер руководила этим проектом, проводившимся при поддержке фонда NWO, вместе с Деборой Мейерс из Института искусствоведения Амстердамского университета, Н.П. Копаневой (в то время работала в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, ныне — сотрудник МАЭ РАН) и Г.В. Вилинбаховым (Государственный Эрмитаж). Работа над проектом «Нарисованный музей» шла параллельно с моей работой над данной книгой. Многие мои открытия пригодились его участникам и я, в свою очередь, тоже смогла воспользоваться их находками³⁹.

Содержавшийся в первой версии моей книги материал был отчасти использован Люком Коймансом при работе над биографией Рюйша⁴⁰. С моей стороны, чтение рукописи Л. Койманса в качестве коллеги-консультанта помогло мне лучше понять тот научный контекст, в котором Рюйш создавал свои препараты, а именно общее увлечение исследованием движения жидкостей в организме. Из книги Л. Койманса о Рюйше я почерпнула несколько дополнительных фактов, прояснивших картину взаимоотношений Себы и Рюйша.

После изучения перечисленной литературы и множества других публикаций о рассматриваемом периоде мне стало ясно, что переписка между Альбертом Себой и окружением Петра I представляет собой новый богатый источник информации о становлении российской науки.

Методика работы

После обсуждения с комиссией, состоявшей из Рене Кистемакер (старшего консультанта по научным исследованиям, Амстердамский исторический музей), Бруно Наардена (профессора по русской истории, Амстердамский университет)

³⁹ «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760 / Науч. ред. Р.Е. Кистемакер, Н.П. Копанева, Д. Мейерс, Г.В. Вилинбахов. СПб., 2003. Т. 1; СПб., 2004. Т. 2. В 2005 г. вышла англоязычная версия с диском DVD, который содержит все рисунки и их описание: The paper museum of the Academy of Sciences in St Petersburg c. 1725–1760. Introduction and interpretation / Ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J.Meijers, G.V. Vilinbakhov. [Amsterdam], 2005.

⁴⁰ Койманс Л. Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша / Пер. с нидерланд. Е. Астаховой, И. Михайловой и др. СПб., 2008.

и Хенка ван Ниропа (профессора по истории Нового времени, Амстердамский университет)⁴¹, я решила не публиковать письма полностью, но изложить их суть и снабдить комментариями. На следующем этапе под руководством Бруно Наардена и Рене Кистемакер мой отчет об архивном исследовании был переработан в книгу.

Книга содержит не только результаты, полученные при изучении ранней истории Кунсткамеры и основания Академии наук, но и публикацию источников, в частности составленного Себой списка его коллекции (приложение II). Цитируемые в книге письма Альберта Себы, Иоганна Даниэля Шумахера, Роберта Арескина, Лаврентия Блюментроста, Германа Бургаве, Яна ван Мушенбрука, Питера де ла Кура ван дер Воорта и некоторых других вводятся в научный оборот впервые (за исключением одного).

Постановка проблемы

Исследование посвящено изучению вклада нидерландских коллекционеров и ученых в создание Кунсткамеры и последующее основание Академии наук, положившее начало научной деятельности в России. Это интересный случай культурного импорта и применения новых знаний. Исследование проводится в различных ракурсах, как в историко-культурном, так и в искусствоведческом, как в нидерландском, так и в русском культурном контексте. Благодаря этому основание Петровской Кунсткамеры рассматривается в качестве составной части общеевропейской истории науки.

Я начинаю с краткого описания культурного и научного климата в Нидерландах и России в годы, предшествовавшие продаже амстердамских коллекций. Чтобы лучше понять, какова была функция коллекций натуралий и физических инструментов в научной жизни того времени, далее я сравниваю различные формы организации научной деятельности в ряде стран. В этом контексте я и рассматриваю жизнь и деятельность амстердамского аптекаря Альберта Себы.

Связь между торговыми контактами Себы с Россией и импортом культурных товаров реконструируется на основе писем. Рассматривается также вопрос о том, от кого исходила инициатива покупки голландских коллекций: поставил ли русский царь с его приближенными перед собой цель импортировать из Европы знания, или научные коллекции попали в Россию случайно?

Характер и функция анатомических препаратов Рюйша описываются на основе публикаций самого ученого, что позволяет ответить на вопрос, можно ли оценивать приобретение Петром I его коллекции как серьезную попытку содействовать наукам в России.

Другой важный вопрос состоит в том, готова ли была Россия к использованию коллекций. Например, в Дании пятьдесят лет спустя привезенные издалека жи-

⁴¹ Данной комиссии был предоставлен грант от NWO, позволивший завершить настоящее исследование.

вотные и растительные препараты так долго оставались в ящиках нераспакованными, что большинство из них пришло в непригодное для исследования состояние. Эти животные и растения были собраны научной экспедицией в Аравии по приказу датского короля. Они пропали в королевском дворце, потому что никто не заботился о них⁴². Чтобы ответить на данный вопрос, следует рассмотреть, как были приняты коллекции в Петербурге, где они были размещены и по какому принципу расставлены, а также каким образом они в дальнейшем использовались в работах петербургских ученых.

Главы этой книги дают по возможности полную и точную картину стремления Петра I модернизировать Россию путем внедрения в собственной стране тех знаний, которые в Европе были доступны уже пятьдесят лет. Изучив детально, словно под микроскопом, историю приобретения Петром коллекций Себы и Рюйша, мы получаем уникальную возможность понять, каким образом Россия смогла сблизиться с Европой.

Терминология

Кунсткамерой в России называют здание, в котором в XVIII в. располагался императорский центр знаний в столице Российской империи. В Кунсткамере кроме коллекций находились также библиотека, обсерватория и анатомический театр.

Название «Кунсткамера» для возведенного в 1726 г. здания часто вызывает неверные ассоциации. Многие думают, что в *кунст-камере* должно быть представлено искусство: *kunst*. Однако тот, кто знаком с коллекциями европейских монархов XVII в., знает, что в кунсткамерах хранились не только произведения искусства, но и всевозможные редкие предметы, называемые также «редкостями» или «диковинами». В петербургской Кунсткамере имелись в первую очередь *Naturalia* — натуралии, то есть редкости природного происхождения: редкие растения, животные, минералы, анатомические препараты. Здесь можно было найти также астрономические и физические приборы и инструменты. Впрочем, в коллекции имелось также некоторое количество картин и значительное число ценных и редких предметов, произведенных человеком, в основном привезенные из Сибири, — *Artificialia* — артифициалии.

Словом «кунсткамера» обозначалось не только помещение, в котором хранилась коллекция, но и сама коллекция предметов, которые собраны воедино для изучения в их совокупности и демонстрации посетителям. Синонимами слова «кунсткамера» являются слова «кабинет» и «музей». В XVII–XVIII вв. словом «кунсткамера» стали называть даже сумму знаний в определенной области, представляемых публике. Например, новый справочник по медицине, вышедший в 1680 г., назывался «Новая кунсткамера по хирургии или медицине»⁴³.

⁴² Экспедиция в Йемен 1761–1767 гг., снаряженная датским королем Фредериком V, в которой участвовал Карстен Нибур. См.: *Hansen T. Het gelukkige Arabië. Breda, 2005. P. 199–200.*

⁴³ *Blankaart Steph. Schouburg der rupsen, wormen, maden en vliegende dierkens. Amsterdam, 1688.*

Глава I

Россия и Европа

Николаас Витсен: коллекционер посещает Москву

До Петра I ко всем, кто занимался в России искусствами и науками, относились с недоверием. Недоверие вызывали не только русские, но и жившие в России иностранцы. Несколько таких примеров приводит Николаас Витсен (1641–1717), амстердамский любитель искусств и наук. Незадолго до рождения Петра I он посетил Москву в составе голландского посольства Якоба Бореля (1630–1697). Витсен провел в Московии почти год (осень 1664 — лето 1665) и общался там со многими образованными людьми. Николаас Витсен был внуком шкипера и сыном бургомистра, а позднее и сам несколько раз избирался на пост одного из четырех бургомистров Амстердама. В Амстердаме он вращался в интернациональной среде, где высоко ценились знания о дальних краях. Любители наук, такие как Витсен, коллекционировали предметы, принадлежавшие миру природы и материальной культуре народов дальних стран. Они переписывались, посылали друг другу рисунки вещей из своих собраний. Некоторые из них издавали каталоги своих коллекций.

В ходе путешествия Витсен вел дневниковые записи¹. Его заметки тем более ценны, что он уже тогда хорошо знал, как пишутся отчеты о путешествиях в ранее неизвестные края, что именно интересует читателей и на какие вопросы они хотят найти ответ.

Витсен писал, что отец Петра, царь Алексей Михайлович, хотя сам был образованным человеком и хорошим знатоком Библии, препятствовал своим подданным овладевать знаниями или заниматься науками. Учение было запрещено, а тех, кто нарушал этот запрет, называли еретиками². Один из высокопоставленных русских, Лукьян Тимофеевич Голосов, рассказывал Витсену как благочестив царь, который «знает почти все из Священного Писания <...> питает любовь к свободным искусствам и языкам, но намеренно не дает изучать их ни своим детям, ни своим рабам»³, то есть подданным. Один из работавших в Москве врачей-иностранцев поведал Витсену, что как-то раз русские спросили у него, откуда он знает о строении человеческого тела. Когда доктор «рассказал о вскрытии трупов, они удивились и испугались: здесь подобных фактов не допустили бы. Сам царь сказал этому доктору, что не допустит подобных вещей, а если бы в его стране

1 *Николаас Витсен*. Путешествие в Московию 1664–1665. Дневник / Пер. со старогол. В.Г. Трисман. СПб., 1996.

2 Там же. С. 194.

3 Там же. С. 172.

такое случилось, то отучил бы от этого»⁴. Витсен не получил разрешения осмотреть зверинец царя Алексея Михайловича⁵. В библиотеку его, как иностранца, также не допустили, хотя и подтвердили, что там хранятся «древние книги Александра Великого»⁶. Витсен объяснял это тем, что русские боятся, как бы иностранцы не воспользовались в своих интересах теми знаниями, которые они накопили⁷. Никаких публикаций об этих знаниях не выходило. Книг в России почти не печаталось. Издавались в основном только религиозные тексты⁸.

Чтобы воспрепятствовать обмену мыслями, царь Алексей Михайлович запретил работающим в России иностранцам: мастерам разных специальностей, военным и торговцам, в частности оружием, — жить среди русских и велел им строить себе дома отдельно, за чертой города, в «немецкой слободе». Православным русским было запрещено прислуживать в домах этих безбожников, как называли христиан, не принадлежавших к православию. Царь опасался их пагубного влияния. Например, одна татарка, на которую как на мусульманку этот запрет не распространялся, стала прислугой у нидерландского купца в Москве и «знала наилучше все псалмы»⁹.

Такое стремление оградить русскую православную веру и соответствующее ей мироощущение от католических и протестантских влияний препятствовало естественному процессу накопления знаний и переходу к новым способам производства. В православной церкви не существовало интеллектуальной традиции, сравнимой с традицией западного христианства, а также не сформировалось гуманистического подхода к знаниям. Позднее Петр I, после того как поставил церковь как институт в подчиненное положение относительно государства, имел фактически полную свободу. Ему не нужно было бороться со старой наукой, так как ее просто-напросто никогда не существовало. Он мог сразу внедрять новую науку, имевшую в первую очередь практическую направленность.

Петр верит в искусства и науки

Царь Алексей Михайлович умер, когда его младшему сыну Петру не было и четырех лет. Петр с детства был противоположностью своего отца. Он с юных лет любил бывать в Немецкой слободе близ Москвы и завел дружбу с некоторыми ее обитателями. Больше всего он дружил со швейцарцами, шотландцами и голланд-

4 Николаас Витсен. Путешествие в Московию 1664–1665. Дневник. С. 105.

5 Там же. С. 129.

6 Там же. С. 107.

7 Там же.

8 Первая светская книга, напечатанная в России, была иллюстрированным руководством по ведению военных действий пехотой, причем иллюстрации к ней были заказаны в Голландии: *Вальхаузен Якоби фон*. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647. См.: 1000-летие русской художественной культуры / Под ред. А.В. Рындиной. М., 1988. С. 295, 433.

9 *Struys J.* Drie aanmerkelijke en seer rampsoedige reysen door Italien, Griekenlandt, Lijflandt, Moscovien, Tartarijen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan (...) anno 1647-... Amsterdam, 1676. В переводе на рус. яз. см.: *Стрейс Я.* Три путешествия. Рязань, 2006. С. 182.

цами, которые все были протестантами, но общался также и с одним английским генералом-католиком¹⁰. В 1682 г. десяти лет от роду Петр был коронован на царство вместе с единокровным братом Иваном (Иван V, 1666–1696), с которым должен был делить трон. В первые семь лет правительницей-регентом при малолетних царях была единокровная сестра Петра Софья (1657–1704). Став в 1696 г. — после смерти Ивана — единственным царем, Петр доказал, что не боится затронуть авторитет церкви, и в отличие от своего отца решил позаботиться о том, чтобы в его стране жили образованные подданные. Он отправил несколько десятков дворян в Европу для обучения еще до того, как сам совершил свое путешествие в Европу, — до 1697 г.

Петр немного знал голландский язык, которому научился у своих друзей-голландцев в Москве, и любил начинать письма к своим приближенным обращения «Min Her»¹¹ или «Min Her Heilige Vader»¹². Он подписывался «Piter», латинскими буквами, но латыни, языка, который позволил бы ему участвовать в актуальных дискуссиях того времени, он не знал и читать латинских книг не мог. Он с большим удовольствием пел в церковном хоре, понимал, что церковь — прекрасное средство держать народ в повиновении, но сам потешался над церковью и священниками. Он охотно устраивал шуточные церемонии в карнавальном духе с участием всех придворных и знати, во время которых резко критиковалась церковь. Аналогичная острая критика церкви имела место и в нидерландской культуре, например в 1560-е годы, незадолго до начала освободительной борьбы против испанского господства. Петр любил игры с политической подоплекой, основанные на переодеваниях и смене ролей, которые при нем стали важной частью придворной культуры.

Во введении к «Уставу морскому» 1720 г. Петр жаловался на то, что не получил хорошего образования¹³. Действительно, научившись в детстве читать, писать и петь, он в дальнейшем учился только тому, что сам считал нужным и интересным, а это были исключительно практические знания. По желанию Петра голландец Франс Тиммерман посвятил его в тайны арифметики, необходимой для расчета траекторий пушечных ядер. В Архангельске он служил на корабле и прошел все ранги до штурмана, попутно овладев основами математики и астрономии. В Амстердаме он проработал несколько месяцев на строительстве корабля для Ост-Индской компании, после чего получил аттестат из рук Клааса Яна Поола, корабельного мастера на верфи Объединенной Ост-Индской компании. Этот диплом он ценил настолько высоко, что хранил среди государственных бумаг¹⁴.

10 Это был Патрик Гордон (Patrick Gordon, 1635–1699).

11 Искаженное голландское обращение «Мой господин».

12 Искаженное голландское обращение «Мой господин святой отец».

13 Предисловие к доброхотному читателю // Книга Устав морской: О всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море. СПб., 1720.

14 РГАДА. Ф. IX. Отд. 1. Д. 28. Л. 24. Опул.: Дриссен Й.Й. Голландцы и русские. 1600–1917. Из истории отношений между Россией и Голландией: Каталог выставки. 's-Gravenhage; Amsterdam, 1989. С. 79.

Куракин и Матвеев

Некоторые ровесники Петра из числа дворян получали образование, хотя и не имели возможности учиться в университете, так как в Москве, да и во всей России университетов не было. В Европе первые университеты были основаны в конце Средних веков. Но в период регентства Софьи при младших братьях-царях (1682–1689) в Москве несколько лет просуществовала неофициальная школа, дававшая начальную научную подготовку, с программой по европейскому образцу, где впервые преподавался греческий язык. Сначала под давлением русской православной церкви руководству школы не разрешалось преподавать латынь. И только с 1687 г., когда была основана Славяно-греко-латинская академия, началось обучение латинскому языку. В академии успели получить образование более 150 студентов, в основном юноши из дворянских семей¹⁵. После обучения они имели достаточно высокий уровень знаний, чтобы поступить в университет.

Но, так как россияне не имели права покидать страну, а университеты существовали только за границей, для получения университетского образования требовалось разрешение царя. Во время правления царя Алексея Михайловича такое разрешение получали только иностранцы.

Борис Иванович Куракин (1676–1727) был на четыре года старше Петра и знал латынь. В 1697 г., через год после того как Петр взял управление государством в свои руки, Куракин был послан учиться за границу. В Италии он изучал навигацию. Позднее служил дипломатом в Риме, Лондоне, Гааге и Ганновере. С 1716 г. был постоянным представителем в Париже. Андрей Артамонович Матвеев (1666–1728) также знал латынь. В 1699 г. он стал первым постоянным послом России за границей (в первое время он в течение трех лет находился с женой и детьми в Гааге¹⁶). Матвеев был на шесть лет старше Петра. Он родился в семье ближнего боярина царя Алексея Михайловича и дома получил воспитание по европейским стандартам (его бабушка была шотландкой)¹⁷. Матвеев был единственным русским, оставившим в книге для гостей у Фредерика Рюйша в Амстердаме запись по-латыни¹⁸.

Куракин и Матвеев были исключениями из правила. Образованные русские составляли незначительное меньшинство. На протяжении длительного времени Петр насильно заставлял молодых дворян учиться читать и писать, запретив

15 *Okenfuss M.J.* The Jesuit origins of Petrine education // The eighteenth century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 106–130, 114.

16 Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев. М., 1997. С. 21–258, 144.

17 Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1904. Т. XII.

18 *Bezoekersboek (1695–1730) van professor Frederik Ruysch (1638–1631)* // Amsterdam, Bibliotheek van de Universiteit van Amsterdam. Handschrift I E 20–21. Hs I E 20, 36.

неграмотным вступать в брак. В некоторых губерниях до 60 % дворян не знали грамоты¹⁹. Впрочем, карьеру можно было сделать и без знания латыни, как мы видим по биографии Александра Меншикова.

Александр Меншиков

Александр Данилович Меншиков (1673–1729) написал в книге посетителей у Фредерика Рюйша только свое имя, но это уже немало, если верить рассказам о том, что он не умел ни читать, ни писать²⁰. Однако это не помешало ему занимать пост губернатора Петербурга с момента основания города в 1703 г. В этом качестве он следил за строительством кораблей на верфи Петербургского Адмиралтейства и на Ладог²¹. Меншиков сделал блестящую карьеру, став правой рукой царя. В четырнадцать лет он поступил на службу к Францу Лефорту (1656–1699), советнику и другу Петра I. Имя Меншикова значится в списке волонтеров, совершавших в 1697–1698 гг. поездку в Европу вместе с Великим посольством. На верфи Объединенной Ост-Индской компании в Амстердаме Меншиков одновременно с Петром получил аттестат корабельного плотника. В 1714 г. он был избран членом Лондонского королевского общества; как полагает американский историк Валентин Босс, это произошло благодаря инициативе английских купцов. Меншикову об этом сообщил в письме председатель общества английский физик Исаак Ньютон (1642–1727). Меншиков старался еще более демонстративно, чем Петр, соответствовать образу современно мыслящего просвещенного правителя²². Голландский врач Михаил Вандербех²³, работавший некоторое время в Петербурге, писал с восхищением об обсерватории, построенной по приказу Меншикова при его загородном дворце в Ораниенбауме, на Финском заливе, где было столько телескопов, «сколько только можно пожелать»²⁴.

Обмен знаниями происходил в России лишь в нескольких местах. Так, известно, что в Сухаревой башне в Москве собиралась группа философов. Там располагалась Школа математических и навигацких наук с года ее основания в 1701 г. до 1715 г., когда ее перевели в Петербург. В школе имелись физические приборы для демонстрации студентам²⁵. Эта небольшая группа философов называла себя

19 См. об этом: *Миронов Б.Н.* Историк и социология. Л., 1984.

20 Лучший обзор дискуссий по данному вопросу дан в кн.: *Беспярых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2005. С. 14–46.

21 *Быховский И.А.* Петровские корабли. Л., 1982. С. 36.

22 *Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В.* Дворец Меншикова. М., 1986. С. 88. О переписке Меншикова с Ньютоном см.: *Boss V.* Newton and Russia. The early influence, 1698–1796. Cambridge, 1972. P. 45–50.

23 В книге посетителей Фредерика Рюйша он подписался как «Michael Vanderbech» (HS I E 21, 24).

24 *Вандербех М.* О состоянии просвещения в России в 1725 году // *Сын Отечества*. СПб., 1824. С. 26.

25 *Boss V.* Newton and Russia. Cambridge (Mass.), 1972. P. 80.

обществом «Нептун». Председателем долгое время был первый русский адмирал Франц Лефорт, уже упоминавшийся как советник и друг Петра. Лефорт был швейцарцем по происхождению, и его предки были гугенотами. Членами общества кроме Петра были также преподаватель математики Навигацкой школы шотландец Генри (Андрей Данилович) Фарварсон (ум. 1739), имевший математическое образование русский генерал Якоб Брюс (1670–1735), Александр Меншиков, священник Феофан Прокопович (1681–1736) и еще несколько приближенных царя. Они читали научные сочинения и занимались «эзотерическими искусствами и естественной философией», считавшимися в России еретическими²⁶. Это было тайное общество в том смысле, что его члены не рассказывали другим, о чем они беседовали. Думаю, что они ставили опыты, например с фосфором, или создавали вакуум с помощью воздушного насоса²⁷. Демонстрировать вакуум считалось занятием еретическим, так как христианская церковь придерживалась взглядов Аристотеля, считавшего, что вакуума не существует.

Запрет на смешение богословия с философией в Голландии

Опыты с физическими инструментами в Нидерландах разрешалось ставить публично. Незадолго до рождения Петра в Голландии во время правления адвоката и математика Яна де Витта (1625–1672) ради сохранения политического мира было осуществлено разделение философии и теологии. Акт Штатов Голландии 1656 г. «против смешения богословия с философией» провозглашал, что любой человек свободен думать, что он хочет, и говорить, что думает. Выдвигалось только одно условие, а именно: теологи впредь не должны заниматься философией (т.е. физикой), а философы (т.е. физики) — теологией. Этим актом Ян де Витт еще раз показал, что церковь подчинена государству. Покуда философы не вмешиваются в религию, это постановление ограждает их от давления церкви. Рене Декарт (1596–1650), Джон Локк (1632–1704) и Пьер Бейль (1647–1706) пользовались этим правом. Они подолгу жили в относительно свободных Нидерландах, где расцвела новая наука.

В год рождения Петра европейский Бог уже не был Богом из Ветхого Завета, который в любой момент готов по своему усмотрению вмешаться в ход истории²⁸. Западноевропейский Бог, с которым Петр в молодости познакомился в Немецкой слободе в Москве, был Богом, который смотрит на сотворенный им мир, как работает этот мир, приведенный им в движение, как он вертится со скрипом и скрежетом. Согласно этой картине — мироздания как механизма — мир населен людьми, рядом с которыми сосуществуют очень хитроумно сконструированные летающие,

26 Boss V. Newton and Russia. P. 16.

27 Известно, что у Петра уже в 1698 г. был воздушный насос — «философский инструмент англи». См.: *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т. 2. С. 405.

28 Bots J. Tussen Descartes en Darwin. Geloof en natuurwetenschap in de achttiende eeuw in Nederland. Assen, 1972. P. 137.

плавающие и ползающие «машины», не имеющие души²⁹. Изобретателем картины мира как механизма был французский философ Рене Декарт, который в возрасте 21 года служил в армии у принца Морица (1567–1625)³⁰. Многие приветствовали мысль Декарта о том, что Бог не хочет дурачить людей и что физический мир, воспринимаемый человеком, и есть такой, каким он этот мир воспринимает. Исследователи природы считали, что ее законы установлены Богом.

Сегодня для нас видение природы как машины уже непривлекательно. Однако «в те времена людям намного больше импонировал дух упорядоченности, регулярности и главное, надежности нового “просвещенного” представления о природе, чем ощущение ее хаотичности, непредсказуемости и непонятности, которое было у них прежде. В их восхищении этой машиной есть что-то от детского удивления и восторга»³¹.

Естествоиспытатели получили свободу исследовать Божье творение. Они изучали физический мир при помощи вспомогательных средств. Благодаря физическим приборам были принципиально расширены границы знаний о мире. Микроскоп показал несостоятельность распространенной в античной науке веры в «*generatio spontanea*» — возникновение живых существ из неодушевленной материи. Еще около 1600 г. известный в Европе физик Ян Баптиста ван Гельмонт (1577–1644) утверждал, что мыши могут зародиться в нестираных рубашках, но уже в 1677 г. Антони ван Левенгук (1632–1723), не желавший верить в «спонтанную генерацию», первым в мире обнаружил с помощью микроскопа важнейшее звено в размножении: миллионы семенных клеток, плавающих в человеческой сперме.

Христиан Гюйгенс (1629–1695) увидел с помощью телескопа спутник планеты Сатурн и незадолго до своей смерти закончил работу над книгой «*Kosmotheoros*» (1698) — рассуждение о возможности жизни на других планетах: «Он хотел показать, что та внутренняя логика, которая определяет роль природы по отношению к Земле, может быть применена и к другим планетам»³².

С тех пор как Николай Коперник (1473–1543) из Кракова, Иоганн Кеплер (1571–1630), математик из лютеранской школы в Граце, и Галилео Галилей (1564–1642), профессор Пизанского университета, сформулировали законы, определяющие движение небесных тел, начал проходить страх перед кометами. Кометы на землю посылает не Бог, они следуют по собственной траектории и не могут двигаться иначе, ибо подчиняются законам природы. Ученые осмелились возражать такому авторитету, как Аристотель, которого с XIII в. чтит католическая церковь.

29 *Bots J.* Tussen Descartes en Darwin. Geloof en natuurwetenschap in de achttiende eeuw in Nederland... P. 136–137.

30 «Полвека европейский дух бродил по воображаемому миру Декарта: животные без души, творение без Бога, природа без тайн». — *Ibid.* P. 139.

31 *Ibid.* P. 145.

32 *Snelders H.A.M.* Christiaan Huygens «*Kosmotheoros*» // Huygens Chr. *Cosmotheoros*. De wereldbeschouwer. Utrecht, 1989. P. 1–14, 12. (Фотографическое воспроизведение издания, вышедшего в Амстердаме в 1754 г. в переводе на нидерландский Питера Рабуса).

Аристотель видел мир как живой организм, движущийся к некоей цели, которую ему надлежало достичь. Новая наука утверждала, что это движение подчинено объективным, не имеющим цели математическим законам, которые можно имитировать в ходе экспериментов с умело сконструированными физическими приборами. Исаак Ньютон в Англии показал, что в основе всякого движения во Вселенной лежит действие силы тяжести (1687).

В Нидерландах Барух Спиноза (1632–1677) продвинулся еще на один шаг, нарушив при этом договоренность с Яном де Виттом. Он вторгся в область теологии. С помощью математических доказательств он хотел продемонстрировать, что Бог — это то же самое, что природа. Он утверждал, что вне неизменных законов природы иной реальности не существует: ни откровений, ни чудес, ни предсказаний. Одновременно Спиноза доказывал, что дьявола не существует, что он является олицетворением страхов человека. Свои идеи Спиноза изложил в книге «Tractatus theologico-Politicus» (Гамбург; [Амстердам], 1670), в которой показал, что Библия из-за избыточных в ней противоречий не может быть «Истинной книгой». Сочинение Спинозы было запрещено, но его все равно читали. О книге говорили все.

За трактатом Спинозы последовал целый поток книг и брошюр, в которых велась дискуссия о существовании дьявола. Многие из них вскоре переводились с латыни на нидерландский и другие европейские языки, некоторые были сразу на них написаны, так что к этим сочинениям приобщились сотни, а то и тысячи людей, не знавших латынь: обсуждение становилось все более широким. За дискуссией следили не только во Франции, Англии и Германии, но и в России. В библиотеке Петра Шафирова (1669–1739), дипломата и переводчика на службе Петра, имелся экземпляр «Зачарованного мира» Бальтазара Беккера (Амстердам, 1691–1693) в немецком переводе³³. Бальтазар Беккер (1634–1698), пастор реформатской церкви, фриз, под впечатлением от трактата Спинозы выбрал из Библии все эпизоды с упоминанием о дьяволе и доказывал, что дьявола нет. По заказу его друзей была отчеканена памятная медаль, на которой Бальтазар Беккер изображен в виде Геркулеса, побеждающего дьявола.

Герман Бургаве никогда не стал бы знаменитым на всю Европу врачом, если бы не вмешался в 1693 г. в дискуссию о Спинозе. Возвращаясь на пассажирской барже домой в Лейден из Хардервейка (Фрисландия), где в университете он только что защитил диссертацию по теологии, Бургаве прислушивался к тому, как его спутники обсуждали «безбожное и вредоносное учение Спинозы, которое, как мы все заключили, ведет к перевороту в богословии»³⁴. Разговор продолжался уже

33 Каталог библиотеки П.П. Шафирова включал 531 название книг и был составлен капитаном Шушериным 13 февраля 1724 г. при конфискации имущества Шафирова (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 189–190). В 1724 г. эта библиотека по указу Петра I была включена в Библиотеку Академии наук. См.: Трофимова Н.С., Хотеев П.И. Каталог библиотеки П.П. Шафирова // Книга в России в эпоху Просвещения / Ред. А.А. Зайцева, Н.П. Копанева, В.А. Соков, П.И. Хотеев. Л., 1988. С. 161–168.

34 *Samuel Joh. The live of Dr Boerhaave & Het leven van Herman Boerhaave* / Red. en inl. C.W. Schoneveld. Leiden, 1994. P. 27.

порядочное время, когда один из его участников, вместо того чтобы опровергать тезисы Спинозы логическими рассуждениями, принялся бранить философа, извергая «всевозможные оскорбления, которые настолько возмутили Бургаве, что тот в конце концов не мог более сдерживаться и спросил говорящего, читал ли он того автора, против которого так ополчился»³⁵. Мужчина не знал, что на это ответить, но был раздражен, что его неведение обнаружено. Это заметил незнакомец, находившийся на этой же барже. Он спросил у своего соседа, как зовут того юношу, чей вопрос положил конец разговору, и записал его имя в свою записную книжку, по-видимому, с недобрыми намерениями, так как через несколько дней в Лейденском университете все только и говорили о переходе Бургаве на сторону Спинозы. После этого он уже не мог надеяться на получение места пастора и принялся за изучение медицины.

Другие, такие как Эрикус Вальтен (1663–1697), пошли дальше и сформулировали политические выводы о том, что суеверный страх — самое большое проклятье человечества, корнящееся не только в невежестве народа, но и в людском легковерии, которым манипулируют церковь и другие власть имущие институты, извлекая из этого материальную выгоду. Они используют страхи простого народа, его веру в демонов, чтобы наращивать свою силу и власть. Вальтен увидел антагонизм интересов народа и церкви. Он обвинил церковь в стремлении ограничить дебаты о дьяволе только латиноязычными сочинениями, чтобы народ, не знавший латыни, оставался бы «непросвещенным». В 1694 г. Вальтен был посажен в тюрьму по обвинению в богохульстве и клевете на реформатскую церковь³⁶.

В 1695 г. Ромейн де Хооге (1645–1708)³⁷, друг Вальтена, приверженец Спинозы, вольнодумец и автор антимонархических памфлетов против Людовика XIV, подвергся политическим гонениям: после победы над Королем-Солнцем, покровитель Ромейна де Хооге Вильгельм III перестал поддерживать его открытые нападки на власть церкви и короля. Ромейн де Хооге, который за несколько десятилетий создал для Вильгельма III серию пропагандистских плакатов, научил этому ремеслу Адриана Шхонебека. Связан ли с изменением политического климата тот факт, что Шхонебек в 1695 г. продал огромную часть своих книг и переехал в Москву? Во всяком случае, по времени эти два события совпали. В 1697 г. Вальтен умер в тюрьме. Вскоре в Роттердаме городские власти сожгли книгу, в которой популярно излагались идеи Спинозы, а ее автора приговорили к восьми годам пребывания в работном доме³⁸.

Между тем идеи Спинозы все же распространились по Европе, в основном потому, что противники вольнодумца формулировали свои возражения на бумаге и затем издавали. Во Франции Фенелон (1651–1715) написал книгу «Проявление

35 Samuel Joh. The live of Dr Boerhaave & Het leven van Herman Boerhaave... P. 27.

36 Israel J.I. Monarchy, Orangism and Republicanism in the later Dutch Golden Age. Amsterdam, 2004. P. 25.

37 Ibid. P. 10–26.

38 Israel J.I. Radical enlightenment. Philosophy and the making of modernity 1650–1750. Oxford, [2002]. P. 319.

существования Бога в чудесах природы» (*Démonstration de l'existence de Dieu par les merveilles de la nature*. P., 1712). В Англии Уильям Дерэм (1657–1735) издал трактат «Физикотеология, или Демонстрация существования и признаков Бога в его деяниях и творении (*Physico-theology, or a demonstration of the being and attributes of God, from his works and creation*. L., 1713). В Нидерландах большим успехом пользовались два трактата с опровержениями Спинозы, написанные математиком Бернардом Ниуентейтом (1654–1718)³⁹.

Ниуентейт получил два образования: он изучал теологию в Лейденском университете и медицину — в Утрехтском. Он выступал в защиту используемого Робертом Бойлем (1627–1691) и Исааком Ньютоном эмпирического метода в теологии и философии. Но в то же время он хотел принимать Библию безусловно и буквально. По мнению Ниуентейта, систематическое изучение природы с использованием микроскопа, телескопа и других приборов можно рассматривать как почитание Бога. Такую науку было принято обозначать примирительным термином «физикотеология». Тот, кто верит, может заниматься эмпирическими исследованиями и при каждом новом открытии восхвалять творение Божие. Книги Ниуентейта не только печатались большими тиражами, но и неоднократно переводились на другие языки⁴⁰. Благодаря подобным публикациям стала возможной открытая дискуссия о мировоззрении людей, объяснявших природу без Бога.

Кто не верит, тот притворяется, что верит

Некоторые считали, что можно верить в Бога, не принимая Библию буквально. Таких людей называли «деистами». Некоторые, будучи сторонниками Спинозы, вообще больше не верили в Бога. Эти люди по ряду причин считались политически неблагонадежными и даже подвергались преследованиям. Поэтому авторы предпочитали застраховаться от подозрений в безбожности, помещая в предисловии, послесловии или в основном тексте своих трудов многократные хвалы Божьему творению. Например, Себа обезопасил свое капиталовложение в издание подробного описания собственной коллекции, вышедшее в виде четырех иллюстрированных фолиантов, с помощью стихотворения⁴¹. Сочинил его амстер-

39 *Nieuwentijt B. Het regt gebruik der werelt beschouwingen, ter overtuiging van ongodisten en ongelovigen aangetoont*. Amsterdam, 1715; *Gronden van zekerheid of De regte betoogwyze der wiskundigen so in het denkbeeldige, als in het zakelijke; ter wederlegging van Spinozaas denkbeeldig samenstel, en ter aanleiding van eene sekere sakelijke wijsbegeerte*. Amsterdam, 1720.

40 Английский перевод «Правильного использования...» вышел в свет в 1717 г., французский — в 1725 г. Немецкий философ Христиан Вольф написал в 1732 г. предисловие к немецкому изданию: *Die Erkenntniss der Weissheit, Macht und Güte des göttlichen Wesens, aus dem rechten Gebrauch derer Betrachtungen alle irrdischen Dinge dieser Welt ... / vorgestellt durch Bernhard Nieuwentyt, M.D. Samt einer Vorrede von Herrn Christian Wolfen...* Franckfurt und Leipzig, 1732.

41 Альберт Себа издавал свои каталоги, называвшиеся «Подробное описание богатейшего кабинета выдающихся редкостей природы Альбертуса Себы», в двух вариантах: нидерландско-латинском и французско-латинском: *Seba A. Naaukeurige beschryving van het schatryke*

дамский купец и литератор Я.А. ван Орсой (1700–1753). Приведем два фрагмента стихотворения:

<...> Ты ж, неразумный атеист,
Пойми, прочтя се сочиненье,
Сколь велики Его творенья.

<...> О тварях Божиих читайте,
Творца всем сердцем восхваляйте.

Профессор Петрус Мушенбрук (1692–1761) писал в своем учебнике по физике: «Эти законы непреложно всегда таковы, ибо что может быть непреложнее, чем Божья воля, от которой они зависят?»⁴²

Это пример восхваления творения Божия, где между творением Божиим и природой просто ставится знак равенства, так как Бог Мушенбрука — это явно не Бог Ветхого Завета. Ведь о воле ветхозаветного Бога можно сказать только одно: то, что она полностью непостижима.

Й. Ботс, член Ордена иезуитов, констатировал «исторический процесс выхолащивания религиозного элемента при автоматическом восхвалении Божьего творенья»⁴³. Иными словами, Й. Ботсу бросилось в глаза слишком частое восхваление Божьего творенья, и он называет это автоматизмом. Однако этот автоматизм выполнял важную функцию. Восхваление Божьего творенья было своеобразным заклинанием. Тот, кто хотел, чтобы его книгу не сожгли и не изъяли из продажи, должен был с помощью этого заклинания отвести от себя подозрения в безбожии. Если исследователи хотели избежать конфликта с реформатской церковью, занимавшей центральную позицию в Нидерландах (это касалось не только атеистов, но и баптистов, лютеран и ремонстрантов, которых среди ученых было чрезвычайно много), им следовало сопровождать изложение своих научных результатов громким восхвалением Божьего творенья⁴⁴.

Разумеется, было и исключение, подтверждающее правило. Описание экзотических растений в амстердамском Ботаническом саду (*Hortus Botanicus*), выпол-

kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba / *Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam*. 4 dln. Amsterdam, 1734, 1735, 1759, 1765; *Albert S. Description exacte des principales curiositez naturelles du magnifique cabinet d'Albert Seba // Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physiceshistoriam*. 8 dln. Amsterdam, 1734, 1735, 1759, 1765. В дальнейшем изложении мы будем ссылаться на нидерландско-латинский каталог 1734 г.

42 Й. Ботс цитирует Мушенбрука, чтобы показать, как Петрус Мушенбрук, восхваляя «надежность механизмов природы, одновременно ощутил подлинность живого Бога». См.: *Bots J. Tussen Descartes en Darwin...* P. 145.

43 *Ibid.* P. 146.

44 *Berkel K. van. Universiteit en natuurwetenschap in de 17e eeuw, in het bijzonder in de Republiek // Natuurwetenschappen van renaissance tot Darwin. Thema's uit de Wetenschapsgeschiedenis. Samenst. en inl. H.A.M. Snelders en K. van Berkel. Den Haag, 1981. P. 107–130.*

ненное Яном Коммелином (1648–1722), Каспаром Коммелином (1668–1731), Фредериком Рюйшем и Франсом Кигтеларом (1648–1722), посвящено правящим в то время бургомистрам города Николаасу Витсену, Иоханнесу Хюдде (1628–1704), Корнелису Валкениру (ум. 1700) и Дирку Басу (ум. 1709). Автор предисловия говорит о прямой связи между содействием властей развитию науки и ее расцветом. Кроме одной фразы — «О том, как прекрасно знал растения мудрейший из всех Царей, говорит Священное Писание» — ни в предисловии, ни в основном корпусе больше нет ни одного упоминания ни Библии, ни Бога⁴⁵. В этом не было необходимости. Покровительство светской власти в лице вышеперечисленных бургомистров служило достаточной гарантией, чтобы издать эту дорогую, богато иллюстрированную книгу.

Кроме воинствующих безбожников и людей, осмеливавшихся понимать Библию небуквально, но все же продолжавших верить в Бога, встречались также люди, не верующие, потому что по своему характеру не были к этому склонны. Как в любом веке, в случае любой веры, будь то вера в светлое будущее при коммунизме, или католицизм, или нидерландская реформатская церковь, всегда существует группа людей, которые просто не могут верить. В те периоды, когда расцветает свобода и ослабляются идеологические поводы, эти люди перестают молчать. В 1696 г. в период Раннего Просвещения в Шотландии восемнадцатилетний юноша по имени Томас Эйкенхед (1679–1697) неправильно оценил ситуацию. Этот студент-медик Эдинбургского университета и сын аптекаря осмелел Библию и предсказал, что к 1800 г. христианство просто отомрет. Он был обвинен в богохульстве и повешен. Как шотландец Томас Эйкенхед, так и голландец Эрикус Вальтен на суде говорили в свое оправдание, что на самом деле все думают так же, как они, и что будет несправедливо, если их осудят.

Таким образом, в Голландии можно было печатать и говорить далеко не все. Здесь разрешалось многое, существенно больше, чем в других странах, но в рабочих домах содержалось немало «узников совести», о чем нам не рассказывали в школе. Следующая цитата подтверждает наш тезис о том, что и в ту пору требовалось немало мужества, чтобы писать о том, что видишь, о том, к каким выводам приходишь в результате логических рассуждений. Фраза заимствована из английского перевода сочинения Христиана Гюйгенса «*Kosmotheoros*», содержащего рассуждения о жизни на других планетах. После смерти ученого этот трактат был издан известным роттердамским безбожником Питером Рабусом. Гюйгенс обращается к своим читателям: «Если все это не убеждает читателя, то он либо слишком туп, чтобы понять, либо предоставляет другому распоряжаться своей верой и, боясь, что его постигнет та же участь, что и Галилея, не решается высказываться»⁴⁶.

45 *Commelin Johannes, Commelin Casparus e.a. Horti medici Amstelodamensis rariorum tam Orient. quam Occident. Indiae, aliarumque peregrinarum plantarum descriptio et icones ad vivum aeri incisae. 2 dln. Amsterdam, 1697–1701.*

46 *Huygens Ch. Celestial Worlds. L., 1698. P. 105. Цит. по: Boss J. Newton and Russia. P. 56. В нидерландском переводе Питера Рабуса (1-е изд. 1699) формулировка существенно смягчена:*

Участь Галилея, знаменитого профессора сначала Пизанского, затем Падуанского университетов, было в то время еще свежа в памяти любого исследователя природы. В 1633 г. после выхода в свет его книги «Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой» инквизиция обвинила его в ереси⁴⁷ и приговорила к пожизненному заключению. Позднее это наказание было заменено пожизненным домашним арестом. При его кончине девять лет спустя присутствовали два члена инквизиции.

Путешествуя по Европе, Петр I узнавал многое в области не только технического и научного прогресса, но и новых представлений о Боге, природе, взаимоотношении государства и церкви. Так, он заказал перевести на русский язык⁴⁸ книгу немецкого специалиста по государственному праву Самуэля Пуфендорфа (1632–1694). Идеи Пуфендорфа о положении церкви были Петру настолько по душе, что он позднее применил их на практике. Пуфендорф рассматривал церковь как объединение, сравнимое, например, с объединением купцов в торговую компанию или ремесленников в гильдию.

Пуфендорф какое-то время жил в Голландии, возможно, именно поэтому в качестве образца для правильного построения отношений между государством и церковью он приводит те отношения, которые существовали в Голландии между государством и Объединенной Ост-Индской компанией⁴⁹. Пуфендорф и его современники считали, что различия в интерпретациях Библии несущественны в плане спасения души и что ради спокойствия в обществе толкование Библии следует считать скорее вопросом политическим, чем религиозным. Если возникает спор, то разрешить его должен монарх. Но если множество мнений не ведет к ссорам, они прекрасно могут сосуществовать⁵⁰. Эти идеи можно видеть в том, как Петр I вел наступление на церковь. Он никогда не придавал значения деталям и благосклонно выслушивал планы объединения различных церквей, реформатской, лютеранской и русской православной. Такое ограничение церковного влияния давало возможность развивать образование и науки.

«За исключением тех, кто нарочно остается слеп» (см.: *Huygens Ch. Cosmotheoros. De Wereld-beschouwer*. P. 130). Эта книга была переведена на русский учителем Йоганном Вернером Паузе (Johann Werner Pause, 1670–1735), но долгое время оставалась в России неизданной. Ее опубликовал в 1717 г. в Петербурге Яков Брюс с осторожным предисловием (напугав тем самым директора типографии М.П. Аврамова). Позднее книга была еще раз переиздана. См.: *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 196. Латинский оригинал, вышедший в 1698 г., имелся в библиотеке Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е.И. Боброва. Л., 1978. № 1197. С. 129.

47 Папа Римский Иоанн Павел II объявил в 1992 г., что это было ошибкой, допущенной церковью, но не признал, что сама церковь была неправа.

48 *Пуфендорф С.* О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб.: Санктпетерб. тип., 1726. Перевод выполнен справщиком Санктпетербургской типографии И. Кречетовским, редактировал перевод Гавриил Бужинский.

49 *Schröder P.* Thomas Hobbes, Christian Thomasius and the seventeenth century debate on the church and state // *History of European Ideas*. 1997. Vol. 23 (2-4). P. 2-4. P. 64.

50 *Ibid.* P. 68.

Итак, мы видим, что не только выборные государственные деятели, как в Нидерландах, но и абсолютные монархи пытались, если это было возможно, так устроить жизнь общества, чтобы церковь своим влиянием не мешала науке.

Шедшая в Европе дискуссия о законах природы, не оставлявших место божественным чудесам, достигла России, хотя здесь она и не могла вестись открыто. Высокообразованный философ и теолог Феофан Прокопович в одном из своих трактатов выступил против бескомпромиссности Спинозы. Прокопович, которого обычно рассматривают как архитектора и идеолога созданного Петром современного монархического государства, был сторонником сильной царской власти, стоящей над государственными органами правления и церковью. Петр специально пригласил его в 1716 г. из Киева, где он преподавал в Духовной академии (1711–1716). Феофан Прокопович был совершенно особым преподавателем, так как читал со своими студентами фрагменты произведений Гуго Гроция, Пуфендорфа, Локка и Гоббса. Прокопович боролся против Спинозы, но одновременно говорил о себе как о «противнике суеверий и стороннике новой науки». Трактат, в котором Прокопович старался «примирить Библию с требованиями разума и природы», смог увидеть свет лишь через много лет после его смерти⁵¹.

Петр не верит в чудеса

В борьбе Петра с чудесами заметен отголосок идей Раннего Просвещения, сыгравшего важную роль в революции, произведенной Петром в России. Одной из наиболее существенных черт Раннего Просвещения, как мы видели, было сомнение в том, что чудеса когда-либо действительно могли иметь место, ибо они противоречат законам, сформулированным физической наукой.

Петр I во время путешествия по Европе имел обыкновение разоблачать те чудеса, которые ему показывали в церквях и святых местах. Позднее он ограничил возможности священников манипулировать страхами народа, издав ряд соответствующих указов. В 1718 г. священники были обязаны заявить, что не имеют «видений» или «смущающих снов». В изданном в 1721 г. Духовном регламенте Петр запрещал эксплуатировать чудеса. Разрешалось посещать только те места, где произошли чудеса, признанные Священным Синодом⁵².

Якоб фон Штелин (1709–1785), русский историк искусства, собравший воспоминания о Петре, рассказывает о случае, когда Петр разоблачил в Петербурге одно из «чудес». Услышав, что у одной из икон Богоматери каждый день собирается все больше и больше народу, потому что Святая Дева плачет, выражая этим свое огорчение по поводу его реформ, царь пошел посмотреть на это чудо. Он осмотрел икону с обратной стороны и нашел там вещество типа воска, таявшее

51 Cracraft J. Feofan Prokopovich // The eighteenth century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 75–105. Автор указывает на кн.: Феофан Прокопович. Рассуждение о безбожии. М., 1774. О Спинозе см. с. 15–18.

52 Waliszewski K. Pierre le Grand. L'éducation, l'homme, l'oeuvre d'après des documents nouveaux. P., 1897. P. 493.

при нагревании, так что казалось, будто икона чудесным образом плачет. Петр лишил своих оппонентов инструмента, с помощью которого они демонстрировали недовольство его реформами. Икону⁵³ по его приказу перенесли в Кунсткамеру⁵⁴. Согласно другому анекдоту, его жену Екатерину (1684–1727) уговорили за большие деньги купить несгораемый лоскуток от одеяния святого. Петр упрекнул ее в том, что она зря потратила деньги: «Это, Катенька, обман. Это всего лишь асбест, его у меня достаточно в Олонце и в Сибири. Я привез лоскут такого полотна из Голландии»⁵⁵.

У православных в ту эпоху чудеса не вызывали никаких сомнений. Но Петр в них не верил и издавал регламенты и законы против эксплуатации суеверий.

В 1722 г. он решил, что уже настало время для указа, по которому, если кто будет рассказывать, что видел чудо, тому вырвут ноздри и отправят на пожизненные каторжные работы⁵⁶. Православные с давних пор охотнее имели дело с протестантами, чем с католиками, объединенными под властью Рима, вызывавшего у русских недоверие. Вера в чудеса свойственна католической культуре. Ренессанс, гуманизм и Реформация привели к тому, что протестанты в то время единодушно осуждали чудеса. После смерти патриарха Адриана в 1700 г. Петр по протестантскому образцу поставил во главе русской православной церкви Синод (утвержден в 1721 г.). Тем самым был положен конец всемогуществу церкви в России.

Литература о Петре до сих пор связывала нелюбовь Петра к чудесам с его симпатией к протестантизму и стремлением подчинить церковь государству. Однако Петра интересовали законы природы, доказывавшие невозможность чудес, он хотел знать о новых научных открытиях. Уже в 1718 г., до основания Академии наук, Петр издал указ, запрещающий считать «уродов», то есть младенцев с физическими отклонениями, проявлением дьявольской силы. Таких младенцев следовало изучать как «игру природы», нарушение в их развитии. Петр приказывал сохранять уродов в спирте и доставлять в Кунсткамеру в Петербург, где они будут демонстрироваться. До сих пор во многих книгах о России XVIII в. этот интерес царя собирать и показывать «монстров» рассматривался всего лишь как любопытный аспект его биографии. Однако при более глубоком изучении отношения Петра к религии и его интереса к науке этот ряд «курьезных аспектов» его жизни предстает в ином виде — как ряд примеров участия Петра в дискуссии, происхо-

53 В каталоге Кунсткамеры 1741 г. среди экспонатов не было икон.

54 *Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. L., 1998. P. 350; Stählin J. von. Originalanekdoten von Peter dem Groszen. München, 1968. S. 71–72. (1-е изд. Leipzig, 1785). Неоднократно издавались в переводе на русский язык. Первое издание: Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. Изданные в свет Яковом Штелиным, а переведенные на российский язык Карлом Рембовским. Иждив. С. Петрова. М., 1786.*

55 *Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Под ред. П.А. Кротова. СПб., 2001. С. 89.*

56 *Hughes L. Russia in the age of Peter the Great... P. 350.*

дившей в Европе во время его путешествия, дискуссии о чудесах, ангелах и существовании дьявола. Подобные эпизоды из жизни Петра до сих пор не увязывались с этой дискуссией⁵⁷, потому что его поступки никогда не рассматривались в свете идей «радикального» Просвещения, пользовавшихся огромной популярностью в Нидерландах и Англии. Точно так же и Кунсткамеру Петра Великого в контексте идей, описанных в книге Джонатана Израэля «Радикальное Просвещение», можно понять намного глубже.

57 С этой точки зрения я изучила следующие издания: *The eighteenth century in Russia* / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973; *Russia in the age of the enlightenment: essays for Isabel de Madariaga* / Ed. by R. Bartlett en J.M. Hartley. L., 1990; *Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: contacts and comparisons* / Ed. by A.G. Cross. Newtonville, 1979; *A window on Russia. Papers from the V International conference of the Study group on eighteenth century Russia Gargnano 1994* / Ed. by M. Di Salvo, L. Hughes. Rome, 1996.

Глава II

«Республика любителей»

Петр прибыл в Голландию в тот момент, когда там уже поняли, что современные ученые знают не меньше, чем античные классики, а европейские ученые рассчитывали узнать еще больше, чем было известно высокочтимым авторам из Афин и Рима. Да, они осмеливались думать, что античные авторы иногда ошибались. Настало время перестать разыскивать еще неизвестные сочинения древних, чтобы получить новое знание.

Это было время, когда европейцы отважились отправить в царство сказок живущих под землей великанов, единорогов¹ и драконов, которых еще недавно описывали и сведения о которых кропотливо собирали². Однако другие не менее удивительные животные, такие как сохранившиеся в толщах льда сибирские мамонты, нарвалы и броненосцы, существовали на самом деле. Собирая подобные образцы фауны, коллекционеры демонстрировали в микрокосме своих кунсткамер, что на свете есть животные, не упоминаемые ни в Библии, ни в сочинениях античных авторов.

Любители

Оптимизм того времени отчетливо ощущается в богато иллюстрированном каталоге коллекции Альберта Себы, где описано, как сам Себа и другие коллекционеры способствовали развитию науки, изучая других авторов и делая все новые и новые открытия. При этом важную роль играли не только отдельные любители, но и научные общества. Себа называет Императорскую академию «Леопольдина» в Вене, Лондонское королевское общество, а также академии в Париже, Нюрнберге и Берлине. Источником знаний служили и «новые описания поездок знающих физику и математику путешественников, которые на собственные или полученные от монарха деньги посетили дальние страны (и вели записи об

1 В письме Витсену один из его друзей сообщал, что единороги есть в Сиаме. Сам Витсен считал, что рога единорогов, нередко встречающиеся в коллекциях натуралий, взяты у «рыб с крепким рогом». См.: *Gebhard J.F. Het leven van Nicolaas Cornelisz. Witsen (1641-1717)*. 2 dln. Utrecht, 1881-1882 Dl. 2. P. 495. Позднее в коллекции у Витсена появился череп «единорога», это был череп нарвала — морского млекопитающего. См.: *Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / Пер. с гол. яз. В.Г. Трисман. Ред. и науч. рук. Н.П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам, 2010. Т. 2. W. 903. С. 1139-1140.*

2 Так, Улис Альдрованди (1522-1605) собрал в Болонье 18 000 природных объектов, но описывал также мифических животных и людей.

Портрет Альберта Себы (1665–1736). Гравюра Я. Хаубракена (1698–1780) по портрету Яна Мауритса Квинкхарда (1688–1772).

Фронтиспис каталога «Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam». Amsterdam, 1734. Dl. 1.

Библиотека Амстердамского университета

увиденном)»³. Себа упоминает и об «обмене идеями между учеными в Европе и за ее пределами, и о публикациях членов этих обществ». В заключение он отмечает значение «кабинетов, вмещающих собрания натуралий», по части которых «Голландия стоит выше всех остальных стран»⁴. Эти кабинеты действительно играли важную роль.

В одном только Амстердаме существовало более сорока кунсткамер⁵. Любителям присылали редкости со всего света: из Вест-Индии, Ост-Индии, с Мыса Доброй Надежды, из России и Франции. Во всех кунсткамерах образцы материального мира не только хранились, но и систематизировались. В Амстердаме этим занимались как владельцы кунсткамер, так и посетители, которым разрешалось пользоваться кунсткамерами в качестве материала для исследований. Шведский биолог Карл Линней, чью классификацию животного мира мы используем до сих

3 *Seba A. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba // Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam. Amsterdam, 1734, Dl. I. [XI].*

4 *Ibid.*

5 *Veen Jaap van der. Dit klein vertrek bevat een weereld vol gewoel. Negentig Amsterdammers en hun kabinetten // De wereld binnen handbereik... P. 232–259; Veen Jaap van der. Gegevens over negentig Amsterdamsche verzamelaars en hun collecties // Ibid. P. 313–335.*

пор, работал в Амстердаме со второй коллекцией Себы. Ученые считают, что «многие животные, которые были у Себы, стали прототипами описаний Линнея и тем самым вошли в нашу науку»⁶.

Члены международного сообщества ученых, коллекционеров и любителей обменивались друг с другом подробными описаниями редкостей, при этом нередко посылали друг другу рисунки, чтобы были понятны описания. Это международное сообщество называло себя «Республика любителей» (*Republique des amateurs*). Здесь не было чинов и званий. Гражданином республики мог стать любой человек.

Систематизация знаний являлась составной частью новой науки, так что и любители вроде Себы могли внести свой вклад в ее развитие. Англичанин Фрэнсис Бэкон (1561–1626) уже в 1620 г. сформулировал философскую основу новой науки. Вместо аристотелевского «Органона» он написал «Новый Органон». Там, где Аристотель в «Органоне» (собирательное название для всех его сочинений по логике) давал физическим явлениям умозрительные объяснения, Бэкон в «Новом Органоне» требовал экспериментов, объективность которых можно проверить. Он говорил также о новом принципе организации научной жизни. Его девизом были слова «*Multi pertransibunt, et augebitur scientia*» — «Многие пройдут, и умножится наука». Безграничный прогресс науки благодаря коллективным усилиям следующих друг за другом поколений⁷ — такова была программа «новой науки» в противоположность «старой науке» Аристотеля. Веком позже эту мысль почти дословно повторил А. Себа в предисловии к своему каталогу: «О вспомогательных средствах древние знали и писали немного; а те, кто придет после нас, обнаружат еще больше тайн Природы, и исследуют их еще более, и откроют и изобретут намного больше, чем мы знаем сейчас»⁸. «Можно будет открыть намного больше того, что уже открыто <...> если люди будут спокойно следовать дальше по положенному пути»⁹.

Себа тоже ставил эксперименты. Он описывал в своем каталоге опыт, который поставил над ящерицей в стеклянной банке. Животное полгода жило без еды и воды, оно также не испражнялось, но тем не менее не стало «худым или тощим». Себа увековечил эту ящерицу, поместив ее изображение в каталог (*Tab. LXXXIX, fig. 5*). Он назвал еще многих животных, способных долго жить без пищи, таких как черепахи и улитки, и добавил: «...известно, что ласточки забиваются в берега неглубоких рек и там прячутся от холода, без еды и питья»¹⁰.

6 Engel H. The life of Albert Seba // Svenska Linné-Sällskapets Årsskrift. 1937. XX. P. 94.

7 Waquet Fr. Plus ultra. Inventaire des connaissances en progrès du savoir à l'époque classique // Tous les savoirs du monde. Encyclopédies et bibliothèques, de Sumer au XXIe siècle / Red. R. Schaer. P., 1996. P. 170–177, 173; *Dijksterhuis E.J.* De mechanisering van het wereldbeeld. Amsterdam, 1989. P. 438; *Henry J.* Knowledge is power. How magic, the government and an apocalyptic vision inspired Francis Bacon to create modern science. Cambridge, 2002.

8 Seba A. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur... Dl. I. [IX].

9 Ibid.

10 Ibid. Dl. II. P. 84.

Текст, рисунок, объект

Новая наука в Европе стала совместным занятием множества людей, что полностью соответствовало программе Фрэнсиса Бэкона. Бэкон писал, что даже для высокопоставленных господ систематическое накопление знаний, упорядочивание сведений обо всех уже известных искусствах и науках и данных о природе — это благородное занятие, ибо преумножение знаний позволит усовершенствовать жизнь на земле¹¹. Факты, установленные на основе собственных наблюдений, можно сопоставить с фактами, которые изложены в письменных источниках. Ими на раннем этапе служили произведения античных авторов, но потом критический взгляд пал и на Библию. Поскольку Священное Писание в большинстве стран существовало в переводе на национальный язык, любой человек мог сопоставить факты с божественным откровением. Ко времени Бэкона исследователи уже два столетия собирали знания, накопленные в эпоху античности, погибшей после крушения Римской империи, разыскивая рукописи в монастырских библиотеках и переводя греческие тексты, дошедшие до них в арабском переводе. Сочинения появлялись на новом носителе — в виде печатной книги. В соответствии с новыми правилами текстологии литературных произведений издатели стремились разыскать первоисточник, самый старый и достоверный текст. С одной стороны, исследователи искали сведения в ранее неизвестных и в уже известных произведениях античных авторов, с другой — смотрели на мир своими глазами. Так же, как Коперник рассматривал звезды и планеты, Везалий (1514–1564) изучал человеческие трупы. Выход в свет в конце XV в. латинского издания «*Megale syntaxis tes astronomias*» («Альмагест») Птолемея Александрийского стал отправной точкой для Коперника при написании его книги «*De revolutionibus orbium*» (Нюрнберг, 1543). А сочинения Галена по анатомии лежат в основе книги Везалия «*De humani corporis fabrica*» (Базель, 1543). Выяснилось, что тексты античных авторов можно превзойти с помощью собственных наблюдений.

Не только в астрономии и анатомии, но и в изучении растений и животных можно было обратиться к самим изучаемым предметам. Чтобы усовершенствовать тексты и рисунки античных авторов, те же растения, которые в свое время изображали древние, рисовались заново с натуры. Затем начали появляться новые исследования, в которых описывались и зарисовывались растения и животные или из окружающей местности, или из ранее неизвестных стран. В первой напечатанной книге о растениях Конрада Мегенбурга «*Buch der Natur*» (Аугсбург, 1482) растения еще были неузнаваемы. Ситуация существенно изменилась благодаря деятельности трех «отцов ботаники»¹². Отто Брунфельс (1488–1534) включил в свой «*Herbarium Vivae Eicones*» (Страсбург, 1530–1536) рисунки с натуры Ханса Вайдитца (ок. 1495–1536). Иероним Бок (1498–1554), описывая в «*New*

11 «Дом Соломона, или Коллегия шести дней творения» описан в утопии Бэкона «Новая Атлантида»: *Bacon Fr. The New Atlantis*. L., 1627.

12 Нижеследующее заимствовано из кн.: *Wittop Koning D.A. De oude apotheek*. Bussum, 1966. P. 68.

Kreütter Buch» (Страсбург, 1539) окружавшую его флору, смотрел на нее своими глазами, а не глазами античных авторов. Леонард Фукс (1501–1566), автор «De historia stirpium» («Описание растений», Базель, 1542), расположил растения в алфавитном порядке, а не по свойствам. Эти книги писались в медицинских целях и ярко помогали аптекарям в определении растений.

После немецких исследователей на первый план вышли фламандцы: Додунс, Клузиус и де Л'Обель. Ремберт Додунс (1517–1585) сначала работал лейб-медиком у императора Максимилиана II в Вене, а в 1582 г. стал профессором Лейденского университета. В 1554 г. была опубликована его работа «Cruijdeboek» («Травник») с иллюстрациями, заимствованными у Фукса. Карл Клузиус (1526–1609) сначала также работал в Вене. Он много путешествовал. В 1576 г. Клузиус описал 600 новых растений, произраставших в Испании¹³, а в 1583 г. — растительность Австрии и соседних стран¹⁴. Клузиус основал в Лейдене ботанический сад, первый в Нидерландах. Благодаря ему в стране стали культивировать картофель, турецкий боб, тюльпан и конский каштан. Маттиас де Л'Обель (род. 1538) упорядочил мир растений. Он установил различие между однодольными и двудольными растениями. Все трое печатали свои книги в издательстве Плантена в Антверпене.

В зоологии в эпоху Ренессанса происходил аналогичный процесс: переход от издания трудов античных авторов к самостоятельному наблюдению за животными. При этом постоянно возрастало значение книжных иллюстраций. Клаус Ниссен в своем исследовании книжных иллюстраций по зоологии приводит высказывание Леонардо да Винчи (1452–1519): «Не ищите слова, если вы разговариваете не со слепым. Не пытайтесь передать через уши то, что видят глаза, ибо живопись подходит для этого намного больше»¹⁵. Леонардо впервые заявил, что изображение — это полноценное доказательство и наглядное пособие при обучении, об этом он и написал свой «Il trattato del anatomia» («Трактат по анатомии»). Хотя трактат Леонардо так и не был напечатан, он получил, по мнению Ниссена, достаточно широкую известность, так как анатомический атлас Везалия «De humani corporis fabrica», вышедший в Базеле в 1543 г., «без знакомства с ним [трактатом Леонардо да Винчи] был бы немислим»¹⁶.

Однако в середине XVI в. публикации по зоологии, полностью основанные на собственных наблюдениях, оставались большой редкостью. В это время ученые занимались еще только собиранием и приумножением существующей литературы. Описанию животного мира посвящены труды Эдварда Уоттона (1492–1555), Конрада Геснера (1516–1565) и Улиса Альдрованди (1522–1605)¹⁷. Если заглянуть

13 Rariorum aliquot stirpium per Hispanias observatarum historia. Antwerpen, 1576.

14 Rariorum aliquot stirpium per Pannoniam, Austriam et vicinas. Antwerpen, 1583.

15 Nissen Cl. Die zoologische Buchillustration: Ihre Bibliographie und Geschichte. Stuttgart, 1978. Th. II. S. 93.

16 Ibid. S. 108.

17 Gesner C. Historia animalium. Frankfurt am Main, 1551–1587. 5 tt.; Aldrovandi U. Opera omnia. Bologna, 1599–1668. 13 tt.

в книгу Альдрованди, можно увидеть в ней странных существ, лишь смутно кого-то напоминающих. Дело в том, что Альдрованди свел воедино сведения, почерпнутые из книг, и в качестве репродукций включал в свою книгу все обнаруженные им у предшественников изображения представителей животного мира. Кроме того, по поводу каждого животного он цитировал все, что написано о нем в Библии, у античных и современных авторов. Некоторые использованные им изображения были действительно сделаны с натуры. Примечательно, что Альдрованди нередко сообщал о лечебных свойствах животных. В разделе, посвященном чудищам, он описывает как чудищ-животных, так и чудищ-людей. В пояснении он дает краткую характеристику различным известным ему типам людей. Изображения людей, которых он сам никогда не видел, он заимствует из других публикаций. Про него можно сказать то же самое, что врач Энгельберт Кемпфер (1651–1716) говорил о путешественниках, описывающих свои странствия: «Чем больше они сомневаются в каком-то факте, тем с большей жадностью за него хватаются», потому что «боятся чем-то преступно пренебречь» и «слишком стараются угодить читателю, рассказывая о чудесах»¹⁸.

Альдрованди сводил все знания воедино, но не производил отбора. Ян Йонстон, стремясь к полноте охвата, также включил в свою книгу животных, которых сам никогда не видел, но изображения которых нашел, например, у Геснера или Альдрованди¹⁹. Ян Йонстон, или Джон Джонстон (1603–1675), был шотландцем, родившемся в Польше. Его не приняли в Краковский университет как кальвиниста, поэтому он вынужден был учиться в других университетах: в Сент-Эндрюс (Шотландия), Виттенберге, Лейпциге, Франкфурте, Лейдене и Кембридже. Он дружил с Яном Амосом Коменским (1592–1670), чешским педагогом, который составил иллюстрированную энциклопедию, включающую все отрасли знаний. Йонстон описал для своих учеников знакомый ему мир животных, издав пять томов с 250 иллюстрациями²⁰. Эти книги вышли в издательстве, специализировавшемся на больших, богато иллюстрированных изданиях. Оно было основано гравером Йоханом Теодором де Бри во Франкфурте-на-Майне, чье дело позднее унаследовал Маттеус Мериан, а после 1650 г. — наследники Мериана. Подавляющее большинство изображений было сделано с натуры. Ян Йонстон описывал и зарисовывал также бразильских животных.

Так как после первых Великих географических открытий европейцы путешествовали по всему миру, в коллекции попадало также множество животных с «нового» континента — из Америки, о которых не упоминалось ни в Библии, ни в описаниях греческих и римских ученых. Это было потрясающе. У коллекционеров под рукой были животные, о существовании которых не подозревали даже

18 Э. Кемпфер сделал это замечание в связи с описанием водоворотов в Каспийском море, основанном только на слухах. См.: *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария. Т. II. W 615. С. 767.

19 *Nissen K.* Die zoologische Buchillustration... S. 145.

20 *Jonstonus J.* Historia naturalis animalium. Frankfurt am Main, 1650–1655. 5 vol.

высокоцитимые греки и римляне. Разнообразие видов множилось. В то же время продолжались поиски таких животных, о которых писали в книгах, но которых еще никто никогда не встречал. Теперь, когда путешественники объехали весь земной шар, для сказочных животных на земле почти не осталось места. В письме к Николаасу Витсену бургомистр Девентера Купер высказывал мысль о том, что единороги, вероятно, водятся за Уралом²¹.

Альберт Себа хотел отличаться от вышеназванных авторов, включавших в свои книги изображения несуществующих животных. Он заверял своих читателей, что в его книге «зарисовано только то, что имеется у него в коллекции, или то, что он видел своими глазами у других коллекционеров»²². Над описаниями коллекции Себы кроме него самого работали известные ученые, такие как специалисты по рыбам Петрус Артеди (1705–1735) и Мартинус Хауттюйн (1720–1798), физик Петрус ван Мушенбрук, молодой Петер Симон Паллас (1741–1811) и Арнаут Восмар (1720–1799), будущий хранитель коллекций статхаудера Вильгельма V (1751–1795). И тем не менее в его каталог «прокрались» семиглавый дракон и рыба, превращающаяся в жабу. Впрочем, Альберт Себа честно признавался, что никогда не видел семиглавого дракона, и эта иллюстрация сделана с рисунка, выполненного по его просьбе Иоганном Фридрихом Наторпом в Гамбурге, где находилось это животное.

Себа писал о Наторпе как о человеке, отлично разбирающемся в естественной истории, который заверил его, что это животное ни в коем случае не подделка, а истинное создание природы²³. О рыбе, превращающейся в жабу, он писал, что не смог достать ни одного ее экземпляра, потому что «она настолько вкусная, что ее всю отловили»²⁴. В ученых сочинениях научные иллюстрации — изображения объектов, которые рисовальщик видел собственными глазами, — уже считались более убедительными, чем изображения, основанные на эрудиции и заимствованные из авторитетных античных авторов.

Амстердам, Хортус ботаникус

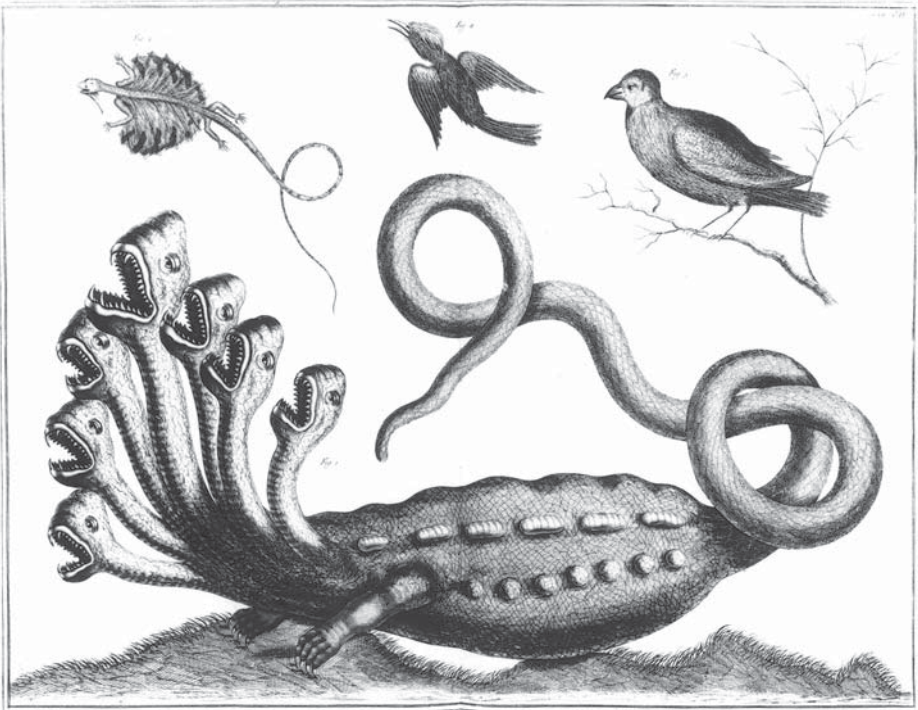
В Амстердаме, в районе Плантаже, городские власти, заинтересованные в развитии ботаники, основали в 1683 г. Ботанический сад, называвшийся Хортус ботаникус или Хортус медикус. В нем можно было давать наглядные уроки будущим аптекарям и хирургам. Такой сад приносил городу доход тем, что здесь выращивались и затем продавались местные растения, а также разводились и сбывались экзотические, завозимые из Африки, Южной Америки и Азии.

21 *Gebhard J.F.* Het leven van mr Nicolaas Cornelisz. Witsen... Dl. 2. P. 328–329.

22 *Seba A.* Description exacte des principales curiositez naturelles du magnifique cabinet d'Albert Seba // *Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam.* 8 dln. Amsterdam, 1734. Dl. I.

23 *Ibid.* P. 159.

24 *Seba A.* Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur... Dl. I. P. 125.

Семиглавый дракон из Гамбурга, по рисунку Иоганна Фридриха Наторпа. Seba A. Description exacte des principales curiositez naturelles du magnifique cabinet d'Albert Seba // Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam. 8 dln. Amsterdam, 1734. Dl. I. P. 159. Tab. CII.

Библиотека Амстердамского университета

Путем международной торговли и обмена полезные растения распространялись по всему миру, и многие из тех, кто был к этому причастен, получали большие доходы.

Хортус ботаникус финансировался в первую очередь из городской казны, хотя врачи и аптекари — профессионалы, за чьей деятельностью следила Медицинская коллегия, также платили ежегодные взносы и выплачивали Хортусу часть денег за сданные экзамены. Хирургам запрещалось самим готовить лекарства, но разрешалось их выписывать. Поэтому знать лечебные растения им было тоже полезно. Хирурги сдавали экзамены в своей гильдии. Благодаря практическому опыту они нередко знали о человеческом теле больше, чем врачи с университетским образованием. Первые кураторы Хортуса: Йохан Хейдекопер (1625–1704) и Ян Коммелин — требовали, чтобы Коллегия хирургов также платила за содержание сада. После недолгих возражений их требование было удовлетворено.

Во время занятий в Хортус ботаникус учащимся демонстрировали выращиваемые здесь местные лекарственные растения²⁵. Кроме того, в Хортусе культивировали растения, завезенные из дальних теплых стран. Их можно было сажать только в отапливаемых теплицах. Вероятно, амстердамский Ботанический сад стал первым, где была сооружена такая теплица²⁶. Кроме того, в Хортусе хранились «склянки с иноземными семенами, растениями, а также животными, такими как змеи, ящерицы и тому подобное, нуждающимися во влажной среде»²⁷.

Редкие растения привозили сюда со всего мира: их покупали на аукционах и у растениеводов, а также доставляли на кораблях Ост-Индской и Вест-Индской компаний. Уже в самом первом каталоге амстердамского Ботанического сада «*Catalogus plantarum Horti Medici Amstelodamensis*», выпущенном в 1689 г., через четыре года после его основания, Коммелин описал 2200 растений. Среди них было большое количество растений с Мыса Доброй Надежды и из тропиков. В этой книге Коммелин следовал таксономическому (=дихотомическому) принципу классификации растений, предложенному Джоном Рейем (1628–1705). Дж. Рей создал свою классификация на основе «древа Порфирия». Порфирий (233–304) разработал свое «дерево» в комментариях к сочинению Аристотеля «Категории». Платон и Аристотель давали объектам сначала общее, родовое определение (*genus*), а затем подразделяли их на более мелкие виды (*species*) по некоему признаку, который имеет или не имеет тот или иной объект данного рода (*differentia*). Рей усовершенствовал эту классификацию растений, работая с коллекцией Ханса Слоуна (1660–1753). Карл Линней позднее произвел аналогичную классификацию животного мира (исследуя, в частности, экспонаты в коллекции Альберта Себы). Множество растений кураторам Хортуса присылали другие любители ботаники внутри и за пределами Республики соединенных провинций. В 1686 г. Коммелину прислали ананасы из Суринама, в 1687 г. — из Кюрасао; в ближайшие годы, в 1688 и 1689 гг. эти растения уже дали плоды. В Хортусе росли даже растения из Японии, в том числе коричное и чайное деревья, вывезенные в 1688 г. контрабандой в сундуках, несмотря на запрет сёгуна. Бургомистр Николаас Витсен подарил Хортусу несколько кофейных деревьев. Ему прислали их из Батавии, где вырастили из посадочного материала, привезенного с арабского Востока. В Амстердаме эти деревья начали через некоторое время плодоносить. Кофейные деревья, выращенные в амстердамском Ботаническом саду, потом посылались дальше, например в Суринам и Париж. В 1714 г. вскоре после заключения Утрехтского мирного договора бургомистр Амстердама Гербранд Панкрас (1658–1716) подарил черенок кофейного дерева Королевскому ботаническому

25 Первое в Голландии описание местных растений принадлежит перу Яна Коммелина: *Catalogus plantarum indigenarum Hollandiae*. Amsterdam, 1683. Отец Николааса Бидлоо, аптекарь Ламберт Бидлоо, написал предисловие к этому изданию. См.: *Wijnands D.O., Zevenhuizen E.J.A., Heniger J. Een sieraad voor de stad. De Amsterdamsche Hortus Botanicus 1638–1993*. Amsterdam, 1994. P. 71.

26 *Ibid.* P. 52, 77.

27 *Commelin C. Beschrijvinge van Amsterdam*. Amsterdam, 1693, Dl. 2. P. 657.

саду (Jardin du Roi) в Париже²⁸. Оттуда, из Парижа, амстердамский кофе попал во Французскую Гвиану, граничащую с Бразилией. Там в 1723 г. во время официального приема побег кофейного дерева, спрятанный в букете цветов, оказался в руках португальских гостей. Так кофе попал в Бразилию. Если в Суринаме и Французской Гвиане кофейные плантации не приносили дохода, то в Бразилии они стали весьма прибыльными.

Петербург также участвовал в обмене семенами и знаниями. Прокофий Демидов (1710–1786), происходивший из семьи коллекционеров-любителей, владевших оружейными заводами и рудниками, переписывался с амстердамским Ботаническим садом. Демидов посылал растения в Амстердам Йоханнесу Бурману (1706–1779), а его сын Григорий Демидов ездил в Амстердам учиться у Бурмана²⁹.

Лондон, Лондонское королевское общество

Первое в Англии научное содружество, Лондонское королевское общество, возникло в 1660 г. после лекции Кристофера Рена (1632–1723), математика, астронома, инженера, создателя физических приборов и анатома, прославившегося, однако, в первую очередь в качестве архитектора. Именно Кристофер Рен вместе с Джоном Ивлином (1620–1706) руководил восстановлением Лондона после Великого пожара 1666 г. Общество было задумано как Совет по делам науки при королевском дворе. Оно рассматривало накопление естественно-научных знаний как «достойное занятие, обещающее пользу и выгоду»³⁰. Британцы вели переписку с иностранными членами Королевского общества. Эта корреспонденция регулярно, через определенные промежутки времени печаталась под названием «Philosophical transactions», и постепенно этот печатный орган стал форумом для всех, кто занимался естественными науками. «Собрание атеистов, папистов, дураков и откровенных врагов всякой учености»³¹, — так нередко называли членов общества, которые действительно считали эрудицию менее важной, чем сбор фактов о реальном мире. Многие были недовольны тем, что члены общества отказывались выстраивать из этих фактов единое целое. Иными словами, они отказывались формулировать теории, прежде чем им станет известно достаточно фактов. Члены общества давали торжественное обещание «заложить естественно-научные основы, общие для всего человечества, а не только для англичан, шот-

28 *Laissus Yv.* Le Muséum national d'histoire naturelle. P., 2003. P. 36.

29 Сведения об амстердамском Ботаническом саде заимствованы из исследования, основанного на богатом архивном материале: *Wijnands D.O., Zevenhuizen E.J.A., Heniger J.* Een sieraad voor de stad. De Amsterdamse Hortus Botanicus 1638–1993. Amsterdam, 1994. P. 52, 65, 67–68, 77, 89, 108.

30 *Sawday J.* The body emblazoned. Dissection and the human body in Renaissance culture. 2-e ed. L., 1996. P. 261.

31 Письмо Джозефа Гленвилла Генри Олденбургу, секретарю Лондонского королевского общества. Цит. по: *Henry J.* Knowledge is power. How magic, the government and an apocalyptic vision inspired Francis Bacon to create modern science. Cambridge, 2002. P. 153.

ландцев, ирландцев, папистов или протестантов; основы науки, не связанной ни с интересами каких-либо сект, ни с неистовством диспутиаций <...> ни с религиозными противоречиями или догмами <...> ни с интересами постоянно соревнующихся друг с другом экспериментаторов»³².

Общество зиждилось на деятельности не столько «горстки избранных утонченных умов», сколько «простых рук» («vulgar hands»), на опыте простых людей. Чтобы стать членом общества, «вовсе не требовалось особой подготовки по части учености. Достаточно было обладать такими свойствами, как здравый смысл и честность»; «от простого здравого смысла до острого и пытливого ума — любой мог внести вклад в соби́рание фактов»³³.

Королевское общество зачастую давало капитанам морских судов, врачам и другим путешественникам списки с вопросами о дальних странах, тамошних растениях и животных.

«Nullius in verbis» («Ничто в словах») — девиз Лондонского королевского общества по совершенствованию естественных знаний — означал, что впредь будет учитываться только то, что ты видел своими глазами. Это касалось не только экспонатов, демонстрируемых посетителям кунсткамер: объектов, которые можно пощупать руками, как *натуралии*, так и *артифициалии*, — но и природных явлений, невидных невооруженным глазом, но проявляющихся благодаря опытам, поставленным членами общества с помощью физических приборов, в том числе измерительных. Члены общества «расколдовывали» явления природы³⁴. Поначалу это вызывало у окружающих большое замешательство. Например, Лейбниц не поверил в описанную Ньютоном силу тяжести, потому что эта сила не видна глазом. Он упрекал Ньютона в том, что его теория силы тяжести означает возврат к оккультным наукам. Теплота, свет, магнетизм и электричество утратили свой магический ареол, потому что была показана их зависимость от неизменных законов. В результате измерения тепла и света, постановки механических, пневматических, гидростатических, гидравлических, магнетических, акустических и электрических опытов стало ясно, что в реальности существует, а чего не существует, что поддается измерению, а что нет. При этом большую роль играли те, кто изготавливал физические приборы.

32 Так писал Томас Спрэт по заказу общества, чтобы лучше познакомить с его деятельностью широкую публику. См.: *Sprat Th. The history of the Royal Society of London, for the improving of natural knowledge. L., 1667.* Цит. по: *Henry J. Knowledge is power. P. 156.*

33 Ibid.

34 Для нас колдовство, или магия, ассоциируется с полетами на метле, но такое сверхъестественное понимание магии возникло только в XIX в. В начале XVII в. магией называлось то, что непонятно, но обязательно имеет сверхъестественную основу. По определению Мартина дель Рио, магия была «искусством и техникой, которые, используя силы творения, а не сверхъестественные силы, устраивают трюки, удивительные и непривычные, непонятные человеческим чувствам и разуму» (цит. по: *Henry J. Knowledge is power... P. 68–81*). Однако творить сверхъестественные дела может только Бог. А естественная магия, как ее называли, занималась свойствами и силами физических тел.

Лейден, Ван Мушенбрук

Увидев в Лондоне при посещении Королевского общества воздушный насос Роберта Бойля, профессор Лейденского университета Бурхард де Волдер (1643–1709) был настолько восхищен им, что решил обязательно использовать подобные приборы на занятиях со студентами. Лейденский университет стал первым в Европе, где был создан «Физический театр» (*Theatrum Physicum*). Множество приборов университет приобрел в мастерской семьи Ван Мушенбруков в Лейдене. Например, Самуэль ван Мушенбрук (1540–1681) изготовил в 1665 г. по заказу Рюйша инъекционные иглы, с помощью которых анатом производил впрыскивание в протоки лимфы. Яну Сваммердаму (1637–1680) и Христиану Гюйгенсу он поставлял линзы³⁵. У племянника Самуэля Йохана ван Мушенбрука работы прибавилось, когда и другие университеты начали использовать в преподавании «философские» (т.е. физические) приборы (между 1675 и 1705 гг.). Теперь студенты могли видеть собственными глазами, как действуют недавно открытые законы давления воздуха, силы тяжести, и им демонстрировались поразительные свойства вакуума³⁶.

Амстердам, Фаренгейт

Демонстрации физических опытов проводились также и для широкой публики из непосвященных. Это приносило исследователям приличный доход, правда, им приходилось ездить со своими приборами по городам и весям. Специалист по термометрам из Данцига Габриель Даниель Фаренгейт (1686–1736) с 1716 г. устраивал в Амстердаме демонстрации недавно открытых законов природы. Амстердамцы очень интересовались ими, так как до 1755 г. естественные науки еще не входили в программу амстердамского Атенеум Иллюстре, предшественника Амстердамского университета. В течение двенадцати лет Фаренгейт с декабря по март проводил курс еженедельных занятий по оптике и гидростатике для широкой публики³⁷. Все заработанные на этом деньги он вкладывал в свои исследования.

Фаренгейт начал производить термометры в 1706 г. и рассылал их по всем странам, включая Исландию и Лапландию. Свои первые спиртовые термометры он подарил знаменитым нидерландским ученым Герману Бургаве, Виллему Якобу ван Гравезанду и Ламберту тен Кате (1674–1731)³⁸.

Лондон, кофейные дома

В Англии круг любителей наук, дилетантов, также не был замкнутым, в него мог войти любой желающий. Новейшие открытия обсуждались в кофейных домах, особенность которых состояла в том, что здесь могли встречаться люди из самых

35 *Clercq P. de*. At the sign of the oriental lamp. The Musschenbroek workshop in Leiden, 1660–1750. Rotterdam, 1997. P. 35.

36 *Ibid.* P. 134–149.

37 *Cohen E. W.A.T.* Cohen-de Meester, Daniel Gabriel Fahrenheit. Amsterdam, 1936. P. 20.

38 *Fahrenheit's letters to Leibniz and Boerhaave* / Ed. by P. van der Star. Leiden, 1983. P. 3–7.

Клод Перро (1613–1688) сидит за столом, на котором препарируют лису. За ним, в шляпе, стоит анатом Жозеф Гишар Дюверней (1648–1730), у которого учились Р. Арескин и Л.Л. Блюментрост.

Гравюра из книги: *Perrault C., Dodart D. Memoires pour servir a l'histoire des animaux et des plantes. Amsterdam, 1736.*

Библиотека Амстердамского университета

разных социальных слоев. Эти кофейни (первая была открыта в 1650 г. в Оксфорде, а в 1700 г. в Лондоне их насчитывалось уже около тысячи) играли роль центров для обмена знаниями и внесли в науку больший вклад, чем консервативные университеты. Тот, кто сумел выбрать для посещения правильные кофейни, мог пройти там полный академический курс, положенный джентльмену.

Кроме кофейных домов, открытых для всех, широкому распространению знаний способствовали книги, написанные «любителями». Нидерландский университетский профессор Виллем Гравезанд и французский писатель и философ Вольтер (1694–1778) содействовали популяризации достижений английского физика Исаака Ньютона, который сам неумело представлял свои труды. В результате любой бюргер мог прочитать в учебнике по ньютоновской физике, который написал простым языком Гравезанд и который вскоре был переведен на множество языков, как с помощью воздушного насоса можно создать вакуум.

Париж, Академия наук

В Париже в 1666 г. по просьбе братьев Перро министр Жан-Батист Кольбер поставил на регулярную основу собрания естествоиспытателей, проходившие раз в две недели в Королевской библиотеке. Кольбер заплатил Христиану Гюйгенсу 6000 ливров, чтобы тот приехал в Париж и взял на себя руководство физическими

Визит Людовика XIV во Французский научный центр — Jardin du Roi (Королевский сад).

На гравюре на переднем плане изображены сфера, выпукло-вогнутое зеркало, глобус и чучело морского льва. На заднем плане — человек, держащий в руках воздушный насос; в простенке между окнами висит человеческий скелет; в окне видна строящаяся обсерватория (1672). Гравюра из книги: *Perrault C., Dodart D. Memoires pour servir a l'histoire des animaux et des plantes. Amsterdam, 1736.*

Библиотека Амстердамского университета

исследованиями. Клод Перро (1613–1688), архитектор, физик и врач, в 1667–1672 гг. построил обсерваторию, существующую по сей день. Он занимался анатомированием как экзотических, так и домашних животных, а результаты опубликовал в двух иллюстрированных томах, вышедших в 1669³⁹ и 1676 гг. В предисловии Перро писал: «Кто сам не способен, тот хочет, чтобы все, как и он сам, слепо почитали сочинения античных авторов. Однако наши описания точны, ибо мы сообщаем только о том, что видели собственными глазами. Наши описания точнее, чем у античных авторов, которые по большей части основывались на сообщениях других людей. Не будем перечислять ошибки этих великих мужей. Хотим лишь предупредить читателя, что наши наблюдения отличаются от их. Мы описываем нашего собственного медведя и не пишем, что у медведей с одной стороны 52 ребра. Надеюсь, что для Вашего Величества сей труд будет значить не меньше, чем для Александра Македонского, хотя я не хочу сравнивать себя с Аристотелем»⁴⁰. Перро писал, что анатомирование производится «людьми, которые смотрят на то,

39 *Perrault Cl. Description anatomique d'un caméléon, d'un castor, d'un dromadaire, d'un ours et d'une gazelle. P., 1669.*

40 В этом предисловии Перро ни разу не использует слова «Бог» и «Творение»: *Perrault Cl. Mémoires pour servir à l'histoire naturelle des animaux / Red. W.J. 's Gravesande. Den Haag, 1731. (P., 1676).*

что есть, и которых невозможно убедить в том, что они видят нечто, чего нет; людьми, которые стремятся не столько открыть что-то новое, сколько добросовестно исследовать якобы открытое другими; для которых доказательство их собственных ранее сделанных ошибок не менее радостно, чем яркое и важное новое открытие, ибо в их разуме любовь к достоверности преобладает над всем прочим»⁴¹. Пылкая речь в защиту публичных коллективных исследований, которые могут быть фальсифицированы!⁴² Лишь в 1699 г. Людовик XIV даровал Академии наук определение «Королевская» и устав. Согласно уставу, академия вела исследования по шести дисциплинам: геометрии, астрономии, механике, анатомии, химии и ботанике. По каждой было выделено жалование для двух ученых, членов академии; заседания проходили в Лувре. Если места членов академии оказывались не занятыми, то начиная с 1716 г. в заседаниях могли участвовать адъюнкты. У академии имелись также члены-корреспонденты за границей.

Берлин, образец для Петра

В 1650 г. Берлин был не более чем резиденцией курфюрста, расположенной в безлюдной, плоской, бедной земле Бранденбург, неблагоприятной для земледелия. Население этой земли до такой степени сократилось после тридцати лет религиозных войн, что сюда пришлось завозить крестьян из других мест, даже из Нидерландов. Здесь были рады также спасшимся из Франции текстильщикам-гугенотам и беженцам из Рейн-Пфальца и альпийских районов. В 1697–1698 гг., когда в Берлин приезжал Петр, здесь как раз создавались кунсткамера и библиотека. Осенью 1697 г. было решено построить при дворце курфюрста обсерваторию.

София Шарлотта (1668–1705), курфюрстина Бранденбурга, жаловалась на то, что в Берлине — месте встреч ученых — не издавалось альманаха, а также не было астронома и обсерватории. Философ и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц, друг ее матери, Софии Пфальцской (1630–1714), предложил ей помочь основать не только обсерваторию, но и научное общество⁴³. Изначально оно называлось обществом, а не академией, чтобы подчеркнуть, что это не учебное заведение. Однако в 1744 г. его все же переименовали в академию. При подобном научном обществе, по мысли Лейбница, обязательно должны были быть «кунсткамера

41 *Perrault Cl.* Description anatomique d'un caméléon, d'un castor, d'un dromadaire, d'un ours et d'une gazelle. P., 1669.

42 *Wills J.E.* Een jaar in de wereldgeschiedenis. Amsterdam, 2001. P. 250.

43 Муж Софии-Шарлотты, курфюрст Бранденбургский Фридрих III (1657–1713), который, став королем Пруссии, именовался Фридрихом I, основал не только Научное общество в Берлине с его библиотекой и коллекциями, но и университет в г. Галле, где преподавались такие новые предметы, как история и естественные науки. Фридрих прокладывал дороги и каналы, осушал болота и выступал сторонником веротерпимости. У него была коллекция картин, скульптур и натуралий, частично унаследованных от отца, Фридриха Вильгельма (1620–1688), в свое время получившего образование в Лейденском университете. Мать Фридриха III была старшей дочерью статхаудера Нидерландов Фредерика-Хендрика Оранского и Амалии ван Солмс.

с собранием редкостей, коллекция живописи и анатомических препаратов, показанных иначе, чем теперь наставлено в аптеках, медицинский огород, зверинец и *Theatrum Naturae et Artis*, чтобы иметь живое представление и знания обо всех вещах»⁴⁴. Финансировать все это следовало из денег, вырученных благодаря монополии на печатание альманахов⁴⁵. В августе 1713 г. император Карл VI (1711–1740) назначил Лейбница президентом новой Академии наук в Вене.

Наука приносит доход

Если сравнить планы, представленные Лейбницем его немецким покровителям в надежде на то, что и для него в научном обществе найдется место работы, с ситуацией в Нидерландах, то можно заметить, что там аналогичные планы воплощались в жизнь уже в течение нескольких десятков лет. Однако в Нидерландах это происходило не благодаря финансированию герцога или курфюрста, а благодаря стараниям множества людей, любителей, которые, по словам Себы, «не жалели ни времени, ни денег, ни трудов, чтобы совершать новые открытия в самых разных областях науки»⁴⁶. Обмен знаниями происходил по линии личных контактов. Власти не думали создавать какой-либо всеобъемлющей организационной структуры. Ван Беркель указывает на то, что в Нидерландах «политическая власть в последней инстанции находилась в руках городов и местных регентов», а они «по вполне понятным причинам не были склонны объединять свои фонды с другими для создания научного общества в масштабах всей страны, которое по характеру и по функции было бы сравнимо с Парижской академией (1666) или с Российской Императорской академией (1724)»⁴⁷. Иными словами, в Нидерландах наука не была столь же строго урегулирована, как во Франции. Научной деятельностью занимались заинтересованные частные лица. Первые научные общества появились здесь лишь в середине XVIII в. (Общество Тейлора), а Академия наук и вовсе в середине XIX в.

В странах с сильной центральной властью с середины XVII в. произошел переход к планированию научной деятельности с целью получения дохода. Уже со времен Фрэнсиса Бэкона монархи имели при себе советников, которые рекомендовали им создавать вокруг себя социальный слой высокообразованных подданных. Монархи осознавали важность знаний не только для усовершенствования государственного правления, но и для выявления способов повышения собственных доходов. Одним из таких способов было владение монополией на

44 *Leibniz G.W.* Grundriss eines Bedenckens von Aufrichtung einer Societät in Teütschland zu aufnehmen der Künste und Wissenschaften // *Sämmtliche Schriften und Briefe*. Uitg. preussische Ak. der Wis. Darmstadt, 1925. Bd. I. S. 540.

45 *Aiton E.J.* *Leibniz: a biography*. Bristol, 1985. P. 319.

46 *Seba A.* *Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur...* Dl. I. [IX].

47 *Berkel K. van.* *In het voetspoor van Stevin. Geschiedenis van de natuurwetenschap in Nederland 1580–1940*. Meppel; Amsterdam, 1985. P. 85.

производство предметов роскоши. Во Франции времен Людовика XIV при министре Кольбере таким предметом роскоши был шелк, для производства которого требовалось вырастить шелковичного червя, размотать кокон, спрясть из волокон кокона нить и, наконец, соткать шелковую ткань. Немало знаний требовалось для производства фарфора из определенного сырья и для широкомасштабного плетения шпалер. В Берлине курфюрст Бранденбурга также следовал примеру Кольбера⁴⁸. 8 января 1703 г. София-Шарлотта выдала Лейбницу патент на производство шелка в Пруссии, чтобы на доходы от этого производства содержать Академию наук⁴⁹.

В России

Знакомство Петра с «Республикой любителей», с людьми, занятыми поиском, экспериментированием, классификацией и осмыслением результатов опытов с целью получить доход, добиться успеха, завоевать славу и честь, произвело на него благоприятное впечатление. В сфере образования и описания результатов исследований новая наука пользовалась не только латынью, но и все чаще современными языками и носила в первую очередь практический характер. Петру, как самоучке, это было по душе. Правда, условия в России были иными: здесь не была распространена гражданская печать, и хотя Библия была переведена, сочинения античных авторов оставались практически неизвестными⁵⁰.

Культурные, экономические и практические мотивы, побуждавшие Петра положить начало изучению в России наук по западноевропейскому образцу, мало отличались от мотивов других монархов: поиска новых возможностей для получения самодержцем преимуществ.

48 Steierwald U. Wissen und System. Zu Gottfried Wilhelm Leibniz' Theorie einer Universalbibliothek. Koeln, 1995. S. 101.

49 Aiton E.J. Leibniz: a biography. P. 253.

50 Wes M.A. Tussen twee bronzen ruiters. Klassieken in Rusland, 1700–1855. Baarn, 1991; Противоположную точку зрения по этому вопросу см.: Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVII вв. München, 1991. (Slavistische Beiträge. Bd. 278) (Прим. науч. ред.).

Глава III

Главные действующие лица

Как мы увидели, изучение природы в Амстердаме, Лондоне и Берлине было организовано по-разному. Мировоззрение главных действующих лиц нашего повествования сформировалось на основе разных традиций. О таких фигурах, как Альберт Себа, Роберт Арескин, Иоганн Даниэль Шумахер и Лаврентий Блюментрост, стоит рассказать подробнее. Они сыграли важную роль в создании Кунсткамеры, и, узнав о них, мы можем лучше понять историю приобретения коллекций для петербургской Кунсткамеры. В нашей книге в центре внимания находится Себа. Но, прежде чем говорить о нем, необходимо остановиться еще на двух важных личностях: советниках Петра Готфриде Вильгельме Лейбнице и Якове Брюсе.

Петр I

Приобретение двух больших амстердамских коллекций *натуралий* было частью плана Петра повысить уровень знаний соотечественников. После своего путешествия по Европе Петр в первую очередь начал переводить на русский язык учебники. Уже в 1699 г. в амстердамской типографии была напечатана первая книга в русском переводе¹. Поначалу программу издания переводных учебников осуществлял Илья Копиевский, работавший в Амстердаме. Позднее книги стали печататься уже в Москве гражданским русским печатным шрифтом, разработанным в Амстердаме на основе латинского капитального шрифта и исправленным самим Петром. Эти первые в России светские книги вышли в свет в Амстердаме между 1699 и 1710 гг. Они были посвящены мировой истории², арифметике, военному делу. Были выпущены также немецко-русский и голландско-русский словари — с весьма ограниченным словариком. Вышли в свет также краткая латинская

1 См., например: Краткое и полезное руководство в арифметику. Амстердам, 1699; Поверстание кругов небесных. Амстердам, 1699; Краткое собрание Льва Миротворца, августейшего греческого кесаря, показующее воинских дел обучение. Амстердам: в друкарне Ивана Андреева Тесинга, 1700. Подробнее см.: Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 г. / Сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л., 1958.

2 *Копиевский Илья Федорович*. Введение краткое во всякую историю, почину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное... Издана же сия книга по указу Пресветлейшего и великого государя нашего Царя государя и великого князя Петра Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца / Юже созда Елиас Федоров Копиевский. На печаташья в Амстердаме в друкарне Ивана Андреева Тесинга. 1699.

грамматика на русском языке³ и маленькая книжечка на латыни, что для России было новинкой. Книжка содержала несколько басен Эзопа на латыни и иллюстрации к ним размером во всю страницу с подписями на русском языке⁴. Поскольку Петр проводил в Российской империи великие преобразования, ему предлагали свои планы развития культуры многие предприимчивые изобретатели, стремившиеся исправить мир. В России часто пишут о том, что идею создания Кунсткамеры и Академии наук ему предложил Лейбниц. При этом роль Якова Брюса почти никто из российских исследователей не оценил. Отличался ли план, разработанный Лейбницем, от уже осуществляемой в то время по всей Европе программы естественно-научных исследований, основы которой веком раньше сформулировал Фрэнсис Бэкон?

Советник Петра Готфрид Вильгельм Лейбниц

Точно так же, как и Петр по возвращении из европейского путешествия, Лейбниц, бывший намного старше Петра, прекрасно ориентировался в мире коллекционеров и естествоиспытателей Англии, Германии и Нидерландов. В 1676 г. по пути в Англию, в Лондонское королевское общество, он посетил физика Яна Сваммердама и амстердамского бургомистра-математика Иоханнеса Хюдде, а также шлифовщика линз Антони Левенгука в Дельфте. Лейбниц неоднократно беседовал с «безбожником» Спинозой в Гааге, учился у Христиана Гюйгенса в Париже. С Николаасом Витсенем он состоял в переписке. Во Франкфурте-на-Майне Лейбниц в течение трех дней знакомился с коллекцией *натуралии* и книгами о гусеницах Марии Сибиллы Мериан. В 1694 г. он закончил работу над своим прототипом вычислительной машины и заинтересовался наряду с математикой философией, Китаем, языкознанием, национальной (профилактической) медициной и техническими новинками⁵.

Находясь в постоянном поиске заказчиков, Лейбниц несколько раз пытался познакомиться с Петром во время его пребывания в Европе, но безрезультатно. Его подруге и корреспондентке герцогине Софии и ее дочери Софии-Шарлотте⁶ в 1697 г. один раз удалось встретиться с русским царем в Копенбрюгге. Эти две образованные женщины описывали царя как интригующего, некультурного, любопытного медведя⁷. Лейбниц предложил Петру свои услуги в деле написания

3 Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonico-Rosseanae adornata / Studio, atque opera Eliae Kopiliwitz seu De Hasta Hastennii. Amstelodami [e typogr. auctoris], 1700. Ed. prima, nova hujusce anni cura. Amslelodami [12], 244 s. in-8°.

4 Притчи Эсоповы, на латинском и руском языке... с приложением «Гомеровой брани, или Боя жаб, или лягушек, и мышей». Амстердам, 1700. in-8.

5 Aiton E.J. Leibniz: a biography... P. 68, 142, 173, 215.

6 Отцом Софии Шарлотты, курфюрстины Бранденбургской, был герцог Эрнст-Август (1629-1698).

7 Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover an die Raugräfinnen und Raugrafen zu Pfalz / Red. Ed. Bodemann. Leipzig, 1888. S. 160.

для России новых законов, чтобы тем самым «стать русским Солоном», как он шуточно сформулировал это в письме к Софии. В своей переписке Лейбниц отзывался о России с насмешкой, высокомерно называя ее «*tabula rasa*», но в то же время его непреодолимо влекло к этой «чистой доске» с ее гигантским потенциалом. И вот ему наконец-то представилась возможность приступить к работе.

В конце 1708 г. Лейбницу было поручено взять в свои руки развитие в России математики и естественных наук⁸. В 1712 г. его функция советника Петра обрела материальную основу — оклад в 1000 талеров в год⁹. Царь пообещал Лейбницу оказать содействие в исполнении его просьбы — измерении «магнитного склонения» на территории всей России¹⁰. Лейбниц рекомендовал Петру вступить во взаимодействие с Китаем, чтобы как можно больше узнать о науках и искусствах, пока еще неизвестных в Европе. В качестве примера он указал на связь между гексаграммами Ицзин и собственной двоичной системой счисления¹¹. Позднее Лейбниц переписывался об этом с людьми из окружения царя, в частности с генералом Яковом Брюсом. Брюс получил от Лейбница подробнейшие указания по организации исследований языков народов Российской империи и измерения магнитных явлений во всей стране¹².

В июне 1716 г. Лейбниц снова встречался с Петром I в Бад-Пирмонте, где царь поправлял здоровье на углекислых и соляных источниках. Царь сообщил ему о наблюдениях за магнитным полем на территории России и рассказал о плане развития искусств и наук, а также о проекте создания государственных министерств¹³. От Лейбница Петр получил состоявший из семи пунктов план приумножения собственной славы и благоденствия России. По этому плану Петр должен был содействовать: 1. Изучению истории происхождения народов; 2. Распространению христианства; 3. Усовершенствованию судоходства; 4. Изучению астрономии; 5. Совершенствованию географических знаний; 6. Распространению естественных наук; 7. Совершенствованию всех наук и искусств¹⁴.

Благодаря этому плану Лейбницу часто приписывается та заслуга, что именно он навел Петра на мысль о создании Академии наук. Однако американский историк Валентин Босс замечает, что это не так, и указывает на тот факт, что царь размышлял об учреждении Академии наук в России еще в 1698 г. в Англии, как то

8 Aiton E.J. Leibniz: a biography... P. 274; Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover... S. 97.

9 Aiton E.J. Leibniz: a biography... P. 308; Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen. Sint-Petersburg; Leipzig, 1873. S. 270.

10 Aiton E.J. Leibniz: a biography... P. 309.

11 Ibid. P. 310; Leibniz G.W. Oeuvres de Leibniz / Red. A. Foucher de Careil. Hildesheim, 1969. Dl. VII. P. 395–403.

12 Aiton E.J. Leibniz: a biography... P. 310; Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen... S. 239–249.

13 Aiton E.J. Leibniz: a biography... P. 324; Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland... S. 346–369.

14 [Предложение вице-канцлеру П.П. Шафирову] 22 июня 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 5.

следует из его разговоров с Эдмондом Галлеем (Edmond Halley, 1656–1742)¹⁵. Известно, с каким интересом Петр прислушивался к советам владельцев научных коллекций в Нидерландах, Германии, Англии, а двадцать лет спустя, в 1717 г., и во Франции. Не во всей ли Европе витали эти идеи, после того как их сформулировал Бэкон? Многие из тех, с кем Петр обменивался мыслями во время своего европейского путешествия, представляли себе те же схемы развития наук, что и Лейбниц, а некоторые уже успели их реализовать. Можно лишь с уверенностью сказать, что, когда Лейбниц в 1708 г. передал Петру свои предложения, почва для них была уже отлично подготовлена.

Советник Петра Яков Брюс

Генерал Яков Брюс, родившийся в России, внук шотландского дворянина на русской военной службе, совершил поездку по Европе в составе Великого посольства Петра I. За год до этого, после путешествия по России от Воронежа до Азова он начертил карту русских владений в «Тартарии» и Малой Азии. «Создается впечатление, что именно от него исходил главный стимул для Петра к радению о науках», — отметил В. Босс¹⁶. Кроме русского, Брюс знал также английский, немецкий и, по-видимому, голландский языки.

В Лондоне Яков Брюс сопровождал Петра, в частности, во время его визита к астроному Джону Флемстиду (1646–1719), жившему тогда в Гринвиче в доме при Королевской обсерватории (основана в 1675 г.), который теперь называется Флемстид-Хаус. В 1698 г. Петр консультировался у английского астронома Эдмонда Галлея насчет «наук и искусств, которые он хотел начать развивать в своей империи»¹⁷. Петр пригласил этого специалиста по кометам поступить к нему на службу, но тот отказался и в 1698 г. предпринял две полярные экспедиции с целью измерения земного магнетизма. В 1720 г. Галлей сменил Флемстида на посту королевского астронома в Королевской обсерватории¹⁸. Яков Брюс присутствовал также во время посещения Королевского монетного двора в Тауэре, где Петр осматривал механический станок, на котором чеканились монеты с надписями на гуртах — чтобы с краев не срезали металл. Вероятно, там же был и Исаак Ньютон, возглавлявший Монетный двор. Когда Петр вернулся в Голландию, Брюс остался в Англии, чтобы прослушать курс навигации и математики. В библиотеке Брюса имеется рукопись на английском языке, написанная его почерком в 1697 г. в Англии, по математике и астрономии, возможно, конспект тех лекций¹⁹. Один из математиков Абердинского университета в Шотландии, Генри Фаркварсон (в России — А.Д. Фарварсон), согласился на предложение Брюса

15 Boss V. *Newton and Russia. The early influence, 1698–1796*. Cambridge (Mass.), 1972. P. 93.

16 Ibid. P. 17; Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий: Сб. ст. / Ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1947. С. 86.

17 Boss V. *Newton and Russia. The early influence, 1698–1796...* P. 93–95.

18 Ibid. P. 93–95.

19 Библиотека Я.В. Брюса: Каталог / Сост. Е.А. Савельева. Л., 1989. С. 11.

поступить на русскую службу. В 1702 г. в Москве была открыта первая школа, дававшая основы научного образования, – Школа математических и навигацких наук, во главе которой встал Брюс. Школа располагалась в Сухаревой башне, которая возвышалась над окружающими деревянными домами и потому была удобной для астрономических наблюдений за небом. Год спустя Брюса сменил Фарварсон. В 1711–1712 гг. в программу входили в основном дисциплины по морскому делу. В 1715 г., когда школа переехала в Петербург, Петр своей рукой написал новую программу, отличавшуюся от прежней тем, что в нее была добавлена фортификация²⁰.

Учебная программа 1711–1712 гг.

арифметика

геометрия

тригонометрия

навигация «на плоскости»

меркаторовская навигация

навигация с учетом сферичности

земной поверхности

использование диурналов
(разновидность астрольбии)

наука о сфере

астрономия

география

Учебная программа 1715 г.

арифметика

геометрия

навигация

знание частей корабля и такелажа

география

фортификация

артиллерия

фехтование

черчение

танцы (факультативно)

Позднее Яков Брюс возглавил также Берг-коллегию, занимавшуюся проблемами добычи и использования полезных ископаемых. Кроме того, он был серьезным астрономом, сам изготавливал астрономические приборы²¹ и издавал первые в России альманахи (астрономические календари). Для создания альманахов

²⁰ *Okenfuss M.J.* The Jesuit origins of Petrine education // The eighteenth century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 139.

²¹ В каталоге Кунсткамеры «*Musei imperialis Petropolitani vol. II pars I*» в разделе «*Artificialia*» указано: «*Nr. 52. Speculum magnum metallicum causticum, circa axem mobile, amplitudinis 2 ped. 3 poll. cum Inscriptione Ruthenica, cuius sensus est: Factum propria cura Comitis Iacobi Vilimovitz de Bruce, 1733, m. Augusto*» – «Большое металлическое зажигательное зеркало, на подвижной оси, шириною в 2 фута 3 дюйма с надписью по-русски, «ЗДЕЛАНО СОБСТВЕННЫМЪ ТЩАНИЕМЪ / ГРАФА ЯКОВА ВІЛЕМОВІЧА БРЮСА / 1733 : ГОДУ : АВГУСТА МЦА».

необходимы астрономические знания. В альманахах указывались время восхода и захода солнца, даты праздников и важнейших ярмарок, а также расположение планет, которое считалось важным, например для того, чтобы рассчитать, какой день подходит для кровопускания. В Нидерландах в 1650 г. альманахи составлял Дирк Рембрандтзоон ван Нируп (1610–1682), переписывавшийся с такими учеными, как Христиан Гюйгенс, Рене Декарт и Франс ван Схотен²². Однако к началу XVIII в. в Нидерландах астрономия и астрология уже разошлись. В России этот процесс произошел намного позже²³.

После смерти Брюса осталась большая библиотека, включавшая английские, нидерландские, немецкие, итальянские и латинские книги. Русские ученые следующего поколения — В.Н. Татищев (1686–1750), М.В. Ломоносов (1711–1765) и Г. Рихман (1711–1753) — познакомились с идеями Ньютона по экземплярам его сочинений из библиотеки Якова Брюса. Одна из тех книг, которые Брюс покупал уже будучи в отставке, живя в своем имении под Москвой, свидетельствует об актуальности бэконовской программы для России XVIII в. Это издание сочинений Фрэнсиса Бэкона 1733 г. в английском переводе. В нем рядом с текстом Бэкона напечатаны сведения о том, каким образом на тот момент были реализованы его планы в той или иной области знаний. Брюс и сам вносил в книгу собственноручные дополнения²⁴.

Альберт Себа

Альберт Себа как аптекарь экспериментировал с новыми действенными ингредиентами для своих лекарств и как коллекционер собирал сведения, необходимые для описания своей богатой естественно-исторической коллекции. В этом втором качестве он мог играть заметную роль в новом мире любознательных исследователей. Себа переписывался с английским аптекарем и ботаником Джеймсом Петивером (ок. 1663–1718), швейцарским коллекционером окаменелостей профессором Иоганном Якобом Шейхцером, английским коллекционером *натуралий* Хансом Слоуном, председателем Лондонского королевского общества, и с шотландским естествоиспытателем Робертом Арескиным, лейб-медиком и хранителем коллекций Петра. У нас нет сведений о том, что Себа совершал дальние путешествия²⁵. Свои знания о дальних странах он черпал из переписки и книг²⁶.

22 *Salman J.* Een handdruk van de tijd. De almanak en het dagelijks leven in de Nederlanden 1500–1700. Delft, 1997. P. 30.

23 *Wigzell F.* Reading Russian Fortunes: Print Culture, Gender and Divination in Russia from 1765. Cambridge, 1993.

24 Библиотека Я.В. Брюса... С. 29.

25 *Engel H.* The life of Albert Seba... P. 97.

26 Книги из библиотеки Себы попали к его зятю Й. Маркусу. См.: *Marcus J.* Bibliotheca selectissima, sive Catalogus praestantissimorum et exquisitissimorum librorum (plurimum rarissimorum) theologorum, chronologicorum... Amstaelodami, 1750. 30 марта 1728 г. Маркус купил также часть собрания Н. Витсена: *Gebhard J.F.* Het leven van Nicolaas Cornelisz. Witsen (1641–1717). Utrecht, 1881–1882. Dl. II. P. 528.

Себа был членом трех научных обществ. В 1722 г. он стал членом итальянской Болонской академии²⁷, в 1727 — членом академии «Леопольдина»²⁸, которую первоначально в 1652 г. основали во Швайнфурте четыре врача и назвали ее «Academia Naturae Curiosorum». В 1728 г. Себа был принят в Лондонское королевское общество. В составлении каталогов его коллекции Себе помогали два молодых человека: физик Петер ван Мушенбрук и врач Иероним Давид Гаубиус (1705–1780). Гаубиус к этому времени уже перевел на латынь богато иллюстрированное исследование Яна Сваммердама о насекомых²⁹. Впоследствии оба стали выдающимися учеными.

В том, что аптекарь Себа поддерживал множество международных контактов, не было ничего особенного, тогда это было принято, однако необычным было происхождение Себы. Альберт Себа родился 2 (12) мая 1665 г. в крестьянской семье в Этцеле, деревне на севере Германии³⁰. В сельской школе он выучил латынь, его учителем был отчисленный из университета студент-теолог, приглашенный в деревню состоятельными крестьянами для обучения их детей. После этого Себа переехал в ближайший городок Нойштадт Гёденс, где пошел учеником к аптекарю, брату священника из их деревни. Этот городок у самого побережья Северного моря был основан веком раньше бежавшими сюда из Нидерландов меннонитами, так что здесь все еще говорили по-нидерландски. Поэтому для Себы было нетрудно продолжить свое образование в Нидерландах, на первых порах в Гронингене. В то время аптекарское дело не принадлежало к числу университетских наук, так что и здесь он поступил в ученики к мастеру-аптекарю, а через три года стал подмастерьем.

Следующий трехлетний период обучения, обязательный для сдачи экзамена на аптекаря, Себа прошел в аптеке у Николаса Домстерфа в Амстердаме, куда устроился 13 мая 1687³¹. Затем он переехал в Нюрнберг, где поступил на работу к аптекарю Йоганну Леонарду Штёберлайну (1636–1696), имевшему коллекцию произведений искусства и *натуралий*. Еще через три года Себа перебрался в Страсбург. 8 февраля 1696 г. Андреас Семи и Агнес Вейланд выписали ему свидетельство, после чего он вернулся в Амстердам. 3 мая 1697 г. в возрасте 32 лет он был зарегистрирован как полноправный житель Амстердама. И наконец 11 июня 1697 г. он успешно сдал экзамен на аптекаря, после чего через год женился на Анне

27 Accademia delle Scienze dell'Istituto di Bologna (1714).

28 В 1677 г. академия была признана императором, а в 1687 г. император Леопольд I даровал ей статус Императорской академии (Sacri Romani Imperii Academia Caesareo-Leopoldina Naturae Curiosorum) и ряд привилегий, в частности освобождение от цензуры и запрет на перепечатку ее изданий. Академия располагалась там же, где жил ее президент. <http://www.leopoldina.uni-halle.de>. (26 марта 2006 г.).

29 Это исследование уже после смерти Сваммердама опубликовал Герман Бургаве под названием «Библия природы»: *Swammerdam Jan. Bijbel der natuure*. Inl. Herman Boerhaave. 2 dln. Leiden, 1737–1738.

30 *Ahlrichs E. Albertus Seba — Zu seinem 250. Todestag. Monographie des berühmten Apothekers und Naturaliensammlers aus Ostfriesland*. Aurich, 1986. S. 6.

31 *Engel H. The life of Albert Seba...* P. 76.

Лопес. 2 февраля 1700 г. он купил себе дом на Харлеммерстраат, где оборудовал и аптеку, и жилые помещения. Официально дом назывался «Немецкая аптека», но нередко его называли также «Дом с единорогом». Это здание сохранилось до сих пор. Себа выпестовал здесь 19 учеников.

Несмотря на содержание аптеки, основной доход ему приносила оптовая торговля лекарствами. Альберт Себа решил поселиться именно в Амстердаме — городе, где шла самая бурная торговля лекарствами во всей Европе³², куда уже сто лет подряд ежегодно прибывали корабли из Ост- и Вест-Индии, привозившие разнообразные экзотические товары. Товары из еще более далеких стран, например из Китая, попадали в Амстердам иногда через Венецию. Один из биографов Себы описывает, как тот всегда самым первым поднимался на борт корабля, который после многомесячного плавания приводили в амстердамский порт измученные моряки, и продавал им свои аптекарские товары, а заодно по дешевке тут же скупал всевозможные редкости, привезенные ими из Азии и Америки³³. Себа был известен в Нидерландах и за границей не только как аптекарь, но и как коллекционер, собиравший и *натуралии*, и *артифициалии*. Он приобретал предметы для своей коллекции и на аукционах, «когда распродавались кабинеты умерших любителей», а также «шкиперов, хирургов³⁴ и других путешественников, плававших в дальние края, откуда можно привезти много редкостей»³⁵.

А. Себа гордился тем, что мог поставлять экзотические лекарства, приготовленные на основе растений, животных и минералов из дальних краев. Для приготовления лекарств он использовал как местные, так и привозные ингредиенты, например восточные bezoарские камни³⁶. Этот камень, встречающийся в желчном пузыре или желудке bezoарской козы, нередко хранился в коллекциях *натуралий*. Считалось, что он служит универсальным противоядием, поэтому высоко ценился как лекарство. Вариантом bezoарского камня был *pedro del porco* — свиной камень. Некрупные образцы этих камней обычно висели на золотой цепочке или хранились в золотых шкатулках. Более крупные ценились особенно высоко и иногда были оправлены в серебро³⁷. У Себы коллекционирование *натуралий* отчасти совпадало с собиранием сырья для лекарств в аптеке.

В то время европейские фармацевты во многом опирались на сочинения арабских авторов, стремившихся создавать «сложные» лекарства. На нидерландских аптеках красовались вывески с изображениями мавров, что указывало на арабское

32 Wittop Koning D.A. De oude apotheek. Bussum, 1966. P. 39.

33 Имеется в виду Кратевас (Cratevas, он же Dr. Johannes Ernestus Hebenstreit), цит. по кн.: Engel H. The life of Albert Seba... P. 80.

34 Хирурги получали образование в качестве подмастерьев у мастеров — членов гильдии хирургов и имели богатый практический опыт. Врачи получали университетское образование, носившее теоретический характер.

35 Seba A. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur ... Dl. I. [XII].

36 Письмо А. Себы Р. Арескину. 1 июня 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 66–67.

37 Wittop Koning D.A. De oude apotheek... P. 60.

происхождение многих лекарств³⁸. Традиционно все лекарства разделялись на две большие группы: *simplicia*, то есть простые, и *composita* – составные. *Simplicia* в зависимости от их происхождения делились на растительные, животные и минеральные. Из этих трех разновидностей аптекарь и составлял *composita*. Например, для приготовления дорогого лекарства против отравления *confectio hyacinthi* кроме десяти различных растений требовались также красный коралл, стружка, соскобленная с оленьих рогов, и слоновая кость, мускус и амбра, сусальное золото и сусальное серебро, сапфир, изумруд, топаз, жемчуг, гиацинт и т.п.³⁹

Сравнительно новым видом лекарств были так называемые *chimica* – химические лекарства. Швейцарский врач Парацельс (1493–1541) начал выделять с помощью химических реакций активные вещества из растительного и животного материала. В Лейдене пионером в использовании химических лекарств был Франц де ле Боэ Сильвий (1614–1672)⁴⁰. Себа дружил с лейденским врачом Германом Бургаве, который также ставил эксперименты по созданию *chimica*⁴¹. Себа гордился тем, что его аптека наряду с *simplicia* и *composita* поставляет клиентам также новейшие *chimica*.

Несмотря на то что ученые открывали лечебные свойства все большего количества веществ, старые рецепты, основанные на необъяснимом, магическом воздействии природных материалов, например bezoарского камня, по-прежнему не теряли своего значения.

Коллекция Альберта Себы

Собранная Себой коллекция влажных и сухих препаратов рыб, птиц, а также раковин и артефактов признавалась одной из самых знаменитых в Амстердаме. Для нас эта коллекция уникальна тем, что она больше ста лет после приобретения ее Петром сохранялась в целостности в одном и том же месте – в Кунсткамере на берегу Невы.

Петр I, посетивший Себу во время второй поездки в Амстердам в 1716–1717 гг., осмотрел его вторую, новую, коллекцию⁴². Встретились они тогда впервые. Себа гордился связями с русским царем и неоднократно упоминал Петра в своем каталоге. Сведения о самых первых их контактах, поначалу через третьих лиц, относятся к 1711 г., когда Себа уже более десяти лет жил на Харлеммерстраат. Непохоже, чтобы они встречались при первом приезде Петра в Амстердам в 1697–1698 г. Себа наверняка рассказал бы об этом.

Основой для изучения состава коллекции Себы служат два документа. Первый из них – это рукопись на нидерландском языке *Notitie van verscheyde uytmuntende*

38 Wittop Koning D.A. De oude apotheek... P. 40.

39 Ibid. P. 67.

40 Ibid. P. 59.

41 Luyendijk-Elshout A.M. Student aan de academie // Wandelen met Boerhaave in en om Leiden / Red. A.M. Luyendijk-Elshout. Leiden, S.a. P. 35–37.

42 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 29 декабря 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 38–39.

Cabinette, met alle bedenkyke soorten van Rareyten (Описание различных выдающихся кабинетов со всевозможными видами редкостей) — копия со списка, который Себа послал вместе с самой коллекцией в Петербург. В этом списке в некоторых случаях дано краткое описание экспонатов (см. приложение II). Эта копия, сделанная в Петербурге одновременно с покупкой, на листах ин-фолио, хранится в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук в Петербурге⁴³. Второй документ — напечатанный в 1742 г. каталог коллекции Кунсткамеры с рукописными добавлениями Шумахера. На основе этих источников в приложении I дан обзор предметов, входивших в купленную Петром I коллекцию Себы.

Однако существуют и другие источники. Богато иллюстрированный каталог второй коллекции Себы, изданный им самим, содержит также информацию и о его первой коллекции. Ряд объектов, которые он продал Петру, но потом не смог заменить аналогичными, он все же описал и изобразил в этом каталоге. К моменту смерти Себы в 1736 г. успели выйти два тома — первый в 1734, второй в 1735 г. После его смерти коллекция какое-то время сохранялась в целостности, так как еще велась работа над медными досками для гравюр — иллюстраций для третьего и четвертого томов каталога, которые увидели свет соответственно в 1759 и 1765 гг. В 1752 г., через 16 лет после смерти Себы, его вторая коллекция была распродана с аукциона и прекратила свое существование как единое целое.

Уже в XX в. биологи в Нидерландах и Петербурге изучали энциклопедическую коллекцию Себы на основе его четырехтомного каталога. Другие исследователи вели поиски препаратов из его коллекции. Несколько предметов из второй коллекции обнаружено во Франции, в Национальном музее естественной истории. Они были частью коллекции штатгальтера Нидерландов Вильгельма V, которая в 1790-е годы, во время французского завоевания Голландии, была вывезена в Париж в качестве трофея⁴⁴. Некоторые препараты сохранились и в Нидерландах. Весной 2002 г. ряд предметов был представлен на выставке «Исчезнувший музей» в Тейлеровском музее⁴⁵. В 2001 г. Амстердамский исторический музей приобрел резную гравированную раковину работы мастера резьбы по перламутру Корнелиса Беллекина (работал между 1650 и 1700 гг.), некогда находившуюся в коллекции Себы⁴⁶. Несколько раковин и заспиртованных препаратов были выявлены в начале XXI в. в музее в Петербурге⁴⁷.

43 Библиотека РАН. Отдел рукописей. F № 188. Л. 1–18 об.

44 Sprackland T., Thireau M. Third World Congress of Herpetology in Prague in 1997 // The Linnean, The Linnean Society of London, ca. 1997. Virtual Museum of Natural History. <http://www.curator.org/about\u5\the\u5\vmnh.htm>. (26 марта 2006 г.).

45 Het verdwenen museum. Natuurhistorische verzamelingen 1750–1850 / Red. B.C. Sliggers, en M.H. Besselink. Blaricum; Haarlem, 2002. P. 22.

46 Эта раковина изображена в третьем томе Тезауруса: «Трое детей, танцующих под музыку, которую играют Лесной Бог и Лесная Богиня на своих инструментах».

47 Это кошка с двумя телами и одной головой: Seba. Notitie... Animalien in liquor 48. Изображена на акварели 1751 г. // СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 591. Препарат находится в МАЭ РАН. Инв. № 4901-14.

В 2001 г. издательство «Taschen» выпустило в свет альбом иллюстраций из четырехтомного каталога Себы, для чего был использован экземпляр, хранящийся в Королевской библиотеке в Гааге. В этом однотомном издании, к сожалению, отсутствуют пояснения. Зато великолепные гравюры, точно изображающие предметы из второй коллекции Себы, стали доступны для широкой публики.

Роберт Арескин (Эрскин)

Роберт Эрскин, лейб-медик Петра I и глава Кунсткамеры, был шотландским дворянином⁴⁸. Изначально на гэльском (шотландском) языке его фамилия писалась как «Arascain». В пятнадцатилетнем возрасте он поступил в ученье к хирургу-аптекару в Эдинбурге. В 1700 г. защитил диссертацию по анатомии человека в Утрехтском университете. Затем в Париже слушал лекции Жозеф-Гишара Дювернея (1648–1730), наставника дофина. Эрскин проводил там опыты со змеями и голубьями. С 1702 г. преподавал анатомию в Лондонской больничной школе⁴⁹. Проведенное Эрскиным исследование ядовитых змей было его научным вкладом в книгу Ричарда Мида «Механическое объяснение ядов» (*A mechanical account of poisons: in several essays. L., 1702*). Мид (1673–1754) и Эрскин в 1703 г. были приняты в Лондонское королевское общество.

Эрскин дружил с естествоиспытателями Вильямом (1659–1728) и Джеймсом (1666–1738) Шерардами, которые были членами лондонского Клуба кофейного дома в Темпле (*Temple Coffee-House Club*) – места встреч ботаников, где нередко бывали также Джеймс Петивер и Ханс Слоун. Подобно тому, как юрист по образованию Вильям Шерард, прослушавший в 1685 г. курсы лекций по ботанике у Пауля Германна (1646–1695) в Лейдене и Жозефа Питтона де Турнефора (1656–1708) в Париже, ухватился за возможность стать консулом Британской левантйской компании (*British Levant Company*) в Смирне, чтобы исследовать там растения⁵⁰, Эрскин охотно воспользовался возможностью поехать в Москву, чтобы стать врачом Александра Меншикова, а впоследствии и самого царя. Видимо, его имя произносилось как Арескин и он сам писал его русскими буквами «Арескин», а свои французские письма подписывал латиницей «Areskine».

В 1706 г. Арескин был назначен главой Аптекарского приказа, который, как мы увидим, являлся центром московской науки. Подробное описание Аптекарского приказа можно найти в книге художника-писателя Корнелиса де Брюина (1652 – ок. 1726), посетившего в то время Москву. Де Брюин много путешествовал по России и, что было большой редкостью, получил от царя специальное разре-

48 Владения семьи Эрскинов и Брюсов находятся рядом, близ Стёрлинга, на севере от Фёрта, или Форта, у самой границы Хайленда (Highland). Члены этих семейств с давних пор были связаны узами родства.

49 *Appleby J.H.* Robert Erskine-Scottish pioneer of Russian natural history // *Archives of Natural History*. 1982. No. 10 (3). P. 377.

50 Растения, выращенные им в Смирне, он посылал в ботанические сады Амстердама, Лейдена и Парижа. См.: *Wijnands D.O., Zevenhuizen E.J.A., Heniger J.* Een sieraad voor de stad. De Amsterdamse Hortus Botanicus 1638–1993. Amsterdam, 1994. P. 87.

шение зарисовывать увиденное. Из Москвы он совершил путешествие в Персию, занявшее несколько лет. В 1710 г., возвращаясь из Персии, он снова заехал в Москву и на последних страницах своего путевого журнала описал ряд новшеств, появившихся там за время его отсутствия. Так, Роберт Арескин добился того, чтобы Аптекарский приказ получил новое здание. Изначально оно было построено для Монетного двора. Это здание и Сухарева башня были единственными в Москве каменными постройками нецерковного и нефортификационного назначения.

«Это первое помещение аптеки, 15 шагов глубиной и 20 шириной. Помещение высокое из-за крыши-купола, который расписывался в технике фрески. В боковых стенах имеются высокие застекленные окна. Прочие стены будут уставлены красивыми китайскими банками, прибывшими по заказанным образцам. На каждой из них на китайский манер выжжен, частично с золотом, герб его Царского Величества. Это помещение имеет две двери, одна ведет в комнату, где лежит запас растений. Другая ведет в приказ или канцелярию. Оба эти помещения красивы, велики и высоки и имеют купольную крышу. Имеется еще одно такое же помещение, пригодное для теплицы <...> и редкие растения и птицы, которые здесь хранятся»⁵¹.

Среди этих редких растений и рыб были несколько «сот в склянках сохраненных рыб, птиц и гадюк, которые Петр Великий при первом своем путешествии в 1698 году купил в Голландии, также из нескольких уродов и анатомических вещей»⁵².

Некоторые из них Петр приобрел путем обмена с Фредериком Рюйшем. Вернувшись в Россию в 1698 г., Петр продолжал поддерживать отношения с анатомом, который в Амстердаме воспринял его как своего коллегу. Так, Петр послал Рюйшу склянки с ящерицами и червями. 1 июля 1701 г. Рюйш поблагодарил его за это и попросил прислать ему «червяков с желтыми пятнами», а также «жучков, великие мухи, оводы, дивные лягушки, змеи, крысы, белки летучие и иные зверьки в хлебном вине». Он особо просил доставить ему маленьких рыбок «длиною с перст до пяди» из-под Азова и из других мест в России. В ответ Рюйш обещал прислать «вельми удивительную ящерицу с острыми чешуями», сверчка, двух змей и удивительную птицу из Восточной Индии, «пречюдную ящерицу», двуглавую змею и золотого жучка из «шпанских западных Индей»⁵³. Эти натуралии также хранились в Аптекарском приказе.

51 *Bruyn C. de. Cornelis de Bruyn's Reizen over Moskovië, Persië, en Indië, verrijkt met driehondert konstplaten...* † Amsterdam, 1711. P. 451-452.

52 *Шумахер Й.Д.* Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры // Палаты Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей, сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб., 1744. С. 5-6.

53 Цит. по: *Радзюн А.В.* Анатомическая коллекция Ф. Рюйша в Санкт-Петербурге // *Петр I и Голландия: русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого* / Ред. Н. Копанева, Р. Кистемакер, А. Овербек. СПб., 1997. С. 101. См. также: *Radzjoen A.B.*

«Здесь есть и другие помещения, в том числе для президента и доктора. Одно помещение для Аптекаря, подмастерьев и учеников. Все они расположены с одной стороны. Под ними — разные очень большие и хорошие подвалы. Этот доктор стоит во главе приказа, или канцелярии. За ним следует младший канцлер и другие люди <...> Этот доктор имеет большую власть над всеми, кто стоит ниже его, так что может наказывать их смертной казнью, если они того заслуживают. Из этой канцелярии выплачивается жалование врачам, травникам и лекарям⁵⁴. К ней принадлежат восемь аптекарей, пять подмастерьев, и еще более сорока человек, на них работающих. Потому что здесь происходит очень многое, ибо отсюда снабжается лекарствами вся военная мощь, как на море, так и на суше. Этот доктор, или Старший (по Аптекарскому приказу) — англичанин по имени Роберт Арескин, одновременно лейбмедик Его Царского Величества, от которого он согласно контракту получает по 1500 золотых дукатов. Он приехал сюда четыре года назад и завоевал большое к себе уважение среди людей не только своим опытом и знаниями, но и своей любезностью и вежливостью»⁵⁵.

Такая характеристика Арескина согласуется с тем впечатлением, которое лейб-медик Петра произвел на еще двух иностранцев, находившихся тогда в России: англичанина Джона Перри (1670–1732) и шотландца Александра Гордона (ок. 1692 — ок. 1754). Английский инженер Джон Перри, много лет проработавший в России, назвал Арескина «обаятельнейшим джентльменом». Гордон, состоявший в России на военной службе⁵⁶, сказал о нем: «Он был любезным, искренним и чудесным джентльменом»⁵⁷.

Де Брюин так продолжал свой рассказ о новом Аптекарском приказе: «Когда началась эта великая работа, Его Величество наградил его подарком в две тысячи рейксталеров, чтобы поощрить его [Арескина] к завершению этой полезной работы. Он утверждал, когда я там был, что за один год все закончит. Он отдал также приказ собирать все важнейшие травы вокруг [Москвы], растущие в диких условиях. Эти травы и цветы он в высушенном виде так укладывал на бумагу, чтобы их можно было слегка приподнять, и все было сделано очень красиво. Я еще никогда не видел такой большой книги с вложенными в нее подобными травами»⁵⁸.

De anatomische collectie van Frederik Ruysch in Sint-Petersburg // Peter de Grote en Holland. Culturele en wetenschappelijke betrekkingen tussen Rusland en Nederland ten tijde van tsaar Peter de Grote / Red. R. Kistemaker, N. Kopaneva, A. Overbeek. Bussum; Amsterdam, 1996. P. 47–53. А.Б. Радзюн ссылается на кн.: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. СПб., 1862. Т. I. С. 520–521.

54 «Доктора от ран», или хирурги, получали образование по системе «подмастерье — мастер», были членами гильдии хирургов и имели богатый практический опыт в отличие от врачей, получавших теоретическое университетское образование.

55 *Bruyn C. de.* Cornelis de Bruyns reizen over Moskovië, Persië, en Indië... P. 451–452.

56 Рождение империи / Сост. А. Либерман, С. Шокарев. М., 1997. С. 444.

57 *Richter W.M. von.* Geschichte der Medicin in Russland. Moskou, 1815. Bd. III. S. 116.

58 *Bruyn C. de.* Cornelis de Bruyns reizen over Moskovië, Persië, en Indië... P. 451–452.

Кроме того, в Аптекарском приказе хранилось несколько *артифициалий*, характерных для кунсткамер. Например, «он показал мне также большой кусок черного хлеба, привратившегося в камень, подобно многим другим окаменевшим предметам, которые здесь можно найти»⁵⁹.

Уже в 1710 г. Арескин планировал экспедицию в Сибирь: «Он намеревался также послать нескольких человек в Сибирь, чтобы собирать там травы, цветы и прочие природные вещи. При этой аптеке содержатся также два сада»⁶⁰.

Де Брюин сообщал, что за время его отсутствия в Москве появились больница, мастерские по производству полотна и зеркал: «Рассказывали также о том, что печатню надо снабдить наборной латиницей для печатания книг и прочего, уже привезенной из Голландии»⁶¹.

Из этих свидетельств де Брюина мы можем сделать вывод о том, что в здании бывшего Монетного двора, где тогда уже располагался Аптекарский приказ, была размещена кунсткамера с гербариями и препаратами животных, купленными в Амстердаме. А также о том, что при Аптекарском приказе были два ботанических сада и печатня и что здесь вынашивались планы снарядить экспедицию в Сибирь в 1710 г., когда де Брюин вернулся в Нидерланды.

В 1716 г. Арескин из Петербурга следил за деятельностью исследователей, посланных им в экспедиции. В только что завоеванном Петром Данциге Арескин принял на русскую службу врача Даниэля Мессершмидта и отправил его в Сибирь. Задача Мессершмидта состояла в описании географии, естественных богатств, этнографии и исторических памятников и древностей. По мнению С.В. Бахрушина, «этот план обследования Сибири показывает в достаточной мере отчетливо направление и размах интереса, который проявлялся правящими кругами к многообещающей в будущем колонии»⁶². Другой врач-исследователь, Готлиб Шобер (на русской службе с 1713 г.), писал из Астрахани, что уехал из этого города, «чтобы исследовать минеральные воды, находящиеся там поблизости»⁶³. Кроме того, в 1716 г.⁶⁴ Лоренц Ланге (1690-е — 1752) и доктор Гарвин были отправ-

59 *Bruyn C. de. Cornelis de Bruyns reizen over Moskovïë, Persië, en Indië...* P. 451–452.

60 *Ibid.*

61 *Bruyn C. de. Cornelis de Bruyns reizen over Moskovïë, Persië, en Indië...* P. 451–452.

62 *Бахрушин С.В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Г.Ф. Миллер. История Сибири: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 20.*

63 Г. Шобер Р. Арескину. Астрахань. 31 марта 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Лл. 12–13.

64 Согласно Т.К. Шафрановской, в 1715 г. См.: *Шафрановская Т.К. Дневники Лоренца Ланга как историко-этнографический источник. Л., 1972. С. 6.* Ланг родился в Стокгольме в 1690-е годы. В 1712 г. он поступил на русскую службу как лейтенант Инженерного корпуса. Нет никаких оснований утверждать, что он был взят в плен под Полтавой в 1709 г. Позднее Ланг неоднократно ездил в Китай и с ноября 1720 г. по июль 1722 г. даже был там консулом. С 1740 г. до самой смерти в декабре 1752 г. служил вице-губернатором Иркутска. См.: *Journal du sieur Lange, contenant les negociations a la cour de la Chine en 1721 et 1722. Leiden, 1726; Journal de voyage d'une karavane de Kiacha a Pekin, fait en 1727 et 1728 sous la conduite de L. Lange. Leipzig, 1781.*

лены Арескиным в Китай, «чтобы выяснить положение дел в то время в этой стране и заняться собиранием всевозможных диковин, относящихся как к природной истории, так и к древности»⁶⁵.

Арескин имел в своем распоряжении летний дом в Петергофе. Там порой встречались англичане и шотландцы, подолгу жившие в России. В то лето, когда Арескин вместе с царем был во Франции, там жил английский купец (Родион или Роман) Мейнуэринг (торговал в России в 1705–1726 гг.), «чтобы воспользоваться хорошим временем года»⁶⁶. В июне к нему присоединились английский моряк (?) Браун, английские купцы (Юрий или Якоб) Ходжкин (торговал в России с 1708 по 1730 г.) и (Родион или Роман⁶⁷) Хайуитт (торговал в России с 1708 по 1716 г.), и все вместе они принимали в «Bremar House»⁶⁸, как они окрестили петергофский дом Арескина, генерала Брюса: «Им там нравилось, там было похоже на Шотландию»⁶⁹. Арескин, назначенный в 1714 г. заведующим кунсткамерой Петра, имел собственную кунсткамеру в своем петербургском доме. Секретарь Арескина, Иоганн Даниэль Шумахер, в 1716 г. привел ее в порядок. Арескин, который сопровождал царя, пока не мог восхититься результатом трудов Шумахера. Зато английский купец Якоб Спелман, один из финансистов царя, приходил туда в отсутствие Арескина, и Шумахер провел для него экскурсию по кабинету Арескина: «М-р Спелман, один из самых строгих критиков во всей России, нашел Ваш кабинет превосходным, и это заставляет меня думать, что труды мои не [пропали] даром»⁷⁰.

Иоганн Даниэль Шумахер

Мы уже несколько раз упоминали имя важнейшего корреспондента Себы Иоганна Даниэля Шумахера. Шумахер работал домашним учителем в Париже до 1713 г., когда Петер Лефорт (1676–1754) принял его на русскую службу. Шумахер, уроженец Кольмара (Эльзас), окончил Страсбургский университет и получил степень магистра философии⁷¹.

Поскольку Роберт Арескин как лейб-медик Петра должен был постоянно находиться рядом с царем, а Петр часто подолгу бывал в военных походах, заботу

65 «Le Sr Lange et Gausin envoyé en Chine l’an 1716 pour s’informer de l’état present de ce pays la et de ramasser tout ce qu’ils trouveront de curieux tant ce qui appartient à l’histoire naturelle que de l’Antiquité dont ils ont rap[p]orté une belle partie» — И.Д. Шумахер Клермонту. 1 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 77–78.

66 И.Д. Шумахер Р. Арескину 10 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 49 об. — 50.

67 Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 311.

68 «Bremar House» был так назван, вероятно, по аналогии с замком Бремар в Абердиншире, Шотландия. Замок был построен в 1628 г. и принадлежал роду Эрскинов. В 1732 г. его купила семья Фаркухарсон и теперь это музей Фаркухарсонов.

69 И.Д. Шумахер Р. Арескину. 17 июня 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 52.

70 И.Д. Шумахер Р. Арескину. 30 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 40.

71 Луптов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 332.

о собственной кунсткамере Арескин поручил своему секретарю Иоганну Даниэлю Шумахеру. Шумахер стал также хранителем кунсткамеры царя. В своей биографии Шумахер писал, что благодаря посредничеству Арескина был принят на должность «библиотекаря царя»⁷². В 1721 г. он получал 400 рублей в год как смотритель библиотеки и редкостей. Это было совсем неплохое жалование. Личный повар царя, Иоганн Фельтен, будущий тесть Шумахера, получал на 100 рублей меньше⁷³.

У Шумахера была должность, подразумевавшая самостоятельность. Он привык брать на себя ответственность. Чтобы компенсировать отсутствие ежедневных проявлений уважения к его деятельности, он стал регулярно писать Арескину о том, как друзья и знакомые Арескина восхищаются результатами трудов Шумахера. Как мы видели, во время длительных отлучек своего шефа он нередко нахваливал себя в письмах к нему. После смерти Арескина его преемник Лаврентий Блюментрост оставил Шумахера на той же должности. Он послал Шумахера в Европу, чтобы осмотреть там коллекции и выяснить, нет ли в коллекции царя лакун. Написанный Шумахером после этой поездки отчет служит для нас важным источником сведений о состоянии библиотек, коллекций и обсерваторий в Европе 20-годов XVIII в. Отчет свидетельствует также об основательности суждений Шумахера и его преданности делу. Шумахер женился 30 апреля 1723 г. на дочери Иоганна Фельтена. Поскольку Фельтен был любимым поваром Петра, царь выступил в роли посаженного отца, а его жена Екатерина — посаженной матери невесты. Среди гостей были генерал Ф.М. Апраксин, вице-адмирал Корнелиус Крюйс (1657–1727), Петр Андреевич Толстой (1645–1729), И.М. Головин и дочери Петра и Екатерины. Присутствовал также камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольд, описавший празднество в своем дневнике⁷⁴.

При чтении посвященных Шумахеру разделов весьма объемной публикации «Материалы для истории Императорской академии наук»⁷⁵ остается непонятным, почему русский ученый М.И. Сухомлинов, подготовивший это издание, так старался представить Шумахера в черном свете. П.П. Пекарский опубликовал отчет, написанный Шумахером после своей поездки в Европу для посещения университетов и коллекций⁷⁶, по которому о Шумахере складывается впечатление как о трудолюбивом, серьезном руководителе. Хотя в предисловии Пекарский отзы-

72 Луттов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 332.

73 Роспись чинов придворного ведомства императора Петра Великого. 28 декабря 1721 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 17. Л. 154–155 об. Документ впервые опубликован П.А. Кротовым в кн.: *Нарттов А.А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Подгот. текста рукописи и приложений, вст. ст. П.А. Кротова. СПб., 2001. С. 136–139.

74 Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 (окончание) // Юность державы. М., 2000. С. 63–66.

75 Материалы для истории Императорской академии наук: В 10 т. / Ред. М.И. Сухомлинов. СПб., 1885–1900.

76 Отчет см.: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 533–558.

вается о Шумахере плохо, в связи с этой поездкой ему приходится признать, что отчет о ней показывает его как способного, умного и умелого человека⁷⁷. Историк Т.В. Станюкович, чья вышедшая в сталинскую эпоху книга полностью посвящена истории Кунсткамеры, также характеризует его весьма отрицательно. В результате все последующие авторы, не обращающиеся к источникам, а основывающиеся на работах П.П. Пекарского и Т.В. Станюкович, создают искаженное представление о человеке, стоявшем у колыбели Кунсткамеры. П.П. Пекарский пишет, что Шумахер использовал свое влияние во вред Академии наук⁷⁸, а Станюкович вторит Пекарскому: «Шумахер <...> сыгравший резко отрицательную роль в ее [Академии наук] истории»⁷⁹. С.П. Луппов, автор исследования о Петровской эпохе, назвал Шумахера ловким карьеристом, которому были чужды интересы российской науки⁸⁰.

Возможно, не вполне благовидная роль, которую Шумахер сыграл через тридцать лет в конфликте с Ломоносовым, мешала русским авторам увидеть, насколько блестяще он исполнял свои обязанности в качестве секретаря Арескина и в первые годы существования Императорской Кунсткамеры. Значение Шумахера для разработки плана и организации библиотеки, Кунсткамеры и Академии наук было исключительно велико. Письма дают материал для того, чтобы предложить совершенно новую версию создания Кунсткамеры, библиотеки и Академии наук, не сходную с той, которую можно найти в литературе. Основное отличие заключается в оценке роли иностранцев. Причина кроется в том, что за исключением нескольких либеральных периодов российской истории русским ученым не разрешалось писать об «их» иностранцах с гордостью и уважением. В.Н. Захаров рассказывает о том, как он только в период перестройки смог свободно издать свой труд об иностранных купцах в России. Некоторые авторы писали свои работы, давая в них оценку деятельности Шумахера, в тот же период, что и В.Н. Захаров. И тем не менее они придерживаются прежнего отрицательного отношения к Шумахеру, отступая от него лишь изредка, когда к этому вынуждают факты. Так, Е.С. Стецкевич, участвовавшей в совместном российско-нидерландском проекте «Нарисованный музей», в конце концов пришлось признать заслуги Шумахера как руководителя Рисовальной и Гравировальной палат⁸¹.

77 Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1... С. 50.

78 Там же. С. 49. В качестве источника Пекарский называет А.Ф. Бюшинга (1724–1795), опубликовавшего с 1783 по 1795 г. в г. Галле (Германия) шесть томов биографий ученых: *Büsching A.F.* Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen insonderheit gelehrte Männer. Halle, 1783–1789. Bd. VI. S. 166.

79 Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук... С. 25.

80 Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время 1725–1740. Л., 1976. С. 11.

81 Сравните, например, первую версию статьи Е.С. Стецкевич 2000 г. с окончательной версией 2005 г.: *Stetskevich E.S.* The drawing chamber of the arts division of the Academy of Sciences, St Petersburg and the making of drawings of the *Kunstkamera* objects // Het papieren museum van de Academie van Wetenschappen in Sint-Petersburg (ca. 1735–1765). Symposium 28, 29 en 30 september 2000. Huizinga Instituut; Amsterdams Historisch Museum, Amsterdam;

Общая картина, возникающая на основе переписки Себы о продаже его коллекции Петру, полностью сходится с тем, что пишут о других иностранных купцах историки Велювенкамп и Захаров. Но та картина, которая складывается на основе переписки Шумахера как организатора Академии наук, полностью расходится с тем, как его деятельность до сих пор оценивалась в российской историографии.

Лаврентий Блюментрост

Лаврентий Блюментрост родился в Москве в семье придворного врача, служившего при царе Алексее Михайловиче. Четвертого и последнего ребенка в семье назвали Лаврентием в честь отца. От отца он научился латыни и греческому, затем посещал занятия высокообразованного немецкого педагога Иоганна Вернера Паузе (1670–1735) в единственной в Москве латинской школе, просуществовавшей лишь с 1703 по 1712 г. Эту школу основал пастор Эрнст Глюк (1652–1705), который в 1702 г. во время Северной войны попал в плен и потому был вынужден жить в Москве. В 15 лет Лаврентий-младший получил специальное разрешение от царя (такие разрешения давались только детям иностранцев) отправиться за границу для изучения медицины. Л. Блюментрост учился в Галле и Оксфорде, а 15 марта 1713 г. записался в Лейденский университет: «Л. Блюментрост, 23 лет, Московия»⁸². В том же году он защитил диссертацию под названием «De secretione animalis»⁸³ в этом же университете.

Письма

В Амстердаме Лаврентий Блюментрост слушал лекции профессора Рюйша по ангиологии (изучение кровеносных и лимфатических сосудов) и спланхнологии (изучение внутренних органов)⁸⁴. Правда, в амстердамском Атенеум Иллюструм после смерти профессора Петруса Бернажи (1656–1699) медицина больше не преподавалась, но студенты слушали частный курс у Рюйша, чтобы потом официально завершить образование защитой диссертации, например, в Лейденском университете⁸⁵.

Stetskevich E.S. The art chambers of the Academy of Sciences of St Petersburg and the making of drawings of the Kunstkamera objects // The paper museum of the Academy of Sciences in St Petersburg c. 1725–1760. Introduction and interpretation / Ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers, G.V. Vilinbakhov. [Amsterdam], 2005. P. 63, 65.

⁸² Указанный в записи возраст не согласуется с датой рождения Л.Л. Блюментроста – 1692 г.

⁸³ *Blumentrost L.* Disputatio medica inauguralis, de secretione animalis. Leiden, 1713.

⁸⁴ Письмо Л. Блюментроста из Парижа Р. Арескину в Амстердам. 12 января 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 185–186.

⁸⁵ *Wijnands D.O., Zevenhuizen E.J.A., Heniger J.* Een sieraad voor de stad. De Amsterdamse Hortus Botanicus 1638–1993. Amsterdam, 1994. P. 83.

В июне 1716 г. Блюментрост вместе с Арескиным и царем встречались в курортном городке Бад-Пирмонте (Германия) с философом Лейбницем. Так как Блюментрост после этого собирался учиться во Франции, он воспользовался случаем и попросил Лейбница написать для него письмо, адресованное президенту Французской академии наук аббату Биньону (1662–1743)⁸⁶. Из Парижа он писал Арескину о своей учебе. С сентября 1716 г. он слушал курс анатомии у Дювернея, у которого в свое время учился Арескин. Блюментрост прошел курсы неврологии (учение о нервах) и остеологии (учение о костях), а в январе 1717 г. принялся за миологию (учение о мышцах). Он просил Арескина дать ему совет: стоит ли пройти у Дювернея недельный курс операционной хирургии. Выяснилось, что Дюверней рекомендует ему также пройти курс сравнительной анатомии, но сам он считал, что медицинское образование возможно и без этого предмета. Блюментрост рассказывал Арескину о парижской новинке — анатомических препаратах, сделанных из воска. Если Арескин надумает приобрести такие препараты, ему следует сообщить об этом Блюментросту, чтобы тот узнал о цене. Он видел даже нервы, сделанные из воска: «Для кабинета это чрезвычайно красиво и удобно». Блюментрост рассчитывал закончить свое обучение за четыре или пять недель, чтобы встретиться с Арескиным в Амстердаме. Следовательно, Блюментрост пробыл в Париже шесть месяцев, за которые закончил овладение специальностью⁸⁷.

В Амстердам он приехал как раз вовремя: необходимо было вместе с Себой заняться ответственной работой — упаковкой коллекции Рюйша.

86 Г. Лейбниц Р. Арескину. 30 августа 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 22–23.

87 Л.Л. Блюментрост Р. Арескину. 12 января 1717 // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 185–186.

Глава IV

Альберт Себа — поставщик придворных аптек Петра I

В этой главе, как в антракте повествования, мы познакомимся с Альбертом Себой как оптовым поставщиком медицинских товаров. Благодаря поставкам в придворную аптеку Себа наладил переписку с И.Д. Шумахером, Р. Арескиным и Л. Блюментростом, жившими в Петербурге. Проблемы, с которыми он столкнулся в связи с оплатой, транспортировкой и финансированием поставок, позволяют лучше понять, какую позицию занимал тот или иной из главных действующих лиц нашего повествования.

Некоторые особенности торговли с Россией

Заказывать товары за границей, как это делал Роберт Арескин, решивший приобрести лекарства через Альберта Себу, было возможно только благодаря сложной системе финансирования. Заказы, получаемые Себой из Петербурга, были настолько крупными и дорогими, что аптекарь не мог приступить к закупкам до получения авансового платежа. Поскольку в России не было торговых банков и кредитных учреждений, необходимые суммы вкладывали некоторые иностранные купцы. Им было предоставлено право закупать производимые в России товары, на которые российское государство имело монополию, такие как икра, смола, деготь, поташ. Такие товары они покупали у государства на основе долгосрочных контрактов, чтобы потом продавать за границей, как правило, с большой выгодой для себя. В свою очередь, они финансировали государство для покупки стратегических товаров и предметов роскоши, в том числе лекарств. Если экспорт из России существенно преобладал над импортом, они покрывали разницу серебряными рейксдальдерами, привозимыми в мешках, и Российское государство делало из этого серебра российские монеты. В эпоху Петра I в торговле монопольными товарами в пользу государственной казны лидирующее положение занимали десять голландских и десять английских купцов, а всего в ней участвовали — кто в течение долгого времени, кто недолго — более 80 иностранных купцов.

До 1712 г. голландцы занимали в торговле первые места. Самыми известными из них были Кристоффель Брантс (1664–1732)¹ и Ян Люпс, торговавшие поташом

1 Кристоффель ван Брантс, которому Петр пожаловал дворянский титул, в 1717–1732 гг. был российским резидентом в Амстердаме. С 1728 по 1731 г. он был единственным представителем России в Нидерландах.

и оружием. Сами они вернулись в Амстердам (Брантс в 1704 г., Люпс в 1712 г.), а в России остались их представители. Однако после 1712 г. на первые роли в монопольной торговле вышли англичане, такие как Якоб Спелман (свинец и порох) и Эндрю Ходжкин (ткань для военной формы), как явствует из исследований русского специалиста по экономической истории В.Н. Захарова. Среди купцов, финансировавших закупки лекарств у Себы, действительно преобладали англичане. После 1720 г. в их списке появились новые имена: Джайль Иванс, Уильям Эльмсель и Томас Вайдт (ткань для военной формы). Эти и другие английские купцы догнали и перегнали голландцев после того, как в 1699 г. английский парламент одержал победу над всесильной, но к тому времени уже теряющей активность Московской компанией (*Muscovy Company*)². Московская компания, основанная в Англии в 1551 г., в течение ста лет перекрывала доступ к выгодной торговле с Россией всем, кто не был ее членом. Этим и пользовались до поры голландские купцы³.

Пересылка аптекарских товаров из Амстердама в Петербург и Москву не составляла труда. Из Голландии в Россию плавало множество судов. В Петербург товары никогда не доставлялись по суше, всегда по морю. Но поскольку с 1700 г. Россия вела войну со Швецией и Балтийское море считалось небезопасным, шкиперы порой опасались плыть этим кратчайшим путем. В 1714 г. Швеция объявила, что будет задерживать торговые суда всех государств, направляющиеся в российские порты⁴. Суда, которые из страха перед пиратами и вражескими кораблями и так часто плавали в сопровождении вооруженного конвоя, теперь выбрали северный путь вдоль побережья Норвегии, через мыс Нордкап, чтобы разгружать товары в Архангельске, где были военные укрепления. Этот первый российский порт с военными укреплениями был создан по указу Ивана Грозного в 1584 г. в устье Северной Двины после настоятельных просьб голландских купцов, потому что раньше, когда порт находился выше по реке, в Холмогорах, их до самого устья Двины преследовали вражеские суда⁵. После 1584 г. корабли тех государств, которые вели торговлю с Россией: английские, голландские и немногочисленные французские, — могли привозить свои товары, преимущественно предметы роскоши, в Архангельск, охраняемый военным гарнизоном и окруженный крепостными стенами и башнями с пушками. Дальше русские уже сами переправляли товары речными путями.

У России не было своего морского торгового флота. Русские морские суда годились только для рыболовства, и бороться за участие в международных морских

2 Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России... С. 28, 65.

3 Голландцы так и не захотели основать аналогичную компанию, как за это ни ратовал живший веком раньше путешественник по России из Харлема Исаак Матса. См.: *Driessen Jozien J. Het gezantschap van Reinoud van Brederode in 1615 en 1616 naar Rusland // Rusland in Nederlandse ogen. Een bundel opstellen / Red. J.J. Driessen, M.C. Jansen en W.H. Roobol. Amsterdam, 1986. P. 54.*

4 Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России... С. 74.

5 *Veluwenkamp J.W. Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550-1785. [Amsterdam], 2000. С. 30-33.*

перевозках они не могли. Товары на экспорт доставлялись на русских барках по рекам и складывались в пакгаузах в Архангельске в ожидании иностранных судов, приходивших за ними летом. В 1711 г. это были все те же товары, что и веком раньше. Тальк, шкуры, конопля, зерновые, древесина и мед доставлялись по Двине, с ее медленным течением, и по ее притокам. Оттого что Архангельск расположен на севере, на 64° северной широты, у Белого моря, порт был открыт для судов всего несколько месяцев в году. Чтобы дойти до Архангельска и успеть вернуться до конца навигации, корабли должны были выйти из Амстердама не позднее июля.

В 1717 и 1718 гг. мирные переговоры между Россией и Швецией привели к тому, что плавать по Балтийскому морю стало безопасно. В эти годы корабли ходили и в Архангельск, и в основанный Петром в 1703 г. Санкт-Петербург. Товары, предназначенные для Москвы, доставлялись по давно испытанному пути через Архангельск: от Архангельска вверх по Двине, на плоскодонной барже до Волги и дальше на санях⁶.

Благодаря проводимой Петром I политике число иностранных купцов в России значительно возросло. Важную роль в этом сыграл манифест от 16 апреля 1702 г., предоставлявший свободный въезд в Россию иностранным военным, ремесленникам и специалистам и распространявшийся также на купцов. Цифры говорят о том, что при Петре голландские купцы по численности далеко опережали всех прочих. Согласно русским источникам, в России тогда вели торговлю 172 голландских купца, 138 немецких и 92 английских. В результате заключения в 1717 г. союзного договора с Францией в Петербургский порт за 1718–1719 гг. пришло одно-единственное французское судно, а в период с 1719 по 1726 г. в России торговали восемь французских купцов⁷.

Как уже было сказано, русские не перевозили товары по морю. Несколько попыток самостоятельно продавать российскую продукцию в Голландии завершились плачевно из-за жесткого противодействия голландских торговцев, не терпевших конкурентов. Поэтому неудивительно, что грузы, посылаемые в Россию А. Себой, всегда перевозились на голландских судах с голландскими капитанами. Все голландские суда на Архангельск и Петербург отправлялись из Амстердама. Даже некоторые английские купцы перевозили свои грузы на амстердамских кораблях⁸.

Торговцы, как правило, не были владельцами судов, не стал исключением и А. Себа. В.Н. Захаров отмечает, что стоимость перевозки составляла значительную часть окончательной стоимости товара, а именно 12 % стоимости груза⁹. В случае Себы, который всегда сам платил вперед за перевозку, эта доля была даже больше — 15 %.

6 *Veluwenkamp J.W.* Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785... P. 76.

7 За период 1693–1700 гг. выявлено 57 имен иностранных купцов, за 1701–1705 гг. — 105, за 1706–1715 — 162 и за период 1716–1726 — 183 имени. См.: *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России. С. 21, 27, 41.

8 *Veluwenkamp J.W.* Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785... P. X.

9 *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России... С. 72.

Большую роль в международной торговле играла почта. Письма Себы в Петербург шли обычно три недели. Почта из Голландии доставлялась каждую неделю. Компаньоны извещали друг друга о конъюнктуре, курсе валют и об обменных курсах. Они писали друг другу о товарах, отправке судов и погрузке. Вместе с письмами по почте пересылались векселя, расписки в получении и коносаменты. В коносаментах, или счетах-фактурах, сопровождавших груз, указывался вид товара, его количество и способ упаковки. Эти документы составлялись в трех экземплярах. Оригинал посылался по почте получателю товара, одна копия была у капитана судна, а третий экземпляр оставался у отправителя. Все упаковки помечались инициалами владельца груза. Образец такого значка давался в коносаменте. По прибытии судна в порт назначения получатель поднимался на борт с коносаментом в руках, чтобы в присутствии таможенников проверить присланный товар¹⁰.

Импорт лекарств

В нашем распоряжении нет современных научных работ по истории медицины и аптечного дела в России. Основательные исследования были выполнены два века назад. Архив Аптекарского приказа Петровского времени сгорел в 1812 г. во время большого пожара Москвы. Данные, на которых основано последующее повествование, почерпнуты из исследований XIX в. и описаний путешествий в Московию XVII в.

Импорт медицинских товаров в Россию осуществлялся централизованно. Аптекарский приказ следил за покупкой лекарств для Придворной и полевых аптек, а также за лекарствами, поставляемыми из-за границы. В Аптекарском приказе экзаменовали врачей, лекарей и аптекарей, желавших поступить на русскую службу, и выплачивали им жалование. Аптекарский приказ стоял в одном ряду с другими приказами, о нем упоминает уже капитан Жак Маржерет (в России с 1600 по 1611 г.) в книге, вышедшей в Париже в 1607 г. Маржерет, французский военный, сражавшийся в России в Смутное время, описал некоего «аптечного боярина» («Abtesqui baiarj») — человека высокого происхождения, отвечавшего за лекарства и аптекарей¹¹. При царе Алексее Михайловиче во главе Аптекарского приказа по-прежнему стоял боярин, который нередко являлся одновременно главой Посольского или Стрелецкого приказа. Григорий Котошихин (ок. 1630–1667), служивший до 1663 г. в Посольском приказе — аналоге министерства иностранных дел — и сбежавший затем в Швецию, написал там книгу о России, в которой сообщал, что в Аптекарском приказе работали 30 врачей и лекарей из-за границы и 20 русских учеников¹². При боярине, стоявшем во главе приказа, состоял чинов-

10 Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России... С. 71.

11 Margeret J. Un mousquetaire à Moscou. Mémoires sur la première révolution russe, 1604–1614 / Red. A. Bennigsen. P., 1983. P. 72.

12 Московия и Европа. Григорий Котошихин, Патрик Гордон, Ян Стрейс, царь Алексей Михайлович / Сост. А. Либерман, С. Шокарев. М., 2000. С. 98.

ник — дьяк. С 1671 г. эту должность занимал Лукьян Тимофеевич Голосов, а с 1678 г. — Андрей Виниус (1641–1717). Николаас Витсен описал Голосова как одного из немногих грамотных людей, которых он встретил в Москве в 1664–1665 г. Андрей Виниус был талантливым сыном амстердамского торговца зерном, переселившегося в Россию. Виниус был образованным человеком, сделавшим карьеру на государственной службе. В 1699 г. аптекари вспоминали годы его руководства Аптекарским приказом как золотое время: Виниус понимал, что необходимо аптекарям и лекарям для их профессии, и всегда обеспечивал их всем, что нужно, — сообщал бывавший в России знаменитый немецкий путешественник Иоганн Корб¹³.

В 1712 г. Аптекарский приказ частично был переведен из Москвы в новую столицу, Петербург. Его бюджет составлял в то время 50 000 рублей¹⁴. На эти деньги закупались лекарства за границей, а также, как уже говорилось, из них выплачивалось жалование медикам и чиновникам. В 1713 г. после смерти доктора Иоганна Донеля первым лейб-медиком Петра (которых у него было несколько) стал Роберт Арескин¹⁵. В 1716 г. он стал «архиятром»¹⁶. Это звание присваивалось первому лейб-медику и президенту канцелярии всего «медицинского факультета» Российской империи («медицинский факультет» следует понимать как ведомство, управлявшее медицинскими делами на уровне министерства¹⁷). Арескин был первым, кого назначили на этот пост. Сохранился соответствующий указ, собственноручно подписанный Петром¹⁸. Арескин получал чрезвычайно высокое жалование 3000 рублей в год¹⁹. Он же отвечал за заказ лекарств за границей.

Лекарства для Придворной аптеки и армейских полевых аптек, которые приходилось ввозить из-за границы, закупались обычно централизованно. Точно так же, как придворные аптеки в Берлине и Париже, Придворная аптека в Москве

13 Корб И.Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. Известный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев. М., 1997. С. 201.

14 Куприянов Н.Г. История медицины России в царствование Петра Великого, составленная Николаем Куприяновым, доктором медицины, действительным членом Общества русских врачей и Общества попечения о раненых и больных воинах. СПб., 1872. С. 10.

15 Richter W.M. von. Geschichte der Medicin in Russland. Moskau, 1815, 1817. Bd. III. S. 116.

16 Об употреблении наименования должности «архиятр» см. примечания в кн.: *Николаас Бидлоо*. Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре, составлено 1710 года, января 3 дня / Ред. М.В. Даниленко. М., 1979. С. 481.

17 Такая система управления просуществовала до учреждения императрицей Екатериной II Медицинской коллегии в 1763 г. *Amburger E.* Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. P. 150.

18 Указ опублик. в кн.: *Richter W.M. von.* Geschichte der Medicin in Russland. Moskau, 1815, 1817. Bd. III. [приложение] VII. S. 523.

19 Первый лейб-медик получал 1200 руб., второй — 800 руб., лейб-хирург — 600 руб. Из бюджета выплачивалось также жалование придворному аптекарю (400 руб.), учителю анатомии (800 руб.), учителю естественной истории и т.п. См.: *Richter W.M. von.* Geschichte der Medicin in Russland. Moskau, 1815, 1817... Bd. III. S. 36–37, 116.

выполняла функцию центра. В Париже при Людовике XIV такая аптека обслуживала несколько тысяч придворных, включая лейб-медиков, лейб-лекарей, придворных врачей, хирургов и аптекарей. В Берлине в те времена Придворной аптекой пользовались даже военные Берлинского и Потсдамского гарнизонов²⁰. В России лекарства для полевых аптек кавалерии и инфантерии заказывались иногда отдельно.

Существенное отличие от ситуации в Берлине и Париже заключалось в том, что в России практически не было частных аптек. Согласно последним доступным данным, медицинское обслуживание получали только люди, служившие при дворе или в армии. Остальной части населения приходилось пользоваться традиционной народной медициной. В 1701 г. Петр издал указ о создании в Москве восьми частных аптек. Эти аптеки должны были держать на собственные средства русские или иностранные аптекари. Они находились в ведомстве не Аптекарского, а Посольского приказа. С большим трудом было найдено восемь аптекарей, готовых приехать работать в Россию²¹. Последний из восьми получил свой диплом 4 февраля 1713 г. с подписью Роберта Арескина как главы Аптекарского приказа²². Через двадцать лет, в 1721 г., последовал указ о создании частных аптек в Петербурге и других губернских городах. Эти аптеки уже подчинялись не Посольскому приказу, а Медицинской канцелярии, как в то время стал называться Аптекарский приказ. В России аптекари также обязаны были соблюдать старинное правило, по которому в аптеках могли продаваться только качественные лекарства по разумным ценам²³.

Лекарства, которые требовалось привозить из-за границы, всегда заказывались иностранным купцам и доставлялись через Архангельск²⁴. Нам известно только одно исключение из этого правила. В 1699 г. тогдашний глава Аптекарского приказа Федор Алексеевич Головин (1650–1706), один из послов в составе Великого посольства 1696–1698 гг., предоставил полномочия первому русскому врачу Петру Васильевичу Постникову, в 1694 г. закончившему Падуанский университет, «поехать закупать недостающие в аптеке лекарства в Голландии»²⁵. Постников уже бывал в Голландии, в 1698 г. он купил там для Петра I воздушный насос²⁶.

20 Terzioglu A. Zur Geschichte der Hofapotheken // Die Apotheke. Historische Streiflichter / Red. Regine Pöttsch. Basel, 1996. S. 228–229.

21 Ezzo I. van. De Pharmaceutische handelbetrekkingen tusschen Nederland en Rusland in de 17e en 18e eeuw. De geschiedenis der Nederlandsche Apothekers en alchemisten in Rusland. De geschiedenis van de Tinctura Bestuchewii // Pharmaceutisch Weekblad voor Nederland. 1938. No. 5.

22 Richter W.M. von. Geschichte der Medicin in Russland. Moskau, 1815, 1817... Bd . III. S. 60.

23 Ibid. S. 61.

24 Рихтер называет имена двух купцов: Попп и Эльмсель. См.: Ibid. S. 44.

25 Корб И.Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гваринента... С. 202.

26 «Философский инструмент антгли». См.: Богословский М.М. Петр I. М., 1941. Т. II. С. 405.

В Амстердаме Постников обратился за советом к врачу больницы и одновременно преподавателю корабельной медицины в Адмиралтействе (военный флот) Питеру Генелону (1650–1722)²⁷. Генелон был весьма влиятельным человеком. В 1693 г. он произвел реформу, в соответствии с которой корабельные лекари были обязаны пополнять свои аптечки в больнице, где лекарства готовились особенно тщательно. Через Генелона русский врач познакомился с Джоном Локком, занимавшимся исследованием климата с помощью термометров, барометров и гигрометров. В 1683–1686 гг. Локк, будучи политическим беженцем, нередко подолгу жил в доме у Генелона. Там, где его никто не тревожил, он и написал зимой 1684 г. свой трактат «Опыт о человеческом разумении» — «An Essay concerning Humane Understanding» (Лондон, 1690). В июне 1699 г. Генелон дал Постникову, отправлявшемуся в Лондон, рекомендательное письмо к Локку. В этом письме содержится редкое описание русского врача его голландским собратом по профессии: «Я обнаружил в нем много знаний и достоинств, и это потому, что он получил милости от своего монарха, который на свои деньги отправил его в путешествие на много лет, так что он пребывал в самых достославных городах Европы. Он говорит на многих языках и страстно любит физику и математику»²⁸.

Себа предлагает свои услуги

В своем первом письме Р. Арескину²⁹ в 1711 г. А. Себа сообщал о себе как об аптекаре, который наряду с *chimica*, *simplicia* и *composita* может поставлять также «*exotica*», ибо у него есть прекрасные торговые партнеры; к письму он приложил список этих «*exotica*», который, к сожалению, не сохранился. Себа обратил внимание Арескина на то, что он «в течение многих лет поставлял материалы в Адмиралтейскую аптеку»³⁰.

Он спрашивал Арескина, нельзя ли ему, Себе, «получить заказ на поставку лекарств в Придворную и полевые аптеки». Ему известно, что это зависит от Арескина, и поэтому он предлагает ему свои услуги, разумеется, только в том случае,

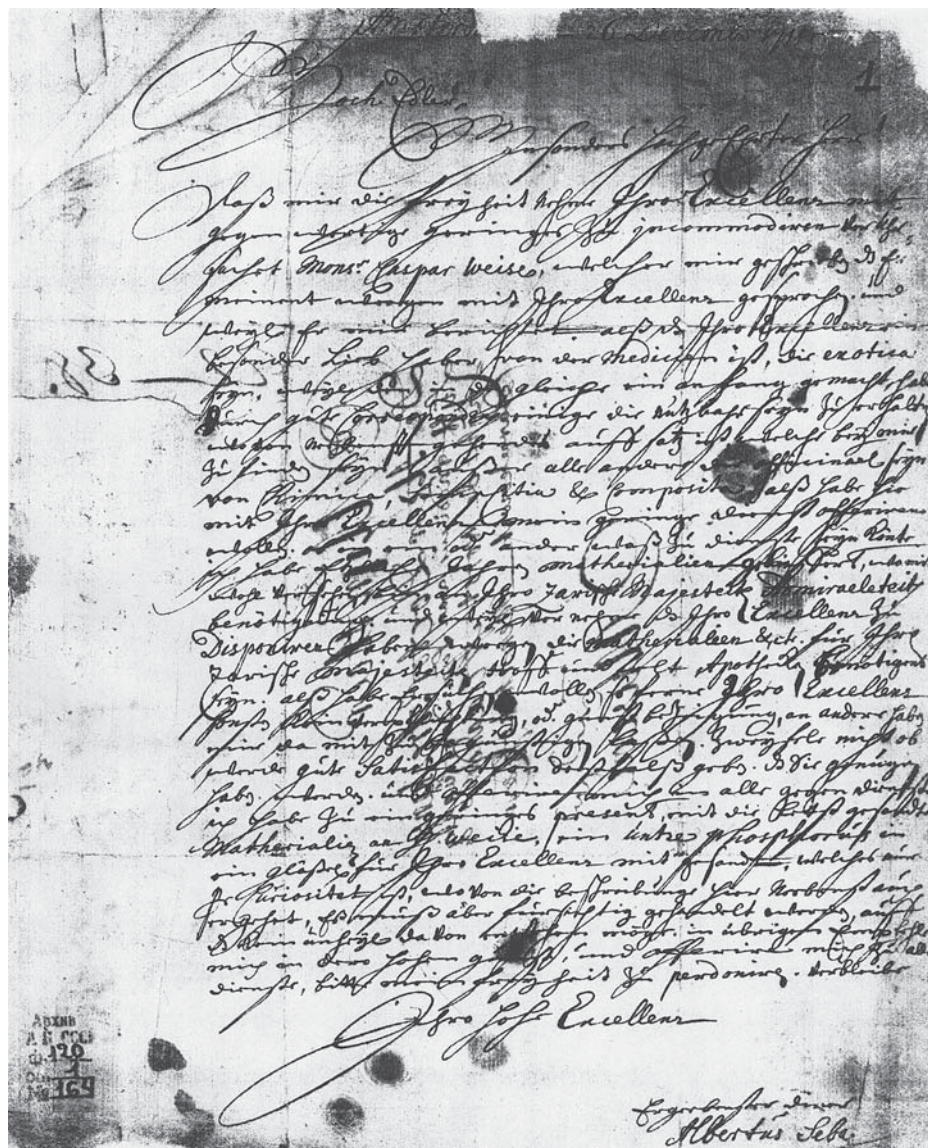
27 Доктор Питер Генелон был женат на Хендрине Вейн, сестре жены Якоба де Вильде (см.: *Kooijmans L. De doodskunstenaar. De anatomische lessen van Frederik Ruysch. Houten, 2004. P. 244; Eeghen I.H. van. De verzameling van Jacob de Wilde of het Museum Wildeanum op Keizersgracht 333 // Jaarboek Amstelodamum. 1951. No. 38. P. 88*). В 1697 г. Петр побывал на дне рождения у Якоба де Вильде и, возможно, познакомился там с Генелоном.

28 «*J'ay reconnu en luy beaucoup de sçavoir et de merite et c'est ce qui luy a acquis les bonnes graces de son prince, qui l'a fait voyager a ses frais pendant plusieurs annees, et séjourner dans les plus celebres villes de l'Europe. Il parle plusieurs langues et aime passionnement la physique et les mathematiques*». Письмо П. Генелона Дж. Локку. 16 июня 1699 г. см.: *The correspondence of John Locke / Ed. by E.S. De Beer, P.H. Nidditch. Oxford, 1976–1989. Vol. VI. P. 634*. Сообщено Л. Коймансом.

29 Письмо А. Себы Р. Арескину. Амстердам. 26 декабря 1711 г. // СПФ АРАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 164. Л. 1–1 об.

30 Переписка о поставках в Адмиралтейскую аптеку встречается в ряде фондов Российского государственного архива Военно-морского флота.

если тот «еще никому другому не давал обещаний насчет этих поставок». По просьбе Себы «Каспар Вайзе согласился представить его Арескину посредством этого письма»³¹.

Письмо Альберта Себы Роберту Арескину. Амстердам. 26 декабря 1711 г.
СПФ АРАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 164. Л. 1

31 Письмо А. Себы Р. Арескину. Амстердам. 26 декабря 1711 г. // СПФ АРАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 164. Л. 1-1 об.

Каспар Вайзе уже с 1697 г. работал в России. Он был принят на русскую службу в Амстердаме вместе с пятьюдесятью другими хирургами и лекарями. Он родился в Кроссене на Одере, в Бреслау выучился на лекаря и потом работал в Швеции и Голландии³². Себа передал Каспару Вайзе унцию фосфора «только ради любопытства», чтобы тот преподнес это удивительное вещество Арескину. Он сопроводил свой подарок описанием, в котором предупреждал, что с фосфором надо обходиться осторожно, чтобы не произошло несчастного случая³³.

Фосфор был случайно открыт Хеннигом Брандом в 1669 г. в Гамбурге, когда тот пытался, следуя инструкциям в книге по алхимии, обратить мочу в такую жидкость, которая будет превращать серебро в золото. Искусство алхимии исстари ставило целью научиться превращать обыкновенные металлы (свинец, медь, ртуть) в благородные (золото, серебро). Однако в ходе алхимических опытов в ряде случаев были открыты химические явления, которые легли в основу молодой химической науки.

Х. Бранд продал свой секрет Иоганну Даниэлю Крафту из Майнца, другу Лейбница. Лейбниц, в свою очередь, опубликовал статью об этом веществе в 1677 г. в журнале «*Journal des Scavans*» и отправил отчет в Королевскую академию наук в Париже. Лейбниц собирался организовать в Ганновере производство фосфора в промышленных масштабах и для этого договорился о том, что в ближайшем армейском лагере солдатам велят мочиться в бочки. Гордый тем, что умеет добывать в своей лаборатории фосфор, Лейбниц в 1678 г. послал некоторое его количество Христиану Гюйгенсу. Так было принято в Республике ученых³⁴. Решение амстердамского аптекаря послать фосфор человеку, возглавлявшему науку в России, свидетельствовало о том, что Россия, пусть и с некоторым опозданием, становилась частью этой республики.

Поставки в придворные аптеки

А. ПЕРВЫЙ ЗАКАЗ 1715 г.

28 марта / 8 апреля 1715 г.³⁵ Р. Арескин составил первый заказ для А. Себы на поставку лекарств для придворных аптек. Себа получил этот список месяц спустя. Обрадованный оказанным ему доверием, он пообещал «поставлять только самые

32 *Richter W.M. von. Geschichte der Medicin in Russland. Moskau, 1815, 1817. Bd. II. S. 425, 429.*

33 Письмо А. Себы Р. Арескину. Амстердам. 26 декабря 1711 г. // СПФ АРАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 164. Л. 1-1 об.

34 *Aiton E.J. Leibniz: a biography... P. 74, 78, 249.*

35 Именно так указана двойная датировка в письме. До 1 января 1700 г. в России счет времени велся от Сотворения мира, а в 1700 г. перешел на принятый в протестантских странах юлианский календарь, ведущий счет от Рождества Христова. Однако тогда же с 1 января 1700 г. большинство нидерландских городов и Берлин решили перейти на введенный в католических странах лучше выверенный григорианский календарь. Разница между юлианским и григорианским календарем составляла в XVIII в. одиннадцать дней. В тех случаях, когда в письмах нет двойной датировки и неясно, по какому календарю указана дата, мы всегда даем ту дату, которая написана в письме.

лучшие и прекрасные товары по самым низким ценам»³⁶. Этот первый заказ, документы о котором сохранились, был сразу большим. Таким большим, что у Себы не оказалось столько денег, сколько надо было вложить в покупку. Поэтому он попросил у Арескина срочно выдать ему аванс. Стоимость поставки этой первой партии заказанных лекарств Себа оценивал в 8000–9000 рублей³⁷, и, поскольку выполнить заказ он должен был в двойном объеме, для Санкт-Петербурга и для Москвы, он выразил удивление, что «не получил векселя на эту сумму одновременно с заказом»³⁸. Для него это было бы слишком «большим капиталовложением, если бы он закупил необходимые материалы без аванса». Но теперь у него нет никакой возможности, «хоть ему и очень хотелось бы, выполнить заказ в срок, чтобы послать его с первым флотом», направлявшимся в Россию: «Отправление конвоя в Архангельск в тот год было назначено на 1 июля»³⁹. Насколько Себе удалось выяснить, в Санкт-Петербург корабли в том году не отплывали из-за конфликта с королем Швеции. Но так как надо было спешить, то он просил Арескина прислать ему вексель, чтобы он успел выполнить заказ. Себа писал, что существует еще одна возможность — «дать поручение в Амстердаме Кристоффелю Брантсу, Соловьеву и Эгберту Тесингу, важным торговцам с Москвой, фурнировать ему эти деньги»⁴⁰. Как мы сейчас увидим, так и было сделано. В случае немедленной оплаты Себа предлагал царю 5 % скидку. Тем временем Себа принялся за приготовление важнейших лекарств; он обещал отправить заказ, как велено, на имя «Спильманса, Ходкинса и К^о» в Архангельск и застраховать груз, «как принято и как подобает»⁴¹.

Относительно одной из составных частей заказа — «Lapis Pedro del Porco de Malasso», итальянского названия «камней, вырастающих в желчном пузыре ежей и дикобразов»⁴² — он сделал приписку, что эти камни стоят у него «*f* 120, *f* 130, или 50 рейксдальдеров, в зависимости от того, большие они или малые». Эти камни являются большой редкостью. Он мог поставить «такой камень, настоящий и хороший, который весит 5 драм (=19,2 грамма) и будет стоить *f* 600, или

36 Письмо А. Себы Р. Арескину. 3 мая 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 74–76 об.

37 В письмах А. Себа всегда указывал обменные курсы, благодаря этому нам известно, что в 1715–1718 гг. курс рубля варьировался от 58,5 стейвера (в гульденах, обозначаемых значком *f*: $58,5 \times f 0,05 = f 2925$) до 53,5 стейверов ($= f 2675$). Иными словами, рубль равнялся почти трем гульденам.

38 Письмо А. Себы Р. Арескину. 3 мая 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 74–76 об.

39 Там же.

40 Там же.

41 Там же.

42 В каталоге своей коллекции А. Себа писал о *Pedro del Porco de Malacca*: «В медицине эти камни чрезвычайно хороши, и при высокой температуре хорошо ее сбивают. От него происходит умеренное потение, он действует сильнее, чем восточный Безоарский камень». См.: *Seba A. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba / Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam. Amsterdam, 1735. Dl. II. P. 137. Afb. CXIII.*

200 рублей»⁴³. Себа посылал вместе с лекарствами прейскурант с указанием некоторых новых аптечных товаров. Если Арескин захочет что-нибудь из них заказать, то пусть дать знать. Кроме того, Арескин получит от Себы небольшой подарок — «позолоченную шкатулку, изготовленную в Китае»⁴⁴.

Уже на следующий день Себа снова писал письмо в Петербург, потому что то же самое письмо, которое он уже получил непосредственно от Арескина, теперь получил через Исаака Клиффорда и Ван де Пютте⁴⁵. Эти господа показали Себе инструкции, из которых он понял, что должен поставить свой товар через них и приложить к товару счет. В этой инструкции, жаловался Себа, упоминалось еще об одном заказе. Но этот заказ Клиффорд и Ван де Пютте хоть и получили, но не хотели отдавать для исполнения Себе.

Аптекарь объяснял Арескину, что все товары, перечисленные в этом втором заказе, — такие специи, как корица, гвоздика, мускатный орех, мускатный цвет, перец, красящие вещества, сахар, растительное масло, вино, коньяк, уксус и белую бумагу — он также может поставить в Россию. Но Себа решил, «что ему следует быть благоразумным и не посылать товары по этому заказу, чтобы не получилось, что перечисленные товары поставлены дважды»⁴⁶. Он решил «плясать под их дудку» и предоставить другим посредникам отправить товары по второму списку. А ту часть заказа, которую они поручили ему, он «выполнит с величайшим тщанием и в хорошо упакованном виде передаст господам Клиффорду и Ван де Пютте вместе со счетом-фактурой», пошлет и Арескину копию счета. Себа писал, что Pedro del Porco он отправит вместе с основной поставкой⁴⁷.

Доставка по морю заказа 1715 г.

7 июня 1715 г. после двух недель усиленной работы заказ был отправлен в Архангельск. Половину груза Себа погрузил на один корабль, половину — на другой, чтобы снизить риск. Заказ для придворных аптек он выполнил в двух экземплярах: одну отправку он пометил буквами «А.Р.» (для аптеки в Петербурге), вторую — «А.М.», для аптеки в Москве. Счет был выставлен на *f*30 000 и еще несколько сот гульденов. 39 пронумерованных мест груза, представлявших собой ящики, помеченные буквами «А.Р.», транспортировал шкипер Клас Байс на корабле «Юфрау Иоханна Катрина». Вторая половина груза, состоявшая из 31 места в различной упаковке (бочки, ящики и тюки), была погружена на корабль «Ян и Якоб»,

43 Письмо А. Себы Р. Арескину. 3 мая 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 74–76 об.

44 Письма А. Себа писал на немецком языке, но часто искажая его. См.: Там же.

45 Примечательно, что эти два имени не упоминаются ни у В.Н. Захарова (*Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996*), ни у Я. Велювенкампа (*Veluwenkamp J.W. Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785. [Amsterdam], 2000*).

46 Письмо А. Себы Р. Арескину. Амстердам. 10 мая 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 72–73 об.

47 Там же.

где шкипером был Ян Мёсенс. В обе аптеки было поставлено не все, что требовалось: часть заказанных товаров не была отправлена. Некоторые лекарства Себа не успел закупить, потому что заказ поступил к нему слишком поздно, лишь в мае. Он сам и его люди работали день и ночь, чтобы выполнить заказ, и за две недели им это почти удалось. Себа просил Арескина в следующий раз присылать ему заказы в январе или феврале, чтобы успеть отправить товары в летнюю навигацию.

Lapis Pedro del Porco он упаковал в позолоченную шкатулку: «Другие два камня с Цейлона, *Lapis Bezoar* и *Margarita*, которые можно использовать при повышенной температуре, находились в маленьком мешочке, внутри футляра, упакованного в ящик № 20 с маркировкой “А.Р.”, где кроме того находились *Olea destillata en pretiosa* (масла очищенные ценные)»⁴⁸. Это были подарки Арескину. Себа писал ему, что те товары, которые Арескин покупал на свои деньги, он пошлет не через Клиффорда и Ван де Пютте, а непосредственно господам Спелману и Ходжкину с ближайшим кораблем на Архангельск. Счет будет отправлен сразу же, как только эти товары погрузят на корабль.

Письмо к Арескину Себа вложил в письмо к Иоганну Даниэлю Шумахеру, секретарю Арескина, с которым он явно был в дружеских отношениях: он обращался к нему «Благородный и высокочтимый Господин и добрый друг». В этом письме Себа в значительной мере повторил содержание письма к Арескину, но по-иному расставил акценты. Он объяснял Шумахеру, что аптечные товары, заказ на которые он не выполнил, достать в Амстердаме не удалось. Груз был отправлен в Архангельск, потому что господа Исаак Клиффорд и Ван де Пютте побоялись отправить его в Петербург, куда не ходил конвой, так что страховщики назначали слишком высокую страховку. И еще Себа ворчал по поводу того, что Арескин не указал, какого качества и какого цвета чулки ему требуются: черные, красные, зеленые или белые, или какого-то другого цвета. То же самое с полотном, должно ли оно быть тонким или средним: «Пусть он напишет об этом отчетливее, тогда я смогу все сделать правильно»⁴⁹. Поскольку Себа «ранее не имел чести переписываться с Арескиным», он спрашивал Шумахера, как к Арескину надо обращаться, «в каких должностях он состоит и правильно ли написан адрес». Он также спрашивал, не состоит ли Арескин провизором⁵⁰ Придворной аптеки в Санкт-Петербурге⁵¹. Впрочем, он знал, что Арескин имеет ранг министра, так как письмо к нему заканчивал словами «Вашего Превосходительства покорный слуга».

Еще в начале августа 1715 г. Себа написал над обращением к Арескину «S. Tit.», т.е. «без титула». Но в конце августа он уже знал, как к нему правильно обращаться по-французски, и над его письмом на немецком языке значится «A Monsieur, Monsieur le Docteur Areskine, Archiatre de Sa Majesté Czarienne à St.-Petersbourg»

48 Письмо А. Себы Р. Арескину. Амстердам. 7 июня 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 66–67 об.

49 Там же. Л. 64–65 об.

50 Провизор был помощником аптекаря.

51 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. Амстердам. 7 июня 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 64–65 об.

(«Господину, Господину Доктору Арескину, Архиатру его Царского Величества в Петербурге»).

Остается неясным, был ли Себа знаком с Шумахером до того, как стал переписываться с ним как с секретарем Арескина.

Оплата заказа 1715 г.

Из Петербурга, Архангельска или Москвы А. Себе, по всей видимости, прислали такую большую сумму, что у него даже остались лишние деньги. Он подсчитал, что из полученных денег на заказы для придворных аптек ему причитается 27 463,11 гильденов:

«От Петербургской аптеки	<i>f</i> 14.542:17:-
И от Московской аптеки	<i>f</i> 12.895: 1:-
Итого:	<hr/> <i>f</i> 27.437:18:-
Скидка 1 % (за срочную оплату)	<i>f</i> 00.274: 7:-
Итого:	<hr/> <i>f</i> 27.163:11:-
Вдобавок к этому за вазы, ящики, кувшины, горшки и склянки, упаковку и прочие мелкие расходы	<i>f</i> 00.300: -
Мне причитается из присланных денег ⁵² :	<hr/> <i>f</i> 27.463:11:-

К этому будет добавлен еще счет за товары, заказанные вдогонку, которые будут транспортированы на две недели позже с последним флотом на Архангельск. Данный же расчет был составлен для того, чтобы заранее проинформировать Арескина о стоимости товаров, посланных через Клиффорда и Ван де Пютте⁵³. Как видим, вместо обещанной скидки в 5 % Себа предоставил Арескину только 1 % за срочную оплату.

Себа послал Арескину также приводимый ниже список, чтобы показать, что он и сам может поставлять все то, что было заказано Исааку Клиффорду и Ван де Пютте⁵⁴. В дальнейшем подобные товары, заказываемые обычно не аптекарям, а бакалейщикам или торговцам аптечно-парфюмерными товарами⁵⁵, он также стал поставлять сам.

52 Письмо А. Себы Р. Арескину. 5 июля 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 49-51 об.

53 Там же.

54 Там же.

55 *Wittop Koning D.A. De oude apotheek. Bussum, 1966. P. 69.*

Список дополнительного заказа

- 200 libel aurum folias [сусальное золото]
 40 lb [pond⁵⁶] Amygo Amaras [amygdalis communis, эфирное масло из миндаля]
 500 lb – Dulieum [?]
 200 lb Camphor[a] [камфора]
 30 lb Caryophill [гвоздика]
 50 lb Cinamum [корица]
 200 lb Caricacia [С. Рарауа, карпаин, папаин]
 600 lb Cerussae [свинцовые белила]
 100 lb Cort. Asurans [cortices asurantiorum=апельсинные корки]
 100 lb Cort. Citri [cortices citreorum=лимонные корки]
 100 lb Cort. granator [cortices granatorum=корка граната]
 400 lb Colophoniae [канифоль, колофонская смола, вещество из хвойных деревьев для производства лака и мыла]
 100 lb ponnor [?]
 20 lb sang. draconis fun [драконова кровь, смола пальмы salamus draco]
 400 lb Hordeum perlat. [сорт ячменя]
 30 lb jujube [Китайский финик, зизифус настоящий]
 600 lb Lithargirium [lithargyrii Aurei, окись свинца]
 600 lb minii [красная окись свинца]
 100 lb mercur. viv. [ртуть]
 30 lb nut moschat [мускатный орех]
 300 lb Occuli cancri [раковые жерновки, или «раковые глаза»]
 300 lb Ol[ea] Terebinth[inae] [скипидарное масло]
 1 pijs (ёмкость) Ol: Olivar comm. [Olea europea L., оливкового масла]
 200 lb – dito recent. opt.
 300 lb Rad[ices] China [Сарсапарилловый корень]
 300 lb Sacch[arum] cannariens [сахарный тростник]
 600 lb [Saccharum] melis [белый сахар, рафинад]
 20 lb cand. alb. [сахар-кандис белый]
 20 lb cand. rubr. [сахар-кандис красный]
 600 lb farin [мука из Пажитник сенной, или пажитник греческий, или шамбала]
 60 lb Sem. foeniculi [Foeniculum vulgare Mill=фенхель]
 30 lb Sperma Ceti [спермацет, белый янтарь]
 1 anker succus citri [сок цитрусовых]
 200 lb Sulphur[is] Citrin [серный цитрин]
 400 lb Tartarus Alb. [виноградный сок белый]
 400 lb Tartarus rubr. [виноградный сок красный]
 2 oxhoofden Therebinth Com. [terebinthinae communis=скипидар]
 1000 lb Vitriol com. [серная кислота]

56 См. список мер и весов в приложении IX.

200 lb virid[is] Aeris [alugo ацетат меди, Ярь-медянка]
 80 lb турецкие чернильные орешки
 400 lb квасцы
 30 lb гуммиарáбик
 100 стоп обыкновенной белой бумаги
 60 стоп тонкой белой бумаги
 20 стоп тонкой почтовой бумаги
 2 бочонка французского коньяка
 1 бочонок красного графского вина
 2 бочонка белого французского вина
 2 бочонка лучшего винного уксуса
 1/2 аам испанского вина
 40 stuk inne Mündt spuijtils [?] N.B. это 2 раза

Поставка по заказу 1715 г., посланная вдогонку

Около 21 июля 1715 г. из Амстердама в Архангельск отправился последний флот⁵⁷. Ящичек для Шумахера Себа пометил сердечком и вписанными в него буквами «J.D.S.», а на ящичке с закупками для Арескина написал номер «85» и буквы «A.P.». Все посылаемые вдогонку товары он отнес шкиперу Якобу Паулсе Виссеру на борт его корабля «Элиас». Себа не сопровождал посылку расчетом затрат. В письме к Шумахеру он еще раз подчеркнул, что «все товары, которые поставили Клиффорд и Ван де Пютте», мог бы поставить и сам, «без излишних затрат и коммиссионных процентов, которые наверняка начисляют Клиффорд и Ван де Пютте»⁵⁸.

Прибытие заказа 1715 г. в Петербург и Москву

Через месяц с лишним, 27 августа 1715 г., Себа писал, что по его подсчетам первые упаковки поставок в придворные аптеки уже должны были достичь места назначения⁵⁹. Но из письма Арескина от 2 сентября 1715 г. он узнал, что в Петербург лекарства еще не прибыли⁶⁰. К 10 января 1716 г. у Себы еще не было подтверждения прибытия груза⁶¹. Но еще через месяц все было явно в полном порядке, потому что Себа получил новый заказ для придворных аптек⁶².

57 Письмо А. Себы Р. Арескину. 5 июля 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 49–51 об.

58 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 6 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 47–48.

59 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 27 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 45–46.

60 Письмо А. Себы Р. Арескину. 4 октября 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 21.

61 Письмо А. Себы Р. Арескину. 10 января 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 171–172 об.

62 Письмо И.Д. Шумахера А.Себе. 27 февраля 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 27 об.

Б. ЗАКАЗ 1716 г.

4 октября 1715 г., еще не получив подтверждения о том, что аптекарские товары из первой поставки достигли места назначения, Себа писал Арескину, что «надеется вскоре получить заказ на будущий год, чтобы было достаточно времени для его формирования и упаковки»⁶³. 31 декабря 1715 г. он еще раз напомнил о том, что ему важно получить заказ своевременно. Иными словами, он проявил большую настойчивость, прежде чем получил заказ на 1716 г., о чем он пишет в письме от 27 февраля. Себа должен был адресовать поставку фирме «Рансон, Парсонс и Вайдт»⁶⁴. Но он не знал, «следует ли отправлять товары в Архангельск или в Санкт-Петербург»⁶⁵. То, что поставкой будет заниматься фирма «Рансон, Парсонс и Вайдт», было для Себы большой победой. Это значало, что ему не надо будет иметь дело с фирмой Клиффорда и Ван де Пютте, на которых он так жаловался. Сам господин Вайдт благоволил к Себе. Он не раз выказывал готовность давать ему большие авансы на закупку аптекарских товаров.

Закупка товаров на 1716 г.

Себа продолжал настойчиво повторять, что чем раньше он получит заказ, тем выгоднее сможет произвести закупки. Он предварительно подсчитал, что аптекарские товары для придворных аптек Санкт-Петербурга и Москвы вместе будут стоить более 10 000 рублей, т.е. более 30 000 голландских гульденов. Это была гигантская сумма, так что неудивительно, что Себа настаивал на плате вперед, чтобы можно было начать закупки. Он предупреждал, что «когда заказы в Амстердам поступают сразу со всех сторон, то цены сразу резко повышаются. И закупать приходится сломая голову, в мае, в то самое время, когда первые корабли уже были готовы к отплытию из Амстердама в Архангельск»⁶⁶. Себа послал свое письмо Арескину в Данциг, «потому что газеты сообщают, что царь сейчас там»⁶⁷. Его предупреждения возымели успех.

Оплата поставки 1716 г.

Месяц спустя, 23 апреля 1716 г., Себа получил вексель от фирмы «Рансон, Парсонс и К^о», который ему прислал Шумахер⁶⁸. Сумма составляла *f* 22 400⁶⁹, и Себа в тот

63 Письмо А. Себы Р. Арескину. 4 октября 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 21.

64 Ranson, Parsons en Waidt. Последнюю фамилию Себа иногда пишет по-разному: Waid, Waith и Wait.

65 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 27 февраля 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 27 об.

66 Письмо А. Себы Р. Арескину. 24 марта 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 13–14 об.

67 Там же.

68 Письмо А. Себы Р. Арескину. 24 марта 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 3–4.

69 Это был вексель на 8000 рублей из расчета по 56 стейверов за рубль, подлежащий оплате в Амстердаме в течение шести недель по предъявлению. Согласно итоговым расчетам по поставкам 1716 г. от 10 мая 1717 г., это составляло *f* 22 400.

же день обменял вексель на деньги. Этот аванс на вторую поставку для придворных аптек пришел очень поздно, так как Себа в то время уже всюю занимался закупками аптекарских товаров в кредит, а также их упаковкой, чтобы отправить груз в Петербург с конвоем, отплывавшим через две, максимум через три недели. Остальные товары, предназначенные для Придворной аптеки в Москве, посылались с кораблями и конвоем в Архангельск⁷⁰.

Транспортировка поставки 1716 г.

3 июня 1716 г. Себа погрузил аптекарские товары для Придворной аптеки в Петербурге на корабль «Де Блауэ Клоке» (шкипер Вибе Сиверс), направлявшийся в Петербург. Груз состоял из 74 мест, пронумерованных и маркированных буквами «А.Р.». Согласно ордеру, консигнатором товаров была фирма «Рансон, Парсон и Вайдт». Себа также застраховал свою отправку на сумму *f* 15 000 из расчета 5 %, плюс на ту же сумму товары для московской аптеки, отправленные в Архангельск на корабле «Де Зварте Хан» со шкипером Класом Ментсе⁷¹. Счет и коносаменты он отправил по почте⁷².

Прибытие поставки 1716 г.

2 сентября 1716 г. Шумахер сообщил Себе о благополучном прибытии товаров как в Санкт-Петербург, так и в Архангельск⁷³. 24 октября 1716 г. Шумахер писал Арескину, что «аптекарские товары были приняты аптекарем г-ном Бером и сочтены неповрежденными». «В сто раз лучше, чем в прошлом году»⁷⁴, — заключал он. Было получено также известие о прибытии в Архангельск товаров для Москвы.

70 Письмо А. Себы Р. Арескину. Амстердам. 24 апреля 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д.4. Л. 3–4.

71 В мирное время через 20 лет обычный процент страховки при перевозке в этом регионе составлял 1,5 %. *Vries Jan de, Woude Ad van der. Nederland 1500–1815. De eerste ronde van moderne economische groei. 2-e dr. Amsterdam, 1995. P. 172.*

72 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 3 июня 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 164. Л. 3. Это письмо опубликовано Джоном Эпплеби как письмо А. Себы Р. Арескину на том основании, что оно хранится в переписке Арескина. Однако Себа обращается к адресату со словами «Чрезвычайно высокочтимый господин и любезный друг» — обращение, которым он часто пользовался в переписке с Шумахером и никогда в переписке с Арескиным. Кроме того, из письма ясно, что Арескин в тот момент отсутствовал в Петербурге. Через несколько дней Шумахер рассказывает Арескину новости из письма Себы. См.: письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 12 июня 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 42 об.; *Appleby J.H. Robert Erskine-Scottish pioneer of Russian natural history // Archives of Natural History. 1982. No. 10 (3). P. 384.*

73 Письмо А. Себы Р. Арескину. 13 октября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д.4. Л. 26–27 об.

74 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. Санкт-Петербург. 24 октября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 17 об.

Оплата поставки 1716 г. (продолжение)

В 1716 г. Себа поставил в петербургскую и московскую придворные аптеки лекарств на сумму *f* 38 154. Он предоставил скидку 5 % и не внес в счет никаких дополнительных расходов. К октябрю он все еще не получил ничего, кроме упомянутого аванса (*f* 22 400). Как писал Себа, он не ожидал, что перевод оставшейся суммы займет столько времени: от этой задержки он нес большие убытки. Себа предполагал, что главная проблема состояла в получении денег из Приказа: «Если Арескин даст Приказу такое указание и деньги будут немедленно выплачены, то я готов предоставить 5 % скидку», хотя его собственные потери составляли более 5 %⁷⁵. Себа выражал надежду, что «в будущем платежи будут производиться более аккуратно»⁷⁶. После многочисленных рекламаций он в конце года получил три векселя по 1000 рублей и только 1 июля 1717 г. — последний вексель на оставшуюся сумму *f* 5921 (в соответствии с калькуляцией от 10 мая 1717 г.), в результате чего поставка 1717 г. была наконец полностью оплачена.

Эта оплата протекала негладко. В России явно не хватало денег. Правда, в начале XVIII в. экспорт превосходил импорт, однако приходилось платить многочисленным работавшим по контракту иностранным специалистам, содержать российских дипломатов за границей, велики были также военные расходы — на армию и выплаты за тех, кто попал в плен к шведам, так что в результате потребности российского правительства в деньгах быстро росли⁷⁷. Жаловались все, и поскольку Арескин в этот период находился на датско-немецком побережье Балтийского моря, сопровождая царя в военной кампании, Шумахер прилагал все усилия, чтобы добиться выплат для Себы. Оплата товара происходила сложным путем: Себа выписывал счет Вайдту, Вайдт подавал этот счет на подпись Арескину. Арескин его подписывал. Шумахер, служивший не только секретарем Арескина, но и секретарем Медицинской канцелярии, отправлялся с подписанным Арескиным счетом к дьяку Медицинской канцелярии, чтобы получить по нему деньги. Вайдт получал российские монеты из государственной казны и писал на них вексель в рублях или в иностранной валюте, который и посылал Себе. У того человека, чье имя было указано в векселе, Себа мог этот вексель обналичить.

Шумахер откровенно написал Арескину, что предполагает большие трудности в получении денег от дьяка: «Мне не остается ничего другого, как рассказать Вам о проделках и лживости Бориса Похомовича <...> здесь затронута и Ваша честь <...> Поскольку все поставки, как было признано, были получены в весьма хорошем состоянии, г-н Вайдт попытался получить от нашего дьяка оставшуюся долю платежа — 6000 рублей. Но тот откладывает и откладывает этот платеж, не

75 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 13 октября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 28–29.

76 Там же.

77 *Lebedev S. Die Neuordnung der Russischen Finanzpolitik im 18. Jahrhundert und die Finanzbeziehungen zu Westeuropa // Ein Deutscher am Zarenhof. Heinrich Graf Ostermann und seine Zeit 1687–1747 / Red. Joh.V. Wagner, B. Bonwetsch und W. Eggeling. Essen, 2001. S. 183–187.*

платя Вайдту ни гроша». Он день за днем поет свою песню «завтра»⁷⁸. В конце концов, он пообещал дать поручение московскому дьяку выплатить эти 6000 рублей. После чего Вайдт, рассчитывая на них, написал в Амстердам, что деньги скоро будут. Но в Москве Вайдт услышал, что петербургский дьяк не написал ему об этом ни слова и не дал никакого платежного поручения на эти 6000 рублей⁷⁹. Шумахер просил Арескина дать настоятельно поручение дьяку выплатить эти 6000 рублей по счету, который Вайдт отдал в Приказ.

Мы видим, что Шумахер явно оказался между двух огней. Себя слал ему отчаянные письма с требованием денег, но дьяк не желал платить. В октябре 1716 г. Шумахер написал два разных черновика письма⁸⁰. Первое письмо (Л. 17) изобиловало ругательствами в адрес людей, от которых он зависит в своих попытках оплатить счет Себы. Потом он зачеркнул ругательства, но затем полностью переписал письмо заново (Л. 43). К счастью, Вайдт отнесся к возникшим трудностям с пониманием. «Вайдт, — писал Шумахер Арескину, — счел необходимым послать Себе заранее, в счет ожидаемых от дьяка 6000 рублей, хотя бы часть [денег]»⁸¹. Шумахер чрезвычайно сердился на дьяка: «Это просто недопустимо, чтобы на нашу голову сыпались такие упреки из-за хитростей дьяка, который обязан быть верным вышестоящему начальнику и заботиться о его чести. Он начинает понимать свои ошибки, и чтобы выйти сухим из воды отпросился съездить в Москву», — писал он Арескину, который все еще находился вместе с царем за границей⁸².

Между тем настал декабрь. Наконец-то от дьяка удалось получить 10 000 рублей. Шумахер советовал Арескину оставить себе из этих денег, коль скоро они предназначены Себе, скидку в 5,5 %, как это делалось раньше: «Не потому, что Ваше Превосходительство нуждается в деньгах, а только затем, чтобы украсить Вашу коллекцию и библиотеку. Если бы рассказали дьяку, что Вайдт уже выплатил Себе аванс, он бы никогда не дал этих денег»⁸³.

Для Арескина это был весьма привлекательный способ повысить свои доходы. Из-за скидки, которую давал Себа, Арескин сам оказывался заинтересованным в том, чтобы делать закупки именно у Себы, и содействовал относительно быстрой выплате денег за них.

Из-за задержки платежа по вине дьяка возникли споры по поводу обменного курса. Шумахер писал, что курс рубля падает день ото дня: действительно, за несколько недель рубль подешевел на пять стейверов, вместо 58,5 он стал стоить 53,5 стейвера. В пересчете на 1000 рублей разница составила солидную сумму в 300 гульденов:

78 «Il chante son savtra de jour à l'autre».

79 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. Санкт-Петербург. 24 октября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 17 об.

80 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 17 об., 43.

81 Вайдт хотел заплатить Себе 1000 рублей по курсу 58,5 стейвера за рубль. Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 9 ноября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 19 об.

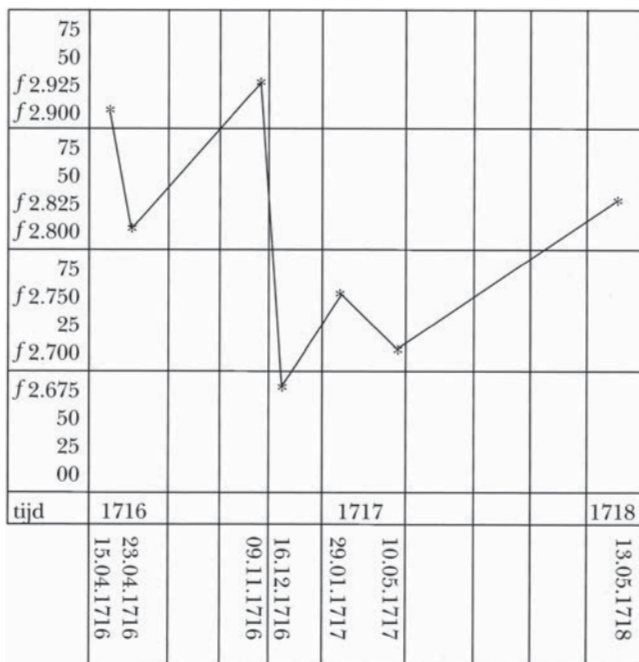
82 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 30 ноября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 20 об.

83 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 14 декабря 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 12.

$f\ 2925 - f\ 2675 = f\ 300$. Шумахер в конце концов послал вексель Вайдта для Себы⁸⁴ в Копенгаген, так как узнал, что Арескин прямо из Копенгагена поедет в Голландию⁸⁵. По этому векселю, в котором в качестве трассата был указан г-н Майнард Тройен, Себа успел получить деньги еще в до наступления нового года⁸⁶.

**Колебания курса рубля с апреля 1716 г. по май 1718 г.
согласно вексям, полученным А. Себой**

Курс рубля к гульдону

В. ЗАКАЗ 1717 г.: КОНКУРЕНЦИЯ

18 декабря 1716 г. Арескин прибыл вместе с царем в Амстердам. За несколько дней до Рождества он посетил Себу и вручил ему список заказов для Придворной аптеки в Москве на 1717 г. и огромный аванс — $f\ 13\ 250$. По его словам, список заказов для Придворной аптеки в Петербурге еще не был готов⁸⁷. На самом деле все было сложнее.

⁸⁴ Вексель на 1000 рублей по 53,5 стейвера (то есть $f\ 2675$).

⁸⁵ Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 14 декабря 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 12.

⁸⁶ Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 29 декабря 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 38–39.

⁸⁷ Там же.

7 января 1717 г. Шумахер сделал комплимент Арескину по поводу того, что тот не передал Себе заказ лекарств для петербургской аптеки, а решил разделить заказы для придворных аптек между двумя поставщиками. Заказ для Петербурга он разместил у аптекаря Наторпа в Гамбурге, и Шумахер считал, что «Наторп выполнит свои обязанности честнее, чем Себа»⁸⁸. В письмах не сказано, в каком отношении Себа выполнял свои обязанности нечестно, и нигде не объясняется, чем лучше был Наторп. Себе они своих карт не раскрывали. Так, Шумахер сообщал Арескину, что написал Себе, что в 1717 г. «Придворной аптеке в Петербурге не нужно лекарств, потому что все войска находятся за границей».

Запоздалая выплата за заказ 1716 г.

В январе 1717 г. Себа радостно сообщал Шумахеру, что получил от Парсона и Вайдта из Архангельска два векселя по 1000 рублей, что вместе составляет сумму *f* 5500⁸⁹. Он тогда не знал, что остальной части денег придется ждать еще полгода. Те 2000 рублей, что он получил, выплатила ему не казна, а Вайдт, находившийся тогда в Архангельске, который сам денег от дьяка пока не получил. За выполненный заказ 1716 г. Себе причиталось после вычета 5 % еще *f* 5921,3.

Оплата заказа 1717 г.

Мы не знаем, были ли лекарства заказаны также у Наторпа, но Себа сумел уговорить Арескина заказать у него намного больше товаров, чем тот намеревался изначально. 12 марта 1717 г. Шумахер уже знал, что Себа получил заказ для московской аптеки на сумму ни больше ни меньше *f* 30 000. Примечательно, что это та же сумма, на которую он в два предыдущих года делал поставки не в одну, а в две придворные аптеки (в московскую примерно на *f* 15 000 и на такую же сумму в петербургскую).

Себа обещал Арескину в случае быстрой оплаты скидку в 5 %, а также несколько редкостей в подарок. Как мы видели, в Амстердаме Арескин уже дал Себе большой аванс (*f* 13 250), но Шумахер сомневался в возможности быстрого погашения остальной суммы: «Сенат не готов заплатить 8000 рублей по просьбе их дьяка, так как от Арескина не поступило поручение осуществить этот платеж»⁹⁰. Поэтому

88 «Bienfait Monseigneur que vous partagiez les materiaux, et je crois Mr. Natorp plus honnêt qui ne manquera pas de fair son devoir comme Seba la fait j'ay trouvé à propos d'écrire à luy (Seba) que l'apothek de Petersbourg n'aura pas besoin des materiaux cette année nos troupes étant toutes hors du païs». См.: письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 7 января 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 22 об.

89 Каждый вексель на 1000 рублей по курсу 55 стейверов за рубль на имя Сэмюэля Хольдена в качестве трассата в Лондоне. Эти векселя должны были быть приняты в Англии, а оплачены в Амстердаме в течение шести недель со дня предъявления. Курс рубля *f* 2750. См.: Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 29 октября 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 250–251.

90 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 12 марта 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 33.

Шумахер призывал Арескина немедленно передать Сенату поручение от царя через его секретаря А.В. Макарова (1674/5–1750) выплатить Рэнсону 8000 рублей, «а то мы рискуем не сдержать слово, которое дали Себе»⁹¹. Шумахер попытался уговорить Рэнсона ссудить вперед сумму, обещанную А. Себе, и затем дожидаться, пока заплатит дьяк. Впрочем, похоже, что Шумахер пытался намекнуть Арескину, что стоит пользоваться также услугами Наторпа, аргументируя это тем, что Себа не смог достать «Radix. de Iappa» (лопух большой). Шумахер советовал Арескину купить этот корень в Гамбурге или в другом немецком городе.

Запоздалая выплата за заказ 1716 г., продолжение

Скорая оплата заказа оказалась проблематичной. Оплата всякий раз производилась намного позже, чем поставлялся товар. 15 апреля 1717 г. Себа жаловался Арескину, что еще не получил последней выплаты за поставки предыдущего года. Через месяц с лишним, 27 мая 1717 г., эти деньги до него так еще и не дошли. Вследствие производимых им закупок и платежей по новому заказу «его касса обеднела», так что он надеялся, что Его Превосходительство не рассердится, если Себа Его Превосходительству об этом сообщит⁹². 1 июля 1717 г. Себа наконец-то получил последнюю плату за 1716 г.⁹³ Общая сумма, заплаченная за товары 1716 г. для московской и петербургской аптек, составила *f* 38 154,77⁹⁴.

Расчеты стоимости заказа на 1717 г.

Как мы видели, на 1717 г. Себа получил заказ на поставку товара только в московскую придворную аптеку. Он оценил его стоимость в *f* 30 000. Арескин выдал задаток *f* 13 250, Себе оставалось получить еще *f* 16 750.⁹⁵ Поскольку вытребовать деньги из Приказа было крайне трудно, Шумахер попросил Арескина составить указ, по которому эту сумму заплатили бы Вайдту или непосредственно ему самому, чтобы он потом передал ее Себе⁹⁶. Ввиду того, что Себа уже получил деньги за поставленные на тот момент лекарства, Арескин счел его слишком нетерпеливым. И хотя Шумахеру тоже надоели жалобы и причитания Себы, он все же просил

91 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 12 марта 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 33.

92 Письмо А. Себы Р. Арескину. 15 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 44–45. Письмо А. Себы Р. Арескину. 17 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 51–52 об.

93 1 июля 1717 г. А. Себа получил вексель на *f* 5921 от Ромсвинкела и Варинаю. См. прим. 81.

94 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 10 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 48 об. – 49.

95 Что составляло 6203,40 рублей по 54 стёйвера за рубль.

96 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 12 марта 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 33.

Арескина передать в Приказ распоряжение о том, чтобы они перевели остаток денег за поставку лекарств 1717 г.⁹⁷

В августе 1717 г. оказалось, что Себа превысил бюджет закупок для московской аптеки. Шумахер сообщил Арескину, что получил от Себы письмо с расчетами стоимости поставки в 1717 г. и с указанием общей суммы в *f* 30 805,15⁹⁸. Когда Арескин в Амстердаме подписал эти расчеты, признавая их верными, Себа думал, что этой подписи будет достаточно, чтобы получить деньги из Приказа. Шумахер умолял Арескина проследить за тем, чтобы Приказ поскорее выплатил Себе эти деньги, потому что тот буквально преследовал его письмами. Если Себа все-таки предоставит скидку, то ее получит царь. 9 сентября 1717 г. Шумахер сообщил Себе, что его счет передан в Приказ и что он отправил ему вексель, адресованный Ромсвинкелю, на сумму *f* 2000. Похоже, что сам Ромсвинкель решил выплатить Себе указанные деньги. «Выпьем же за его здоровье!» — писал благодарный Шумахер⁹⁹.

Когда Себа написал Шумахеру, что Арескин пообещал ему в Амстердаме в следующем году снова дать два заказа, и напоминал ему, что уже пора эти заказы присылать, Шумахер сначала обсудил этот вопрос с Арескиным. Он просил Арескина подтвердить, действительно ли все так и сообщить ему о решении по данному вопросу, чтобы в их корреспонденции не возникло разночтений¹⁰⁰. Действительно, Себе было сделано два заказа — для Придворной аптеки в Москве и Придворной аптеки в Петербурге. Аптекарские товары для Москвы было предписано послать через Архангельск, а для Петербурга — непосредственно в Петербург. Товары было велено застраховать. Арескин высказал пожелание, как писал Шумахер, «чтобы товары были хорошо упакованы и отличались хорошим качеством и были поставлены по общепринятым ценам в соответствии с преискурантом, чтобы господа аптекари не жаловались. Ведь предыдущая поставка пострадала. И если бы Арескин не испытывал такого особого уважения к Себе, он бы отдал заказ другому поставщику, который уже прожужжал ему все уши»¹⁰¹.

Оплата за 1717 г.

4 марта 1718 г. Шумахер послал Себе два векселя за поставку 1717 г. Трассатом одного из них (на сумму *f* 6822) выступал купец Ричард Кэмбридж, а второго (на сумму *f* 3411) — Натаниэль Кэмбридж, оба из Лондона. Он просил Себу со-

97 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 17 июня 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 52.

98 Поставка в московскую аптеку — *f* 30 805,15. Уже получено Себой 5000 рублей по 53 стейвера за рубль — *f* 13 250. Следовательно, Себа еще должен был получить *f* 17 555,15.

99 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 23 августа 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 53 об.; Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 9 сентября 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 52 об.

100 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 1 января 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 64–64 об.

101 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 4 марта 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 72 об. — 73.

общить об оплате этих векселей. В то же письмо был вложен список заказов для придворных аптек в Москве и Петербурге¹⁰².

Почта не всегда работала безукоризненно. 18 марта Себа еще не получил этих двух векселей и заказов и высказывал Арескину недовольство, что тот до сих пор не отреагировал на его письма от 4 января и 22 февраля 1718 г. Этих двух писем в Архиве Российской академии наук нет. Себа так и не получил на них ответа, вероятно, они не дошли до адресата. Себа напоминал о деньгах, которые Арескин ему еще должен, и о том, что Шумахер в последнем письме от 16 декабря 1717 г. обещал отправить оставшуюся сумму с ближайшей почтой, но он ничего так и не получил. Окончательного расчета за поставку 1717 г. Себе пришлось ждать еще долго¹⁰³. Он просил Арескина как можно скорее прислать заказ на 1718 г. Себа сделал собственной рукой такую приписку: «Если Ваше Превосходительство переведет деньги заранее, так что мне не придется рисковать и слишком долго ждать, то Вы получите скидку 15 % <...>»¹⁰⁴. Несомненно, Себа закладывал в стоимость своего товара настолько высокую маржу, что мог позволить себе предлагать подобную скидку. Его предложение дало желаемый результат.

Г. ЗАКАЗ НА 1718 г.

Уже 4 апреля 1718 г. Шумахер послал Себе аванс: «два векселя по *f* 5000 для предъявления Ромсвинкелю & Варину в Амстердаме как предварительная плата за будущие аптекарские товары, каталог которых он уже прислал некоторое время назад»¹⁰⁵. Остальная часть денег будет выплачена немедленно, в этом, по словам Шумахера, Себа может не сомневаться. Шумахер писал, что Себа должен присылать только качественные товары, Арескин не оплатит ту часть, которая окажется плохого качества. Шумахер хотел также обеспечить Себе заказ для Адмиралтейской аптеки, снабжавшей лекарствами флот, потому что теперь Арескин мог его предоставить.

102 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 4 марта 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 72 об. — 73.

103 Подсчитав суммы, которые Себа получил наличными и по векселям за поставку 1717 г., получаем следующее:

Общая стоимость поставки 1717:	<i>f</i> 30 805,15
Себа получил от Арескина в Амстердаме:	<u><i>f</i> 13 250.</u>
После этого ему причиталось еще	<i>f</i> 17 555,15.
Следующий платеж был 9 сентября 1717:	<i>f</i> 2000 (Ромсвинкель).
Два платежа 4 марта 1718:	+ <i>f</i> 6822 (Ричард Кэмбридж).
	+ <u><i>f</i> 3411</u> (Натаниэль Кэмбридж).
Итого по трем векселям он получил:	<i>f</i> 12 233
и ящик	<i>f</i> 17 555,15
	<u><i>f</i> 12 233.</u>
По нашим подсчетам, ему причиталось еще	<i>f</i> 5322,15.

104 Письмо А. Себы Р. Арескину. 18 марта 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 86–86 об.

105 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 4 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 76.

Адмиралтейская аптека

Шумахер добился обещанного: Арескин действительно поручил Себе выполнение заказа для Адмиралтейской аптеки. Он заранее послал ему список товаров. «Аптекарские товары для Адмиралтейства должны быть застрахованы и маркированы буквами “С.А.” и посланы с конвоем *linea recta* в Петербург. Все три заказа, как отправляемые в Петербург, так и отправляемые через Архангельск, должны быть адресованы фирме “Парсонс & Вайдт”. С векселями все будет в порядке»¹⁰⁶.

Оплата заказа 1718 г.

С векселями действительно все было в порядке. 18 апреля 1718 г., через неделю после высылки двух указанных векселей, Шумахер отправил еще два векселя: один для предъявления Натаниэлю Кэмбриджу, второй — Ричарду Кэмбриджу. Себа получил их 27 мая 1718 г. Иногда какой-нибудь вексель по той или иной причине не принимался к выплате. 23 мая 1718 г. Шумахер послал вексель для предъявления Натаниэлю Кэмбриджу со словами: «first not payed, this is our second» («первый не оплачен, это наш второй»). Векселя приходили медленно, но верно. Шумахер пообещал, что продолжение следует. О скорейшей оплате аптекарских товаров для Адмиралтейства он тоже позаботится¹⁰⁷. 13 июня Шумахер послал вексель на огромную сумму — $f\ 12\ 712$ ¹⁰⁸. Таким образом, на тот момент за заказ 1718 г. Себе было выслано векселей на сумму $f\ 29\ 712$, однако невозможно установить, по каким из них Себа действительно получил деньги¹⁰⁹.

7 июня Себа ответил Арескину на письмо от 2 мая 1718 г., которое получил 3 июня. Он сообщил Арескину, что на корабли «Юффрау Анна Мария» (шкипер Ян Питерс Веттевогел) и «Стад Конингсберген» (шкипер Вибе Сиверс) погружены товары: кроме вин и прочих заказов для Арескина, аптекарские товары для

106 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину от 10 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 79 об.

107 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 23 мая 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 88.

108 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 13.06.1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 92 об. Вексель на 4500 рублей по 56 ½ стейвера для предъявления Натаниэлю Кэмбриджу, торговцу в Лондоне.

109 Сложив переведенные Себе суммы за поставки 1718 г., получаем следующее:

поставки 1718 г.:	в петербургскую придворную аптеку	$f\ 19\ 697$
	в петербургскую придворную аптеку	$+ f\ 13\ 340$
	Бодиско должен Адмиралтейству	$+ f\ 4700$
Итого:		$f\ 37\ 737$

$f\ 10\ 000$ два векселя по $f\ 5000$ (на имя Ромсвинкель & Варин в Амстердаме, от 04 апреля 1718).
 $+ f\ 5000$ вексель на $f\ 5000$ (на имя Натаниэля Кэмбриджа (first not payed) от 23 мая 1718 г.)
 $+ f\ 12\ 735$ вексель на 4500 рублей по 56,5 стейвера (на имя Натаниэля Кэмбриджа от 23.06.1718).
 $+ f\ 1000$ вексель на имя Натаниэля Кэмбриджа от 18 апреля 1718 г.
 $+ f\ 1000$ на имя Натаниэля Кэмбриджа от 18 апреля 1718 г.
 $= f\ 29\ 735$.

Придворной и Адмиралтейской аптек в Санкт-Петербурге¹¹⁰. На этот раз Шумахер и Арескин уже в конце июня 1718 г. «с волнением ждали прибытия кораблей с лекарствами, так как старые запасы были в печальном состоянии»¹¹¹.

Себа импортирует сырье из России

Как мы видели, Себа лишь в виде исключения заказывал что-либо из России. Он уже раньше просил Шумахера прислать ему *radix nisi* – имбирный корень. Однако Шумахер не мог этого сделать. Он знал, что у царя не было даже фунта этого корня, а князь Гагарин (ум. 1721)¹¹², губернатор Сибири, не мог поставить никакого лекарственного сырья, пока не придет караван из Китая¹¹³, откуда доставляли имбирный корень: прибытие каравана было редким событием. Датский посол Георг Грунд, служивший в Москве с 1705 по 1708 г., писал, что караваны из Китая приходили раз в три года¹¹⁴. По мнению современного историка, это происходило чаще. Так, с 1696 по 1719 г. прибыло девять караванов: в 1711–1716 гг. во главе их стоял Осколков, в 1714–1719 гг. – Гусятников¹¹⁵.

Прибытие заказа 1718 г.

Плавание судов с товаром оказалось благополучным, и они были быстро выгружены, так как 8 августа 1718 г. Шумахер уже сообщил Себе, что заказы для московской и Адмиралтейской аптек прибыли. Груз же для петербургской аптеки недосчитывал двух мест. Каково состояние прибывших аптекарских товаров, Шумахер пока не мог сказать. Он обещал сообщить об этом, как только товары распакуют и приведут в порядок. И еще он добавлял: «*Radix nisi* пока не прибыл»¹¹⁶. 1 сентября аптекарские товары были распакованы. Шумахер сообщил Себе, что аптекари удовлетворены и послал ему краткий финансовый отчет. Стоимость поставки 1718 г. в две придворные и в Адмиралтейскую аптеки составили *f* 37 737,16¹¹⁷.

Получил ли Себа известие о том, что караван с имбирным корнем наконец-то прибыл? В письме от 9 сентября 1718 г. он радовался тому, что ему скоро пришлют *Radix nisi*, так как его запас этого корня уже исчерпан. Себа сообщал, что два недо-

110 Письмо А. Себы Р. Арескину. 7 июня 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 73–74.

111 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 23 июня 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 96.

112 Князь Матвей Петрович Гагарин был губернатором Сибири с 1708 по 1719 г.

113 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 23 июня 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 96.

114 Грунд Г. Доклад о России в 1705–1710 годах / Пер. ст. и коммент. Ю.Н. Беспятовых. М.; СПб., 1992. С. 38.

115 Mancall M. Russia and China: their diplomatic relations to 1728. Cambridge (MA), 1971.

116 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 8 августа 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 99 об. – 100.

117 Стоимость товаров для петербургской придворной аптеки составляет *f* 19 697, для московской – *f* 13 340, для Адмиралтейской – *f* 4700. Итого: *f* 37 737. См.: Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 1 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 103.

стающих места груза — два ящика с лекарствами — уже погружены на корабль «Кронслот». Если Шумахер подействует тому, чтобы Себа поскорее получил оставшуюся часть причитавшейся ему суммы, то может вычесть из нее *f* 100 за оказанные услуги. Поскольку аптекарские товары для Адмиралтейства финансировал купец Бодиско, он приложил к этому письму также письмо к нему с просьбой об оплате¹¹⁸. Хендрик Питерсзон Бодиско был одним из богатейших купцов, торговавших с Россией. О нем известно, что в 1710 г. оборот его торговли через Архангельск достигал 125 000 рублей, то есть был больше, чем оборот другого богатого купца — Яна Лупса — с оборотом 100 000 рублей. В 1714 г. Бодиско купил в Немецкой слободе в Москве дом у Кристоффеля Брантса, вернувшегося в 1704 г. на родину¹¹⁹. Из писем мы узнаем, что Бодиско, о котором до сих пор было известно, что он вел торговлю в Москве, занимался делами также в Петербурге.

Оплата происходила не так гладко, как надеялся Себа. В апреле 1719 г. за поставки в придворные аптеки Москвы и Петербурга, а также в Адмиралтейскую аптеку за 1717 и 1718 гг. ему было недоплачено еще *f* 15 742¹²⁰.

Арескин заказывает Себе физические приборы

Арескин заказывал через Себу также физические приборы и инструменты, в том числе из мастерской Ван Мушенбрука в Лейдене. Среди них были приборы, предназначенные для других иностранцев, работавших в Петербурге, как, например, для корабельного хирурга Йохана Хови (1674–1743), служившего в Адмиралтействе, и г-н Пфайля (ум. 1718), работавшего в аптеке. Примечательно, что Себа специально сообщал о высокой стоимости фрахта. Он должен был дать письменную гарантию, что если в Петербурге за фрахт не заплатят, то это придется сделать ему в Амстердаме¹²¹.

8 октября 1717 г. Себа послал коносамент с перечислением товаров в 28 ящиках, погруженных на фрегат «Руссисе Галей» («Русская галера»). Они все были адресованы Арескину, кроме ящика № 19 с приборами для Йохана Хови в Адмиралтействе, которые следовало отдать вместе с другими грузами для Адмиралтейства г-ну Бодиско, а также ящика № 23, предназначенного для г-на Пфайля. Оплату стоимости фрахта пропорционально должны были поделить между собой трое адресатов. Не зная, вернулся ли царь со своей свитой в Петербург, Себа послал документы как Шумахеру, так и Арескину¹²².

118 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 9 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 253–254.

119 *Veluwenkamp J.W.* Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785... P. 168–169.

120 Письмо А. Себы Л. Блюментросту. 25 апреля 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 35–36 об.

121 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 24 сентября 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 77–77 об.

122 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 8 октября 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 247–248.

Себа получает второй заказ купить для Арескина физические приборы

В 1717 г., когда Арескин был в Амстердаме, он, очевидно, взял с собой экземпляр печатного каталога физических приборов, поставляемых Яном Мушенбруком. Через год после этого он заказал через Себу два физических прибора из этого каталога¹²³.

«В каталоге приборов (Catalogus Instrumentorum) господина Иоганна Мушенбрука имеются следующие два прибора, которые Арескин хочет купить для себя и желает, чтобы их доставили сюда при первой возможности.

1. Antlia Pneumatica minor, cujо capacitas & pollicum longitudo 20 pollicum, cum omnibus iisdem Machinis, ad eadem Experimenta instituenda sed minoribus.[Воздушный насос малый <...>].

2. Machina Pneumatica novissime inventionis duabus constans antliis, cum indice Mercuriali rarefactionem aeris in recipiente notante, qua omnis experimenta Phisica citissime e exacte peragunt cum omni suo apparatus e quam plurimis novis.[новый, недавно изобретенный воздушный насос с двумя трубками ...]»¹²⁴

Поставки Себы для Арескина

Вместе с каждой поставкой лекарств для придворных аптек в Петербург отправлялись также товары лично для Арескина, иногда для Шумахера. Арескин заказывал Себе предметы роскоши на весьма солидные суммы. Так, 4 марта 1718 г. Шумахер попросил Себу прислать для Арескина большую партию изысканных вин: самого лучшего «Понтаха» 2 бочонка («бычьи головы») ¹²⁵, самого лучшего «Эрми-тажа» 1 бочонок, самого лучшего красного вина 4 бочонка, самого лучшего белого вина 2 бочонка и самого лучшего коньяка 1 бочонок. Кроме того, требовалось еще по ящику бургундского и шампанского.

Когда Арескин сопровождал царя в его поездке в Амстердам зимой и летом 1716–1717 гг. и посещал Себу, он познакомился с его семьей, потому что в том же письме от 4 марта 1718 г. Шумахер писал, что Арескин просил передать привет домашним Себы¹²⁶. 9 октября 1718 г. Себа послал Арескину счет за купленные для него товары. Счет, выставленный Арескину за 1717 г., составлял *f* 2070¹²⁷.

¹²³ Каталог, на который ссылается Шумахер, не значится в списке каталогов Мушенбрука, приведенном в приложении к книге о Мушенбруке П. Де Клерка; см.: *Clercq P. de. At the sign of the oriental lamp. The Musschenbroek workshop in Leiden, 1660-1750. Rotterdam, 1997. P. 219-236.*

¹²⁴ Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 23 июня 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 96.

¹²⁵ Бычья голова – старинная мера жидкости, используемая для вина, пива и водки, равна шести анкерам.

¹²⁶ Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 4 марта 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 72 об. – 73.

¹²⁷ Расчет, представленный Арескину за товары, приобретенные им для себя в 1717 г.: *f* 2070; получено: *f* 1500; осталось выплатить: *f* 570; страховка на сумму *f* 3000; из расчета 4 %

Обзор поставок Себы за 1715–1718 гг. дает ясное представление о финансовых трудностях, с которыми сталкивались при торговле между Петербургом и Амстердамом иностранные купцы. Это особенно интересно потому, что об иностранных купцах в Петербурге и Архангельске материалов очень мало. Практически совсем не сохранилось таможенных документов ни Петербургского, ни Архангельского порта, а имеющиеся материалы крайне фрагментарны. О способах кредитования также почти ничего неизвестно¹²⁸. Не сохранилось никаких следов делопроизводства компаний, торговавших в Архангельске. До нас дошел архив только одного купца¹²⁹. Система, по которой получавшие от России привилегии иностранные купцы брали на себя роль банкиров и в случае необходимости шли на выручку государству, до сих пор, насколько мне известно, не была описана. Таким образом, письма Себы являются вкладом, пусть и скромным, в изучение не только истории культуры, но и финансового аспекта культурного импорта.

Кроме аптекарских товаров Себа поставлял также предметы роскоши. Большинство из них предназначалось лично для Арескина.

Когда Себа посылал вместе с лекарствами предметы роскоши, он не начислял комиссионных. Секретарю медицинской Канцелярии И.Д. Шумахеру он также давал возможность получить выгоду. Шумахеру разрешалось вычестить из выплачиваемой суммы 100 гульденов, если тот содействовал проведению платежа без проволочек.

Торговля с Россией не была для Себы совсем односторонним процессом, он и сам приобретал товар из этой страны. При содействии Шумахера он получал из России *radix nisi*, если тот имелся в достаточных количествах: *radix nisi*, имбирный корень, доставлялся в Россию из Китая караванами. В качестве оплаты за свои поставки Себа не принимал никаких других товаров, кроме *radix nisi*. Этим он отличался от других голландцев, торговавших с Россией. Имелись и другие отличия. Большинство купцов поставляли широкий круг товаров и покупали все, что было выгодно. Характер товаров определялся предложением¹³⁰. Себа поставлял один вид товаров — лекарства и лекарственное сырье, а оплату принимал только деньгами.

В одной из следующих глав будет объяснена причина, по которой переписка о поставках лекарств заканчивается в 1718 г.: у Себы появился конкурент.

В число предметов роскоши, поставляемых Себой, входили книги, научные приборы и естественно-научные коллекции. О них и пойдет речь в следующей главе.

за морскую перевозку с полисом *f* 121,10; за 3 медных замка *f* 8,10. А. Себе причитается еще *f* 700. См.: Письмо А. Себы Р. Арескину. 9 октября 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 78.

128 *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России... С. 13–14. Книга написана на основе данных дошедших до нас дел из более чем сорока фондов пяти архивов Москвы и Петербурга.

129 *Veluwenkamp J.W.* Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785... P. 175.

130 *Ibid.* P. 177.

Глава V

Альберт Себа предлагает Петру КУПИТЬ СВОЮ КОЛЛЕКЦИЮ

По тем же письмам, на основе которых в предыдущей главе было описано, как А. Себа продавал царю аптекарские товары, мы можем реконструировать историю приобретения научных коллекций для Кунсткамеры, в частности то, как Себа обратил внимание Петра на предназначенные для продажи собрания амстердамских коллекционеров. В черновиках ответов Себе его петербургских корреспондентов Шумахера и Арескина, а также в черновиках их писем друг к другу детально рассказывается о покупке этих собраний. Это уникальный источник сведений о том, как в Петербург было перевезено огромное количество произведений искусства и научных объектов.

Письма. Себа предлагает купить свою коллекцию

В письме от 7 июня 1715 г., в котором Себа сообщал, что товары для российских аптек благополучно погружены на корабли, направляющиеся в Архангельск, он начал нахваливать также собственный кабинет редкостей. Себа отправил это письмо в двух вариантах, одно было адресовано Арескину, а второе — Шумахеру. В письме Арескину¹ он старательно описывает свой кабинет. Он делает это с легкостью, хотя никогда раньше не переписывался с Арескиным, но он знает, что Арескин — «любитель натуралий и редкостей». Поэтому Себа сообщает ему как знаток знатоку о том, что у него самого имеется «прекрасный музей натуралий». Далее он перечисляет «некоторые примечательные предметы, хранящиеся в его коллекции»: «заспиртованные Animalia; всевозможные редкие насекомые, такие как бабочки со всех частей света; кабинет красивых и редких раковин; другой кабинет минералов и *petrefacta* и еще один с редкими и удивительными птичками из Азии, Африки и Америки». У него имеются также «редкие и красивые морские растения; искусно сделанные предметы, доставленные из Японии, в том числе кабинет из искусно обработанного красного коралла, изображающего замок на горе», а также «распятие из красного коралла весьма искусной работы». Себа высказывал мнение, что «этой коллекции нет равных на всем белом свете».

Далее он называл главную причину, по которой коллекционеры всегда стремятся продать свои собрания именно монархам. Было бы огорчительно, пишет

1 Письмо А. Себы Р. Арескину. 7 июня 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 66–67 об.

Себа, «если бы коллекция не попала в руки заказчика Арескина и не сохранилась бы в целостности». Если этого не случится, то после смерти Себы «все будет распродано поштучно и рассеется по свету». Он просил Арескина рекомендовать его коллекцию царю. Он, Себа, готов уступить ее за умеренную цену, так как у него теперь «нет времени содержать ее в порядке из-за других неотложных дел». Чтобы показать, что до сих пор он «содержал ее в порядке», Себа предлагал Арескину послать для него избранные образцы из своей коллекции.

В письме Шумахеру, отправленном в тот же день с той же почтой, Себа не вдаётся в детали относительно своей коллекции. Из постскриптума к этому письму можно заключить, что он, возможно, именно от Шумахера узнал, что Арескин интересуется его собранием. Себа пишет: «P.S. То, что Его Превосходительство — любитель натуралий и редкостей, радуется меня чрезвычайно, и никто не может сослужить ему лучшую службу, чем я. В доказательство я подготовлю небольшой образец моей коллекции и пошлю вместе с оставшимися аптечными товарами, чтобы показать, сколь удивительны Божьи творения»².

В Петербурге рассматривают предметы из коллекции Себы

Себа послал Арескину «несколько небольших предметов, таких как обыкновенные раковины и несколько коробок с бабочками, чтобы тот на основе увиденного смог составить суждение». «Стеклянные банки с заспиртованными животными» он послать не решился «из опасения, что они разобьются»³. Но он сообщал Арескину, что в его коллекции «есть порядка 800 таких препаратов в стеклянных банках, больших и малых». Эту ограниченную «коллекцию на пробу» Себа отправил вместе с лекарствами, посланными вдогонку основной отправке, и с личными заказами Шумахера в начале августа 1715 г. на корабле «Элиас» со шкипером Якобом Паулсом Виссером, направлявшимся в Архангельск⁴.

Качество препаратов, которое оценят в Петербурге на основе образцов, будет доводом в пользу покупки всего собрания. Себа использовал еще один способ рекламы своей коллекции, основанный на авторитете князя Куракина, видевшего его собрание в Амстердаме. Борис Иванович Куракин, в то время посол в Гааге, посетил Себу в 1714 г. и по такому случаю осмотрел часть экспонатов. Куракина особенно привлекли раковины. Его интересовали не экзотические раковины, за которыми гонялись коллекционеры, а те, какие можно было использовать для украшения архитектурных «обманок», например «гrotов»⁵. Из описания этого

2 Письмо А. Себы И. Д. Шумахеру. 7 июня 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 64–65 об.

3 Письмо А. Себы Р. Арескину. 6 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 41–42 об.

4 Письмо А. Себы И. Д. Шумахеру. 6 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 47–48.

5 Прекрасный образец недавно отреставрированного «гrotа», созданного в тот же период, можно увидеть во дворце Хэт Лоо в Апелдорне. Он находится на первом этаже дворца со стороны сада. В Летнем дворце Петра I в Петербурге в 1715 г. также было задумано создать «гrot».

визита ясно следует, что Себа был известен и как торговец раковинами, способный поставлять за один раз большое количество товара. Куракин хотел купить у него раковины для оформления царского грота. Но в тот момент у Себы не было достаточного их запаса. После этого визита Себа его пополнил, и годом позже смог поставить требуемое. Себа просил Шумахера передать Арескину, что «раковины для грота будут поставлены вместе с коллекцией за ту же цену». В письме к Арескину он «забыл об этом упомянуть»⁶.

Цена кабинета Себы

Теперь Шумахер знал, что русский посол в Гааге видел коллекцию Себы. Это было важно, поскольку Куракин, как свойственник Петра⁷, был с ним на короткой ноге и мог сообщить ему об увиденном. Сам царь собрание Себы в Амстердаме не видел. В 1697–1698 гг., когда Петр был в Голландии впервые, Себа еще только поселился в Амстердаме и не успел собрать достаточного количества редкостей. Себе было известно, что Петр наносил визиты нескольким знаменитым амстердамским коллекционерам. Поэтому в кратком описании собственного собрания он сообщает, что «по числу экспонатов оно существенно превосходит коллекции доктора Рюйша и [Левинуса] Винсента, которые царь в свое время осмотрел»⁸.

В первых письмах Себа не называл стоимость своего кабинета. Насколько поделовому он подходил к обсуждению цен на лекарства, настолько не поделовому он вел переговоры о цене кабинета. Так, он сообщал Арескину, что его редкости (*curiosa*) по самым грубым оценкам могут стоить как минимум 15 000 голландских гульденов, и это явно не завышенная сумма, «потому что среди них имеются редчайшие предметы, которыми восхищаются высокопоставленные господа и которых нет даже в самых больших и знаменитых кабинетах»⁹. Но все же он предоставлял Арескину право высказать свое мнение о цене, и если тот сочтет цену слишком высокой, то пусть заплатит меньшую¹⁰. Себа подчеркивал, что сам он считает указанную цену умеренной, потому что в коллекции имеются также «прекрасные альбомы знаменитых любителей, как раскрашенные, так и нераскрашен-

6 Письмо А. Себы И. Д. Шумахеру. 6 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 47–48.

7 Куракин был женат на сестре Евдокии Лопухиной, первой жены Петра. В 1699 г. Петр заставил мать своего первого сына Алексея постричься в монахини — это был единственный способ развестись с ней. См.: *Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. L., 1998. P. 394, 425.*

8 А. Себа. Краткое введение моим куриозам и самородным вещам. 4 октября 1715 г. // Печкарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 558–561, 560.

9 Письмо А. Себы Р. Арескину. 6 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 41–42 об.

10 Из последующей переписки будет ясно, что Себа впоследствии забыл эту фразу. Мы видим в этом важное подтверждение того, что Себа не хранил черновики своих писем.

ные, а также написанные красками»¹¹. В тот же день Себа написал Шумахеру, что его кабинет на самом деле стоит *f* 20 000.

Когда эти два письма прибыли в Петербург, Арескина в городе не было. Шумахер взялся за перо и сообщил Арескину, что Себа оценивает свой кабинет более чем в *f* 20 000, но что царю готов продать за *f* 15 000. Шумахер обращал внимание Арескина на то, что уже после визита князя Куракина Себа значительно расширил свое собрание¹².

Себа хочет послать своего подмастерья для сопровождения коллекции

Себа продумал все заранее и в следующем письме предложил: «Коллекцию сможет сопровождать мой верхненемецкий подмастерье Бальтазар Шталь, чтобы в пути следить за сохранностью препаратов». Этот подмастерье, работавший у него «уже три года и умеющий обращаться с редкостями, хотел поехать в Москву или Петербург, чтобы там работать»¹³.

Теперь Себе оставалось только ждать. Он сделал все, чтобы привлечь внимание к своей коллекции. Для безопасности перевозки столь обширного собрания влажных и сухих препаратов он даже предложил своего подмастерья в качестве сопровождающего.

Через три недели Себе вновь представился случай завести речь о своей коллекции. Он нашел повод еще раз написать в Петербург. В Амстердам вернулось письмо, которое он послал Шумахеру в его родной город Кольмар. Себа снова послал это письмо Шумахеру, теперь уже в Петербург, добавив приписку насчет своих «*curiosa*», о которых он писал Его Превосходительству: «Я еще улучшил свою коллекцию благодаря только что вернувшимся кораблям из Ост-Индии, и хотел бы как можно скорее получить заказ или сообщение, чтобы иметь достаточно времени на тщательную упаковку собрания, которую, если Богу будет угодно, в будущем году нужно послать в Санкт-Петербург с первым флотом. Невозможно упаковать все за один раз, так как это надо делать очень осторожно, чтобы перевезти все в неповрежденном виде»¹⁴.

Опись кабинета Себы

Общепринятым способом описания коллекции было составление краткого перечня входящих в нее предметов. Себа сообщил Арескину, что готов, если его попросят, немедленно подготовить описание своего кабинета. Но сразу же добавил, что «это потребует значительных усилий, так как экспонатов чрезвычайно

11 Письмо А. Себы Р. Арескину. 6 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 41–42 об.

12 Письмо И. Шумахера Р. Арескину. 22 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 11–11 об.

13 Письмо А. Себы Р. Арескину. 6 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 41–42 об.

14 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 27 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 45–46 об.

много, а времени на данную работу осталось мало»¹⁵. Однако в письме Шумахеру, отправленном той же почтой, он сообщал, что для описания коллекции у него вообще нет времени и что он составит каталог «grosso modo» («в общих чертах»)¹⁶.

Шумахер попросил Себу в любом случае для начала послать такой каталог¹⁷, что Себа и сделал 4 октября 1715 г. При этом он еще раз извинился, что из-за срочных дел не смог найти времени для создания «генерального каталога» обо всех своих экспонатах, и потому посылает только «краткое описание» (*kurtzen auffsatz*) своих диковин в качестве предварительного каталога, «в котором все же сообщается о важнейших предметах». Этот *kurtzen auffsatz*¹⁸ его диковин, к сожалению, в архиве переписки не сохранился. Остался только русский перевод списка, находившийся в документах Кабинета Петра Великого.

Дата покупки. Инициатива покупки

Так прошло около полугода, в течение которого Себа не знал, чего ожидать. 31 декабря он снова написал в Петербург, что до сих пор не получил известий о том, собирается Арескин покупать для царя его редкости или нет. На этом письме Себы уже в Петербурге кто-то, вероятно, Шумахер, 10 января 1716 г. сделал приписку, что царь хочет купить коллекцию за 12 000–13 000 гульденов¹⁹. В Амстердаме в этот же самый день, 10 января, Себа снова писал письмо, жалуясь, что все еще не знает, интересуется ли царь его кабинетом²⁰. Разумеется, прошло еще довольно времени, прежде чем Себа получил известие о решении царя купить его коллекцию. Нам неизвестно, когда именно он об этом узнал. Известно лишь, что 27 января 1716 г. Себа получил из Санкт-Петербурга письмо Арескина²¹. Этого письма (его черновика) я не нашла. Если Арескин не писал Себе раньше, то значит, что эта приятная новость содержалась именно в данном письме. Не все письма доходили до адресатов, и Шумахер это учитывал. Так, 27 февраля он снова написал, что, как он уже извещал в письме от 13 февраля, Себа должен послать и кабинет, и заказы для аптек на адрес фирмы «Рэнсон, Парсонс и Вейдт», как те, что отправ-

15 Письмо А. Себы Р. Арескину. 6 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 41–42 об.

16 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 6 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 47–48.

17 Письмо И. Шумахера А. Себе. 22 августа 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 11–11 об.

18 Этот список в русском переводе см.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Р. IX. Оп. II. Д. 25, л. Л. 439–440. Он опубликован П.П. Пекарским. См.: Описание собрания редкостей Альберта Себы, сделанное им для Петра Великого в 1715 г. // Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 559–561.

19 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 31 декабря 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 12–13.

20 Письмо А. Себы Р. Арескину. 10 января 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 171–172 об.

21 Письмо А. Себы Р. Арескину. 24 марта 1716 г. // Там же. Л. 13–14.

ляются в Петербург, так и те, что следуют в Архангельск. Шумахер сообщал, что относительно подмастерья, готового сопровождать коллекцию, Арескин еще думает²². Так Себа узнал, что его кабинет решено купить, но, как мы вскоре увидим, ему еще не была известна цена, которую намеревался заплатить царь.

Итак, 10 января 1716 г. царь Петр I принял решение купить коллекцию Себы, хотя ни он сам, ни Арескин всей коллекции не видели и судили о ней только по тем избранным образцам, которые ранее прислал Себа. Таким образом, инициатива полностью исходила от аптекаря.

Отправка кабинета Себы

Теперь Себе предстояла большая работа. Ему нужно было упаковать весь кабинет и все лекарства для двух придворных аптек²³. 20 марта 1716 г. он еще раз написал, что продаст свой кабинет за 15 000 гульденов и оплатит доставку товаров на корабль. Прочие расходы по транспортировке и страховку должен оплатить царь²⁴. Между тем Себа получил также известие насчет аптекаря-ученика, который должен будет сопровождать кабинет. Шумахер написал Себе, чтобы он посылал его вместе с коллекцией²⁵.

Финансирование покупки кабинета

Об оплате покупки кабинета Себы Арескин договаривался из Данцига, где в тот момент находился вместе с царем. В середине апреля 1716 г. Себа получил вексель от фирмы «Рэнсон, Парсонс и К^о», присланный из Москвы, — аванс²⁶ на сумму *f* 8700 из запрошенных за кабинет 15 000 гульденов. 23 апреля он получил еще один вексель от «Рэнсона, Парсонса и К^о», — аванс²⁷ на сумму *f* 22 400 за аптечные товары. Деньги поступили, как об этом говорилось в предыдущей главе, поздно, так как Себа уже всюду занимался упаковкой кабинета, чтобы послать его вместе с заказанными лекарствами для Придворной аптеки с конвоем, отправлявшимся в Петербург в первую или вторую недели мая. Другой заказ для Придворной аптеки, предназначенный для Москвы, он собирался отправить с флотом и конвоем в Архангельск.

22 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 27 февраля 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 27 об.

23 Письмо А. Себы Р. Арескину. 24 марта 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 13–14 об.

24 Письмо А. Себы Р. Арескину. 20 марта 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 164 Л. 2–3 об.

25 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 16 марта 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 34.

26 Вексель от «Рэнсон, Парсонс и К^о», посланный из Москвы, на сумму 3000 рублей по курсу 58 стейверов (2,90 гульдена) за рубль. См.: Письмо А. Себы Р. Арескину от 24 апреля 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 3–4.

27 Вексель от «Рэнсон, Парсонс и К^о» на 8000 рублей по курсу 56 стейверов (2,80 гульдена) за рубль. За одну неделю курс изменился на 2 стейвера, то есть на 0,1 гульдена.

Список коллекции Себы

Май миновал. Корабли на Санкт-Петербург в конце концов отплыли 4 июня 1716 г.²⁸ Кабинет вместе с заказом для Придворной аптеки был погружен на борт корабля «Блауе Клоке», шкипера которого звали Вибе Сиверс²⁹. На борту, чтобы обеспечивать безопасность транспортировки коллекции, находился также подмастерье аптекаря Бальтазар Шталь. Себа попросил Шумахера замолвить за него словечко перед Арескиным, чтобы тот помог ему найти место службы. Бальтазар Шталь проработал у Себы три года, к полному удовольствию последнего. Себа дал своему подмастерью список коллекции, который называет в письме «некоторые заметки» (*einige notitien*)³⁰.

Таким образом, имелись *catalogus grosso modo*, посланный Себой 4 октября 1715 г. и называемый им также *kurtzen aufsatz* («краткое описание» — см. выше), и «некоторые заметки», которые вез с собой Бальтазар Шталь. Именно копия второго списка хранится в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге³¹. В приложении II этот список — «некоторые заметки» — опубликован в переводе с нидерландского языка. В нем перечислены все экспонаты коллекции Себы. Себа застраховал свою коллекцию («кабинет») на сумму 15 000 гульденов из расчета пяти процентов. Заказ для Придворной аптеки включал 74 единицы, пронумерованные и помеченные буквами «А.Р.» (*Apotheek Petersburg*). Как и было велено, в качестве адресата Себа указал фирму «Рэнсон, Парсонс и Вайдт». Но ему не сообщили, куда надо послать счет и коносамент. Примечательно, что некоторые ящики с коллекцией Себа пометил собственным значком ☆, а не буквами «R.A.» (*Robert Areskine*) или с каким-либо обозначением того, что коллекции предназначались для царя. Складывается впечатление, что он еще не окончательно распрощался со своей коллекцией³².

Объем коллекции

Себа составил подробное описание груза: «Кабинет упакован в 17 ящиков, две продолговатые упаковки и одну большую длинную упаковку, все помечены знаком ☆ и пронумерованы от № 1 до 20». Один ящик, в котором находятся

28 Письмо И. Шумахера Р. Арескину. 12 июня 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 42 об.

29 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 3 июня 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 164. Л. 3.

30 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 12 июня 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 42 об.

31 Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (далее — БАН). *Albert Seba. Notitie van verscheyde uytmuntenende Cabinette met alle bedenkyke soorten van Rareteyten.* НИОР БАН. F № 188. Л. 1-18 об. Рукопись является копией, сделанной с «некоторых заметок» Себы. В одной тетради с этой рукописью помещена копия списка части коллекции Готтвальда. Обе копии выполнены в Петербурге. Эшлеби также считает, что указанные «некоторые заметки» и эта рукопись в БАН — одно и то же. См.: *Appleby J.H. Robert Erskine-Scottish pioneer of Russian natural history // Archives of natural History. 1982. No. 10 (3). P. 384.*

32 Письмо А. Себы И. Шумахеру. 3 июня 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 164. Л. 3.

«несколько фарфоровых сосудов для препаратов животных», не был указан в коносаменте, на нем также стоит значок ☼ и № 21. Еще один маленький ящичек со значком ☼ не имеет номера. В нем находятся «заметки» с перечислением экспонатов, «флакон со специальным маслом для бальзамирования насекомых» и несколько ключей от кабинетов.

Следовательно, вместе с коллекцией Себа послал и некоторые из шкафчиков-кабинетов, в которых хранилось собрание. В «Записках» действительно есть указание на 12 кабинетов³³. В данном контексте слово «кабинет» употребляется для обозначения шкафа или шкафчика, в котором хранятся предметы, являющиеся частью коллекции, а не в значении коллекции предметов, собранных для того, чтобы их изучать или демонстрировать в совокупности, то есть как синоним слова «коллекция». Кабинеты, ключи от которых Себа послал в маленьком ящичке, представляли собой небольшие шкафчики с ящичками, часто очень тонкой работы.

Транспортировка

Себа в Амстердаме с волнением ждал сообщения о том, как добралась до Петербурга его коллекция. В конце августа он еще не имел известий ни от Арескина, ни от Шумахера. Правда, в середине этого месяца он получил письмо от своего прежнего подмастерья Бальтазара Шталь. Тот писал ему из Копенгагена, что корабль «Блауэ Клоке», на борту которого он находился, благополучно дошел до Копенгагенского порта. Они вошли в порт из боязни попасть в руки «шведских каперов». Шталь воспользовался случаем и представился Арескину, находившемуся в Копенгагене в свите царя, и сообщил, что заказ для Придворной аптеки и кабинет доставлены в Копенгагенский порт. На это Арескин ответил, что очень рад, но ничем не может содействовать скорейшей отправке корабля дальше, пока царь не отдаст приказ о военном сопровождении кораблей в Санкт-Петербург³⁴.

Арескин снабдил молодого аптекаря письмом к Шумахеру с инструкциями, как поступить с коллекцией после ее прибытия в Петербург. 19 августа 1716 г., когда корабли благополучно достигли Кронслота, Шумахер прочитал в инструкции, что «до возвращения царя никто, кроме юноши, сопровождающего кабинет, не должен к нему прикасаться»³⁵. Шталь с помощью Шумахера принялся все распаковывать и сверять со списком.

2 сентября 1716 г. они продвинулись в этом деле настолько, что Шумахер уже мог рапортовать Себе о хорошем состоянии кабинета. Только один ящик, содержащий препараты животных³⁶, в результате качки немного пострадал, так что в банки пришлось добавить спирта.

33 Приложение II. № 1, 10, 12, 58, 87, 89, 106, 108, 114, 119 (два кабинета) и 121.

34 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 28 августа 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 20-21 об.

35 Письмо И. Шумахера Р. Арескину. 20 августа 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 13 об.

36 Письмо И. Шумахера А. Себе. 2 сентября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 14.

«Бальтазар Шталь взял на себя заботу о кабинете, чтобы тот хорошо выглядел к возвращению царя», — писал Шумахер Себе. — «Анатомические препараты несомненно понравятся Арескину»³⁷. Он сообщал, что деньги скоро будут присланы, однако извинялся: «В отсутствие некоей персоны получить деньги из приказа очень трудно»³⁸. Иными словами, чтобы перевести оставшуюся часть суммы за кабинет, надо дождаться приезда Арескина.

И Арескин получил от Шумахера известие о прибытии коллекции. При вскрытии ящиков Шумахер обнаружил, что все экспонаты находятся в полном порядке и что более того, «их еще больше, чем Себа перечислил в своем каталоге»³⁹. В некоторые банки потребовалось добавить спирта («винного духа»): «Все остальное, слава Богу, в хорошем состоянии, и я все запаковал снова до возвращения царя»⁴⁰.

Получит ли Себа еще 2000 гульденов за кабинет?

Между тем наступил октябрь. Приближался конец сезона военных походов. 13 октября после месячного ожидания Себа написал два письма. В письме Арескину он высказывал предположение, что тот потому так долго ему не писал, что как лейб-медик «все лето следовал за царем то туда, то сюда, и занимался более важными вопросами»⁴¹. Из газет Себа знал, что кампания в тот год закончилась очень поздно и что теперь уже царь вернулся в Санкт-Петербург. Себа писал также, что получил известие о благополучном прибытии его коллекции в Россию и потому ждет оставшейся суммы в соответствии с посланным счетом. Он просил Арескина дать поручение на ее перевод.

Себа имел в виду сумму в f 2000, которая, как он считал, ему еще причиталась после того, как он уже получил f 13 000 аванса (f 8700 плюс вторая выплата в f 4300). Однако выяснилось, что по поводу стоимости коллекции возникло недоумение. В Петербурге считали, что кабинет куплен за 13 000 гульденов с согласия Себы, который в письме от 6 августа 1715 г. писал, что царь может купить кабинет за «ту сумму, которую ему будет угодно заплатить». Но Себа считал, что ему причитается 15 000 гульденов и что на меньшую сумму он никогда не соглашался. Себа не хранил черновики своих писем и, вероятно, забыл, что предоставил царю право самому назначить цену.

Той же почтой он отправил письмо Шумахеру. Он писал, что понял из его письма от 2 сентября 1716 г., что аптечные товары, так долго находившиеся в пути, наконец-то прибыли вместе с кабинетом в хорошем состоянии. Себа выражал

37 Письмо И. Шумахера А. Себе. 2 сентября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 14.

38 Там же.

39 Письмо И. Шумахера Р. Арескину. 17 сентября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 17 и Л. 43.

40 Там же.

41 Письмо А. Себы Р. Арескину. 13 октября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 26–27 об.

надежду, что «царь будет испытывать от этого удовлетворение»⁴². В этом письме к Шумахеру Себа пишет открыто, что за те деньги, которые были ему обещаны за кабинет, он мог бы продать его и в Голландии, и даже дороже, если бы продавал на публичных торгах.

Что же касается московского поташа, то о присылке одного не может быть и речи. Отсюда можно заключить, что Себе предложили расплатиться частично натурой, а именно поташом. Такая форма оплаты, например за поставку оружия, была в эпоху Петра вполне обычной.

В это письмо Шумахеру Себа вложил незапечатанное письмо к Арескину с просьбой запечатать его и вручить адресату.

В тот год Себа не получил искомые *f* 2000.

Из чего состоял кабинет Себы

Кабинет Себы состоял из спиртовых препаратов животных (345 номеров), насекомых (80 номеров) и «разного» («*diversa*», 130 номеров). Многие насекомые находились в ящичках. Так, европейские насекомые, уложенные с большой тщательностью, прибыли в Петербург в инкрустированном кабинете кедрового дерева с многочисленными ящичками. Заспиртованные животные препараты транспортировались в коробках, и в ряде случаев отдельно от них были посланы кабинеты, в которых они стояли в Амстердаме: примером может служить ост-индский кабинет красного дерева, предназначенный для хранения и демонстрации заспиртованных животных. Раковины, как двустворчатые, так и рожки, привезенные из Азии, Африки и Америки, а также другие «морские редкости», находились в красивом ост-индском кабинете кедрового дерева.

Ценные предметы прибыли в Петербург в тех же кабинетах, в каких они хранились в Амстердаме. В японском кабинете, украшенном резьбой по слоновой кости, находились двенадцать китайских статуэток из сандалового дерева. В другом миниатюрном кабинете из слоновой кости находились двадцать четыре статуэтки из мыльного камня, изображавшие маленьких китайчат на четвереньках. В лакированном кабинете с серебряными горельефами — двенадцать статуэток из мыльного камня, вырезанные «с натуры», а в другом кабинете — различные японские шкатулки и прочие лакированные изделия. Там был также шкафчик с корнем алоэ очень редкой формы. На корне китайские мастера вырезали речки, лодочки и человечков. В японском кабинете находился вырезанный из красного коралла замок в скале с различными фигурками, изображавшими «Суд Соломона». В другом японском лакированном кабинете хранился сервиз для кофе, чая и шоколада со множеством очень изящных черных и красных лакированных чашечек. Было также два кабинета из эбенового дерева с инкрустацией из серебра и панциря черепахи, с различными редкостями в ящичках.

42 Письмо А. Себы Р. Арескину. 13 октября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф.1. Оп. 3. Д. 4. Л. 26-27 об.

Определить количество объектов непросто. Например, насекомые в «Заметках» упоминаются под 80 номерами. Но под заголовком «Insecta» — «насекомые» — нередко указываются и не насекомые, а, например, чучела млекопитающих; под заголовком «diversa» — «разное» — называются кабинеты, ящики которых наполнены насекомыми.

Насекомые находились, как писал Себа, «в больших продолговатых раздвижных ящиках». У нас нет их изображений, но мы знаем такие ящики, заполненные бабочками и прочими насекомыми, по иллюстрациям в каталоге Левинуса Винсента (1658–1727), оформлявшего свою коллекцию одновременно с Себой.

Остается неясным, сколько именно заспиртованных животных послал Себа в Петербург. В письмах он сообщал, что в его коллекции имеется 800 таких препаратов, так что на их упаковку потребуется немало времени. Однако, если верить «Заметкам», он послал не 800, но только лишь 345 номеров «животных в спирте». Кроме того, он называет «разные малые сосуды с различными редкими зверьками из различных частей света» и «четыре редких анатомических препарата от г-на профессора Рюйша»⁴³. От Рюйша?

Глава VI

Коллекция Фредерика Рюйша

Себа был не единственным коллекционером, покупавшим препараты Фредерика Рюйша. Препараты этого анатома, сделанные столь мастерски, что казалось, будто в них продолжается жизнь, были очень востребованы. Почему амстердамские врачи стремились иметь у себя дома коллекцию из сотен забальзамированных и сохраняемых в спирту частей человеческого тела? Были ли препараты Рюйша искусством в современном понимании этого слова или они были искусно, в смысле мастерски, сделаны? Что заставляло его возиться с мертвыми телами? И почему Фредерик Рюйш захотел продать свою коллекцию? Состояла ли коллекция Рюйша исключительно из анатомических препаратов?

Фредерик Рюйш

Во время первого пребывания в Амстердаме в 1697–1698 гг. Петр I нашел в лице Фредерика Рюйша одного из учителей, которых искал. Рюйш уже тридцать лет преподавал в Амстердаме. Петр I посещал его уроки анатомии, присутствовал на одном уроке ботаники в Ботаническом саду и осмотрел его собрание. После осмотра коллекции 17 сентября 1697 г. Петр оставил собственноручную запись на русском языке на листе 30 Книги посетителей Рюйша¹: «Я нижеименованной в прилучие езды видения Европы вящею частию был здесь в Амстердаме ради предних мне потрепъ искусства. Потом же проходя смотрения вещей межъ которыми яко непоследняя сия искусства анатомии господина Рюйса видель и по обычею сего дому подписал моею рукою. Петръ»².

Какой-то неизвестный русский, современник Петра, написал: «Я увидел 50 уже много лет нетленных тел младенцев в спирту. Я видел мальчиков и девочек четырех лет, явно полнокровных, с открытыми глазами и мягкими телами, и они даже не находились в спирте...»³.

1 Известно местонахождение двух книг для гостей Фредерика Рюйша. Они принадлежали С.И. Гейнсу, профессору Утрехтского университета, и в настоящее время хранятся в Библиотеке Амстердамского университета (далее – UBA; *Bezoekersboek* (1695–1730) van professor Frederik Ruysch (1638–1731). 2 dln. Hs I E 20–21). Первая книга, в роговом переплете, формата ин-кварто, содержит 90 листов, из которых 64 исписаны. Вторая книга, в кожаном переплете, также ин-кварто, содержит 86 листов, из которых 16 исписаны. Бруно Беккер считает, что визит царя к Рюйшу состоялся 7/17 сентября 1697 г., в тот же день, когда он посетил Ботанический сад. См.: *Bekker B.B.* Русские посетители анатомического кабинета профессора Рейса в Амстердаме // *Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*. Rome, 1962. P. 95.

2 *Bezoekersboek* (1695–1730) van professor Frederik Ruysch (1638–1731). 2 dln. Hs I E 20–21.

3 Книга посетителей Фредерика Рюйша. UBA. Hs I E 20. Bl. 30 (*Bezoekersboek* van Frederik Ruysch).

Портрет Фредерика Рюйша с его фамильным гербом.

Гравюра Юрриана Пола (1665/1666–1745) по его же портрету маслом 1694 г. 1702 г.

Анна Фрейменова но въ приключеніи едеи
влюбниае въ роупы вше вчати и беззуб
въ астрахане ради пренихъ въ вторе пвчати
тва потно се прохода скорення вше
ме въ исторыи и аионе полюбнея снати
тв аиотпомиі то подинарбса влюбв
пообичебсе въ домъ потписи мое в ргасовъ
Перв

Книга посетителей коллекции Фр. Рюйша.

Лист с собственноручной записью Петра I. 17 сентября 1697 г. Амстердам.

Библиотека Амстердамского университета. Hs I E 20–21

Фредерик Рюйш был знаменит на всю Европу своими спиртовыми и сухими препаратами. Его коллекция насчитывала более 2000 препаратов, располагавшихся в нескольких комнатах, и он охотно демонстрировал ее многим посетителям, давая при этом пояснения. Не только в России, но и в Англии, Германии и Франции люди восхищались его искусством великолепно препарировать части человеческого тела, так что в них можно было рассмотреть даже тончайшие сосуды. Благодаря его искусству стало возможным сверять всевозможные теории с реальностью.

Рюйш начал заниматься препарированием тел в двадцать шесть лет, в тот же год, когда защитил в Лейденском университете диссертацию о плеврите. Свой первый препарат, приготовленный особым способом, — телячью селезенку — он продемонстрировал в 1664 г. на лекции своего учителя, профессора анатомии Иоганна ван Горна (1621–1670), который и сам был умелым анатомом.

В то время Фредерик Рюйш работал аптекарем в Гааге. В 1661 г. он женился здесь же на Марии Пост, дочери знаменитого архитектора Питера Поста (1608–1669). У них родилось пятеро сыновей и семь дочерей. Младшая дочь, Элизабет (1684–?), не вышедшая замуж, стала «помощницей Фредерика Рюйша в анатомировании» и «была весьма умела в искусствах отца обращаться с растениями и мертвыми телами, а также в области знания частей человеческого тела»⁴. Его старшая дочь, Рахель Рюйш (1664–1750), была по профессии художницей; она вышла замуж за художника Юрриана Пола (1665/1666–1745) и родила восемь детей. С 1708 по 1716 г. она была придворной художницей курфюрста Пфальца Иоганна Вильгельма (1658–1716) и помогала отцу в художественной расстановке его коллекции. Сын Рюйша, Хендрик (1673–1727), единственный из сыновей, не умерший в детстве, изображен в возрасте 10 лет на картине Яна ван Нека «Урок анатомии Фредерика Рюйша» (Музей Амстердама). Хендрик защитил диссертацию по медицине, помогал отцу в чтении лекций, составил целый ряд гербариев⁵ и осуществил переиздание энциклопедического справочника Яна Йонстона по естественной истории⁶.

Первая публикация Рюйша вышла в свет в 1665 г. в Гааге⁷, где он в тот год начал врачебную практику, и была посвящена функционированию клапанов,

4 *Schreiber Fr.J.* Het leven van Ruysch // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees, en heekkundige werken. 3 dln. Amsterdam, 1744. Dl. I. P. 9.

5 «Семнадцать гербариев, большинство из которых собраны Хендриком Рюйшем». См. аукционный каталог коллекции Рюйша: *Ruys Fr.* Catalogus musaei Ruyschiani, quae publice distrahentur in aedibus defuncti. 10 et seqq. diebus mensis Aug. 1731. Amsterdam, [1731]. P. 93.

6 *Jonstonus J.* Theatrum universale omnium animalium Piscium, Avium, Quadrupedum, Exsanguium, Quaticorum, Insectorum et Anguium. 2 dln. Bezorgd door Henricus Ruysch. Amsterdam, 1718.

7 *Ruysch Fr.* Dilucidatio valvularum in vasis lymphaticis, et lacteis. Cum figuris aeneis. Accesserunt Quaedam observationes anatomicae rariores. Den Haag, 1665. (UBAsd 661 F 43). Книга посвящена профессору Лейденского университета Францу де ля Боз Сильвию, а также Иоганну ван Горну и Флорентию Схуло. В нее были включены стихотворение на латинском языке, написанное доктором медицины из Любека Хубертом Коном, а также гравюры, подписанные Рюйшем.

регулирующих незадолго до этого обнаруженный ток лимфы. В то время велась продолжительная дискуссия о том, есть ли в лимфатических сосудах клапаны, аналогичные клапанам в кровеносных сосудах, обеспечивающие движение лимфы лишь в одном направлении. Вдувая воздух в лимфатические сосуды, Рюйш обнаружил, что встречает известное сопротивление, когда дует «не в том направлении». Это убедило его в наличии клапанов. Но их никто не мог увидеть. Рюйш изобрел методику препарирования лимфатических сосудов, позволявшую сделать их видимыми. Всю свою последующую жизнь он будет исследовать структуру тканей и различные сосуды, обеспечивающие движение жидкостей в организме. Поскольку врачи того времени считали, что болезни вызываются нарушением равновесия между различными гуморами, его исследование имело большое значение⁸. Изучая сосуды растений, он пришел к заключению, что «все то, что служит поддержанию нашего тела, обрабатывается в сосудах, например семя, молоко, кровь, слюна, желчь, секрет из желез, плазма крови и тому подобное; это учение ново, но тем не менее правдиво». Его искусство препарирования «делает видимым то, что ранее было невидимым, оттого что после смерти организма сосуды схлопываются»⁹.

В 1666 г. после издания книги о клапанах двадцатидевятилетний Рюйш получает назначение на пост доцента анатомии в Амстердаме. Просвещенные бургомистры и советники Амстердама предпочли пригласить на работу врача, применявшего эмпирические методы исследования и ярого сторонника новой науки, вопреки пожеланиям консерваторов. Основную роль при принятии этого решения сыграл бургомистр Николаас Тюльп (1593–1674), который и сам был врачом и исследователем-эмпириком. Рюйшу было поручено преподавать анатомию будущим лекарям, которые в остальном получали образования по системе мастер — подмастерье. То, что будущие лекари слушали лекции врача с университетским образованием, в существующей системе гильдий было уникальным. Ни в какой другой гильдии передача навыков от мастера к подмастерью в цеху, на месте работы, не сочеталась с общим профессиональным образованием. Город хотел повысить уровень «лекарского искусства», «которое не только помогает и приносит пользу ближним, но также способствует процветанию и благополучию республики»¹⁰.

Новаторство Рюйша привлекало внимание и зарубежных медиков. Студенты многих европейских университетов платили ему за курс частных лекций по анатомии. Рюйш учил их не верить ничему, чего они не видели собственными глазами. И это в ту пору, когда в зачет шла лишь аккумуляция книжной мудрости!

8 Подробно см.: *Койманс Л. Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша / Пер. с нидерланд. Е. Астаховой, И. Михайловой и др.* СПб., 2008.

9 *Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heekundige werken.* Amsterdam, 1744. Dl. III. P. 801, 867, 874, 904.

10 Свидетельство гильдии лекарей об успешной сдаче экзамена на мастера-лекаря Герритом де Врисом, подписанное среди прочих Рюйшем. 19 февраля 1667 г. UBA. Hsszaal Hs 19 Ah.

Пациенты со всевозможными недугами ждут помощи от трех лекарей. Слева изображены медицинские инструменты, справа — шкаф с лекарствами, на заднем плане производится анатомирование трупа.

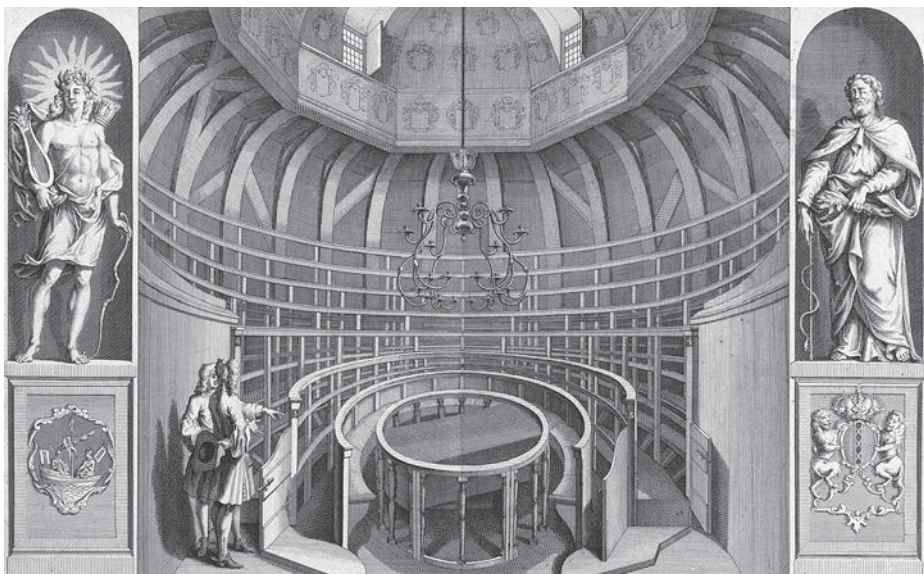
Гравюра из альманаха Гильдии лекарей города Амстердама на 1727, 1728, 1729 и 1730 гг. Неизвестный гравер. Около 1727 г.

Библиотека Амстердамского университета

Рюйш экзаменовал не только лекарей, но и акушеров. Начиная с 31 мая 1668 г. каждая акушерка в обязательном порядке должна была сдать экзамен Рюйшу, иначе ей запрещалось работать. Рюйш стал первым врачом с университетским образованием, занимавшим должность «городского мастера-акушера». В его функции входило давать советы в случаях тяжелых родов и преподавать акушеркам анатомию. Это было необходимо, потому что из-за суеверий и традиций, а также из-за отсутствия элементарных знаний акушерки производили во время приема родов, с точки зрения Рюйша, ненужные, а то и вредоносные действия.

В марте 1685 г. бургомистры назначили Рюйша на пост профессора ботаники. Жалование ему теперь платила Медицинская коллегия, а с 1692 г. Хортус Ботаникус удвоил его жалование¹¹. Рюйшу было поручено вести занятия по предмету *materia medica* (медицинское вещество), фармакология — важный раздел медицинского образования о знании различных лекарственных растений. С 1 мая по 30 сентября Рюйш дважды в неделю вел занятия в Ботаническом саду: по вторни-

¹¹ *Wijnands D.O., Zevenhuizen E.J.A., Heniger J. Een sieraad voor de stad. De Amsterdamse Hortus Botanicus 1638–1993. Amsterdam, 1994. P. 55.*

Анатомический театр в Амстердаме в здании Городских весов («Де Ваах»), где располагалась Гильдия лекарей, ок. 1720 г.

Гравюра А.в.д. Л. (Адольф ван дер Лаан?), ок. 1720 г.

Гравюра переплетена вместе с экземпляром «Privilegien, willekeuren en ordonnantien, betreffende het Collegium Chirurgicum Amstelaedamensis». Amsterdam, 1736. («Привилегии, права и правила относительно Коллегии лекарей г. Амстердама».)

Библиотека Амстердамского университета. Нс I Bl. 33

кам — для мастеров-аптекарей и мастеров-лекарей, в четверг — для подмастерьев. На эти занятия допускались также «все те, кто еще хотел бы на них присутствовать». В то же время бургомистры предоставляли Рюйшу «столь желанную свободу оперировать мертвые тела в городской больнице и обследовать внутренние органы»¹². Ему разрешалось использовать для уроков анатомии ежегодно по четыре женских тела. На каждом таком уроке анатомии на женском теле в обязательном порядке присутствовали все амстердамские акушерки. После анатомирования Рюйш должен был вернуть тело в больницу для последующего захоронения. Ему следовало всякий раз спрашивать у бургомистров отдельное разрешение на использование тел.

Уроки анатомии были публичным мероприятием. Например, в Лейденском университете в тех случаях, когда в анатомическом театре в течение нескольких дней производилось вскрытие трупа, на это время отменялись все лекции. И студенты, и все заинтересованные лица приглашались в анатомический театр.

¹² *Ruysch Fr. Hondert anatomische en chirurgicaale aanmerkingen // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heelkundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. I. P. 34.*

Иногда Рюйш беседовал с теми людьми, чьи трупы он собирался анатомировать после казни. Так, он посетил в тюрьме вора по прозвищу Мясник, приговоренного к повешению. Рюйш спросил у него, болел ли он чем-нибудь, и попросил описать все его болезни. И затем уже при вскрытии исследовал, имеются ли в теле следы тех болезней, о которых ему рассказали¹³. В некоторых случаях Рюйш беседовал также со смертельно больными пациентами, которые дали согласие — сами или через родственников — на использование их трупов в научных целях¹⁴.

Рюйш был практиком, который «редко перелистывал записи других врачей» (из письма Бургаве к Рюйшу)¹⁵. Он доверял в первую очередь собственным наблюдениям. Девиз на фронтиспise его книги посетителей гласил: «Vene, vidi et iudica nil tuis crede oculis» — «Приди, увидь и суди, не верь ничему, кроме собственных глаз»¹⁶.

Рюйш нередко участвовал в публичных дискуссиях со своими коллегами-медиками¹⁷. Он спорил с Луи де Билсом о клапанах, с Мартином Листером (1639–1712) о железах, с французским анатомом Раймоном де Вьессаном (1635/41–1715/16) о пленке между плацентой и маткой, с Якобом Говиусом о внутреннем строении глаза. Если его оппоненты в качестве аргументов приводили цитаты из ученых медиков, как античных, так и современных, то Рюйш цитировал исключительно мало¹⁸, он основывался на собственных наблюдениях и в доказательство своих утверждений нередко показывал рисунки. Все «диспутации» публиковали на латыни.

Рюйш занимался и сравнительной анатомией, для чего изучал и препарировал животных. Еще веком раньше это было бы невозможно. Тогда считалось немислимым усматривать сходство между анатомией человека, созданного по образу и подобию Божию, и строением животных. Но Рюйш показал полезность сравнительной анатомии на следующем примере: исследуя материнскую грудь самок китов, он обнаружил явления, которых никогда раньше не видел при изучении женской груди¹⁹.

Слава Рюйша в научном мире была столь велика, что «все, кто хотел узнать о себе самом, и особенно те, кто занимался медициной», приходили слушать его лекции. Среди его студентов были способные анатомы. Рюйш, которого можно без опасений назвать хвастуном, изображал себя в своих сочинениях как великого педагога. Однако современники оставили свидетельства того, что преподавал он не всегда столь блистательно. Он очень старался, обучая хороших и талантливых

13 *Ruysch Fr.* Hondert anatomische en chirurgicaale aanmerkingen. P. 52.

14 *Ibid.* P. 59.

15 *Schreiber Fr.J.* Het leven van Ruysch... P. 11.

16 *Bezoekersboek van Frederik Ruysch.* UBA. Hs I E 20.

17 *Schreiber Fr.J.* Het leven van Ruysch... P. 96.

18 См. о дискуссии с Иоганном Христианом Вольфом: *Ruysch Fr.* De elfde ontleet-kundige voorstellige brief door Johannes Christianus Wolf // *Ruysch Fr.* Alle de ontleed-, genees- en heekundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. I. P. 326.

19 *Ruysch Fr.* Antwoord aan Johannes Christianus Wolf // *Ruysch Fr.* Alle de ontleed-, genees- en heekundige werken... Dl. I. P. 330.

студентов, показывая им необыкновенные явления, но уроки с будущими врачами, не собиравшимися заниматься академической наукой, проводил не слишком систематично и без вдохновения²⁰.

В кругу естествоиспытателей было принято оспаривать открытия, сделанные коллегами, и нередко при исследованиях царил атмосфера тайны. Рюйш не был сторонником того, чтобы держать анатомические знания в секрете. Любому посетителю предоставлялась возможность задавать вопросы, делать заметки «и описывать другим все то, что они видели и слышали»²¹. В тайне он держал только свой знаменитый инструмент, используемый при родовспоможении, а также искусство изготовления препаратов.

Анатомические препараты как произведения искусства

Рюйш предпочитал «в преподавании использовать препараты, а не недавно умершие тела»²². Уроки анатомии было принято проводить несколько дней подряд, на одном и том же труп. Это не всегда было приятно. Преподавание на основе препаратов имело ряд преимуществ: «Любой человек мог по ним учиться, без необходимости [выполнения] омерзительных действий, грязной работы и отвратительной вони»²³.

Препараты человеческих органов, которые для людей непривычных означали леденящую душу встречу со смертью, он украшал кружевными платочками, скрывавшими место ампутации. Снабжая препараты надписями с подходящими к случаю цитатами из литературы о бренности земного бытия, он старался смягчить невольно возникавшую у любого зрителя мысль о собственной смерти. Идея суеты сует, «Vanitas», популярная в ту пору благодаря жанру аллегорических натюрмортов с черепами, разрабатывалась уже веком раньше в оформлении научных пособий по анатомии. Скелеты людей и животных, установленные на балюстраде знаменитого на всю Европу анатомического театра при Лейденском университете, тоже держали в руках изречения, напоминавшие о быстротечности и бессмысленности жизни, в точности как у Рюйша: *Homo bulla* — «Человек — это мыльный пузырь».

Коллекция Фредерика Рюйша

В 1691 г. Фредерик Рюйш впервые издал каталог своей коллекции на латинском языке²⁴. Этот «Каталог редкостей, хранящихся в *Museum Ruyschianum*, с различ-

20 За данное уточнение благодарю Люка Койманса.

21 *Ruysch Fr. Het sesde anatomisch cabinet // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heelkundige werken... Dl. II. P. 663.*

22 *Schreiber Fr.J. Het leven van Ruysch... P. 98.*

23 *Ruysch Fr. Het groote en Koninglyke cabinet, zynde het tiende der anatomische cabinetten // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heelkundige werken... Dl. II. P. 819.*

24 Первый каталог Рюйш снабдил посвящением «Консулам и сенаторам Республики Амстердам». В 1690 г., когда Рюйш впервые готовил к печати текст «Каталога редкостей» (*Catalogus Rariorum*) своего «*Museum Ruyschianum*», эти господа, обладавшие высокой куль-

ными иллюстрациями в натуральную величину» вышел в издательстве Хенрика и Теодора Боомов в Амстердаме.

На основе этого и тринадцати последующих описаний его кабинетов, регулярно выходивших в свет, нетрудно составить представление о том, каковы были принципы расстановки препаратов²⁵. В первых коллекциях отсутствовало систематическое разделение. Рюйш специально расставил все экспонаты вперемешку из эстетических соображений. В его первой комнате препараты человеческих тел хранились в двух шкафах-кабинетах из индийского дерева: «Все вперемешку, чтобы зрелище было приятно для глаз: а то мне не удалось бы заполнить один кабинет только человеческими сердцами, препарированными различным образом, а другой — младенцами, и еще один — детскими головками и т.п. К тому же такая расстановка была бы менее приятна для глаз»²⁶.

Во второй комнате стояли четыре больших шкафа-кабинета и несколько поменьше, и препараты были упорядочены по тематическому принципу: «Первый кабинет заполнен человеческими сердцами. Второй заполнен человеческими легкими, а также сердцами, не отделенными от легких <...> Третий содержит женские части, предназначенные для размножения. Четвертый — фигурки детей, очень тщательно законсервированные. Пятый — множество белых, очень искусно изготовленных остовов мышей. Шестой — плаценты и тому подобное»²⁷.

турой и проявлявшие большой интерес к наукам, занимали должности четырех бургомистров города. Иохан Хейдекопер был инициатором создания Ботанического сада (*Hortus medicus / botanicus*). Николаас Витсен известен как государственный муж, торговец оружием, автор универсальных книг по судостроению (1671) и книги о Сибири «Северная и Восточная Тартария» (1692). В 1697–1698 гг. именно он объяснял Петру, что представляет собой голландское общество. Третий бургомистр, Иоханнес Хюдде, был одним из руководителей Объединенной Ост-Индской компании и талантливым математиком. Он вывел формулу, названную в его честь — «правило Хюдде», для вычисления пожизненной ренты: город продавал полисы пожизненной ренты для пополнения казны. Он был также инженером-гидрологом. В 1672 г., когда французы двинулись на Амстердам, под его руководством в дамбах были проделаны отверстия для воды, чтобы остановить врага. Иохан де Вриз (1633–1708) был купцом, торговавшим с Италией, и четвертым бургомистром.

25 *Ruysch Fr. Museum anatomicum Ruyschianum. Sive Catalogus rariorum. Quae in authoris aedibus asservantur. Amsterdam, 1691; Ruysch Fr. Thesaurus anatomicus primus: Het anatomisch cabinet van Frederic Ruysch. Amsterdam, 1701; Thesaurus anatomicus secundus. Amsterdam, 1702; Thesaurus anatomicus tertius. Amsterdam, 1703; Thesaurus anatomicus quartus. Amsterdam, 1704; Thesaurus anatomicus quintus. Amsterdam, 1705; Thesaurus anatomicus sextus. Amsterdam, 1705; Thesaurus anatomicus septimus. Amsterdam, 1707; Thesaurus anatomicus octavus. Amsterdam, 1709; Thesaurus anatomicus nonus. Amsterdam, 1714; Thesaurus magnus & regius qui est decimus thesaurum anatomicorum. Het groote en koninglyke kabinet zynde het tiende der anatomische kabinetten. Amsterdam, 1716; Ruysch Fr. Curae posteriores seu Thesaurus anatomicus omnium praecedentium maximus. Amstelodami, 1724; Ruysch Frederik. Curae renovatae, seu Thesaurus anatomicus, post curas posteriores, novus. Amstelodami, 1728.*

26 *Ruysch Fr. Het tweede anatomisch cabinet // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heekundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. II. P. 522–523.*

27 *Ruysch Fr. Het eerste anatomisch cabinet // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heekundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. II. P. 488.*

В 1710 г. в коллекции Рюйша было выставлено 1300 сосудов с анатомическими препаратами, пятнадцать кабинетов с препаратами животных, сохраняющимися в 1582 сосудах. В 1020 коробках находились бабочки, кузнечики, жуки, мелкие четвероногие и морские растения в основном из Ост- и Вест-Индии. В 180 сосудах хранились редкие птицы в виде сухих препаратов. В одной из комнат было 39 гербариев, как «herbaria viva» (в коробках), так и между листами бумаги²⁸. В выдвижных ящиках под шкафами с витринами были спрятаны раковины, мелкие рога и «прочие предметы, присланные нам из Ост- и Вест-Индии»²⁹.

Большое внимание Рюйш уделял оформлению препаратов. Он очень старался «так украсить ужасное зрелище разрезанных или отсеченных частей тела с помощью декоративных элементов, чтобы оно не было неприятным для глаз, не вызывало страха и отвращения <...> Чтобы эти произведения просуществовали как можно дольше, я обработал их с помощью моего искусства бальзамирования таким образом, что части тел будут оставаться в сохранности не каких-нибудь пятьдесят лет, а несколько веков»³⁰.

Рюйш не преувеличивал. В Петербурге до сих пор хранится более 900 изготовленных им препаратов. Впрочем, заспиртованные препараты сохранили первоначальный цвет лучше, чем бальзамированные.

Препараты создавались в учебных целях, чтобы передавать информацию ученикам, которые все должны были видеть своими глазами.

«Обладатель препаратов может развлекаться, или сам учиться, или использовать препараты в высшей школе, обучая молодежь, демонстрируя ей истинное устройство частей тела. На этих уроках нет надобности основываться на одних лишь словах или строить догадки, но можно верить своим глазам»³¹.

Рюйш гордился своими достижениями и сообщал, что он не только врач и профессор анатомии и ботаники в Амстердаме, но также член «Императорского, Лондонского и Парижского обществ».

Он объявил о том, что собирается анатомировать троих молодых людей, умерших десятью годами раньше. Он их препарировал в июле 1695 г., а в октябре 1696 г. уже провел на них урок анатомии для широкой публики. Он имел обыкно-

28 *Ruysch Fr. Thesaurus animalium primus: Het eerste cabinet der dieren. Amsterdam, 1710 // Alle de ontleed-, genees- en heelkundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. III. P. 1256, 1257. В предисловии без пагинации.*

29 *Ruysch Fr. Het vyfde anatomisch cabinet // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heelkundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. II. P. 652.*

30 *Ruysch Fr. Thesaurus magnus & regius qui est decimus thesaurum anatomicorum. Het groote en koninglyke kabinet zynde het tiende der anatomische kabinetten. Amsterdam, 1716. Предисловие без пагинации // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heelkundige werken. Amsterdam, 1744. P. 819.*

31 *Ibid.*

Фр. Рюйш хранил растения своего гербария в коробках, чтобы растения не расплющились. В глубине виден кабинет с влажными препаратами. Рюйш коллекционировал также животных, но был знаменит в первую очередь своими мастерски выполненными анатомическими препаратами.

Фронтиспис книги: Frederik Ruysch. *Thesaurus animalium primus*. (Первый кабинет животных). Amsterdam, 1710. Гравюра К. Хейбрехтса.

Музей Амстердама

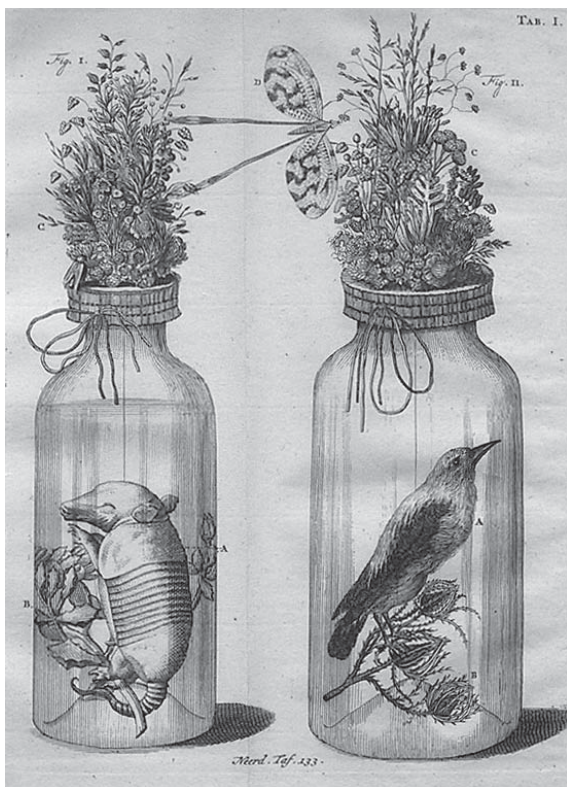
вание проводить каждый год по одному или два публичных вскрытия, но уже целый год у него не было такой возможности из-за отсутствия свежих трупов. Далее он описывает на нескольких страницах, что именно продемонстрирует публике³². В объявлении 1705 г., в котором он извещает о проведении занятий по анатомии у себя дома на основе собственной коллекции анатомических препаратов «круглый год без перерывов с двенадцати до часу или до полвторого», мы находим много практической информации: «На этом занятии я продемонстрирую всевозможные части тела, в том числе большие, сохраняемые в очень прозрачной влаге, благодаря чему многие детали видны более отчетливо, чем в случае высушивания и затвердения. Поскольку некоторые вещи лучше видно в высушенном и затвердевшем виде, я покажу и их, хранящиеся в коробках и шкатулках, и все сопровожу небольшой лекцией»³³.

Чтобы пояснить местонахождение того или иного органа в теле, он будет показывать это на человеческой фигуре. Он собирался один или два раза произвести

32 *Ruysch Fr. Het sesde anatomisch cabinet // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heelkundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. II. P. 660–662.*

33 *Ibid. P. 658.*

Фр. Рюйш хранил забальзамированных птиц без спирта в стеклянных сосудах.

анатомирование тела на глазах у публики — для тех, кто «стремится увидеть это действие».

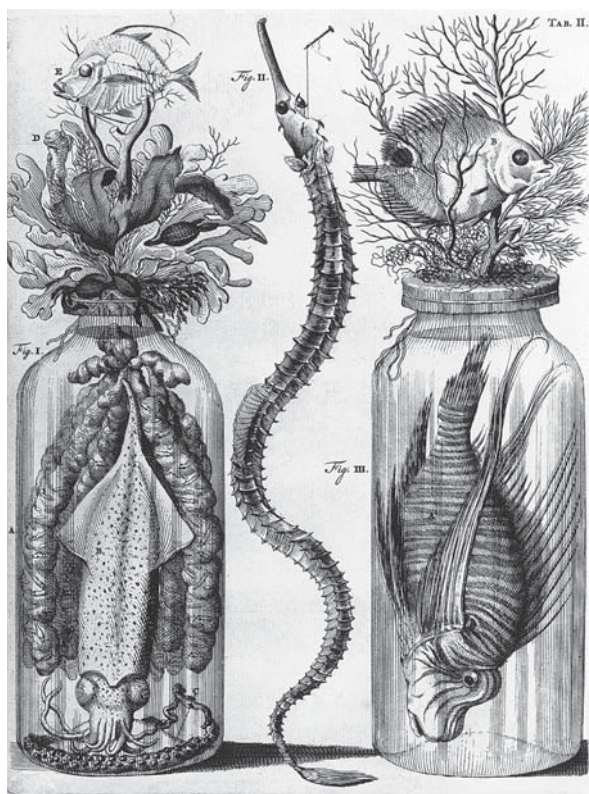
Публика, интересующаяся уроками анатомии, наверняка увлечется и его коллекцией натуралий: «После этого, если останется время, я могу еще показать четвероногих животных, рыб, рога, раковины, бабочек, птиц и множество морских обитателей, преимущественно из Вест- и Ост-Индии. Их такое большое количество, что я собрал их в 1500 сосудов, кроме тех, что высушены и хранятся в коробках и шкатулках. Это занимает много времени, и я буду показывать это по одному часу в день с 12 до часу или полвторого. Человеческое тело, сохраняемое в 16 кабинетах, я покажу таким образом за четыре или пять недель»³⁴.

Приведенное краткое описание дает хорошее представление о масштабах коллекции Рюйша, которую Петр осмотрел в 1717 г. В ней было 1300 сосудов с препаратами по анатомии человека и более 1500 сосудов с животными. Не все препараты в сосудах были спиртовыми. Бальзамированные птицы, числом 180, также хранились в сосудах. Кроме того, экспонаты находились в шкафах с витринами и в коробках.

34 Ruysch Fr. Het sesde anatomisch cabinet. P. 658.

Рюйш заказывает гравюры препаратов

Для того чтобы более эффективно использовать свои препараты, которые были «не только украшением, но и очень полезным инструментом для преподавания», Рюйш издавал печатные каталоги. По поводу каждого препарата он писал, на что зритель должен обратить особое внимание и что можно с помощью данного препарата узнать. Вышло тринадцать томов каталога. Изучив эти каталоги, посетители его кабинета и слушатели его лекций могли подготовиться к тому, что их ждет. Так, посетители могли заранее определить, что хотят посмотреть в первую очередь, потому что увидеть все за один раз было невозможно. Как писал Рюйш, до сих пор не бывало, чтобы предметы, с которых сделаны гравюры, служащие для иллюстрации научной статьи, продолжали существовать и тем самым служить доказательством. Например, препарированный им мозг он затем заказал изобразить на гравюре по меди: «Мозг, препарированный благодаря нашему искусству, мы тотчас отдаем гравюру, который с тщательным прилежанием и внимательными глазами, не пугаясь из-за разложения и вони, вырезает его на медной пластине, скрупулезно создавая изображение, точно соответствующее оригиналу»³⁵.

Фр. Рюйш сохранял препараты двумя способами: «влажным», помещая их в сосуд со спиртом, или «сухим», бальзамируя их: так препарированы рыбки на крышках этих сосудов.

35 Ruysch Fr. Antwoort aan Mich. Ernestus Etmullerus // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heilkundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. I. P. 349-350.

Прочитав приведенные цитаты, легко представить себе, что и царь Петр во время визитов к Рюйшу заразился увлеченностью этого профессора и его стремлением передавать знания ученикам. Во время своего первого посещения Амстердама в 1697–1698 гг. Петр так заинтересовался анатомией, что присутствовал на уроках Рюйша в Анатомическом театре, недавно оборудованном на верхнем этаже здания Городских весов («Де Ваах»), не только в качестве зрителя, сидящего в амфитеатре, но и несколько раз сам брался за нож. Анатомия была одним из тех «искусств», которыми Петр, как он считал, сумел овладеть.

Письма. Себа и кабинет Фредерика Рюйша

Еще до того как 4 июня 1716 г. корабли с его коллекцией на борту отплыли в Россию, Себа уже начал продавать коллекцию другого человека. 24 апреля 1716 г. он пишет в письме к Арескину, что ненароком поинтересовался кабинетом доктора Рюйша. Он высказал мысль о том, что у Рюйша можно будет купить некоторые важные экспонаты и препараты. Рюйш считал, что его коллекция имеет большую ценность, и поэтому Себа хотел попытаться что-нибудь купить у него якобы для себя за разумную цену. Ибо Рюйш сразу повысит цену вдвое, если узнает, что эти предметы покупаются для царя. Рюйш писал Себа, создал анатомический кабинет, включающий 200 стеклянных сосудов, за который спрашивает тысячу дукатов (около 3150 гульденов), и выпустил книгу с описанием этого кабинета. Себа писал, что пошлет Арескину эту книгу и тот сам сможет увидеть, нравятся ли ему препараты. Он сообщал, что Рюйшу уже предлагали за этот кабинет 2000 гульденов, но он отказался от этого предложения. Сам Себа ранее уже купил у Рюйша некоторые предметы и послал их Арескину вместе с другими вещами³⁶ «в качестве диковины и подарка», «чтобы тот смог оценить искусство препарирования». Разумеется, он сделал это в надежде, что Арескин поручит ему купить еще больше препаратов³⁷.

Шумахер также получил от Себы письмо и был в курсе дела. Он писал Арескину: «Рюйш спрашивает за свою коллекцию *f* 3000, хотя, по мнению Себы, она стоит не более *f* 2000. Себа купил 4 образца анатомических препаратов и послал их вместе с другими предметами Вам в подарок, чтобы украсить Вашу коллекцию»³⁸.

Названная цена за кабинет Рюйша, по сравнению с тем, что Себа просил за собственную коллекцию, чрезвычайно низка. Она настолько низка, что я, находясь в Петербурге, еще раз проверила все цифры. Примечательно, что Себа и в письме к Шумахеру, и в письме к Арескину называет цену, соответственно,

36 Возможно, эти препараты, купленные Себой и попавшие к Арескину, и есть те таинственные препараты Рюйша, хранящиеся в музее Военно-медицинской академии в Петербурге, о происхождении которых ничего неизвестно. В июне 2000 г. я имела возможность осмотреть эти препараты вместе с В. Мюлдером и А.Б. Радзюн.

37 Письмо А. Себы Р. Арескину. 24 апреля 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Л. 3–4.

38 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 12 июня 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 42 об.

1000 дукатонов и 3000 гульденов (1 дукатон = 3,15 гульденов), добавляя при этом, что Рюйшу «за нее предлагали 2000 гульденов» и что «она стоит всего 2000». Шумахер назвал те же цифры в письме к Арескину. Следовательно, это не описка. Значит, должно существовать какое-то объяснение, почему называлась настолько низкая цена.

Как раз в это время, в 1716 г., Рюйш опубликовал десятую часть своего «тезауруса» под названием, существенно отличавшимся от предыдущих: «*Thesaurus magnus & regius qui est decimus thesaurorum anatomicorum <...>*» — «Большой королевский кабинет, являющийся десятым из анатомических кабинетов <...>». Видимо, Рюйш хотел продать свой кабинет какому-либо монарху или другой высокопоставленной особе. Себа хотел, чтобы Петр купил эту коллекцию, потому что тогда Арескин был бы ему многим обязан. Тем временем в Лейдене друг Рюйша Герман Бургаве пытался привлечь к Рюйшевой коллекции внимание Лондонского королевского общества³⁹. Отсюда можно сделать вывод, что в этих письмах Себа имел в виду только десятый, «королевский кабинет», который стоил одну десятую от той суммы, которую Петр заплатит в апреле следующего года за все кабинеты вместе.

39 Койманс Л. Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша... С. 275.

Глава VII

Визит Петра I к Альберту Себе в 1716–1717 гг. Покупка коллекции Рюйша

Зимой 1716–1717 гг. царь снова провел несколько месяцев в Амстердаме, почти через двадцать лет после первого посещения Голландии. Он хотел провести здесь переговоры с европейскими дипломатами, чтобы приблизить заключение мира со Швецией. Петр вел войну со Швецией с 1700 г. за господство на Балтике, и русские войска стояли на огромной территории по берегам моря, включая даже Данию. Эта война была чрезвычайно дорогостоящей.

Петр I в Амстердаме в 1716–1717 гг.

В Амстердаме Петр выделил время для того, чтобы, как и в 1697–1698 гг., посетить коллекционеров. Русский посол князь Б.И. Куракин и русский торговый агент Кристоффель Брантс поспешили навстречу царю, двигавшемуся со стороны Германии. Они встретились 2 декабря 1716 г. в Амерсфорте. Екатерина, официально ставшая супругой Петра в 1712 г., остановилась недалеко от нидерландской границы в Германии. Она была беременна и хотела ехать следом за Петром по-медленнее. Петр, Арескин и еще несколько господ из свиты царя добрались до Амстердама уже поздним вечером. Первую ночь царь провел в доме своего торгового агента Кристоффеля Брантса, на канале Кейзерсхрахт недалеко от Волвенстраат, прямо напротив здания общества «Felix Meritis», потому что отказался остановиться в гостинице на Кловенирсдулен, лучшей в городе. На следующий день Петр до конца своего пребывания в Амстердаме поселился в доме русского торгового агента Осипа Соловьева¹, который сам на это время перебрался на дачу близ леса Харлеммерхаут. В честь приезда царя в городском театре была сыграна трагедия Вондела «Гейсбрехт ван Амстел». На следующий день Петр посетил верфи Адмиралтейства и Объединенной Ост-Индской компании. Впрочем, в нашу

1 О. Соловьев снимал дом по адресу Херенхрахт, 527. Внутри на стенах была обивка, потолки и каминны украшены живописью. Владелец дома писал, что в результате пребывания в доме «русского Императорского Величества дом и двор были так повреждены, что на ремонт и восстановление пришлось выложить из своего кошелька несколько тысяч гульденов». Цит. по: *Spies P. e.a. Het Grachtenboek*. Den Haag, 1993. P. 160.

задачу не входит описывать все пребывание царя в Амстердаме², остановимся лишь на некоторых моментах, важных для нашего дальнейшего рассказа, таких как посещение коллекционеров, фабрикантов и изобретателей.

Посещение коллекции Якоба де Вильде.

Знакомство с возможностями иллюстрированного каталога коллекции

13 декабря 1716 г. царь посетил кабинет Якоба де Вильде (1645–1721). В 1697 г. Петр почтил его визитом в этот же день, о чем свидетельствует его имя рядом с обеими датами в Книге посетителей³. Объяснение такого совпадения найти нетрудно: 13 декабря праздновался канун дня рождения хозяина (14 декабря).

Якоб де Вильде, занимавший важный финансовый пост в Адмиралтействе, устроил позади своего дома по адресу Херенхрахт, дом 333 большой музей. За этим домом на канале находилось большое здание, примыкавшее к тыльной стороне домов 335 и 337. В нем и размещался знаменитый *Museum Wildeanum*. Здание стало собственностью Де Вильде в 1708 г. Здесь были выставлены коллекции картин, монет и медалей, античной скульптуры малых форм и математических приборов. Хозяин охотно рассказывал посетителям о том, что нет ни одной звезды, которую он не вычислил бы. Из Книги посетителей кабинета Якоба де Вильде, хранящейся в настоящее время в Муниципальном архиве Амстердама (FA de Wilde), мы узнаем, что с 1690 по 1720 г. честь расписаться в книге Де Вильде выпала 700 посетителям⁴.

Подобные частные музеи, или кабинеты, посещали не только друзья и знакомые владельца, но и другие заинтересованные лица, как голландцы, так и иностранцы, те, кто через общих знакомых был рекомендован хозяину. Кабинет Левинуса Винсента можно было осмотреть и без рекомендации, зато за умеренную плату. Знатных посетителей и не только их обычно просили сделать запись в Книге посетителей.

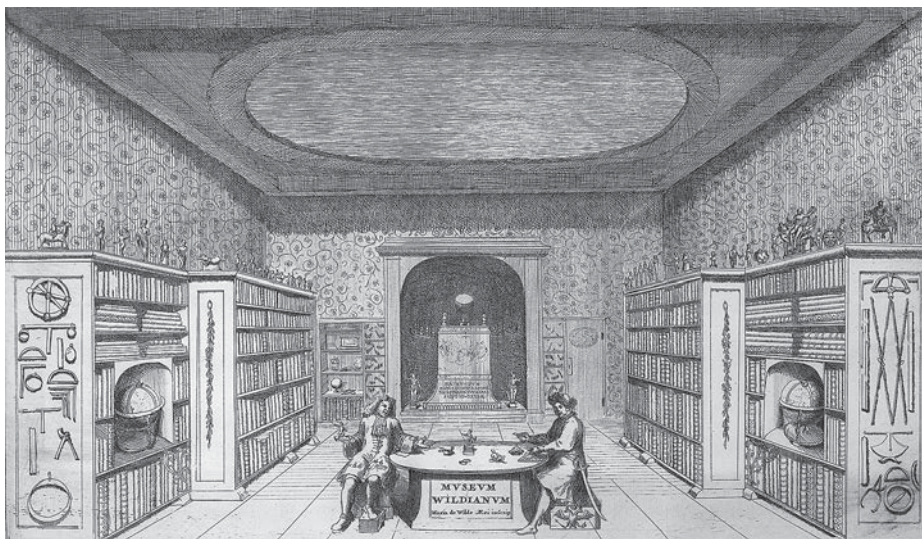
В тот вечер дочь хозяина дома преподнесла Петру написанный ею двойной портрет — его самого и Якоба де Вильде, сидящих в кабинете ее отца 13 декабря 1697 г. Гравюра с этого портрета напечатана в иллюстрированном описании коллекции гемм Якоба де Вильде «*Gemmae selectae Antiquae e Museo Jacobi de Wilde*»⁵.

2 На данную тему в Монреальском университете защищена магистерская диссертация: *Knoppers J.V.Th. The visits of Peter the Great to the United Provinces in 1697–98 and 1716–17 as seen in light of the Dutch sources. MA-thesis McGill University Montreal. 1969.*

3 В Нидерландах одна тетрадь этой книги долгое время считалась утраченной. Из общего оглавления Книги посетителей было ясно, что отсутствовала именно тетрадь с автографами Петра и его свиты. Однако оказалось, что эта тетрадь хранится в Петербурге, в Библиотеке Академии наук: Тетрадь из Книги посетителей музея Якоба де Вильде в Амстердаме. Амстердам, 1697–1716. Бумага, 4 листа ин-кварти. Библиотека РАН. НИОР. Петровская галерея. 29/1.

4 См.: *De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rareitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 278, 332.*

5 *Gemmae selectae Antiquae e Museo Jacobi de Wilde. Amsterdam, 1703.* («Избранные античные геммы в музее Якоба де Вильде»).

Посещение Петром I музея Якоба де Вильде. 13 декабря 1697 г.

Гравюра Марии де Вильде.

Музей Амстердама

Обрадовавшись портрету, царь отблагодарил Марию де Вильде, подарив ей украшение⁶. Мария де Вильде и царь учились гравировальному искусству у одного учителя, Адриана Шхонебека, создавшего другие гравюры для книги «*Gemmae selectae...*».

Каталог гемм Якоба де Вильде был прекрасным образцом тех возможностей, которые предоставляло гравировальное искусство в сочетании с книгопечатанием для ознакомления большого числа любителей с коллекцией. Иллюстрированный каталог был мощным средством для расширения круга интересующихся и для повышения степени доступности знаний. Гравюры позволяли коллекционерам глубже изучать геммы в своей коллекции путем сравнения их с другими. Петр взял книгу с собой в Петербург и хранил ее в своей библиотеке.

Посещение Альберта Себы

Из писем мы узнаем, что Петр посетил и Альберта Себу. Царь познакомился с человеком, у которого купил для своей Кунсткамеры самую большую на тот момент естественноисторическую коллекцию. После отправки этой коллекции в Петербург аптекарь сразу же принялся собирать новую, которую царь и решил осмотреть.

⁶ *Eeghen I.H. van. De verzameling van Jacob de Wilde of het Museum Wildeanum op Keizersgracht 333 // Jaarboek Amstelodamum. 1951. No. 38. P. 87.*

Письма

В первый день Рождества блистательное общество прибыло в Немецкую аптеку — дом на Харлеммерстраат, где жил и торговал лекарствами Себа. Царь в сопровождении нескольких высокопоставленных особ провел за разглядыванием собрания Себы более двух часов. Об этом визите царя владелец коллекции написал восторженный отчет Шумахеру⁷. Петр заинтересовался препаратом очень маленького гвинейского оленя. По словам Себы, это был «самый маленький олененок, когда-либо виденный в нашей стране». Царь предложил Себе сто золотых дукатов, если тот достанет для него такого же олененка. И еще Петр был поражен редким олененком-уродцем, родившимся с двумя головами. Это был препарат, изготовленный Рюйшем. Он принадлежал Теодору Гюйгенсу, члену городского совета и бывшему правителю Амстердама, и был взят Себой во временное пользование. Царь чрезвычайно им заинтересовался и в октябре 1718 г. дал Себе «*liber order*» — поручение выкупить его у Гюйгенса за любую цену⁸.

Мы видим, что царь особенно восхищался исключительными редкостями — необыкновенно маленьким олененком и двухголовым олененком.

После посещения царя Себа предложил Шумахеру послать ему в следующем году еще что-либо из новой коллекции, чтобы дополнить свою первую коллекцию, уже находившуюся в Петербурге. Еще раньше, до визита Петра, у Себы побывал Арескин, чтобы обсудить поставки в придворные аптеки⁹. Во время одного из этих двух визитов Арескин высказал свое восхищение японскими вазами, о которых говорилось выше.

Болезнь Петра и мирные переговоры

27 декабря 1716 г., вскоре после визита к Себе, Петр заболел. 10 января Екатерина приехала в г. Везель, недалеко от нидерландской границы. 14 января она родила сына Павла. Обрадованный Петр попросил Генеральные Штаты выступить в роли крестного отца, но через два дня Павел умер. Екатерине потребовалось довольно много времени, чтобы оправиться после родов и приехать в Амстердам.

Петр проболел больше месяца, из-за чего приготовления к переговорам о мире были приостановлены. Царь выздоровел только к 10 февраля 1717 г. Он рассчитывал встретиться в Нидерландах с королем Англии Георгом I

7 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 29 декабря 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 38–39.

8 «По поводу олененка с двумя головами мы с г-ном Гюйгенсом еще не пришли к соглашению, теперь, имея *liber order*, я его получу, но буду действовать потихоньку, так как время позволяет». Письмо А. Себы Р. Арескину. На нем. яз. 11 октября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 67–68.

9 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 29 октября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 38–39.

(1660–1727), вступившим на английский престол в 1714 г. Возвращаясь из своих владений в Германии, Георг задержался во Влардингене в ожидании благоприятного ветра, чтобы доплыть до Англии¹⁰. Однако король Георг отказался встретиться с Петром. Он узнал о заговоре против него, в который якобы был вовлечен и русский царь. 1 февраля 1717 г. в Лондоне были перехвачены письма, в которых упоминался Роберт Арескин как человек, возможно, сообщавший Петру о планах заговорщиков¹¹. Об этом писалось во всех газетах. Петр и Арескин утверждали, что ни о чем не знают. Но это не помогло. Георг I заявил, что согласится разговаривать с царем только после того, как тот отведет свои войска из Дании, Германии и Прибалтики¹².

Отношение голландских торговцев к Петру было очень доброжелательным. В Амстердаме крупные купцы, торговавшие с Россией, устраивали в его честь приемы. Так, 28 февраля Петр с Екатериной побывали в загородном доме Кристоффеля Брантса на р. Вехт, который назывался «Петербург». 2 марта царь с царицей вернулись в Амстердам. 9 марта Петр был принят Генеральными Штатами в Гааге¹³. К Петру обращались по-голландски, и он отвечал по-голландски. Но большой пользы этот прием Петру не принес. Голландцы предпочитали сохранять нейтралитет в конфликте между Россией и Швецией, чтобы иметь возможность торговать и с теми и с другими. За Петра переговоры вел Б.И. Куракин. Он предложил голландским купцам более благоприятные условия торговли, если они поддержат претензии России на бывшие шведские территории, но ничего этим не достиг. Единственное, чего он добился от голландцев, это обещания оплатить расходы по пребыванию Петра в их стране — 78 000 гульденов¹⁴.

После Гааги Петр заехал в Лейден, где в университетской библиотеке осмотрел знаменитую «*sphaera movens*» Гюйгенса.

У Петра нашлось также время для посещения шелковой фабрики Давида Моллема (1670–1746). Для монархов монополия на производство шелка была в то время источником доходов. В Бранденбурге шелковая промышленность, налаженная по совету Лейбница, приносила большие доходы.

10 После смерти королевы Анны ее преемницей должна была стать внучка Якова I София Пфальцская, мать Георга I. Но к моменту смерти королевы Анны София уже умерла, поэтому 12 августа 1714 г. королем Англии стал ее сын Георг. Во Франции имелся другой претендент на престол, сын короля Якова II, католик. Швеция, получавшая субсидии от Франции, пыталась возвести его на английский престол.

11 Брат Роберта Арескина сэр Джон Эрскин, племянник сторонника Иакова Джона Эрскина, графа Мара, в 1716–1717 гг. был посредником в переговорах шотландских сторонника Иакова со шведским правительством. См.: *Murray J.J. George I, the Baltic and the Whig split of 1717: a study in diplomacy and propaganda. L., 1969.*

12 Об этом писалось в газетах «*Europische Mercurius*», «*Amsterdamse Courant*». Цит. по: *Knoppers J.V.Th. The visits of Peter the Great to the United Provinces... P. 43–45.*

13 Выдержки из дневника Петра Великого // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 182. Л. 152 об.

14 Резолюции Генеральных Штатов 23 марта 1717 г. Цит. по: *Knoppers J.V.Th. The visits of Peter the Great to the United Provinces... P. 48.*

Посещение коллекции Фредерика Рюйша

Царь еще раз осмотрел коллекцию Фредерика Рюйша. Теперь он при встрече пожал Рюйшу руку и сказал: «Ты ведь все еще мой учитель, не правда ли?»¹⁵ В двух сохранившихся Книгах посетителей Рюйша об этом визите, в отличие от первого посещения в 1697–1698 гг., не осталось записей ни Петра, ни Арескина. Однако Арескин несомненно беседовал с Рюйшем. В одном из писем, позднее опубликованных анатомом, он ссылается на дискуссию с Арескиным, «лейб-медиком царя», который «ранее задавал вопросы о человеческой сперме»¹⁶.

Когда именно было принято решение купить всю коллекцию Рюйша, неизвестно. В середине марта из Парижа приехал двадцатичетырехлетний Л. Блюментрост. Он остановился в доме у «Юлиона на Пейпенмаркт [рынок курительных трубок] под вывеской “Герцог Марльборо”»¹⁷. Он приехал в Амстердам как раз вовремя, чтобы застать Арескина, тут же переложившего на него задачу приобретения коллекции. В начале апреля переговоры с Рюйшем еще не закончились, но из Франции пришло долгожданное сообщение, что французский регент охотно встретится с царем.

Как только русские дипломаты сообщили эту хорошую новость из Парижа, Петр немедленно отправился вместе с Арескиным ко французскому двору. Там с 1715 г. правил благоразумный Филипп II, герцог Орлеанский, регент пятилетнего Людовика XV (1710–1774), ставшего королем после смерти Людовика XIV, приходившегося ему дедом. Жену Екатерину Петр оставил в Амстердаме. Он считал, что при французском дворе его жене с ее простым происхождением не будут рады. В Республике бюргерства ее происхождение от простого горожанина никому не мешало, а во Французском королевстве аристократия играла свою роль и чтילה происхождение. 6 апреля 1717 г. Петр со свитой во Флиссингене взошел на корабль. Л. Блюментросту поручили завершить дела с Рюйшем.

Упаковка и отправка коллекции Рюйша

О том, как производилась упаковка и как осуществлялся контроль за экспонатами коллекции Рюйша, мы узнаем не только из писем Себы и черновиков переписки Шумахера, но и из писем Лаврентия Блюментроста и нотариального акта, заключенного в Амстердаме, копия которого хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Лаврентий Блюментрост, только что завершивший образование в Париже, подписал договор купли-продажи в качестве царского придворного врача вместе

15 Письмо Фр. Рюйша царю опубликовано в кн.: *Бакмейстер И.Г.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук / Пер. с фр. яз. Василия Костыгова. [СПб.], 1779. С. 110–112.

16 *Ruysch Fr.* Opera omnia anatomico medico chirurgica. Nunc usque edita. Quorum elenchus pagina sequenti exhibitur, cum figuris aeneis. Amsterdam, 1727. Dl. IV. P. 17.

17 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 14 марта 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 40–41.

с Альбертом Себой в качестве уполномоченного лица Арескина. Рюйш подписал контракт о продаже своего кабинета 8 апреля 1717 г. Контракт был оформлен у нотариуса Абрахама Тсевена.

Оплата кабинета Рюйша

Сумма 30 000 гульденов, требовавшаяся для покупки кабинета, была по тогдашним меркам гигантской. А. Себе, посылавшему в Россию лекарства для придворных аптек на соизмеримую сумму, иногда приходилось ждать ее выплаты по несколько месяцев. Как же происходила оплата покупки кабинета Рюйша?

Письма

До отъезда в Париж Р. Арескин вручил А. Себе ассигнацию-вексель на 30 000 гульденов, чтобы тот заплатил за кабинет Рюйша полученными по ней деньгами. Но, когда Себа принес эту ассигнацию указанному в ней лицу, Питеру Генелону¹⁸, тот сказал, что срок уплаты по полученным им векселям истекает более чем через шесть недель. Поэтому он не считал себя обязанным платить досрочно. Но Себа, надеявшийся получить от него деньги сразу же, уже взял на себя обязательство оплатить коллекцию в течение шести недель¹⁹. Таким образом, уже через неделю после подписания контракта возникли проблемы со своевременной оплатой. Арескин находился в Париже, и Себа оказался в затруднительном положении.

Упаковка кабинета Рюйша

Об этих трудностях Себа сообщил Арескину. Одновременно он сообразил, что еще не было никаких договоренностей насчет транспортировки кабинета. 15 апреля 1717 г. он спрашивал у Арескина, можно ли послать кабинет Рюйша вместе с заказом для Адмиралтейской аптеки и следует ли его застраховать на транспортировку до Петербурга²⁰.

После подписания договора купли-продажи А. Себа с Л. Блюментростом в течение недели каждый день ходили в дом Рюйша, чтобы упаковывать предметы его коллекции в ящики для пересылки в Санкт-Петербург. Но процесс шел медленно, потому что ни Рюйш, ни кто-либо из его слуг или домашних им не помогали. А без этой помощи они не знали, что представляют собой те или иные предметы. Герман Бургаве, некоторое время назад также занимавшийся поисками покупателей для коллекции Рюйша (он хотел, чтобы ее купило Лондонское королевское общество), заранее предупреждал Блюментроста, что Рюйш не будет помогать: «Il ne dérobera une épingle, je le connais» — «Он не поднимет и булавки,

18 Мы уже познакомились с Генелонем в 1699 г., когда он давал советы русскому врачу Постникову о закупке лекарств. Генелон был деверем Якоба де Вильде.

19 Письмо А. Себы Р. Арескину. 15 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 44–45.
20 Ibid.

я его знаю»²¹. Кроме того, несколько раз случалось, что Себа и Блюментрост, придя утром работать, не могли войти в помещение, где хранилась коллекция, потому что не было никого, кто открыл бы дверь. В итоге они так рассердились, что решили обратиться к тому же нотариусу, который составлял договор о купле-продаже. Вместе с нотариусом и еще троими свидетелями они отправились к Рюйшу. Того не было дома. Дверь им открыла его жена Мария Пост.

«17 апреля 1717 г. Абрахам Тсевен, нотариус, имеющий лицензию на право нотариальной деятельности от Верховного Суда Голландии, посетил в Амстердаме дом г-на Рюйша, который отсутствовал. Он вручил супруге г-на Рюйша жалобу. Господа жалобщики заключили 8 апреля договор купли-продажи анатомических препаратов, ботанических, морских и прочих редкостей, относительно чего составлен нотариальный акт. В нем указано, что г-н Робертус Арескин за плату получит письменные указания, как и каким образом редкости следует препарировать и сохранять. Указания в запечатанном виде, написанные собственной рукой Рюйша, будут вручены Альбертусу Себе или нотариусу как нейтральному лицу в тот момент, когда будут переданы редкости и деньги за них.

Во время упаковки при сравнении с напечатанными каталогами жалобщики обнаруживают, что некоторые редкости отсутствуют. Они также жалуются, что при упаковке никто: ни сам Рюйш, ни его люди — не помогают им, чтобы письменно указать названия редкостей и пояснить их.

Они жалуются, что, когда приходят утром в обычное время, они не получают допуска к редкостям, что не позволяет им работать. Они просят дать им ключи от комнат, где хранятся редкости, или запечатывать комнаты всякий раз после их ухода, чтобы они имели туда доступ в надлежащее время.

В договоре купли-продажи также указано, что Рюйш никому на свете не сообщит и не откроет и не даст инструкций о том, каким образом редкости были препарированы и сохранены. Если Рюйш сообщил тайну, например, своему сыну или кому-то еще, то будет потребовано возмещение ущерба»²².

Эта жалоба была зачитана госпоже Рюйш, и нотариус Абрахам Тсевен вручил ей копию в присутствии трех свидетелей.

Секрет Рюйша

Копия договора купли-продажи была послана Арескину в Париж. Он написал Блюментросту, что одобряет этот договор. Однако он высказал свое недоумение

21 Boerhaave's correspondence / Red. G.A. Lindeboom. Leiden, 1962–1979. Dl. III. P. 176. Цит. по: *Койманс Л. Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша...* С. 273.

22 Akte waarin Abraham Tzeewen verklaart samen met L. Blumentrost en A. Seba bij de huisvrouw van F. Ruysch te hebben geprotesteerd tegen het feit dat hen toegang tot de aangekochte collectie geweigerd werd (Акт, в котором Абрахам Тсевен заявляет вместе с Л. Блюментростом и А. Себой о протесте, высказанном жене Фр. Рюйша против того, что им закрывают доступ к купленной коллекции). 17 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 69. Л. 4–6 об.

по поводу того пункта, в соответствии с которым Рюйш должен будет открыть Блюментросту секрет своего метода препарирования и консервации.

Блюментрост поспешил объяснить Арескину, что данное условие было включено в договор на всякий случай: вдруг Арескин не сможет вернуться в Амстердам, ведь его передвижение зависит от планов царя, и Рюйш тогда не откроет ему, Блюментросту, свой секрет. Блюментрост, всерьез опасаясь, что Арескин неправильно понял этот пункт, заверял его, что дружба с ним для него, Блюментроста, намного важнее, чем какие бы то ни было секреты²³.

Между тем Себа уже тоже знал, что Арескин не хочет, чтобы Блюментрост узнал секрет. Поэтому он, в свою очередь, поспешил заверить Арескина, что данный пункт был включен в договор исключительно по инициативе Блюментроста. Он успокаивал Арескина, что Блюментрост до сих пор ничего не знает и ничего не пытается выпытать у Рюйша. Себа писал, что с Рюйшем было договорено, что он изложит свою тайну письменно и в запечатанном виде передаст ему (см. ниже копию договора во второй версии). Себа сообщал Арескину, что после жалобы, переданной через нотариуса, Рюйш и его семья начали сотрудничать с ними и хорошо помогают. Он надеется, что все редкости будут упакованы за две недели²⁴.

Второй договор с Рюйшем

8 апреля 1717 г. к нотариусу Абрахаму Тсевену пришел господин «Фредерик Рюйш, профессор анатомии и медицины, с одной стороны, и господа Лаврентий Блюментрост, придворный медик его Царского Величества Великороссии, и Альберт Себа, аптекарь в этом городе, имеющий письменное поручение и приказ от господина Робертуса Арескина, советника и первого лейб-медика вышеуказанного Царского Величества, с другой стороны»²⁵.

Далее в контракте говорилось, что Фредерик Рюйш продает Л. Блюментросту и А. Себе все препараты анатомические, ботанические и морских растений, а также прочие редкости, все без исключения, за сумму 30 000 гульденов на следующих условиях: Рюйш передаст покупателям редкости и секрет их изготовления, то есть данные о том, как следует препарировать и консервировать редкости, которые господин Себа в письменном виде вручит Арескину. Также Рюйш передаст

23 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 26 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 47–48.

24 Письмо А. Себы Р. Арескину. 29 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 49–50 об.

25 Kopie van een contract waarin Frederik Ruysch, professor anatomie en medicijnen, aan Laurentius Blumentrost, hofarts van de tsaar, en Albert Seba, apotheker, gemachtigd door Robert Areskine, raad en eerste lijfmedicus van de tsaar, belooft alle anatomische, botanische en zeegewassen, alsmede het geheim van hun bereiding te zullen overleveren, opgesteld door notaris Abraham Tzeewen (Копия договора, в котором Фредерик Рюйш, профессор анатомии и медицины, Лаврентию Блюментросту, придворному медику царя, и Альберту Себе, аптекарю, уполномоченному Робертом Арескиным, советником и лейб-медиком царя, обещает передать препараты анатомические, ботанические и морских растений, а также секрет их приготовления, составленный нотариусом Абрахамом Тсевеном). Амстердам, 23 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 69. Л. 7–9.

Блюментросту инструкцию, каким образом нужно препарировать и как осуществлять консервацию. Рюйш возьмет на себя обязательство никому более эти секреты не передавать, не получив на то разрешения Арескина. Далее стороны договариваются о том, что 25 000 гульденов будут заплачены в течение шести недель или ранее, без скидки. Оставшиеся 5000 будут выплачены сразу после передачи последних редкостей. Гарантом по этой сумме выступает А. Себа, обязующийся оплатить эту сумму как собственный долг.

Состав кабинета Рюйша

Во время ажиотажа вокруг «секрета» Себа и Блюментрост продолжали интенсивно работать. В распоряжении Блюментроста были списки первых десяти кабинетов, опубликованные Рюйшем в «Анатомических тезаурусах» I-X в Амстердаме с 1701 по 1716 г. У него был также «готов каталог четырех других кабинетов, ранее не описанных»²⁶. Он уже начал заниматься упаковкой предметов и 26 апреля надеялся закончить ее за две-три недели. В списке, составленном Блюментростом, были перечислены все экспонаты, имевшиеся в кабинете Рюйша, «как анатомические, так и имеющие отношение к животным»²⁷. Оставалось упаковать только бабочек и раковины, но из-за их огромного количества составить опись не было возможности. Поэтому Блюментрост их просто-напросто сосчитал и упаковал. 13 мая 1717 г. основная часть коллекции уже была упакована, и Блюментрост считал, что ему потребуется еще шесть-семь дней, чтобы завершить работу²⁸. Рюйш не помогал. Оттого ли, что ему было тяжело прощаться со своей коллекцией, или он был болен, или занят другими делами? Если он был не в состоянии помогать сам, то почему не помогала его дочь, которая проводила для Петра экскурсию по собранию в 1698 г., или еще кто-нибудь хорошо знакомый с коллекцией? Из рассказа о том, как упаковывалась коллекция, мы узнаем, что Рюйш продал не только те 10 кабинетов, описания которых были опубликованы в каталогах, но и четыре новых, еще не описанных. Если эти последние были заполнены препаратами в той же мере, что и первые десять, то 414 доставленных в Петербург препаратов не были каталогизированы. Блюментрост записывал все, что упаковывал, тем самым составляя свой каталог. Думаю, это и есть две черные тетради, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. IV. Оп. 1. Д. 108 а. 78 л. (чистовая рукопись) и № 108, приблизительно столько же листов (черновая рукопись).

26 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 26 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 47–48.

27 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 53–54 об.

28 В январе 1698 г. перед отъездом в Англию Петр подарил дочери Рюйша, показывавшей ему анатомическую коллекцию, две пары собольих шкур стоимостью 10 рублей и две пары стоимостью 8 рублей. См.: *Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства) // *Петр Великий: Сб. ст. / Ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1947. С. 22.* Люк Койманс указал мне на тот факт, что в январе 1698 г. у Рюйша дома жили три его незамужние дочери.

Коллекция Рюйша состояла не только из анатомических препаратов и препаратов животных. В нее входили еще 34 гербария, собранных Рюйшем за три года, пока он работал профессором ботаники, «как местные, так и иноземные, аккуратно мною высушенные и сохраненные <...> в шкафах E и F»²⁹. Эти гербарии также были отправлены в Санкт-Петербург. Позднее, когда по экспонатам Кунсткамеры создавались рисунки, то растения из гербариев Рюйша тоже были запечатлены на бумаге, но их изображения не обнаружены³⁰.

Пересылка кабинета Рюйша

В конце апреля 1717 г. Арескин прислал из Кале указание повременить с отправкой кабинета в Петербург, если туда не будет прислан конвой, до дальнейших распоряжений. В начале мая Себа ответил Арескину, что в этом году конвоев в Петербург больше не будет. Он рекомендовал разделить те 50–60 ящиков, в которые был упакован кабинет, и для безопасности послать их на двух или трех кораблях. Себа знал, что в Петербург снаряжаются три корабля, в тот момент еще принимавшие груз, одним из которых был «быстроходный фрегат с тридцатью пушками», но, поскольку приказа от Арескина еще не было, он ждал отправку. Себа воспользовался случаем и спросил Арескина, надо ли застраховать груз³¹.

Между тем приближался срок платежа. По договору Рюйш должен был получить 25 000 гульденов сразу после передачи коллекции. Себа и Блюментрост были в весьма затруднительном положении, так как Генелон все еще отказывался платить. Он постоянно искал отговорки, например заявлял, что не может заплатить по векселю деньги, пока не получит прямое указание от Арескина³². Генелон утверждал, что уже дважды писал Арескину, но так и не получил ответа. Ему якобы известно, что Арескин собирался приобрести на эти деньги что-то другое, и потому он ждал распоряжений лично от Арескина³³. А. Себе и Л. Блюментросту это казалось подозрительным, так как в векселе Арескин ясно написал, что указанную сумму следует выплатить без дополнительных распоряжений³⁴.

Обеспокоенные поведением Генелона, Себа с Блюментростом отправились к нему домой, чтобы выслушать его окончательное решение, но там им сказали,

29 *Ruysch Fr. Anatomisch kabinet, of naamlyst der rareyten // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heelkundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. I. P. 205.*

30 «*Icones plantarum*» рисовал И.В. Люрсениус. См.: *Meijers D. The paper museum as a genre // The paper museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg. 1725–1760. Introduction and interpretation / Ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers, G.V. Vilinbakhov. [Amsterdam], 2005. P. 37. N. 54.*

31 Письмо А. Себы Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 42–42 об.

32 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 53–54 об.

33 Письмо А. Себы Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 42–42 об.

34 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 53–54 об.

что Генелон несколько дней назад уехал из города. Это известие лишило их последней надежды. Оказавшись в столь затруднительном положении, они обратились за помощью к Кристоффелю Брантсу, который осудил поведение Генелона. Тогда Себа и Блюментрост попросили Брантса потребовать от Генелона объяснений, но и из этого ничего не вышло, так как Генелон «несколькими днями раньше уединился в загородном доме»³⁵.

Брантс взялся переговорить с Генелоном, как только тот вернется в город, и убедить его выплатить деньги. Но за это время истек срок платежа Рюйшу, к тому же кабинет был почти полностью упакован, а Себа и Блюментрост были юридически обязаны заплатить за покупку сразу после передачи коллекции. Страшась позора в случае неуплаты, Себа и Блюментрост принялись отчаянно искать необходимую сумму. Брантс советовал им предложить Арескину выписать вексель «на эту же сумму для предъявления господину Лефкену»³⁶ или «подписать платежное поручение в присутствии нотариуса». Этот новый вексель можно было получить в обмен на вексель для Генелона. Таким способом они бы быстро получили деньги и сохранили доверие к себе³⁷.

17 мая Блюментрост передал письмо Арескину с графом И.А. Мусиным-Пушкиным (1661–1729), направлявшимся из Амстердама в Париж, с очередной настоятельной просьбой прислать денег для выплаты Рюйшу. Будет лучше всего, писал Блюментрост, если Арескин обратится прямо к Генелону, чтобы тот выплатил Себе необходимую сумму или дал другое поручение кому-либо передать Себе деньги, чтобы тот смог заплатить Рюйшу, который между тем передал описание своего метода препарирования и консервации в руки нотариуса³⁸.

Через десять дней Генелон «вынырнул на поверхность». После разговора с Кристоффелем Брантсом он выплатил 21 мая по векселю на 30 000 гульденов 10 000 гульденов. Себа показал ему письмо от Арескина из Парижа, на что Генелон заявил, что срок векселей еще не истек, но что он в ближайшее время заплатит полную сумму и 5000 гульденов ценными бумагами. Теперь Себа смог расплатиться с Рюйшем: «Первые 10 000 гульденов я передал Рюйшу, а также вексель на 5000 гульденов, после чего я получил заклеенный конверт с секретом»³⁹. Этот пакет с описанием секретного рецепта Себа должен был хранить до тех пор, пока не получит дальнейших распоряжений от Арескина из Парижа⁴⁰. Неделю спустя, 27 мая 1717 г., Себа все еще не имел указаний из Парижа о пересылке кабинета.

35 Письмо А. Себы Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 42–42 об.

36 Не удалось выяснить, о ком идет речь.

37 Письмо А. Себы Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 42–42 об.

38 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 17 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 55–56 об.

39 Письмо А. Себы Р. Арескину. 27 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 51–52 об.

40 Там же.

Интерес ученых других стран к секрету Рюйша

Новость о продаже коллекции Рюйша русскому царю распространилась по всей Европе. Все знали, что Рюйш продал в том числе и анатомические препараты, по качеству не имевшие равных и особенно поражавшие воображение других европейских специалистов по препарированию тем, что Рюйш достиг столь поразительных результатов путем впрыскивания некоего вещества, состав которого держал в глубокой тайне. Анатомы всей Европы охотились за этим рецептом, который позволил бы им создавать лучшие препараты для преподавания своей науки.

Некоторые врачи были знакомы с лейб-медиком царя Робертом Арескиным лично. Они обращались к нему с просьбой уступить им сколько-нибудь препаратов Рюйша или хотя бы поделиться с ними секретом.

Начальник почтового ведомства Франции Луи-Леон Пажо, граф д'Онз-ан-Бре⁴¹ (1678–1754), тоже интересовался препаратами Рюйша. 22 мая 1717 г. Петр I и Арескин побывали у него в гостях в Гран-Берси близ Парижа. Они весь день осматривали его коллекции⁴². Д'Онз-ан-Бре коллекционировал, кроме всего прочего, математические и физические приборы, которые вызвали у царя особый интерес⁴³. По всей видимости, Арескин и французский коллекционер говорили и о препаратах Рюйша. После отъезда Петра со свитой обратно в Нидерланды между Арескиным и д'Онз-ан-Бре завязалась переписка об астрономических приборах, которые захотел купить царь, в частности о «движущейся сфере» (*sphère mouvante*), сконструированной Жаном Пижоном (1654–1739) в Париже. Французский коллекционер сообщал Арескину об отсрочке продажи этого прибора. В этом же письме он напоминал Арескину, что тот обещал прислать ему из Голландии два рецепта: один — приготовления жидкости, в которой можно консервировать препараты, другой — вещества, которое впрыскивается в кровеносные сосуды. Он давал слово, что никому не выдаст этих рецептов и будет держать их в тайне, если Арескин выдвигает такое условие для получения этих рецептов. А он, со своей стороны, тоже пошлет Арескину рецепты, которых у того наверняка еще нет и которые его порадуют. Если Арескин пришлет ему описание препаратов в кабинете царя, то д'Онз-ан-Бре готов заранее прислать сосуды с жидкостями, которые можно раздобыть во Франции. Он примет за их упаковку, как только получит рецепты от Арескина. Француз полагал, что Арескин, прежде чем уехать в Россию, еще будет заниматься упаковкой кабинетов Рюйша. Он просил Арескина доставить ему удовольствие, прислав те предметы из коллекции, которые окажутся в двух экземплярах, а такие наверняка будут среди раковин и естественно-исторических редкостей. Эти предметы он просил упаковать в ящик и передать господину Сиксу, который отправит их

41 В письмах написание фамилии D'Ons en Bray варьируется: Douzenbray или Donsenbray.

42 *Waliszewski K. Pierre le Grand. L'éducation, l'homme, l'oeuvre d'après des documents nouveaux.* Р., 1897. Р. 408.

43 Выдержки из дневника Петра Великого // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 182. Л. 161 об.; Письмо Труше Р. Арескину. 22 мая 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 60–61 об.

во Францию на корабле. А в обмен д'Онз-ан-Бре обещал прислать другие ценности. Ведь Арескин осмотрел его кабинет и знает, что еще могло бы его украсить. Д'Онз-ан-Бре предлагал Арескину также смело просить у него те редкости, которые его заинтересовали: «Нас связывает переписка, способная смягчить боль разлуки»⁴⁴.

Анатом Жозеф Гишар Дюверней предложил Арескину свою помощь в приобретении для царской коллекции анатомических препаратов из воска⁴⁵. 8 мая Арескин с царем осмотрели «les curiosités anatomiques faites de cire» («анатомические редкости, сделанные из воска») ⁴⁶. Дюверней, как и Рюйш, владел искусством препарирования, однако таких результатов, как голландский анатом, добиться не смог. Он тоже проявил заинтересованность в приобретении препаратов Рюйша при посредничестве Арескина. Дюверней, о чьем искусстве препарирования Рюйш некогда заметил с сарказмом: «То, что ему известно, никому не нужно, а его препараты остаются плохими»⁴⁷, был знаком с Арескиным с тех давних пор, когда они вместе изучали ядовитых змей. Чтобы повысить свои шансы на получение препаратов Рюйша, Дюверней попытался выполнить желание Петра.

Царь хочет стать членом Французской академии наук

В 1717 г., когда Арескин был вместе с Петром в Париже, ему удалось во время визита в Лувр конфиденциально поговорить с аббатом Жан-Полем Биньоном, президентом Французской академии наук, чтобы выяснить, не может ли русский царь стать членом академии. Первый ответ был отрицательным.

После отъезда Арескина и Петра I из Парижа Дюверней попытался узнать, окончателен ли был данный отказ или академия еще может изменить свое решение. О своих попытках Дюверней в подробностях писал Арескину⁴⁸. Он несколько раз заговаривал об этом с аббатом Биньоном, подчеркивая, что царь чрезвычайно уважает Арескина и считает его своим доверенным лицом. Герцог Дантен и вся культурная элита Парижа это отчетливо поняли. После этого Биньон настойчиво попросил Дювернея «больше не возвращаться к разговору об отказе, который был дан Арескину по вопросу о почетном членстве царя». Дюверней сдержал слово, «и действительно ничего больше не стал говорить данной персоне, однако завел

44 Письмо Донсенбрея Р. Арескину. 30 июля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 115-117 об.

45 Еще до приезда во Францию Р. Арескин узнал от Л. Блюментроста, на каком уровне там находится искусство создания восковых наглядных пособий по анатомии. Приехав в Париж, Арескин смог более основательно изучить то, что Блюментрост называл «анатомия из воска». В коллекции Кунсткамеры имеется один такой препарат.

46 Выдержки из дневника Петра Великого // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 182. Л. 161 об.

47 *Бакмейстер И.Г.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной... С. 110-112.

48 Письмо Ж.-Г. Дювернея Р. Арескину. 15 августа 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 64-65 об.

об этом речь в беседе с регентом»⁴⁹. Регент высказал мнение, что царя следует принять в академию и предоставить ему преимущество в случае освобождения мест в академии во всех категориях. Регент пообещал написать письмо Биньону и выполнил обещание: Биньон показал Дювернею это письмо. «Теперь он заговорил другим языком, чем с Вами в Лувре», — радовался Дюверней такому ходу дел и надеялся, что Арескин тоже будет доволен. Дюверней попросит д'Онз-ан-Бре послать Арескину все выпуски «Мемуаров академии» — ее печатных изданий, которые успели выйти до настоящего времени.

Дюверней добился немалого успеха: благодаря ему русский царь в ближайшее время станет членом Французской академии наук. Теперь он имел все основания написать Арескину, что надеется получить от русской стороны в благодарность несколько препаратов Рюйша и секрет их консервации.

Дюверней и раньше пытался заинтересовать Арескина «анатомией из воска». Теперь он спрашивал Арескина, находившегося в Ахене, принял ли он на сей счет решение. В переговорах с господином де ла Круа, изготавливающим из воска наглядные пособия по анатомии, он заручился посредничеством регента. Так что все будет в порядке, господин де ла Круа только ждет четкого заказа. Если бы он наверняка знал, что от него требуется, он бы уже начал работать, а пока он работал вполсилы в ожидании распоряжений. И после этого Дюверней переходит к сути дела. Как он пишет, Арескин «подал ему надежду на получение нескольких предметов из кабинета Рюйша»⁵⁰. Дюверней был бы этому чрезвычайно рад. Он закажет для них шкаф с надписью золотыми буквами: «Ex Dono Domini Aresquine» — «Из дара господина Арескина». Этим даром Арескин может снискать всеобщее уважение, так как «посетители всегда желают осмотреть зал со скелетами, и они увидят, что Вы [Арескин] являетесь обладателем столь богатого и блистательного анатомического кабинета». Все зависит только от Арескина, писал Дюверней, потому что «царь наверняка согласится, если Арескин убедит его, что это как ничто иное вдохновит лейб-медика на новые достижения на службе царю»⁵¹.

Тем самым Дюверней изложил все свои аргументы, так что ему оставалось лишь закончить письмо просьбой передать от него привет Рюйшу. Он хотел бы, если позволит здоровье, еще раз осмотреть все экспонаты его кабинета, прежде чем их отправят в Санкт-Петербург. Дюверней выражал надежду, что они с Арескиным продолжат переписку, и обещал Арескину «держат его в курсе всего происходящего в Анатомической республике (Republique Anatomique) и в остальной естественной истории»⁵².

49 Письмо Ж.-Г. Дювернея Р. Арескину. 15 августа 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 64–65 об.

50 Там же.

51 Там же.

52 Там же.

Царь и Арескин возвращаются в Амстердам

Через Реймс, Спа и Маастрихт царь с Арескиным добрался до Амстердама. Оттуда он первым делом отправился в имение О. Соловьева в Харлеммерхауте, где жила Екатерина, пока Петр находился при французском дворе. В Амстердаме 4 августа 1717 г. дипломаты Петра подписали договор с Францией. Франция обещала в дальнейшем не предоставлять Швеции финансовой или иной помощи, а также оказать посредничество в мирных переговорах между Россией и Швецией. Франция признавала завоевание Россией прибалтийских земель, так что цель поездки Петра во Францию была достигнута. По причине прекращения финансирования из Франции шведский король был вынужден сесть за стол переговоров.

В Амстердаме царь в последний раз посетил Николааса Витсена, который уже был смертельно болен и не вставал с постели. 10 августа Витсен умер. Он был другом России, с которым Петр поддерживал отношения в течение двадцати пяти лет⁵³.

Hortus Botanicus

За время пребывания в Амстердаме в 1717 г. царь с Арескиным четыре раза побывал в Ботаническом саду (Хортус ботаникус). Поскольку первоначально они приехали в Амстердам посреди зимы, посещение сада было отложено до более теплого времени. Лишь в те месяцы, пока Петр еще жил в Амстердаме по возвращении из Парижа (до сентября 1717 г.), для него удалось организовать посещение Хортуса⁵⁴. Царь слушал с большим интересом, пока Рюйш вел для него урок ботаники. Как мы уже знаем, первую экскурсию по амстердамскому Ботаническому саду Рюйш провел для Петра во время его первого посещения Голландии. Из растений, собранных в 1717 г. во время поездки в Голландию, царь составил гербарий⁵⁵.

Незадолго до отъезда Петр посетил Хортус ботаникус еще раз. Об этом мы узнаем из письма Марии Схаап (1658–1725), супруги Хендрика Бикера (1682–?), который в 1717 г. был амстердамским бургомистром и комиссаром Хортуса. В письме подруге она описала это посещение, имевшее место во вторник, за два дня до отъезда царя из Амстердама, 2 сентября 1717 г.

«Царь осматривает растения, деревья и полезные травы так пристально, как будто он садовник, и все, что ему нравится, записывает; он ходит как дикарь, он очень неряшлив и неопрятен, ест крайне неаккуратно, харкает и плюет прямо на ковры, а его свита ходит за ним так же без уважения; зато Царица разумна, аккуратна и знает очень много сортов трав и деревьев;

53 Gebhard J.F. Het leven van Nicolaas Cornelisz. Witsen (1641–1717). Utrecht, 1881–1882. P. 514. Цит. по: Knoppers J.V.Th. The visits of Peter the Great to the United Provinces... P. 49.

54 Петр посетил Хортус ботаникус 7/17 сентября 1697 г. вместе с Рюйшем.

55 Appleby J.H. Robert Erskine – Scottish pioneer of Russian natural history... P. 379.

она очень забавлялась, рассматривая растение недотрогу, плоды которого скручиваются, едва к ним притронешься. После того как они осмотрели растения, мы снова пообедали вместе с их Царскими величествами»⁵⁶.

Из Амстердама царь отправился через Харлем и Гауду в Дордрехт, чтобы отсюда через Германию добраться до России.

Относительно транспортировки кабинета Фредерика Рюйша царь и Арескин до отъезда из Голландии так и не приняли решения. В конце сентября царь со свитой прибыл в Берлин, где Арескина ждало письмо от Себы, в котором тот извинялся, что во время пребывания лейб-медика в Амстердаме «не смог доставить ему удовольствия и радости»⁵⁷. Господин Гюйгенс и господин Клермонт⁵⁸, с которыми Себа разговаривал несколько дней назад, передавали ему привет. Уже начался сентябрь, навигация закончилась, так что до будущего года кабинет оставался в Амстердаме. Царь и лейб-медик вернулись в Петербург 10 октября 1717 г. после более чем полугодового пребывания за границей.

23 октября 1717 г. проповедник-публицист Феофан Прокопович приветствовал царя проповедью, посвященной той пользе, которую приносят приобретенные Петром знания и купленные им коллекции: «Что есть бы не иную кую давано пользу, точию самое толь многих вещей познание, и сия была бы не малая корысть, наипаче мужу породы и чести высокия, которым ведение лучше всякого сокровища стажется»⁵⁹.

Отправка кабинета Рюйша

Лишь 2 мая 1718 г. Арескин отдал распоряжение отправить в Петербург коллекцию Рюйша, простоявшую в Амстердаме упакованной всю зиму 1717–1718 гг. Арескин сам написал по-немецки письмо Себе с инструкциями, полученными им от царя, по пересылке анатомического кабинета Рюйша в Петербург на кораблях, отправляющихся в летнюю навигацию. Арескин велел Себе погрузить коллекцию на несколько кораблей, застраховать и отправить прямо в Петербург. Однако ящики, в которых находятся «*antropogenia*» («человеческие зародыши») и «*diverse generationen*» («разные зародыши»), следовало отправить в Любек на самом надежном корабле и как можно скорее⁶⁰.

56 *Balbian Verster J.F.L. de. Peter de Groote te Amsterdam // Jaarboek van het Genootschap Amstelodamum. 1919. XVII. P. 40–41.*

57 Письмо А. Себы Р. Арескину. 24 сентября 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 77–77 об.

58 Точно выяснить, с каким из Клермонтов — Godefridus Clermontius или Elbert Clermont jr., — переписывался И.Д. Шумахер, не удалось.

59 *Прокопович Ф. Слово в неделю осмуонадесять, сказанное во время присутствия его царского величества, по долгом странствии возвратившагося // Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 64.*

60 Письмо Р. Арескина А. Себе. 2 мая 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 85.

В письме не указывалось, какую стоимость кабинета А. Себе следует заявить в таможенных документах. Все прекрасно знали, сколько Арескин заплатил за коллекцию⁶¹, но все же Себа еще 18 марта спрашивал у Арескина, какую цену надо назвать, чтобы не возникло лишних затруднений⁶². Незадолго до отправки коллекции на помощь А. Себе неожиданно пришел знакомый Арескина пастор Клермонт. С этим человеком, который помогал также с покупкой и пересылкой в Петербург книг, Себа обсудил волновавший его вопрос. Клермонт дал ему хороший совет, о чем мы узнаем из письма Клермонта к Арескину, где он рассказывает о ходе дел на таможне. Более того, Клермонт даже взялся переговорить со своим покровителем генералом таможенного ведомства господином Бейсом, сыном пенсионария Амстердама Виллема Бейса (1661–1749), бывшим послом во Франции. В этом же письме он с гордостью рассказывал Арескину, как ему удалось «обстрипать дельце». Он указал в таможенных документах, что коллекция обошлась всего лишь в 3000 гульденов. Все прошло исключительно удачно. Господин Бейс поверил ему на слово, когда Клермонт сказал, что коллекция состоит из одних только редкостей. Правда, Бейс настоял на том, чтобы один ящик открыли в присутствии таможенной службы, но одного ящика из сотни ему было достаточно⁶³.

Этот рассказ Клермонта прекрасно согласуется с версией Себы, который писал, как он и Клермонт договорились «обсудить с генералом таможенного ведомства стоимость кабинета» и попросили его проявить снисхождение, так как «речь шла о кабинете Рюйша, предназначенном для царя», после чего он послал «двух младших таможенников осмотреть и освидетельствовать кабинет»⁶⁴. Себа не позволил им открыть все ящики и предложил выбрать какой-нибудь один. Это был ящик № 53, в котором находились одни лишь кораллы. Увидев их, таможенники были удовлетворены. Ящик тотчас же в их присутствии закрыли, и больше они ничего не открывали и не осматривали. Себа заплатил эти двум младшим таможенникам 25 гульденов, чтобы они представили своему генералу «аккуратный» отчет. Позднее они еще раз зашли к Себе сообщить, что они отчитались перед генералом и что тот будет удовлетворен, если Себа укажет, что стоимость груза составляет 3000 гульденов. Что и было сделано. Груз, предназначавшийся лично для Арескина, а именно ящики № 28, 29, 30 и 31, помеченные буквами «R.A.», был включен в эту сумму. В ящике № 28 находились книги от пастора Клермонта и заказанное Арескиным белье. В ящиках № 29 и 30 были большие вазы японского фарфора, раньше стоявшие в комнате Себы, а теперь купленные у него Арескиным за 600 гульденов. В ящике № 31 — небольшой шкаф-кабинет коричневого дерева из Индии и ваза из особого фаянса, купленная в Виго (Испа-

61 Письмо Клермонта Р. Арескину. 12 июля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 16–17 об.

62 Письмо А. Себы Р. Арескину. 18 марта 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 86–86 об.

63 Письмо Клермонта Р. Арескину. 12 июля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 16–17 об.

64 Письмо А. Себы Р. Арескину. 7 июня 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 73–74.

ния). Себа выражал надежду, что все это благополучно будет доставлено в Петербург, равно как и вина, в покупку которых он вложил столько труда, стараясь приобрести только самые лучшие.

Письмо с указанием отправить ящики с «*antropogenia*» в Любек, датированное 2 мая 1718 г., Рюйш получил только 3 июня 1718 г. 7 июня он отвечает Арескину, что кабинет уже полностью погружен. 53 ящика, пронумерованные от 1 до 53, находились на корабле «Юфрау Анна Мария» под присмотром шкипера Яна Питерса Веттевогела, и 47 ящичков без нумерации вместе с винами и другими заказами Арескина, а также с товарами для Придворной и Адмиралтейской аптек в Санкт-Петербурге — на корабле «Город Кенигсберг» под присмотром шкипера Вибе Сиверса. Поскольку погрузка была уже полностью завершена и Себа не знал, в каких именно ящиках находятся «*antropogenia*», он не мог ничего забрать с корабля обратно. Ничего уже нельзя было изменить, но Себа надеялся, что с Божьей помощью груз будет доставлен в полном порядке. В Петербург направлялись только два корабля, поэтому он не смог разделить груз на большее количество частей. Себа все застраховал в соответствии с полученными указаниями, со следующей почтой он отправил счет и коносаменты. Корабли дожидались конвоя и благоприятного ветра. Коллекция Рюйша посылалась в 98 ящиках. Номера 99 и 100 — это ящики с книгами, которые Себа адресовал Арескину: один ящик был из Франции, другой — от господина Ван ден Бурга⁶⁵.

Из Петербурга Шумахер написал Себе, что Арескин доволен его действиями и что все надеются на благополучное прибытие анатомического кабинета Рюйша⁶⁶.

Царь становится членом Французской академии наук

Через несколько месяцев один из членов Французской академии наук умер, так что 22 декабря 1717 г. Петру было предложено вступить в академию. Царь принял это предложение, и секретарь Бернар ле Бовье де Фонтенель (1657–1757) написал 13 января 1718 г. ответное письмо, в котором благодарил царя, соблаговолившего стать членом академии⁶⁷.

В Париже Дюверней продолжал настаивать на своем и слал письма в надежде получить от Арескина несколько препаратов Рюйша. Поскольку он в свое время пообещал соорудить шкаф для хранения препаратов Рюйша с написанными поверху золотыми буквами словами благодарности Арескину, теперь и Арескин обещал сделать такой же шкаф для препаратов, которые ему пришлет Дюверней, но с иной надписью: «*Labore et studio Domini Douverney*» — «Трудом и пылливостью господина Дювернея».

65 Письмо А. Себы Р. Арескину. 7 июня 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 73–74.

66 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 13 июня 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 92 об.

67 Письмо Б. Фонтенеля Петру (?). 13 января 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 1–1 об.

«Это обеспечит Вам известность и уважение не только среди иностранцев. Вся Россия поймет, что Вы — самый умелый специалист в данной науке <...> Мы в этой стране усиленно занимаемся естественной историей, — писал Арескин. — Я по приказу царя послал доктора Шобера⁶⁸ в экспедицию, и теперь он производит тщательные исследования в Казани и Астрахани и шлет нам подробные отчеты. Другой сейчас направляется в Сибирь с той же целью. Царь велел также объявить по всему царству свой приказ, обязывающий его подданных приносить все найденные необыкновенные вещи и всех родившихся уродов. У нас уже есть хороший запас таких предметов. Это говорит о том, господин, что мы стараемся наверстать упущенное нашими предшественниками, пренебрегавшими самой увлекательной частью наших исследований. Я вам что-нибудь пошлю, как только это будет возможно»⁶⁹.

Другому своему французскому корреспонденту, графу д'Онз-ан-Бре, Арескин писал с большим удовольствием⁷⁰. Он спрашивал графа, верит ли он до сих пор тому слуху, который распространился по Франции несколько месяцев назад, о том, что царь умер и что всех иностранцев в России прикончили, и не потому ли граф до сих пор не ответил ему на его письмо⁷¹. Обыкновенное извинение графу не помогло бы, так как Арескин знал точно, что д'Онз-ан-Бре его письмо получил, так как на письмо другому французскому корреспонденту, прилагавшемуся к письму графу, он уже получил ответ. «Или, — спрашивает Арескин, — вы, быть может, сердитесь, что я до сих пор не прислал вам препаратов из коллекции Рюйша?»⁷² Он заверил д'Онз-ан-Бре, что это зависит не от него. Поскольку вся коллекция была упакована еще до его возвращения в Амстердам, он не мог рыться в ящиках в поисках предметов, которые были предназначены для графа.

«И наконец, господин, напоминаю вам о моем обещании, что они упадут к вам этим летом одновременно со всеми книгами, которые здесь напечатаны с начала правления царя <...> Мы уже не так ленивы, как вы полагаете. Вскоре вы узнаете из наших работ, что мы используем все сред-

68 Готлиб Шобер (ок. 1675–1739).

69 Письмо Р. Арескина Ж.-Г. Дювернею. 14 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 81 об.

70 Письмо Р. Арескина д'Онз-ан-Бре. 14 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 82 об.-83.

71 Начало 1718 г. было временем страхов. Все послы направляли в столицы своих государств пугающие сообщения (Вебер, де Би, Плир, де Лави) в связи с жестокой расправой царя с царевичем Алексеем. См.: Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 1991 (переиздание книги, опубликованной в Санкт-Петербурге в 1882 г.); *Eekman Th. Seven years with Peter the Great: the Dutchman Jacob de Bie's observations // Peter the Great and the West. New perspectives / Ed. by L. Hughes. Basingstoke, 2001. P. 221.*

72 Письмо Р. Арескина д'Онз-ан-Бре. 14 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 82 об. — 83.

ства для исследования природы. Для этого мы послали мсье Шобера в Казань и Астрахань, как вы узнаете из копии прилагаемого письма. Почти каждый день нам доставляют прекрасные редкости, выполняя указ царя под страхом смерти сдавать все то, что кажется курьезным [curieux] или что рождается уродливым [monstrueux]. Не буду рассказывать вам о произведенных здесь изменениях правил престолонаследия⁷³. Газеты сообщают вам об этом не хуже меня»⁷⁴.

Прибытие кабинета Рюйша в Петербург

В начале июля 1718 г. кабинет Рюйша прибыл в Петербург. По крайней мере, та его часть, которая была погружена на корабль капитана Веттевогела. Эту часть кабинета Шумахер временно разместил в большом зале дома Арескина. Там стояли ящики, запечатанные печатью таможенного инспектора. Шумахеру стоило большого труда получить разрешение на перевозку кабинета в дом Арескина, так как таможенный инспектор во что бы ни стало хотел узнать, что находится в ящиках. Шумахер писал, что «показал ему каталог на латыни, составленный Рюйшем, но и после этого инспектор знал ровно столько же, сколько и до того»⁷⁵. В конце концов «граф П. Толстой по указу царя заставил инспектора снять с ящиков печати». П.А.Толстой предложил Шумахеру перевезти ящики в дом, «который был предназначен царем для размещения кабинета Рюйша, и указал корабль, чтобы доставить кабинет в указанный дом». Шумахер сообщал Арескину, что Толстой еще не отдал распоряжения отремонтировать этот дом. Он с беспокойством спрашивал Арескина, не следует ли открыть ящики, ведь «прошло уже почти два года с тех пор, как ящики были заколочены в Амстердаме», так что вполне можно предположить, что «в них развелись опасные животные [паразиты], которые в них обычно бывают»⁷⁶.

Шкипер Вибе Сиверс, перевозивший вторую половину кабинета Рюйша, 28 июля 1718 г. все еще не дошел до Петербурга, однако 8 августа 1718 г. Шумахер уже сообщал Себе о его прибытии. Шумахер был очень рад, что вся коллекция благополучно прибыла в Петербург.

«Лишь вчера мы принесли последние ящики с корабля Вибе Сиверса. Дело в том, что из-за выгрузки всего товара в Ревеле ящики перемешались. Судя по всему, кабинет Рюйша не пострадал, но это можно будет установить точно лишь после возвращения царя, который ожидается со дня на день <...> От радости царь обнял шкипера и дал ему 300 франков, когда узнал, что кабинет находится у него

73 Петр I лишил своего сына Алексея права престолонаследия в пользу младшего сына, четырехлетнего Петра.

74 Письмо Р. Арескина д'Онз-ан-Бре. 14 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 82 об. — 83.

75 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 28 июля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 98 об.

76 Там же.

на борту. Царь дал ему ордер на преимущество при прохождении таможи. Виттевогел честно заслужил свои деньги», — писал Шумахер⁷⁷.

Кабинет все еще не был распакован. 1 сентября 1718 г. Шумахер сообщил Арескину, что ничего еще не может сказать о состоянии кабинета Рюйша, так как не решился его открывать без соответствующего распоряжения Арескина⁷⁸, который находился вместе с царем вдали от Петербурга.

25 августа 1718 г. Петр указал дать «аптекарю Себе» деньги на оплату «анатомических вещей» и «сферы», купленных в Париже⁷⁹. Вечером 4 сентября 1718 г. (по русскому календарю) Арескин наконец-то вернулся домой. Он дал поручение Куракину оплатить то, что было куплено в Париже⁸⁰. Той же почтой Арескин отправил Себе письмо, в котором писал, что до сих пор еще не имел возможности ни осмотреть кабинет Рюйша, ни открыть ящики, которые Себа прислал лично ему. Но главная информация заключалась в том, что Арескин дал поручение Куракину передать Себе деньги за анатомические препараты из воска и за сферу, а именно 15 000 французских ливров, переведенных в голландские гульдены по обменному курсу на момент их пребывания во Франции⁸¹.

9 сентября (по голландскому календарю) Себа пишет Шумахеру, что 8 сентября 1718 г. получил от него письмо о благополучном прибытии двух кораблей с кабинетом Рюйша и прочими материалами в Петербург. Он считает нелепым предположение Шумахера насчет комиссионных, которые он, Себа, якобы просит у Арескина за посредничество в приобретении кабинета Рюйша. Ему не надо никаких комиссионных, он помогал купить коллекцию и отправил ее в Россию с удовольствием и бескорыстно. Но, — продолжал он, — принятие решения о 2000 гульденов, которые ему еще причитаются за его собственный кабинет, он «полностью предоставляет Арескину. Как тот решит, так и будет»⁸².

10 октября Шумахер снова пишет А. Себе о том, как они с Арескиным рады, что анатомический кабинет прибыл в Петербург без ущерба. Он благодарит Себу

77 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 8 августа 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 99 об. — 100.

78 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 1 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 103.

79 «По положенному при сем письму доктора Арескина отдайте в Амстердаме аптекарю Зебе для перевода в Париж на заплату за анатомические вещи, которые, будучи в Париже, подрядил оный доктор Арескин сделать по договору за девять тысячу французских ливров [да за] сферу, которая там же зделана за шесть тысяч французских ливров <...> итого за пятнадцать тысяч ливров ефимками по расчету что надлежит». Письмо Петра неизвестному адресату от 25 августа 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 85–86 об.

80 Письмо Р. Арескина Б.И. Куракину. 5 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 105 об. — 106.

81 Письмо Р. Арескина А. Себе. 5 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 106.

82 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 9 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 253–254.

за тщательную упаковку коллекции. Единственное, что его огорчает, — это отсутствие среди присланных вещей портрета самого Рюйша⁸³.

В написанном позднее письме к царю Рюйш сожалел, что не спросил за свою коллекцию 60 000 гульденов⁸⁴ — сумму, в которую все оценивают ее. Тогда он получил бы наверняка 40 000 гульденов. Но, как честный человек, он держит данное слово⁸⁵.

Хорошо продуманный импорт культуры

В литературу о Кунсткамере давно вкралась ошибка, которую упорно повторяют разные историки, а именно о том, что царь решил купить коллекции Себы и Рюйша во время своего пребывания в Амстердаме⁸⁶. Может показаться, что это не имеет никакого значения — купил ли он их, будучи в Амстердаме в декабре 1716 г., или до того. Несколькими месяцами раньше или несколькими месяцами позже — какая разница! Разница велика, так как одно дело, если царь побывал в Амстердаме в гостях у Себы и решил купить его кабинет, и другое дело, если он, засыпанный письмами Себы, в конце концов поручает своим приближенным в Петербурге заказать этот кабинет в Амстердаме. Читая формулировку «находясь в Амстердаме, царь купил кабинет Себы», представляешь себе сцену, подобную описанной в книге Сью Таунсенд «Мы с королевой», в которой дочь японского императора в лондонском бутике поспешно (так как ее лимузин плохо припаркован) показывает на то, на то и на то и покупает все, что надето на манекен в витрине,

83 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 10 октября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 109 об. В 1741 г. в Кунсткамере имелся портрет Себы, написанный Георгом Гзеллем: «Balthazaris Sebae Pharmacopoei Amstelodamensis celeb. imago manu Gsellii picta. alt. 2 ped. 16 unc., lat. 2 ped. 10 unc». (Musei Imperialis Petropolitani [MIP] volumen II, pars prima, qua continentur res artificiales. Sint-Petersburg 1742, 156, nr. 23). Однако портрета Рюйша там не было.

84 Сразу после продажи своей коллекции царю Фредерик Рюйш взялся за составление новой. Поскольку достать человеческий материал было трудно, он сделал акцент на демонстрации сосудов растений. После его смерти в 1731 г. эта коллекция была продана на аукционе. В аукционном каталоге (Ruysch Fr. Catalogus musaei Ruyschiani...) перечислено также несколько анатомических препаратов. Амстердамский коллекционер Адриан Декнателъ купил некоторые из них на аукционе, что и было отмечено в его аукционном каталоге, называвшемся «Каталог повсеместно известных кабинетов, состоящих из изящных анатомических препаратов, среди коих препараты проф. Ф. Рюйша <...> собранные и оставленные в наследство господином Адрианом Декнателем (Deknatel Adrianus. Catalogus van de aloem beroemde kabinetten... 1765). Неясно, идет ли здесь речь о новых препаратах, изготовленных Рюйшем после 1717 г., или о препаратах, по каким-либо причинам не отправленным в Петербург. Также неизвестно, были ли посланы в Россию шкафы. В «Тезаурусах» Рюйша описано 9 шкафов. Относительно шкафов с № 3 по № 9 указано, из какого дерева они сделаны и сколько в них полок, что может послужить отправными точками для поисков в Петербурге.

85 Бакмейстер И.Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. академии наук / Пер. с фр. яз. Василия Костыгова. [СПб.], 1779. С. 110.

86 Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом СПб., 1862. Т. I. С. 53.

на который она хочет походить. Эксклюзивные модели она не примеряет, она не смотрит, как и что ей подходит, она их покупает. Она покупает и вечернее платье, и пальто, и туфли, и все это в трех вариантах цвета, имеющих в бутике⁸⁷. Прекрасный пример подражания и импорта культуры.

В России XVIII в. слепое подражание и бездумный импорт культуры тоже не были редкостью⁸⁸. Однако покупка коллекций ни в коем случае не была бездумным подражанием: это был тщательно продуманный импорт культуры. Петр действовал не в порыве чувств, он совершал продуманную покупку. Находясь в Амстердаме в 1697–1698 гг., он под руководством Николааса Витсена⁸⁹ основательно познакомился с богатыми амстердамскими коллекциями. Если до поездки в Амстердам он коллекционировал только разные виды оружия, то в Амстердаме у него проснулся интерес практически ко всем предметам, собранным в амстердамских кунсткамерах. Покупая препараты млекопитающих, птиц, рыб, насекомых, раковины, минералы и анатомические образцы, он руководствовался целью приобретения знаний. Он считал, что, знакомясь с ними, можно будет приобрести «в натуральной истории систематическое понятие»⁹⁰. Хотя Петр знал, что может представлять собой такая коллекция, какую ему предлагал Себа, аптекарю потребовался почти год, чтобы убедить царя купить ее. Это становится ясно из переписки между Амстердамом и Петербургом. Царь купил коллекцию в январе 1716 г., почти за год до того, как познакомился с Себой лично, что произошло в декабре 1716 г. В отличие от информации, содержащейся в большинстве исследований, коллекции Себы и Рюйша не были куплены одновременно. Себа предложил царю купить его кабинет натуралий (*naturalia*) и диковин (*curiosa*) 7 июня 1715 г. Он сделал это по собственной инициативе после благополучного завершения эпопеи с его первой поставкой медикаментов в придворные аптеки. Коллекция Себы была куплена 10 января 1716 г. и прибыла в Петербург 19 августа того же года, задолго до того, как царь собрался посетить Голландию во второй раз. Петр начал приготовления к поездке в октябре, а прибыл в Амстердам в декабре 1716 г. Что же касается коллекции Рюйша, то пробные образцы из его коллекции Себа купил для царя еще 24 апреля 1716 г., более чем за полгода до приезда Петра в Амстердам.

При покупке коллекции Рюйша ситуация была существенно иной, чем при покупке коллекции Себы. Царь подробно осмотрел ее еще в сентябре 1697 г.⁹¹

87 Townsend S. The queen and I. L., 1993. P. 175–176. Русский перевод: Таунсенд С. Мы с королевой. М., 2002.

88 См.: Речь на тему «Импорт культуры и изменение контекста. О русской литературе XVIII века», произнесенная Й. Клейном при вступлении в должность профессора русской литературы в Лейденском университете в 1993 г. (*Klein J. Cultuurimport en contextverandering. Over de Russische literatuur van de 18e eeuw. Rijks Universiteit Leiden, 1993*).

89 В тот год Н. Витсен занимал пост бургомистра.

90 Из «Рассказов о Петре Великом» А. Нартова. Цит. по: Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук... С. 17.

91 О возможно точной дате см.: *Bekker B.B. Русские посетители анатомического кабинета профессора Рейса в Амстердаме // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Rome, 1962. P. 95.*

Насчет Арескина, некоторое время учившегося в Лейденском университете, неизвестно, был ли он уже знаком с этой коллекцией, когда он вместе с царем посетил Рюйша в 1716–1717 гг. От кого исходила инициатива приобретения коллекции Рюйша, также остается неясным. Переписка, хранящаяся в Архиве Российской академии наук, не является полной, и дошедшие до нас письма не дают ответа на этот вопрос. Формулировки, используемые Себой, оставляют открытыми обе возможности: либо Шумахер и Арескин поинтересовались у него, насколько осуществима идея приобрести препараты Рюйша, либо Себа первым запустил пробный шар. В любом случае из писем становится ясно, что Себа сыграл большую роль в осуществлении этой покупки: он взял на себя финансовые риски и принимал деятельное участие в описании, упаковке и отправке коллекции в Петербург.

Глава VIII

Работа Иоганна Даниэля Шумахера в Кунсткамере Петра I под руководством Роберта Арескина

А. ЗДАНИЕ

Помещение для коллекций. Основание Кунсткамеры

Какое помещение, подходящее для множества стеклянных сосудов и сухих препаратов, можно было найти в городе, возникшем на болоте, где вообще нет камней, так что все строительные материалы приходилось привозить за сотни километров? Прибытие двух амстердамских коллекций поставило петербуржцев перед проблемой отсутствия в городе выставочного пространства, однако не положило начало Императорской Кунсткамере, как можно было бы подумать. Дело в том, что Кунсткамера была основана несколькими годами ранее, в 1714 г., когда Петр I повелел перевезти *натуралии* и *артифициалии* из московской Аптекарской канцелярии в Санкт-Петербург. Арескин стал главой Императорской Кунсткамеры, а его секретарь Шумахер — библиотекарем. Петр I поручил немецкому архитектору Андреасу Шлютеру (1660–1714) спроектировать в Летнем дворце специальную комнату для этой кунсткамеры. В 1713–1714 гг. Шлютер работал над ее чертежами¹. Двухэтажный Летний дворец был возведен из камня еще в 1710–1712 гг. по проекту архитектора Доменико Трезини (1670–1734) и находился в стороне от центра, на берегу Невы, в том месте, где в нее впадает Фонтанка. Сад был разбит в соответствии с голландской модой XVII в., эскиз нарисовал сам Петр, а затем голландский садовый мастер Ян Роозен выполнил по эскизу чертеж.

Прямые липовые аллеи так и звали на прогулку. Деревья с регулярным интервалом сменялись приобретенными в Италии скульптурами на античные сюжеты. Скромное здание Летнего дворца расположилось в углу, словно не желая нарушать стройные геометрические линии сада. Павильоны «Грот» и «Галерея» находились в процессе постройки². Вода к фонтанам доставлялась по многокилометровому трубопроводу.

1 Воронихина А.Н. Петербург и его окрестности в чертежах и рисунках архитекторов первой трети XVIII века. Л., 1972. С. 16.

2 Когда в 1714 г. А. Шлютер умер, был готов только фундамент грота. План галереи по эскизам Шлютера, вероятно, начертил Маттарнови в 1716 г. См.: Воронихина А.Н. Петербург и его окрестности в чертежах и рисунках архитекторов первой трети XVIII века... С. 17.

Петр приказал оборудовать кунсткамеру на втором этаже дворца в Зеленом кабинете. Это было угловое помещение с окнами на две стороны: окна продольной стены выходили на Неву, а торца — на Летний сад. В каждом углу на стене было нарисовано по жителю одного из четырех континентов³. Вдоль двух стен без окон находились витрины, в которых были выставлены *натуралии* и *артифициалии*, в том числе предметы, привезенные Петром из первой поездки в Европу. Из документальных источников известно, что в Амстердаме Петру подарили два ящика с «мухами». Кроме того, он приобрел разные *натуралии*, в том числе у купца Барфоломея Форхагена, или Бартеля фон Хагена, а именно раковины и моллюски в стеклянных сосудах, «коркодил» и «свертфиш», а также несколько *артифициалий*: фарфоровую посуду и керамическую скульптурку из Ост-Индии⁴. В 1714 г. коллекция насчитывала несколько сотен стеклянных сосудов с рыбами, птицами и жабами⁵. В витринах также были выставлены уродцы и анатомические препараты. Весть о переносе *натуралий* и *артифициалий* из московской Аптекарской канцелярии в кунсткамеру, располагавшуюся в Летнем дворце Петра в Петербурге, и одновременно о перемещении научной библиотеки Аптекарской канцелярии в библиотеку, размещенную в пристройках Летнего дворца, достигла Европы. В 1714 г. в журнале «*Neu-eröffneten Welt- und Staatsspiegel*», который выходил в Гааге⁶, писали, что Петр I собирается основать Академию наук. Но до этого дело пока не дошло.

1714 год принято считать годом основания Императорской Кунсткамеры и библиотеки. Кунсткамера в Санкт-Петербурге была создана в соответствии с новой концепцией. Петр поместил в нее экспонаты из коллекции Аптекарской канцелярии. Предметы, относившиеся к его фамильному собранию, например те, что хранились в Оружейной палате в Москве, в нее не вошли. Новая петербургская Кунсткамера была аналогична тем кунсткамерам, которые царь посетил в Амстердаме и Дрездене. Они были обустроены в соответствии с важным требованием: вдоль витрин, где выставлялись *натуралии* и *артифициалии* со всех концов света, можно было водить посетителей, здесь же, как правило, проводились демонстрации недавно открытых законов природы с помощью искусно сконструированных инструментов, таких как, например, воздушный насос. Таким образом, кунсткамера, или, как ее еще называли, кабинет редкостей, была попыткой пре-

3 Четыре человека с четырех континентов или из четырех стран света, то же самое Петр видел в кунсткамере коллекционера Левинуса Винсента. См.: *Palast de Wissens. Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des Groszen* / Red. Brigitte Buberl, Michael Dückershoff. München, 2003. Dl. 2. S. 58.

4 *Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходу-расходным книгам посольства) // *Петр Великий: Сб. ст.* / Ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1947. С. 20.

5 *Шумахер И.Д.* Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры // Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1744. С. 5, 6.

6 *Neu-eröffneten Welt- und Staatsspiegel*. Den Haag, 1714. P. 624.

дельно полно представить знания о природе, в том числе и с помощью созданных человеком приборов, так, чтобы все можно было увидеть своими глазами и потрогать, словно в трехмерной энциклопедии. Необходимо уточнить, что применительно к экспонатам в кунсткамере Петра I термин «редкости» употребляется не в современном значении этого слова, ведь в наши дни редкостями обычно называют случайным образом собранные редкие предметы, не имеющие общей темы, предназначенные для забавы.

В Москве в Оружейной палате хранилась коллекция, которую Петр I унаследовал от отца и деда, основателя династии Романовых. Ее пополнял и сам Петр I. Она включала оружие, седла, короны, украшения, посольские дары и прочие предметы прикладного искусства. Эти случайно собранные вместе драгоценности и диковины он оставил в Москве. Они не соответствовали его новой энциклопедической системе коллекционирования.

Источники указывают на исключительно радикальный разрыв со старой коллекцией в Кремле. Иные версии, подобные той, что петербургская Кунсткамера является продолжением коллекции Оружейной палаты Московского кремля (например, по словам Олега Неверова, оружие и посольские дары все же перевезли в Санкт-Петербург⁷), не подтверждены фактами. Петр так и не перевез старую коллекцию⁸. Она по сей день находится в Оружейной палате Кремля⁹.

Как мы уже говорили, приобретя в январе 1716 г. коллекцию Себы, Петр I столкнулся с нехваткой помещений. Коллекцию Себы, включавшую кроме всего прочего 800 влажных и сухих препаратов, невозможно было разместить в той комнате Летнего дворца, которую отвели под кабинет редкостей. Покупка коллекции Рюйша еще больше обострила ситуацию. Поэтому для крупных амстердамских коллекций сразу начали искать новое помещение. Существовало три варианта: разместить их в новом каменном здании — при этом следовало учитывать то, что его постройка займет несколько лет; временно разместить их в новом деревянном здании, которое можно было построить быстро; или перестроить уже существующее каменное здание так, чтобы оно подходило для коллекций и, возможно, для библиотеки.

7 Неверов О.Я. Из коллекции Петровской Кунсткамеры: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 4; Неверов О.Я. История основных коллекций Кунсткамеры Петра I // Петр I и Голландия: русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / Ред. Н. Копанева, Р. Кистемакер, А. Овербек. СПб., 1997. С. 9–27.

8 Разумеется, есть и исключение. Так, большой медный глобус, хранившийся с 1687 г. в Оружейной палате, в 1751 г. был перевезен в Санкт-Петербург из Москвы из Сухаревой башни, чтобы заменить сгоревший во время пожара в Кунсткамере Готторпский глобус. Описание того, как это происходило см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 7935. Л. 554.

9 Опубликовано несколько выставочных каталогов этой коллекции Оружейной палаты в Москве с интересными вступительными статьями: Schätze aus dem Kreml, Peter der Grosse in Westeuropa. Bremen; München, 1991; Schatten van de tsaar. Hofcultuur van Peter de Grote uit het Kremlin: Tent. cat. Museum Boymans-van Beuningen, Rotterdam. Rotterdam, 1995; См. также: Государственная Оружейная палата Московского Кремля / Под ред. С.К. Богоявленского, Г.А. Новицкого. М., 1954.

Фрагмент плана Петербурга, датированного ок. 1750 г. Выполнен И. Труском (1719–1786) и граверами Гравировальной палаты Академии наук под руководством И.А. Соколова. Вверху слева — сады Летнего дворца. Справа от него — ряд зданий, среди которых и Зимний дворец. Напротив Зимнего дворца — Петропавловская крепость, окруженная водой. Рядом с Зимним дворцом (В) — построенная в форме крепости морская верфь. Напротив, на Васильевском острове (Е) — площадь и здание Двенадцати коллегий, Кунсткамера и бывший дворец царицы Прасковьи Федоровны, где с 1725 г. располагалась Академия наук

В молодом городе каменных зданий было немного, но некоторые из них уже пустовали. В результате волны политических процессов и ряда коррупционных скандалов некоторые представители знати были казнены или отправлены в ссылку, а их имущество конфисковано. Каменные здания, ранее принадлежавшие этим несчастным, ждали нового предназначения.

Эти здания возвышались по обоим берегам Невы. Большая часть первых каменных построек стояла на правом берегу, на стороне Петропавловской крепости. Судя по ранним планам города, предполагалось, что на этом берегу будет его центр. Там же строила свои дома и знать. Однако строительство шло и на левом берегу. Напротив Петропавловской крепости кроме Летнего и Зимнего дворцов располагалась своего рода вторая крепость — укрепления вокруг верфи и пакгаузов Адмиралтейства. Рядом находился большой городской постоялый двор, откуда ежедневно в двенадцать часов дня с балкона второго этажа разносились над рекой торжественные звуки труб¹⁰. На этом же берегу рядом с небольшими

10 *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 53.

деревянными русскими домами стоял каменный домик в голландском стиле, где царь жил зимой.

Территория Петербурга включала не только левый берег с Адмиралтейством, Летним и Зимним дворцами и правый — с домами чиновников высокого и низкого ранга, но и Васильевский остров, омываемый водами Невы и ее рукавов. В 1716 г. Петр I решил построить на этом острове центр города. Ближайший соратник Петра I Александр Меншиков, губернатор Санкт-Петербурга, первым возвел здесь пышный каменный дворец, где Петр I устраивал свои торжества. Дворцы на Васильевском острове построили и некоторые члены царской семьи, например вдова Иоанна V, сводного брата Петра I, царица Прасковья Федоровна. Позднее всех дворян обязали построить себе по дому на этом острове, даже если у них уже имелось жилье в другой части города. Петр, вдохновленный Капитолием в Риме, всерьез взялся за перенос центра на Васильевский остров. Здесь он построил Двенадцать коллегий — здание для министерств, осуществлявших управление страной. И рядом с этим правительственным центром¹¹, перед которым простиралась большой луг, было решено воздвигнуть новый центр знаний — Кунсткамеру¹².

По преданию, Петр выбрал именно это место для Кунсткамеры потому, что там росла сосна с веткой, выросшей полукольцом в ствол, что бывает очень редко. Может быть, его вдохновила другая необычная ветка, в виде Андреевского креста, какую он мог видеть в кабинете редкостей в Оксфорде? Как бы то ни было, Петр выбрал выдающееся место. Кунсткамеру возвели у самой стрелки Васильевского острова, и ее видно издали, когда плывешь вниз по течению Невы.

Вскоре началось проектирование здания Кунсткамеры. Дальний родственник Якова Брюса Питер Генри Брюс (1692–1757) в своих мемуарах писал, что часто ходил в Летний дворец посмотреть, как архитектор Шлютер в присутствии Петра I делал эскизы нескольких проектов: «дворцы, дома, академии, мастерские, типографии и подобного рода здания»¹³. На одной из гравюр 1716 г.

11 Через много лет после смерти Петра I той же самой идеей воспользовались в Америке при строительстве Капитолия в Вашингтоне (округ Колумбия). Это можно заметить, посмотрев на карту Вашингтона. Неподалеку от Белого дома и министерств (сельского хозяйства и здравоохранения) в Национальном музее американской истории, Национальном музее естественной истории, Ботаническом саду и Библиотеке Конгресса собраны все доступные человечеству знания. Все здания окружают большой луг.

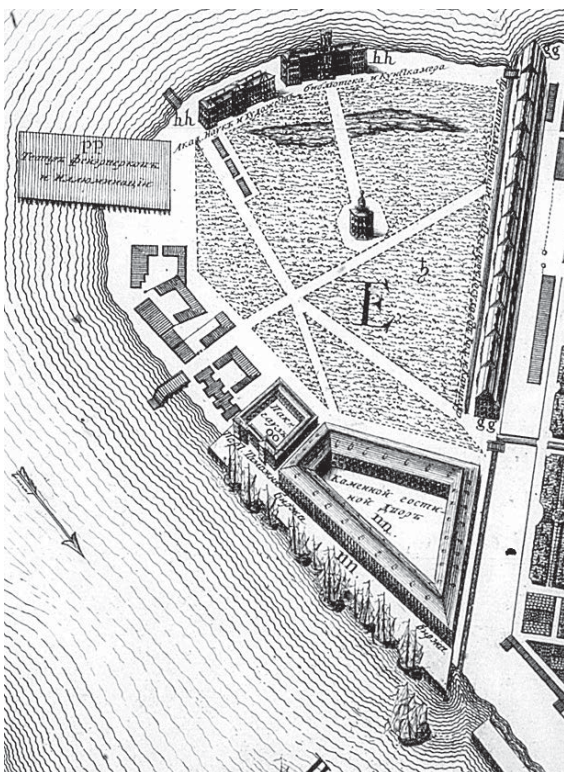
12 Оба комплекса располагались у большого луга, который пересекали несколько пешеходных дорожек. Это видно на плане Петербурга, датированном ок. 1750 г., выполненном И. Трусокотом (1719–1786) и граверами Гравировальной палаты Академии наук под руководством И.А. Соколова. На нем изображены здание Двенадцати коллегий, Кунсткамера и дворец царицы Прасковьи Федоровны, где должна была располагаться Академия наук.

13 *Bruce P.H. Memoirs of Peter Henry Bruce: containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies... as also several very interesting private anecdotes of the Czar, Peter I. of Russia. L., 1782. P. 141–142. Цит. по: Грaбapь И. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб., 1994. С. 55–60.*

Вид на бывший дворец царицы Прасковьи Федоровны, переданный в 1725 г. Академии наук. Фрагмент гравюры Г.А. Качалова по рисунку М.И. Махаева «Проспект вниз по Неве-реке между зимним ее императорского величества домом и Академией наук. Правый берег» 1751–1753 гг.

Стрелка Васильевского острова. Большую лужайку (Е) пересекают несколько пешеходных дорожек, слева сверху, у воды дворец царицы Прасковьи Федоровны (hh) и Кунсткамера (hh) и перпендикулярно к реке здание Двенадцати коллегий (gg), граничащее с большим торговым центром — каменным Гостиным двором (пп). В середине площади домик для размещения Готторпского глобуса.

Фрагмент плана Петербурга, датированного ок. 1750 г. Выполнен И. Трускотом (1719–1786) и граверами Гравировальной палаты Академии наук под руководством И.А. Соколова.

с изображением Васильевского острова Кунсткамера уже присутствует. На гравюре «Панорама Санкт-Петербурга» А. Зубов изобразил посередине трехэтажное здание с высокой центральной башней с фронтонами. Возможно, Зубов использовал для гравюры эскиз Кунсткамеры, одобренный и подписанный Петром, находившимся за границей. Но, несмотря на дату, указанную на гравюре, строительство Кунсткамеры, которое в связи с покупкой в 1716–1717 гг. новых амстердамских коллекций уже нельзя было откладывать, началось только в 1718 г.¹⁴

Письма

Новое здание будет построено еще не скоро, и потому ведавшим Кунсткамерой нужно было найти для нее временное помещение. Переписка помогает проследить, как шло обустройство коллекции. Эту информацию можно почерпнуть из писем Себы, а также Шумахера, Арескина и Блюментроста.

Вид на Кунсткамеру.
Фрагмент гравюры Г.А. Качалова по рисунку М.И. Махаева «Проспект вниз по Неве-реке между зимним ее императорского величества домом и Академией наук. Правый берег» 1751–1753 гг.

14 См.: *Грaбapь И.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках... С. 57.

Прибытие в Петербург коллекции Себы

Когда в сентябре 1716 г. ящики с коллекцией Себы прибыли в Санкт-Петербург, Шумахеру нужно было их где-то разместить. Это оказалось непросто, и поэтому он обратился к князю Меншикову. Шумахер надеялся, что губернатор поможет ему получить для коллекций две комнаты рядом с библиотекой¹⁵ и сетовал, что без этих двух комнат не может начать распаковывать экспонаты, и в конце концов получил желаемое¹⁶.

Позднее Меншиков предоставил Шумахеру еще две комнаты для коллекции рядом с библиотекой¹⁷. Несмотря на походные условия, можно было приняться за консервацию препаратов. Шумахер заменил жидкость в тех препаратах заспиртованных животных, где, по его мнению, это было необходимо. Он забальзамировал сухих препарированных животных, чтобы к возвращению царя все было законсервировано надлежащим образом¹⁸.

Меншиков руководил Канцелярией городских дел и как губернатор Санкт-Петербурга отвечал за размещение коллекции. Строительные материалы и рабочие находились в ведении Алексея Михайловича Черкасского, а в 1720 г. его сменил до этого служивший в его подчинении Ульян Синявин. Как Меншиков, так и Синявин имели хорошее представление о самой коллекции и условиях ее хранения. В 1697–1698 гг. они сопровождали Петра I в Амстердаме и видели коллекцию Фредерика Рюйша — их имена вписаны в Книгу посетителей. Синявин также отослился к избранному кругу тех, кто сопровождал царя в его поездке в Англию¹⁹.

За постройку новых зданий отвечал с момента своего приезда в Петербург в августе 1716 г. французский архитектор Жан-Батист Александр Леблон (1679–1719). В Париже к нему обратился Петер Лефорт и предложил стать преемником Шлютера на должности главного архитектора. После того как в Бад-Пирмонте Леблон был представлен царю и ответил на ряд его вопросов, его приняли на службу²⁰.

21 марта 1717 г. Шумахер сообщил Арескину, что обрадован тем, что Леблон спроектирует здание царской библиотеки и Кунсткамеры. Шумахер надеялся, что архитектор немедленно приступит к работе, так как накануне в Петербург

15 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 17 сентября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 15.

16 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 17 сентября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 43.

17 Возможно, библиотеку поместили в служебные пристройки рядом с Летним дворцом. Изначально там были построены два вытянутых помещения для персонала — одно для женщин, другое для мужчин, в то время подобные постройки было принято возводить при дворцах и больших домах.

18 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 30 октября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 18 об.

19 *Bekker V.B.* Русские посетители анатомического кабинета профессора Рейса в Амстердаме // *Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver.* Rome, 1962. P. 97.

20 *Грабарь И.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках... С. 82.

был доставлен Большой Готторпский глобус. Петр I имел возможность полюбоваться этим глобусом 6 февраля 1713 г. во время визита в Шлезвиг, а позднее ему «подарил» его герцог Готторпский. После отъезда Петра I из Шлезвига представители царя постоянно напоминали герцогу, как обрадовал бы их государя такой подарок, а так как русская армия занимала практически все южное побережье Балтийского моря, то герцогу ничего не оставалось, кроме как удовлетворить желание царя. Было решено доставить глобус в Петербург в сопровождении посла по особым делам.

До места назначения глобус «тянули на санях 800 крестьян и сопровождали 300 драгун, которые по дороге рубили деревья, тем самым прокладывая дорогу»: «Невероятный труд! Надо быть царем, чтобы перевезти таким удивительным способом через всю страну механизм такой грандиозной величины»²¹.

10 мая 1717 г. Шумахеру было ясно, что Леблон все еще не получил заказа на проектирование постоянного здания для библиотеки и коллекций: «Жаль, что книги и кабинет Его Величества останутся в пыли, пока будет строиться дом для глобуса. Строительство дома для глобуса началось, но в нем только 3–4 комнаты, и он из дерева»²².

Таким образом, Леблон пока работал над планами здания, где предполагалось временно разместить коллекцию. Началось строительство только деревянного дома для глобуса, где было всего три-четыре комнаты²³. Шумахер переживал, что из-за отсутствия помещения он все еще не может привести коллекцию в надлежащий вид. Поэтому он посоветовал Арескину взять тот же план, который уже посылал ему ранее, и еще раз заручиться одобрением и подписью царя, или если это будет невозможно, то попросить князя Черкасского поручить архитектору Маттарнови, который, очевидно, уже тоже трудился над чертежами библиотеки и кабинета, продолжить работу. По мнению Шумахаера, возведение Кунсткамеры в Санкт-Петербурге еще больше прославит Арескина, а значит, и царя.

К сожалению, эти письма все же не дают окончательного ответа на вопрос, когда был отдан приказ о создании проекта Кунсткамеры и кто трудился над чертежами. Упомянутый ранее немецкий архитектор Георг Иоганн Маттарнови работал в Петербурге над строительством Кунсткамеры до самой своей смерти

21 «Je suis bien aisé que Mr. Le Blond aura la commission de dresser un dessein de la maison de la bibliotheque et du kabinet de S.M. et j'espère qu'on y tardera plus, parceque le grand globe de Gortorpe est arrivé hier icy heureusement ayant été mit sur deux trainaux tiré par 800 paysans et escorté par 300 dragons qui coupoient les bois et faisoient le chemin par devant un travail incroyable! Et il faut être Czar pour faire enmener par terre une machine d'une grandeur si prodigieuse que celle cy». Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 21 марта 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 45.

22 «C'est dommage de ce laissez ainsi dans la poussière jusqu'à ce qu'on va bâttir une maison pour le globe, les livres et le cabinet de S.M. expres. On commence bien a bâttir une maison pour le globe mais le 3. ou 4. chambres et de bois». Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 10 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 49 об. — 50.

23 Там же.

в 1719 г.²⁴ Он приехал в Россию в 1714 г. и был тогда еще начинающим архитектором. В том же году он закончил строительство в Летнем саду павильона «Грот» по проекту Андреаса Шлютера. В отличие от Г. Маттарнови А. Шлютер был опытным зодчим. До приезда в Петербург он занимался завершением строительства замка курфюрста Бранденбургского в Берлине, где также находились библиотека, кунсткамера и коллекция монет и медалей. Петр I несколько раз посещал Берлин и этот замок, был знаком с работой Шлютера и мог обсуждать с ним планы строительства своей Кунсткамеры. Н.В. Калязина (1930–2000) разделяла точку зрения И.Э. Грабаря, который полагал, что заказчик, то есть Петр I, лично участвовал в проектировании здания²⁵. Грабарь считал, что Маттарнови, который по приезде в Петербург начал работать в мастерской Шлютера, после смерти последнего использовал его чертежи Кунсткамеры²⁶. Это подтверждает письмо Шумахера, в котором он пишет Арескину, что Петр уже получил проект (очевидно, он имел в виду проект Шлютера). Это также согласуется с предложением, которое Шумахер сделал Арескину: подписать у царя тот же план или поручить Маттарнови продолжать работать над чертежами.

Строительство началось в 1718 г., для чего на участке, где Петр I решил построить здание Кунсткамеры, предварительно снесли стоявшие там мельницы²⁷.

Помещение для коллекции Рюйша

С прибытием в Санкт-Петербург коллекции Рюйша проблема нехватки свободных помещений встала особенно остро. 22 июля 1718 г. царю сообщили, что в Петербург прибыл корабль под командованием капитана Яна Питерса Веттевогела с частью коллекции Рюйша на борту. В то время царь находился в Ревеле, где его сопровождали Лаврентий Блюментрост и Роберт Арескин. Блюментрост написал Шумахеру, что царь повелел сенатору Петру Толстому освободить конфискованный дом казенного в 1718 г. дворянина Александра Кикина (Кикины палаты), чтобы раз-

24 Как уже отмечалось, после смерти А. Шлютера работу над строительством Кунсткамеры возглавил архитектор Георг Иоганн Маттарнови. После его смерти строительство продолжил Николай Фридрих Гербель, который с 1719 г. до самой своей смерти в 1724 г. работал в Санкт-Петербурге. Его подхватил итальянский архитектор Гаэтано Киавери (1689–1770). Этот архитектор, который с 1718 г. работал в России, умер не в Петербурге, а в Варшаве, куда он отбыл до наступления 1727 г. Наконец, здание для кабинета редкостей и библиотеки было закончено русским архитектором Михаилом Земцовым (1684–1743). Он обучался сначала в гравюрной мастерской Оружейной палаты в Москве, а после этого в Петербурге стал учеником Доменико Трезини. См.: *Воронихина А.Н., Калязина Н.В., Коршунова М.Ф., Петрова Т.А.* Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века. Собрание Эрмитажа: Научный каталог. Л., 1981. С. 42.

25 *Калязина Н.В.* К истории здания Петровской Кунсткамеры // *Петр и Голландия: русско-голландские научные и культурные связи в эпоху Петра Великого* / Ред. Н.П. Копанева, Р. Кистемакер, А. Овербек. СПб., 1997. С. 58–65.

26 *Грабарь И.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках... С. 57, 59.

27 *Луттов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 108.

местить там прибывшую половину коллекции Рюйша. Толстому также было поручено обеспечить Шумахера «всеми необходимым для ремонта здания, как, например, печами, окнами и прочими вещами, в том количестве, какое ему потребуется»²⁸.

Четырьмя днями позже, 26 июля 1718 г., и Арескин сообщил Шумахеру, что коллекцию по прибытии в Петербург следует разместить в доме Кикина и что все необходимое предоставит ему Толстой²⁹. Шумахер очень обрадовался письму Блюментроста, которое помогло ему выйти из затруднительного положения. Он сразу сообщил, что Толстой неукоснительно исполнил приказы царя, и пообещал, что как только комнаты в Кикиных палатах будут готовы, он перенесет туда коллекцию³⁰. Этот ответ Шумахера Блюментрост получил уже 8 августа 1718 г. Из Хоннегута Блюментрост написал Шумахеру, что Арескин просит разместить в Кикиных палатах не только коллекцию Рюйша, но и все то, что хранится в Летнем дворце царя³¹.

Дом Кикина, или Кикины палаты, был расположен к востоку от центра города, выше по течению Невы, чем Летний сад и Летний дворец. Кикины палаты пустовали с 1716 г. Бывший владделец, Александр Кикин, в составе Великого посольства 1697–1698 гг. сопровождал Петра I в Голландию. В 1715 г. Кикина арестовали за злоупотребление служебным положением, однако царь его помиловал. Дружба с сыном Петра I Алексеем (1690–1718) привела к тому, что Кикин оказался вовлечен в дело царевича. В 1716 г. он помог Алексею бежать из страны. По окончании судебного процесса в марте 1718 г. Кикина колесовали, а его имущество было конфисковано. Кикины палаты пустовали более двух лет к тому моменту, когда там поместили коллекцию Кунсткамеры.

15 августа 1718 г. Шумахер написал Арескину, что перенес коллекцию Рюйша в Кикины палаты, однако в здании все еще не была закончена установка окон, дверей и печей. Он жаловался, что работа продвигается очень медленно, следил за тем, чтобы экспонаты не были повреждены дождем или другими неблагоприятными погодными условиями³², однако отказывался — вежливо, но решительно — подвергнуть таким суровым испытаниям еще и коллекцию из Летнего дворца царя. В своем более позднем письме Арескину Шумахер повторил, что охотно выполнит его указание, ранее переданное Блюментростом, перенести все редкости из Летнего дворца Петра I в Кикины палаты, но только тогда, когда комнаты будут пригодны для размещения там экспонатов³³.

28 Письмо Л. Блюментрост И.Д. Шумахеру. 22 июля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 69–69 об.

29 Письмо Р. Арескина И.Д. Шумахеру. 26 июля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 5–6.

30 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 28 июля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 99.

31 Письмо Л. Блюментрост И.Д. Шумахеру. 8 августа 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 3–4.

32 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 15 августа 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 101.

33 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 21 августа 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 101 об.

Б. КОЛЛЕКЦИИ

Систематизация собрания Кунсткамеры. Кто заведовал коллекциями?

Шумахер занимал должность библиотекаря царской библиотеки и практически заведовал царскими коллекциями, так как директор Кунсткамеры Арескин редко бывал в Петербурге и полагался в данном вопросе на своего секретаря. Это означало, что Шумахеру следовало серьезно изучить принципы устройства библиотек и коллекций. Можно было пересчитать по пальцам петербургских коллекционеров, собрания которых он мог бы взять за образец. Отсутствие достойных примеров компенсировало наличие в библиотеке Арескина богатого выбора литературы о коллекциях и коллекционерах. Названия этих книг поразительным образом совпадают с теми, которые современный нидерландский искусствовед Ян ван дер Ваалис выявил в библиотеках нидерландских коллекционеров того времени. В Нидерландах книги о коллекциях также играли роль инструментария, с помощью которого коллекционеры расставляли экспонаты по определенному принципу³⁴. Книги и коллекции были настолько неотделимы друг от друга, что Себа отправил в Петербург несколько книг о *натуралиях* вместе со своей коллекцией³⁵.

В том же году, когда Шумахер систематизировал собрание Кунсткамеры, он завершил каталог библиотеки Арескина³⁶. Этот каталог сохранился до наших дней, и благодаря ему мы знаем, что в распоряжении Шумахера с самого начала была лучшая на тот момент книга о коллекционировании — руководство для коллекционеров Иоганна Даниэля Майора, которое вошло в книгу Михаэля Валентины (1694–1728) «*Museum museorum*». Книга Валентины была издана во Франкфурте в 1704 г. Библиотека Арескина помимо теоретического труда Майора содержала также книги, посвященные конкретным собраниям редкостей, например описание коллекции «*Museaeum Celeberrimum*» немецкого иезуита Афанасия Кирхера (1602–1680), изданное в Амстердаме издательством «Янсониус-Вайсбергиана» («*Janssonius-Waesbergiana*») в 1678 г.³⁷ В этом каталоге коллекции Кирхера,

34 *Waals J. van der. Met boek en plaat. Het boeken- en atlasbezit van verzamelaars // De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt en R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 205–231, 210.* Симон Схейнвут был единственным, кто все еще разделял экспонаты своей коллекции на четыре классические категории: земля, вода, воздух и огонь. Остальные собиратели систематизировали свои коллекции, опираясь на описания других кабинетов. См.: *Ibid.* P. 221.

35 См.: Приложение II. Список коллекции Себы, составлен в Санкт-Петербурге в 1716 г. номера 122–130. Л. 16 об.

36 Каталог библиотеки Арескина (2322 названия книг, опубликованных в период с 1476 по 1717 г.) — первый известный нам каталог библиотеки, составленный в России. См.: СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 214 а. Л. 1–59 об. О библиотеке Р. Арескина см.: *Лебедева И.Н. Лейбмедик Петра I Роберт Арескин и его библиотека // Русские библиотеки и их читатель / Под ред. Б.Б. Пиотровского и С.П. Луппова. Л., 1983. С. 98–105.*

37 Экземпляр из библиотеки Арескина в настоящее время находится в Библиотеке Российской академии наук. В нем можно найти старейший штамп коллекции Академии наук и экслибрис Арескина «*Je pense plus*» — «Я больше думаю».

опубликованном Джорджио де Сепи, среди прочего описан желчный камень его коллеги-иезуита весом в килограмм, а также несколько вечных двигателей, «волшебных фонарей» и алхимический печей. Кирхер собирал научные и математические инструменты, *артифициалии*, такие как античные скульптуры, часы, глобусы, оружие, музыкальные инструменты, египетские артефакты, предметы культуры и быта (народов Китая, Японии, Африки, Индии и Америки), а также *натуралии*.

В библиотеке Арескина был каталог выдающегося собирателя натуралий Неемии Грю (1641–1712). Н. Грю составил каталог коллекции Лондонского королевского общества «*Musaeum Regalis Societas*» (Лондон, 1681). Коллекция, экспонировавшаяся в Грешем-колледже, содержала в основном натуралии. Грю задался целью составить каталог всего, что встречается в природе. В основном он стремился собирать предметы «не только странные и редкие, но и наиболее известные и обычные у нас»³⁸. И тем не менее его коллекция также содержала коробку с сотней изготовленных на токарном станке деревянных чашечек, которые вставлялись одна в другую, и ветку дерева, повторявшую по форме Андреевский крест. Составляя каталог, Неемия Грю использовал классификацию датского врача и коллекционера Оле Ворма (1588–1654)³⁹.

I. Животные

1. Редкости, относящиеся к человеку
<...> кожа мавра, <...> желчный пузырь д-ра Сваммердама и селезенка <...>
2. Четвероногие
<...> обезьяна, <...> молодой тигр, собачий желчный камень, челюсть бегемота <...>
3. Змеи
4. Птицы, а также яйца
5. Рыбий гребень с головы русалки, рог морского единорога, кость кита, лягушка, превращающаяся в рыбу
6. Раковины
7. Насекомые

II. Растения

1. Деревья 2. Кустарники. 3. Саженьцы. 4. Мхи; грибы

III. Ископаемые

1. Окаменелости
2. Металлы
3. Минералы

IV. Артифициалии

1. Инструменты математические и для естественно-научных исследований
2. Модели кораблей, например корабль с двойным дном
3. Оружие, например томагавк

³⁸ «...not only things strange and rare, but the most known and common amongst us». Цит. по: The age of the marvellous. Hanover, 1991. P. 245.

³⁹ Ibid. P. 184.

Детская рука, украшенная кружевным манжетом, держит глаз.
Препарат Фр. Рюйша. Фото Розамонд Пёрселл.
Анатомический Музеум, Лейден

Препарат Фр. Рюйша. Нёбо и часть языка крупного млекопитающего, возможно, льва, до и после реставрации. Санкт-Петербург, 2002.
МАЭ РАН. 4070-264

Препарат Фр. Рюйша. Стенка пузыря, до и после реставрации. Санкт-Петербург, 2002.
МАЭ РАН. 4070-575

Летом 2002 г. сотрудник музея Утрехтского университета Вим Мюлдер и Анна Борисовна Радзюн провели консервацию 70 препаратов Рюйша.
Фото Вима Мюлдера.
МАЭ РАН

Обезьянка с орехом; с зеленым украшением на крышке банки.
Препарат Фр. Рюйша.
Акварель.
СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 719

Обезьянка с большими глазами; в руках держит рыбу с зеленым украшением на крышке банки.
Препарат Фр. Рюйша.
Акварель Максима Рыкова. 1752.
СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 720

В приложение II «Альберта Себы собрание натуральных вещей» перечисляется множество змей.

Акварель.

СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 661

Крокодилёчик, вылупившийся из яйца.
Приложение II. Альберта Себы собрание
натуральных вещей. Насекомые. № 66.
Акварель.

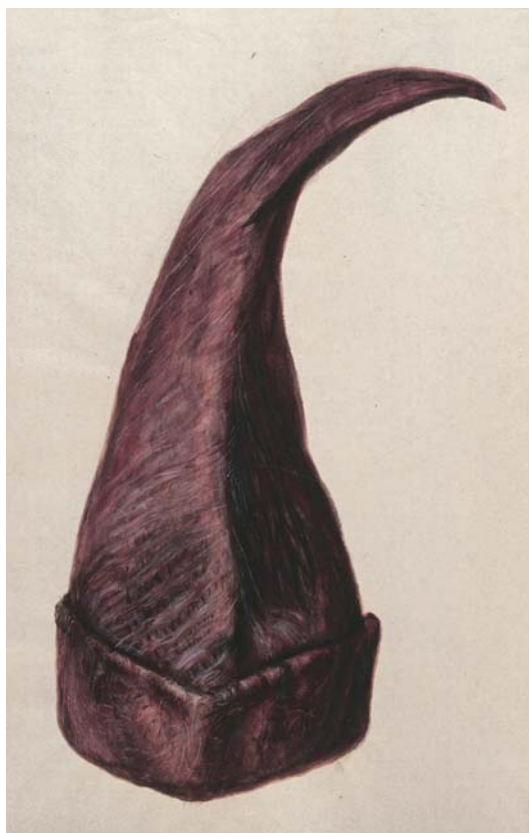
СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 715

Крокодилёчик в сосуде с красным укра-
шением на крышке, препарат А. Себы.
Приложение II. Альберта Себы собрание
натуральных вещей. Насекомые. № 66.
Два больших амбонских долгоносика,
геккон из Ост-Индии, 1 крокодил, 3 ново-
рожденных крокодилёчика, вылупи-
вшихся из яиц, две зеленые ящерицы из
Константинополя.

Акварель Максима Рыкова. 1749.

СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 718

Приложение II. Альберта Себы собрание натуральных вещей. Разное. № 8: «2 шутовских колпака, естественным образом выросших на кокосовой пальме».

Акварель, ок. 1730.

СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 412.

См. также: Seba A. Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam. Amsterdam, 1734. Pl. I. Tab. III

Шкатулка из слоновой кости. Резьба по кости: Адам и Ева с яблоком.

Акварель, ок. 1730.

Приложение II. Альберта Себы собрание натуральных вещей. Разное, № 10. Маленький резной кабинет из слоновой кости, который содержит 24 китайских резных фигурки ползающих детей, выполненных из мыльного камня.

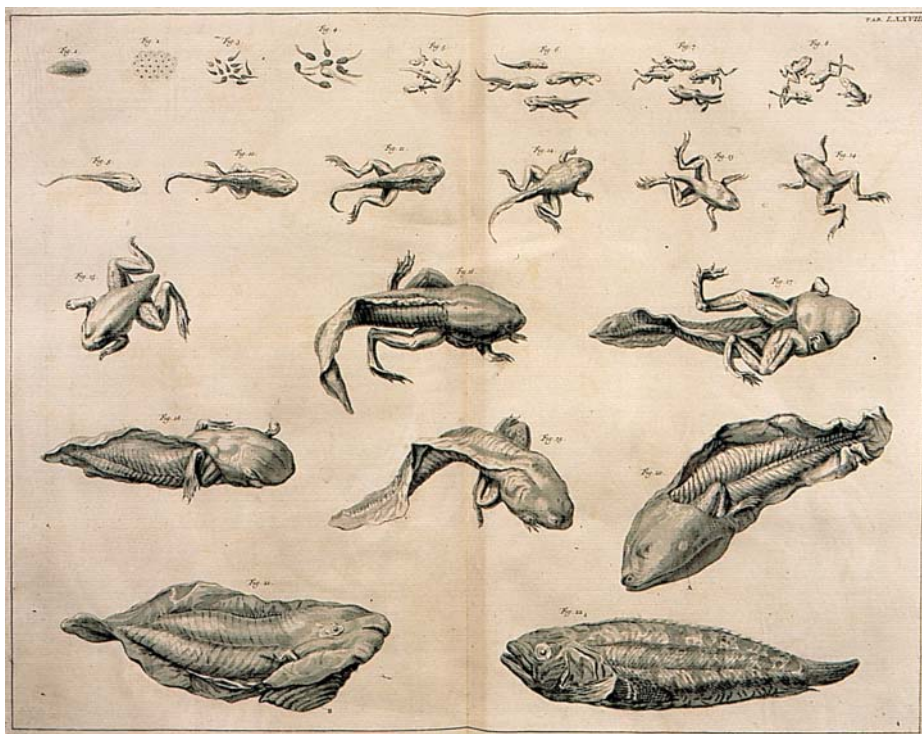
ГЭ. № ЭРР 7081

«Кошка с одной головой, восемью лапами и двумя хвостами из Ост-Индии». Приложение II. Альберта Себы собрание натуральных вещей. Анималии. Влажные препараты. № 48. Акварель, 1751.

СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 591.

Препарат находится в МАЭ РАН. № 4901-14

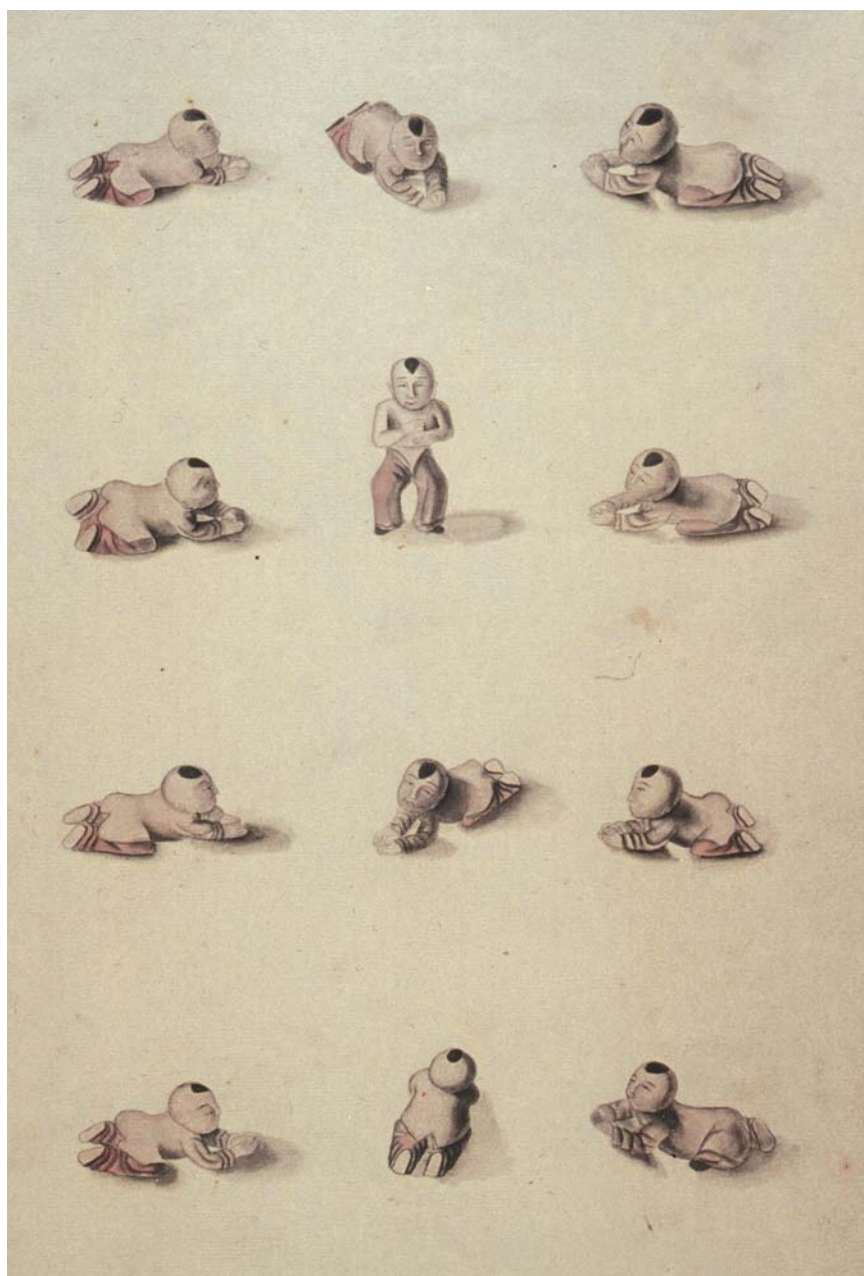
Метаморфоза лягушки в рыбу. Seba A. Naaukeurige beschrijving, dl. I, tab. LXXVIII. Себа А. «Перечень экспонатов». Анималии. Влажные препараты, № 160-165

Фигурки японских детей. Приложение II. Альберта Себы собрание натуральных вещей. Разное. № 11. 24 фигурки японских детей, очень редкие, выполнены из неизвестного японского материала (?).

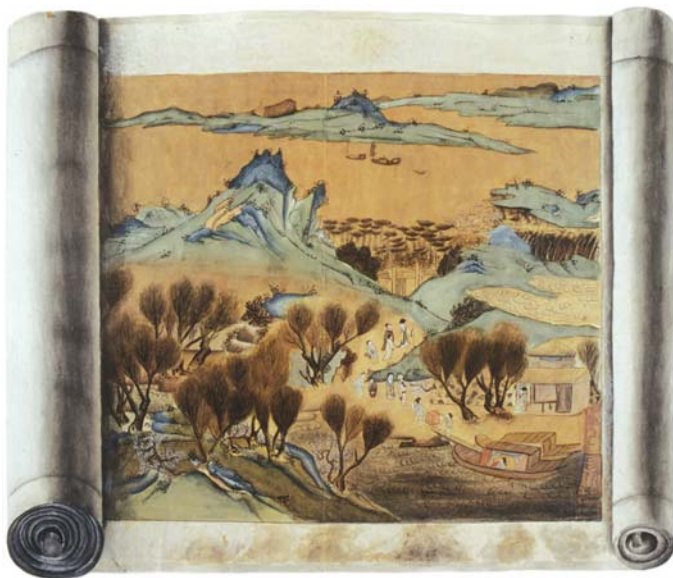
Акварель.

СПФ АРАН. Р. IX. ОП. 4. Д. 245

24 китайских резных фигурки ползающих детей, выполненных из мыльного камня. Приложение II. Альберта Себы собрание натуральных вещей. Разное. № 10: «Маленький резной кабинет из слоновой кости, который содержит 24 китайских резных фигурки ползающих детей, выполненных из мыльного камня» (?). Акварель М. Махаева. 1736.

СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 48

Китайский пейзаж, на свитке.
Приложение II. Альберта Себы собрание натуральных вещей.
Разное. № 92. Японская картина с изображением охоты знатного
господина, очень изящно написанная и свернутая в свиток.
Акварель.
СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 153

Изображение охоты на тигра на таком же свитке, что и пейзаж.
Приложение II. Альберта Себы собрание натуральных вещей.
Разное. № 92. Японская картина с изображением охоты знатного
господина, очень изящно написанная и свернутая в свиток.
Акварель.
СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 154

Быть может, где-то в Эрмитаже еще будет найдено это настольное украшение из коралла, металла и позолоченного серебра, изображающее суд царя Соломона и замок царя Соломона..

А. Себа его несомненно упаковал: см. приложение II «Альберта Себы собрание натуральных вещей». Разное. № 108: «Японский кабинет с замком из кроваво-красного коралла на скале с различными фигурками, воспроизводящими сцену суда царя Соломона, все очень искусно вырезано».

Оно описано также в МПР. Vol. II. Pars I. P. 88. № 64: «Iudicium Salomonis ex corallio elegantissime sectum et in arca Indica adservatum» [«Суд Соломона, изящнейше вырезанный из коралла и хранящийся в индийском ящичке»].

Эта акварель была передана из Кунсткамеры в Эрмитаж (инв. № ЭРР-7769), само украшение тоже могло быть там

«Ново изобретенный костюм для плавания»: Приложение II. Альберта Себы собрание натуральных вещей. Разное. № 57. Акварель, ок. 1730.

СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 479.

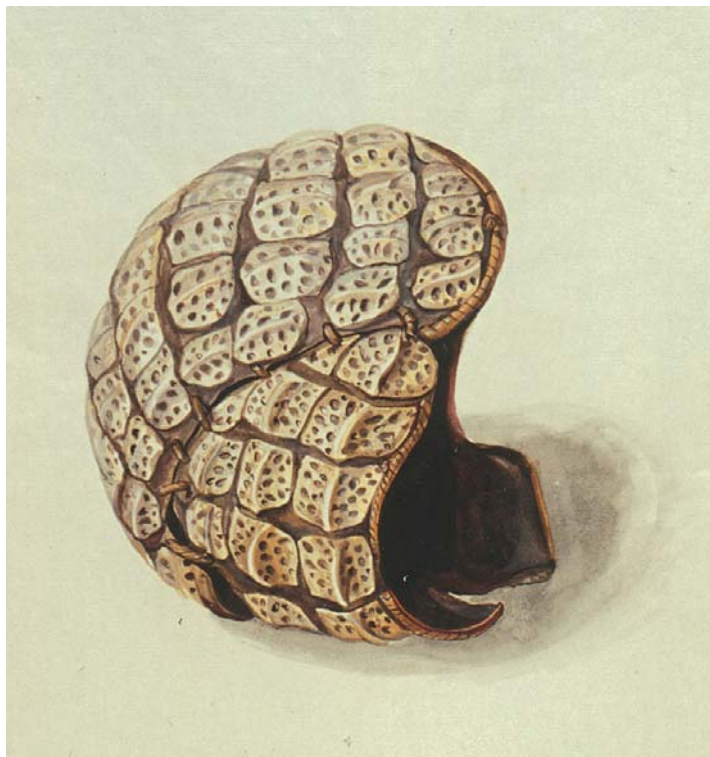
На этом рисунке в левом нижнем углу надпись: «Scrin IX, n.1'». Выше карандашом: «Mus. Petr. p. 94'».

Берт ван де Румер сверил с каталогом MIP Vol. II. Pars. I. P. 94. № 1, где написано: «Thorax cum braccis, subere effultus, ad natandum artus» («Нагрудный жилет со штанами, на основе пробкового дерева, предназначенный для плавания»).

NB: В моей книге «Петр I и его амстердамские друзья» (1996) этот предмет назван «костюмом Петра I (!)»

«Красивый ост-индский красный деревянный кабинет для заспиртованных животных». Приложение II. Альберта Себы собрание натуральных вещей. Разное. № 12 (?). Акварель М. Махаева. 1737 г.
СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 88

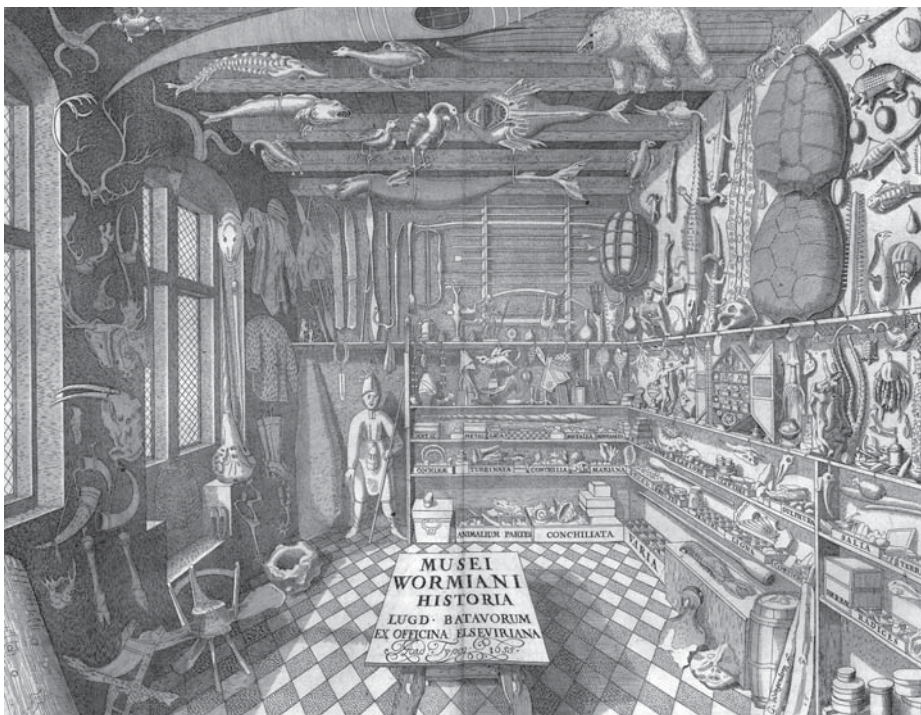
Шлем с о-ва Серам из черепаших панцирей. Приложение II. Альберта Себы собрание натуральных вещей. Разное. № 28. Акварель, ок. 1730.
СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 381

Трамбовки для табака в трубке.
 Приложение II. Альберта Себы собрание
 натуральных вещей. Разное:
 № 41. две пары рогов мускусной косули
 из Тонкина.
 № 42. два рога горного козла.
 № 43. два маленьких рога горного козла
 из Эльмины
 Акварель, 1730.
 ГЭ. № ЭРР 7135

Шкатулка слоновой кости с лежащими
 рядом рогами, копытами и зубами.
 См. приложение I. Артификалии: № 1,
 3, 4 и 5

Оле Ворм коллекционировал разные виды предметов, которые можно найти и в Кунсткамере. Ворм не верил в существование единорога. Слева у окна стоит «единорог» с черепом нарвала.

Фронтиспис к книге «Musei Wormiani Historia».

Библиотека Амстердамского университета

Описание знаменитого кабинета редкостей «Musaeum Rerum rariorum», выполненное Оле Вормом, было опубликовано в 1655 г. в Лейдене. Этот труд также был представлен в библиотеке Арескина [folio 11, № 39]. Когда в 1654 г. Оле Ворм умер, его семья, унаследовав коллекцию, подарила ее королю Дании Фредерику III (1609–1670), который разместил собрание в королевском дворце в Копенгагене⁴⁰. В 1680 г. датская кунсткамера, в которую вошла коллекция Ворма, была перенесена из королевского дворца в специально приспособленное для нее здание. В 1687 г. датский король Кристиан V (1646–1699) отдал распоряжение Хольгеру Якобсену (1650–1701) создать полный каталог кунсткамеры. Каталог был издан в формате in folio и содержал 37 прекрасных иллюстраций⁴¹. Некоторые из них

⁴⁰ Gottorf im Glanz des Barock. Kunst und Kultur am Schleswiger Hof 1544–1713... Schleswig, 1997. Dl. II. S. 12.

⁴¹ Nissen C. Die zoologische Buchillustration: Ihre Bibliographie und Geschichte. Stuttgart, 1978. S. 156.

вошли в каталог «Musaeum regium», который был напечатан в 1696 г. В 1710 г. он был переиздан, и в него были включены новые гравюры. В библиотеке Арескина был экземпляр и этой книги.

В коллекции А. Себы И.Д. Шумахер обнаружил большое количество птиц. Он мог сверить их по «Ornithology» Уиллоби (Лондон, 1688). Четвероногих, змей, насекомых, морских животных и птиц он мог найти в принадлежавшем Арескину экземпляре шеститомника «Historia naturalis animalium» Йонстона. Эта книга была написана на латыни и вышла в издательстве Я.Я. Схиппера в Амстердаме в 1657 г. В 1716 г. вместе с коллекцией Себы в Петербург был доставлен один из томов этого труда Йонстона, посвященный птицам и насекомым⁴².

В библиотеке Арескина был также экземпляр книги «Natural history of Jamaica» (Лондон, 1707)⁴³ Ханса Слоуна, который впоследствии стал председателем Лондонского Королевского общества. Арескин обладал лишь несколькими томами труда Альдрованди, однако вместе с коллекцией Себы в Петербург прибыло его полное издание. На обороте листа 10 под номером 31 написано: «Petiver Jac 1702 London». Якобус Петивер описал свою коллекцию анималий, окаменелостей и прочих объектов в нескольких томах «Musei Petiveriani centuria prima... rariota naturae» (Лондон, 1695–1703). Кроме того, нам встретилось такое известное название, как «D'Amboinsche Rariteitenkamer» (Амстердам, 1705) Георга Эберхарда Румфа (1627–1702).

Каталог библиотеки Арескина

В октябре 1716 г. Шумахер завершил систематизацию библиотеки Арескина. Он писал: «Я составил два каталога библиотеки Вашего Превосходительства: один по темам, другой по алфавиту»⁴⁴.

На первых четырнадцати страницах каталога (с 1 по 7 лист) представлен алфавитный указатель книг (с А по W) на английском языке⁴⁵. Далее следуют книги на голландском, французском, немецком и латыни. Однако названия этих книг расположены не в алфавитном порядке.

Алфавитный каталог

Р. Арескин, вероятно, утратил алфавитный каталог неанглоязычных книг. Он попросил Шумахера выслать ему «le catalogue alphabétique», так как подозревал, что

42 Приложение II. Разное № 125.

43 Издание на латинском языке вышло в 1696 г.

44 «J'ay fait deux catalogues sur la bibliotheque de Votre Excellence l'un des matieres et l'autre d'alphabet». Также Шумахер описывал книги в соответствии с их форматом, как это было принято в то время.

45 Названия книг пронумерованы от № 1 до № 247. Некоторые наименования встречаются дважды, например, классический труд Юлия Цезаря «Commentaries of his wars in Gaul, and civil war with Pompey» (Лондон, 1705; перевод Мартина Бладена), который помещен в каталоге как под буквой С: (№ 34) Caesar Julius, — так и под буквой J: (№ 120) Julius Caesar.

царь с места военных действий в Северной Германии сразу может отправиться в Голландию. 30 октября 1716 г., пока Шумахер работал в Санкт-Петербурге, Арескин все еще сопровождал царя в его военном походе. Возможно, Шумахер, не сделав копии, отослал оригинал алфавитного каталога, оставив у себя его часть с англоязычными названиями. Он воспользовался случаем и попросил Арескина пополнить библиотеку во время пребывания в Голландии. Для этого ему не требовался англоязычный каталог, так как купить книги на английском языке в Амстердаме и Париже в то время было практически невозможно. Шумахер написал Арескину, чтобы тот не забыл «приобрести том III “d’Atlas Historique”⁴⁶, в котором говорится о России и Швеции и который отсутствовал в библиотеке. А также “Moskovii Polyhistoris” части I и II»⁴⁷.

Шумахер вручил каталог секретарю-ассессору П.В. Курбатову⁴⁸. Узнав 30 ноября, что Арескин действительно отправился из Копенгагена в Голландию, Шумахер отправил ему письмо, которое тот должен был передать в Амстердаме Себе⁴⁹.

Тематический каталог

В тематическом каталоге книги были разбиты на несколько рубрик, а внутри рубрик делились по формату:

[л. 8]	Книги по медицине <i>folio</i>	61 ед.
[л. 10]	Физиология <i>folio</i>	49 ед.
[л. 11 об.]	Книги по медицине и физиологии <i>quarto</i>	276 ед.
[л. 18]	Книги по медицине и физиологии <i>octavo</i> и <i>duodecimo</i>	631 ед.
[л. 33]	Философия, История и Филология <i>folio</i>	182 ед.
[л. 37 об.]	Теология <i>folio</i>	12 ед.
[л. 38]	Теология <i>quarto</i>	326 ед.
[л. 46]	Философия, История и Филология <i>octavo</i> и <i>duodecimo</i>	498 ед.
[л. 58 об.]	Теология <i>octavo</i> и <i>duodecimo</i>	45 ед.
	общее количество названий	2080 ед.

Таким образом, в библиотеке Арескина было чуть больше 2000 названий книг. По голландским меркам это считалось большим собранием. Ян ван дер Ваалс

46 Mr. C. [= Henri Abraham Chatelain]. Atlas historique, ou nouvelle introduction à l’histoire, à la chronologie & à la géographie ancienne & moderne: représentée dans de nouvelles cartes, ou l’on remarque l’établissement des états & empires du monde, leur durée, leur chute, & leurs differens gouvernemens: la chronologie des consuls Romains, des papes, des empereurs, des rois... 7 v. Amsterdam, 1705–1720. V. III (1708). Ромейн де Хоог (ч. II) и Я. Схейнфут (ч. IV) оформили титульные листы этого издания.

47 Письмо Р. Арескина И.Д. Шумахеру. 30 октября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 18 об.

48 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 9 ноября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 19 об.

49 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 30 ноября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 20 об.

исследовал библиотеки голландских коллекционеров, и они насчитывали от 250 до 2500 экземпляров. По объему библиотека Арескина чуть-чуть не достигает верхней границы⁵⁰.

Во время книги было принято разделять по форматам. Следовал ли Шумахер общепринятой практике, составляя тематический каталог? Небольшое исследование показывает, что натуралист Конрад Геснер, систематизируя свою библиотеку по рубрикам, поместил медицину на предпоследнее место, а теологию — совсем внизу. Философ и библиотекарь Лейбниц начал свой каталог именно с теологии, а медицину поместил на третье место. Очевидно, что тогда еще не было общепринятой системы классификации. Рубрика «Книги по медицине» была представлена у Арескина полнее всего: 276 единиц quarto, 631 octavo и duodecimo, 110 единиц folio — итого 1017 книг. Однако это не вызвало у Шумахера желания разбить ее на части, как, например, это сделал Лейбниц, выделивший такие подразделы, как гигиена, патология, фармацевтика и хирургия⁵¹.

Аптекарский сад

Шумахер также продолжал прилагать усилия, чтобы привести в порядок петербургский сад Арескина⁵². Библиотекарь считал, что для хорошего результата им «необходим садовник, отлично разбирающийся в своем деле»⁵³. Без этого «они могут выбросить деньги на ветер. Посадить деревья, например плодовые, довольно легко, но за апельсиновыми деревьями и прочей экзотикой, которую господин Пфайль» ему порекомендовал, он «не знал, куда обратиться»⁵⁴. Кроме того, уже начали расширять пруд. «Все работы должны быть покрыты за счет доходов с земли, которые в этом первом году не будут большими»⁵⁵. Шумахер также имел представление о финансовых делах Арескина, так как месяц спустя сообщил ему, что доходов с земли все же хватит, чтобы покрыть расходы по обустройству медицинского сада, который мог бы доставить удовольствие Арескину и принести славу, если его правильно разбить⁵⁶.

50 *Waal J. van der*. Met boek en plaat. Het boeken- en atlassenbezit van verzamelaars... P. 207.

51 *Schulte-Albert H.G.* Leibniz's plans for a world encyclopaedia system. Thesis Case Western Reserve University. 1972. P. 200, 204.

52 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 23 августа 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 53 об. В те ранние годы в Санкт-Петербурге работало немало голландских садовников. Они спроектировали и разбили для Петра Летний сад и сад в Старых Дубках, сад в Саарской Мызе (ныне — Царское Село), сады для его супруги Екатерины, для графа Головкина, Меншикова и многих других, кто следовал примеру царя.

53 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 10 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 49 об. — 50.

54 Там же.

55 Тот, кто находился на царской службе, в качестве вознаграждения за труды получал во владение землю с крепостными крестьянами. О каком месте идет речь в данном случае, автору неизвестно.

56 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 3 июня 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 51.

Речь идет о двух садах — *jardin Apothecaire*, петербургском Аптекарском саде, или Аптекарском огороде, который был разбит на Аптекарском острове, и о саде лекарственных растений Арескина. Финансирование Аптекарского сада велось за счет средств казны (их должна была выделить Канцелярия), а финансирование второго сада — за счет частных средств, доходов от земли Арескина.

Уже 11 февраля 1714 г. Арескин поставил свою подпись под указом Петра, предписывавшим разбить в Петербурге ботанический сад. В 1713 г. для этого уже приобрели участок земли⁵⁷. На карте Хомана 1716–1718 гг. сад уже изображен⁵⁸. Это был сад, который Шумахер назвал Аптекарским. Шумахер работал над его проектом. Он послал план Арескину, чтобы тот его оценил, и просил в случае согласия дать поручение Канцелярии выдать необходимые для устройства сада средства. Шумахер сообщал Арескину, что уже показал план сада «английским господам, которым он понравился»⁵⁹. Об этих англичанах мы подробнее расскажем ниже.

Интерес к ботанике, который Арескин проявлял сначала в Москве, а затем и в Санкт-Петербурге, полностью соответствовал той тесной связи, которая в XVII в. существовала между ботаникой и различными отраслями медицины, например в Нидерландах. То, что Арескин интересовался ботаникой, следует из составленного им в 1709 г. каталога растений окрестностей Москвы «*Catalogus plantarum circa Moscoviam crescentium, anno 1709*». Этот каталог сохранился до наших дней. В библиотеке Арескина имелись книги о растениях. Многие из них были изданы в Нидерландах, в том числе исследования Х.А. ван Реде тот Дракенстейна «*Hortus Indicus Malabaricus*» (Амстердам, 1687) и Каспара Коммелина «*Praeludia botanica ad publicas plantarum exoticarum demonstrationes*» (Лейден, 1703). Коммелин собрал в этом издании свои лекции за 1702 г. по классификации редких экзотических растений⁶⁰. В библиотеке Арескина была также книга Коммелина, посвященная амстердамскому *Hortus Medicus*: «*Horti Medici Amstelodam... planta rariores et exotica*» (Лейден, 1706)⁶¹.

Пока Арескин был в отъезде, Шумахер отдал в переплет все книги, которые тот прислал из Германии, а также те, что уже стояли в шкафах. Шумахер писал, что Арескин по возвращении не узнает ни свой дом, ни свою библиотеку, ни свой кабинет. Все стало иным, и Шумахер надеялся на благодарность Арескина. Шумахер писал, что, внося улучшения, он опирался не на собственную фантазию, а на вкусы ранее упоминавшихся англичан и в особенности на мнение Брауна,

57 Appleby J.H. Robert Erskine-Scottish pioneer of Russian natural history... P. 380.

58 Сад есть и на карте, начерченной чиновником Л.Н. Протасовым в мае 1714 г. См.: *Базарова Т.А. Планы-реконструкции петровского Петербурга: общий обзор // Петровское время в лицах: Мат-лы науч. конф. / Гос. Эрмитаж; ред. Г.В. Вилинбахов и др. СПб., 2004. С. 55.*

59 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 3 июня 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 51.

60 *Wijnands D.O., Zevenhuizen E.J.A., Heniger J. Een sieraad voor de stad. De Amsterdamse Hortus Botanicus 1638–1993. Amsterdam, 1994. P. 83.*

61 СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 214 а. Л. 17 об. № 275, 276.

который проживал вместе с женой в Санкт-Петербурге и специально просил Шумахера передать поклон Арескину⁶².

Таким образом, благодаря различным печатным изданиям Иоганн Даниэль Шумахер хорошо подготовился к тому, чтобы со знанием дела приступить к классификации петербургских коллекций. Однако свои знания он черпал не только из книг. Он советовался со своим начальником Арескиным и его друзьями, которых он называл английскими господами: с неким капитаном Брауном и тремя ранее упомянутыми купцами: Ходжином, Хьюиттом и Мэйнварайем⁶³, с которыми он часто общался в Санкт-Петербурге. Прежде чем заняться коллекцией Императорской Кунсткамеры, он приобрел опыт, классифицируя коллекцию своего работодателя Роберта Арескина.

Культурная функция Кунсткамеры

В октябре 1716 г. Шумахер закончил систематизировать коллекцию Арескина. В документальных источниках остались записи о нескольких посетителях, видевших коллекцию. На той же неделе, когда царь в Амстердаме осматривал кабинет Себы, у Шумахера в Петербурге побывал генерал Брюс, который сообщил ему, что на следующий день, 2 января 1718 г., князь Меншиков собирается осмотреть кабинет Арескина. Шумахер предположил⁶⁴, что тем самым губернатор хотел развлечь «принцесс». Меншикову было поручено присматривать за царевнами — дочерьми Петра и Екатерины.

Полгода спустя, 16 июля 1718 г., кабинет Арескина посетил и царь: «За день до своего отъезда из Петербурга царь почтил Арескина своим визитом. Он пришел вместе с гетманом, казацким генералом, князем Меншиковым и прочими благородными господами, чтобы продемонстрировать им его кабинет и все редкости. Монарх сам, к превеликому удивлению всех зрителей, три часа с необычайным умением демонстрировал разного рода эксперименты — как математические, так и физические. Затем это блестящее общество на славу отобедало»⁶⁵.

В своем письме Шумахер дает редко встречающееся описание культурной функции, которую выполняла коллекция во времена Петра Великого. В России, как и в Европе, посещение собрания редкостей считалось достойным занятием

62 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 23 августа 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 53 об.

63 То, что этими англичанами были Ходжкин, Хьюитт и Мэйнврай, следует из письма о «Vremar House» (дом Р. Арескина в Петергофе; см. третью главу). См.: Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 10 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 59 об. — 50. Более подробно о них см.: *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России... С. 311.

64 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 1 января 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 64–64 об.

65 Письмо И.Д. Шумахер Клермонтю. 18 июля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 97 об.

для знати. Демонстрация физических опытов на публике требовала некоторой сноровки и знаний, какими явно обладал российский царь.

Андрей Нартов (1693–1756), ученый и «царев токарь», записал одну историю об опыте с использованием воздушного насоса. Птичка, помещенная под хрустальный колпак, пока Арескин откачивал воздух, чтобы создать вакуум, начала совершать все более странные движения: «Государь, видя, что воздуха вытянуто было столько, что птичка зашаталась и крыльями затрепетала, Арешкину сказал спешно: “Полно. Не отнимай жизнь у твари безвредной”»⁶⁶.

Царь, проводя опыты, использовал инструменты из коллекции Арескина, так как его собственная библиотека и коллекция пока не были готовы для показа. Между тем царская библиотека непрерывно пополнялась.

Библиотека царя

Еще в июле 1715 г. Шумахер написал Арескину, что взял на себя заботы о библиотеке царя. Тогда он «перенес в царский дворец 8 ящиков с книгами, которые хранились в казармах»⁶⁷. Летом 1717 г. Шумахер доложил Арескину, что работа закипела — наконец-то приступили к изготовлению книжных шкафов: «Князь Черкасский выдал 500 рублей на изготовление книжных шкафов и всего, что необходимо для библиотеки царя <...> Они наконец приступили к работе, ибо по Петербургу поползли слухи, что царь в середине августа прибудет в Петербург»⁶⁸.

На тот момент библиотека уже насчитывала две тысячи книг. В своем описании 1744 г. об истории коллекции и библиотеки Шумахер отмечал: «С самого начала состояла библиотека только из 2000 книг, которых половина привезена была из Риги, а другая с Москвы. Первые из оных книг были по большей части богословские, а последние медицинские и исторические»⁶⁹.

Труды по медицине, привезенные из Москвы, — это книги того самого Аптекарского приказа, который в 1712 г. переехал в Санкт-Петербург⁷⁰. Книги, привезенные из Риги, ранее входили в собрание так называемой Готторпской библиотеки, принадлежавшей герцогу Гольштейн-Готторпскому. Ее, как и знаменитый Готторпский глобус, герцог был вынужден «подарить» русскому царю⁷¹. Книги также были отправлены в Санкт-Петербург. Петр 11 марта 1714 г. осведомлялся,

66 Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Подгот. текста рукописи и прилож., вст. ст. П.А. Кротова. СПб., 2001. С. 88.

67 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 29 июля 1715 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 9–10.

68 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 17 июня 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 52.

69 Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 5.

70 Richter W.M. von. Geschichte der Medicin in Russland. Moskou, 1815, 1817. Dl. II. S. 318.

71 Соловьев С.М. История России с древних времен: В 15 т. М., 1959–1966. Т. 9. С. 14; Луннов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 325.

доставлены ли книги из Кёнигсберга в Ригу. Он имел в виду ящики с книгами из библиотеки герцога. Историк С.П. Лушпов полагал, что они прибыли к концу 1714 — началу 1715 г.⁷² В любом случае, из письма Шумахера ясно, что в 1715 г. он уже работал в библиотеке царя во дворце.

Приобретение книг для царской библиотеки в стране, где почти не было печатной книжной культуры, во многом проходило так же, как и в других странах, а именно путем покупки целых библиотек у наследников бывших владельцев и на аукционах. Продажа с молотка целой библиотеки после смерти ее владельца во Франции, Англии и Нидерландах было обычным делом. Приведем лишь два примера. Ценнейшая библиотека президента Французской академии наук в Париже, которая насчитывала более 30 тысяч экземпляров, в 1725 г. ушла в считанные дни с молотка в Гааге. Библиотека, которую собрал голландский филолог каноник Виндзора Исаак Фоссий (1618–1689), едва не отправилась в Бодлианскую библиотеку в Оксфорде, и только в 1689 г. с огромным трудом ее сумел выкупить Лейденский университет, где ее систематизацией занялся Герман Бургава, тогда еще учившийся на священника, но под влиянием книг этой библиотеки заинтересовавшийся естественными науками⁷³.

В Петербурге наследники также продавали целые библиотеки (библиотека Арескина была приобретена в 1719 г.). В Петербурге более чем где-либо способом пополнения библиотеки была конфискация книг по суду у частных лиц, иногда еще при жизни их владельцев⁷⁴.

Пополнение библиотеки часто происходило в результате систематических поисков интересных книг. Для этого обращались к собственной зарубежной агентурной сети, которая включала не только контакты в интеллектуальных кругах Франции и Нидерландов, но и родственные связи, как, например, в случае с Арескиным. Летом 1717 г. брат Арескина Кр. Эрскин напоминал ему, что тот должен принять решение по поводу покупки библиотеки умершего в 1713 г. шотландского врача Арчибальда Питкарна (1652–1713): «Вдова хотела бы знать, чего ожидать»⁷⁵.

72 Лушпов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века... С. 325.

73 Коллекция Фоссия помимо старинных манускриптов включала большое количество хорошо изданных современных трудов, в основном английских ученых. Например, в числе прочих книг по математике, имелось вышедшее малым тиражом первое издание «Principia» (L., 1687) Исаака Ньютона. См.: *Luyendijk-Elshout A.M. De bibliotheek // Wandelen met Boerhaave in en om Leiden / Red. A.M. Luyendijk-Elshout. Leiden, S.a. P. 59–62.*

74 В 1708 г. у Андрея Виниуса было конфисковано и отдано в библиотеку Аптекарского приказа 375 книг. Каталог библиотеки Виниуса хранится в СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 212. 23 декабря 1723 г. у барона Петра Шафирова по приказу Петра конфисковали 484 издания. В другом документе говорится о 531 наименовании: Книги из кабинета Петра Шафирова. 24 декабря 1723 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 109 об. 531 наименование также упоминается в документе от 13 февраля 1724: СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 189–190. И вновь 380 наименований в документе СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 215. Книги были конфискованы и переданы в Императорскую библиотеку.

75 Письмо Кр. Эрскина Р. Арескину. Получено 7 августа 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 169–170 об.

Эта библиотека стала отличным приобретением. Питкарн был многогранной личностью: математик, поэт, библиофил, знаток латинского языка и литературы, врач. Одним из его пациентов был Исаак Ньютон. Слава Эдинбурга как медицинского центра в большой мере заслуга Питкарна. Он был известен по всей Европе. Бургомистры Лейдена и совет правления Лейденского университета пригласили его преподавать в университете. 26 декабря 1691 г. он отвечал: «Хотя мне неизвестно, какой гонорар мне положен и пожалею ли я о том, что покинул свою практику, я одержим огромным желанием познакомиться с высокообразованными господами, которыми наполнен Лейден, и потому покидаю свою страну ради собственного блага...»⁷⁶ Питкарн пробыл в Лейдене два года⁷⁷. После этого вновь вернулся к своей практике, и одной из его пациенток стала Мэри Эрскин, графиня Мар. Так он оказался связан с Арескиным, которому графиня приходилась родственницей.

В Петербурге было принято решение приобрести библиотеку Питкарна, и за нее заплатили 430 шотландских фунтов⁷⁸. Шумахер писал об этом: «В <...> 1718 году получила она [библиотека] опять знатное приращение Питкарновою [1522 наименования]⁷⁹ <...> [библиотека содержала] почти одне только медичиские, физические и до свободных наук надлежащие книги»⁸⁰.

Шумахер также вел переписку Роберта Арескина, когда дело касалось приобретения книг. Арескин переписывался о покупке не только целых библиотек, но и отдельных изданий, например с Николасом Мартини в Риге. Арескин попросил Мартини информировать его о продающихся или выставленных на аукцион библиотеках. В 1718 г. Мартини сообщал, что ему стало известно о том, что некий врач в Данциге может продать несколько своих книг, но, прежде чем связаться с ним, Мартини хотел бы узнать конкретные пожелания Арескина⁸¹. Чем закончилось дело и купил ли Арескин книги этого врача, нам неизвестно.

Шумахер писал: «В 1718 году умножилось сие число библиотекой Андрея Виниуса, в которой были по большей части голландские книги»⁸². Библиотека Андрея Виниуса насчитывала 363 наименования⁸³.

76 Оригинал письма на латыни см.: *Johnson S. The live of Dr. Boerhaave & Het leven van Herman Boerhaave / Ed. by C.W. Schoneveld. Leiden, 1994. P. 15.*

77 *Lindeboom G.A. Pitcairne's Leyden interlude described from the documents // Annals of sciences. 1963. No. 19. P. 273–284.*

78 *The best of our owne: Letters of Archibald Pitcairne, 1652–1713 / Collected and annotated by W.T. Johnston Edinburgh, 1979. P. 36.*

79 Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1885–1900. Т. 6. С. 22; Каталог библиотеки Питкарна см.: СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 213. Библиотека Питкарна насчитывала 1906 томов, 1522 наименования.

80 *Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 5.*

81 Письмо Мартини Р. Арескину. 7 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 33–34 об.

82 *Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 5.*

83 СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 212. Л. 1–8 об.

Часть библиотеки Виниуса прибыла в Санкт-Петербург еще в 1712 г. вместе с книгами Аптекарского приказа. Эти книги Виниус вынужден был отдать Аптекарскому приказу в Москве в 1703 г. после конфликта с Петром I. Позднее, когда он вновь снискал расположение царя, Приказ возвратил ему несколько книг, без которых Виниус не мог обойтись, например такие, как словари и справочники. Впрочем, подобный ход событий еще раз свидетельствует о том, что и до переезда в Санкт-Петербург Аптекарский приказ выполнял функцию своего рода научно-го центра.

Каждый раз, когда библиотека пополнялась новой коллекцией книг, Шумахер или его ассистенты составляли ее каталог⁸⁴.

Для библиотеки русского царя приобретались книги на разных языках — на русском, французском, немецком, английском, голландском, итальянском, греческом, латыни и древнееврейском, — и это резко отличало ее от Королевской библиотеки в Париже, которая в 1724 г. была переименована в Национальную библиотеку. Библиотека в Париже пополнялась только книгами на французском, итальянском и латыни. В 1688 г. каталог Королевской библиотеки в Париже, которая восходила к Луврскому собранию Карла V (1338–1380), насчитывал 10 тысяч манускриптов и 43 тысячи печатных книг. Петербургская библиотека была скромнее, хотя в 1737 г., всего через тринадцать лет после основания Академии наук, в составленном Шумахером так называемом «Камерном каталоге» описано уже 15 562 тома, находившихся в различных залах и кабинетах Кунсткамеры.

То, что библиотеки после смерти их владельцев целиком выставлялись на продажу, было обычным явлением. Но то, что целые книжные собрания вливались в большую «национальную» библиотеку, которая задумывалась как постоянная, — это стало новым феноменом. Национальные библиотеки в Европе появились не сразу. Примечательно, что роль национальных библиотек зачастую, как и в России, играли книжные собрания монархов. В Англии эту функцию выполняла Королевская библиотека, а не библиотеки таких консервативных университетов, как Оксфорд и Кембридж, которые не слишком интересовались новой наукой. Во Франции первые реформаторы и гуманисты занимались пополнением и улучшением именно Королевской библиотеки, а не библиотеки такого оплота университетских традиций, как Сорбонна. «Национальная» библиотека в России появилась по той же причине, что и во Франции и Англии, отличался только период возникновения. Новые библиотеки, цель которых заключалась в накоплении и систематизации существующих знаний о мире, должны были помочь государственной системе восполнить нехватку просвещенных государственных деятелей и вообще знаний. То, на что жаловался Бэкон в Англии XVI в., было актуально и для России времен Петра I: монарху не хватало компетентных помощников, так как им негде было изучать естественные науки, современные языки,

84 Catalogus Bibliothecae Winnii receptae anno 1718 [старый номер] 10; Catalogus bibliothecae Pitkarnii receptae 1719; Каталог с книгами доктора Арескина 1719 года [старый номер] 12 // СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 212; СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 213; СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 214 а.

политику, общественные отношения и прочие науки, которые были необходимы государству. Оттого и получилось, что и в Англии, и во Франции, и спустя сто лет в Бранденбурге первые публичные библиотеки, которые систематически собирали новые знания, принадлежали монархам. В Петербурге библиотеку Академии наук основали, руководствуясь теми же соображениями.

Следуя общепринятой европейской модели, петербургскую коллекцию и библиотеку с самого начала разместили в одном здании. Петр I и его подчиненные видели множество образцов таких зданий во время путешествий по Европе. Так, дипломат А.А. Матвеев сообщал царю о том, где располагалась коллекция курфюрста Бранденбургского в Берлине: в новом, весьма просторном здании в итальянском стиле. «Библиотеку, — писал Матвеев, — поместили в специальном просторном зале 15 на 8 сажень с большим количеством деревянных полок, где под номерами и подписями стоят книги на всевозможных языках и между которыми сделаны свободные проходы».

В Англии библиотека и музей также находились под одной крышей. За год до визита Петра I Королевская библиотека из-за неграмотного руководства и недостатка средств была в таком плачевном состоянии, что в 1697 г. Ричард Бентли опубликовал свое «Предложение по строительству Королевской библиотеки и учреждению ее парламентским актом». Британская библиотека была основана только в 1753 г. как часть Британского музея⁸⁵. Поводом для этого послужила смерть коллекционера Ханса Слоуна в 1753 г., который хотел передать свои коллекции в надежные руки⁸⁶. В 1759 г. они были выставлены на всеобщее обозрение в Британском музее.

Так же, как слово «кунсткамера» в Петербурге обозначало одновременно и собрание экспонатов, и библиотеку, и здание, так и название «Британский музей» обозначает здание, где располагаются и коллекция, и библиотека.

Письма.

Клермонт — корреспондент Арескина

Директор Кунсткамеры обладал обширной сетью корреспондентов. Одним из иностранцев, с которым Шумахер переписывался по поручению Арескина, был пастор Клермонт в Нидерландах. Он посылал Арескину книги, которые тот просил, и отдавал при необходимости приобретенные издания в переплет⁸⁷. Деньги

85 Willison I.R. The development of the British Library to 1857 in its European context: a tour d'horizon // Öffentliche und Private Bibliotheken im 17. und 18. Jahrhundert: Raritätenkammern, Forschungsinstrumente oder Bildungstätten? / Red. P. Raabe. Bremen; Wolfenbüttel, 1977. S. 40.

86 Коллекция Х. Слоуна насчитывала 71 тысячу экспонатов. Он приобрел коллекцию Вильяма Чарлтона (Куртена) (1642–1702) и Джеймса Петивера (ок. 1663–1718). Помимо огромного количества натуралий коллекция содержала 1125 предметов античности и 23 тысячи монет и медалей. Его библиотека состояла из 50 тысяч книг, гравюр и манускриптов, а также гербария.

87 «Не могли бы вы приобрести для моего патрона in fol: 1. La Bibliothéque des S.S. Peres — самое новое и лучшее издание, 2. Mabillon de Re diplomatica Libri VI à Paris 1709 [это название

Клермонт получал через Альберта Себу⁸⁸. Помимо этого корреспонденты Шумахера держали его в курсе новостей в мире науки. 1 апреля 1718 г. Шумахер сообщил Клермонту, что 23 декабря 1717 г. в Москву вернулись Лоренц Ланг и Томас Гарвин, которые в 1716 г. по поручению Арескина отправились в Китай. Перед отъездом Ланг побывал у Шумахера в библиотеке и взял книгу французского философа Пьера Бейля «*Dictionaire historique et critique*» (Роттердам, 1697–1702)⁸⁹. Это была первая книга библиотеки в Санкт-Петербурге, о которой осталась запись, что она выдана на руки читателю.

С. ПОПОЛНЕНИЕ КОЛЛЕКЦИИ И БИБЛИОТЕКИ

Круг обязанностей Шумахера расширяется

Вначале формирование коллекции очень зависело от того, что имелось в наличии. Позднее ситуация изменилась. Примечательно, что Шумахер с самого начала следовал тому базовому принципу, что собрание Кунсткамеры должно быть максимально полным. Об этом свидетельствуют его предложения по заполнению лакун в коллекции. Он прекрасно знал, чего в ней не хватает, и не пропускал возможности ее пополнить. 4 июня 1716 г. он писал Арескину: «...при вскрытии тела графа Пипера обнаружены два камня, приросших к печени усопшего, по величине и форме напоминают мускатный орех, чрезвычайно любопытно...»⁹⁰.

Шумахер пытался приобрести эти камни для коллекции Арескина. Шведский граф Карл Пипер (1647–1716) был военнопленным и умер 28 мая 1716 г. в тюрьме Шлиссельбурга. Его друзьям разрешили забальзамировать его тело.

Карл Пипер, встав во главе походной канцелярии шведского короля Карла XII, практически управлял Швецией. В русском плену, куда он попал в ходе Полтавской битвы (1709 г.)⁹¹, он ратовал за улучшение условий содержания шведских

зачеркнуто] [78], 3. Thesaurus Brandenburgius S. Gemaru Numismatum quis thesaurus iste constat, series cum Comment. Bergeri et cum figuris gr. pap. col March 1696 : 2 vol., 4. Medailles sur les principaux Evenements du Regne de Louis de Grand — лучшее издание, выпущенное в 4-х частях. Biblioth Universelle des Historiens par Dupin Amst 1708, 5. Spanhemius de Re numaria, ejusdemque orbis Romanus in fol., 6. Lippenii Bibliotheca Theolog. juridica, Medicaet Philosophica, 7. Spizeli Mundus Symbolicus. Себе поручено предоставить вам средства». Письмо И.Д. Шумахера Клермонту. 1 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 77 об.

88 Письмо Клермонта Р. Арескину. 12 июля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 16–17 об.

89 Лунтов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века... С. 332.

90 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 4 июня 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 42.

91 Под Полтавой было взято в плен 15 тысяч шведских военных. Всего в ходе Северной войны в плен попало 30 тысяч шведов. Они должны были сами заботиться о своем пропитании. В 1714 г. шведские военнопленные были посланы в Санкт-Петербург на строительство города. См.: От войны к миру. Россия — Швеция. XVIII век: Каталог выставки, 28 апр. — 12 сент. 1999 г.: [В 5 вып.]. СПб., 1999. Ч. 2. С. 31. Шведы жили и работали в относительной свободе там, куда их отправляли, но им нельзя было никуда уезжать без особого разреше-

военнопленных. Этим он вызвал гнев царя⁹² и был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер. Как уже говорилось, в коллекции Афанасия Кирхера хранился желчный камень весом в килограмм коллеги-иезуита. Удалось ли Шумахеру приобрести желчный камень Пипера, неизвестно.

Поиск экспонатов для Кунсткамеры

Как следует из вышесказанного, Шумахер имел представление о том, что может стать частью коллекции Кунсткамеры, и считал себя ответственным за ее пополнение. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что он участвовал в обсуждении вопроса о покупке коллекции Рюйша. Он писал Арескину, что должен еще раз «обдумать возможность приобретения кабинета Рюйша. Те четыре препарата, которые Себа прислал в качестве образцов рюйшевского искусства препарирования, стали украшением *нашего* кабинета»⁹³.

Он также продолжал вкладывать душу в пополнение коллекции Р. Арескина. Шумахер пришел к выводу, что «ей не хватает только красивых медалей»⁹⁴.

Как организатор Шумахер играл центральную роль при подборе экспонатов для Кунсткамеры. Так как поиски и пересылка уродов, умерших при рождении, и предметов, найденных в земле, происходили по указу правительства, Шумахер вел переписку с собирателями этих диковин в провинциальных городах. Очевидно, что до провинции дошло представление о том, что может храниться в Кунсткамере, так как люди по собственной воле начали присылать в Санкт-Петербург не только уродов и предметы, найденные в земле, но и необычную и искусно сшитую одежду. *Metropolis Chirurgien* Казанской губернии, например, собирался «послать татарское мужское платье, еще более примечательное, чем предыдущее»⁹⁵.

В январе 1717 г. Шумахер попросил Арескина напомнить князю Матвею Петровичу Гагарину, губернатору Сибири⁹⁶, о том, чтобы тот прислал «идолов», так как рассчитывал еще до следующей зимы добавить их в коллекцию⁹⁷. К тому же Шумахер сам навестил Гагарина до его отъезда в Москву и настоятельно просил его не забыть о фигурках богов и приложить к ним описание местности, где они были найдены. Гагарин тепло принял Шумахера и пообещал собственноручно отправить этих идолов. Описание местности Гагарин мог выслать только

ния. В 1721 г. после заключения Ништадтского мирного договора пять тысяч военнопленных вернулись в Швецию.

92 От войны к миру. Россия — Швеция. XVIII век... Ч. 3. С. 60.

93 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 12 июня 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 42 об.

94 Там же.

95 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 7 января 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 22 об.

96 *Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. S. 403.*

97 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 7 января 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 22 об.

по прибытии в Москву, так как там находился человек, который их привез. Лишь после этого Шумахер сможет записать точное место находки со ссылкой на географические карты⁹⁸.

Шумахер как секретарь Арескина также располагал специальными знаниями, необходимыми для получения дохода от монополии на определенные виды производства, такие как шелковая и фарфоровая мануфактуры. Например, губернатор Сибири, отвечавший за огромную территорию, которую необходимо было исследовать в целях выявления природных богатств, обратился к Арескину с несколькими вопросами о работе печей для обжига фарфора — Гагарин не знал принципов их работы. «Он не знает, как разбитый фарфор вновь превращать в порошок», — писал Шумахер⁹⁹.

По делам Кунсткамеры Шумахер также совершал поездки по всей России. Так, он ездил в Казань, чтобы забрать несколько редкостей. Он считал это настолько важным, что даже написал А. Себе, «что благодаря этим предметам ценность царского кабинета вскоре значительно приумножится»¹⁰⁰. Немало времени у Шумахера отнимал уход за новыми поступлениями из Амстердама. Чтобы обеспечить сохранность экспонатов, Шумахер заказал у Себы «бальзам¹⁰¹ для насекомых»¹⁰².

Шумахеру было поручено выполнить обещание, данное Арескиным во Франции графу д'Онз-ан-Бре, а именно выслать ему все опубликованные и высылать будущие петербургские издания. 15 декабря 1717 г. Шумахер попросил Арескина связаться с секретарем царя А.В. Макаровым, чтобы тот поручил директору петербургской типографии М.П. Аврамову¹⁰³ предоставить Шумахеру все русские книги, изданные в период правления Петра I¹⁰⁴. 1 января 1718 г. Шумахер сетовал, что Аврамов все еще не получил приказа прислать ему книги¹⁰⁵.

98 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 10 февраля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 24.

99 Там же. Способ производства европейского фарфора был изобретен в 1708 г. См.: *Kessler M., Mez-Mangold L. Gefäß ist nicht nur Hülle. Vom Ursprung der Kunst, Arzneistoffe aufzubewahren // Die Apotheke. Historische Streiflichter / Red. R. Pöttsch. Basel, 1996. S. 176.*

100 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 4 марта 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 72 об. — 73.

101 В своей книге по энтомологии Стефан Бланкаарт (1650–1702) рекомендовал хранить насекомых в овальных, не очень глубоких коробочках и смазывать их скипидаром. Крышечки следовало обрабатывать изнутри три-четыре раза в год, «чтобы туда не заползали клещи, особенно в весенний период». См.: *Blankaart St. Schouburg der rupsen, wormen, maden en vliegende dierkens. Amsterdam, 1688. P. 206.*

102 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 1 июля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 52 об.

103 Михаил Петрович Аврамов был чрезвычайно консервативным человеком и всячески препятствовал изданию и распространению русского перевода книги Христиана Гюйгенса «Kosmotheoros», в которой шла речь о том, что и на других планетах могут существовать живые организмы.

104 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 15 декабря 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 61.

105 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 1 января 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 64–64 об.

Шумахер переписывался также с Б.И. Куракиным, который в то время был послом в Гааге и сообщал ему о всевозможных событиях. Так, Куракин послал ему четыре первые страницы какого-то нового издания, которое полностью еще не было напечатано. Шумахер также пересылал через Куракина векселя для Себы — так было безопаснее и документы доходили быстрее¹⁰⁶.

Шумахер лишается своего начальника

Это был тяжелый год для Р. Арескина. Ему пришлось много путешествовать в составе царской свиты и жить в тяжелых условиях. По возвращении в Санкт-Петербург 4 сентября 1718 года Арескин плохо себя почувствовал и жаловался Куракину: «У меня почти не было свободного времени: то я на борту корабля, то на галерах, то в палатке, но всегда все было плохо, и я был подвержен суровым условиям местности, от чего я до сих пор страдаю, и я благодарю Господа за наше возвращение, которое состоялось вчера вечером. Его Величество в отличном здравии, так же как императрица и вся царская семья»¹⁰⁷.

Альберту Себе Арескин писал: «Вследствие того, что я только позавчера вечером вернулся из поездки, у меня еще не было времени осмотреть ни кабинет профессора Рюйша, ни то, что было прислано Вами для меня лично. Поэтому в этот раз ничего не могу сообщить Вам об этом»¹⁰⁸.

Арескин смог найти время осмотреть кабинет Рюйша только 10 октября¹⁰⁹.

4 ноября 1718 г. Себа написал Шумахеру, что из Англии и Гамбурга до него дошли новости о смертельной болезни Арескина и что это очень его беспокоит. Себа надеялся на скорейшее выздоровление лейб-медика и желал ему долгих лет жизни, он молил Господа благословить и помиловать Арескина. Однако это не помешало Себе в том же письме упомянуть, что он «надеется заблаговременно получить заказы на 1719 год»¹¹⁰. Вскоре после этого Арескин отправился вместе с царем в Олонец, который находился в 50 километрах от Петрозаводска, чтобы осмотреть найденные там в 1716 г. железистые источники.

Шумахер начал писать в своем блокноте для черновиков письмо Себе о французских ливрах и о графе Пайо д'Онз-ан-Бре, но письмо оборвалось на словах «Когда Арескин вернется из Олонца...»¹¹¹. Под этим он написал другое письмо

106 Письмо И.Д. Шумахера Б.И. Куракину. 28 марта 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 74.

107 Письмо Р. Арескина Б.И. Куракину. 5 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 105 об. — 106.

108 Письмо Р. Арескина А. Себе. 5 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 106.

109 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 10 октября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 109 об.

110 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 4 ноября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 71–72.

111 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 18 ноября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 112 об.

с той же датой, но не Себе, а графу д'Онз-ан-Бре, в котором сообщал, что 19 ноября 1718 г. его друг Р. Арескин скончался в Олонце. Д'Онз-ан-Бре получил от Шумахера очень личное, полное теплых слов послание: «Царь пролил реки слез, услышав роковое известие. Он приказал устроить ему [Арескину] пышные похороны, дабы выразить свою признательность тому, кто служил ему пятнадцать лет до последнего вздоха»¹¹².

Роберта Арескина похоронили 22 декабря 1718 г. в Санкт-Петербурге¹¹³. Царь и его свита прослушали надгробную проповедь на голландском языке, которую прочитал протестантский пастор. Виднейшие врачи и лекари отнесли закрытый гроб к мосту в Немецкую слободу. Там во главе шествия встал Петр I с восковой свечой в руках, гроб поместили в сани, и в сопровождении большой свиты и двухсот горящих факелов процессия отправилась к Александро-Невской лавре. Могила Арескина находилась между могилами любимой сестры Петра Натальи Алексеевны (1673–1716) и голландского вице-адмирала, умершего на русской службе¹¹⁴.

112 Письмо И.Д. Шумахера д'Онз-ан-Бре. 18 ноября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 112 об. — 113. Скорее всего, письмо было написано позднее, после похорон, которые прошли 22 декабря 1718 г.

113 О том, что Арескин был похоронен 22 декабря в Санкт-Петербурге, свидетельствует черновик письма Шумахера д'Онз-ан-Бре. См.: СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 112 об. — 113. По другому источнику, похороны прошли 4 января. См.: *Richter W.M. von. Geschichte der Medicin in Russland. Moskau, 1817. Bd. 3. S. 128.*

114 *Richter W.M. von. Geschichte der Medicin in Russland... Bd. 3. P. 124.* Во время своего визита в 2003 г. в Петербург автор не смог найти эти могилы. Они были снесены.

Глава IX

Иоганн Даниэль Шумахер занимается Кунсткамерой под руководством Лаврентия Блюментроста

Деятельность Шумахера после смерти Арескина

После смерти Р. Арескина проблемы возникли не только у И.Д. Шумахера, но и у А. Себы. Прошло немало времени, прежде чем Шумахер в письме от 14 января 1719 г. сообщил ему имя преемника Арескина, а собственное положение охарактеризовал так: «Меня утвердили в моей должности»¹. Что это была за должность, в которой утвердили Шумахера, Себа не знал, так что его письмо от 17 февраля 1719 г. было все еще адресовано «Шумахеру, секретарю Арескина»².

Сам Шумахер поначалу также не знал, какую он занимает должность. Письмо, в котором он сообщил д'Онз-ан-Бре о кончине своего начальника, Шумахер подпisał как «*Secrtaire d'Apothecaire*» (секретарь аптекаря). Однако затем перечеркнул эту фразу, написав: «*Bibliothequaire de Sa Majesté Czarienne à St. Peterbourg*» («библиотекарь царя») ³. Это была весьма уважаемая должность: Лейбниц некогда был библиотекарем курфюрста Бранденбурга, а во Франции знаменитый организатор деятельности научного сообщества аббат Жан-Поль Биньон одновременно занимал должность королевского библиотекаря и пост президента Французской академии наук.

Еще одним неприятным событием для Шумахера стало то, что обязанности Арескина теперь были поделены между двумя людьми — братьями Блюментрост. Старший, Иван Блюментрост (1678–1756), стал архиатром⁴ и главой Медицинской канцелярии, которая выполняла функции министерства и в ведении которой находилось все, что имело отношение к медицине в России, — эту должность Арескин занимал с 30 апреля 1716 г.⁵; младший из братьев, Лаврентий Блюментрост, стал первым лейб-медиком и ответственным за коллекции и библиотеку⁶.

1 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 14 января 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 115.

2 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 17 февраля 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 83–84.

3 Письмо И.Д. Шумахера д'Онз-ан-Бре. 18 ноября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 112 об. — 113.

4 Врач, которому подчинялись остальные лейб-медики, состоявшие при особе государя.

5 *Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. S. 150.*

6 *Ibid.*

Как бы ни именовалась должность Шумахера, впредь он называл себя библиотекарем царя и так же, как до смерти Арескина, занимался коллекциями и библиотекой государя. Шумахер хорошо знал Лаврентия Блюментроста, с которым ему доводилось сотрудничать. Ранее мы уже упоминали о том, как Блюментрост передавал ему инструкции Арескина относительно распаковывания коллекции Рюйша.

Но как обстояло дело с другими его обязанностями, такими как ведение корреспонденции о лекарствах? Остался ли Шумахер секретарем Ивана Блюментроста? И как после смерти Арескина сложилась судьба тех заказов, которые поступали А. Себе?

Себа и смерть Арескина

В Амстердаме Себа узнал о смерти Арескина из новостных сообщений, и 17 января 1719 г. отправил письмо Шумахеру, в котором, возможно, выразил свои соболезнования, однако это послание мне не удалось найти. Со следующей почтой, 20 января, Себа без малейших церемоний написал Шумахеру, что очень обеспокоен тем, что все еще не получил причитающиеся ему деньги. Он предложил в качестве финансового стимула выплатить фирме «Парсонс и Вайдт», в прошлом уже переводившей деньги за лекарственные средства, комиссию, которую раньше получал Арескин. Однако он не хотел, чтобы они узнали, какую комиссию получал покойный Арескин. Себа также отметил, что ее сумма необязательно должна равняться той, что получал Арескин, так как тот всегда оплачивал счета вовремя. Произшедшую задержку Себа списывал на его болезнь⁷.

Перераспределение обязанностей покойного Арескина между двумя Блюментростами привело к тому, что Себа в феврале 1719 г. все еще не знал, кто в Петербурге уполномочен отправлять заказы на поставку товаров для придворных аптек⁸. Он спрашивал у Шумахера, кто взял на себя эту обязанность Арескина. А. Себе также было неясно, кто позаботится о тех счетах, которые еще не были оплачены. Он уже обращался в фирму «Ван Ромсвинкель и Варин», где ему сообщили, что туда не поступало никакого распоряжения от «Парсонс и Вайдт» о выплате ему денег ни в качестве компенсации его расходов в связи с кабинетом Рюйша, ни по еще не оплаченным счетам за аптечные товары, ни той суммы, что ему причиталась от покойного Арескина. Себа попросил Шумахера еще раз заверить Ивана Блюментроста в своей готовности поставлять лекарства.

В марте 1719 г. Себа предпринял еще одну попытку: он поручил своему секретарю написать письмо Шумахеру и собственноручно добавил строчку с просьбой

7 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 20 января 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 236–237.

8 «Мне необходимо знать, кто вместо господина Арескина получил полномочия заказывать материалы и должен ли я продолжать их поставлять. Мне бы очень хотелось это знать, чтобы я мог своевременно этим заниматься» (пер. с нем.). Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 17 февраля 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 83–84.

«порекомендовать его господам Блюментростам». Кроме того, он спрашивал, живут ли все еще в Петербурге аптекари Грёнинген и Шталь⁹ (его бывший подмастерье), и передавал им поклонны, а также Гзеллю, который ранее переслал кому-то письмо через Себу¹⁰. (Амстердамский художник Георг Гзелль (1673–1740) в 1717 г. переехал в Санкт-Петербург вместе с женой Доротеей Марией Гзелль, урожденной Графф, чтобы работать в Кунсткамере.) Неразборчивая подпись Себы в конце письма создает впечатление, что он нервничал.

Себа не сдавался и решил прибегнуть к неординарным мерам, когда торговый агент России Кристоффель Брантс пришел к нему в Амстердаме за деньгами. Этот господин вручил Себе письмо Лаврентия Блюментроста с расчетами, по которым выходило, что Себа должен вернуть аванс, полученный им за несостоявшуюся покупку сферы для царя:

Получено Себой от князя Куракина	f 10 125,
из которых он перевел в Париж	f <u>1146:5:8.</u>
Оставшаяся сумма:	f 8978:14:8 по курсу банка, которую Блюментрост просил возвратить, выплатив Кристоффелю Брантсу.

Это требование разозлило Себу. 25 апреля 1719 г. он ответил Лаврентию Блюментросту, что несколько лет по поручению покойного Арескина за счет царя поставлял товары для придворных аптек Москвы и Санкт-Петербурга, а также для Адмиралтейской аптеки. Он указал, что сумма задолженности за 1717 и 1718 гг. составляла к тому моменту 15 472:3 гульденов, и, помимо этого, еще был не оплачен счет на сумму 2295:14 гульденов за те вещи, которые Себа отправил Арескину. Исходя из этого Себа заключал, что если Блюментрост хочет, чтобы Себа вернул Брантсу 8978:14:8 гульденов, то должен сначала покрыть неоплаченные счета, после чего Себа немедленно передаст деньги Брантсу. Себа также упомянул сумму, которую ему задолжал купец Хен Питерсзон Бодиско. Речь шла об оплате заказа, который пострадал при доставке. За два года до этого Себа отправил в аптеку Адмиралтейства два сосуда с териакон и митридациумом¹¹. На борту корабля снадобья пролили на партию табака. Табак начал преть, и из-за образовавшегося тепла териак и митридациум забродили, а сосуды, в которых они находились, лопнули. В результате Себа не получил причитавшейся ему суммы. Но так как товар в момент погрузки на корабль был в надлежащем состоянии, как следует из

9 Бывший ученик Себы Бальтазар Шталь письма писал редко. Себа не единожды передавал ему привет и пожелание отца получить от него письмо. Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 8 октября 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 247–248.

10 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 10 марта 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 81–82 об.

11 Митридациум — средство от отравления, в состав которого входит большое количество ядовитых веществ. Предполагалось, что если принимать этот препарат, постоянно увеличивая дозу, то тело постепенно привыкает к яду и приобретает иммунитет. Териак — похоее по составу средство, содержащее змеиное мясо.

сопроводительного коносамент, аптекарь полагал, что ущерб был нанесен не по его вине. Себа попросил Блюментроста ходатайствовать, чтобы Адмиралтейство ему заплатило за товар: «Речь идет о 3000 гульденов, и я не могу терпеть подобные убытки. Винават был не я»¹². К своему письму он приложил счет и коносамент груза в 20 килограммов камфоры для Адмиралтейской аптеки.

Это решительное письмо с обзором состояния дел, которое 25 апреля 1719 г. Себа послал «Лаврентию Блюментросту, первому лейб-медику, директору машин и библиотекарю Его Царского Величества в Санкт-Петербурге», носило характер окончательного расчета. На смену Арескину пришли новые люди, поэтому Себа хотел привести финансовые дела в порядок. Как закончился этот финансовый спор, нам неизвестно.

Тем не менее во второй половине июня 1719 г. Себа отправил со шкипером Вибе Сиверсом несколько пронумерованных ящиков Ивану Блюментросту. Этот груз Брантс заранее оплатил векселем архиатра на сумму в 1330 рублей, выписанным для оплаты «нового счета за московские аптечные товары»¹³. Как видно, Себе удалось получить новый заказ. Так же как во времена Арескина, аптечные товары для Москвы заказывал архиатр. Это обстоятельство стало темой переписки Себы с Шумахером, который пока продолжал выполнять обязанности секретаря¹⁴. Их письма о поставках аптечных товаров в придворные аптеки с 1719 по 1723 г. в Архиве Академии наук отсутствуют. Очевидно, письма о поставке лекарств, написанные после разделения обязанностей между двумя братьями Блюментростами, попали в другой архив.

Однако в Архиве Академии наук имеется переписка Себы с лейб-медиком и директором Кунсткамеры Лаврентием Блюментростом. Себа отправлял ему письма с полезными советами о коллекциях и научных инструментах и помогал пересылать в Петербург книги, термометры (23 октября 1721 г.) и — впервые — картины. В июне 1719 г. Себа написал Шумахеру, что не смог приобрести некоторые картины и что, как только он их найдет, дошлет¹⁵. Себа послал Л. Блюментросту некий груз. В письме аптекарь не перечислил его составляющие, но извинился за отсутствие двух *instrumenta physica* — они были еще не готовы, и он не хотел посылать их по отдельности. Кроме того, он сообщил, что пока не закончен заказанный Л. Блюментростом «*kabinet von der matheria medica*» («кабинет лекарственных веществ»). Далее в письме Себа обратил внимание Л. Блюментроста на приложение к книге о метаморфозах суринамских насекомых Марии Сибиллы

12 Письмо А. Себы Л. Блюментросту. 25 апреля 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 35–36 об.

13 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру от 30 июня 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 234–235.

14 «Сегодня Сенат прислал в Медицинскую канцелярию распоряжение, которое подразумевает, что я больше не могу быть секретарем названной канцелярии...». И.Д. Шумахер Л. Блюментросту. 21 февраля 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 230.

15 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 30 июня 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 234–235.

Мериан, которое только что увидело свет и в которое вошли «некоторые сообщения», «в том числе о метаморфозах лягушек»¹⁶. Дополнительный том с раскрашенными иллюстрациями стоил 30 гульденов, и Себа был готов его выслать. Он сообщил: «Кроме того, молодой Рюйш [Хендрик, сын Фредерика Рюйша] внес различные дополнения и поправки в *insecta* Джонстона»¹⁷. И еще Себа упомянул, что получил «также большое количество красивых раковин и птиц из Ост- и Вест-Индии»¹⁸.

В письме от 10 июля 1719 г. Шумахер сообщал Себе, что заказы благополучно прибыли. Последний в ответ еще раз попытался уговорить Шумахера содействовать ему в получении денег от архидиакона И. Блюментроста. Себа написал, что «отправленный кабинет не может вызвать никаких нареканий», так как «он содержит много превосходных объектов»¹⁹. Кроме того, в том же письме аптекарь попросил прислать ему пять-шесть *Radix Nisi*, если они свежие и хорошего качества.

В сентябре 1719 г. Себу постигла неудача. Он узнал, что заказ сделали его конкуренту из Гамбурга:

«То, что счет, полученный из Гамбурга, ничтожен по сравнению с моим и что там гораздо более низкий процент, имеет свою причину: препараты будут приготовлены таким способом, на который я не могу равняться, наилучшие ингредиенты стоят дороже всего. Я сам готов признать, что цены в Гамбурге ниже, чем здесь, однако, если внимательно приглядеться, дело там устроено таким образом, что они наживаются [на клиентах], а препараты привозят все же из Амстердама и продают их дороже. Мне не нравится их манера работы; работу следует выполнять так, чтобы за нее не было стыдно отвечать. Но я не могу упрекать Его Превосходительство в том, что он хочет попробовать [покупать препараты в Гамбурге]. Различия в качестве проявят себя»²⁰.

Подобный ход событий не предвещал Себе ничего хорошего. Как мы уже знаем, для него было очень важно, чтобы его клиенты делали заказы в самом начале года, поэтому, несмотря на то что он не получил ответа на свое письмо от 21 ноября, в феврале 1720 г. Себа все же попытался восстановить ухудшившиеся отноше-

16 Эта книга находится в отделе Библиотеки РАН при Зоологическом институте РАН: *Merian M.S. Dissertatio de generatione et metamorphosibus insectorum Surinamensium. Accedit appendix transformationum piscium in ranas, & ranarum in pisces. Amsterdam, 1719.* Она включена под номером 105 в «Каталог "особого фонда" библиотеки Зоологического института АН России». СПб., 1994. С. 253.

17 *Jonstonus J. Theatrum universale omnium animalium Piscium, Avium, Quadrupedum, Exsanguium, Quaticorum, Insectorum et Anguium. 2 dln. Bezorgd door Henricus Ruysch. Amsterdam, 1718.*

18 Письмо А. Себы Л. Блюментросту. 30 июня 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 7.

19 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 15 августа 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 33-34 об.

20 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 19 сентября 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 249.

ния. В своем письме он выразил надежду на то, что «недовольство» осталось в прошлом, и признался, что не представляет, чем он мог оскорбить Блюментроста или Шумахера. И поскольку с 21 сентября он не получил от архиатра ни одного письма, а также денег за неоплаченный счет покойного Арескина, Себа попросил Шумахера посодействовать в получении причитавшейся ему суммы. В частности, он отметил: «Груз, отправленный год назад, был подарком архиатру, и на те [вещи], которые требовались ему для работы, [также] мы не обращаем внимания»²¹. Себа полагал, что время покажет, собирается ли архиатр и дальше заказывать у него необходимые аптечные товары. В конце письма он попросил Шумахера передать «обоим господам», что он готов им «предложить свои услуги»²². Себа сильно переживал, что также видно по постскриптому, в котором он спрашивает, желает ли еще Шумахер получить заказанные ранее два *instrumenta physica, Matheria Medica* и собрание монет²³. Как бы то ни было, в последующие годы Шумахер останется в числе постоянных корреспондентов Себы.

Справлялся ли Шумахер с заведыванием Императорской Кунсткамерой? Являлся ли он достойным хранителем двух больших амстердамских естественно-исторических коллекций?

Обустройство Кунсткамеры

Нам не очень много известно о тех разнообразных принципах, на основании которых производилась расстановка коллекций²⁴. Наши знания базируются на книгах о собраниях, в которых есть иллюстрации, позволяющие составить представление о расстановке экспонатов²⁵. Важными источниками информации являются также описания путешественников. Достоверно известно, что в то время еще не было строгих правил расстановки коллекций. Так, один путешественник писал, что у французского натуралиста Жоржа-Луи Леклерка, графа де Бюффона (1707–1788), который с 1739 г. заведовал Королевским кабинетом в Париже, разные по своей природе экспонаты были выставлены вперемешку: «...между копытами зебры лежали различные высушенные рыбы и рептилии...»²⁶.

21 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 2 февраля 1720 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 92–93 об.

22 Там же.

23 Там же. Л. 93 об.

24 Барбара Жанна Бальсигер в 1970 г. опубликовала диссертацию, защищенную в Питтсбургском университете, о классификации экспонатов и философской подоплеке старых кунсткамер: *Balsiger B.J. The Kunst- und Wunderkammern. A catalogue raisonné of collecting in Germany, France and England 1565–1750*. Pittsburg: Proefschrift University of Pittsburg, 1970.

25 Представление об этом можно получить, посмотрев каталог выставки «The age of the marvelous» (Hanover, 1991), куда вошли все существующие иллюстрации.

26 *Pieters F. Het schatrijke naturaliënkabinet van stadhouder Willem V onder directoraat van topverzamelaar Arnout Vosmaer // Het verdwenen museum / Red. B.C. Slingers, M.H. Besselink. Blaricum; Haarlem, 2002. P. 25.*

Бюффон был ярким противником предложенной Линнеем системы классификации животного мира по принципу «род — отряд — класс». Другие хранители коллекций также не могли привыкнуть к этой четкой классификации. Например, гагская коллекция *натуралий*, принадлежавшая штатгальтеру, была расставлена в соответствии с этой классификацией только в 1759 г.²⁷ За год до этого ученый опубликовал исправленную версию своей бинарной номенклатуры; первая версия датирована 1735 г.

В Петербурге Шумахер мог выбирать из многих существовавших к 1719 г. систем. Было бы интересно узнать, как он расставил объекты в Кикиных палатах (то есть как это было до переезда коллекций в новое здание Кунсткамеры — потому что у нас есть точное описание каждого экспоната в здании на Васильевском острове, с указанием номера полки и прочих деталей, которые даны в каталоге 1741 г.).

Нам известно, что коллекция Себы была большой и разнообразной. Об этом свидетельствует рукописный каталог «Описание различных великолепных Кабинетов, со всевозможного рода редкостями» (см. приложение II). Не вызывает сомнений, что, если приобретаемая новая коллекция попадала в руки Шумахера уже в упорядоченном виде, он сохранял имевшуюся систему классификации. Так, он расположил экспонаты коллекции Рюйша в том же порядке, в каком они были выставлены в Амстердаме, в доме коллекционера. Когда коллекция Рюйша прибыла в Петербург, у Шумахера уже был ее каталог на латыни, в котором очень подробно было описано, как и по каким шкафам и ящикам были распределены экспонаты. Л. Блюментрост, упаковывая коллекцию в доме Рюйша, следовал этому каталогу, и Шумахер использовал имевшуюся систему расположения экспонатов. Позднее, в 1776 г., другой хранитель Кунсткамеры, Иван Бакмейстер, опубликовал посвященный этой коллекции труд, в котором объяснил, почему препараты Рюйша расположены в соответствии с десятью «Тезаурусами»: так посетителям проще ориентироваться в коллекции²⁸. В каждом шкафу хранился Тезаурус, в котором описывалось, что в нем выставлено²⁹. У нас нет сведений о том, что относительно коллекции Себы Шумахер, как и в случае с коллекцией Рюйша, следовал классификации, предложенной Себой в «Notitie». Из переписки известно, что к моменту смерти Арескина, то есть к ноябрю 1718 г., Шумахер почти закончил составлять каталог царской Кунсткамеры («le Catalogue du Cabinet de S[a] Maj[esté]»)³⁰. Однако этот каталог до сих пор не найден.

27 Pieters F. Het schatrijke naturaliënkabinet van stadhouder Willem V onder directoraat van torpverzamelaar Arnout Vosmaer. P. 19–44, 25, 35. Ф. Питерс пишет о том, как утвердилась классификация К. Линнея.

28 Бакмейстер И.Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук / Пер. с фр. яз. В. Костыгова. [СПб.], 1779. С. 110. В 1776 г. работа И. Бакмейстера была издана на французском языке.

29 Это свидетельство А.Т. Фортиа де Пиля (1758–1826), который посетил Кунсткамеру в 1790–1792 гг. См.: Сомов В.А., Фундаминский М.И. Библиотека Академии наук — достопримечательность Петербурга XVIII в. ... С. 38.

30 Письмо И.Д. Шумахера д'Онз-ан-Бре. 18 ноября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 112 об. — 113. Письмо было написано после похорон Р. Арескина 22 декабря 1718 г.

В 1719 г., спустя год после составления этого каталога, в Кикиных палатах были открыты для посетителей библиотека и коллекции Себы и Рюйша, содержавшие препараты птиц и прочих животных, анатомические препараты, гербарии и некоторые *артифициалии*³¹. В 1720 г. царь демонстрировал некоторым иностранным гостям свои коллекции, выставленные в этом хорошо оборудованном здании, где помимо Шумахера работали три ученика и несколько слуг³². О расположении коллекций можно прочитать в заметках одного путешественника: «За городом, по направлению к [Смольному] монастырю, у реки Невы стоит небольшой каменный дворец, в котором его царская милость показал нам свою Анатомию [...] Дворец — двухэтажный, из него далеко видно...»³³.

Так участник польского посольства описывал Кунсткамеру³⁴. Не вызывает сомнения, что этот анонимный посетитель (его имя нам неизвестно) недавно открытой Кунсткамеры остался под большим впечатлением от удивительных вещей, которые ему там показали. Он посвятил этому событию значительную часть своих заметок о посещении Санкт-Петербурга, в которых описывал, как были расставлены в шкафах анатомические препараты Рюйша:

«Через сени с крыльцом входят в комнату, где в шкафах расставлено множество склянок. В них сохраняются головки маленьких детей — от годовалого и лет до трех, и они в этом спирте настолько свежи, что совсем как живые. Некоторые смотрят такими живыми глазами, словно ничто не нарушило их взгляда [...]. У других едва не брызжет живая кровь; где отнята голова, там кожа с телом кажется только вчера отрезанной. В других склянках хранят руки и ноги, на которых еще видны вены через кожу, словно бы живую. В следующей комнате склянки с образцами представляют все развитие человеческого плода — от первого зародыша до самого момента появления его на свет»³⁵.

Он имеет в виду часть коллекции Рюйша, которую Петр хотел перевезти в мае 1718 г. в Любек³⁶, — *антропогению*³⁷.

31 Кунсткамера и библиотека были размещены в Кикиных палатах незадолго до этого. Сам Шумахер называл годом открытия 1719. См.: Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 7. Дата официального открытия неизвестна. См.: Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук... С. 22.

32 *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях... С. 143.

33 Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 г. // *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях... С. 143.

34 Петербургский историк Ю.Н. Беспярых нашел эти анонимные записки о раннем Петербурге в малоизвестной польской газете, перевел их на русский язык и опубликовал вместе с другими записями иностранцев о Санкт-Петербурге. См.: *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях... С. 139–161.

35 Там же. С. 143.

36 Письмо Р. Арескина А. Себе. 2 мая 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 85.

37 Для этой коллекции был составлен особый каталог — во время ее упаковки в Амстердаме или по прибытии в Петербург. См.: СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 108а.

«Есть там еще различные монстры, как человеческие, так и звериные, и иные редкости, а также различные звери — чучела слонов, василиски, чучела рыб и высушенные рыбы с дивными мордочками. Немало здесь также морского тростника разных видов; еще великое множество слоновьих костей, привезенных из самого греческого государства, где некогда воевал Александр Великий и, защищая людей, выставлял слонов [...].

В трех других комнатах выставлена превосходная библиотека, в ней есть старые книги, возрастом в полторы тысячи лет, как высчитали отцы-иезуиты. Больше всего греческих, есть также много книг, напечатанных на славянском языке. Другие труды относятся к военному искусству и содержат [описание] новых способов, как атаковать города, замки и иные крепости. Много таких [книг] Его Величество царь повелел напечатать для молодежи. Кроме того, здесь находятся старые немецкие бибблии и много книг латинских, немецких, французских и русских больше чем на десять тысяч [рублей].

Собрание образцов зверей, сохраняемых в бутылках, столь же богато, как и человеческих. Немало также птиц всяких видов и расцветок. Здесь есть страусы, красные аисты, сипы, индийские вороны, попугаи трех видов и много иных птиц, названия которых неизвестны. Нам показывали разных птичек — белых, красных, синих, желтых, так красиво окрашенных, что сам царь их целовал. Среди них были птички маленькие, как сверчки; другие же с хвостами длиной в два локтя, а сама птица — гладкая, как палка, и когда летит, то лишь слегка распускает хвост; сама синяя, а хвост черный и клюв белый. Другие были красные с белыми хвостами, а перья у них мелкие и густые [...]. Были там также дивные [летучие?] мыши с песьими мордами и бабочки удивительного вида. Когда такая бабочка раскроется, то будет величиной с оловянную тарелку. Цвета она синего с красными, белыми и черными каплями на крыльях. Мы видели также саранчу, о которой говорят, что св. Иоанн Креститель кормился ею в пустыне. Показывали нам также янтарь и рассказывали, как он рождается [...]. Было там также чучело дикаря, найденного мертвым с двумя лодками; [...]. Здесь трудно описать все виденное, так как и при писании уже забылись особенно морские предметы, чешуя рыб, раки и т.п.

Здесь держат мальчика, которому теперь лет пятнадцать и который лицом и головой очень похож на обезьяну; на руках и ногах у него всего по два одинаковых пальца, не такие, какие должны быть у человека. Этот мальчик своими пальцами пожимал руку его царской милости.

Анатомию должны перенести во дворец, строящийся [...] на острове; в теперешнем здании уже слишком тесно, так как редкости все прибывают»³⁸.

Так описывал Кунсткамеру член польского посольства. Чего еще не хватало царской Кунсткамере?

38 *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях... С. 143–144.

Шумахер отправляется в Европу

В феврале 1721 г. по приказу царя Шумахер отбыл во Францию, немецкие земли, Голландию и Англию. В числе прочего ему было поручено проверить, каких экспонатов не хватает царской Кунсткамере, и по возможности их приобрести. Шумахер получил следующие инструкции:

- «1. Карту Каспийского моря и писание от Вашего Императорского Величества академии де сцианс (наук) вручить³⁹.
2. С моделей в обсерватории [в Париже] обретаемых машин рисунки взять.
3. О рукодельниках и инструментах, их зачатой книге (sic) и эстампах, такожде тубе акустице от отца Себастиана⁴⁰ уведомиться.
4. С господином старшим Дювернеем⁴¹ для анатомии, из воску сделанной, справиться.
5. Господина Делиля⁴², астронома и географа, и господина Дювернея-младшего, анатомика в Париже, в службу Вашего Императорского Величества принять.
6. В Немецкой земле господина профессора Вольфа⁴³.
7. С Орфиреом⁴⁴ о перпетууме мобиле говорить, ежели возможно будет и господин Вольф за полезное рассудит, о том с ним договариваться.
8. Огородника, который у господина де ла Курта⁴⁵ в Лейдене работал, сюда прислать.
9. Господину Фаренгейту термометры, носящие и морские, и господину Мусенброку машины и инструменты, к физике экспериментальной принадлежащие, сделать повелеть.
10. Из Англии промыслить такого человека, который бы с экспериментами обходиться и инструменты, к тому принадлежащие, изготовлять мог.

39 Эта карта Каспийского моря стала результатом данного царем поручения К.П. фон Вердену и Ф.И. Соймонову нанести на карту морской путь в Персию. Карта была опубликована сначала Мореходной академией в Санкт-Петербурге, а позднее — Г. Делилем и И.Б. Хоманном.

40 Отец Себастьян, он же Жан Трачет, был знаменитым физиком и изготовителем инструментов.

41 Анатом Жозеф Гишар Дюверней. По свидетельству хранителя анатомических коллекций МАЭ РАН Анны Борисовны Радзюн, в коллекции петербургской Кунсткамеры хранится восковой препарат его работы.

42 Жозеф Николя Делиль (1688–1768), географ и астроном, в то время профессор Коллеж де Франс.

43 Немецкий философ Христиан фон Вольф (1679–1754).

44 Орфиреус — псевдоним Иоганна Эрнста Элиаса Бесслера (род. в Циттау в Саксонии, 1680–1745).

45 Специалист по устройству садов и торговец предметами искусства Питер де ла Кур ван дер Воорт.

11. Музея ученых людей, как публичные, так и частные, посещать и из того усматривать, в чем Вашего Императорского Величества музеем с оными разнится; ежели чего в музее Вашего Величества не обретается, (то) оный недостаток наполнить тщится или хотя советовать, как оный недостаток наполниться может.
12. Стараться полную библиотеку Вашему Императорскому Величеству промыслить.
13. И с учеными корреспонденцию произвести для умножения художеств и наук в Вашего Величества государствах, а наипаче для сочинения сочинения наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах»⁴⁶.

Архиатр Иван Блюментрост также дал Шумахеру несколько поручений. Он попросил прислать в Петербург нескольких лекарей и опытного врача и, если возможно, искусного хирурга, заказать два ящика хирургических инструментов у лучшего мастера в Париже и «также и искушаться, каким образом в тех краях медицинские дела отправленияются»⁴⁷.

Письма

Шумахер отсутствовал полтора года. По возвращении он представил царю подробный отчет. Переписка, которую Шумахер вел во время путешествия и которая по большей части сохранилась, является важным дополнением к его отчету. Из нее следует, что, совершая эту поездку по университетам, библиотекам и коллегиям, Шумахер пользовался услугами агента царя в Амстердаме Йоханнеса ван ден Бурга (ок. 1670–1731), значимой фигуры в области русско-голландских культурных связей. Шумахер посылал через него свои приобретения в Санкт-Петербург, а Ван ден Бург обеспечивал его денежными средствами. Еще в 1719 г., во время прошлой поездки Шумахера в Париж, Ван ден Бург снабжал его деньгами и полезными советами⁴⁸.

В конце мая 1721 г. Шумахер находился в Амстердаме. Тогда с ним связался живший в Лейдене Й. ван Мушенбрук. У него были готовы заказанные ему два инструмента, которые он хотел переслать Шумахеру:

«Милостивый государь,

Смею надеяться, что ящичек, который я посылаю Вашему Превосходительству, Ваше Превосходительство получит в желаемом месте [назначения] в хорошем состоянии, в чем не приходится сомневаться, если этот ящик с аппаратом поместят на корабле сверху, при этом на нем будет

⁴⁶ Пекарский П.П. Наука и литература в России... Ч. 1. С. 533–534.

⁴⁷ После списка инструкций следует подробный отчет Шумахера о его поездке. См.: Пекарский П.П. Наука и литература в России... Ч. 1. С. 533–534 и далее.

⁴⁸ Шумахер в августе 1719 г. уже побывал в Париже. См.: Письмо Й. ван ден Бурга И.Д. Шумахеру. 8 августа 1719 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 141–141 об.

написано “Наверх”. Далее позвольте сообщить, что Ваше Превосходительство найдет его таким образом упакованным, что в случае, если откроется та сторона, на которой написано СВ, то все будет в порядке. Волшебный фонарь находится внутри камеры-обскуры, когда ее вынут из ящика, она легко откроется, после чего следует извлечь два гвоздя в основании фонаря. Если его приподнять, то его можно будет извлечь через дверцу в камере-обскуре. В ящичке уже упакованы части для камеры-обскуры; гвозди в самом ящичке, как и по бокам его, служат для закрепления упаковки, их следует аккуратно вытащить, чтобы не произошло никаких неприятностей с одеждой. В фонаре упакованы все необходимые для него части, а у основания есть зеркальце, предназначенное для камеры-обскуры. Кроме того, все обстоятельно зарисовано и упаковано в бумагу таким образом, чтобы не могло двигаться из стороны в сторону. За сим, желающий Вашему Превосходительству безопасного путешествия и всего хорошего и уповающий на милость Вашего Превосходительства, остаюсь я, со всем уважением [к Вам], милостивый государь, покорный слуга Вашего Превосходительства,

Й. в. Мушенбрук

Дата: 29 мая. P.S.: По моему скромному суждению, было бы недурно, чтобы в понедельник утром кто-нибудь побывал на судне, дабы проследить за тем, как обращаются с ящичком, иначе с ним довольно грубо обойдутся и будут перекачивать с бока на бок»⁴⁹.

5 июля 1721 г. Шумахер находился в Лейдене. Он побывал в мастерской Й. ван Мушенбрука, чтобы осмотреть подготовленные для него инструменты. Он пока оставил их в мастерской, так как хотел, чтобы сначала их оценил профессор физики Гравезанд. Подобное недоверие к мастеру, не имевшему университетского образования, было в то время довольно частым явлением.

У Гравезанда он встретил французского политического беженца Темизеля де Сент-Иасента (1684–1746). Сент-Иасент вернулся из Парижа и в 1720–1722 гг. жил в Нидерландах. Гравезанд и Сент-Иасент вместе издавали «Journal littéraire» («Литературный журнал»), который они основали в 1713 г. в Гааге. Это был новый европейский журнал, над которым работал также Юстус ван Эффен (1684–1735)⁵⁰. Помимо этого, Сент-Иасент интересовался физикой. Он, так же как Локк и Ньютон, предпочитал экспериментальные исследования, а не теоретическую полемику, как Декарт и Лейбниц. С 1723 по 1731 г. Сент-Иасент жил в Лондоне, где вращался в кругах, близких к Лондонскому королевскому обществу, членом которого он был избран в 1728 г. Вернувшись в Россию, Шумахер продолжал поддерживать связь с этим французским философом⁵¹.

49 Письмо Й. ван Мушенбрука И.Д. Шумахеру. 29 мая 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 216–217 об.

50 Carayol E. Thémiseul de Saint-Hyacinthe 1684–1746. Oxford, 1984. P. 27.

51 Письмо И.Д. Шумахера В. Гравезанду. Ок. 1726 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 366.

de l'homme qui
 sont pas encore payez, cause de notre voyage, vous
 me feriez encore un plus sensible, si vous eussiez
 la bonté d'insérer dans la votre quelque personne
 sollicitée très-fort pour cet argent. Jardon Moxfield
 si vous savez de la peine, je vous offre en échange
 mes services si vous les trouvez capables, en toutes
 les occasions, étant avec beaucoup de respect
 Moxfield
 à 1.º Peterb. ce 10.º de May
 1723
 Mon épouse et moy, Pierre, salutent
 et toute votre agréable famille.

votre très-humble et
 très-obeïssant serviteur
 J. Schumacher

Письмо И.Д. Шумахера Питеру де ла Куру ван дер Воорту в Лейден.

г. Санкт-Петербург. 10 мая 1723

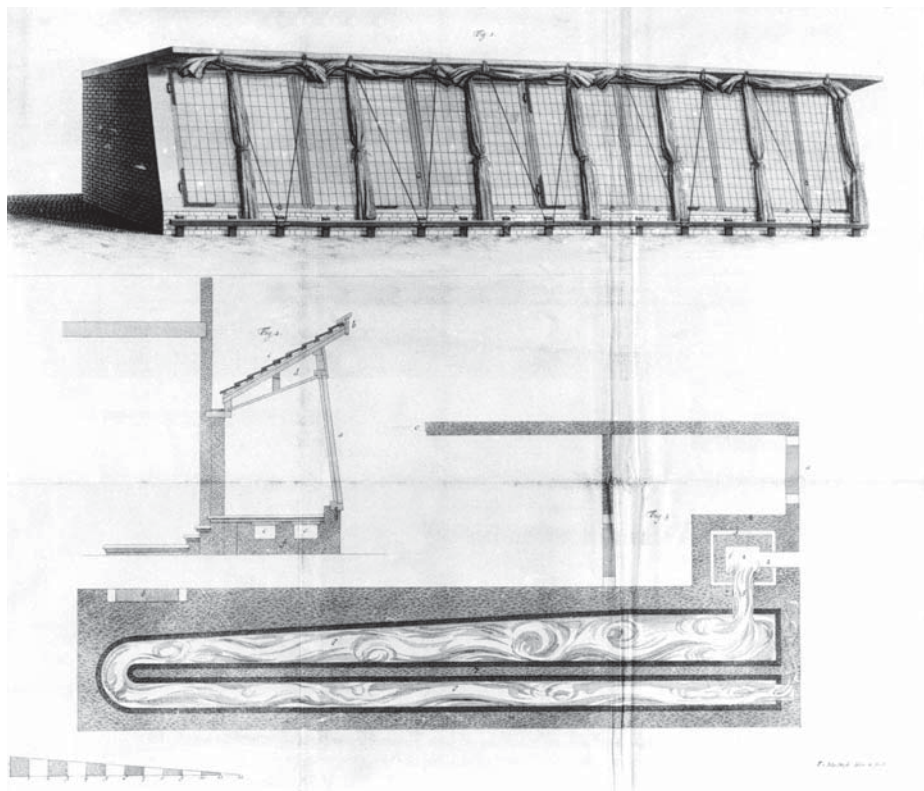
Библиотека Амстердамского университета HSS 135 Вп.

В Лейдене Шумахер посетил торговца сукном и садового архитектора Питера де ла Кура ван дер Воорта, который на рубеже XVII–XVIII вв. был виднейшим коллекционером произведений искусства.

Следуя инструкциям Лаврентия Блюментроста, Шумахер должен был попросить Питера де ла Кура отправить в Россию его садовника. Де ла Кур написал позднее Л. Блюментросту о визите Шумахера, благодаря чему мы можем узнать о его действиях во время встречи. Де ла Кур начал свое письмо с приторно сладкой речи в адрес царя⁵² и положительно отзывался о Шумахере, который, когда они обедали, очень мало говорил⁵³. Де ла Кур написал письмо не только Л. Блюментросту, но и царю. После ухода Шумахера коллекционер отправил ему в лейденскую гостиницу, где тот остановился, сообщение, в котором говорилось, что де ла Кур послал по почте ананас для царя и хотел пригласить Шумахера посмот-

52 «Глубокое почтение [испытываемое мной] к прославленному и августейшему Монарху, преисполнившая меня божественная и чудесная мудрость заставляет меня обратиться к Вашей милости и заверить Вас в своем безграничном горячем желании угодить как Его Императорскому Величеству, так и всем Его представителям» (пер. с фр.). Письмо де ла Кура ван дер Воорта Л. Блюментросту. 26 марта 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 400–401.

53 Там же.

Питер де ла Кур ван дер Воорт написал книгу о садоводстве и строительстве теплиц. Из переписки следует, что де ла Кур выступал в качестве советника торговых агентов Петра I при покупке произведений искусства в Нидерландах. Помимо этого он послал царю Петру ананас, предоставил ему план строительства отапливаемой теплицы и инструкции по выращиванию ананасов. Кроме того, он обучал русских садовников искусству разведения растений в теплицах.

Pieter de la Court van der Voort. Byzondere aenmerkingen over het aenleggen van pragtige en gemeene landhuizen, lusthoven. Leiden, 1737. (Питер де ла Кур ван дер Воорт. Замечания об устройстве роскошных и простых загородных домов, увеселительных парков.)

Библиотека Вагенингенского университета

реть, как аккуратно плод упакован в ящичек, но почта отбыла раньше. Де ла Кур послал Шумахеру в гостиницу и сопроводительное письмо к царю насчет ананаса⁵⁴. Он писал Петру I о том, что Шумахер предложил отправить Его Величеству ананас в надежде, что этот плод придется ему по вкусу, а также о том, что Шумахер действительно приложил все усилия, чтобы уговорить садовника де ла Кура

⁵⁴ Письмо де ла Кура ван дер Воорта И.Д. Шумахеру. 5 июля 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 240–241.

поступить на службу к русскому царю, но успеха в этом не достиг. Коллекционер полагал, что лучше прислать из России в Нидерланды кого-нибудь, кто поступит в ученики к его садовнику, а тот обучит его без лишних затрат и хлопот. Де ла Кур предупредил Шумахера, что предпочтительнее прислать юношу в возрасте от 20 до 30 лет, сообразительного и послушного, из простой семьи, желательно говорящего по-голландски или по-немецки и уже ранее занимавшегося садоводством, но под чьим-то руководством. По его мнению, обращению с садовым инвентарем проще обучить несведущего человека, чем того, кто думает, что уже все знает. У царя пока не было теплиц с виноградом, и де ла Кур полагал, что садовник, обученный работать в теплице, пригодится русскому монарху. Если юноша проявит усердие и талант, то обучение займет два года. Де ла Кур направил царю план своей «отапливаемой виноградной теплицы»: это была улучшенная версия той «отапливаемой теплицы», план которой он уже посылал. Теперь она была спроектирована как внутренняя постройка в обрамлении внешнего здания — для лучшего сопротивления морозам. В любое время в теплицу можно было зайти, чтобы наблюдать за растениями, ухаживать за ними, и выйти из нее, не боясь запустить холод внутрь. Де ла Кур начертил план такой теплицы, с двумя печками по обеим сторонам. Все это он изложил в своем письме государю⁵⁵.

В Лейдене Шумахер посетил также издателя и книготорговца Пьера ван дер Аа, который показал ему имевшиеся у него книги. Шумахер предложил Ван дер Аа поставлять книги в царскую библиотеку на регулярной основе и каждые полгода посылать счет одному из представителей царя в Нидерландах, который будет производить оплату.

В июле 1721 г. Шумахер остановился в гостинице «'t Wapen van Embden» на Ньювендайк в Амстердаме. Здесь он написал черновик письма Лаврентию Блюментросту о том, что успел сделать. Шумахер сообщил, что посетил в Амстердаме все кабинеты и сделал записи о самых лучших из них. У Себы он приобрел несколько *натуралий*, которые отсутствовали в Петербурге. Он заказал термометры, а также шкафчики для *Materia Medica*. Кроме того, осмотрел кабинет де Вильде (это было собрание гемм, медалей, монет и фигурок, которое наследники коллекционера собирались продать), а также «атлас» (собрание гравюр и графики) Бундермакера. «Им нет равных», — заключил Шумахер⁵⁶. Он писал, что оставил все инструменты, предназначенные для физических опытов, у Мушенбрука, чтобы сначала проконсультироваться с Гравезандом⁵⁷. Неделю спустя Шумахер написал, что с нетерпением ожидает решения по поводу приобретения кабинета де Вильде и атласа Бундермакера.

55 Письмо де ла Кура ван дер Воорта Петру I. 7 июля 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 236–237. Об ананасе и цветах де ла Кур написал царю отдельное сопроводительное письмо 18 июля 1721 г. См.: СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 242–243.

56 Письмо И.Д. Шумахера Л. Блюментросту. Амстердам. 18 июля 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 132.

57 Письмо И.Д. Шумахера Л. Блюментросту. Амстердам. 11 июля 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 131 об.

Письма Шумахера также дают представление о том, как он выполнял поручение пополнить библиотеку. Он занимался этим со знанием дела и упорством. Книготорговец, к которому он обратился, понял, что должен сделать все от него зависящее, чтобы удовлетворить пожелания Шумахера. В Лейдене Шумахер заказал несколько книг у Пьера ван дер Аа. Одну книгу — англоязычное издание книги Г. Бургава «*Methodus Studendi Medicinam*» — Ван дер Аа найти не смог. Он даже обратился к английским студентам, у которых имелась эта книга, но они отказались ее продать. Книготорговец связался с самим Бургаве, но тот сообщил, что ему ничего не известно об этой книге⁵⁸. Ван дер Аа помогал Шумахеру советами и подсказывал решения. Послав ему книгу «*Sphaera Copernica plano*», книготорговец приложил к ней два каталога⁵⁹ и предложил приобрести у него также «*Index Alter Plantarum Horti Academiensis Leidensis*» Г. Бургаве (в двух частях с иллюстрациями⁶⁰), «Разговоры» Эразма Роттердамского на французском языке в переводе Николя Гудевилля (ок. 1652–1721) в шести частях⁶¹, «Комедии» Плавта в переводе на французский того же Гудевилля (в десяти частях⁶²). Ван дер Аа написал Шумахеру, что забыл показать ему эти книги в Лейдене и сообщил, что согласен с предложенной ему системой оплаты⁶³.

В своем официальном отчете Шумахер рассказал о посещении коллекции Левинуса Винсента в Харлеме. Он особо отметил насекомых, которых там увидел: Шумахер еще нигде не встречал такое богатое собрание бабочек. Также он посетил Фредерика Рюйша. Анатом был уже очень стар, но, несмотря на это, почти заполнил четыре новых кабинета, доложил Шумахеру⁶⁴. Таким образом, мы видим, что Шумахер посетил тех же коллекционеров, у которых в свое время побывал Петр I: А. Себу, Л. Винсента, Фр. Рюйша и наследников де Вильде. Во время пребывания Шумахера в Голландии на аукцион был выставлен кабинет Николаса

58 Существовали и неавторизованные переводы книг Г. Бургава, например: «*A method of studying physick. Containing what a physician ought to know [...] the theory and practice of physick: physiology, pathology, surgery, diet, &c. And the whole praxis medica interna...*». L., 1719. В Библиотеке РАН в 1995 г. я видела книгу «*Boerhaave's Aphorisms: concerning the knowledge and cure of diseases*» (L., 1715. 4).

59 Один из них — *Wolferdus Senguerdus, Jacobus Gronovius, Johannes Heyman. Catalogus [...] bibliothecae [...]. Lugduno Batavae. Leiden, 1716* — находится в Библиотеке РАН (8745.9/22231R-233). С 1716 г. Пьер ван дер Аа издавал каталоги печатных и рукописных изданий, принадлежавших Лейденскому университету.

60 *Boerhaave Herman. Index alter plantarum quae in Horto Academico Lugduno-Batavo aluntur. 2 vol. Lugduni Batavorum: sumptibus Auctoris & prostant apud Petrum Vander Aa, 1720.*

61 *Les colloques de Erasme: ouvrage très intéressant, par la diversité des sujets: 6 t. / Trad. de [Nicolas] Gueudeville. À Leide: chez Pierre van der Aa, Boudouin Jansson vander Aa, 1720.*

62 *Les comédies de Plaute nouvellement traduites, en stile libre, naturel et naïf; avec des notes et des reflexions... / Trad. et comm. de Monsr. [Nicolas] Gueudeville. 10 t. À Leide: chez Pierre van der Aa, 1719.*

63 Письмо П. ван дер Аа И.Д. Шумахеру. 24 июля 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 232–232 об. Опубл.: *Копанев Н.А.* Голландский издатель Пьер ван дер Аа и библиотека Петербургской академии наук... С. 46. Однако у Н.А. Копанева письмо датировано 19 июля 1721 г.

64 *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом... С. 550.

Шевалье (1661–1720). Это собрание царь ранее тоже посещал. Помимо всего прочего Шумахер купил старинные масляные светильники и камеи. Также он приобрел «полное собрание конхилиев, минералов и рисунков»⁶⁵ у амстердамского архитектора и коллекционера Симона Схейнвута (1652–1727)⁶⁶. Мы не будем перечислять все европейские коллекции и библиотеки, которые посетил Шумахер, а также всех ученых и изготовителей инструментов, с которыми он общался во время своего путешествия, — полный отчет о его поездке опубликован П.П. Пекарским⁶⁷. Однако мы сделаем исключение для торжественного приема в Академии наук в Париже, так как это событие демонстрирует участие России в европейской дискуссии, которая велась в «Республике исследователей природы».

4 августа 1721 г. Шумахер прибыл в Париж, где пришел на прием к аббату Биньону, президенту Академии наук. Шумахеру предоставили возможность выступить с речью на открытом заседании, которое должно было состояться на следующий день, в присутствии регента, зачитать письмо русского царя и представить новую карту Каспийского моря, о которой говорилось в письме царя⁶⁸. В день заседания, назначенного на три часа, к Шумахеру утром пришел Жозеф Николя Делиль (1688–1768). Они рассмотрели карту, после чего отправились в Лувр. Фонтенель представил Шумахера членам академии. Сначала Шумахер зачитал письмо царя о карте Каспийского моря, а затем письмо Лаврентия Блюментроста. Последний подробно излагал, какие исправления были нанесены на карту, а далее объяснял, каким образом в России планируется создать Академию наук и какие шаги к этому уже предприняты. Зачитав письмо, Шумахер продемонстрировал «специмен орнитологии» — краткое описание птиц, которых доктор Мессершмидт изучал в Сибири. Членов академии поразили планы грядущего основания Академии наук в России и методика Мессершмидта, и после того, как они высказали пожелание, чтобы история природы всех других областей России была бы описана так же подробно, Делиль дал поручение скопировать «специмен орнитологии», чтобы включить в «Мемуары» академии.

Шумахер в своем отчете также сообщал, что, когда в Лувре стало известно о том, что он занимает должность царского библиотекаря, ему порекомендовали богаче одеваться и взять совершенно иной экипаж, подобающий представителю русского монарха.

На второй день он в соответствии с полученными от Блюментроста инструкциями посетил обсерваторию, чтобы заказать там рисунки имеющихся инструментов⁶⁹.

65 Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 549.

66 О Схейнвуте см.: Roemer G.M. van de. De geschikte natuur: theorieën over natuur en kunst in de verzameling van zeldzaamheden van Simon Schijnvoet (1652–1727). Amsterdam, 2005.

67 Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–1722 гг. // Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 533–558.

68 Там же. С. 533, 535.

69 Там же. С. 535–536.

Себа помогает Шумахеру приобрести и отправить в Россию два термометра

Из опубликованного отчета Шумахера известно, что он купил у Себы несколько недостававших Кунсткамере животных. Из переписки следует, что Себа также помогал Шумахеру приобретать дорогостоящие объекты у третьих лиц. В октябре 1721 г. Шумахеру, находившемуся тогда в Берлине, пришла посылка с двумя термометрами, которые Себа получил от Габриеля Фаренгейта; они были надежно упакованы в кожаный футляр и двойной чехол. В письме Себа выразил надежду, что термометры дошли до адресата в хорошем состоянии. Он также написал, что поссорился с Фаренгейтом, обнаружив в выставленном им счете, что стоимость каждого термометра на 12 гульденов выше, чем при продаже другим покупателям. Фаренгейт разозлился и повел себя некрасиво по отношению к А. Себе. Они не смогли договориться. По мнению Себы, у Фаренгейта скверный характер. Себа закончил свое письмо напоминанием, что все еще не получил денежного перевода от Ивана Блюментроста, хотя тот ему твердо обещал его прислать. Ранее И. Блюментрост заверял Себу, что через 14 дней после получения заказа пришлет оставшуюся сумму, которая на тот момент составляла 14 810,35 гульденов, не считая оставшихся 2000 гульденов, причитавшихся аптекарю с давних пор еще за его коллекцию. Себа понимал, что из-за подобных неприятностей Шумахер не станет сокращать свою поездку, но все же просил еще раз напомнить Ивану Блюментросту о неоплаченном счете⁷⁰.

Шумахер побывал и в Лондоне. 3 апреля 1722 г. он проживал в гостинице «Crown Western»⁷¹. Сначала он путешествовал инкогнито — в 1716 г. английский король Георг I обвинил Петра I в сговоре против его короны, но, заметив благосклонное отношение к себе и своему патрону, Шумахер стал называть свое настоящее имя. Он посетил Лондонское королевское общество; в своем отчете Шумахер перечислял, с кем ему удалось там побеседовать⁷².

Коллекция Якоба де Вильде и атлас Теодора Бундермакера

В письме из Амстердама Шумахер обратил внимание Л. Блюментроста на «сборный атлас» (собрание произведений печатного и графического искусства) покойного Теодора Бундермакера: «...Атлас, который из 102 книг состоит [...]. Содержит бо не токмо лучшие генеральные и специальные карты, но и описание начальнейших улиц и городов всякой провинции, также и образы державу имеющих господ, и рисунки баталий, которыя в каждой провинции делались»⁷³.

70 Перечитав письмо, А. Себа обнаружил в нем ошибку. Он написал, что послал термометры во Франкфурт господину Этглингу. Однако термометры были отправлены напрямую в Берлин господину Захарию Негелину. См.: Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 23 октября 1721 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 266–267.

71 Письмо Ван ден Бурга И.Д. Шумахеру. 3 апреля 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 365–366.

72 Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 545.

73 Там же. С. 550.

Царь с детских лет был знаком с «*Papierkunst*» — печатным и графическим искусством на бумажной основе — и решил приобрести эту коллекцию. Для этого он обратился за помощью к Кристоффелю Брантсу. Шумахер уже две недели находился в Лондоне, когда Ван ден Бург сообщил ему, что атлас Бундермакера купила «вдова Мутьенс за 8000 гульденов»⁷⁴. Ван ден Бург полагал, что она приобрела атлас по просьбе князя Куракина. Брантс, которому предстояло доложить царю о том, что он не справился с поручением, иначе объяснил произошедшее. По его словам, он попробовал «осторожно договориться о покупке для царя за разумную цену», но ему это не удалось, «так как он слишком поздно получил данное поручение»: «21 марта/1 апреля [1722]⁷⁵ все Атласы были проданы на публичных торгах графу Тарокка, послу португальского короля, который заплатил за него немногим менее 1000 [талеров?]⁷⁶. Брантс просил Блюментроста передать это сообщение царю.

В 1721 г. Шумахер также обратил внимание царя на коллекцию Якоба де Вильде. Коллекционер умер в том же году, и вот теперь, почти через год, Кристоффель Брантс получил задание более подробно узнать о его собрании. Наследники дали ему список (см. приложение VI), который он послал Л. Блюментросту с тем, чтобы тот вручил его царю: «В списке перечислены все древности, памятные медали, а также много старых и новых редкостей»⁷⁷. Цена показалась Брантсу высокой: наследники оценили коллекцию в 20 тысяч рейксдальдеров. Правда, они намекнули, «что их удовлетворит и меньшая, но не гораздо меньшая сумма»⁷⁸. Он полагал, что резидент де Вильде⁷⁹ сможет дать более подробные объяснения. Также Брантс добавил, что в случае, если царь рассматривает возможность покупки этой коллекции, он должен попросить кого-нибудь, кто разбирается в древностях и медалях, еще раз ее осмотреть. По мнению Брантса, некоторые из них были очень ценными⁸⁰.

74 Письмо Ван ден Бурга И.Д. Шумахеру. 17 апреля 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 367–368.

75 30 марта 1722 г. «сборный атлас» (коллекция графики) Теодора Бундермакера был выставлен на торги. Объявление в газете «*Amsterdamse courant*» описывало коллекцию следующим образом: «Атлас состоит из 103 частей [...] Карты, планы городов, портреты, море и поля битв, осады, загородные дома и дворцы...» (*Amsterdamse Courant*. 1722. 30 марта).

76 Письмо Кр. Брантса Л. Блюментросту. 14 апреля 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 103–104.

77 Там же.

78 Наследники не хотели продавать кабинет по частям и пытались найти покупателя, который приобретет его целиком. Они ждали до 5 апреля 1740 г., после чего коллекция ушла с молотка. Кабинет принес 5361,30 гульденов. Три картины были проданы с аукциона еще в 1738 г. Одна картина Яна ван дер Хейдена была продана за 214 гульденов 80 центов. «Рождение Христа» и картина де Витте принесли по 100 гульденов. В Королевском бюро по искусствоведческой документации в Гааге хранится каталог этой коллекции. См.: *Eeghen I.H. van. De verzameling van Jacob de Wilde of het Museum Wildeanum op Keizersgracht 333 // Jaarboek Amstelodamum*. 1951. No. 38. P. 90–91.

79 Голландский резидент в Петербурге Виллем де Вильде, сын Якоба де Вильде.

80 Письмо Кр. Брантса Л. Блюментросту. 14 апреля 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 103–104.

Царь не стал покупать коллекцию де Вильде. На это у него были причины. В 1721 г. Шумахер уже приобрел для него большое собрание серебряных и золотых монет и медалей у немецкого коллекционера Иоганна Людерса. Вместе с коллекцией был доставлен каталог с ее описанием⁸¹. Позднее, в 1738 г., были приобретены монеты и медали из той же коллекции, изготовленные из неблагородных металлов. Коллекция монет и медалей Кунсткамеры была сформирована по большей части из этих экспонатов.

16/27 мая 1722 г. Шумахер послал из Амстердама письмо Гравезанду, напомнив ему об обещании, данном при их встрече в Лейдене: письменно изложить царю свое мнение о *perpetuum mobile* Орфиреуса (1680–1745) из Касселя. Библиотекаря интересовало, может ли это изобретение, попав в руки к искусному математику, принести выгоду и не пытается ли изобретатель его обхитрить⁸².

31 мая Гравезанд ответил, извинившись за то, что не смог написать ранее, так как три дня был в отъезде:

«Машина Орфиреуса кажется мне весьма необычной, но, так как я не видел ее внутреннего устройства, я не могу сообщить ничего позитивного относительно ее использования, но я не сомневаюсь, что по прошествии времени от нее будет польза при условии, что это, — как уверяет ее создатель, и что мне кажется вполне вероятным, — настоящий *perpetuum mobile* [...] Исключено, чтобы *perpetuum mobile*, даже если его никогда не удастся найти, не имел большой пользы. В особенности раз такой великий монарх, как Его Величество, хочет работать над его усовершенствованием, осмелюсь все же утверждать, что подобные большие машины существуют [...] Чтобы избежать обмана со стороны Орфиреуса в контракте, который с ним заключат, следует оговорить, что машину осмотрят изнутри некоторые математики и что его создателю заплатят не раньше, чем изобретение будет признано настоящим *perpetuum mobile*, но при этом в контракте не следует упоминать того факта, что покупатель надеется извлечь выгоду из аппарата, для чего собирается взять на службу нескольких математиков [...]. Я надеюсь, что любовь царя к наукам вырвет эту машину из рук ее создателя, которому она не приносит никакой пользы»⁸³.

В конце 1717 г. Гравезанд, английский изготовитель физических инструментов Джон Роули и немецкий философ Христиан фон Вольф (1679–1754) уже присутствовали на эксперименте, во время которого, судя по письму Гравезанда

81 Хорошее представление о том, насколько была богата эта коллекция, дал О.Я. Неверов: *Neverov O.Ya. Ancient coins // The paper museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg c. 1725–1760. Introduction and interpretation / Red. R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers, G.V. Vilinbakhov. [Amsterdam], 2005. P. 271–273.*

82 Письмо И.Д. Шумахера В. Гравезанду. 27 мая 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 146 об.

83 Письмо В. Гравезанда И.Д. Шумахеру. 31 мая 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 281–282.

к Ньютону, машина Орфиреуса с блеском прошла проверку⁸⁴. Имя Орфиреус было псевдонимом немецкого физика Иоганна Эрнста Элиаса Бесслера, который по приглашению Карла, ландграфа Гессен-Касселя (1654–1730), в обстановке глубокой секретности трудился над созданием своего изобретения. Он никому не показывал, как работает его машина. Только ландграф видел внутреннее устройство аппарата, скрытого под куском парусины. Лондонское королевское общество также проявляло интерес к этой машине — ее хотели приобрести, рассчитывая на экономическую выгоду, которую она могла бы принести. В наше время известно, что *perpetuum mobile*, или вечный двигатель, — находящийся в вечном движении аппарат, запущенный однажды и продолжающий движение без дополнительной энергии, — по законам динамики не может существовать. Сама идея вечного двигателя противоречит закону сохранения энергии. Однако Роули, фон Вольф и Гравезанд поверили в эту машину. Очевидно, в то время еще не все были убеждены в том, что законы динамики верны и не знают исключений.

Шумахер приобретает картины для Кунсткамеры

Из писем мы можем многое узнать о том, как собиралась коллекция картин царя Петра. Когда обустройство Летнего дворца в городе и загородного парка в Петергофе с находящимися там Большим дворцом, малыми дворцами Монплеизир, Марли и Эрмитаж достигло финальной стадии, Петр приобрел значительное количество картин, в основном в Голландии. В СПФ АРАН я обнаружила инвентарную опись петровских дворцов «Описание собрания картин в Марли и Монплеизире в Петергофе [...] Георга Гзелля и Якоба Штелина. 1737»⁸⁵. Приложив некоторые усилия, картины из этой описи удалось увязать с аукционными списками и отчетами о покупках, в том числе русского архитектора Юрия Кологринова (не позднее 1692–1754), который обучался в Италии и Нидерландах. Оказалось, многие картины были приобретены в одно и то же время.

Для Петра покупалось много картин, но это не означает, что он был большим поклонником живописи. Семнадцатилетний Андрей Матвеев (1701/1704–1739), ученик амстердамского художника Арнольда Боонена (1669–1729), был отправлен на учебу в Голландию не Петром, а Екатериной I. Русский торговый агент Ван ден Бург докладывал об успехах этого юноши непосредственно ей, а не Петру⁸⁶.

84 Lettre à Mr. Newton, sur une machine inventée par Orffyreus // Mercure historique et politique. 1721. September. P. 363.

85 Verzeichnis der sämtlichen Schildereyen zu Marly und Monplaisir in Peterhoff [...]. Georg Gsell und Jacob Stählin, 1737. См.: СПФ АРАН. Ф. 170. Оп. 1. Д. 65. Опубликовано И. Дриссен и А.Г. Каминской в переводе с нем. А.Л. Бураковой: Описание собрания картин в Марли и Монплеизире в Петергофе с их стоимостью и сведениями о мастерах и с заметками об их работе академического живописца Гзелля и Якоба Штелина. 1737 // Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого... С. 340–380.

86 Письмо Ван ден Бурга царице Екатерине. 21 апреля 1719 г. РГАДА. Р. IX. Оп. II. Д. 48. Л. 537–538.

Другая императрица, Екатерина II, которая впоследствии будет приобретать еще больше картин, чем Петр I, проявит в этом вопросе явное согласие со своим предшественником. Они оба абсолютно не разбирались ни в живописи, ни в музыке. Екатерина Великая честно писала об этом, а о Петре мы узнаем от английского историка Маколея. Последний сообщает, что Петр, осматривая картинную галерею в Кенсингтонском дворце, ни одним взглядом не удостоил висевшие там многочисленные полотна и заинтересовался только искусно сконструированным механическим флюгером над дымоходом⁸⁷. Позднее Петр приказал установить подобный флюгер на крыше своего Летнего дворца в Петербурге.

Потребность в картинах и интерес к живописи появились у Петра лишь в тот момент, когда ему пришлось обустраивать свои европейские дворцы, построенные на берегах Невы и Финского залива. В общей сложности для Петра приобрели четыреста полотен. В.Ф. Левинсон-Лессинг не нашел ни одного упоминания о том, чтобы Петр во время своей первой поездки в Европу покупал картины. Ученый ссылался на Хаубракена, который отмечал, что в то время у Петра вызывали интерес только изображения кораблей, которые могли быть ему полезны при строительстве его собственного флота⁸⁸. Но позднее царя интересовали уже не только картины на морскую тематику⁸⁹. Полотна, которые он начал покупать, относились ко многим жанрам: сцены из крестьянской жизни, батальная живопись, городские пейзажи, изображения птиц и зверей, а также историческая живопись на сюжеты Ветхого Завета. Инструкции, которые Петр дал своему амстердамскому торговому агенту Осипу Соловьеву в 1716 г., касались в первую очередь количества картин: «Что ж пишете о картинах, что их с 80 уже купил, однако ж и впредь старайся их еще покупать, ибо нам надобно их довольно число, но смотрите только, чтоб были хорошей работы [...]»⁹⁰.

Петр все еще не был знатоком искусства. Ему было недостаточно списка имен художников и сюжетов их работ: «...а из купленных осмидесяти, которыя ты станешь посылать в Петербург, пришлите к нам в Шверин [в северной Германии, где в 1716 г. Петр вел войну] картин пять или шесть разных манеров, которыя мы осмотра, будем к тебе писать, какие впредь надобно покупать; да проведай, жив ли в Амстердаме славной живописец Ван дер Верф, и о том отпиши к нам, и постарайся достать его работы картины две или три»⁹¹.

87 *Macauley T.B.* The History of England: from the accession of James the Second. [Leipzig, 1849]. Vol. 9. P. 91.

88 *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Первое путешествие Петра I за границу // История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1985. С. 330, 341. Прим. 139 и 141.

89 См.: Описание собрания картин в Марли и Монплезире в Петергофе с их стоимостью и сведениями о мастерах и с заметками об их работе академического живописца Гзелля и Якоба Штелина. 1737 // Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого... С. 340–380.

90 *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого: в 15 т. М., 1838–1843. Т. 6. С. 502–503.

91 Там же.

Тем не менее Петр покупал картины не только для оформления своих дворцов, но и потому, что после своего путешествия по Европе знал — так подобало делать монарху⁹². Он также заказал картины для Кунсткамеры. Ранее де ла Кур дал Шумахеру обещание сообщать, если какая-нибудь коллекция будет выставлена на аукцион, чтобы приобрести картины для царя с наименьшим риском. Шумахер писал Блюментросту, что побывал на торгах, организованных де ла Куром.

«В Амстердаме, под дирекцию господина де ла Кура, презиридная оранжерея на аукции продавалась и драгоценный кабинет живописных вещей, деланных от лучших мастеров; и понеже в медицинском огороде оранжереи не имеется⁹³ и в новую библиотеку и Кунсткамеру впредь живописи весьма надобны будут, и оныя вещи не вельми дорого продавались; того ради я оранжереи и несколько живописей через господин Ларвода и сына его — оную за 823 гульдена, сии за 8382 гульденов купил; но понеже в медицинском огороде еще к оранжерее места не обретається, того ради господин архиатер оную Ея Величеству Государыне Императрице отдал, и оная уже заплачена. А живописи в кунсткамер суть на время, но еще не заплачены, и плату за оныя Элмсал и Эванс [...] ежедневно требуют и мне покоя не дают...»⁹⁴.

Эта покупка стала важным событием для Кунсткамеры. С этого момента ученики художников, графиков и граверов, работавших в России, могли увидеть живопись не только в частных собраниях, таких, например, как коллекция графа А.И. Остермана (1687–1747)⁹⁵, но и — по справедливому определению В.Ф. Левинсона-Лессинга — в первом русском музее *изобразительного искусства*⁹⁶.

92 Впрочем, были и другие правители, которые «оптом» скупали предметы искусства для оформления своих дворцов. М. Клебусек, начиная свое исследование коллекции штатгальтера Нидерландов Фредерика-Генриха Оранского, заявила на одном собрании клуба истории коллекционирования в Амстердамском историческом музее, что постарается понять вкус штатгальтера с помощью купленных им произведений. Спустя годы, когда она в 1997–1998 гг. организовала выставку в Гаагском историческом музее «Vorstelijk vertoon» («Княжеский показ»), посвященную двору Фредерика-Генриха Оранского и его супруги Амалии, она уже выяснила: покупатель, каковым являлся Фредерик-Генрих, совершая подобные приобретения, обращал внимание только на качество и количество полотен, о чем она и сообщила тому же историческому клубу во время экскурсии.

93 Оранжерея — конструкция из стекла, защищающая от холода, где апельсиновые и прочие цитрусовые деревья из средиземноморских регионов могут пережить зимнее время. Не ясно, действительно ли в данном случае под словом «оранжерея» подразумевается коллекция апельсиновых деревьев.

94 Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 554.

95 Граф Остерман позволял студентам посещать свою коллекцию. См.: Ein Deutscher am Zarenhof. Heinrich Graf Ostermann und seine Zeit 1687–1747 / Red. Joh. V. Wagner, B. Bonwetsch, W. Eggeling. Essen, 2001. S. 41.

96 Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа... С. 42.

По возвращении из Парижа Шумахер передает царю письмо Французской академии наук

В сентябре 1722 г. Шумахер вернулся из своего заграничного путешествия. В молодом возрасте — ему тогда был 31 год — у него была возможность оценить почти все значимые собрания Европы, за исключением коллекций, находившихся в Италии. Он, как никто другой, знал царские коллекции в Петербурге и потому мог купить тот или иной недостающий в них экспонат. Во время поездки он регулярно отправлял в Россию приобретенные объекты. Так же Шумахер поступал и с книгами для библиотеки царя. Он пополнил комплекты нескольких серийных изданий и приобрел более трехсот книг в дополнение к тем, что уже имелись в библиотеке. По возвращении он, как и ранее, был назначен секретарем Медицинской канцелярии, в ведении которой находилось все, что в России имело отношение к медицине⁹⁷.

Письма

В Париже во Французской академии наук Шумахеру вручили письмо, с тем чтобы он передал его русскому императору, однако к приезду Шумахера государь был за границей. Лишь после возвращения Петра и Л. Блюментроста из военного похода библиотекарь смог вручить письмо адресату. В ответ на него царь приказал Блюментросту составить и отослать отчет о последних научных открытиях. Так, Блюментрост в числе прочего послал в Париж «карту только что завоеванного Дербента», столицы Дагестанского ханства, «а также наблюдения о породах камня в дербентских домах, которые отличаются от того, что Адам Олеарий» (1603–1671), математик из Шлезвиг-Гольштейна, посол Фридриха III Гольштейн-Готторпского, «ранее писал об этих зданиях»⁹⁸, и «присовокупил к этому завернутые в бумагу, высушенные, отчасти неизвестные растения из окрестностей Москвы, собранные ботаником Буксбаумом»⁹⁹, и карту недавно выкопанного Ладожского канала»¹⁰⁰.

Царь последовал рекомендации де ла Кура ван дер Воорта, которую тот дал Шумахеру в Лейдене, и послал в Нидерланды учиться несколько русских садовников. Это следует из письма Ван ден Бурга Шумахеру. Императорская чета верила заботам де ла Кура нескольких садовников и поручила надзор за ними

97 Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 299.

98 Отчет о поездке Адама Олеария в Персию был опубликован в 1646 г. и в настоящее время переведен на многие языки мира. Хорошее современное издание: *The travels of Olearius in 17th century Russia (1647)* / Ed. by S.H. Baron. Stanford, 1967. Олеарий заведовал готторпской кунсткамерой и составил ее описание (1674).

99 Иоганн Христиан Буксбаум (1693/4–1730). В Большой советской энциклопедии (Т. 4. С. 37) датой его рождения указан 1694 г.; в карточке библиотеки Нидерландского института научных информационных услуг указан 1693 г.

100 Черновик письма Л. Блюментроста членам Королевской академии наук в Париже. Петербург. 2 марта 1723 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 157–158.

Ван ден Бургу. Он опекал многих учеников из России: находил для них учителей, пансионы, организовывал для них уроки голландского письма и чтения, снабжал деньгами на одежду и время от времени собирал их вместе, чтобы отметить русские праздники. Каждую неделю он навещал нескольких из них. Некоторые ученики доставляли ему немало хлопот: они посещали проститутток, часто бывали навеселе или не могли приспособиться к голландскому темпу работы; однако некоторые добивались поразительных успехов, как, например, молодой Андрей Матвеев, которого царица послала учиться к амстердамскому живописцу Арнольду Боону¹⁰¹. В начале июля 1723 г. Ван ден Бург отправился в Лейден, чтобы обсудить с де ла Куром успехи его учеников. И так случилось, что речь зашла о покупке картин для царя. Шумахер уже однажды приобрел картины для Кунсткамеры на организованном де ла Куром аукционе и хотел повторить этот опыт. Де ла Кур не слишком жаждал помогать и объяснил Ван ден Бургу, «что во время продажи и покупки картин часто происходит обман, когда копию продают под видом оригинала. Что он уже сталкивался с подобным жульничеством и потому опасался, что его могут обмануть, и если он при этом приобретет что-то для царя, а покупка окажется неудачной, то на него падет подозрение, будто он имеет доход с уплаченной суммы. И он боялся потерять из-за этого доверие царя, в то время как в настоящий момент он пользовался большим его уважением и хотел, чтобы так и продолжалось»¹⁰². Зато де ла Кур предлагал свои услуги в другом: «если Его Величество пожелает [приобрести] что-то, относящееся к садам», то он «с удовольствием ему поможет».

Де ла Кур не только жаловался на огромное количество копий, которые выдавались за оригиналы, но и предупреждал, что «большинство полотен, продающихся на открытых торгах в Нидерландах, приобретают любители [искусства]». По его словам, «они взвинчивают цены». Он предлагал Ван ден Бургу: «...узнав о кончине настоящего ценителя, если все будет продаваться напрямую, он попробует что-нибудь приобрести. В таких обстоятельствах шанс купить качественное произведение гораздо выше»¹⁰³. Де ла Кур пообещал сообщить Ван ден Бургу, если такой случай представится: «При этом ему нужно знать, какие картины желает приобрести царь»: «батальные сцены на земле и море, бытовые, исторические сюжеты, портреты или изображения животных, маленькие или большие полотна». Ван ден Бург писал: «Он [де ла Кур] сказал также, что в настоящее время нет художников, которые бы писали корабли и морские баталии», и что подобные картины в случае продажи невероятно дорого стоят. Ван ден Бург закончил письмо сообщением о том, что де ла Кур, который ранее послал государю ананас,

101 Рапорты Ван ден Бурга от 10 августа 1719 // РГАДА. Ф. 9. Оп. II. Д. 42. Л. 432–432 об.; от 18 сентября 1719 // Там же. Л. 420–421; от 5 декабря 1719 // Там же. Л. 428–429 об.; от 19 декабря 1719 // Там же. Л. 423; Письмо Брантса А.В. Макарову. 26 сентября 1720 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. II. Д. 52. Л. 128.

102 Письмо Ван ден Бурга И.Д. Шумахеру. 6 июля 1723 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 19–20 об.

103 Там же.

с благодарностью принял подарок царя — несколько ананасов: «Де ла Кур и его помощник выразили восхищение петербургским садовником, которому это удалось [вырастить]»¹⁰⁴.

Возведение Кунсткамеры

Как мы уже упоминали, когда И.Д. Шумахер вернулся из своего путешествия, государя не было в Петербурге, так как он участвовал в Персидском походе. В Нидерландах с нетерпением ожидали сообщения о «de Astrachanse reijse» («Астраханском рейсе»), как назвал Ван ден Бург Персидский поход¹⁰⁵. Сначала никто не воспринимал Петра всерьез, но «теперь, по свидетельству Ван ден Бурга, [все] начали рассуждать об изменениях в персидской монархии»¹⁰⁶. 22 октября 1722 г., находясь у южных границ своего государства в Астрахани, на Каспийском море, царь послал Ульяну Синявину, директору строений городовых дел, указания относительно нового здания Кунсткамеры. Государь повелел сложить в Кунсткамере камин и покрасить стены, но не спешить со шкапами для экспонатов: «...по получении сего призови Шумахера, которому кабинет вручен, чтобы тебе дал роспись и показал места, где что делать. И по оному делать немедленно, дабы в будущее лето [1723 г.] оный ку(н)шт-камор видеть готовым»¹⁰⁷.

Ремонт Кикиных палат

Несмотря на категорическое послание Петра I У. Синявину, летом 1723 г. здание Кунсткамеры все еще не было готово. А тем временем Кикиным палатам, где до сих пор хранились коллекции, требовался серьезный ремонт. Поэтому 10 марта 1724 г. Шумахер принял смелое решение: он написал письмо Доменико Трезини, который был на службе у царя и работал в Петербурге:

«Книги и редкости царя, которые помещены в доме Кикина, фактически открыты дождю, так как крыша провалилась и полна дыр. Господин Блюментрост, первый лейб-медик царя, многократно указывал господину Синефину¹⁰⁸ на необходимость ремонта, но это не привело к результату. Поэтому я принял решение вмешаться лично. Единственная милость,

104 Письмо Ван ден Бурга И.Д. Шумахеру. 6 июля 1723 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 19–20 об.

105 18/29 июля 1722 г. русский флот, покинув Астрахань, выступил против Персии. После неудач в первой кампании 20 июня/1 июля 1723 г. началась вторая, в результате которой Петр Великий завоевал Баку.

106 Письмо Ван ден Бурга И.Д. Шумахеру в Гамбург. 30 июня 1722 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 34.

107 Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 1. С. 7; Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 303; Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 50.

108 Имеется в виду Ульян Синявин.

о которой я Вас прошу, сударь, — это чтобы вы соблаговолили помочь мне с рекомендацией подходящих мастеровых и заключением контракта с ними. Я сам позабочусь об оплате. Прошу Вас сообщить мне, когда я смогу иметь честь лично засвидетельствовать Вам свое почтение»¹⁰⁹.

Тем летом Л. Блюментрост вздыхал:

«...Библиотека и Кунсткамера мало принесут пользы, если для нее не будут вызваны способные ученые люди, которые бы занимались исключительно науками. Вследствие того император повелел сделать таковой вызов, тем более что если по каждой науке будет вызван особенный ученый, то из них может составиться целая академия»¹¹⁰. — «Его Величество приказал ему [Блюментросту] сочинить о том проект [...] Сие есть, — рассказывал Шумахер, когда его спросили о покойном Блюментросте, — подлинное начало Санктпетербургской академии»¹¹¹.

109 Письмо И. Шумахера Д. Трезини. 10 марта 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 196.

110 В 1755 г. Шумахер по просьбе барона Корфа записал свои воспоминания о том, как покойный Лаврентий Блюментрост стал президентом Академии наук. Цит. по: *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук... С. 51.

111 Там же. С. 52.

Глава X

ЭПИЛОГ.

ОТ ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ НАУКИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ

Основание Академии наук в Санкт-Петербурге в 1724 г.

После возвращения из заграничной поездки в 1723 г. И.Д. Шумахер и Л. Блюментрост начали разрабатывать план создания Академии наук. В Париже, Лондоне и Берлине Шумахер изучил принципы деятельности научных учреждений: Французской академии наук, Лондонского королевского общества и Берлинского общества. При создании Императорской академии художеств и наук в Петербурге Л. Блюментрост и И.Д. Шумахер в большей мере опирались на эти и другие образцы, однако в том, что касается структуры, как мы увидим, они избрали собственный путь.

Планы создания Академии наук

Автором плана Академии наук Шумахер называет Блюментроста и даже в своей автобиографии («Житие советника Шумахера»¹) ни слова не говорит о собственной роли в разработке этого проекта, однако, как указывает А.И. Андреев, в ее значительности нельзя сомневаться, «зная близкие отношения Блюментроста и Шумахера». Далее для еще большей весомости он добавляет: «Это участие Шумахера с полным основанием признается историками нашей академии»².

Разработанный Блюментростом и Шумахером проект включал, кроме создания Академии наук, также связанные с ней университет и гимназию³, которые должны были располагаться частично в том же здании и подчиняться тому же руководству. В этом первоначальный план создания Императорской академии

1 Цит. по: Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сб. ст. / Ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1947. С. 313.

2 Там же.

3 В 1747 г. учебная программа этой гимназии включала следующие предметы: латынь, поэзия, греческий язык, изящная латынь, арифметика, рисование, геометрия, география, логика, метафизика, теоретическая и экспериментальная физика, древности и история литературы, естественное право и практическая философия.

наук в Санкт-Петербурге принципиально отличался от Лондонского королевского общества и Французской академии наук, выполнявших только научно-исследовательскую функцию, но не образовательную. Согласно плану, университет должен был иметь три факультета: юридический, философский и медицинский.

Преподавание теологии, важнейшего во всех европейских университетах предмета, здесь не планировалось: теологией должна была заниматься церковь. Характерной особенностью Петербургской академии наук было преобладание точных наук. Поскольку предполагалось, что преподавать русским студентам будут иностранные ученые, работающие в Петербурге на контрактной основе, от них требовалось, чтобы они написали на бумаге тексты своих лекций, которые потом будут напечатаны.

В проекте закона о создании Петербургской академии наук Петр указывал, что академия будет служить на пользу и к чести Отечества⁴. В деле управления страной Петр имел обыкновение вникать во все детали, и бесчисленные приписки его рукой на полях проектов свидетельствуют о его деятельном участии в создании Академии наук. Сложным был вопрос о языках, на которых будет вестись преподавание. Поскольку все ученые, принимаемые на службу в Академию наук, были иностранцами, преподавать они могли на латыни, французском и немецком языках. Однако русские студенты в большинстве своем знали только русский язык, следовательно, требовались переводчики. Петр осознавал эту проблему. 13 января 1724 г. на полях проекта Шумахера и Блюментроста в том месте, где шла речь о профессорах, которым будут ассистировать адъюнкты, способные сами вести преподавание на не столь высоком уровне, Петр сделал приписку: «Надлежит по два человека еще прибавить, которые из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить...». По поводу трех факультетов университета он приписал: «...а каких наук, написать именно»⁵.

В следующей версии проекта от 22 января 1724 г. он указал на полях, что книги по «художествам» надо будет перевести на русский: «Художества же следующие: математическое, хотя до сферических триангулов, механическое, анатомическое, хирургическое, ботаническое, архитектур милитарис, цивилис, гидроика и протчии тому подобные. Архитектуры навалис нигде книг хороших нет»⁶. Он предвидел, что особенно большие сложности возникнут при переводе книг по научно-техническим предметам. Для разрешения их Петр предлагал: «...заранее сие делать надобно таким образом: которые умеют языки, а художеств не умеют, тех отдать учитца художествам, а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учитца языкам»⁷. Но, писал он на полях, «чтоб все из русских или ино-

4 Проект Положения об учреждении Академии наук и художеств // Уставы Академии наук СССР. М., 1975. С. 32.

5 Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 316.

6 Там же. С. 307; Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 1. С. 79–80.

7 Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 306.

земцы, кои или здесь родились или зело малы приехали и наш язык, как природный, знают, понеже на свой язык всегда легче переводить, нежели с своево на чужеи»⁸.

Петр I давал точные указания, какие предметы следует преподавать. В его приписках на проекте, датированном январем 1724 г., читаем: «Во Академии, которая имеет место быть, мастерствам [sic!] чтоб учить всех мастерств, что касается до механики, языков, пиктуры, скульптуры, архитектуры, геометрии, прешпективы, оптики и протчих всех мастерств [sic!], кроме мелких, как сапожное и портное и протчее тому подобное»⁹. Описывая преподавание в будущей Академии наук и художеств, Петр использовал слова «художества» и «мастерства» как синонимы.

В проекте от 24 января 1724 г. упоминаются вспомогательные учреждения, такие как библиотека и кабинет натуралий, а также говорится о приглашении художника и гравера.

Осуществить этот план в полной мере не удалось. Университет тогда не был основан. Как мы увидим далее, первый в России университетский диплом по медицине был выдан лишь в 1765 г. Однако внутри Академии наук преподавание все же велось. «...Его Величество 28 генваря 1724 г. учиненной об Академии проект совершенно утвердить и своеручно подписать изволил. Потом без всякого замедления выписаны были из других государств потребные к сей Академии наук профессоры и прочие члены, из которых большая часть еще в 1725 г. в Санкт-петербург съехались», — писал Шумахер в 1744 г. в предисловии к путеводителю, предназначенному для всех, кто хотел осмотреть артифициалии и натуралии в собрании Кунсткамеры¹⁰.

Шумахер и Блюментрост получили официальное назначение на посты в Академии наук: 1 января 1724 г.¹¹ Блюментрост был назначен ее президентом.

У Шумахера, отвечавшего за Кунсткамеру и библиотеку с момента их создания в 1714 г., сначала под руководством Роберта Арескина, затем Лаврентия Блюментроста, с января 1724 г. к его прежней обязанности «заведывания библиотекой и Кунсткамерой» прибавилась обязанность содействовать академии, по должности вести в ней «секретарское дело»¹². Во время отсутствия президента, например в 1728 г., когда Петербург фактически перестал быть столицей и весь двор переехал в Москву, Шумахеру была передана также касса и поручено временное руководство академией¹³.

8 Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 306–307.

9 Там же. С. 307; РГАДА. Р. IX. (Кабинет Петра I). Оп. I. Кн. 53. Л. 570 об.

10 Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 1.

11 Официально Л.Л. Блюментрост впервые назван президентом в указе Екатерины I об утверждении проекта Положения об Академии наук — 20 ноября 1725 г.

12 Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 322.

13 Там же. С. 323.

Приглашение европейских ученых в Петербург для работы в Академии наук

Шумахер и Блюментрост энергично взялись за осуществление плана¹⁴. Без проволочек уже в феврале 1724 г. они начали приглашать на работу в Петербург разных ученых и при этом просили их, если они сами не захотят или не смогут приехать, рекомендовать коллег, которых они считали способными к работе в академии. Задача весьма деликатная, с которой Шумахер и Блюментрост справлялись, посылая самоуверенные, несколько льстивые и чрезвычайно элегантно написанные письма.

Из немецких ученых Шумахер и Блюментрост вели наиболее интенсивную переписку с Христианом Вольфом. Сначала в ноябре 1724 г. Вольф высказал желание стать для Петра тем же, «чем был Аристотель для Александра Македонского»¹⁵, и вселил в Блюментроста и Шумахера надежду на то, что он в функции вице-президента возьмет на себя руководство академией. К Христиану Вольфу они обратились потому, что он пользовался известностью как проводник идей своего знаменитого учителя Лейбница¹⁶. Репутация Хр. Вольфа еще более возросла после того, как в 1723 г. его обвинили в «безбожии». В университете в Галле, где Вольф к тому времени проработал шестнадцать лет, у него возник конфликт с духовенством, а также с правившим тогда королем Фридрихом Вильгельмом I Прусским (1688–1740)¹⁷.

Когда Блюментрост задал ему вопрос насчет полезности вечного двигателя, изобретенного Орфиреусом, Вольф ответил, что и у него самого уже почти готов собственный вечный двигатель. В конце концов, после длительной переписки выяснилось, что Христиан Вольф все-таки не хочет ехать в Санкт-Петербург¹⁸. По мнению английского историка науки Валентина Босса, жалеть Петербургской академии наук было не о чем. В точных науках Вольф ничего значительного не сделал. Он не интересовался экспериментальной физикой и точно так же, как и его учитель Лейбниц, не принимал идей Ньютона о всемирном тяготении. Он заклеил закон всемирного тяготения, назвав его возвращением «к оккультным качествам»¹⁹.

14 Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 320.

15 Boss V. Newton and Russia... P. 104.

16 Сам Лейбниц мало писал и мало публиковал свои труды, так что его идеи были не слишком широко известны. См.: Boss V. Newton and Russia. The early influence, 1698–1796... P. 104.

17 По этой причине Хр. Вольф перешел в Марбургский университет, где у него учился один из первых русских академиков — М.В. Ломоносов (1711–1765). В 1740 г. Фридрих Великий пригласил Хр. Вольфа обратно в Галле, и в дальнейшем власти уже не вмешивались в университетскую жизнь.

18 О немцах и Академии наук см.: *Briefe von Ch. Wolff aus den Jahren 1719–1753. Ein Beitrag zur Geschichte der Akademie der Wissenschaften zu Petersburg* / Red. E. Kunnik. Hildesheim; N.Y., 1971; *Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. Berlin, 1953.

19 Boss V. Newton and Russia. The early influence, 1698–1796... P. 104–105.

Несмотря на то что Вольф сам не приехал в Петербург, он рекомендовал несколько своих учеников, готовых отправиться в далекие неведомые края. Среди них был Христиан Мартини (1699–1739). Из благодарности за эту рекомендацию Мартини вписал в контракт, в котором перечислялись его обязанности по научной работе и преподаванию экспериментальной физики, небольшое уточнение: он будет преподавать физику «по началам Вольфа»²⁰. Однако он не оправдал надежд, так как поменялся обязанностями с Георгом Бернардом Бюльфингером (1693–1750), который первоначально подписал контракт на преподавание логики и метафизики. Бюльфингер, также рекомендованный Вольфом, был очень талантлив. Странник Лейбница и Декарта, он защищал их от Даниила Бернулли (1700–1782), работавшего в Петербурге в 1725–1733 гг.²¹ Хотя Бюльфингер был учеником Лейбница, он получил указание²² преподавать по учебнику «*Physices Newtonianae Institutiones in usus academicos*»²³ (Лейден, 1723), написанному Гравезандом.

Из Франции согласился приехать Жозеф Николя Делиль, профессор Коллеж де Франс, географ и астроном, с которым Шумахер познакомился в Париже во время своей поездки в Европу. Решение заключить с ним контракт было удачным. В отличие от голландских географов, почивавших на былой славе и пренебрегавших исследовательской работой, Делиль работал в соответствии с новейшими научными принципами²⁴. Контракт с Делилем в Париже подписал Б.И. Куракин²⁵. Шумахер попросил Делиля, когда тот будет проезжать через Голландию, зайти к ван Мушенбруку осмотреть воздушный насос, усовершенствованный Гравезандом, упаковать его и послать в Петербург²⁶.

Шумахер с Блюментростом пытались также уговорить голландских ученых либо приехать в Петербург, либо подыскать хороших кандидатов. В Архиве Академии наук (СПФ АРАН) хранится несколько до сих пор нигде не цитированных писем к потенциальным членам академии: ни А.И. Андреев, ни Ю.Х. Копелевич,

20 *Boss V. Newton and Russia. The early influence, 1698–1796...* P. 105.

21 Все прославившиеся члены семьи Бернулли, кроме Якоба II, жили какое-то время — кто длительный срок, кто недолго — в Нидерландах. Эта семья математиков происходила из Антверпена и бежала отсюда сначала во Франкфурт, потом в Базель. Отец Даниила, Иоганн I, был профессором в Гронингском университете. В 1725 г. Даниил и его брат Николай II приехали в Петербург.

22 14 января 1726 г. членами Академии наук была принята резолюция «Комментарии и заключения», согласно которой профессора естественной истории обязаны были преподавать теорию Ньютона на основе этой книги Гравезанда. См.: Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. I. С. 169–170; *Boss V. Newton and Russia. The early influence, 1698–1796...* P. 102.

23 *Ibid.* P. 102, 105; *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом... Т. I. С. 544.

24 Благодарю за это уточнение хранителя отдела карт Амстердамской университетской библиотеки И.В.Х. Вернера.

25 Контракт с Делилем за подписью Б.И. Куракина см.: СПФ АРАН. Р. I. Оп. 35. Д. 16. Л. 2–3 об.

26 И.Д. Шумахер или Л. Блюментрост Ж.-Н. Делилю от февраля 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 183.

ни В. Босс в своих описаниях первых шагов Академии наук на эти письма не ссылаются. Л. Блюментрост писал по-французски знаменитому физику В. Гравезанду:

«Так как господин Шумахер заверил меня, что Вы принадлежите к его друзьям и согласитесь получить от меня письмо, посылаю Вам выдержку из решения об учреждении для содействия искусств и наук, основанном Его Императорским Величеством в Петербурге, с просьбой сообщить об этом людям пишущим. Ни один профессор ни в одной академии не будет получать такой оклад и такие привилегии, как те, кто будет в этом участвовать. Но допущены будут только те ученые, у которых есть достаточно изданных работ»²⁷.

Блюментрост написал также письмо голландскому врачу Герману Бургаве, пользовавшемуся общеевропейской известностью, у которого сам учился в Лейденском университете. Письмо было написано, видимо, 26 февраля 1724 г.²⁸:

«Так как я знаю, какое уважение Вы испытываете ко всему, что делает мой патрон, и радуетесь возможности внести вклад в развитие наук, позвольте мне, Господин, сообщить Вам, что Его Императорское Величество недавно основал здесь прекрасное научное учреждение и поручил мне послать Вам его краткое описание с просьбой уделить ему минуту Вашего внимания и назвать нам несколько человек, способных принять в данном деле участие, в особенности тех, кто занимается химией и ботаникой. Мне запомнилось с того времени, как я имел счастье посещать Ваши занятия, что в Лейдене был некий господин Дю Ри, внесший большой вклад в химию. Если Вы знаете, где сейчас находится господин Дю Ри, то прошу Вас сообщить ему о нашем учреждении и предложить ему место у нас. Можете заверить его, что такое место обеспечит ему большое уважение и что прочие условия тоже весьма благоприятны. Как только он примет решение, с ним будет заключен договор [“капитуляция”²⁹] и ему будут компенсированы дорожные расходы»³⁰.

Пять месяцев спустя Г. Бургаве ответил Л. Блюментросту:

«...Я ответил бы Вам раньше, но сначала хотел поискать людей, подходящих намерениям царя. К сожалению, в данное время я не могу найти никого, достойного рекомендации царю. Ввиду того что этот монарх обладает редким, почти уникальным, качеством — знанием глубочайших тайн

27 Л. Блюментрост Гравезанду (февраль 1724?) // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 186 (пер. с фр.).

28 «...Ваше письмо от 26 февраля 1724 г.». Г. Бургаве Л. Блюментросту. 30 июля 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 157.

29 Капитуляции (позднелат. *capitulatio*, от *capitulum* — договариваюсь, делю на главы, от лат. *capitulum* — глава, раздел, статья) — особый вид неравноправных договоров, фиксирующих привилегированный режим для иностранцев по сравнению с гражданами государства пребывания.

30 Л. Блюментрост Г. Бургаве. [26] февраля 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 188.

и пониманием совершенства науки — и способен экзаменовывать даже мастеров, я могу найти лишь немногих, кто отвечал бы его требованиям. В данном случае не подходит пословица ‘si caesar jusserit, ergo’ [“как цезарь рассудит, так и будет”], а надо сказать ‘si Caesar exploraverit, ergo’ [“как цезарь выявит, так и будет”]. С другой стороны, все те, кого я мог бы рекомендовать, уже имеют работу и не хотят ее менять. Я долго говорил с Дю Ри, но не смог убедить его, так как у него здесь хорошая должность и никакой другой он искать не хочет.

Г. Бургаве, Лейден, 30/7 июля 1724»³¹.

Не все чувствовали себя достаточно компетентными, чтобы давать рекомендации. Питер де ла Кур ван дер Воорт написал Шумахеру такой ответ на его «высокоученное послание»:

«На Ваше высокоученное послание относительно основания Академии наук, с просьбой назвать сведущих лиц, [сообщаю], что это полностью вне моей компетенции. Что касается садоводства, здесь я готов оказать содействие, но рекомендовать кого-либо Его Величеству в науках — здесь надо подумать тысячу раз. Его Императорское Величество очень быстро выяснит уровень знаний этих профессоров, и если мне позволено сказать Вашей милости честно, то я и по посланию Вашей милости замечаю затруднительность, которую испытывает и Ваша милость, и не без основания»³².

В этих письмах ощущается уважение, испытываемое голландцами к Петру, но в них, несомненно, звучит также боязнь царского гнева.

Письма другим ученым и специалистам

Об основании Академии наук были оповещены не только ученые, но и книготорговцы, издатели и другие специалисты. Шумахер проинформировал лейденского книготорговца и издателя Пьера ван дер Аа. Тот ответил мгновенно, как только получил письмо Шумахера от 14 марта 1724 г. об основании Академии наук. Книготорговец писал, что готов поставлять книги в академию, а также предлагал Шумахеру купить его библиотеку, которую он собирал в течение пятидесяти лет. Пьер ван дер Аа был готов продать также медные доски [‘Kabinet des Planches en cuivres’], с которых в прежние годы он печатал свои книги: об античных Греции и Риме, сочинения Эразма Роттердамского и множество других, включая картографический материал, планы городов и крепостей, портреты и т.п. Если царь купит у него «Chambre des tableaux de cuivre» [«Кабинет гравюр на меди»], в рамках и под стеклом, то у него будет коллекция, которой в мире нет равных: «Мне

31 Письмо Г. Бургаве Л. Блюментросту. 30 июля 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 157–158.

32 Письмо П. де ла Кура ван дер Воорта И.Д. Шумахеру. 3 мая 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 146–147.

64 года, поэтому я хочу продать [свои коллекции] царю, и для меня было бы большой честью, если бы они попали в руки такого великого монарха»³³.

В 1724 г. Шумахер и Блюментрост написали еще много писем³⁴. Судя по областям знаний, в которых работали адресаты, можно сделать вывод, что создатели Академии наук уделяли внимание в первую очередь тому, что в наши дни называется точными науками. Так, они послали письмо Иоганну Габриелю Дюпелльмайеру (1677–1750) в Нюрнберг, ученику французского физика Николя Биона (1652–1733), автору руководства по экспериментальной физике и учебника по использованию астрономических инструментов. Они обратились с письмами также к профессору И.Б. Менке в Лейпциге, к мастеру Якобу Лейпольду (1674–1727), изготавливавшим инструменты для Лоренца Хайстера (1683–1758), который и сам получил письмо из Петербурга. Хайстер был автором первой современной книги по хирургии и получил образование в Университете Людвиг (Гисен, Германия), а в 1706–1708 гг. учился у Фредерика Рюйша. Письма с просьбой рекомендовать кандидатов для академии получили и президент Французской академии наук аббат Биньон в Париже, дипломат граф А.Г. Головкин в Берлине, дипломат князь Б.И. Куракин в Гааге.

В исторической литературе нередко утверждается, что в поисках сотрудников для Петербургской академии Блюментрост обращался к своим знакомым в Университете в Галле. Например, французский историк Марк Раев подчеркивал тот факт, что Блюментрост учился в Галле и у него сохранились хорошие отношения с университетскими преподавателями; тем самым он пытался доказать большое влияние Германии на ранний этап развития науки в России³⁵.

Из приводимых здесь писем мы узнаем, во-первых, что Блюментрост учился не только в Галле (см. третью главу) и, во-вторых, что Шумахер приглашал ученых не только из Германии, но и из Франции и Нидерландов.

Первые сотрудники Академии наук заключают контракты

Первые члены Академии наук с самого начала работы в Петербурге имели в своем распоряжении прекрасную материальную основу для научной деятельности, которой не было равных во всем мире: коллекции и библиотека, анатомический театр, обсерватория и, что не менее важно, ботанический сад — Аптекарский огород³⁶. Чтобы еще более содействовать их работе, в академии был набран штат вспомогательного персонала. На службу принимали переводчиков, рисовальщиков и декораторов.

33 Письмо П. ван дер Аа И.Д. Шумахеру. 25 апреля 1724 г. Опубл.: *Копанев Н.А.* Голландский издатель П. ван дер Аа и Библиотека Петербургской академии наук // Книга в России XVIII — середине XIX в. / Из истории Библиотеки Академии наук / Ред. А.А. Зайцева, Н.П. Копанева, В.А. Сомов. Л., 1989. С. 49.

34 См., напр.: СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 183–188 об.

35 *Raeff M.* The Enlightenment in Russia and Russian thought in the Enlightenment // *The eighteenth century in Russia* / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 31.

36 В Академии наук Ботанический сад появился к концу 1730-х годов.

Портрет Марии Сибиллы Мериан (1647–1717).

Гравюра Я. Хаубракена (1698–1780).

Из книги: *Erucarum ortus, alimentum et paradoxa metamorphosis*. Amsterdam, 1718.

Библиотека Амстердамского университета

Уже в сентябре 1723 г. Шумахер составил контракт для Доротеи Марии Гзелль³⁷. Это была вторая дочь Марии Сибиллы Мериан, помогавшая матери в Амстердаме до самой ее смерти в 1717 г. Сразу после смерти матери Доротея Мария решила переехать вместе со своим мужем, швейцарским художником Георгом Гзеллем, в Петербург. В ее контракте указано, что она приглашена на работу для зарисовывания акварельными красками экспонатов Кунсткамеры: животных, растений, искусно изготовленных предметов и древностей. Ей поручалось также расставлять предметы в шкафах и как можно более изящно украшать залы. Кроме того, она должна была прилежно и честно водить по залам посетителей. Ей предоставлялись кисти, краски, бумага и пергамент и назначалось жалование 300 рублей в год. Эти материалы предназначались также для украшения экспонатов: натуралий, анималий и анатомических препаратов. Доротея попросила обеспечить ее подставками и пирамидами, на которых она разместит экспонаты, а также разных расцветок тафтой, камчатной тканью, бархатом и цветами,

37 Письмо Г. Гейнзиуса Л. Эйлеру. 18 мая 1743. *Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers...* Bd. III. S. 82.

которые не блекнут³⁸. В марте 1724 г. Шумахер заказал для нее из средств бюджета Академии наук необходимые художественные материалы из Амстердама (см. приложение V). В магазине Ван Брея на канале Эхлантирсхрахт он заказал кисти и 10 листов пергамента, произведенного из кожи еще не родившегося теленка. Ее мать, Мария Сибилла Мериан, также любила писать картины на очень гладком пергаменте³⁹. Доротея Мария Гзелль была единственной женщиной, состоявшей на службе Академии наук. Она проработала в Кунсткамере до самой смерти 6 мая 1743 г.⁴⁰

В том же месяце, в марте 1724 г., Шумахер принялся за поиски переводчиков⁴¹. Вначале дело шло успешно. В мае 1724 г. в академии в качестве переводчика уже работал лекарь Максим Петрович Сатаров (ум. 1732). Для русских студентов были переведены каталог препаратов, иллюстрирующих фазы развития человеческого зародыша, и «Тезаурус» Фредерика Рюйша. Эти переводы, которые Сатаров назвал «Каталог антропоген и тезаурум руш»⁴², он вручил секретарю академии Шумахеру.

В сентябре 1724 г. был заключен контракт на пятилетний срок с первым ученым — Иоганном Христианом Буксбаумом (1693/4–1730), ботаником, который подписал контракт незадолго до отъезда в Турцию и Персию в качестве врача в составе дипломатической миссии А. Румянцева. Буксбауму вменялось в обязанность по возвращении из экспедиции начать работу в Аптекарском огороде и преподавать студентам ботанику⁴³.

Буксбаум до заключения контракта уже некоторое время работал в России. В марте 1723 г. он составил список растений, произраставших в окрестностях Санкт-Петербурга. Он считал, что среди них было несколько ранее не описанных. Мы видели, что Блюментрост считал этот список достаточно интересным, чтобы послать его во Французскую академию наук вместе с описаниями других любопытных наблюдений. К сожалению, он не сделал копии с этого списка растений⁴⁴. Буксбаум был единственным, кого приняли на службу уже в 1724 г. Другие ученые подписали свои контракты в 1725 г. и позже. Многие из них были очень молоды.

38 Проект договора с Доротеей Марией Гзелль см.: СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 161 об. — 162.

39 См. приложение V. Список заказов на художественные материалы из Амстердама <...> 31 марта 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 201 об.

40 Каминская А.Г. Художники Георг и Доротея Гзелль в Петербурге // Из истории Петровских коллекций / Ред. Н.В. Калязина. СПб., 2000. С. 84–117, 95–96.

41 Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 325.

42 Андреев прочитал это слово как РУТ и дополнил еще четырьмя буквами, чтобы получилось осмысленное слово: РУТ|ЕНУМ|. Как мне представляется, такое дополнение излишне, а вместо «Т» следует читать «Ш» — при написании от руки эти буквы похожи. И тогда становится ясно, что Сатаров перевел тезаурус Рюйша. См.: Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 330.

43 Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 330.

44 Письмо Л. Блюментроста членам Французской академии наук. 2 марта 1723 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 157–158.

Николаю II Бернулли (1695–1726) было тридцать, его брату Даниилу Бернулли — двадцать пять лет. Леонард Эйлер (1707–1783) стал членом академии в 23 года, а Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) — в 21. Члены Парижской академии наук были намного старше. Ученые, уже успевшие занять место профессора, не отказывались на такую заграничную авантюру⁴⁵.

Члены Петербургской академии наук в первые годы ее существования заседали в удобном каменном здании, при котором имелась справочная библиотека с самыми необходимыми книгами⁴⁶. Прежде этот дом принадлежал Петру Шафирову, просвещенному соратнику Петра I, чье имущество в 1723 г. было конфисковано⁴⁷.

Мастерские

С самого момента основания академии в распоряжении ее членов находились мастерские, в которых работали мастера, помогавшие академикам в их деятельности.

«Император Петр Великий имел высочайшее сие намерение, чтоб с Академией наук соединить и Академию художеств [...]. И так произошли при академии типография, словолитная и переплетная палаты, рисовальное учение, gryдоровальная палата, печатание gryдорованных фигур, механические работы, вырезывание на камнях, токарня и другие мастерские палаты [...] и те, которые к тому охоту имеют, без платы оным обучаться могут [...] причем рисовальные ученики разделены на несколько классов, из которых в первом рисуют с gryдорованных фигур и академических рисунков, во втором — с гипсовых образцов, а в третьем — с живого человека», — так писал Шумахер в своем путеводителе 1744 г.⁴⁸

В деле распространения научных знаний в печатном виде большую роль играли иллюстрации. Иллюстрации принимались в качестве научных свидетельств. Рисовальщики и граверы, работавшие в Гравировальной палате, помогали ученым, фиксируя их открытия в виде рисунков или создавая гравюры — иллюстра-

45 Kopelevich Iu.K. The creation of the Petersburg Academy of Sciences as a new type of scientific and state institution // Great Britain and Russia in the eighteenth century: contacts and comparisons / Ed. by A.G. Cross. Newtonville (Mass.), 1979. P. 207.

46 Книга в России XVIII — середины XIX в. Из истории Библиотеки Академии наук / Ред. А.А. Зайцева, Н.П. Копанева, В.А. Сомов. Л., 1989. С. 14.

47 Каталог, созданный при конфискации библиотеки Петра Шафирова, включал 531 название. Он был составлен капитаном Шушериным 13 февраля 1724 г. См.: СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 189–190. По мнению Н.С. Трофимовой и П.И. Хотеева, опубликовавших каталог этой библиотеки, состоящий из 484 названий, в 1724 г. эта библиотека по указу Петра была включена в Библиотеку Академии наук. См.: Трофимова Н.С., Хотеев П.И. Каталог библиотеки П.П. Шафирова // Книга в России в эпоху Просвещения / Ред. А.А. Зайцева и др. Л., 1988. С. 161–168.

48 Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 3–4.

ции к их публикациям⁴⁹. В России, в отличие от стран с давними традициями гравировального искусства и живописи, не существовало резерва профессионалов, владевших искусством изображать реальный мир в перспективе на плоскости. Поэтому пришлось приглашать иностранцев и поручать им двойную задачу. С одной стороны, они должны были создавать иллюстрации к публикациям, с другой стороны, как и все иностранцы, нанятые Петром по контракту, обучать своему мастерству русских. Исключением был русский гравёр С.М. Коровин (1700–1741), получивший образование в Париже. Сначала он работал только для царя, но в 1725 г. был переведен в Академию наук для выполнения двух функций: переводчика при Ж.Н. Делиле и гравёра. В 1726 г. на службу был принят уроженец Амстердама Оттомар Эллигер (1701–1735), учениками которого стали И.А. Соколов (1717–1757) и Г.А. Качалов (1711/1712?–1759)⁵⁰.

Созданием инструментов и приборов занимались в Инструментальной палате. Там сооружались приборы, необходимые для физических опытов и демонстрации недавно открытых законов природы. Но когда Инструментальная палата еще не работала, все приборы приходилось заказывать за границей, в том числе в Лейдене.

Письма

Шумахер задался целью удовлетворить все пожелания ученых заранее, купив физические приборы и инструменты, нужные физикам и астрономам. При этом он использовал связи, установленные им в 1722 г.

По-видимому, находясь еще в Лейдене, он заказал от имени Лаврентия Блюментроста воздушный насос в мастерской Иоганна Мушенбрука, обеспечивавшего приборами знаменитого физика Гравезанда⁵¹. Во всяком случае 1 февраля 1724 г. Мушенбрук написал Шумахеру, что насосы готовы. Мушенбрук уже упаковал их в четыре ящика⁵². Все было завернуто в бумагу, и при каждом свертке Мушенбрук положил по записке, «чтобы знать, что это такое и для чего служит». В ящике № 3 находился «большой токарный станок, а также все стеклянные детали насоса»⁵³.

14 марта 1724 г. Шумахер ответил Мушенбруку, что получил письмо о четырех ящиках, но не сами ящики. Он высказывал надежду, что заказанный им воздушный насос, усовершенствованный Гравезандом (*l'antlea pneumatica corrigée par Monsr 's-Gravesande*), и аппарат, отмеченный в его каталоге, уже готовы к отправ-

49 См. аннотированный сборник архивных материалов: Гравировальная палата Академии наук XVIII в.: Сб. документов / Сост. М.А. Алексеева, Ю.А. Виноградов, Ю.А. Пятницкий. Л., 1985.

50 Там же. С. 47–48, 222.

51 Об этом см.: Письмо В. Гравезанда И.Д. Шумахеру от 23 августа 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 153–153 об.

52 Ящики были помечены буквами L.B. — Лаврентий Блюментрост.

53 Письмо П. Мушенбрука И.Д. Шумахеру. 1 февраля 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 289–289 об.

ке. Шумахер просил отправить ему эти приборы по морю в ближайшее лето и вместе с ними послать инструменты для опытов со светом и теплом.

Шумахер просил Мушенбрука заодно порекомендовать ему «людей заслуженных и знающих»⁵⁴. Гравезанд, видимо, уже рассказал Мушенбруку об учреждении, основанном царем для содействия наукам.

Еще раньше к Гравезанду в Лейдене приходил Ван ден Бург и просил его присматривать за процессом работы над инструментами. Поэтому Гравезанд написал Шумахеру письмо с заверениями, что он наблюдал, как Мушенбрук изготавливал приборы для царя. Он сообщал также, что тщательно проверял все механизмы сразу же после того, как они были готовы, и что все они работают превосходно. Гравезанд давал Шумахеру хороший совет:

«Научиться пользоваться насосом легче всего на практике, путем мелких наблюдений, которые можно не записывать. Вначале, с непривычки, он [насос] может вызывать раздражение, но как только привыкнешь, сразу заметишь, что в обращении он удобнее и создает вакуум быстрее, чем большие насосы, и при этом он не менее точен»⁵⁵.

В Амстердаме Рюйш посвятил Петру I небольшой каталог с описанием своей последней коллекции «*Curae posteriores, seu Thesaurus anatomicus omnium praecedentium Maximus*» («Последние упражнения, или Наибольший кабинет из всех, до сих пор опубликованных»), изданный в 1724 г. Во введении он вспоминал, как Петр посетил его собрание, и делал вывод, что царь «рожден как для учреждения искусств и наук, так и для побед»⁵⁶. По его мнению, Петр I стремился «содействовать процветанию Российской империи не только с помощью оружия, но и путем внедрения различных наук»⁵⁷. Экземпляр этого каталога он послал главе Императорской Кунсткамеры и библиотеки в Санкт-Петербурге Лаврентию Блюментросту. Рюйш начал собирать новую коллекцию еще в 1717 г., но ему было трудно доставать человеческий материал. Поэтому наряду с кровеносными и лимфатическими сосудами человеческого тела он стал препарировать также сосуды растений и плодов, причем обнаружил между человеческим и растительным материалом большое сходство. Рюйша продолжали интересовать вопросы движения жидкостей в организме.

54 Письмо И.Д. Шумахера П. Мушенбруку. 14 марта 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 197–197 об.

55 Письмо В. Гравезанда И.Д. Шумахеру. 23 августа 1724 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 153–153 об.

56 *Ruysch Fr. De laatste oeffeningen ofte het grootste kabinet van alle anderen, die tot nu toe uytgegeven zyn* // *Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heelkundige werken*. Amsterdam, 1744. Dl. II. P. 863; *Ruysch Fr. Curae posteriores seu Thesaurus anatomicus omnium praecedentium maximus*. Amstelodami, 1724.

57 *Ruysch Fr. De laatste oeffeningen ofte het grootste kabinet van alle anderen, die tot nu toe uytgegeven zyn* // *Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heelkundige werken*. Amsterdam, 1744. Dl. II. P. 863

После смерти Петра

На первом заседании Академии наук Петр I не мог присутствовать. В январе 1725 г. он заболел. У Г. Бургаве просили совета, как лечить царя, но его ответ лейб-медик Петра Блюментрост получил слишком поздно. «28 января 1725 г., между 5 и 6 часами, Петр I умер», — записал секретарь Академии наук.

Хоронили Петра не в соответствии с традицией. Для устройства его похорон обратились к книгам в основанной им библиотеке. 29 января Яков Брюс писал Шумахеру: «Господин библиотекарь, поищите, пожалуйста, в библиотеке книги с описаниями церемоний, с изображениями похорон в других странах и принесите их в Зимний дворец»⁵⁸.

На смену Петру пришла Екатерина I, продолжавшая исправно платить ученым. В отношении Академии наук она неукоснительно придерживалась линии, начертанной Петром. Шумахер по-прежнему покупал инструменты за границей. Так, Георг Бернгард Бюльфингер, в 1725 г. преподававший логику и метафизику, а с 1726 по 1730 г. — экспериментальную физику, заказал через Шумахера у Мушенбрука несколько специальных механизмов и инструментов. В свое время, общаясь с Шумахером в Лейдене, Мушенбрук показал ему, как можно заказывать механизмы и инструменты, описанные в книге Гравезанда, называя просто номер страницы и рисунка в этой книге⁵⁹. Бюльфингер так и поступил, как это можно понять по списку, приведенному в приложении VII. Шумахер сопроводил этот список письмом, датированным 8 марта 1726 г., в котором просил Мушенбрука изготовить эти инструменты и, следуя указаниям в письме, передать их господину Ван ден Бургу — торговому агенту теперь уже императрицы, а также получить за них гонорар, о котором ему писали от имени Академии наук⁶⁰.

Шумахер подключил к делу агента Ван ден Бурга, которому и было поручено передать заказ Мушенбруку. Ван ден Бург получил также вексель на 1000 рублей (курс написан неразборчиво), чтобы произвести по нему две оплаты: первую — книгопечатнику и издателю Ван Вайсбергу за типографские литеры⁶¹ и вторую — Мушенбруку за инструменты⁶².

Принятый на работу по контракту французский ученый Жозеф Николя Делиль перед отъездом в Россию спрашивал у Шумахера, какие инструменты имеются в Петербурге. Шумахер отвечал вопросом на вопрос: «Существует множество математических астрономических инструментов. Прошу Вас написать мне

58 Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 1. С. 88. № 169.

59 Издания, которое совпадало бы с указанными цифрами, в библиотеке Амстердамского университета не оказалось.

60 Письмо И.Д. Шумахера П. Мушенбруку. 8 марта 1726 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 332–333 об.

61 В то время типографские литеры нередко заказывались за границей, чаще всего в Амстердаме.

62 Письмо И.Д. Шумахера Ван ден Бургу. 8 марта 1726 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 333 об. — 334.

записку обо всех инструментах, которые Вы считаете нужными для Императорской обсерватории. Увидев, чего у нас нет, я отдам распоряжение как можно скорее оснастить обсерваторию этими инструментами»⁶³.

Слушатели и ученики

В 1724 г., когда царь приказал искать переводчиков для Академии наук, Шумахер написал письмо голландскому врачу Николаасу Бидлоо. Он уже с 1706 г. преподавал в Москве будущим лекарям в военном госпитале, созданном по его инициативе. Студенты получали там современное профессиональное образование, занятия проводились прямо у больничных коек, а в зимнее время устраивались анатомические уроки. Бидлоо написал для своих студентов первый русский учебник по хирургии⁶⁴, правда, на латыни, но латынь его ученики знали. Бидлоо ответил Шумахеру, что у него есть один многообещающий студент, который в будущем сможет работать переводчиком в Академии наук. Судя по всему, найти достаточное количество переводчиков оказалось непросто, потому что примерно через год, в январе 1725 г., Шумахер напомнил Бидлоо об их переписке по поводу этого ученика. Он спрашивал, можно ли рассчитывать, что этот студент придет в Петербург, чтобы работать под руководством Шумахера⁶⁵.

Но не только поиски талантливых переводчиков, способных переводить для учеников и публики то, что говорят профессора, были сопряжены с большими трудностями. Найти таких учеников и такую публику, которые хотели бы слушать лекции европейских профессоров, было ничуть не легче.

«Должность и упражнение профессоров сей академии состоит в том, что они обязаны по дважды в неделю присутствовать в академических конференциях, а по четырежды своей науке публично учить», — сообщал Шумахер в своем путеводителе по академии в 1744 г.⁶⁶

Для того чтобы привлечь слушателей, Академия наук в 1726 г. напечатала в Санкт-Петербургской типографии объявление о публичных лекциях. Этот проспект Шумахер послал и Бидлоо в Москву⁶⁷. Ученики Бидлоо уже приобрели знания не только в области анатомии, но и в других областях медицины, в частности

63 Письмо И.Д. Шумахера Ж.Н. Делилю. 21 апреля 1726 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 334.

64 *Nicolaas Bidloo. Instructio de chirurgia in theatro anatomico studiosis proposita a.d. 1710, januarii die 3.* Рукопись, 1306 л. Переведено на русский язык и опубликовано: *Бидлоо Николаас.* Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре, составлено 1710 г., января 3 дня / *Instructio de chirurgia in theatro anatomico studiosis proposita a.d. 1710, januarii die 3 N* / Под ред. М.В. Даниленко. М., 1979.

65 Письмо И.Д. Шумахера Н. Бидлоо. 7 февраля 1725 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 259.

66 *Шумахер И.Д.* Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 1.

67 Письмо И.Д. Шумахера Н. Бидлоо. 27 января 1726 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 320–320 об.

о лекарственных растениях: эти занятия проводились в ботаническом саду при госпитале, где работал Бидлоо⁶⁸. В Петербурге они могли бы продолжить образование.

В Петербурге анатом Иоганн Георг Дювернуа (1691–1759) четыре раза в неделю проводил занятия «для русского юношества». Он преподавал по методике Г. Бургава. В январе 1726 г. Дювернуа начал производить судебно-медицинскую экспертизу трупов в анатомическом театре, который находился первоначально в бывшем дворце Прасковьи Федоровны. Из Полицмейстерской канцелярии к нему направляли тела жертв несчастных случаев и преступлений, а из Медицинской канцелярии — тела людей, скоропостижно скончавшихся от угара или умеренного употребления алкоголя. Производя экспертизу, он одновременно получал богатейший материал для своих исследований о грудном лимфатическом протоке, о котором сделал доклад в октябре 1726 г.⁶⁹

Первые издания трудов петербургских ученых и типография Академии наук

За несколько первых лет существования Академией наук было сделано многое. Лучшим способом информировать об этом внешний мир стало издание текстов докладов и результатов исследований. В 1726 г. Шумахер послал В. Гравезанду первый сборник докладов Академии наук⁷⁰, это был, по его словам, «*Exemplaire du discours qui fut prononcée, dans notre première assemblée*» («Экземпляр речей, произнесенных на нашем первом собрании»)⁷¹.

Шумахер собирался послать Гравезанду еще несколько экземпляров этого издания, чтобы тот передал их де ла Куру, его сыну и господину Иасенту⁷². Один из четырехсот экземпляров этих первых «Речей» хранится в библиотеке Амстердамского университета. Сборник был напечатан за границей, в Кёнигсберге, так как

68 В то время лекари не получали университетского образования ни в России, ни в других странах Европы. В России медицинское образование невозможно было завершить защитой докторской диссертации по той простой причине, что здесь не было достаточного количества дипломированных врачей, чтобы составить collegium (компетентную комиссию). В эпоху Петра в России одновременно работало не более 6 или 7 врачей с университетским образованием. Первый врач прошел в России полный курс медицинской науки и сдал выпускной экзамен лишь в 1765 г., при Екатерине II, в основанном годом раньше Медико-хирургическом институте, куда допускались только иностранные студенты. В то время в России работали 47 врачей с разрешением на практику. См.: Первый докторский диплом получен по экзамену в России. 1765–1768 // Чистович Я.А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870. С. 326–345.

69 Радзюн А.Б. Первые анатомы Петербургской академии наук // Сообщения Российско-нидерландского научного общества / Ред. Г.В. Вилинбахов, Н.П. Копанева. СПб., 2003. С. 160.

70 Büllfinger G.B., Hermannus J. Sermones in primo solenni Academiae Scientiarum Imperialis conventu die XXVII. Decembris anni MDCCXXV. Petropoli, [1726].

71 Письмо И.Д. Шумахера В. Гравезанду. Б/д. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 366.

72 Там же.

в печатне Сената не было достаточного количества латинских литер, чтобы набрать 120 страниц книги форматом in octavo⁷³. Чтобы издавать в Петербурге книги на латыни в широком масштабе, надо было заказать большой запас латинских типографских литер. Шумахер заказал их Янсону и Васенбергену, несомненно, до 27 мая 1727 г., так как в этот день он пишет им письмо, в котором поторапливает их с поставкой: «С нетерпением жду литеры латинские и греческие, которые я попросил вас отлить»⁷⁴. 11 июля 1727 г. он просит отлить также литеры «с акцентами, чтобы можно было печатать по-французски, в различных вариантах шрифтов»⁷⁵.

Издание научных трудов непременно предполагало иллюстрации. 31 марта 1727 г. Шумахер заключил контракт с гравером Христианом Альбертом Вортманом (1680–1760) из Померании⁷⁶. После поступления на службу в академию его обязанностью стало создание гравюр для сборников трудов академиков, которые было решено издавать ежегодно. Действительно, уже первый сборник «Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae ad annum 1726» («Комментарии Петербургской Императорской академии наук за 1726 г.»), вышедший в 1728 г., содержал иллюстрации. Он был посвящен юному Петру II (1715–1730), который взошел на трон после смерти Екатерины I. Для двенадцатилетнего царя члены Академии наук Ж.Н. Делиль и Я. Герман издали учебники математики на двух языках — по-французски и в русском переводе, а Г.З. Байер (1694–1738) написал по-немецки краткую историю государства Российского. Все три книги увидели свет в 1728 г. в типографии Академии наук⁷⁷.

Кроме издания «Комментариев» и учебников для молодого царя, Академия наук выполняла еще одну важную задачу: на основе материалов, поступающих из Синода и министерств, она издавала газеты, календари и отдельные научные трактаты⁷⁸. Русские альманахи (календари) начали выходить с 1708 г., первые из них писал астроном и генерал Яков Брюс. Альманахи пользовались успехом и хорошо распродавались. По замыслу, доход от этих изданий должен был идти в кассу Академии наук. Возможно, такая схема была разработана по образцу Научного

73 Тираж «*Sermones in primo solenni Academiae Scientiarum Imperialis*» привез в Петербург профессор права И.С. Бекенштейн (в Петербургской академии наук с 1725 по 1735 г.). См.: Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 94. Ю.Х. Копелевич ссылается на: Материалы для истории Императорской Академии наук... Т. 6. С. 184–185, 193.

74 Письмо И.Д. Шумахера Янсону и Вайсбергу. 27 мая 1727 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 393–393 об.

75 Письмо И.Д. Шумахера Вайсбергу. 11 июля 1727 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 381.

76 31 марта 1727 г. См.: СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 387.

77 *Hermann J., Delisle J.N. Abrégé des mathématiques pour l'usage de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies. St-Petersbourg, 1728. Т. 1–3; Bayer G.S. Auszug der älteren Staats Geschichte, zum Gebrauch Ihre Kayserl. Majestat Petri des II... St-Petersburg, 1728.* Сто экземпляров первой книги и 50 экземпляров второй были посланы в Амстердам. См.: Копанев Н.А. Французская книга и русская культура в середине XVIII в. (Из истории международной книготорговли). Л., 1988. С. 37.

78 Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук... С. 113.

общества в Берлине, которое в 1700 г. последовало совету Лейбница, первого директора этого общества, подавшего мысль извлекать доходы из печати и продажи альманахов.

Академия наук издавала книги на нескольких языках: альманахи по-русски и по-немецки, научные труды в основном на латыни. В 1728 г. вышла первая монография — «*Plantarum minus cognitarum centuria I, complectens plantas circa Byzantium et in Oriente observatas*» («Растений малоизвестных первая сотня, содержащая растения, наблюдавшиеся окрест Византии и на Востоке») И.Х. Буксбаума. Увидевшие свет в 1728 г. первые «Комментарии» за 1726 г. были напечатаны также на латыни, а их краткая версия — по-русски. Так всего за два года была создана полноценная Академия наук, заявившая о себе на международном уровне с помощью печатных изданий⁷⁹.

В январе 1728 г. Блюментрост вместе с Петром II и его двором переехал в Москву, так что академия осталась без президента. Шумахеру следовало руководить академией вместе с *socius* — «товарищем», одним из членов академии, который должен был выполнять эту функцию в течение четырех месяцев, а затем уступать место другому. Эта система оказалась неудачной. Через год, в январе 1729 г., коллегия профессоров академии в полном составе обратилась к Петру II с петицией. Они жаловались, что Шумахер слишком скаредничает и стремится сам, без профессоров, принимать решения обо всех академических изданиях. К тому же они считали для себя унижительным выступать в роли «товарища» при «секретаре».

Для профессоров это была трудная пора. Академию наук в то время переводили из дома П. Шафировова в бывший дворец Прасковьи Федоровны, а библиотеку и коллекции — из Кикиных палат в новое здание Кунсткамеры на Васильевском острове. Этот переезд был сопряжен с большими расходами для каждого члена академии лично⁸⁰. Блюментрост сумел успокоить академиков, объяснив им, что Шумахер не секретарь академии, а «секретарь Его Величества по делам академии»⁸¹.

25 октября 1728 г. состоялось торжественное открытие нового здания на Васильевском острове. Газета «Санктпетербургские ведомости» сообщила:

«Вчерашнего дня отперта здесь паки Императорская библиотека с кунст- и натураль-каморою в первые»⁸². Приглашенные осмотрели все заслуживающее внимания. Газета объявляла, что «библиотека равным же образом повсянедельно дважды, а именно во вторник, в пятницу пополудни,

79 Шумахер создал разветвленную систему книгообмена с книжными магазинами в Амстердаме, Лейдене, Лейпциге, Гамбурге, Данциге, Лондоне, Копенгагене и Любеке, куда посылались издания Петербургской академии наук. Подробнее см.: *Копанев Н.А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII в. (Из истории международной книготорговли)... С. 36–37.

80 *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук... С. 113.

81 Там же. С. 112, 128; *Материалы для истории Императорской Академии наук...* Т. II. С. 10.

82 Санктпетербургские ведомости. 1728. 26 ноября.

от 2 до 4 часа, отперта, а всякому вход в оную свободен. Но кто кунст-и натур-камору смотреть пожелает, тому надлежит о том за день до того библиотекаря объявить и о удобном времени у него извести получить»⁸³.

То, что Академия наук продолжала существовать и после смерти Петра в 1725 г. и Екатерины в 1727 г., — это настоящее чудо. Финансовые трудности, с которыми боролся Шумахер, были вызваны, кроме всего прочего, снижением уважения власти к научным знаниям. Такое резкое изменение интеллектуального климата в России в 1729 г. описал Антиох Кантемир (1709–1744), один из наиболее просвещенных людей в России того времени. В анонимной сатире, разошедшейся в списках по рукам, он вложил в уста людей разных сословий и разного положения речи о бесполезности науки.

Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,
Как, страдавши на море, корабельной службы.
Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
Ученых хоть голова полна — пусты руки».

*Сатиры I. На хулящих учения. К уму своему. Строки 165–170*⁸⁴

Для Академии наук начался сложный, нестабильный период, когда цари сменялись один за другим. Если Петр I был на троне 43 года и последние тридцать лет царствовал единолично, то его преемники чередовались один за другим. На своем веку Шумахеру довелось еще пять раз обращаться к книгам о похоронных ритуалах в Библиотеке Академии наук. Несмотря ни на что, ему удалось пережить три трудных десятилетия после смерти Петра I — период, когда происходило сведение политических счетов, после того как новый наследник Петра вступал на престол.

Обустройство Библиотеки

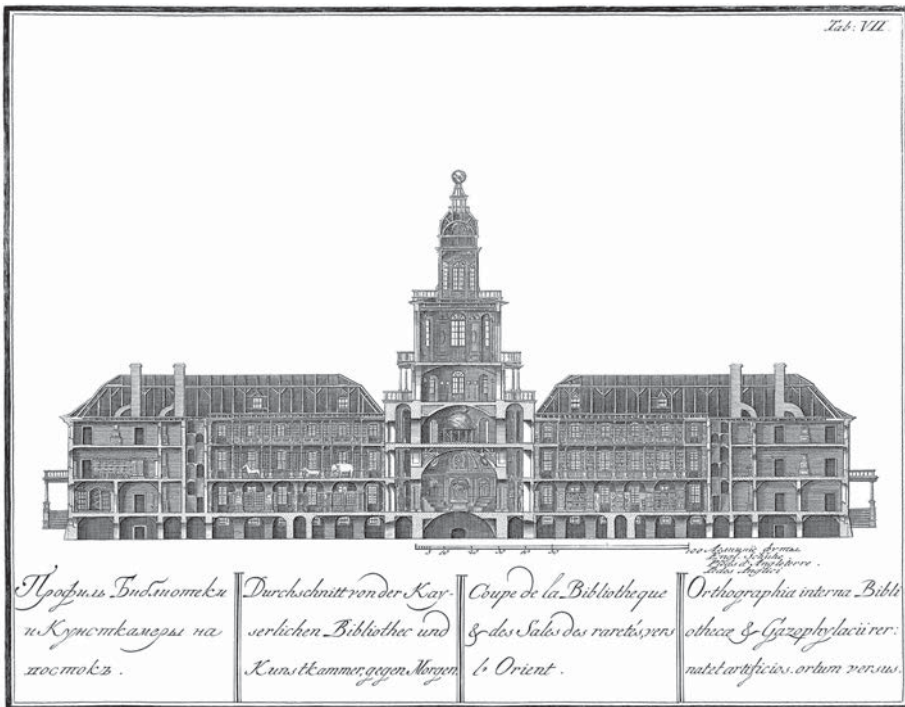
В своем путеводителе 1744 г. Шумахер писал, что «...разделена она [библиотека] на разные залы и на четыре особливые библиотеки; а именно: 1) на богословскую [богословские книги попали сюда из библиотеки в Риге], 2) на юридическую, 3) на медицинскую и 4) на философскую, из которых особливо последние две всегда умножаются»⁸⁵.

Из описаний путешественников мы узнаем, что библиотека занимала два больших зала, при одном из которых была галерея, где стояли китайские, тунгус-

83 Санктпетербургские ведомости. 1728. 26 ноября.

84 Сборник сатир А. Кантемира в английском переводе вышел в Лондоне в 1749 г. Лишь в 1762 г. они были напечатаны в России.

85 Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 5.

Фасад Императорской Библиотеки и Кунсткамеры. В разрезе.

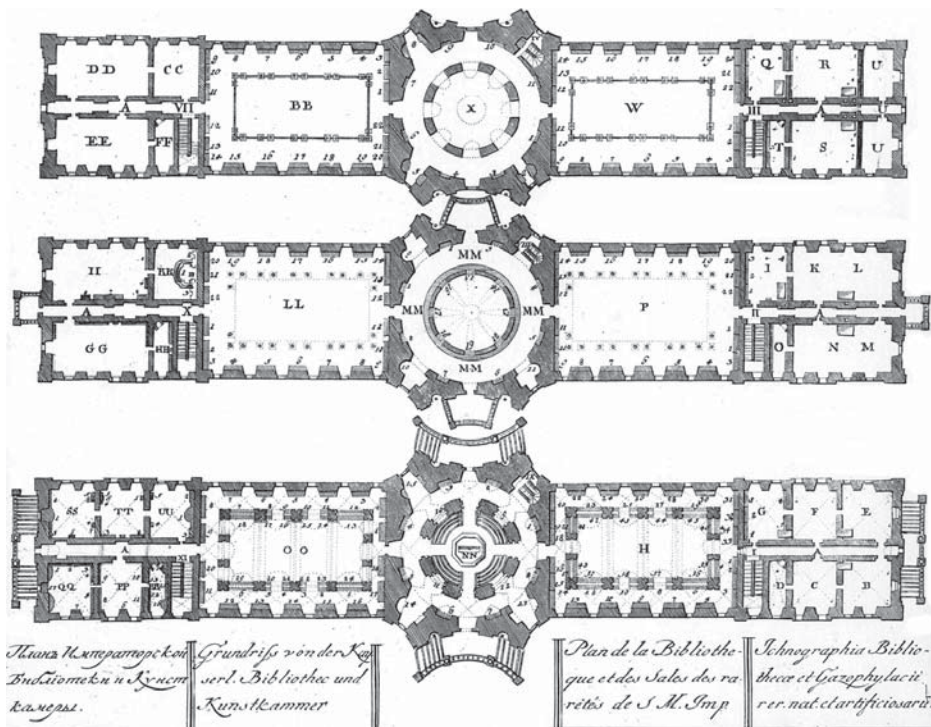
Г.А. Качалов. Гравюра VII из альбома «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры...» (СПб., 1744).

МАЭ РАН. МЛ-00891

ские, маньчжурские и русские книги. Один зал был покрашен в светлый цвет, другой — в более темный. Книги стояли в роскошных дубовых шкафах, украшенных настоящим золотом, с ажурными застекленными дверцами. Каждый шкаф венчала позолоченная фигурка или скульптурная группа, державшая щит с указанием той отрасли науки, к которой относились собранные здесь книги. Зал казался темным из-за множества шкафов, оставлявших мало места для окон, а также из-за темного цвета стен⁸⁶.

Шумахер обустроил Библиотеку по-современному: книги на полках не лежали, а стояли рядом друг с другом, обращенные к посетителю корешками, а не замками, как это было принято раньше. Шумахер заказывал по возможности одинаковые переплеты для книг: кожаные, однотонные, с суперэкслибрисом, как это было принято в библиотеках большинства монархов. Библиотека предназна-

⁸⁶ Сомов В.А., Фундаминский М.И. Библиотека Академии наук — достопримечательность Петербурга XVIII в. // Книга в России XVIII — середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук. Л., 1989. С. 13–41. Авторы цитируют И.И. Беллермана (1754–1842), профессора Берлинского университета, посетившего библиотеку в 1781 г.

План Императорской Библиотеки и Кунсткамеры.

ОО — анатомия, рыбы и рептилии; LL — четвероногие, птицы и растения; ВВ — артифициалии и редкости; Н, Р и W — библиотека. I–XI — лестницы. Объяснение остальных буквенных обозначений см. в приложении VIII.

Гравюра А. Полякова.

Tab. V из альбома «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры...» (СПб., 1744).

МАЭ РАН. МЛ-00889

лась для того, чтобы ею пользовались читатели. В этом смысле она была подобна двум большим протестантским библиотекам: Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле и Бодлианской библиотеке в Оксфорде, которые также с самого начала служили для пользования, а не для украшения интерьера.

Благодаря стараниям лейденского книготорговца Пьера ван дер Аа Шумахер получал книги из Голландии, «все переплетенные в телячью кожу с золотом на корешке по французской моде»⁸⁷. До 1728 г. П. ван дер Аа послал в Академию наук около тысячи томов⁸⁸. Французской моде следовали не только в Голландии,

87 Копанев Н.А. Голландский издатель П. ван дер Аа и Библиотека Петербургской академии наук... С. 47.

88 Луттов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века... С. 341.

но и в Англии. Эту моду завели такие коллекционеры, как Джон Ивлин (в чьей библиотеке Петр I ночевал в 1698 г.), — англичане-роялисты, которые после реставрации Стюартов вернулись в Англию из своего добровольного изгнания во Франции. Да и сам Карл II Стюарт (1630–1685), взойшедший на трон в 1660 г., в период своей жизни во Франции научился ценить французский вкус. Он велел переплести свои книги в позолоченный сафьян и сделать тиснение с королевской монограммой на углах переплета и на корешке.

Из переписки мы узнаем, что Шумахер заказывал книги в разных городах Европы, с хорошим знанием дела, а также приобретал множество книг с помощью поразительно ширококомасштабной системы книгообмена, налаженной благодаря тому, что в Петербурге печаталось огромное количество научной литературы. П.П. Пекарский упрекал Шумахера, что тот в своих приобретениях якобы не всегда следовал академическим стандартам: в библиотеке хранились три любовных романа, по поводу которых и возмущался Пекарский. Похоже, он слишком предвзято относился к Шумахеру и не хотел понять, что эти фривольные книжки поступили вместе с серьезными публикациями, полученными на основе книгообмена с издателями. То, что романы были включены в библиотечный фонд, говорит только о честности библиотекаря. Он даже создал для них специальный кабинет — «Конволюты и запрещенные книги»⁸⁹.

Между тем библиотека неуклонно росла. Шумахер писал в своем путеводителе:

«В 1727 г. вступила в оную Петра Великого собственная библиотека. Наибольшее число сего изрядного собрания книг состояло из больших атласов-топографий, дорогих изданий о гражданской, военной и корабельной архитектуре, механике, натуральных вещах и о резном, живописном и других изрядных художествах. В 1735 г. вошла в оную и библиотека бывшего генерал-фельдмаршала графа Брюса, которая содержала в себе великое число английских и немецких книг о разных науках и художествах»⁹⁰.

Обустройство Кунсткамеры

Из путеводителя по Кунсткамере и Библиотеке, написанного Шумахером в 1744 г., мы знаем достаточно точно, где и что располагалось в Кунсткамере. Путеводитель содержит гравюры с планами комнат и залов, с указанием их назначения. Один из чертежей дает отчетливое представление о местонахождении залов. В центре здания, в круглом основании башни, помещался анатомический театр, двумя этажами выше — обсерватория. Справа и слева от центра — два одинаковых крыла. В левом находилась Кунсткамера, в правом — Библиотека. На уровне второго и третьего этажей правое и левое крыло соединялись идущими по кругу внутрен-

⁸⁹ Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 16.

⁹⁰ Там же. С. 5.

ними галереями в башне. В залы и галереи на втором этаже можно было попасть по двум лестницам — одна в левой, вторая в правой части здания. Для прохода в меньшие по размеру помещения в отдаленных от центра частях здания на всех трех этажах были спроектированы коридоры. Коридоры были новым в европейской архитектуре приемом, позволявшим обеспечить доступ в функциональные помещения, в данном случае прямо с лестницы⁹¹.

В путеводителе имеются также иллюстрации, по которым видно, каким образом в библиотечных залах вдоль стен располагались шкафы с книгами и как именно были выставлены экспонаты в шкафах-витринах.

Принцип расстановки экспонатов, предназначенных для учебных целей, больше всего соответствовал тому, что сегодня называется «музейной экспозицией», а именно: на посетителя производит впечатление не только каждый предмет в отдельности, но и в не меньшей мере красота композиции в целом. Эта черта экспозиции Петровской Кунсткамеры отличает ее от современных учебных коллекций, например в Музее Вролика при Академическом медицинском центре в Амстердаме, или в Музее истории медицины в Риге, или в Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, где в расстановке экспонатов эстетическая составляющая не учитывается.

Залы Кунсткамеры украшали скульптуры, бюсты и барельефы. В православной стране, где запрет на идолопоклонство тормозил развитие скульптуры, это был новый феномен, но прецеденты имелись уже до него. Так, во время торжеств по случаю взятия Азова в 1696 г. были воздвигнуты триумфальные ворота со скульптурами античных персонажей. Такого рода триумфальные арки стали традиционными и при праздновании последующих военных побед⁹².

Путеводитель Шумахера 1744 г. дает представление о том, по каким принципам классифицировались экспонаты.

«Вся Кунсткамера состоит из двух главных частей, из которых первая содержит в себе натуральные, а другая — художественные вещи»⁹³.

В отделе натуралий по описанию Шумахера находились:

1. Анатомические препараты, четвероногие, птицы, рыбы и рептилии.
2. Растения, семена и корни.
3. Минералы.

В отделе художественных вещей располагались:

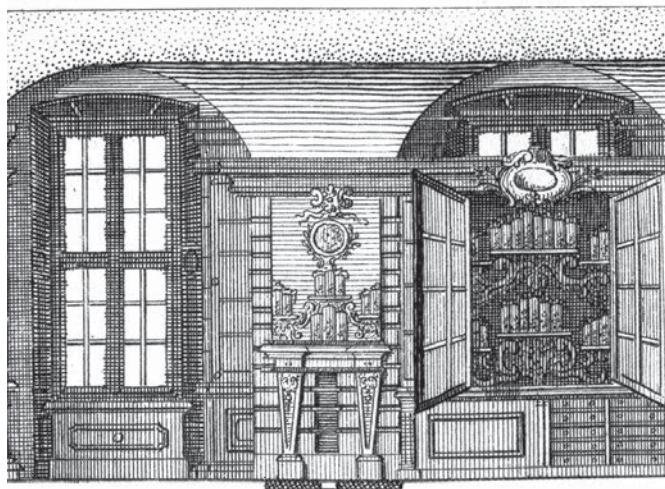
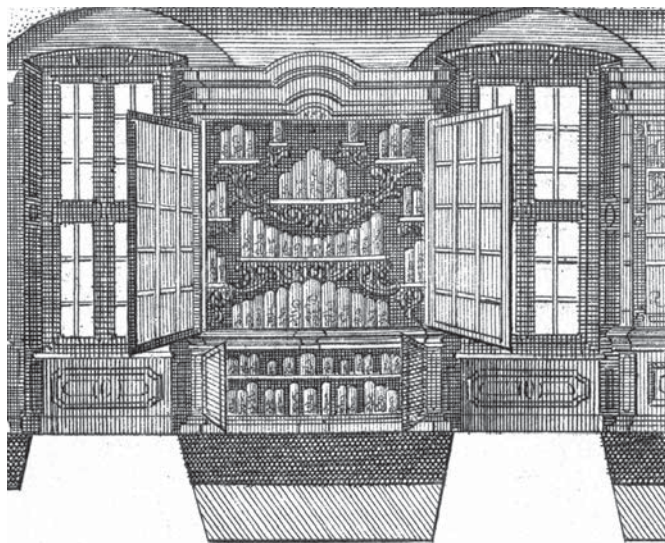
91 *Калязина Н.В.* К истории здания Петровской Кунсткамеры // *Петр и Голландия: Русско-голландские научные и культурные связи в эпоху Петра Великого* / Ред. Н.П. Копанева, Р. Кистемакер, А. Овербек. СПб., 1997. С. 61.

92 *Николаас Бидлоо* создал чертежи триумфальных арок по случаю победы под Полтавой в 1709 г. и по случаю возвращения царя из заграничной поездки в 1717 г. См.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е.И. Боброва. Л., 1978. С. 21.

93 *Шумахер И.Д.* Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 7.

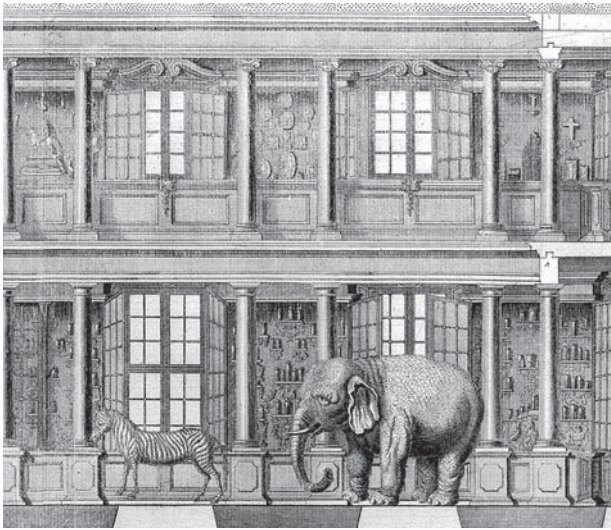
Продольный разрез первого этажа, зал ОО в Кунсткамере. Вверху: шкаф с препаратами Рюйша. Внизу: шкаф со змеями.

Фрагмент гравюры IX из альбома «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры...» (СПб., 1744). МАЭ РАН. МЛ-00893

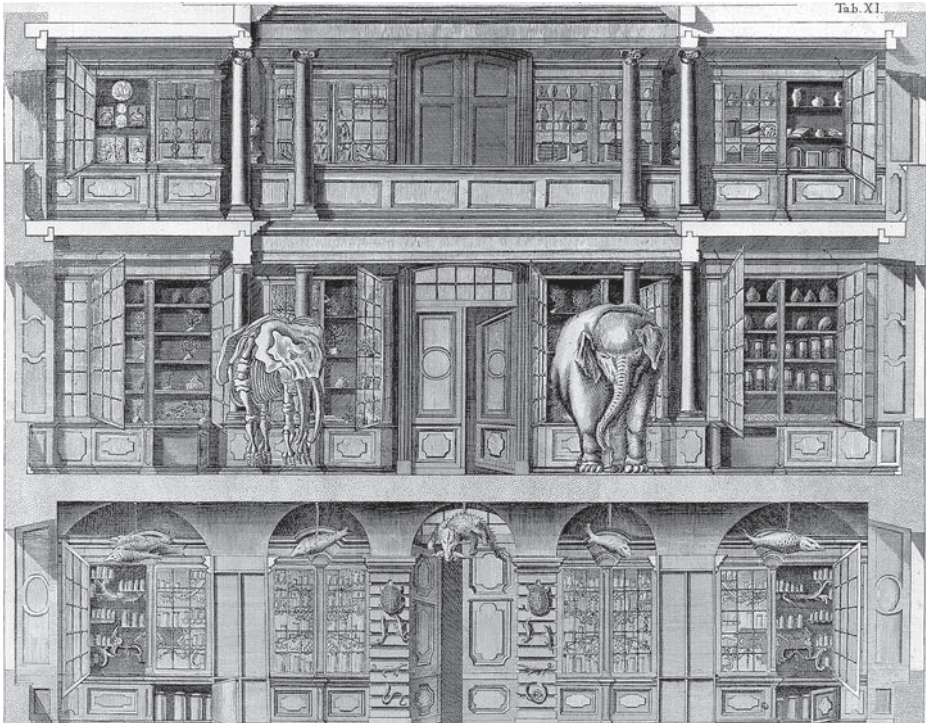

1. Математические и физические инструменты и приборы.
2. Восковые, резные и выточенные фигуры, редкие одежды: китайские, татарские, сибирские и прочие редкости, картины и драгоценности из золота, серебра и т.п.
3. Нумизматический кабинет⁹⁴.

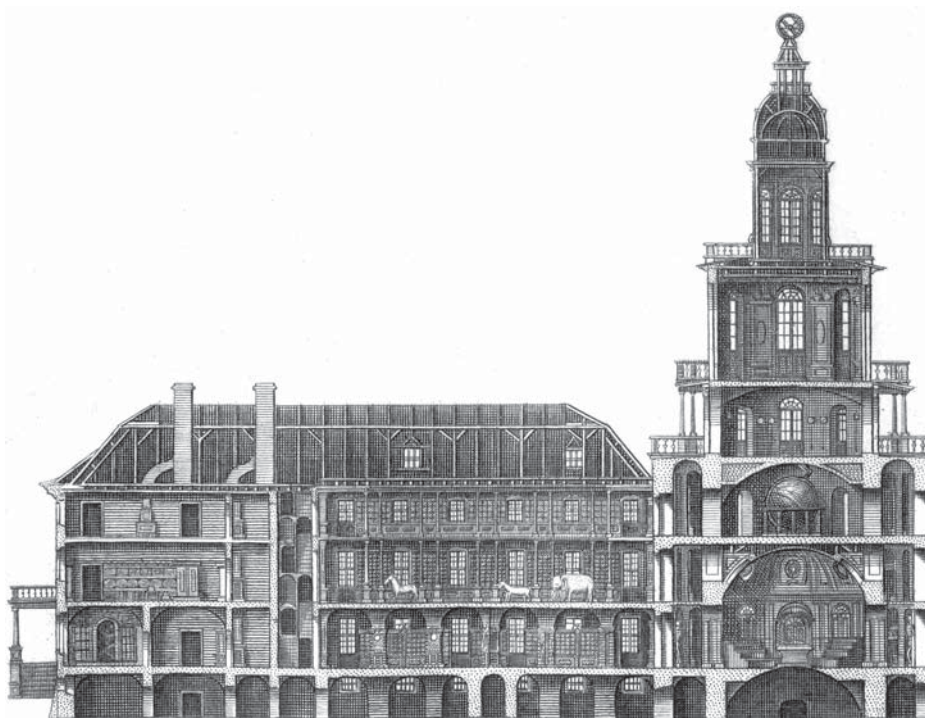
⁹⁴ Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 7.

Продольный разрез второго и третьего этажей Кунсткамеры. На третьем этаже расположена галерея ВВ, где хранились артификалии и редкости. Второй этаж — это зал LL, где хранились четвероногие, птицы и растения. Фрагмент гравюры X гравера И.А. Соколова из альбома «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры...» (СПб., 1744). МАЭ РАН. МЛ-00895

Продольный разрез первого этажа, зал ОО (анатомия, рыбы и рептилии), второго этажа, зал LL (четвероногие, птицы и растения), и третьего этажа, галерея ВВ (артификалии и редкости) в Кунсткамере. Фрагмент гравюры IX из альбома «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры...» (СПб., 1744). МАЭ РАН. МЛ-00893

Верхняя, средняя и нижняя обсерватории, Готторпский глобус и анатомический театр в башне Кунсткамеры. На втором этаже слон. В помещениях под двумя дымоходами на втором этаже можно рассмотреть картины.

Фрагмент гравюры VII Г.А. Качалова.

Из альбома «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры...» (СПб., 1744).

МАЭ РАН. МЛ-00891

Подготовка к изданию каталога «*Musei Imperialis Petropolitani* vol. 1-2»

Чтобы включить Кунсткамеру в международную научную сеть и сделать информацию о коллекциях доступной за пределами России, было решено подготовить каталог. В работе над его созданием приняли участие многие члены Академии наук. Был проделан колоссальный труд. В 1741 г. Академии наук удалось издать первую из шести частей каталога Кунсткамеры. Каталог был написан на латыни, международном языке ученых, и назывался «*Musei Imperialis Petropolitani*»

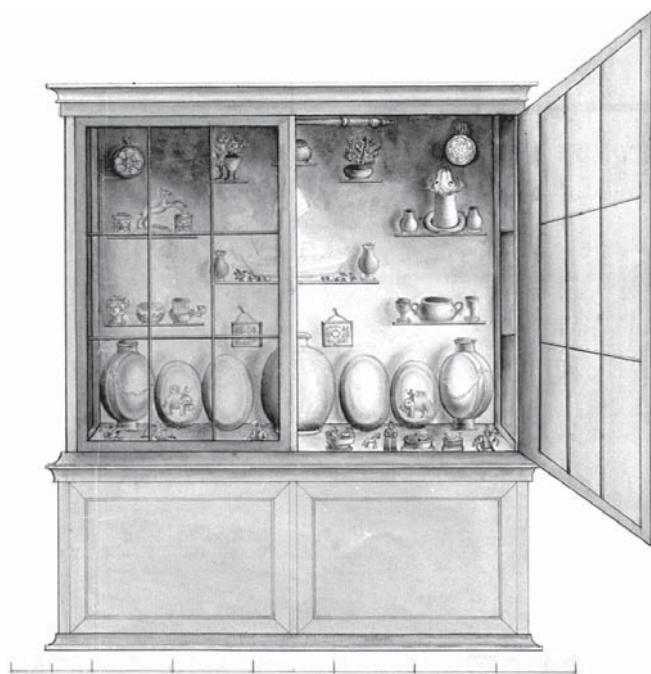

Рисунок шкафа с артифициалиями в Кунсткамере. Ок. 1740 г.
Тушь, перо, кисть.
НИИ РАХ. А 14835

Volumen II, Pars Prima, qua continentur Res Artificiales» («Петербургского Императорского музея том II, часть первая, которая содержит вещи художественные») (далее в тексте — «каталог МIP»⁹⁵).

Артифициалии: прикладное искусство

В Петровской Кунсткамере, как выясняется из первого опубликованного тома каталога МIP, было представлено много артифициалий. Какого свойства были эти предметы? Как и когда они попали в Кунсткамеру? Как это согласовать с тем фактом, что Петр во время поездок в Европу не проявлял интереса к прикладному искусству (этим термином обычно обозначают оружие, из которого невозможно стрелять, топоры, которыми невозможно рубить, украшенные резьбой кокосовые орехи, раковины в серебряном обрамлении и тому подобные экспонаты, хранившиеся в королевских сокровищницах или княжеских коллекциях). Петру было все равно, показывают ли ему сокровища его собственного отца в Кремле, сокровища английского короля в Тауэре или сокровища французского короля в Лувре. При ближайшем рассмотрении выясняется, что его интересовали только те художественные произведения, которые имели дополнительную ценность. В Кунст-

95 Musei Imperialis Petropolitani [MIP] volumen II, pars prima, qua continentur res artificiales. SPb., 1741.

камере он хотел собрать произведения прикладного искусства, которые несли в себе также научную информацию. Например, на стеклянном роге, хранившемся в Кунсткамере, имелась арабская надпись. Как указывал Левинсон-Лессинг, Петра привлекали кунсткамеры вроде тех, какие он видел в Копенгагене (с большим количеством предметов быта экзотических народов), Дрездене (с особой коллекцией астрономических и математических инструментов) и Амстердаме (с множеством натуралий, инструментов, монет и медалей)⁹⁶. Левинсон-Лессинг дает ценное описание тех европейских кунсткамер, которые Петр посетил во время Великого посольства, на основе отзывов русских, присутствовавших при этом. Однако его утверждение о том, что голландские кунсткамеры были по преимуществу собраниями естественно-исторического характера, не соответствует истине. Вероятно, эта неточность вызвана тем, что Левинсон-Лессинг писал свое исследование в то время, когда амстердамские коллекции еще не были в достаточной мере изучены. В действительности такие коллекционеры, как, например, Николаас Витсен, Левинус Винсент, Николас Шевалье и Якоб де Вильде, которых Петр посещал в Амстердаме, собирали наряду с натуралиями также античные монеты и медали, античную и современную скульптуру, живопись, графику и книги. Левинсон-Лессинг, возможно, основывал свое утверждение на том факте, что Петр купил коллекции Фр. Рюйша и А. Себы. Впрочем, если коллекция Рюйша действительно носила сугубо естественно-исторический характер, то коллекция Себы включала также артификалии, как показал в 1992 г. на своей выставке Олег Неверов⁹⁷. Это было распространенное явление. Артификалии, которые нередко попадали в естественно-научные коллекции, обычно доставлялись из тех же мест, что и натуралии. Такие артификалии Ян ван Кампен называет «побочными продуктами коллекций натуралий»⁹⁸. Эти «побочные продукты» хранились в отделе Кунсткамеры, называвшемся «артификалии». Но многие коллекционеры собирали артификалии специально.

Отдел артификалий петербургской Кунсткамеры состоял в большой мере из предметов, привезенных из экспедиций, регулярно отправлявшихся Петром на юг и в Сибирь. Это были религиозные атрибуты, предметы быта, одежда, оружие, украшения, древности и копии надписей или текстов на разных языках, выполненные на бумаге или ткани. Изучая предметы быта или украшения других народов, можно было больше узнать об их культуре.

Петр I также покупал для своей Кунсткамеры целые коллекции: его первым крупным приобретением артификалий был нумизматический кабинет немецкого коллекционера Иоганна Людерса. У купца-коллекционера Шевалье, торговавшего в Амстердаме и Утрехте, он купил масляные светильники и другие древности, такие как резные камни эпохи Античности и XVI в. В ту пору коллекции

96 Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917) / [Предисл. Б.Б. Пиотровского; вступ. ст. Н.Н. Никулина]. Л., 1985. С. 37.

97 Неверов О.Я. Из коллекции Петровской Кунсткамеры: Каталог выставки. СПб., 1992.

98 *Campe J. van. De Haagse jurist Jean Theodore Royer (1737–1807) en zijn verzameling Chinese voorwerpen.* Hilversum, 2000. P. 158.

монет и медалей были неотъемлемым инструментом для определения хронологии, по ним восстанавливалась последовательность правления императоров, консулов и князей. Древности несли в себе информацию о прежних цивилизациях. Важным предметом коллекционирования были также всевозможные надписи.

Петр I также стремился покупать гравюры и рисунки с изображениями городов и зданий. Он велел приобрести для Кунсткамеры (правда, как отмечалось выше, покупка не состоялась) «Атлас Бундермакера», представлявший собой энциклопедическое собрание рисунков и чертежей. Скромная коллекция живописи, которую приобрел Шумахер для Кунсткамеры, носила в первую очередь учебный характер: в ней были представлены все жанры. В дальнейшем эта коллекция не пополнялась⁹⁹.

Левинсон-Лессинг писал, что Кунсткамеру Петра нельзя рассматривать как обычную княжескую или королевскую коллекцию, аргументируя это решением царя не включать в нее царскую сокровищницу (то есть коллекцию Оружейной палаты)¹⁰⁰.

Отдел артификалий Кунсткамеры значительно расширился после смерти Петра I, потому что в ней было выделено место для его личной коллекции. Прежде всего «в Кунсткамеру в 1725 г. был перенесен Петра Великого собственный кабинет натуральных вещей и великое число дорогих инструментов и машин¹⁰¹, — писал Шумахер. — В 1727 г. присланы были туда же от двора разные дорогие вещи из золота, серебра и камней, вместе с знатным числом монет и медалей. [В частности, знаменитая сибирская коллекция Петра и золотые украшения, найденные в скифских курганах.] В 1732 г. отдан был равным же образом от двора в Кунсткамеру из воску сделанный портрет Петра Великого, а в 1735 г. и токарные его машины со всем прибором»¹⁰².

Таким образом, в научную коллекцию Кунсткамеры попало большое количество мемориальных вещей Петра. Если для Библиотеки полученное в дар наследство Петра, включавшее книги, гравюры и атласы, в том числе гравюры по архитектуре и градостроительству, являлось весьма ценным пополнением, то для Кунсткамеры многие предметы из его личной коллекции были не столько ценными, сколько курьезными. Примерами могут служить табакерка в форме голландского кораблика; овальная табакерка, вырезанная из слоновой кости бывшим лейб-медиком Петра Николаасом Бидлоо; походная аптечка Петра; десятки царских одежд, которые он носил в разных случаях; его личные инструменты и приборы; выкованный им собственноручно кусок железа; выданные царем зубы; выточенные им на токарных станках предметы из дерева и слоновой кости, сами станки. Один специалист по собраниям мемориальных вещей (*memorabilia*) утверждал,

99 Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917)... С. 42.

100 Там же. С. 37.

101 Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 6.

102 Там же.

что после смерти Петра его личных вещей было сохранено больше, чем после смерти какой-либо другой знаменитости. Согласно каталогу 1741 г., большинство из них хранилось в Кунсткамере как единое собрание в нескольких отведенных для этого комнатах. Эта коллекция получила название «Императорский кабинет».

Артифициалии в каталоге

Первой была опубликована часть первая второго тома каталога МIP — «Res Artificiales» («Вещи искусственные, или Артифициалии») ¹⁰³. Этот самый ранний по времени том каталога МIP начинался с перечисления «Instrumenta Physica» («Физические инструменты»), около 874 единиц; о них пойдет речь в следующем параграфе. Далее описываются «Opera Artificiosa et Res Rariores» («Искусно изготовленные предметы и редкости»), около 1252 единиц (страницы 75–152), за ними следуют «Tabulae Pictae» («Картины»), около 251 единиц (страницы 153–182), и «Opera Pretiosa et Gemmae» («Ценные предметы и геммы»), около 355 единиц (страницы 183–212). Итого в этом разделе дано описание приблизительно 2732 предметов.

Раздел «Opera Artificiosa et Res Rariores» включает описание одежды (140 номеров) и предметов быта (230 номеров) различных народов, одежды народов Сибири (108 номеров) и многое другое. Раздел «Tabulae Pictae», самый малочисленный, включал описания 167 живописных полотен ¹⁰⁴, 55 акварелей, 15 книг с рисунками и 14 печатных книг с раскрашенными гравюрами.

Артифициалии: инструменты

Основное внимание Петербургская академия наук уделяла точным наукам, что и отразилось, как мы видели, в каталоге Кунсткамеры.

В 1727 г. в Петербург приехал физик Леонард Эйлер, ученик Иоганна Бернулли, профессора физики в Гронингене (1695) и Базеле (1705), и друг сыновей своего учителя Даниила и Николааса II Бернулли. В июне 1731 г. он начал приводить в порядок коллекцию физических инструментов, так как в своем курсе лекций хотел показывать опыты ¹⁰⁵. Однако ему, по всей видимости, не удалось завершить это

103 *Musei Imperialis Petropolitani volumen II, pars prima, qua continentur res artificiales. Petropolitanae, 1741.*

104 I. Двадцать пять портретов маслом, начиная с пятнадцати портретов царей и членов правящего дома — от Ивана Грозного до Анны Петровны, № 23 — портрет Альберта Себы, № 24 — Якова Брюса, оба написаны Георгом Гзеллем. II. Пятнадцать полотен, на которых изображены «какие-то персоны или боги»: русская женщина с бородой, мертвый японец, женщина-урод, портрет негритянского младенца, умершего в Петербурге, и далее изображения античных богов и богинь. III. Двадцать четыре исторических полотна и сюжетных композиций с несколькими фигурами. IV. Десять натюрмортов. V. Тридцать четыре пейзажа, в том числе морских. VI. Тридцать животных, зданий, предметов, связанных с пищей. VII отсутствует. VIII. Пятьдесят пять акварелей.

105 Письмо Л. Эйлера И.Д. Шумахеру. 15 июня 1731 г. См.: *Die Berliner und die Peterburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers... Bd. II. S. 51.*

дело, так как Георг Вольфганг Крафт (1701–1754)¹⁰⁶ застал коллекцию в большом беспорядке¹⁰⁷. Крафт классифицировал инструменты, привел их в порядок и описал в каталоге. Классификация соответствовала системе, использованной В. Гравезандом в его учебнике экспериментальной физики 1721 г.¹⁰⁸ Он выделял семь типов инструментов:

- для оптических опытов, а также измерения тепла и холода;
- для механических опытов;
- для пневматических опытов;
- для гидростатических опытов;
- для гидравлических и магнетических опытов;
- для акустических опытов;
- для электрических опытов.

Каталог МПР также придерживается этой классификации физических инструментов. К перечисленным семи типам относятся 342 инструмента, однако далее следует перечисление других разновидностей: геометрические, арифметические, оптические инструменты и прочие — всего 357 единиц. К этому разделу каталог МПР относил также токарные станки и соответствующие принадлежности (44 единицы), равно как и медицинские инструменты (131 единица). Итого в разделе «Физические инструменты» описано 874 единицы¹⁰⁹. Часть из них была изготовлена в мастерских Академии наук, другая часть — десятками европейских мастеров¹¹⁰.

Из описания мы узнаем, что инструменты находились в бывшем дворце Прасковьи Федоровны и в Физическом кабинете, на втором этаже Кунсткамеры, в левом крыле. На первом этаже располагалось четыре помещения для демонстрации

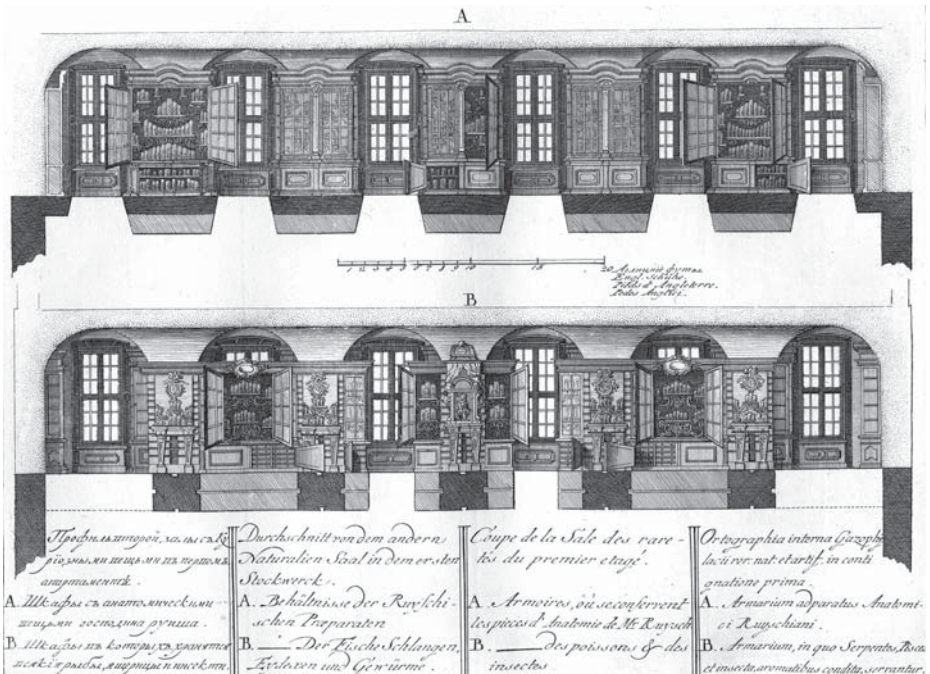
106 Г. Крафт прибыл в Петербург в 1725 г. студентом, затем стал преподавателем в Академической гимназии и в конце концов членом Академии наук. Он переписывался с Петрусом Мушенбруком, профессором физики в Лейденском университете, о ртутных термометрах и термометрах Дреббеля, а также о влажности воздуха в Батавии. См.: Письмо П. Мушенбрука Г. Крафту. 27 апреля 1741 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 32. Л. 16–16 об.; 21 сентября 1741 г. Там же. Л. 29; 26 октября 1741. Там же. Л. 30.

107 Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук... С. 84.

108 *'s Gravesande Willem Jacob. Physices elementa mathematica, experimentis confirmata, sive introductio ad philosophiam newtonianam. Leiden, 1721.*

109 МПР. Vol. II. Pars prima. P. 1–72.

110 В каталоге МПР при описании инструментов называются имена мастеров. Перечислим их, сохраняя то же написание, что и в МПР: М.Р.А., Balthasar, G.B., Bernoulli, Beyer, Bion, Blüher, Boerhave, Bradlee, Bruce, Bruckner, Büllfinger, Busch, Butterfield, Carver, Cassini, Chapotot, Chevalier, Cossa, Cotta, Culpeper, Deane, Deur, Divini, Dobbeler, Drebbeius, Eggerich, Elton, Esling, V.S.F., Fahrenheit, le Fevre, Flamsteed, Fontenay, Fowl, Gaertner, Gassendus, Gault, Gravesande, Gregory, Halley, Hauksbee, Hayes, Hearne, Helvetius, Hero, Hertel, Hevelius, de la Hire, Homann, Hugenius, Iacowlew, de l'Isle, Keplerus, Krafft, Lera, Leupold, Leutmann, Lofft, de Lure, Maquart, Mariotte, Marshall, Mauriceau, Melott, Metz, Meyen, Minich, Moxon, Musschenbroek, Narischkin, Nartow, Neper, Newton, Olearius, Pascal, Pigeon, Poteria, Prins, Rheinbold, Roll, Rotgiffer, Rowley, le Roy, Seller, Senex, Singer, Siffon, Slüter, Thiout, Toricellius, Tschirnhausen, Vesdy, Wetssetzgi, Wheeler, Whitehead, Wolffius, Zanepens (МПР. Vol. II. Pars prima. P. 69–72).

Продольный разрез первого этажа, зал ОО в Кунсткамере.

Вверху: внешний ряд шкафов с анатомическими препаратами Рюйша. Внизу: внутренний ряд шкафов с рыбами, змеями, ящерицами и насекомыми.

Гравюра IX из альбома

«Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры...» (СПб., 1744).

МАЭ РАН. МЛ-00893

физических опытов. В круглом зале на третьем этаже хранилось 280 предметов: квадранты и прочие приборы для измерения положения звезд, мореходные инструменты, астролябии, солнечные часы, линзы, земные и небесные глобусы. Инструменты, принадлежавшие лично Петру I, хранились в трех отдельных залах, обозначенных как «Кабинет Петра Великого». Туда они были перенесены в 1725 г.¹¹¹ В башне стоял Готторпский глобус. Он был настолько велик, что внутри него могли поместиться двенадцать человек. Находясь внутри глобуса, посетители могли созерцать небосвод, изображенный на его внутренней стороне, и вращать глобус вокруг оси.

Весной 1741 г. в газете «Санктпетербургские ведомости»¹¹² Г.В. Крафт дал объявление о проведении публичных уроков с демонстрацией опытов при помощи

¹¹¹ Шумахер И.Д. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры... С. 8.

¹¹² Санктпетербургские ведомости. 1741. № 1. С. 232.

физических инструментов. В ходе опытов он будет использовать приборы, обнаруживающие движение, воздух, тепло и холод, а также те, что были «изобретены знаменитым Ньютоном в Англии для демонстрации свойств света и цветов»¹¹³.

В бывшем дворце Прасковьи Федоровны находилась Инструментальная палата, в которой мастера изготавливали инструменты. Там стояли токарные станки и механизмы для шлифовки стекол. Рядом располагалась Гравировальная палата — мастерская, где работали граверы, в частности талантливый рисовальщик и акварелист Андрей Греков (1711/1723/1726–1791), который был хранителем препаратов Рюйша.

Натуралии

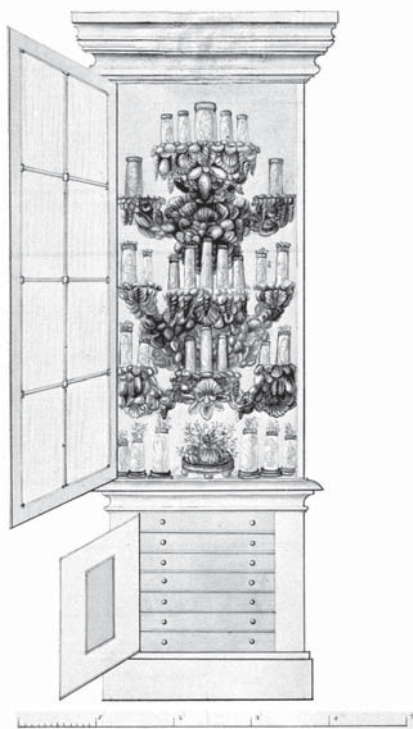

Рисунок шкафа с препаратами Рюйша в Кунсткамере. Ок. 1740 г.

Тушь, перо, кисть.
НИМ РАХ. А 14834

Украшения на крышках сосудов, характерные для коллекции Рюйша, установленные в Петербурге. Фрагмент рисунка.

Тушь, перо, кисть.
НИМ РАХ. А 14834

113 Boss V. Newton and Russia. The early influence, 1698–1796... P. 139.

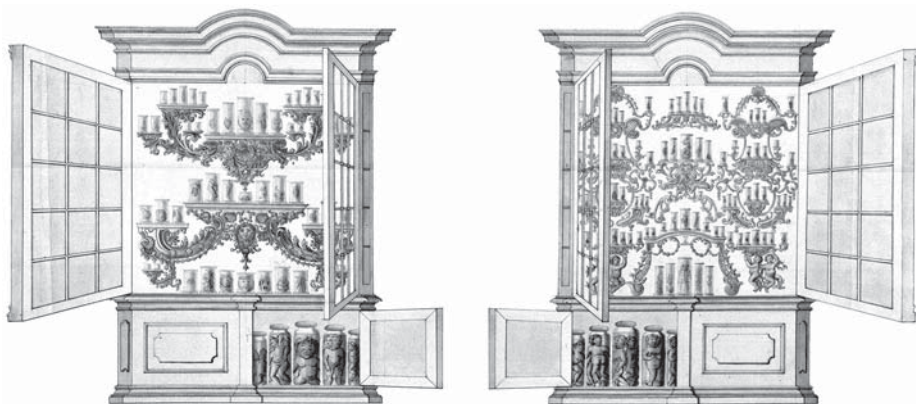

Рисунок двух шкафов с анатомическими препаратами в Кунсткамере.
 В верхней части шкафов — препараты Рюйша, в нижней части — препараты, изготовленные в Петербургской академии наук.
 Тушь, акварель.
 НИМ РАХ. А 14831

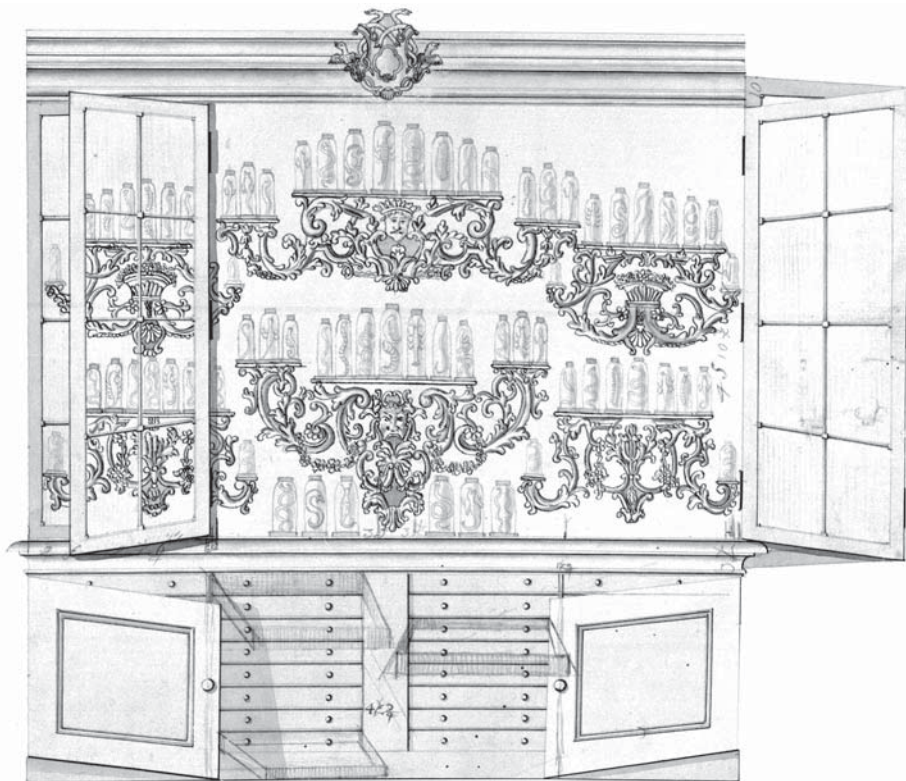

Рисунок большого шкафа с натуралиями в Кунсткамере. Ок. 1740 г.
 Тушь, перо, кисть.
 НИМ РАХ. А 14833

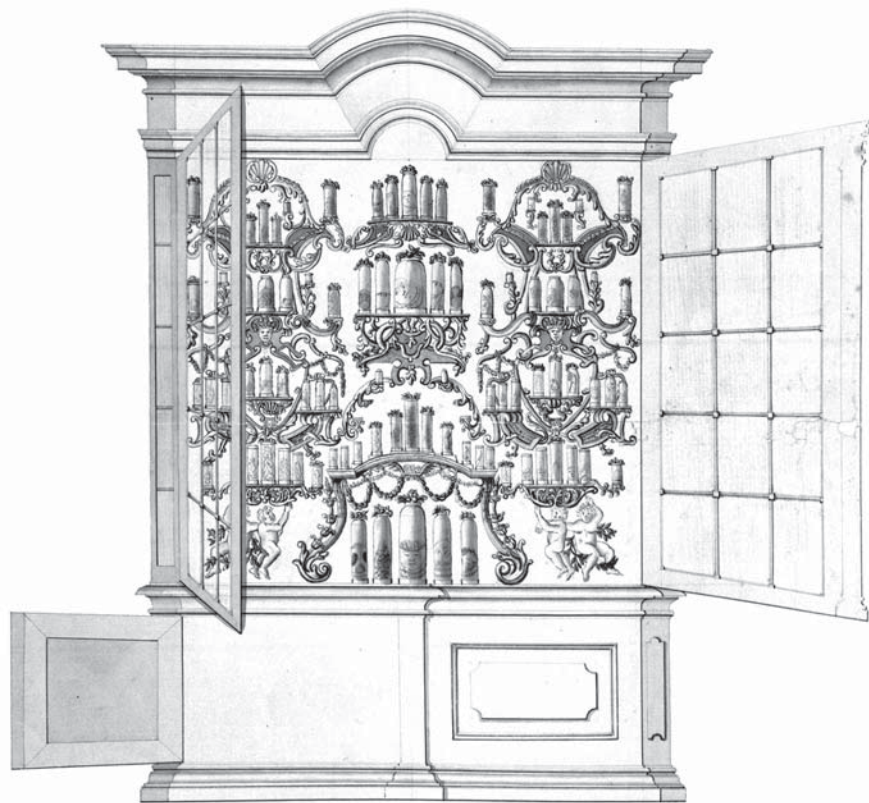

Рисунок шкафа с анатомическими препаратами Рюйша в Кунсткамере. Ок. 1740 г.
Тушь, перо, кисть.
НИМ РАХ. А 14832

Согласно каталогу МПР, в 1742 г. препараты Фр. Рюша располагались в зале ОО, на первом этаже, слева от анатомического театра: «Celeberimi Ruyschii thesauri anatomici, amphibia, pisces et insecta» («Анатомические сокровища, рыбы и насекомые знаменитейшего Рюйша»)¹¹⁴. Гербарии Рюйша были выставлены в углах галереи, находившейся точно над этим залом, «по методу Турнефора». Чучела птиц из коллекции Рюйша были описаны в специальной тетрадке: 38 листов латинским курсивом¹¹⁵.

Расстановка изменилась после пожара в Кунсткамере. Из-за возгорания вследствие неисправности дымоходной трубы 5 декабря 1747 г. часть коллекции животных была утрачена.

114 О тогдашнем расположении коллекции Рюйша см. также в приложении VIII.

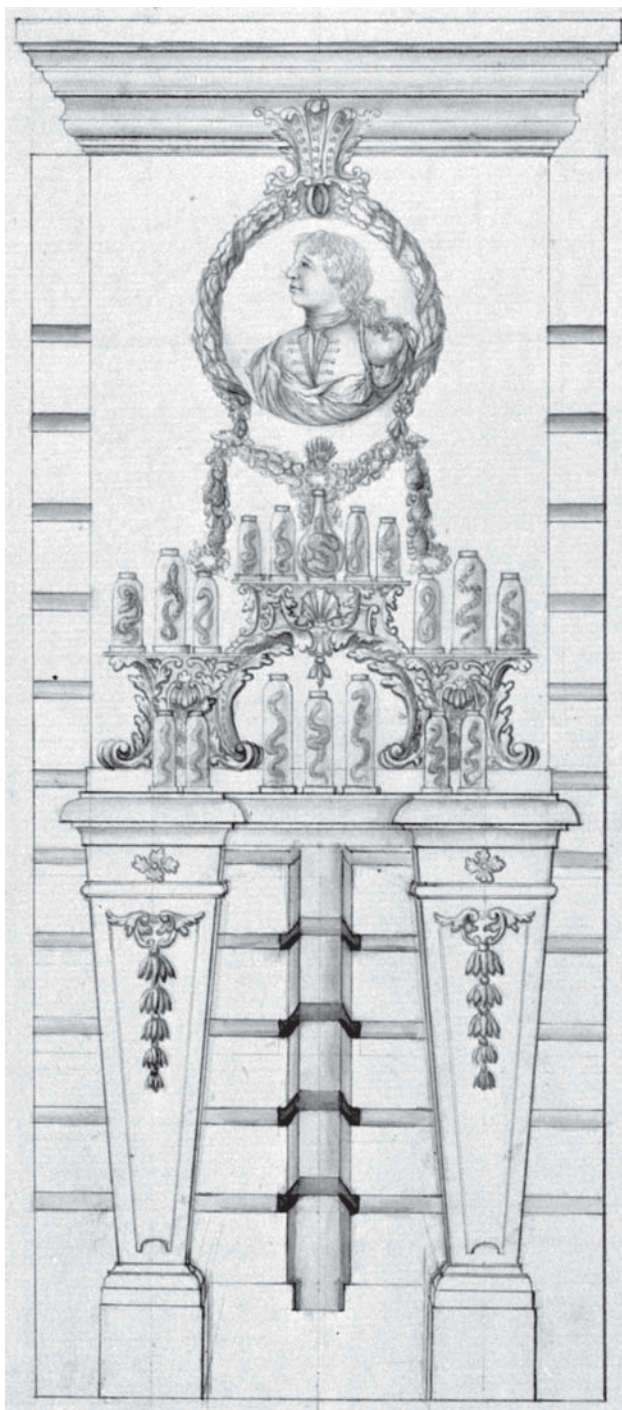
115 *Animalia — Thesaurus avium sicco a Ruyschio conservatum — Ruyschiana*. 38 л. Библиотека РАН. НИОР. Ф. № 310. Рукопись описана в кн.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник... № 827.

Рисунок шкафа со змеями в Кунсткамере.

Ок. 1740 г.

В медальоне одно из двенадцати изображений римских императоров, кушленных у Себы.

Тушь, перо, кисть.
НИМ РАХ. А 14837

В 1776 г., как писал Иоганн Бакмейстер, который был в то время хранителем, коллекция Рюйша размещалась в третьей комнате на первом этаже в восемнадцати шкафах, в соответствии с тем, как препараты располагались еще у Рюйша¹¹⁶.

По данным Бакмейстера, натуралии были представлены в следующем количестве:

«2144 анатомических препаратов,
212 четвероногих,
755 птиц,
900 амфибий,
470 рыб,
218 раков.
Итого: 4699 единиц»¹¹⁷.

В этот перечень не включены другие «морские произведения» и великое множество раковин и насекомых.

Цель коллекционирования натуралий.

От собирания к сравнению, систематизации и классификации

Царь купил коллекцию анатомических препаратов у Рюйша, когда тот был уже стариком. Но это не значит, что коллекция Рюйша к тому времени устарела. Учебное значение коллекции амстердамского анатома оставалось большим. Препараты Рюйша и сегодня демонстрируются студентам медицинских специальностей. Рюйш, как никто иной, владел искусством препарирования человеческого тела, он делал это столь мастерски, что оставались видны даже те элементы организма, которые после смерти сразу теряют форму, из-за чего студенты раньше не могли их рассмотреть. Он достигал такого результата путем впрыскивания в сосуды различных веществ.

Коллекции натуралий, подобные тем, которые собрали Рюйш и Себа, имели большое научное значение — они помогали как можно более полно исследовать и задокументировать мир природы. Коллекционеры натуралий даже в послепетровское время продолжали выяснять, какие из описанных в книгах животных и растений существуют на самом деле, а какие являются вымышленными существами. В истории Петровской Кунсткамеры мы встречаем несколько примеров того, как ученые до самого конца XVIII в., по выражению К. ван Беркеля, «с помощью коллекции пытались установить, каковы действительные факты»¹¹⁸. Приведем некоторые примеры.

116 Бакмейстер И.Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной... С. 150

117 Там же. С. 124–125.

118 Berkel K. van. Citaten uit het boek der natuur. Zeventiende-eeuwse Nederlandse naturaliënkabinetten en de ontwikkeling van de natuurwetenschap // De wereld binnen handbereik / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1992. P. 190–191.

При чтении воспоминаний современников и архивных материалов выясняется, что в петербургской Кунсткамере посетителям демонстрировали экспонаты, которые считались мифическими животными. Один из них рыба, которая прежде была лягушкой. В 1726 г. Кунсткамеру посетил французский путешественник Обри де ла Мотрэ (1674–1743), экскурсию для которого провел Шумахер. Путешественник видел «среди редкостей животного мира рыбу, весьма похожую на ту, что немцы называют *Guarpen*, а шведы — *Sempla*. Полагают, будто эта рыба первоначально была лягушкой, а изменение произошло таким образом: хвост рос и удлинялся, в то время как ноги укорачивались. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что она имеет лягушачий рот»¹¹⁹.

В то время метаморфозы в животном мире¹²⁰ вызывали огромный интерес. Мария Сибилла Мериан с безграничным терпением наблюдала, как гусеница превращается в бабочку: это превращение она зарисовала и опубликовала в своей книге¹²¹. Себа включил в Тезаурус иллюстрацию, демонстрирующую вышеописанную метаморфозу головастика в жабу, а затем в рыбу. Но он написал при этом, что до сих пор еще никто не смог доставить ему такую рыбу. Причина, как он отмечал, заключается в том, что рыба так хороша на вкус, что едва ее поймают в определенной реке в Суринаме, где она водится, так сразу же съедают. И хотя Шумахер показал такую рыбу посетителю из Франции, дискуссии о том, существует ли она на самом деле, продолжались еще много лет. В аукционном каталоге Адриана Декнателя 1765 г. указано: «Очень большая суринамская яки, или рыба-лягушка. *Rana paradoxa, permagna*» («Лягушка парадоксальная, огромная»)¹²². Латинское название ей дал шведский исследователь Карл Линней, который сформулировал свои принципы классификации животных в результате изучения амстердамских коллекций, в первую очередь собрания А. Себы. В своем трактате «*Systema Naturae*» («Система природы». Лейден, 1735) Линней назвал превращение жабы *Rana* в рыбу «парадоксальной метаморфозой»: «Ибо природа не допускает перехода из одного рода в другой род, принадлежащий к другому классу. *Rana* имеет легкие, а рыба — жабры. Следовательно, эта метаморфоза противоречит законам природы»¹²³.

Другим фантастическим животным был «боранец». Экземпляр «боранца» имелся в коллекции Николааса Витсена, но его современник, естествоиспытатель Энгельберт Кемпфер, доказал в своей диссертации¹²⁴, защищенной в Лейденском

119 *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях... С. 224.

120 См. приложение II. Анималии. Влажные препараты, № 160–165.

121 *Merian M.S.* Dissertatio de generatione et metamorphosisibus insectorum Surinamensium. Accedit appendix transformationum piscium in ranas, & ranarum in pisces. Amsterdam, 1719.

122 *Deknatel A.* Catalogus van de aloem beroemde kabinetten, bestaande in sierlykeanatomische praeparata, onder welke van den prof. F. Ruysch ... alles by een vergadert en aldus nagelaten door denheer Adrianus Deknatel. [Amsterdam], 1765. P. 12. Nr. 80.

123 *Linnaeus Carl.* Systema Naturae. Leiden, 1735. См.: Regnum Animale: Paradoxa.

124 *Kaempfer E.* Disputatio medica inauguralis exhibens decadem observationum exoticarum. Leiden, 1694.

университете, что это сказка. О боранце, этом полурастении, полуживотном, который растет на стебле и ест траву вокруг себя, впервые сообщил, насколько мне известно, Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) в книге «*Rerum Moscoviticarum commentarii*» («Записки о Московии») в 1549 г.¹²⁵ Герберштейн написал первый бестселлер о России, и его книга была переведена на множество языков. О боранце сообщается также в большей части последующих описаний России. Так, путешественник О. де ла Мотрэ слышал рассказ об этом существе в Кунсткамере:

«Г-н Шумахер рассказывал мне о растении, растущем по берегам рек Борисфен и Волга близ Самары и в некоторых других частях России, какое растение по-латыни называется *Agnus Scythicus*, или *Zoophitum*, от двух греческих слов: *Zoon* (животное) и *Phiton* (растение). Некоторые утверждают, что под видом растения животное, очень похожее на ягненка, не только растет, но и питается травой вокруг себя; он [Шумахер] добавил, что Петр I послал одного такого королю Польши»¹²⁶.

В Архиве Академии наук в Петербурге имеются документы, свидетельствующие о том, что процесс отделения фактов от вымысла проходил не только в России, но и во всей Европе. Экземпляр вышеописанного боранца был послан в Королевский кабинет-кунсткамеру французского короля. В 1726 г., через год после основания Санкт-Петербургской академии наук, из России во Францию было отправлено четыре ящика предметов, ранее находившихся в петербургской Кунсткамере. В черновике сопроводительного письма¹²⁷, написанного хранителем Кунсткамеры, в списке натуралий (*Naturalia: Animalia & Insecta*) среди прочих названы следующие экспонаты:

16. *Duo scorpiones Derbenternes*

[два скорпиона, привезенных из Дербента].

19. *Caput Medusae ex mari albo prope postum Archangel*

[голова медузы из Белого моря близ Архангельска].

А также мифическое животное:

25. *Boranez sive Agnus Scythicus*

[боранец, или скифский ягненок].

В очередном переиздании книги «Система природы» в 1741 г. Линней также уделил внимание этому мифическому животному: «Боромец [sic!], или скифский ягненок, — это растение, похожее на ягненка. Но это не животное», — Линней классифицировал его как «зоофита»¹²⁸. Отправка натуралий французскому коро-

125 Герберштейн С. Записки о Московии: [Пер. с лат. и нем. яз.]. М., 1988. С. 180, 341.

126 Беспярых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях... С. 224.

127 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 348.

128 *Linnaeus C. Systema naturae*. Leiden, 1741. P. 19.

лю доказывает две вещи. Во-первых, что процесс разоблачения мифических животных еще не был завершен и, во-вторых, что теперь обмен знаниями имел двусторонний характер: сотрудники Академии наук в Петербурге сумели включить Российскую империю в международную «сеть коллекционеров, консультантов, издателей и ученых, стремившихся изучить и описать мир природы»¹²⁹.

Натуралии: растения

В 1733 г. на службу в Петербургскую академию наук поступил Иоганн Амман (1707–1741). Он был сыном известного голландского врача Иоганна Конрада Аммана (1669–1724), который в Амстердаме и Харлеме учил разговаривать глухих и писал об этом книги: «Surdus loquens» («Говорящий глухой». Амстердам, 1692) и «Dissertatio de loquela» («Трактат о речи». Амстердам, 1700). Иоганн Амман изучал медицину в Лейденском университете, а в 1730 г. отправился в Лондон, где по рекомендации Германа Бургава работал у великого ботаника Ханса Слоуна с его коллекцией натуралии. Л. Блюментрост пригласил его в Петербург, когда в Академии наук освободилось место специалиста по ботанике. В октябре 1733 г. А. Себа писал Амману о том, что со своей стороны содействовал его приглашению в Петербург и выражал радость, что добился в этом успеха. Он с воодушевлением сообщал Амману, что в Петербурге у того появится «лучшая на всем свете возможность обнаружить какие-либо редкие натуралии из Сибири и из всей России»¹³⁰. Амман, как писал Себа, сможет собрать из этих натуралий коллекцию и составить ее описание, «ибо о них еще мало известно» и в Европе такого описания «ждут с нетерпением», так как Буксбаум «положил хорошее начало» изучению растительности России¹³¹.

Амман стал хранителем коллекции растений в Кунсткамере. Он систематизировал богатую коллекцию гербариев, имевшихся в кабинете натуралий, и принялся за описание гербариев своих предшественников, в частности Буксбаума. Свои описания он опубликовал в томах 8, 10, 11, 12 и 13 «Комментариев Петербургской Императорской академии наук» под названием «Stirpium Rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptiones» («Рисунки и описания встречающихся в Российской империи диких редких растений»). Его материалы включают описания и изображения растений, встречающихся в России, которые впервые были описаны Буксбаумом в его монографии; теперь И. Амман охарактеризовал их заново по гербарии. Кроме того, Амман описал 285 сибирских растений, снабдив текст 35 рисунками. Эти растения были собраны в разное время Д.Г. Мессершмидтом, И.Г. Гмелиным и Г.В. Гейнцельманом¹³².

129 Berkel K. van. Citaten uit het boek der natuur... P. 190.

130 Письмо А. Себы И. Амману. Октябрь 1733 г. // СПФ АРАН. Р. I. Оп. 74а. 1732–1735. Л. 5.

131 Там же.

132 Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 493, 497; Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3. Буксбаум.

Себа был рад, что у него появился новый корреспондент в Петербурге, и предложил ему в октябре 1733 г. «прислать несколько редких растений, частично из Ост-Индии, Вест-Индии и с мыса Доброй Надежды в Африке, которые, насколько [Себа] знал, еще никогда не были описаны»¹³³. Сам Себа не мог включить их в свой Тезаурус, так как он «уже завершен и выйдет в свет через месяц». Он обещал Амману послать экземпляры растений «с первыми кораблями, отправляющимися весной»¹³⁴. Действительно, в 1734 г. в Амстердаме вышел первый том, а в следующем году — второй том иллюстрированного описания коллекции Себы. В третий том, писал Себа, «будут включены некоторые окаменелости: *Capita Medusa* (головы медузы), *Stellas marina* (морские звезды), а также раковины и другие редкие озерные и речные растения и животные [...] частично из Средиземного моря, частично из Новой Испании и Ост-Индии»¹³⁵. В свое время Гмелин присылал Себе несколько окаменевших растений, но в этих окаменелостях, замечал Себа, трудно что-нибудь рассмотреть¹³⁶.

Натуралии: животные и люди

Хранителем коллекций Себы и Рюйша был Андрей Греков (1711–1791), рисовальщик и акварелист. Он рисовал монстров Петра и анатомические препараты Рюйша¹³⁷. Раздел каталога Рюйша на латинском языке «*Antropogenia*», демонстрирующий фазы развития человеческого зародыша, как указывалось выше, в 1723 или 1724 г. уже был переведен М. Сатаровым на русский язык. В 1728 г. Иосия Вейтбрехт (1702–1747) составил каталог остальных анатомических препаратов. Вейтбрехт приехал в Петербург вместе с уроженцем Монбельяра, анатомом и хирургом Иоганном Георгом Дювернуа¹³⁸. В Амстердаме в это время еще жил и работал сам Рюйш. Его слава как создателя выдающихся анатомических препаратов и в то время, через десять лет после покупки его кабинета Петром I, оставалась немеркнувшей. Об этом говорит тот факт, что в 1728 г. обладатель богатейших коллекций Фридрих Август I (1670–1733), с 1694 г. курфюрст Саксонии и с 1697 г. король Август II Польский, мечтал, как и Петр I, приобрести превосходные препараты Рюйша, чтобы заполнить лакуны в своей дрезденской коллекции. По его просьбе Рюйш послал в Дрезден некоторые предметы, а именно: оболочку мозга взрослого человека, темя и руку ребенка, фрагмент кожи с густым волосяным покровом, недоношенный 5–6-месячный плод, затылочный отдел мозга с оболочкой и т.п. Препараты понравились, но покупка не состоялась. Коллекция Кунсткамеры пока еще оставалась единственной в мире зарубежной коллекцией,

133 Письмо А. Себы И. Амману. Октябрь 1733 г. // СПФ АРАН. Р. I. Оп. 74а. 1732–1735. Л. 5.

134 Там же.

135 Там же.

136 Там же.

137 О Грекове см.: Принцева Г.А. Андрей Греков — художник Кунсткамеры (Материалы к биографии мастера) // Россия–Голландия: на перекрестке мнений / Отв. ред. Н.П. Копанева, И.М. Михайлова, Й. Дриссен-ван хет Реве. СПб., 2008. С. 423–430.

138 *Richter W.M. von. Geschichte der Medicin in Russland... Bd. III. S. 206.*

А. «Ножки маленького олененка, очень тонкие и тощие, из Африки. [...] Из ножек сделана диковина: они подкованы золотом и могут использоваться для утрямбовывания табака в трубке». В. «Ножки еще более крохотного гвинейского олененка». С и D. «Два малых рога двух других видов оленьков».

Гравюра из кн.: *Seba A. Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam*. Amsterdam, 1734. Дl. I. P. 70. Tab. XLIII.

См. приложение II. Разное. № 41. Две пары рогов мускусной косули из Тонкина

где имелись препараты Рюйша. Неизвестно, было ли что-либо приобретено для Кунсткамеры на аукционе после смерти Рюйша в 1731 г.¹³⁹

Иоганн Георг Гмелин из Тюбингена начал работать в кабинете натуралий в Кунсткамере сразу по прибытии в Петербург в 1727 г. Он приступил к составлению каталога минералогической коллекции.

¹³⁹ После смерти Фр. Рюйша его собрание было распродано и разошлось по разным коллекционерам. См.: *Ruysch Fr. Catalogus musaei Ruyschiani, quae publice distrahentur in aedibus defuncti. 10 et seqq. diebus mensis Aug. 1731. Amsterdam, [1731]*. Несколько десятков препаратов попали к амстердамскому коллекционеру Адриану Декнателю. См.: *Deknatel A. Catalogus van de aloem beroemde kabinetten, bestaande in sierlykeanatomische praeparata, onder welke van den prof. F. Ruysch ... alles by een vergadert en aldus nagelaten door denheer Adrianus Deknatel*. [Amsterdam], 1765.

В качестве печатного каталога коллекции А. Себы в Петровской Кунсткамере использовался его Тезаурус. Правда, в четырех томах Тезауруса, изданного инфолио со множеством иллюстраций, была описана не та коллекция, которую купил Петр, а новая, но она состояла в основном из тех же экспонатов, что и попавшая в Петербург. Дело в том, что Себа сумел снова приобрести большую часть тех животных, которых продал царю. За иллюстрации (гравюры в натуральную величину) для своего Тезауруса¹⁴⁰ Себа заплатил большие деньги. Первые две части вышли еще при жизни Себы и были сразу же куплены для Петербурга¹⁴¹. Благодаря тому что Себа опубликовал эти Тезаурусы, купленная Петром первая коллекция приобрела еще большую ценность. Кроме тщательно выполненных иллюстраций тома содержат сопроводительный текст, сообщающий множество подробностей об изображенных животных и растениях. Почти всегда указывается место, где был найден данный экземпляр. Про некоторых животных сказано, что они попали в руки Себы еще живыми. Нередко дается также имя человека, приславшего Себе то или иное животное. В некоторых случаях приводятся рисунки животных, которых в коллекции Себы уже нет: примером может служить саламандра из Аравии, которую он продал Петру и не смог купить еще раз¹⁴². В Тезаурусе представлено также изображение двухголового олененка, принадлежавшего, как мы видели, «советнику Гюйгенсу», который «не пожелал продать его царю даже за сто дукатов»¹⁴³. Хотя это животное ему не принадлежало, Себа включил его изображение в свой Тезаурус, что явилось исключением. В основном он описывал только те натуралии, которые присутствовали в его коллекции, и если в Тезаурус попало несколько животных, не входивших в его коллекцию, как в случае с олененком, Себа обязательно отмечал это в своем каталоге¹⁴⁴.

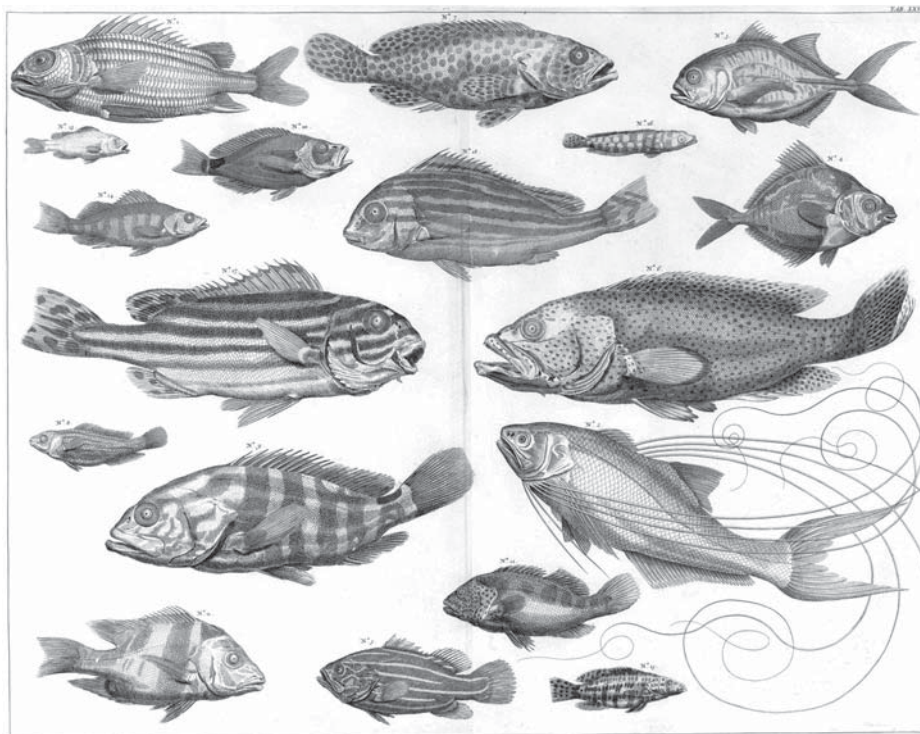
140 См.: *Seba A. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba...* Amsterdam, 1734. Книга Себы вышла двумя отдельными изданиями: одно было на латыни и голландском, второе — на латыни и французском языке.

141 В Санкт-Петербурге в отделе Библиотеки РАН при Зоологическом институте РАН хранится французско-латинская версия.

142 «Водяная саламандра из Аравии, или египетская саламандра, называемая *Cordylus* [...] Эта редкая саламандра была тщательно нарисована с натуры, когда я имел честь послать мой кабинет натуралий Его Императорскому Величеству Великороссии, в котором она размещалась среди явлений природы как редкий экземпляр. После этого мы собрали нашу новую коллекцию, но такой же саламандры более не видели». *Seba A. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba...* Dl. II. P. 109. Tab. CIII, afb. 2.

143 *Seba A. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba...* Dl. I. P. 73.

144 В своем каталоге Себа неоднократно упоминает о том, как его коллекцию осматривал царь: *Seba A. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba...* Dl. I. P. 70, 73, 95, 132; Dl. II. P. 109. Неясно, осматривал ли царь коллекцию Гюйгенса. В свое время Себа передавал приветы от Гюйгенса Арескину, находившемуся в Берлине. В списке из девяноста амстердамских коллекционеров, составленном Япом ван дер Вейном, имя Гюйгенса не значится. См.: *Veen J. van der. Gegevens over*

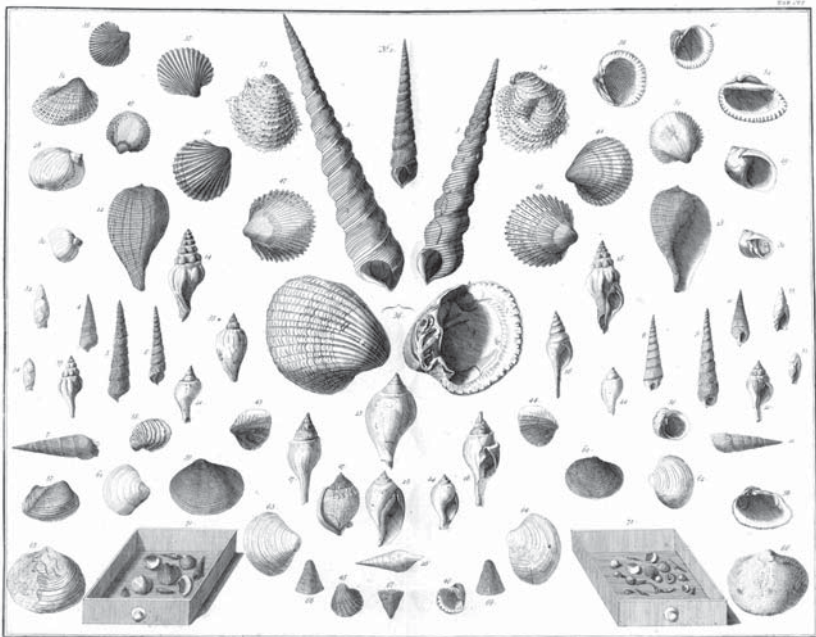
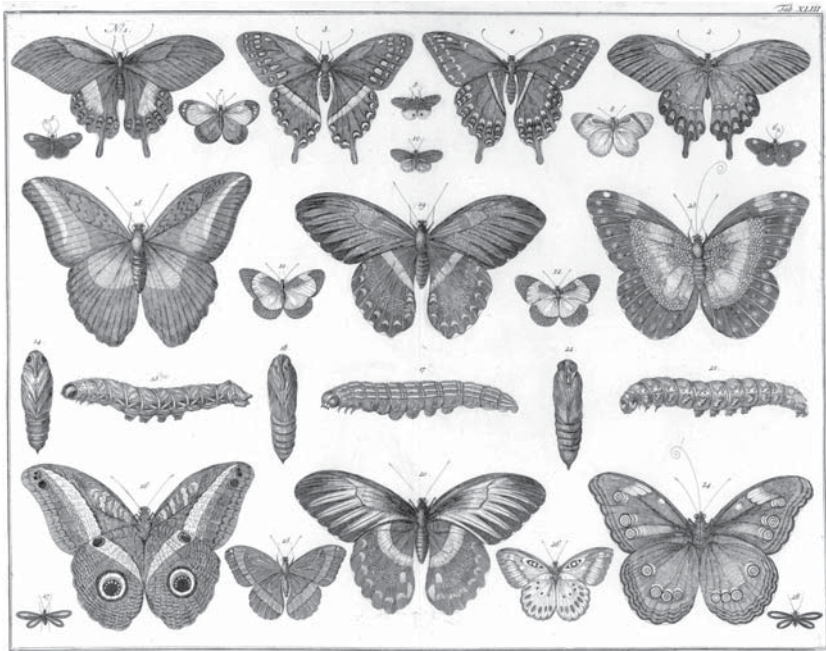
Семнадцать тропических рыб из Атлантического и Тихого океанов, впервые зарисованные в каталоге Себы. Рыба № 3, в правом верхнем углу, зарисовывалась уже ранее. Артеди, описывавший рыб для Себы, в связи с рыбой № 3 отсылает к иллюстрациям в кн.: Jonston, 136, tab. XXV, fig. 4, и Willoughby, 291, tab. S. XVIII, fig. 1. Иллюстрация из кн.: *Seba A. Naaukeurige beschryving. Dl. III, tab. XXVII, fig. 3*

Петербургский составитель каталога «*Musei Imperialis Petropolitani...*» то и дело ссылается на иллюстрации в первых двух томах амстердамского каталога Себы.

В самом каталоге МИР иллюстраций нет, кроме ссылок на каталог Себы, в нем имеются ссылки еще на два иллюстрированных каталога: «*D'Amboinsche Rariteitenkamer*» («Кабинет редкостей с Амбона») Румфиуса¹⁴⁵ и «*Musei Petiveriani*»

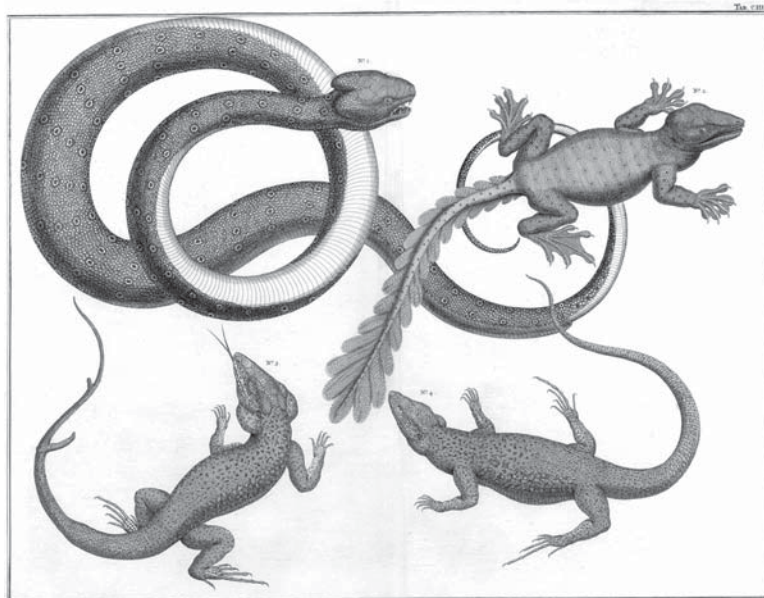
negentig Amsterdamse verzamelaars en hun collecties // *De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735* / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 313–335.

145 *Rumphius G.E. D'Amboinsche rariteitkamer, behelzende eene beschryvinge van allerhande zooweke als harde schaalvisschen, te weeten raare krabben, kreeften, en diergelijke zeedieren, als mede allerhande hoortjes enschulpen ... die men in d'Amboinsche zee vindt: daar beneven zommige mineraalen, gesteenten, en soorten van aarde, die in d'Amboinsche, en zommige omleggende eilanden gevonden worden. 3 dln. Amsterdam, 1705.*

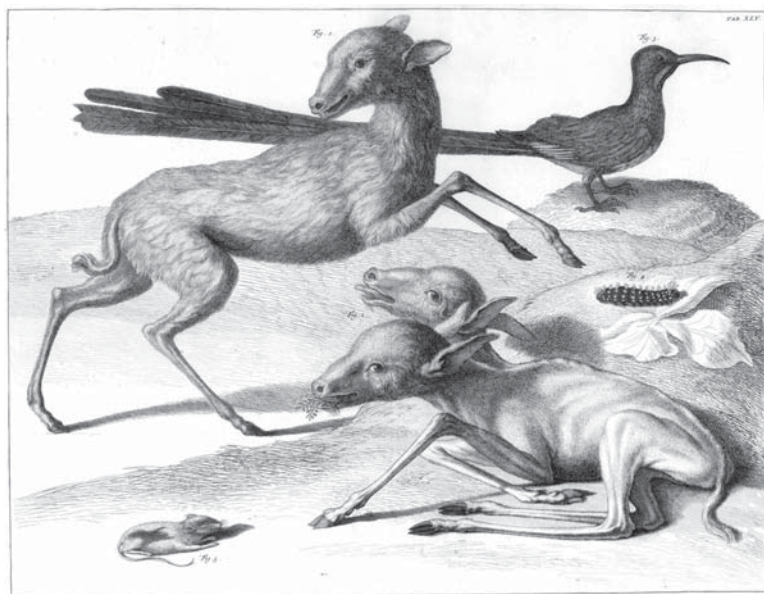

Вверху: тропические бабочки и мотыльки с куколками и гусеницами из Южной Америки. *Seba A. Naaukeurige beschryving. Dl. IV, tab. XLIII.*

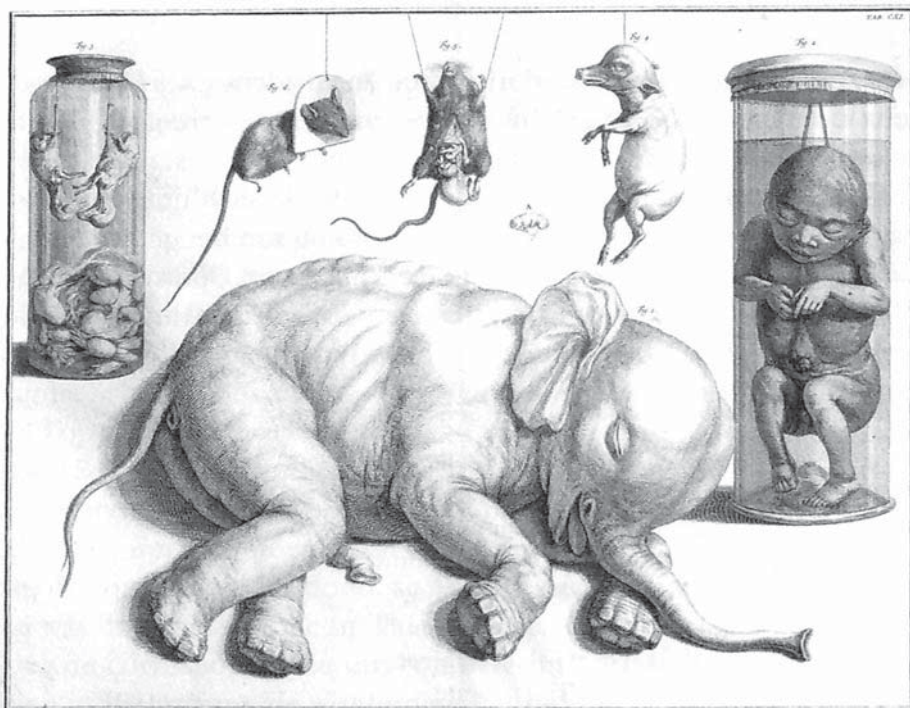
Внизу: раковины и коробки с раковинами. *Seba A. Naaukeurige beschryving. Dl. III, tab. CVI.* В экземпляре в Королевской библиотеке, шифр 394 В 29, отснятом издательством «Ташен» (Taschen), эта иллюстрация отсутствует

«Водяная саламандра из Аравии, или египетская саламандра, называемая Cordylus. Эта редкая саламандра была тщательно нарисована с природы, когда я имел честь послать мой кабинет натуралий Его Императорскому Величеству Великороссии, в котором она размещалась среди явлений природы как редкий экземпляр. После этого мы собрали нашу новую коллекцию, но такой же саламандры более не видели». *Seba A. Naaukeurige beschryving. Dl. II, 109, tab. CIII, afb. 2*

Двухголовый олененок, принадлежавший советнику Гюйгенсу, который «не пожелал продать его царю даже за сто дукатов». *Seba A. Naaukeurige beschryving. Dl. I, 73, tab. XLIII, fig. 2*

Неродившийся слоненок, которого Санкт-Петербургская академия наук хотела купить на аукционе, где распродалась коллекция Себы, в 1752 г. Себа не изображал в каталоге препараты в сосудах. Фиолы на данной иллюстрации служат исключением. *Seba A. Naaukeurige beschryving. Dl. I, tab. CXI*

Петивера¹⁴⁶. В предисловии к Тезаурусу Себа объяснял причины, заставившие его потратить столько денег и сил на издание каталога:

«В каждом томе содержится более ста иллюстраций размером в лист или в пол-листа большого формата, так что рисунки могут иметь те же размеры, что и сами предметы в действительности [...]. Поскольку большинство знатоков и любителей живут за границей и не имеют желаемой возможности путешествовать, мы идем им навстречу и, так сказать, доставляем им в их страну и в их дома наш кабинет, зарисованный с натурь»¹⁴⁷.

Сотрудники Академии наук очень ценили коллекцию Себы. Это стало ясно после пожара в Кунсткамере 5 декабря 1747 г., когда часть коллекции Себы сгорела

¹⁴⁶ *Petiver J. Musei Petiveriani centuria prima(-decima) rariora naturae, continens: viz. animalia, fossilia, plantas ex variis mundi plagis advecta, ordine digesta et nominibus propriis signata. L., 1695–1703.*

¹⁴⁷ *Seba A. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba... Dl. I. Предисловие.*

из-за неисправности дымохода. После тщательной инвентаризации выяснилось, что пострадала также китайская коллекция. В 1969 г. Т.К. Шафрановская описала на основе архивных материалов, как уже в 1753–1756 гг. в Китай была отправлена экспедиция, чтобы по ранее сделанным рисункам приобрести утраченные экспонаты из китайской коллекции¹⁴⁸. Благодаря нашей архивной находке выяснилось, что Академия наук купила по рисункам не только китайские экспонаты, но и ряд зоологических препаратов, удачно воспользовавшись распродажей коллекции Себы на аукционе в Амстердаме. Себа умер в 1736 г., а аукцион состоялся лишь в 1752 г., так как наследники долгое время сохраняли его коллекцию как единое целое, чтобы сверять по ней иллюстрации в последних двух томах Тезауруса¹⁴⁹. Н.П. Копанева, одна из руководителей совместного российско-нидерландского проекта «Нарисованный музей»¹⁵⁰ (корпус рисунков экспонатов в Кунсткамере), сообщила мне о документах, связанных с этой покупкой¹⁵¹. Из них следует, что указание произвести покупки на этом аукционе дал Иоганн Каспар Тауберт (1717–1771), работавший в Академии наук с 1732 г.

15 апреля 1752 г. он написал, что несколько дней назад получил из Голландии каталог коллекции натуральных аптекаря Альберта Себы, которая вскоре будет продаваться на аукционе. Поскольку «в нем называется множество животных и птиц, которые ранее имелись также в Кунсткамере, но потом были утрачены», Тауберт спрашивал Канцелярию Академии наук, можно ли выделить средства на то, чтобы восстановить коллекцию Кунсткамеры «Ее Императорского Величества [Елизаветы Петровны], воспользовавшись этим редким случаем и купив по прилагаемому списку некоторых животных и птиц; а поручить это следует Дитриху Шмидту, амстердамскому торговцу лекарственными средствами, который достаточно компетентен»¹⁵².

148 Шафрановская Т.К. Из истории китайских коллекций Кунсткамеры (Поездка Ф.Л. Елачица в Китай в 1753–1756 гг.) // Культура народов зарубежной Азии и Океании. Л., 1969. С. 5–29. (Сборник МАЭ. Т. XXV). О рисунках см.: Шафрановская Т.К. О сокровищах Петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII в.) // Советская этнография. 1965. № 2. С. 147–156.

149 Медные доски для иллюстраций в последних двух томах каталога гравировались по рисункам, сделанным с натуры, еще по заказу самого Себы. После его смерти в 1736 г. наследники задались целью подготовить эти два тома к печати. Они долго не распродавали коллекцию, чтобы проверять уже готовые гравюры «в основном на предмет точности изображения некоторых усиков, щупальцев и когтей». «Рисовальщики и граверы часто допускают небрежность в подобных вещах, которые кажутся им мелочами». Выверка иллюстраций по коллекции насекомых (т. IV), к сожалению, не могла быть проведена, так как эта коллекция «из-за небрежного хранения обратилась в прах». Составители каталога приносят извинения также за то, что не могут представить насекомых в соответствии с требованиями, сформулированными Линнеем. См.: *Seba A. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba...* Dl. IV. P. [6]. Последние два тома были опубликованы с большой задержкой, в 1759 и 1765 гг.

150 «Нарисованный музей» Петербургской академии наук. 1725–1760 / Науч. ред. Р.Е. Кистемакер, Н.П. Копанева, Д. Мейерс, Г.В. Вилинбахов. СПб., 2003. Т. 1; 2004. Т. 2.

151 СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 164. Л. 301–306.

152 Там же.

Примечательно, что в аукционном каталоге перечислено много млекопитающих, но крайне мало птиц. Из раздела «Птицы» Тауберт ничего не заказал. Однако он включил в свой список пожеланий двух райских птиц, которые в аукционном каталоге значились в рубрике «прочие животные». Заказывая птиц, Тауберт использовал не аукционный каталог, а Тезаурус Себы, том II¹⁵³, и давал ссылку на соответствующую иллюстрацию¹⁵⁴.

Этот аукционный каталог послал Тауберту С.Х. Ольдекоп, бывший сотрудник русского агента в Голландии Йоханнеса ван ден Бурга, чьи многочисленные письма хранятся в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге. После смерти Ван ден Бурга 27 ноября 1731 г. Ольдекоп стал его наследником и преемником¹⁵⁵. С.Х. Ольдекопу была дана инструкция никому не рассказывать, что Дитриху Шмидту поручено произвести покупки для Императорской Кунсткамеры, чтобы не взлетели цены. Шмидту также дали соответствующие инструкции. Ему было велено покупать препараты только в хорошем состоянии. Так, неродившегося слоненка следовало купить лишь в том случае, если он хорошо сохранился и не слишком дорого стоит.

Тауберт составил для Шмидта список животных. Он придерживался последовательности аукционного каталога: перед наименованием каждого объекта он указывал номер по этому каталогу. В начале списка гордо стоит номер 1 по каталогу: «ein ungeborener elephant aus Africa» – «неродившийся слон из Африки». В аукционном каталоге о нем сказано: «великолепный необыкновенный неродившийся слон из Африки» – и дана ссылка на иллюстрацию в томе I: «Tab III. Nr. 1».

Список заказов Тауберта отличается от списка купленных объектов¹⁵⁶. Из второго списка мы узнаем, что слоненок не был приобретен (возможно, потому что он был слишком побит молью).

Дитрих Шмидт выполнил данную им с Ольдекопом инструкцию производить покупки для Петербурга максимально незаметно. В сохранившемся экземпляре аукционного каталога помечено, кто купил тот или иной предмет. Но это ничего не дает, так как неизвестно, кто выступал посредником при совершении покупок для царя. Но если двигаться в противоположном направлении и найти в каталоге

153 Под «томом вторым» следует понимать часть II. В части I дан только текст, а в части II – иллюстрации. Именно так организован французско-латинский экземпляр Тезауруса Себы, хранящийся в библиотеке Амстердамского университета под шифрами UBAsd 1251 E 7 и 1251 E 8. Эти две части составляют том I Тезауруса. Однако в большинстве известных мне экземпляров Тезауруса иллюстрации вставлены между страницами с текстом и так переплетены.

154 См. приложение III. Список птиц из коллекции Себы, заказанных Санкт-Петербургской академией наук на аукционе 1752 г. в Амстердаме.

155 *Boonstra J.U. De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh 1719-1725. Doctoraalscriptie Rijks Universiteit Groningen, 1997. P. 18.* (Докторская диссертация, защищенная в Гронингском университете в 1997 г.)

156 См. приложение IV. Список препаратов животных из коллекции Себы, купленных Санкт-Петербургской академией наук на аукционе 1752 г. в Амстердаме, с указанием заплаченной цены.

предметы, о которых известно, что они были приобретены для Петербурга, то мы обнаружим, что в качестве покупателя значится некто Слэйтер. Этот «Слэйтер» работал на разных заказчиков. Но в тех случаях, когда он что-то покупал для Петербурга, после его фамилии написана буква «D»: Sluiter D.¹⁵⁷

22 августа 1752 г. И. Тауберт получил из Амстердама заказанные предметы. Еще не успев отправить Дитриху Шмидту подтверждение получения, он предложил своим коллегам послать Шмидту богато иллюстрированный путеводитель Шумахера по коллекциям и библиотеке Кунсткамеры — в качестве благодарности за выполненную работу и чтобы он почувствовал себя обязанным Академии наук¹⁵⁸.

Стихотворение, посвященное Себе

Трогательным проявлением того почтения, которое Академия наук испытывала к Себе, служит посвященное ему стихотворение Шумахера, написанное в 1743 г., через семь лет после его смерти. По замыслу оно предназначалось для публикации в третьем томе Тезаурса, который в конце концов вышел в свет только через 16 лет, в 1759 г.¹⁵⁹ Филолог-классик и историк науки Ю.Х. Копелевич перевела это стихотворение на русский язык. Йост ван Гелдерен, переводчик Плиния на нидерландский язык, и Петер Конхорст, бывший ректор латинской школы, где я училась, помогли восстановить оригинал.

В итоге получился следующий текст:

Viro clarissimo Alberto Seba	Знаменитейшему мужу Альберту Себе
Vestae* condita divitis supellex	Пышное убранство богатой Весты
Et quidquid tacito tenet repos[itum]	И все, что держит в молчаливой глубине
Neptunus gremio, potens tridenti	Нептун, могучий трезубцем,
Ipse absconditos utriusque vultus	Сам он скрытые обличья обоих,
Detectus studio et sagace cura	Обнаруженные стараньем и мудрым умением,
Totum se tibi, Docte Seba, pandit	И всего себя открывает тебе, ученый Себа,

¹⁵⁷ Аукционный каталог, в котором помечено, кто что купил, сохранился в библиотеке Амстердамского университета. Печатные страницы проложены листами, на которых от руки написаны имена покупателей и сколько оплачено за предметы. Изучая этот каталог в 1993 г., я безрезультатно старалась выяснить, кто производил покупки по поручению Академии наук. [*Seba Albertus*]. *Catalogus van de uitmuntende cabinetten, met allerley soorten van ongemeene schoone gepolyste hoorns, dublet-schelpen, [...] benevens het zeldzame en vermaarde kabinet van gediertens in flessen [...] en veele raare anatomische preparaten van den professor Ruysch: als mede een verzameling [...] nagelaten, [Amsterdam, 1752] (UbAsd Hsszaal Hs XXIII. P. 3).*

¹⁵⁸ Дриссен Й. Почему на распродаже новой коллекции Альберта Себы в Амстердаме в 1752 г. были произведены закупки для Кунсткамеры Петербургской академии наук // Сообщения Российско-нидерландского научного общества / Ред. Г.В. Вилинбахов, Н.П. Копанева. СПб., 2003. Вып. 1. С. 223–237.

¹⁵⁹ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 20. Л. 35 об.

Et Di[v]a specie palam refulget.
Vestae sic aditu Tibi patente.

И божественным взором ясно сияет.
А поскольку ты имеешь открытый доступ
к Весте,

Almae Mysta** Deae potes vocari¹⁶⁰.

Ты можешь назваться жрецом мистерий
богини-кормилицы.

Joh. Dan. Schumacher, Colmariensis
Sacro Russicae Imperatoriae
Majestatis Bibliothecari
in honorem Amici sui. 5 februari 1743.

Иог. Дан. Шумахер из Кольмара
Библиотекарь Его Величества
Императора Святой Руси
в честь своего друга 5 февраля 1743 г.

Шумахер?

В 1742 г. Шумахер был арестован по обвинению в растрате и отстранен от дел. У руководства академией был поставлен глава Инструментальной палаты А.К. Нартов¹⁶¹. Андрей Нартов уволил учителей-немцев, работавших в гимназии, и тридцать человек из академических мастерских¹⁶². Все помещения Библиотеки и коллекции натуралий опечатали, их содержимое проверили по инвентарным спискам¹⁶³. Проверка закончилась полным оправданием обвиняемого. Шумахер, свободный от подозрений, в декабре 1743 г. вновь занял свой пост¹⁶⁴.

В 1745 г. Шумахера вновь обвинили в растрате. Но после расследования, проведенного восемнадцатилетним президентом Академии наук Кириллом Разумовским (1728–1803), его вновь оправдали, и Шумахер остался на своем посту. Итого он прослужил секретарем Канцелярии Академии наук с 1726 по 1758 г. и умер через три года после выхода в отставку. Во введении к изданию переписки математика Леонарда Эйлера, знаменитого члена Петербургской академии наук, немецкий историк Эрих Винтер пишет, что на практике Шумахер фактически руководил академией: «Все контракты с членами Академии наук и все контакты

160 Веста в данном случае — богиня земли. В латинской литературе существуют параллели. *Mysta* или *mystes* — это человек, посвященный в то или иное учение. Примечательно, что Шумахер использует ту же стихотворную форму, что и, например, Катулл, а именно гендекасиллаб, или одиннадцатисложник, имеющий следующую схему: UU – UU – U – U – U, то есть в первой стопе налицо спондей, затем идут так называемый хорямб (долгий короткий + короткий долгий) и три ямбические стопы, последняя из которых усеченная, и оставшийся от нее краткий гласный может быть заменен долгим (так наз. *syllaba anceps*) (прим. Йоста ван Гелдерена).

161 Бренева И.В. История Инструментальной палаты Петербургской академии наук (1724–1766). СПб., 1999. С. 63.

162 Письмо Г. Гейнзиуса Л. Эйлеру. 15 июля 1743 г. См.: Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers... Bd. III. S. 84.

163 Бакмейстер И.Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной... С. 126.

164 Письмо Г. Гейнзиуса Л. Эйлеру. 17 декабря 1743 г. См.: Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers... Bd. III. S. 87.

с иностранными научными обществами [...] шли через его руки. Он отвечал за издательство, за мастерские и за вспомогательный персонал и распоряжался денежными средствами академии»¹⁶⁵. То, что академия шесть раз благополучно пережила смену власти, произошло в значительной мере благодаря постоянным усилиям Иоганна Даниэля Шумахера.

Коллекции натуралий, их дальнейшая судьба

Из вышеуказанных документов следует, что после пожара в Кунсткамере ученые приложили немалые усилия для того, чтобы утраченные экспонаты заменить новыми. Отсюда можно сделать вывод, что коллекция в то время находилась в хорошем состоянии и руководство ценило ее настолько высоко, что было готово платить за ее восстановление. Другим свидетельством уважительного отношения к коллекции служит назначение трех ученых на пост хранителей коллекции натуралий, важную часть которой составляла коллекция А. Себы. После пожара библиотека и коллекции были временно перевезены в дом Демидовых¹⁶⁶. Без малого двадцать лет спустя, в 1767 г., когда библиотека и музей (вплоть до последней книги и последнего экспоната) вернулись в Кунсткамеру, отвечать за коллекции было поручено трем специалистам. Петеру-Симону Палласу¹⁶⁷ предстояло привести в порядок зоологическую коллекцию, Каспару-Фридриху Вольфу (1734–1794), опытному эмбриологу, — анатомические препараты, а Самуэлю Готтлибу Гмелину (1745–1774) — ботанический отдел. Паллас, приехавший в Россию из Голландии в 26 лет, старался не только привести коллекцию в порядок, но и пополнить ее, для чего попросил у руководства выделить постоянный ежегодный бюджет¹⁶⁸. Гмелин, племянник Иоганна Георга Гмелина, издал в 1768–1769 гг. тома III и IV книги о сибирских растениях «*Flora Sibirici*», первые два тома которой в 1747–1749 гг. выпустил его дядя¹⁶⁹. Изучение этих публикаций может показать, использовали ли петербургские ученые в своей работе коллекции натуралий.

При просмотре изданий Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге «*Acta Academie Scientiarum Imperialis Petropolitanae*» и «*Nova Acta Academie Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», хранящихся в библиотеке Королевской академии наук в Амстердаме, выясняется, что в первые десятилетия истории Акаде-

165 Winter Ed. Einleitung // Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers... Bd. II. S. 2.

166 Прокофий Демидов (1710–1786) посылал растения в Амстердам Йоханнесу Бурману (1706–1779), у которого учился его племянник Григорий Демидов (1715–1761). См.: *Wijnands D.O., Zevenhuizen E.J.A., Heniger J.* Een sieraad voor de stad. De Amsterdamse Hortus Botanicus... P. 108.

167 В 1760 г. П.С. Паллас в Лейдене изучал хирургию и медицину у Б.З. Альбинуса, химию — у И.Д. Габиуса и математику с физикой — у П. ван Мушенбрука.

168 Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук... С. 144.

169 *Gmelin J.G. Flora Sibirica sive historia plantarum Sibiriae* / Red. S.G. Gmelin. SPb., 1747–1749. Vol. 1–2; 1768–1769. Vol. 3–4.

мии наук ни о животных, ни о растениях из коллекций Рюйша или Себы никто не писал. Материалы в «Аста» и «Nova Aста» посвящены неизвестным, ранее не обнаруженным или не описанным животным и растениям, доставленным исключительно из Сибири и с Дальнего Востока. Описания собранных в экспедициях хищных птиц, рыб и мелких млекопитающих не содержат ссылок на коллекции Рюйша или Себы.

Конец универсального музея

Приблизительно в 1830-е годы Кунсткамера прекратила свое существование в качестве энциклопедического музея. В это время во всей Европе наблюдался процесс дифференциации наук. Разделение по областям знаний объясняется тем, что после наполеоновских войн многие государства, обладая средствами на развитие наук, стремились выделиться среди других наций с помощью научных достижений¹⁷⁰. В Копенгагене кунсткамера прекратила свое существование в 1825 г. Коллекции были распределены между специализированными музеями. То же произошло и с коллекциями петербургской Кунсткамеры, которые «разлетелись» в разные стороны, чтобы далее жить своей жизнью в составе новых научных учреждений. В 1827 г. было принято решение о строительстве Пулковской обсерватории, в 1832 г. был создан Зоологический музей, в 1831 г. — Ботанический и Минералогический музеи. В здании Кунсткамеры оказались сосредоточены этнографические собрания. В данной области она обладала особенно богатой коллекцией, составленной в ходе экспедиций, которые регулярно снаряжались начиная с 1710 г. Это означало конец Кунсткамеры как универсального музея.

Рассредоточение коллекций Себы и Рюйша по разным музеям

Коллекции А. Себы и Фр. Рюйша были распределены по разным музеям. Животные и анатомические препараты из их коллекций были переведены в Зоологический музей. Вслед за ними туда была переведена соответствующая справочная литература, а также анатомический кабинет, включая препараты Фр. Рюйша. Созданные рукой человека изящные предметы из коллекции А. Себы попали в Эрмитаж. Минералы Себы отправились в Минералогический музей. Гербарий Рюйша переместился в здание петербургского гербария при Ботаническом институте РАН, где был распределен по этажам в соответствии с систематикой растений.

Некоторое число артифициалий из коллекции Себы осталось в здании Кунсткамеры и до сих пор принадлежит к ее коллекции. В 1878 г., когда Анатомический кабинет и Этнографический музей были объединены, возник Музей антропологии и этнографии: анатомические препараты вернулись в Кунсткамеру. До этого в 1843 г. во влажных препаратах была произведена замена консервирующей

¹⁷⁰ Bergvelt E. Pantheon der Gouden Eeuw. Van Nationale Konst-gallerij tot Rijksmuseum van schilderijen (1798–1896). Amsterdam, 1998.

жидкости, а испортившиеся препараты были выброшены¹⁷¹. Сохранилось около 900 препаратов, изготовленных Рюйшем из человеческого материала¹⁷². С 2003 г. они занимают почетное место в одном из залов здания Кунсткамеры. Обновленные после замены консервирующего раствора и более удачного расположения в сосудах, они выставлены в зале на втором этаже восточного крыла, где в первые десятилетия существования Кунсткамеры размещалась библиотека. С помощью нидерландской стороны в зале установлено освещение, соответствующее современным музейным нормам¹⁷³.

В Зоологическом музее Зоологического института РАН у лестницы при входе размещалась пятиметровая анаконда с надписью: «Приобретена Петром Великим в 1716 г. у голландского натуралиста Альберта Себы (голова не сохранилась)».

Благодаря покупке Петром I коллекций А. Себы и Фр. Рюйша Петербургская академия наук располагала двумя современными, scrupulously описанными коллекциями, которые можно рассматривать как ранние образцы современных университетских научных коллекций.

171 Радзюн А.Б. Анатомическая коллекция Ф. Рюйша в Санкт-Петербурге // Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / Ред. Н. Копанева, Р. Кистемакер, А. Овербек. СПб., 1997. С. 108.

172 Сегодня коллекция Рюйша насчитывает 110 препаратов кожи и цельных частей тела (ручек и ножек), 46 препаратов частей тела с препарированными мышцами и сосудами, 95 препаратов мозга и открытой черепной коробки, 89 препаратов органов чувств, 55 препаратов органов кровообращения и дыхания, 150 препаратов органов пищеварения, 40 препаратов органов мочеполовой системы, 115 препаратов половых органов, 45 оболочек плода, 89 препаратов зародышей и человеческих плодов, 70 скелетных костей, 11 человеческих уродцев, 19 прочих препаратов.

173 Это было сделано благодаря поддержке Фонда Вильгельмины Э. Янсен (Нидерланды).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тщательное изучение переписки А. Себы дает бесценные новые сведения о приобретении коллекций самого Себы и Фр. Рюйша, поставках Себой лекарств, его посредничестве при покупке физических инструментов и использовании и применении в России полученных таким образом новых знаний. Эти сведения позволяют сделать однозначный вывод о том, что покупка коллекций вовсе не была результатом случайных импульсов царя, что коллекции приобретались целенаправленно и что культурный импорт из Нидерландов сыграл существенную роль в сближении России с Европой.

Кунсткамера Петра Великого

В большей части современной литературы Кунсткамера Петра Великого описывается как собрание редкостей, то есть как довольно произвольное собрание предметов, никак не связанных друг с другом, которые царь без какой-либо системы получил или купил. К тому же русский царь проявлял сомнительный интерес к новорожденным уродцам, которых сохраняли в спирту. Вследствие наблюдающегося в последнее время увлечения историков и искусствоведов проблематикой коллекционирования в раннее Новое время было выдвинуто новое объяснение возникновения Кунсткамеры как продолжения сложившейся в XVII в. традиции княжеских и королевских коллекций. То, что дошло до нас через 300 лет, подтверждает подобное представление о собрании: это редкие предметы, анатомические препараты и заспиртованные уродцы. Такое впечатление о Петровской Кунсткамере было и у меня, пока я не обнаружила переписку амстердамского аптекаря Альберта Себы с организаторами Петровской Кунсткамеры.

По ходу чтения писем и дальнейшего исследования я выяснила, что первоначально коллекции были составлены совсем по-другому и собраны в соответствии с заранее продуманным планом.

В приобретаемых Петром коллекциях «центр тяжести» приходился на растения, животных и минералы — так называемые «натуралии», а не на «артифициалии» — ценности, созданные руками человека. Ядро Кунсткамеры, как выяснилось, составляли две коллекции, купленные в Амстердаме у аптекаря Альберта Себы и анатома Фредерика Рюйша. Более того, здание Кунсткамеры было построено ради того, чтобы разместить эти две гигантские коллекции. Эти факты делают маловероятной трактовку Кунсткамеры как продолжения существовавшей ранее традиции королевских коллекций.

Кунсткамера Петра Великого по замыслу и исполнению была чрезвычайно похожа на амстердамские кунсткамеры. Во время пребывания в Амстердаме в 1697–1698 гг. Петр I обстоятельно познакомился с коллекциями Фредерика Рюйша и

Левинуса Винсента. Главная идея, лежавшая в основе подобных кунсткамер, состояла в сведении воедино всех имевшихся знаний о мире: в них были представлены все животные, все растения, все минералы, иногда также изображения городов и знаменитых зданий, образцы всевозможных алфавитов и языков, надписи на камнях и археологические находки, образцы одежды, оружия и предметов обихода экзотических народов. На базе подобных энциклопедических коллекций позднее производилась систематизация знаний. Во многих европейских странах исследование природы осуществлялось под покровительством монарха. Так было во Франции в Королевской академии и в Англии в Лондонском королевском обществе. Путешествуя по Европе, Петр посещал кунсткамеры и вдохновлялся увиденным.

Петровская Кунсткамера как энциклопедический музей

Постепенно я убедилась в том, что Петровская Кунсткамера полностью соответствовала новому европейскому подходу к научному исследованию. Кунсткамера предстала передо мной как проявление активной причастности Петра к «Республике любителей» — людям, увлеченно стремившимся к знаниям, ставившим эксперименты, производившим классификации и порой — что не было главным — дававшим интерпретацию увиденному. Все это делалось весьма целеустремленно — ради упрочения власти, приобретения богатства, благополучия, славы и почета. Важной особенностью новой науки было то, что она не испытывала уважения к рассуждениям и цитированию, к эрудиции, искавшей знания у античных мудрецов, но уважала знания, полученные посредством собственного опыта. Поэтому новая наука носила в основном практический характер, что особенно импонировало такому самоучке, как Петр I. Культурные, экономические и политические мотивы, подвигнувшие Петра заложить в России основы научного исследования по образцу европейской модели, были, как я поняла, теми же, что и у других авторитарных властителей: стремление к славе и поиски новых возможностей получить для монарха выгоду.

Такая интерпретация Кунсткамеры как основы для нового, энциклопедического коллекционирования (то есть не как продолжение накопления сокровищ монархом, но как начало нового подхода к научному исследованию) в сочетании с поразившей меня особенностью Петра I — его интересом к уродам (младенцам с физическими отклонениями) и резкими разоблачениями церковных чудес — не давала мне покоя. В богатейшей литературе о Петре я не находила убедительного объяснения его увлечению уродами. Лишь в 1995 г. в исследовании Джонатана Израэля о Нидерландской Республике¹ и еще более подробно в его книге 2001 г. о Радикальном Просвещении² я нашла то, что искала. Дж. Израэль описывает, как

1 *Israel J.I.* The Dutch republic. Its rise, greatness, and fall 1477–1806. Oxford, 1995.

2 *Israel J.I.* Radical enlightenment. Philosophy and the making of modernity 1650–1750. Oxford, [2001].

после выступления голландского шлифовальщика линз Спинозы с доказательством того, что дьявол — это всего лишь олицетворение людских страхов, в Европе стало выходить множество книг и брошюр, обсуждавших реальность чудес и существование дьявола. Автор указывает, что отрицание существования дьявола и борьба с верой в чудеса являются важной чертой раннего, так называемого радикального, Просвещения, которое почти на век опережало французское. Поскольку эти книги и брошюры печатались не на латыни, а на национальных языках, их читали сотни, если не тысячи, людей, так что обсуждение носило очень широкий характер. Начавшись в Голландии, дискуссия достигла не только Франции, Англии и Германии, но, как мы видим, и России.

Благодаря иностранцам, с которыми Петр общался с юных лет, он был в курсе этих обсуждений, занимавших умы европейцев в течение нескольких десятилетий. Он приехал в Европу в то время, когда идеи Просвещения там уже получили широкое распространение. Борьба с верой в дьявола уже не была уделом лишь атеистов и последователей Спинозы. Идеи Просвещения стали всеобщим достоянием и проникли в среду просвещенных христиан и деистов.

То, что Петр разоблачал всевозможные чудеса, видения, предсказания и знамения, имело также политическое значение. Запрещая веру в сверхъестественное, Петр лишал церковь возможности манипулировать людскими страхами. Этой же цели служил его указ об уродах. Петр велел сдавать в Кунсткамеру всех появившихся на свет уродов. Там их демонстрировали посетителям как образцы ошибок природы: возникновение уродств не есть дело рук дьявола. В этом смысле Петр был последователем Спинозы.

Благодаря письмам неожиданно выяснилось, что нидерландское влияние на российскую науку на стадии ее становления было значительно большим, чем считалось ранее. О роли немецких ученых в установлении и расширении контактов России с Европой начала XVIII в. написано много работ. После смерти Петра I немецкие ученые действительно оказались на главных ролях. Но до этого главенствующую роль играл шотландец Роберт Арескин (Эрскин), лейб-медик Петра. Он как советник царя по вопросам науки был назначен первым главой Кунсткамеры. Большая часть коллекций, заполнивших новый музей, — преимущественно натуралии, научные инструменты и книги — была приобретена у голландцев, которые своими коллекциями фактически заложили основы Санкт-Петербургской академии наук. До обнаружения писем Себы историкам не было известно, что голландские мастера, производившие физические инструменты, экспортировали свою продукцию в другие страны, в том числе в Россию³. Кроме Себы и Рюйша, свой товар в Россию поставляли также производители приборов И. ван Мушенбрук (г. Лейден), Даниель Фаренгейт (г. Амстердам), книгоиздатели и книготорговцы Пьер ван дер Аа и Ван Вайсберги. Подтверждение моему впечатлению, что современные

3 Петер де Клерк, ознакомившись с некоторыми из рассматриваемых писем, нашел эти новые факты настолько интересными, что на их основе сформулировал один из тезисов своей диссертации: *Clercq P. de. At the sign of the oriental lamp. The Musschenbroek workshop in Leiden, 1660–1750. Rotterdam, 1997. P. 27.*

немецкие и русские авторы недооценивают роль Нидерландов в становлении Академии наук, я нашла в русской исторической литературе XIX в. о Кунсткамере.

Приведем два новых примера, доказывающих важность влияния Голландии на зарождавшуюся российскую науку. Первым членам Академии наук было велено преподавать курс ньютоновской физики по учебнику профессора Лейденского университета Петруса ван Мушенбрука. А глава Академии наук Лаврентий Блюментрост, прошедший обучение в немецких и английских университетах, завершил его, как выяснилось из писем, в Амстердаме у Фредерика Рюйша и у Дювернея в Париже, чтобы в итоге защитить диссертацию в Лейденском университете.

Себа и Арескин

Амстердамский аптекарь Альберт Себа оказался опытным торговцем и благодаря своим разносторонним контактам сумел установить монополию на поставку аптечных товаров в российские придворные аптеки. Более того, амстердамский аптекарь стремился принять участие в выполнении программы преумножения человеческих знаний, намеченной Фрэнсисом Бэконом. Он гордился тем, что, не имея специального образования, но обладая здравым смыслом, мог внести вклад в общее дело наряду с яркими личностями. Высказанная Бэконом мысль о том, что собираемые людьми сведения о мире необязательно дадут результаты немедленно, но стараниями нескольких поколений исследователей рано или поздно приведут к прогрессу в науке, вдохновляла Себу. В предисловии к весьма дорогостоящему четырехтомному каталогу своей коллекции он писал, что именно эта мысль подвигла его на описание коллекции и создание изображений экспонатов. Как серьезный собиратель знаний, он нашел общий язык с Робертом Арескиным, лейб-медиком царя и главой Аптекарского приказа в Москве, и сумел завоевать его доверие.

Из писем мы узнаем, что Себа начал переписку с Арескиным в 1711 г. благодаря лекарю по имени Каспар Вейзе, поступившему в Амстердаме на русскую службу. Выясняется, что первый заказ на поставку лекарств царю Себа получил в 1715 г. через посредника. Однако вскоре он дал понять Арескину, что ему будет выгоднее заказывать лекарства непосредственно у Себы. Аптекарь добился своего и в дальнейшем стал получать заказы без промежуточных инстанций. Себа ежегодно поставлял царю лекарств на 30 000 гульденов, то есть приблизительно на 10 000 рублей. По этой сумме видно, какого потрясающего успеха добился Себа: фактически это был весь бюджет российского Аптекарского приказа. В изученных нами письмах содержатся заказы Себе на поставку лекарств в две придворные аптеки на 1715, 1716, 1717 и 1718 гг. Кроме того, в 1718 г. Себа получил заказ на поставку лекарств в аптеку Адмиралтейства.

Финансирование покупки коллекции у Себы

Письма пролили свет на то, каким образом финансировались подобные крупные покупки. Все три партии товаров для разных аптек Себа должен был адре-

совать на имя английской торговой компании «Парсонс и Вайдт». Финансирование осуществлялось по хорошо разработанной схеме. В качестве оплаты или предоплаты покупатель мог выписать от своего имени вексель и передать его или послать по почте поставщику. Поставщик мог представить этот вексель для обналичивания в банк или торговую фирму, где покупатель имел кредит. Иностранцы купцы, обосновавшиеся в России, получали кредиты в торговых банках и у банкиров в Лондоне, Амстердаме, Гамбурге, Вене и Берлине. Труднее всего было получить требующиеся деньги из российской казны. Иногда это растягивалось настолько, что «Парсонс и Вайдт», на чей адрес Себа высылал лекарства, платили ему из своего кармана. Выплаты Себе обеспечивали в основном английские купцы, в частности Ричард и Натаниэль Кэмбридж, проживавшие в Лондоне. В 1717 и 1718 гг. Себа получал также векселя для предъявления торговой фирме «Ромсвинкель и Варин» в Амстердаме. В период после 1720 г. английские купцы, торговавшие с Россией, по объему оборота торговли догнали и перегнали голландских. Это соревнование началось после 1699 г., когда английскому парламенту удалось сломить мощь «Московской компании», имевшей монополию на торговлю с Москвой. Векселя выписывались иногда в гульденах, иногда в рублях.

Пересылка коллекции Себы

Пересылка аптечных товаров не представляла трудности. В период навигации из Амстердама в Петербург, нередко напрямую, каждый год отправлялись корабли. А. Себе удавалось отправлять свой товар, даже когда обстановка на Балтийском море из-за Северной войны была слишком опасной. В такие периоды корабли шли на Архангельск. Лекарства, предназначенные для московской аптеки, Себа всегда посылал только через Архангельск.

Ответственность за риск при транспортировке была юридически урегулирована. Если товар оказывался поврежден в пути, за это отвечал шкипер. Правда, однажды, когда с посланными Себой аптечными товарами по дороге что-то случилось — не по его вине, так как он передал их капитану в хорошем состоянии, — он не получил причитавшихся ему денег. По всей видимости, в России он не смог добиться реализации своих прав.

Себа был в большей мере поставщиком товаров, чем торговцем. Правда, наряду с аптечными товарами он посылал и другие, такие как предметы роскоши, но исключительно Арескину лично, и это было с его стороны скорее красивым жестом. В таких случаях он не выплачивал Арескину комиссионных. (На поставках лекарств из Амстердама Себа давал возможность подзаработать также секретарю Медицинской канцелярии Иоганну Даниэлю Шумахеру. Если Шумахеру удавалось быстро урегулировать выплату денег Себе, он имел право оставить себе 100 гульденов.) Тем не менее торговля с Россией не была полностью односторонней, иногда Себа и сам заказывал товары в этой стране. Через Шумахера он получал *Radix Nisi*, то есть имбирный корень, по крайней мере если он имелся в наличии, ведь *Radix Nisi* доставлялся в Россию караванами из Китая. Других

экспортных товаров в уплату за лекарства Себа не принимал. В этом заключается его основное отличие от остальных голландских купцов, торговавших с Россией. Были и другие отличия. Остальные купцы поставляли в Россию широкий ассортимент товаров и покупали там все, что можно было выгодно купить. Для них выбор товаров определялся предложением. Себа, напротив, поставлял только один вид товара — лекарства и «аптечные товары» в широком смысле слова: сушеные травы, химикалии, красящие вещества и т.п. — и принимал оплату только деньгами.

Себа проявил большое упорство, решив продать царю свою коллекцию натуралий. Его контактное лицо Роберт Арескин получал от него письмо за письмом. Себа старался воздействовать на Арескина в несколько этапов. Он начал с описания своей коллекции, подчеркивая, что она богаче, чем знаменитые амстердамские коллекции Левинуса Винсента и Фредерика Рюйша. Затем как бы вскользь, упомянул о том, что в 1714 г. его коллекцию с интересом осмотрел князь Б.И. Куракин и остался ею доволен. И наконец Себа высказал Арескину свою уверенность в том, что тот, как человек, знающий толк в натуралиях, сумеет оценить достоинства его коллекции по нескольким образцам, достаточно прочным для транспортировки, которые он с этой целью и послал Арескину.

Дата покупки коллекции Себы и коллекции Рюйша

Из переписки между Себой, Арескиным и Шумахером становится ясно, что решение купить коллекции Себы и Рюйша не было скоропалительным и принято было не в Амстердаме под впечатлением от увиденного, а после длительной переписки между Альбертом Себой и Робертом Арескиным, в которой Себа выказал редкую настойчивость. К тому же обе коллекции не были приобретены одновременно, как это часто указывается в исторической литературе. Себа предложил продать царю свой кабинет натуралий и редкостей 7 июня 1715 г. Он выступил с этой инициативой сразу после благополучного завершения сделки по его первой поставке лекарств в придворные аптеки. Коллекция Себы была куплена 10 января 1716 г. и доставлена в Петербург через семь месяцев, 19 августа 1716 г. Это произошло задолго до того, как царь собрался посетить Голландию во второй раз: решение о поездке было принято в октябре 1716 г. В декабре 1716 г. он прибыл в Голландию.

Покупка коллекции Рюйша происходила принципиально иначе. Собрание Рюйша царь внимательно осмотрел еще в сентябре 1697 г. Нам неизвестно, был ли Роберт Арескин, учившийся какое-то время в Лейденском университете, также знаком с этой коллекцией еще до того, как посетил Рюйша вместе с царем в 1716–1717 гг. В СПФ АРАН сохранились не все письма, и из тех, что до нас дошли, не ясно, от кого исходила инициатива этой покупки. Формулировки, используемые в письмах Себы, оставляют открытыми обе возможности: не исключено, что Шумахер с Арескиным сами проявили интерес к препаратам Рюйша, но вполне вероятно и то, что первый шаг был сделан Себой. В любом случае из писем однозначно следует, что в продаже коллекции Рюйша Себа сыграл важнейшую роль.

Именно Себа произвел первые пробные закупки для царя 24 апреля 1716 г., более чем за полгода до второго посещения Голландии царем. После совершения сделки именно он принял на себя финансовые риски и участвовал в инвентаризации, упаковке и пересылке рюйшевского собрания.

Почти через год после первого письма Себы Арескину о коллекции Рюйша от 24 апреля 1716 г. в Амстердаме был подписан акт купли-продажи, датированный 8 апреля 1717 г. Петр купил всю коллекцию за 30 000 гульденов. При заключении сделки Себа и Блюментрост подписали данный акт вместе как представители Арескина. Сам Арескин незадолго до этого уехал вместе с царем в Париж. Подписанию акта предшествовали длительные письменные обсуждения. В самом начале Себа назвал Арескину определенную цену и отправил ему несколько образцов препаратов Рюйша. В ходе нашего исследования стало ясно, что на первых порах речь шла о покупке лишь одного из десяти кабинетов Рюйша, описанных им в его каталогах, — о «Десятом, королевском кабинете»⁴. По-видимому, приказ купить всю коллекцию Рюйша целиком царь отдал лишь по прибытии в Амстердам.

Кроме стоимости коллекции царь заплатил еще 5000 гульденов дополнительно за раскрытие тайны состава жидкости, которую Рюйш впрыскивал в свои препараты. Этот состав был настолько секретным, что Арескин, находившийся в тот момент в Париже, не согласился с предложенным ему планом, согласно которому Рюйш мог сообщить ему рецепт через младшего лейб-медика царя Лаврентия Блюментроста. Поэтому был разработан компромиссный вариант: Рюйш изложил свою тайну на бумаге и отдал записи на сохранение нотариусу.

Выплата Рюйшу той огромной суммы, о которой предварительно договорились продавец и покупатель, происходила отнюдь не гладко. Амстердамский врач Питер Генелон, который по распоряжению Арескина должен был участвовать в деле оплаты коллекции, оказался ненадежным партнером и отказался выдать деньги в назначенный срок. Блюментрост с Себой прибегли к помощи амстердамского агента царя Кристоффеля Брантса. Тот сначала дал им хороший совет, а потом выступил посредником в переговорах с Генелоном. В итоге последнему все же пришлось расстаться с деньгами.

Тайна препарирования

Поскольку кабинет Рюйша был знаменит на всю Европу, приобретение его русским царем не осталось незамеченным. Едва царь с Арескиным прибыли в Париж, как к последнему пришел с визитом его бывший учитель, а теперь коллега — знаменитый анатом Дюверней. Дюверней чрезвычайно интересовалась техника препарирования, которую Рюйш до сих пор держал в строжайшей тайне. Теперь, когда Рюйш продал свой секрет вместе с препаратами, некоторые

4 Thesaurus magnus & regius qui est decimus thesaurum anatomicorum. Het groote en koninglyke kabinet zynde het tiende der anatomische kabinetten. Amsterdam, 1716.

европейские анатомы стали оказывать давление на нового хранителя тайны, чтобы заставить его ее открыть. Они желали также приобрести некоторые препараты Рюйша. Дюверней дал Арескину слово заказать для этих препаратов специальный шкаф и написать на нем золотыми буквами, что это дар Арескина. Лейб-медик царя отвечал двум французским анатомам смутными обещаниями, но тайну не раскрыл.

Переданное через нотариуса описание рюйшевского рецепта оказалось недостаточным для того, чтобы в Петербурге смогли овладеть искусством голландского анатома. Знания необходимых ингредиентов (свернувшаяся кровь свиньи, берлинская лазурь и окись ртути) не хватило при отсутствии опыта впрыскивания препаратов в кровеносные сосуды.

В наши дни в Кунсткамере препараты Рюйша выставлены в том же зале, что и изготовленные в России препараты уродов. Розовый цвет кожи, придающий препаратам Рюйша сходство с живым телом, полностью отсутствует у мертвенно-бледных русских препаратов. Преемник Арескина и Блюментроста в 1732–1734 гг., врач Иоганн Хр. Ригер (ум. 1774) опубликовал секретную рецептуру Рюйша в 1743 г. в энциклопедии, издававшейся в Гааге (он включил ее в первый том в статью «animal», то есть «животные»). Энциклопедия была задумана как грандиозный алфавитный справочник по естествознанию и медицине. Ригер успел издать лишь первые два тома (до латинской буквы «С»)⁵.

Упаковка и пересылка коллекции Рюйша

Из изученного архивного материала становится ясно, что коллекцию Рюйша упаковывали Себа и молодой лейб-медик Петра I Лаврентий Блюментрост. Рюйшу в то время было 79 лет, и он ничем им не помогал. В письмах сообщается о том, что коллекция вопреки всем сложностям была упакована быстро и умело всего за три недели. При этом Себа с Блюментростом руководствовались печатными каталогами коллекции, в которых Рюйш дал полное описание — полка за полкой, шкаф за шкафом — всех экспонатов своих десяти кабинетов. Оказалось, что кроме этих десяти в Петербург было отправлено еще четыре ранее не описанных кабинета. Их описывал уже Блюментрост.

Себа проявил себя как опытный упаковщик, так как коллекция прибыла в Санкт-Петербург в безупречном состоянии — не пострадала ни одна банка. Но послана коллекция была не сразу. Из-за Северной войны на Балтийском море царь проявлял осторожность и долго не отдавал приказа к отправке ценного груза. Пришлось ждать целый год. Петр рассчитывал, что европейские государства вскоре окажут ему поддержку, необходимую для заключения мира. В 1717 г. он пришел к заключению, что его расчеты не оправдались, и решил все-таки отправить коллекцию в рискованное путешествие по морю. Однако свой любимый ка-

5 Rieger J.C. *Introductio in notitiam rerum naturalium et arte factarum*. Den Haag, 1743. Dl. I. P. 580.

бинет с экспонатами, демонстрирующими развитие человеческого плода, он повелел отправить сухопутным маршрутом. Но Себа не смог выполнить это распоряжение, так как все экспонаты уже были запакованы. В целях безопасности Себе было дано указание разделить коллекцию на две или более частей и погрузить на несколько кораблей, которые поплывут в Петербург с конвоем. Чтобы заплатить как можно более низкую пошлину, Себа обратился за помощью к амстердамскому пастору Клермонту, у которого были хорошие отношения с начальником таможни. В таможенных документах Себа указал цену намного меньшую, чем та, которую за коллекцию отдал царь и которая была всем известна. Затея удалась. Об этом мы узнаем из нескольких радостных писем двух обманщиков.

Иоганн Даниэль Шумахер занимается изучением и хранением коллекций

Из переписки становится ясно, что в Петербурге был один-единственный человек, переживавший за коллекции, купленные за границей и теперь привезенные в Россию, — библиотекарь царской библиотеки И.Д. Шумахер. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы найти в совсем недавно основанном городе хорошее здание для столь ценных экспонатов. Сначала ему было предоставлено для этого всего три комнаты, а затем коллекция была перевезена в Кикины палаты. Здесь места было больше, но в доме протекала крыша. Шумахер сделал все от него зависящее, чтобы крышу починили. Когда выяснилось, что французский архитектор Леблон занят строительством только деревянного навеса для Готторпского глобуса, Шумахер постарался воздействовать на Арескина, чтобы тот убедил царя поспешить со строительством нового здания Кунсткамеры. Для этого царь должен был либо одобрить уже имевшийся проект новой Кунсткамеры, либо приказать архитектору Маттарнови завершить альтернативный проект. В итоге в 1718 г. был заложен первый камень сегодняшнего здания Кунсткамеры. Когда дело дошло до расстановки экспонатов, Шумахер занялся разработкой музейной инфраструктуры. Эстетическое оформление экспозиции было возложено на художницу из Амстердама Доротею Марию Гзелль, дочь знаменитой Марии Сибиллы Мериан.

Шумахер оказался достаточно компетентным, чтобы обустроить библиотеку и привести в порядок коллекции. В одном из писем он рассказывал о том, что завершил составление каталога библиотеки Арескина. Этот рукописный каталог хранится в Архиве Академии наук в Петербурге. Он является первой описью русской библиотеки, составленной в России. В библиотеке Арескина оказались в наличии все книги и справочники, требовавшиеся Шумахеру для систематизации библиотеки и коллекций. В данном случае к России было неприменимо определение «*tabula rasa*», как ее назвал Лейбниц в одном из своих писем.

Кунсткамера стала предшественницей Академии наук. Когда новое здание Кунсткамеры было почти готово, возникла мысль пригласить в Петербург ученых, которые на контрактной основе за привлекательный гонорар согласились бы работать с коллекциями. Для этого были разосланы письма в немецкие земли, Голландию и Францию. Французский астроном Делиль, поступивший на службу

в Академию наук уже в июле 1725 г., через 6 месяцев после ее основания, нашел здесь почти все нужные ему астрономические инструменты. По пути в Россию Делиль по просьбе организаторов академии заехал в Лейден, чтобы взять в мастерской ван Мушенбрука и упаковать для отсылки в Петербург новые, сконструированные по последнему слову науки инструменты. Чтобы разместить академию с ее мастерскими и залами для ученых собраний, наряду с Кунсткамерой уже вскоре стали использоваться палаты находившегося рядом бывшего дворца царицы Прасковьи Федоровны.

Создание Академии наук

Коллекции Себы и Рюйша, приобретенные для Кунсткамеры, вместе с несколькими другими в 1716–1717 гг. послужили основой для учреждения Академии наук. В 1724 г., когда строительство здания Кунсткамеры еще шло полным ходом, Шумахер и Блюментрост разослали письма иностранным ученым с предложением поступить на службу в Петербургскую академию наук. Через два года вышли в свет первые печатные издания академии. Шумахер с хорошим знанием дела заказывал книги в разных городах Европы и создал хорошо разветвленную систему книгообмена, основой для которой служили книги, быстро и успешно печатавшиеся в типографии Санкт-Петербургской академии наук.

В ходе исследования выяснилось, что коллекции были очень важны для молодых членов Академии наук. И наконец, недавние архивные находки показывают, насколько ценились в Петербурге амстердамские коллекции. Ведь в 1752 г., когда в Амстердаме на аукционе распродавалась вторая коллекция Себы, умершего шестнадцатью годами раньше, Петербургская академия наук вновь приобрела его препараты.

Искусствоведы, а также некоторые историки склонны интерпретировать коллекции Себы, Рюйша, Кунсткамеры и Академии наук как конвульсии той эпохи, когда монархи собирали кабинеты редкостей и произведений искусства, как лебединую песнь «энциклопедического музея»⁶. В этой книге я постаралась показать, что Кунсткамера, наоборот, была началом нового — научного — коллекционирования. Письма, хранящиеся в Архиве Российской академии наук, отчетливо показывают, что царь стремился к систематическому приобретению знаний. Становится ясно, что эти коллекции ни в коем случае нельзя назвать лишь «материалом, бесполезным для последующих таксономистов»⁷. Коллекция Себы имела особенно важное значение, так как в числе других послужила таксономисту Карлу Линнею основой для его «системы природы».

6 *Meijers D.J.* Le musée du XVIIIe siècle: l'apogée et le chant du cygne de l'encyclopédisme // Tous les savoirs du monde. Encyclopédies et bibliothèques, de Sumer au XXIe siècle / Red. R. Schaer. P., 1996. P. 325.

7 *Waaals J. van der.* Wankelend wereldbeeld. Onderzoek naar taal, geloof en tijd in rareitenkabinetten // De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rareitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 152.

Эпоха сбора грандиозного материала по естественной истории, как у Бюффона, была еще впереди — она наступила во второй половине XVIII в.

Подобный тип коллекционирования и в наше время не отменен современными научными воззрениями: им все еще пользуются зоологи, ботаники и анатомы. Изучение коллекций тератологических препаратов (уродств) до сих пор входит в программу обучения студентов-медиков.

Распределение коллекций Кунсткамеры по музеям и научно-исследовательским учреждениям более узкой специализации, процесс, проходивший в 1830-х годах, следует рассматривать как специализацию систематического коллекционирования. Его нельзя путать с процессом отчуждения части или целых музейных и университетских коллекций, наблюдающимся, например, в Голландии в XX–XXI вв.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники Письма

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН)

Письма Альберта Себы и других Роберту Арескину, Л.Л. Блюментросту и И.Д. Шумахеру
Ф. 1. Оп. 3 (Ученая корреспонденция). Д. 3, 4, 5, 6, 7, 8.
Ф. 120 (Р. Арескин). Оп. 1.

Письма Роберта Арескина Альберту Себе и другим
Ф. 1. Оп. 3 (Ученая корреспонденция). Д. 2.
Ф. 1. Оп. 3 (Ученая корреспонденция). Д. 6.
Ф. 1. Оп. 3 (Ученая корреспонденция). Д. 20.

Письма И.Д. Шумахера Альберту Себе, Роберту Арескину и другим
Ф. 1. Оп. 3 (Ученая корреспонденция). Д. 2.
Ф. 1. Оп. 3 (Ученая корреспонденция). Д. 6.

Библиотека Амстердамского университета (UBA)

Письма Иоганна Даниэля Шумахера и Петра I Питеру де ла Куру ван дер Воорту
HSS 153 BN, Hss 134 A 1-4.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Письма Иоганна ван ден Бурга и Кристоффела Брантса А.В. Макарову
Разряд IX (Кабинет Петра I). Оп. 2. Отд. 1. Кн. 42. Л. 432–432 об. 18 августа 1719 г.
Разряд IX (Кабинет Петра I). Оп. 2. Отд. 1. Кн. 42. Л. 420–421. 18 сентября 1719 г.
Разряд IX (Кабинет Петра I). Оп. 2. Отд. 1. Кн. 42. Л. 428–429 об. 5 декабря 1719 г.
Разряд IX (Кабинет Петра I). Оп. 2. Отд. 1. Кн. 42. Л. 423. 19 декабря 1719 г.
Разряд IX (Кабинет Петра I). Оп. 2. Отд. 1. Кн. 52. Л. 128. 26 сентября 1720 г.

Контракты и акты

Ontwerp voor een Koopcontract gesloten door Ruysch aan ene zijde en L. Blumentrost en A. Seba als gemachtigde van Robert Areskine aan andere zijde over de verkoop van de collectie en Ruysch en het geheim van hun bereiding bij notaris A. Tzeeuwen. (Черновик

договора, в котором Фредерик Рюйш, профессор анатомии и медицины, Лаврентию Блюментросту, придворному медику царя, и Альберту Себе, аптекарю, уполномоченному Робертом Арескиным, советником и лейб-медиком царя, обещает передать препараты анатомические, ботанические и морских растений, а также секрет их приготовления, составленный нотариусом Абрахамом Тсевеном.) Amsterdam. 8 april 1717.

СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–3. 8 апреля 1717 г.

Akte waarin Abraham Tzeewen verklaart samen met L. Blumentrost en A. Seba bij de huisvrouw van F. Ruysch te hebben geprotesteerd tegen het feit dat hen toegang tot de aangekochte collectie geweigerd werd. (Акт, в котором Абрахам Тсевен заявляет вместе с Л. Блюментростом и А. Себой о протесте, высказанном жене Фр. Рюйша против того, что им закрывают доступ к купленной коллекции.)

СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 69. Л. 4–6 об. 17 апреля 1717 г.

Kopie van een Koopcontract waarin Frederik Ruysch, professor anatomie en medicijnen, aan Laurentius Blumentrost, hofarts van de tsaar, en Albert Seba, apotheker, gemachtigd door Robert Areskine, raad en eerste lijfmedicus van de tsaar, belooft alle anatomische, botanische en zeegewassen, alsmede het geheim van hun bereiding te zullen overleveren, en A. Seba zich persoonlijk garant stelt voor de tijdige betaling, opgesteld door notaris Abraham Tzeewen. (Копия договора, в котором Фредерик Рюйш, профессор анатомии и медицины, Лаврентию Блюментросту, придворному медику царя, и Альберту Себе, аптекарю, уполномоченному Робертом Арескиным, советником и лейб-медиком царя, обещает передать препараты анатомические, ботанические и морских растений, а также секрет их приготовления, составленный нотариусом Абрахамом Тсевеном.) Amsterdam. 23 april 1717.

СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 69. Л. 7–9. 23 апреля 1717 г.

Рукописи

1. Список заказанных из Амстердама художественных материалов для Академии наук в Санкт-Петербурге.

Санкт-Петербург. 31 марта 1724 г.

СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 201 об. – 202.

2. Bezoekersboek van professor Frederik Ruysch, Amsterdam, 1695–1730.

(Книга посетителей профессора Фр. Рюйша. Амстердам, 1695–1730.) 2 части in-quarto.

Amsterdam Bibliotheek van de Universiteit van Amsterdam. Hsszaal Hs I E 20-21.

3. Книга посетителей Якоба де Вильде. Одна тетрадь Книги посетителей музея Якоба де Вильде. Амстердам, 1697–1716. 4 листа in-quarto.

Библиотека Российской академии наук. Петровская галерея. 29/1.

4. *Deknatel Adrianus*. Catalogus van de aloem beroemde kabinetten, bestaande in sierlyke anatomische praeparata, onder welke van den prof. F. Ruysch [...] alles by een vergadert en aldus nagelaten door den heer Adrianus Deknatel [...]. [Amsterdam], 1765. (*Декнатель*

Адрианус. Каталог повсеместно известных кабинетов, состоящих из изящных анатомических препаратов, в том числе профессора Ф. Рюйша [...] все собрано и оставлено в наследство г-ном Адрианусом Декнателем [...] Амстердам, 1765.)

От руки приписаны имена покупателей.

Amsterdam. Bibliotheek van de Universiteit van Amsterdam. Hsszaal O 81–85.

5. Gildebrief betreffende het behalen van het examen door Gerrit de Vries tot meester chirurgijn, о.а. ondertekend door Frederik Ruysch. 19 feb. 16[67]. (Свидетельство, выданное Герриуту де Врису от Гильдии, об успешной сдаче экзамена на мастера-лекаря, подписанное в т.ч. Фредериком Рюйшем. 19 февр. 16[67].)

Amsterdam. Bibliotheek van de Universiteit van Amsterdam. Hsszaal Hs 19 Ah.

6. Georg Gsell, Jacob Stählin. Verzeichnis der sämtlichen Schilderyen zu Marly, und Monplaisir in Petershoff. Nach ihrem Wehrt untersucht wie auch mit bejläuffigen Nachrichten von den Meistern und Anmerkungen von ihrer Arbeit begleitet von dem Academie Mahler Georg Xsell und Jacob Stählin. 1737. (Описание собрания картин в Марли и Монплезире в Петергофе с их стоимостью и с заметками об их работе академического живописца Гзелля и Якоба Штелина. 1737.)

СПФ АРАН. Ф. 170. Оп. 1. Д. 65.

Опубл. Й. Дриссен и А.Г. Каминской. Перевод с нем. А.Л. Бураковой в кн.: Петр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / Отв. ред. Р. Кистемакер, Н.П. Копанева, А. Овербек. СПб., 1998. С. 340–380.

7. Список препаратов животных из коллекции Себы, купленных Санкт-Петербургской академией наук на аукционе 1752 г. в Амстердаме с указанием заплаченной цены.

СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 164. Л. 301–331.

8. Список птиц из коллекции Себы, заказанных Санкт-Петербургской академией наук на аукционе 1752 г. в Амстердаме.

СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 164. Л. 301–305.

9. Список монет и медалей, предложенных наследниками Якоба де Вильде Петербургской академии наук для покупки. 14 апреля 1722 г.

СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 105.

10. *Adriaan Schoonebeeck. Korte maniere, om de Ets-Konst volkomen te leeren. Amsterdam, 1 januari 1698.*

Адриан Шхонебек. Краткий способ в совершенстве научиться искусству офорта. Амстердам. 1 января 1698 г. Рукопись. Бумага. 32 л. in-quarto.

Библиотека Российской академии наук. Инв. № П.І.Б. 154.

11. *Albert Seba. Notitie van verscheyde uytmuntende Cabinette met alle bedenkyke soorten van Rareyten. (Алберт Себа. Записи о всевозможных выдающихся кабинетах*

со всеми мыслимыми разновидностями редкостей.) Альберта Себы собрание натуральных вещей. Санкт-Петербург, 1716.

Библиотека Российской академии наук. НИОР. F 188. 1–18 об.

12. [Albertus Seba]. Catalogus van de uitmuntende cabinetten, met allerley soorten van ongemeene schoone gepolyste hoorns, dublet-schelpen, [...] benevens het zeldzame en vermaarde cabinet van gediertens in flessen [...] en veele raare anatomische preparaten van den professor Ruysch: als mede een verzameling [...] nagelaten. [Amsterdam, 1752]. Met in handschrift de namen van de kopers vermeld. (Алберт Себа. Каталог выдающихся кабинетов со всяческими разновидностями чрезвычайно красивых полированных рогов, двустворчатых раковин [...] кроме того редкостный и прославленный кабинет животных в сосудах [...] и множества раритетных анатомических препаратов профессора Рюйша: а также коллекция [...] оставленная в наследство. (Амстердам, 1752).)

От руки приписаны имена покупателей.

Amsterdam. Bibliotheek van de Universiteit van Amsterdam. Hsszaal Hs XXIII C 3.

13. Выдержки из дневника Петра Великого.

СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 182.

Литература

- 1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки / Под ред. А.В. Рындиной. М., 1988.
- Алексеева М.А.* Гравюра петровского времени. Л., 1990.
- Андреев А.И.* Основание Академии наук в Петербурге // *Петр Великий: Сб. ст. / Ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1947. С. 284–333.*
- Андреев А.И.* Петр I в Англии в 1698 г. // *Петр Великий: Сб. ст. / Ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1947. С. 63–103.*
- Андросов С.О.* Новые сведения о скульптуре Летнего сада (по описям XVIII в.) // *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1984. Л., 1986. С. 241–253.*
- Архитектурная графика России. Первая половина XVIII в.: Научный каталог. Л., 1981.*
- Базарова Т.А.* Планы-реконструкции петровского Петербурга: общий обзор // *Петровское время в лицах: материалы науч. конф. / Гос. Эрмитаж; [ред. Г. В. Вилинбахов и др.]. СПб., 2004. С. 51–62.*
- Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // *Петр Великий: Сб. ст. / Ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1947. С. 3–62.*
- Бакмейстер И.Г.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук / Пер. с фр. яз. В. Костыгова. [СПб.], 1779.
- Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири // *Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 16–65.*
- Беляев О.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Отд. 1–3.
- Беспярых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков. Мифы и реальность. СПб., 2005.
- Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
- Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е.И. Боброва. Л., 1978.*
- Библиотека Я.В. Брюса / Сост. Е.А. Савельева. Л., 1989.*
- Бидлоо Н.Л.* Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре. Составлено 1710 года, января 3 дня на счастье: [Пер. с лат.] / Под ред. М.В. Даниленко. М., 1979.
- Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1941. Т. 1.
- Большая энциклопедия: Слов. общедоступ. сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова [и др.]. СПб., 1909. Т. 12.*
- Бренева И.В.* История Инструментальной палаты Петербургской академии наук (1724–1766). СПб., 1999.
- Брикнер А.Г.* История Петра Великого. М., 1991. (Перепеч. изд.: СПб., 1882).
- Быховский И.А.* Петровские корабли. Л., 1982.
- Вальхаузен Якоби фон.* Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647.

- Веневетинов М.А.* Русские в Голландии. Великое посольство в Голландии. 1697–1698. М., 1897.
- Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664–1665. Дневник / Пер. со староголл. В.Г. Трисман. СПб., 1996.
- Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии: В 3 т. / Пер. с голл. яз. В.Г. Трисман; ред. и науч. рук.: Н.П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам, 2010.
- Воронихина А.Н.* Петербург и его окрестности в рисунках и чертежах архитекторов первой трети XVIII века. Л., 1972.
- Воронихина А.Н., Калязина Н.В., Коршунова М.Ф., Петрова Т.А.* Архитектурная графика России. Первая половина XVIII в. Собрание Эрмитажа: Научный каталог. Л., 1981.
- Гаврилова Е.И.* Русский рисунок XVIII в. Л., 1983.
- Герберштейн С.* Записки о Московии: [Пер. с лат. и нем. яз.]. М., 1988.
- Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. М., 1837–1843.
- Гончаренко В.С., Нарожная В.И.* Оружейная палата: путеводитель. М., 2010.
- Грбаварь И.Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб., 1995.
- Гравировальная палата Академии наук XVIII в.: Сб. док. / Сост. М.А. Алексеева, Ю.А. Виноградов, Ю.А. Пятницкий.* Л., 1985.
- Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 годах / Пер. ст. и коммент. Ю.Н. Беспятых. М.; СПб., 1992.
- Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 (окончание) // Юность державы.* М., 2000. С. 9–266.
- Дриссен Й.И.* Голландцы и русские 1600–1917. Из истории отношений между Россией и Голландией: Каталог выставки. Amsterdam, 1989.
- Дриссен Й.И.* Переписка амстердамского аптекаря Альберта Себы с хранителями петербургской Кунсткамеры // Петр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / Отв. ред. Р. Кистемакер, Н.П. Копанева, А. Овербек. СПб., 1998. С. 72–89.
- Дриссен Й.И.* Почему на распродаже новой коллекции Альберта Себы в Амстердаме в 1752 г. были произведены закупки для Кунсткамеры Петербургской академии наук // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества / Ред. Г.В. Вилинбахов, Н.П. Копанева. СПб., 2003. С. 223–237.
- Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.
- Каган Ю.О., Неверов О.Я.* Судьба петровской реликвии // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1982. Вып. XLVII. С. 13–17.
- Калязина Н.В.* К истории здания Петровской Кунсткамеры // Петр и Голландия: Русско-голландские научные и культурные связи в эпоху Петра Великого / Ред. Н.П. Копанева, Р. Кистемакер, А. Овербек. СПб., 1997. С. 58–65.
- Калязина Н.В., Дородфеева Л.П., Михайлов Г.В.* Дворец Меншикова: Худож. культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1986.
- Каминская А.Г.* Художники Георг и Доротея Гзелль в Петербурге // Из истории петровских коллекций: Сб. науч. тр. памяти Н.В. Калязиной. СПб., 2000. С. 84–117.
- Книга в России XVIII – середины XIX в. Из истории Библиотеки Академии наук / Ред. А.А. Зайцева, Н.П. Копанева, В.А. Сомов.* Л., 1989.
- Койманс Л.* Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша / Пер. с нидерл. Е. Астаховой, И. Михайловой [и др.]. СПб., 2008.

Копанев Н.А. Голландский издатель П. ван дер Аа и Библиотека Петербургской академии наук // Книга в России XVIII – середине XIX в. / Из истории Библиотеки Академии наук / Ред.: А.А. Зайцева, Н.П. Копанева, В.А. Сомов. Л., 1989. С.42–51.

Копанев Н.А. Французская книга и русская культура в середине XVIII в. (Из истории международной книготорговли). Л., 1988.

Копанев Н.А. «Энциклопедия» в России (новые материалы) // Книга в России в эпоху Просвещения / Отв. ред. А.А. Зайцева. Л., 1988. С. 169–182.

Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.

Корб И.Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев. М., 1997.

Куприянов Н.Г. История медицины России в царствование Петра Великого, составленная Николаем Куприяновым, доктором медицины, действительным членом Общества русских врачей и Общества попечения о раненых и больных воинах. СПб., 1872.

Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917) / [Предисл. Б.Б. Пиотровского; вступ. ст. Н.Н. Никулина]. Л., 1985.

Левинсон-Лессинг В.Ф. Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 5–36.

Луцков С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957.

Луцков С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.

Луцков С.П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Л., 1976.

Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885–1900. Т. 1–10.

Материалы для истории русского флота: В 4 т. СПб., 1865–1867.

Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1; 2005. Т. 2.

Московия и Европа / Сост. А. Либерман, С. Шокарев. М., 2000.

«Нарисованный музей» Петербургской академии наук. 1725–1760 / Науч. ред. Р.Е. Кистемакер, Н.П. Копанева, Д. Мейерс, Г.В. Вилинбахов. СПб., 2003. Т. 1.; 2004. Т. 2.

Нартов А.А. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Москвитянин. 1842. № 4. С. 443–475; № 6. С. 325–333; № 7. С. 22–35; № 8. С. 324–343; № 11. С. 116–142.

Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Подгот. текста рукописи и приложений, вступ. ст. П.А. Кротов. СПб., 2001.

Неверов О.Я. Из коллекции Петровской Кунсткамеры: Каталог выставки. СПб., 1992.

Неверов О.Я. Памятники античного искусства в России петровского времени // Культура и искусство петровского времени / Ред. Г.Н. Комелова. Л., 1977. С. 37–53.

От войны к миру. Россия–Швеция. XVIII век: Каталог выставки, 28 апр.–12 сент. 1999 г.: [В 5 вып.]. СПб., 1999.

Палаты Санктпетербургской Императорской академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры: Которых представлены планы, фасады и профили, приписанные ей императорскому высочеству государыне великой княгине и правительнице всяя России. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1741.

Палаты Санктпетербургской Императорской академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных

вещей, сочиненное для охотников, оныя вещи смотреть желающих. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1744.

Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. СПб., 1862.

Первые художники Петербурга: Ф. Васильев, Г. Мусикийский, А. Зубов, И. Никитин, А. Матвеев / [Е.И. Гаврилова, М.А. Алексеева, Г.Н. Комелова и др.]. Л., 1984.

Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства: *Каталог выставки.* СПб., 1996.

Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / Ред. Н. Копанева, Р. Кистемакер, А. Овербек. СПб., 1997.

Петр Великий: Сб. ст. / Ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1947.

Прокопович Феофан. Рассуждение о безбожии. 2-е изд. М., 1784.

Прокопович Феофан. Слово в неделю осмуонадесять, сказанное во время присутствия его царского величества, по долгом странствии возвратившагося // An XVIIIth century Russian reader / Ed. C.L.Drage, W.N. Vickery. Oxford, 1969. P. 16-18.

Радзюн А.Б. Анатомическая коллекция Ф. Рюйша в Санкт-Петербурге // Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / Ред. Н. Копанева, Р. Кистемакер, А. Овербек. СПб., 1997. С. 90-113.

Радзюн А.Б. Первые анатомы Петербургской академии наук // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества / Ред. Г.В. Вилинбахов, Н.П. Копанева. СПб., 2003. С. 159-172.

Рождение империи / Сост. А. Либерман, С. Шокарев. М., 1997.

Российская национальная библиотека. 1795-1995. СПб., 1995.

Россия-Голландия. Книжные связи XV-XX вв. СПб., 2000.

Савельева Е.А. А.А. Виниус, его библиотека и альбом // Россия-Голландия: книжные связи XV-XX вв. / Сост. и ред. Н.П. Копанева. СПб., 2000. С. 103-124.

Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). СПб., 1998.

Соловьев С.М. История России с древних времен: В 15 т. М., 1959-1966.

Сомов В.А., Фундаминский М.И. Библиотека Академии наук – достопримечательность Петербурга XVIII в. // Книга в России XVIII – середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук. Л., 1989. С. 13-41.

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953.

Стецкевич Е.С. Рисовальная палата Петербургской академии наук (1724-1766). СПб., 2011.

Тайнсенд С. Мы с королевой. М., 2002.

Трофимова Н.С., Хотеев П.И. Каталог библиотеки П.П. Шафирова // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 161-168.

Хотеев П.И. Книга в России в середине XVIII в.: Библиотеки общественного пользования СПб., 1993.

Чистович Я.А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870.

Шафрановская Т.К. Дневники Лоренца Ланга как историко-этнографический источник. Л., 1972.

Шафрановская Т.К. Из истории китайских коллекций Кунсткамеры // Культура народов зарубежной Азии и Океании. Л., 1969. С. 5-28. (Сборник МАЭ. Т. 25).

Шафрановская Т.К. О сокровищах Петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII в.) // Советская этнография. 1965. № 2. С. 137-156.

A window on Russia. Papers from the V International conference of the Study group on eighteenth century Russia. Gargnano, 1994 / Ed. by M. Di Salvo, Lindsay Hughes. Rome, 1996.

Ahlrichs Erhard. Albertus Seba – Zu seinem 250. Todestag; Monographie des berühmten Apothekers und Naturaliensammlers aus Ostfriesland. Aurich, 1986.

Aiton Eric John. Leibniz: a biography. Bristol, 1985.

Amburger Erik. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966.

Amman Johann Konrad. Surdus loquens. Amsterdam, 1692.

Androssov Sergej O. Skulpturen auf dem Venezianischen Kunstmarkt im Frühen 18. Jahrhundert // Kunstchronik. Monatsschrift für Kunstwissenschaft, Museumswesen und Denkmalpflege. 1993. No. 46. 8. S. 380–386.

Appleby John H. Robert Erskine-Scottish pioneer of Russian natural history // Archives of Natural History. 1982. No. 10 (3). P. 377–398.

Averbach Sergej. Russland: von der Zentralisierung zur freien Marktwirtschaft // Die Apotheke. Historische Streiflichter / Red. R. Pötzsch. Basel, 1996. S. 149–166.

Bacmeister Jean. Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de St Pétersbourg. SPb., 1776.

Bacmeister Jean. Versuch über die Bibliothek und das Naturalien- und Kunst-Kabinet der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg / Aus dem Französischen des Herrn Bibliothekars Johann Bacmeister. SPb., 1777.

Bacon Francis. New Atlantis. L., 1627.

Balbian Verster J.F.L. de. Christoffel Brants en zijn buitenverblijf Petersburg // Jaarboekje van het oudheidkundig genootschap "Nifterlake". 1925. P. 41–48.

Balbian Verster J.F.L. de. Peter de Groote te Amsterdam // Jaarboek van het Genootschap Amstelodamum. 1919. XVII. P. 31–46.

Balsiger Barbara Jeannne. The Kunst- und Wunderkammern. A catalogue raisonné of collecting in Germany, France and England 1565–1750. Thesis University of Pittsburg, 1970.

Bekker B.B. Русские посетители анатомического кабинета профессора Рейса в Амстердаме // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Roma, 1962. P. 93–103.

Benz Ernst. Leibniz und Peter der Grosse. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions-, und Wirtschaftspolitik seiner Zeit. Berlin, 1947.

Bergvelt Ellinoor. Pantheon der Gouden Eeuw. Van Nationale Konst-gallerij tot Rijksmuseum van schilderijen (1798–1896). Proefschrift Universiteit van Amsterdam, 1998.

Berkel K. van. Citaten uit het boek der natuur. Zeventiende-eeuwse Nederlandse naturalienkabinetten en de ontwikkeling van de natuurwetenschap // De wereld binnen handbereik / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1992. P. 169–192.

Berkel K. van. Universiteit en natuurwetenschap in de 17e eeuw, in het bijzonder in de Republiek // Natuurwetenschappen van renaissance tot Darwin. Thema's uit de Wetenschaps-geschiedenis / Samenst. en inl. H.A.M. Snelders, K. van Berkel. Den Haag, 1981. P. 107–130.

Blankaart Stephanus. Nieuwe konst-kamer der chirurgie, ofte heel-konst, gefondeert op nieuwer gronden als oyt voor desen. Amsterdam, 1680.

Blankaart Stephanus. Schouburg der rupsen, wormen, maden en vliegende dierkens. Amsterdam, 1688.

Blanckestein Elisabeth van, Koenheim Adrienne. Adreslijst van werkenden in het kartografisch bedrijf in Amsterdam vóór 1800 // Caert Thresoor. 1989. No. 8 (2). P. 40–45.

- Blumentrost L.* De secretione animalium. Leiden, 1713.
- Boerhaave Herman.* A method of studying physick. Containing what a physician ought to know... the theory and practice of physick: physiology, pathology, surgery, diet, &c. And the whole praxis medica interna. L., 1719.
- Boerhaave Hermannus.* Index alter plantarum quae in Horto Academico Lugduno-Batavo aluntur. 2 dln. Leiden, 1720.
- Boerhaave's correspondence / Red. G.A. Lindeboom. 3 dln. Leiden, 1962-1979.
- Boonstra J.U.* De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh 1719-1725. Doctoraalscriptie Rijks Universiteit Groningen, 1997.
- Bosman-Jelgersma Henriette Augusta.* Die Niederlande und der Ferne Osten. Ein pharmazeutisch-historischer Streifzug // Die Apotheke. Historische Streiflichter / Red. R. Pötzsch. Bazel, 1996. S. 61-76.
- Boss Valentin.* Newton and Russia. The early influence, 1698-1796. Cambridge (Mass.), 1972.
- Bots J.* Tussen Descartes en Darwin. Geloof en natuurwetenschap in de achttiende eeuw in Nederland. Assen, 1972.
- Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover an die Raugräfinnen und Raugrafen zu Pfalz / Red. Bodemann. Leipzig, 1888.
- Briefe von Ch. Wolff aus den Jahren 1719-1753. Ein Beitrag zur Geschichte der Akademie der Wissenschaften zu Petersburg / Red. E. v. Kunnik. Hildesheim; N.Y., 1971. (Перепеч. изд.: СПб.; Leipzig, 1860).
- Bruce Peter Henry.* Memoirs of Peter Henry Bruce: containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies ... as also several very interesting private anecdotes of the Czar, Peter I. of Russia. L., 1782.
- Bruyn Cornelis de.* Cornelis de Bruyns reizen over Moskovië, Persië, en Indië. Verrijkt met driehonderd konstplaten. Amsterdam, 1711.
- Büsching A.F.* Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen insonderheit gelehrte Männer. 6 Bd. Halle, 1783-1789.
- Buxbaum Johann Christian.* Plantarum minus cognitarum centuria, complectens plantas circa Byzantium et in Oriente observatas. Centuriae I-V. SPb., 1728-1740.
- Campen Jan van.* De Haagse jurist Jean Theodore Royer (1737-1807) en zijn verzameling Chinese voorwerpen. Hilversum, 2000.
- Carayol Elisabeth.* Thémiseul de Saint-Hyacinthe 1684-1746. Oxford, 1984.
- Catalogus librorum tam impressorum quam manuscriptorum bibliothecae publicae Universitatis Lugduno-Batavae / curâ et operâ Wolferdus Senguerdii, Jacobus Gronivii ... & Johannes Heyman. Lugduni apud Batavos, 1716.
- Clercq Peter de.* At the sign of the oriental lamp. The Musschenbroek workshop in Leiden, 1660-1750. Rotterdam, 1997.
- Clercq Peter de.* Het Leids Fysisch kabinet. Leiden, 1989.
- Cohen Ernst.* W.A.T. Cohen-de Meester, Daniel Gabriel Fahrenheit. Amsterdam, 1936.
- Commelin Caspar.* Beschrijvinge van Amsterdam. 2 dln. Amsterdam, 1693.
- Commelin Johannes.* Casparus Commelin e.a. Horti medici Amstelodamensis rariorum tam Orient. quam Occident. Indiae, aliarumque peregrinarum plantarum descriptio et icones ad vivum aeri incisae. 2 dln. Amsterdam, 1697-1701.
- Commelinus J.* Catalogus plantarum indigenarum Hollandiae. Amsterdam, 1683. Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae. SPb., 1726-1746.

Court van der Voort Pieter de la. Byzondere aenmerkingen over het aenleggen van pragtige en gemeene landhuizen, lusthoven, plantagien en aenklevende cieraeden ... Waer by gevoegt is eene verhandeling aengaende het snoeyen en voortteelen van vrugt- en wilde boomen ... Als mede om onfeilbaar ananas-vruchten, ook citroen-, limoen-, oranje-boomen en andere gewassen van warmer luchtstreek onder onze koude voort te queeken en te vermenigvuldigen, nevens een berigt om de benodigde weer-glazen daer toe te maken. Nog beproefde waerneemingen wegens het voortteelen van aerd- en warmoes-vruchten enz. enz. ; alles in den tyd van vyftig jaeren ondervonden, aengetekent, omstandig beschreven en met daer toe benodigende plaeten opgeheldert. Leiden, 1737.

Cracraft James. Feofan Prokopovich // The eighteenth century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 75-105.

Cracraft James. The Petrine revolution in Russian architecture. Chicago, 1988.

Cracraft James. The Petrine revolution in Russian imagery. Chicago, 1997.

Cracraft James. The Petrine revolution in Russian culture. Cambridge (MA), 2004.

Crommelin A.C. Descriptive catalogue of the physical instruments of the 18th century. Including the 's Gravesande – Musschenbroek collection. Leiden, 1951.

Davids C.A. On the diffusion of nautical knowledge from the Netherlands to north-eastern Europe, 1550-1850 // From Dunkirk to Danzig. Shipping and trade in the North Sea and the Baltic, 1350-1850. Hilversum, 1988. P. 217-236.

Davids C.A. Zeewezen en wetenschap. De wetenschap en de ontwikkeling van de navigatietechniek in Nederland tussen 1585-1815. Amsterdam, 1986.

De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585-1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1992.

Deknatel Adrianus. Catalogus van de aloem beroemde kabinetten, bestaande in sierlyke-anatomische praeparata, onder welke van den prof. F. Ruysch... alles by een vergadert en aldus nagelaten door denheer Adrianus Deknatel. [Amsterdam], 1765.

Die Apotheke. Historische Streiflichter / Red. R. Pötzsch. Basel, 1996.

Dijksterhuis E.J. De mechanisering van het wereldbeeld. Amsterdam, 1989. (1-е изд. [1950]).

Domenico Trezzini e la costruzione di San Pietroburgo: [Cat. della Mostra], Museo cantonale d'arte, [Lugano], 27 nov. 1994 – 26 febr. 1995 / [A cura di Manuela Kahn-Rossi, Marco Francioli]. Firenze, 1994.

Donnert Erich. Peter der Grosse. Leipzig, [1988].

Donnert Erich. Sankt-Petersburg. Eine Kulturgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 2002.

Driessen Jozien J. De correspondentie van de Amsterdamse apotheker Albert Seba en Rusland // Peter de Grote en Holland. Culturele en wetenschappelijke betrekkingen tussen Rusland en Nederland ten tijde van tsaar Peter de Grote / Red. R. Kistemaker, N. Kopaneva, A. Overbeek. Bussum; Amsterdam, 1996. P. 41-46.

Driessen Jozien J. Het burgerschrift van Peter de Grote // Cyrillische letterkunde. Bijdragen over de geschiedenis, uiterlijk en bruikbaarheid van het Russische alfabet / Red. M. Delemarre, H. Kruyzen, I. Velding, V. Wintermans. Rotterdam, 1993. P. 39-64.

Driessen Jozien J. Het gezantschap van Reinoud van Brederode in 1615 en 1616 naar Rusland // Rusland in Nederlandse ogen. Een bundel opstellen / Red. J. Driessen, M. Jansen, W. Roobol. Amsterdam, 1986. P. 51-73.

Driessen van het Reve Jozien J. Hoe Nicolaas Bidloo (1673/4-1735) de medische cultuur van Amsterdam naar Moskou bracht // Mededelingen van de Stichting Jacob Campo Weyerman. 2011. No. 34. P. 5-22.

Driessen Jozien J. Peter de Grote, een hervormer die mensen verslond // Russische schurken. Red. Marc Jansen en Erik van Ree. Amsterdam, 1992. P. 47–63.

Driessen Jozien J. Russen en Nederlanders. Uit de betrekkingen tussen Rusland en Nederland 1600–1917 / Tent. cat. Rijksmuseum. 's-Ravenhage; Amsterdam, 1989.

Driessen Jozien J. Tsaar Peter de Grote en zijn Amsterdamse vrienden. Utrecht, 1996.

Driessen van het Reve Jozien J. Niederlaendische Philosophen und ihre Ideen als Grundlage der Reformen Zar Peters des Groszen // Die Erforschung Sibiriens im 18. Jahrhundert / Herausgeb. von Wieland Hintzsche, Joachim Otto Habeck. Halle, 2012. P. 1–14.

Dukes Paul. The making of Russian absolutism 1613–1801. L., 1986 (1-е изд. 1982).

Eeghen I.H. van. De verzameling van Jacob de Wilde of het Museum Wildeanum op Keizersgracht 333 // Jaarboek Amstelodamum. 1951. No. 38. P. 72–92.

Eekman Thomas. Seven years with Peter the Great: the Dutchman Jacob de Bie's observations // Peter the Great and the West. New perspectives / Ed. by L. Hughes. Basingstoke, 2001. P. 206–224.

Engel H. The life of Albert Seba // Svenska Linné-Sällskapetets Årsskrift. 1937. No. XX. P. 74–100.

Engel H. The sale-catalogue of the cabinets of natural history of Albertus Seba (1752), a curious document from the period of the natural curiosi. [S. I.], 1961.

Esso I. van. De Pharmaceutische handelsbetrekkingen tusschen Nederland en Rusland in de 17e en 18e eeuw. De geschiedenis der Nederlandsche Apothekers en alchemisten in Rusland. De geschiedenis van de Tinctura Bestuchewii // Pharmaceutisch Weekblad voor Nederland. 1938. No. 5.

Esso I. van. Hollandse artsen in Russischen hof-en staatsdienst in de 16e, 17e en 18e eeuw // De geneeskundige betrekkingen tusschen Holland en Rusland in de 16e, 17e en 18e eeuw. Overdruk Nederlandsch tijdschrift voor geneeskunde, LXXXII. [Haarlem], 1938. P. 1–34.

Euler L. Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im / Briefwechsel Leonhard Eulers; Hrsg. und eingeleitet von A. P. Juškevič und E. Winter Unter Mitwirkung von P. Hoffmann und Ju. Ch. Kopelevič. Berlin, 1959–1976. 3 т.

Fahrenheit's letters to Leibniz and Boerhaave / Red. Pieter van der Star. Leiden, 1983.

Fechner Jörg-Ulrich. Die Einheit von Bibliothek und Kunstkammer im 17. und 18. Jahrhundert, dargestellt an Hand zeitgenössiger Berichte // Öffentliche und Private Bibliotheken im 17. und 18. Jahrhundert Raritätenkammern Forschungsinstrumente oder Bildungstätten? / Red. P. Raabe. Bremen; Wolfenbüttel, 1977. S. 11–32.

Gebhard J.F. Het leven van Nicolaas Cornelisz. Witsen (1641–1717). Utrecht, 1881–1882. 2 dln.

Gelder H.A. Enno van. De levensbeschouwing van Cornelis Pieterszoon Hooft. Burgemeester van Amsterdam 1547–1626. Utrecht, 1982.

Gelder Roelof van. Liefhebbers en geleerde luiden. Nederlandse kabinetten en hun bezoekers // De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1992. P. 259–292.

Gottorf im Glanz des Barock. Kunst und Kultur am Schleswiger Hof 1544–1713. Kataloge der Ausstellung zum 50-jährigen Bestehen des Schleswig-Holsteinischen Landesmuseums auf Schloß Gottorf und zum 400. Geburtstag Herzog Friedrichs III. 4 dln / Red. H. Spielmann, J. Drees. Bd. I: Die Herzöge und ihre Sammlungen / Red. U. Kuhl. Bd. II: Die Gottorfer Kunstkammer. Bew. en comm. Mogens Bencard e.a. Bd. III: Schleswig-Holsteinisches

Landesmuseum, Renaissance und Barock / Red. B. Doering. Bd. IV: Felix Lühning, Der Gottorfer Globus und das Globushaus im 'Newen Werck': Dokumentation und Rekonstruktion eines frühbarocken Welttheaters. Schleswig, 1997.

's Gravesande Willem Jacob. *Physices elementa mathematica, experimentis confirmata, sive introductio ad philosophiam newtonianam*. Leiden, 1721.

's Gravesande Willem Jacob. *Welzijn, wijsbegeerte en wetenschap* / Uitg., inl. en aant. C. de Pater. Baarn, 1988.

Great Britain and Russia in the eighteenth century: contacts and comparisons / Ed. by A.G. Cross. Newtonville, 1979.

Guerrier W. *Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen*. SPb.; Leipzig, 1873.

Hamstra E.W.F., Sic A.J. *Bouwheer van de tsaar. Nicolaas Bidloo (1674-1735)* // Op het lijf geschreven. Bekendheden en hun lijfarts / Red. J.J.E. van Everdingen, F. Meulenberg, H.E. Fokke, A.J. Six. Amsterdam; Overveen, 1995. P. 104-113.

Haneveld G.T., Fokke H.E. *Geneesheer en Hoogvoorleezer in de Ontleeding- en Heelkunst. Govert Bidloo (1649-1713) en Koning-stadhouder Willem III* // Op het lijf geschreven. Bekendheden en hun lijfarts / Red. J.J.E. van Everdingen, F. Meulenberg, H.E. Fokke, A.J. Six. Amsterdam; Overveen, 1995. P. 95-103.

Hansen Thorkild. *Het gelukkige Arabië*. Breda, 2005.

Helden Anne C. van. *Theory and practice in air-pump construction: the cooperation between Willem Jacob 's Gravesande and Jan van Musschenbroek* // *Annals of Science*. 1994. No. 54. P. 477-495.

Helmont F.M. van. *Een zeer korte afbeelding van het ware natuurlyke Hebreuwse A.B.C.* Amsterdam, 1697.

Henry John. *Knowledge is power. How magic, the government and an apocalyptic vision inspired Francis Bacon to create modern science*. Cambridge, 2002.

Het verdwenen museum. *Natuurhistorische verzamelingen 1750-1850* / Red. B.C. Sligters, M.H. Besselink. Blaricum; Haarlem, 2002.

Histoire des sciences. De la préhistoire à nos jours / Ed. Ph. de la Cotardière. P., 2004.

Holger Jacobæus. *Musæum Regium seu Catalogus rerum tam naturalium, quàm artificialium, quae in Basilica bibliothecae augustissimi Daniae Norvegiaeq(ue); monarchae Christiani Quinti Hafniae asservantur, descriptus ab Oligero Jacobaeo, med. & phil. prof. regio. København, 1696.*

Hughes Lindsey. *Russia in the age of Peter the Great*. L., 1998.

Hughes Lindsey. *Sophia, regent of Russia. 1657-1704*. L., 1990.

Huygens Christiaan. *Celestial Worlds*. L., 1698.

Huygens Christiaan. *Cosmotheoros. De wereldbeschouwer* / Inl. H.A.M. Snelders. Utrecht, 1989. (Факсим. изд.: Amsterdam, 1754).

Ides Evert Ysbrant. *Driejarige reize naar China, te lande gedaan door den Moskovischen afgezant, E. Ysbrant Ides*. Amsterdam, 1704.

Israel Jonathan I. *Nederland als centrum van de wereldhandel 1585-1740*. Franeker, 1989.

Israel Jonathan I. *Radical enlightenment. Philosophy and the making of modernity 1650-1750*. Oxford, [2002].

Israel Jonathan I. *The Dutch republic. Its rise, greatness, and fall 1477-1806*. Oxford, 1995.

Israel Jonathan I. *Monarchy, Orangism and Republicanism in the later Dutch Golden Age*. Amsterdam, 2004.

Johnson Samuel. The live of Dr. Boerhaave, & Het leven van Herman Boerhaave / Red. en inl. C.W. Schoneveld. Leiden, 1994.

Jonge J.C. de. Notice sur le Cabinet de Médailles et des pierres gravées de sa Majesté le Roi des Pays-Bas. Den Haag, 1823.

Jonstonus Johannes. Theatrum universale omnium animalium Piscium, Avium, Quadrupedum, Exsanguium, Quaticorum, Insectorum et Anguium. 2 dln. Bezorgd door Henricus Ruysch. Amsterdam, 1718.

Journal de voyage d'une karavane de Kiacha a Pekin, fait en 1727 et 1728 sous la conduite de L. Lange. Leipzig, 1781.

Journal du sieur Lange, contenant les negociations a la cour de la Chine en 1721 et 1722. Leiden, 1726.

Kaempfer Engelbert. Disputatio medica inauguralis exhibens decadem observationum exoticarum. Leiden, 1694.

Kaljazina N.V. Korte geschiedenis van het gebouw van de Kunstkamer // Peter de Grote en Holland. Culturele en wetenschappelijke betrekkingen tussen Rusland en Nederland ten tijde van tsaar Peter de Grote / Red. R. Kistemaker, N. Kopaneva, A. Overbeek. Bussum; Amsterdam, 1996. P. 37-40.

Kessler Michael, Mez-Mangold Lydia. Gefäß ist nicht nur Hülle. Vom Ursprung der Kunst, Arzneistoffe aufzubewahren // Die Apotheke. Historische Streiflichter / Red. R. Pötzsch. Basel, 1996. S. 167-178.

Klein J. Cultuur import en contextverandering. Over de Russische literatuur van de 18e eeuw. Rede uitgesproken bij de aanvaarding van het ambt van gewoon hoogleraar in de Slavische letterkunde aan de Rijks Universiteit. Leiden, 1993.

Knoeff Rina Herman Boerhaave (1668-1738). Calvinist, chemist and physician. Amsterdam, 2002.

Knoppers Jake V.Th. The visits of Peter the Great to the United Provinces in 1697-98 and 1716-17 as seen in light of the Dutch sources. MA-thesis McGill University Montreal. 1969.

Kooijmans Luuc. De doodskunstenaar. De anatomische lessen van Frederik Ruysch. Houten, 2004.

Kopelevich Iu.K. The creation of the Petersburg Academy of Sciences as a new type of scientific and state institution // Cross A.G. Great Britain and Russia in the eighteenth century: contacts and comparisons. Newtonville (Mass.), 1979. P. 204-211.

Krafft Georg Wolfgang. Experimentorum physicorum praecipuorum brevis descripta in usum auditorum suorum. SPb., 1738.

Laissus Yves. Le Muséum national d'histoire naturelle. P., 2003.

Landwehr J. Romeyn de Hooghe (1645-1708) as an etcher. Amsterdam, 1973.

Lebedev Sergej. Die Neuordnung der Russischen Finanzpolitik im 18. Jahrhundert und die Finanzbeziehungen zu Westeuropa // Ein Deutscher am Zarenhof. Heinrich Graf Ostermann und seine Zeit 1687-1747 / Red. Joh.V. Wagner, B. Bonwetsch, W. Eggeling. Essen, 2001. S. 183-191.

Leeuwenhoek Antoni van (1632-1723) / Red. S.B. Engelsman. Leiden, 1982.

Leibniz G.W. Opusculs et fragments inédits de Leibniz: Extraits des manuscrits de la Bibliothèque royale de Hanovre / Par Louis Couturat Paris. P., 1903.

Leibniz G.W. Grundriss eines Bedenckens von Aufrichtung einer Societät in Teütschland zu aufnehmen der Künste und Wissenschaften // Sämtliche Schriften und Briefe. Uitg. preussische Ak. der Wis. Darmstadt, 1925. Bd. I.

Leibniz G.W. Oeuvres de Leibniz / Ed. A. Foucher de Careil. Hildesheim, 1969.

Lindeboom G.A. Pitcairne's Leyden interlude described from the documents // *Annals of sciences*. 1963. No. 19. P. 273–284.

Linnaeus Carolus. Systema naturae. Leiden, 1741.

Littger Klaus Walter. The garden at Eichstätt, the history of the gardens and the book // *The Garden at Eichstätt. Basilius Besler's book of plants. Cologne etc.*, 2001. P. 9–30.

Luyendijk-Elshout A.M. De bibliotheek // *Wandelen met Boerhaave in en om Leiden* / Red. A.M. Luyendijk-Elshout. Leiden, S.a. P. 59–62.

Luyendijk-Elshout A.M. Student aan de academie // *Wandelen met Boerhaave in en om Leiden* / Red. A.M. Luyendijk-Elshout. Leiden, S.a. P. 35–37.

Macauley Thomas B. The History of England: from the accession of James the Second. [Leipzig, 1849]. 10 vol.

MacDonald Ross G. Leibniz. Rotterdam, 2001.

MacGregor Arthur. The Ashmolean as a museum of natural history, 1683–1860 // *Journal of the history of collections*. 2001. No. 13. P. 125–145.

Major Johann Daniel. Unvorgreifliches bedencken von Kunst- und Naturalien-Kammern ins gemein. Kiel, [1674].

Mancall Mark. Russia and China: their diplomatic relations to 1728. Cambridge (MA), 1971.

Marcus J. Bibliotheca selectissima, sive Catalogus praestantissimorum et exquisitissimorum librorum (plurimum rarissimorum) theologorum, chronologicorum ... : Onder dewelke een aanzienlyk getal Nederd., Fransche en Hoogd. boeken, inzonderheid de historien der Nederlanden betreffende ... nagelaaten door Jac. Marcus. Bibliotheca ... nagelaaten door Jac. Marcus. Amstaelodami, 1750.

Maria Sibylla Merian. 1647–1717. Künstlerin und Naturforscherin / Red. K. Wettengl. Frankfurt am Main, 1997.

Méchoulan Henry. Amsterdam ten tijde van Spinoza. Geld & vrijheid. Amsterdam, 1990.

Meijers Debora J. Le musée du XVIIIe siècle: l'apogée et le chant du cygne de l'encyclopédisme // *Tous les savoirs du monde. Encyclopédies et bibliothèques, de Sumer au XXIe siècle* / Red. R. Schaer. P., 1996. P. 320–326.

Meijers Debora J. The Paper Museum as a genre. The corpus of drawings in St Petersburg within a European perspective // *The paper museum of the Academy of Sciences in St Petersburg c. 1725–1760. Introduction and interpretation* / Ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers en G.V. Vilibakhov. [Amsterdam], 2005. P. 19–54.

Memoires de Frédérique Sophie Wilhelmine de Prusse, Margrave de Bareith, soeur de Frédéric le Grand, depuis l'année 1706 jusqu'à 1742: écrits de sa. Braunschweig, 1810.

Merian Maria Sibylla. Dissertatio de generatione et metamorphosisibus insectorum Surinamensium. Accedit appendix transformationum piscium in ranas, & ranarum in pisces. Amsterdam, 1719.

Merian Maria Sibylla, Merian Dorothea Maria Henriëtta, Herolt Johanna Helena. Der rupsen begin, voedzel en wonderbaare verandering ... Naauwkeurig onderzocht, na 't leven geschildert, in print gebragt, en in 't kort beschreven. Amsterdam, [1713–1717]. 3 dln.

Motraye Aubry de la. Voyages en Anglois et en François d'A. de La Motraye en diverses provinces et places de la Prusse Ducale et Royale, de la Russie, de la Pologne. Den Haag, 1732.

Mr. C. [= Henri Abraham Chatelain]. Atlas historique, ou nouvelle introduction à l'histoire, à la chronologie & à la géographie ancienne & moderne: représentée dans de nouvelles

cartes, ou l'on remarque l'établissement des états & empires du monde, leur durée, leur chute, & leurs differens gouvernemens: la chronologie des consuls Romains, des papes, des empereurs, des rois...: 7 dln. Amsterdam, 1705–1720.

Mulder Willem J., Radziun Anna B. Frederik Ruysch anatomical collection in St. Petersburg. History, storage and restoration. SPb., 2004.

Müller-Bahlke Thomas J. Die Wunderkammer. Die Kunst- und Naturalienkammer der Franckeschen Stiftungen zu Halle (Saale). Saale, 1998.

Murray John J. George I, the Baltic and the Whig split of 1717: a study in diplomacy and propaganda. L., 1969.

Musei Imperialis Petropolitani volumen II, pars prima, qua continentur res artificiales. Petropoli, 1742.

Musschenbroek Petrus van. Beginselen der natuurkunde, beschreven ten dienste der landgenooten. Waarbij gevoegd is eene beschrijving der nieuwe luchtpompen en een lijst der natuurkundige, wiskundige, anatomische en chirurgische instrumenten, welke bij Jan van Musschenbroek te vinden zijn te Leiden. Leiden, 1736.

Naarden B. Reflections on Peter the Great and education in Russia // Reflections on education in Russia / Red. F.J.H. Mertens. Leuven; Amersfoort, 1995. P. 131–146.

Neu-eröffneten Welt-und Staatsspiegel. Dl. 67. Den Haag, 1714.

Neverov O.Ya. Ancient coins // The paper museum of the Academy of Sciences in St Petersburg c. 1725–1760. Introduction and interpretation / Ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers en G.V. Vilinbakhov. [Amsterdam], 2005. P. 269–273.

Neverov O.Ya. De geschiedenis van de Kunstkamer van Peter de Grote // Peter de Grote en Holland. Culturele en wetenschappelijke betrekkingen tussen Rusland en Nederland ten tijde van tsaar Peter de Grote / Red. R. Kistemaker, N. Kopaneva, A. Overbeek. Bussum; Amsterdam, 1996. P. 18–22.

Neverov O.Ya. "His Majesty's Cabinet" and Peter's Kunstammer // The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in Sixteenth- and Seventeenth-Century Europe / Ed. by O. Impey, A. MacGregor. Oxford, 1985. P. 54–61.

Nissen Claus. Die zoologische Buchillustration: Ihre Bibliographie und Geschichte. Th. II: Geschichte. Stuttgart, 1978.

Novi Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae. SPb., 1747–1775.

Öffentliche und Private Bibliotheken im 17. und 18. Jahrhundert: Raritätenkammern, Forschungsinstrumente oder Bildungsstätten? / Red. Paul Raabe. Bremen; Wolfenbüttel, 1977.

Okenfuss Max J. Russian students in Europe in the age of Peter the Great // The eighteenth century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 131–148.

Okenfuss Max J. The Jesuit origins of Petrine education // The eighteenth century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 106–130.

Olaus Worm. Museum Wormianum, seu Historia rerum rariorum tam naturalium, quam artificialium. Leiden, 1655.

Olearius Adam. The travels of Olearius in 17th century Russia (1647) / Ed. by S.H. Baron. Stanford, 1967.

Palast de Wissens. Die Kunst-und Wunderkammer Zar Peters des Groszen 2 Bd. / Red. B. Buberl, Michael Dückerhoff. München, 2003.

Perrault Claude. Description anatomique d'un caméléon, d'un castor, d'un dromadaire, d'un ours et d'une gazelle. P., 1669.

Perrault Claude. Mémoires pour servir à l'histoire naturelle des animaux / Red. W.J. 's Gravesande. Den Haag, 1731.

Perry John. The state of Russia under the present Czar. L., 1716.

Peter de Grote en Holland. Culturele en wetenschappelijke betrekkingen tussen Rusland en Nederland ten tijde van tsaar Peter de Grote / Red. R. Kistemaker, N. Kopaneva, A. Overbeek. Bussum; Amsterdam, 1996.

Pieters Florence. Het schatrijke naturaliënkabinet van stadhouder Willem V onder directoraat van topverzamelaar Arnout Vosmaer // Het verdwenen museum / Red. B.C. Sliggers, M.H. Besselink. Blaricum; Haarlem, 2002. P. 19–44.

Punt Hendrik. Bernard Siegfried Albinus (1697–1770). On 'human nature'. Anatomical and physiological idea's in eighteenth century Leiden. Amsterdam, 1983.

Raaij Stefan van, Spies Paul. In het gevolg van Willem III en Mary. Amsterdam, 1988.

Radzjoen A.B. De anatomische collectie van Frederik Ruysch in Sint-Petersburg // Peter de Grote en Holland. Culturele en wetenschappelijke betrekkingen tussen Rusland en Nederland ten tijde van tsaar Peter de Grote / Red. R. Kistemaker, N. Kopaneva, A. Overbeek. Bussum; Amsterdam, 1996. P. 47–53.

Raeff Marc. The Enlightenment in Russia and Russian thought in the Enlightenment // The eighteenth century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 25–47.

Raptschinsky Boris. Peter de Groote in Holland in 1697–1698. Zutphen, 1925.

Rariorum aliquot stirpium per Hispanias observatarum historia. Antwerpen, 1576.

Rariorum aliquot stirpium per Pannoniam, Austriam et vicinas. Antwerpen, 1583.

Richter Wilhelm Michael von. Geschichte der Medicin in Russland. Moskau, 1815, 1817. 3 Bd.

Rieger J.C. Introductio in notitiam rerum naturalium et arte factarum. Den Haag, 1743. Dl. 1.

Roemer Gijsbert Maurits van de. De geschikte natuur: theorieën over natuur en kunst in de verzameling van zeldzaamheden van Simon Schijnvoet (1652–1727). Amsterdam, 2005.

Rudolf II and Prague. The court and the city / Red. Eliska Fucikova e.a. Praag; L., 1997.

Russia in the age of the enlightenment: essays for Isabel de Madariaga / Ed. by R. Bartlett, J.M. Hartley. L., 1990.

Ruysch Frederik. Alle de ontleed-, genees- en heilkundige werken. Amsterdam, 1744. 3 dln.

Ruysch Frederik. Antwoord aan Johannes Christianus Wolf // Ruysch Frederik. Alle de ontleed-, genees- en heilkundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. I. P. 329–336.

Ruysch Frederik. Antwoord aan Mich. Ernestus Etmullerus // Ruysch Frederik. Alle de ontleed-, genees- en heilkundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. I. P. 340–365.

Ruysch Frederik. Catalogus musaei Ruyschiani, quae publice distrahentur in aedibus defuncti. 10 et seqq. diebus mensis Aug. 1731. Amsterdam, [1731].

Ruysch Frederik. Curae posteriores seu Thesaurus anatomicus omnium praecedentium maximus. Amstelodami, 1724.

Ruysch Frederik. Curae renovatae, seu Thesaurus anatomicus, post curas posteriores, novus. Amstelodami, 1728.

Ruysch Frederik. De elfde ontleet-kundige voorstellige brief door Johannes Christianus Wolf // Ruysch Frederik. Alle de ontleed-, genees- en heilkundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. 1. P. 329–336,

Ruysch Frederik. Dilucidatio valvularum in vasis lymphaticis, et lacteis. Cum figuris aeneis. Accesserunt Quaedam observationes anatomicae rariores. Den Haag, 1665.

Ruysch Frederik. Hondert anatomische en chirurgicaale aanmerkingen // Ruysch Frederik. Alle de ontleed-, genees- en heelkundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. I. 31-144.

Ruysch Frederik. Museum anatomicum Ruyschianum. Sive Catalogus rariorum, quae in authoris aedibus asservantur. Amsterdam, 1691.

Ruysch Frederik. Observationum anatomico chirurgicarum centuria. Accedit Catalogus rariorum, quae in Museo Ruyschiano asservantur. Adjectis ubique iconibus aeneis naturalem magnitudinem repraesentantibus. Amsterdam, 1691.

Ruysch Frederik. Opera omnia anatomico medico chirurgica. Huc usque edita. Quorum elenchus pagina sequenti exhibetur, cum figuris aeneis. Amsterdam, 1720-1733. 5 dln.

Ruysch Frederik. Thesaurus anatomicus primus: Het anatomisch cabinet van Frederic Ruysch. Amsterdam, 1701; Thesaurus anatomicus secundus. Amsterdam, 1702; Thesaurus anatomicus tertius. Amsterdam, 1703; Thesaurus anatomicus quartus. Amsterdam, 1704; Thesaurus anatomicus quintus. Amsterdam, 1705; Thesaurus anatomicus sextus. Amsterdam, 1705; Thesaurus anatomicus septimus. Amsterdam, 1707; Thesaurus anatomicus octavus. Amsterdam, 1709; Thesaurus anatomicus nonus. Amsterdam, 1714; Thesaurus magnus & regius qui est decimus thesaurum anatomicorum. Het groote en koninglyke kabinet zynde het tiende der anatomische kabinetten. Amsterdam, 1716.

Ruysch Frederik. Thesaurus animalium primus: Het eerste cabinet der dieren. Amsterdam, 1710.

Salman Jeroen. Een handdruk van de tijd. De almanak en het dagelijks leven in de Nederlanden 1500-1700. Delft, 1997.

Santich Jan Joseph. Missio Moscovitica. The role of the Jesuits in the westernization of Russia, 1582-1689. N.Y., 1995.

Sawday Jonathan. The body emblazoned. Dissection and the human body in Renaissance culture. 2e ed. L., 1996.

Schatten van de Tsaar. Hofcultuur van Peter de Grote uit het Kremlin: Tent.cat. Museum Boymans-van Beuningen, Rotterdam. Rotterdam, 1995.

Schätze aus dem Kreml, Peter der Grosse in Westeuropa. Bremen; München, 1991.

Scheltema Jacobus. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelve wederkerige betrekkingen. Amsterdam, 1817-1819. 4 dln.

Scheltema Pieter. Het leven van Frederik Ruijsch. Sliedrecht, 1886.

Schreiber Joannes Fredericus. Het leven van Ruysch // Ruysch Frederik. Alle de ontleed-, genees, en heelkundige werken: 3 dln. Amsterdam, 1744. Dl. I. P. 1-103.

Schröder Peter. Thomas Hobbes, Christian Thomasius and the seventeenth century debate on the church and state // History of European Ideas. 1997. No. 23 (2-4). P. 59-79.

Schulte-Albert Hans Georg. Leibniz's plans for a world encyclopaedia system. Thesis Case Western Reserve University. 1972.

[*Schumacher Johann Daniel.*] Gebäude der Kayserlichen Academie der Wissenschaften Bibliothec und Kunst-cammer in St.-Petersburg nach ihrem Grundriss, Aufriss und Durchschnit vor-gestellt nebst einer kurzen Anzeigung aller daselbst vorhandenen Kunst- und Natur-sachen zum Gebrauch derjenigen, welche die Academie besehen wollen. SPb., [1744].

[*Seba A.*] An account of the Cinnamon tree in Ceylon and its several sorts, communicated by the Chief Inspector of the Cinnamon Trade and Manufacture in that Island to Albertus Seba, a noted druggist at Amsterdam' (vert. John Gaspar Scheuchzer) // Philosophical Transactions of the Royal Society London. nr. 409. mei juni 1729. L., 1731. Vol. 36. P. 97-105.

[*Seba Albertus*]. Catalogus van de uitmunten cabinetten, met allerley soorten van ongemeene schoone gepolyste hoorns, dublet-schelpen, coraal- en zeegewassen; benevens het zeldzame en vermaarde cabinet van gediertens in flessen en naturalia, en veele raare anatomische preparaten van den professor Ruysch: als mede een verzameling van diverse mineralen, versteende zaaken, agaate boomsteenen, edele gesteentens, en verscheide andere rariteiten ... nagelaten door wylen den Heere Albertus Seba. Dewelke verkogt zullen worden door Th. Sluyter, J. Schut en N. Blinkvliet, den 14 April 1752 en volgende dagen ... te Amsterdam. [Amsterdam, 1752].

Seba Albert. Description exacte des principales curiositez naturelles du magnifique cabinet d'Albert Seba // Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam: 8 dln. Amsterdam, 1734, 1735, 1759, 1765.

Seba Albertus. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba / Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam. 4 dln. Amsterdam, 1734, 1735, 1759, 1765.

Sermones in primo solenni Academiae Scientiarum Imperialis conventu die XXVII. Decembris anni MDCCXXV. Petropoli, [1726].

Snelders H.A.M. Christiaan Huygens' Kosmotheoros // Christiaan Huygens, Cosmotheoros. De wereldbeschouwer / Inl. H.A.M. Snelders. Utrecht, 1989. P. 1-14.

Spies Paul e.a. Het Grachtenboek. Den Haag, 1993.

Sprat Thomas. The history of the Royal Society of London, for the improving of natural knowledge. L., 1667.

Stählin Jacob von. Originalanedoten von Peter dem Groszen: Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau und Petersburg vernommen, und der Vergessenheit entrissen. München, 1968.

Steierwald Ulrike. Wissen und System. Zu Gottfried Wilhelm Leibniz' Theorie einer Universalbibliothek. Köln, 1995.

Stetskevich Elena S. The Art Chambers of the Academy of Sciences of St Petersburg and the making of drawings of the Kunstkamera objects // The paper museum of the Academy of Sciences in St Petersburg c. 1725-1760. Introduction and interpretation / Ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers, G.V. Vilinbakhov. [Amsterdam], 2005. P. 55-75.

Stökl Günther. Russische Geschichte. Stuttgart, 1983.

Struys Jan Jansz. Drie aanmerkelijke en seer rampspoedige reysen door Italien, Griekenlandt, Lijflandt, Moscovien, Tartarijen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan ... anno 1647. Amsterdam, 1676.

Swammerdam Jan. Bijbel der natuure: 2 dln. / Inl. H. Boerhaave. Leiden, 1737-1738.

Terzioglu Arslan. Zur Geschichte der Hofapotheken // Die Apotheke. Historische Streiflichter / Red. R. Pöttsch. Basel, 1996. S. 223-232.

The age of the marvellous. Hanover, 1991.

The best of our owne: Letters of Archibald Pitcairne, 1652-1713 / Collected and annotated by W.T. Johnston. Edinburgh, 1979.

The correspondence of John Locke: 8 vol. / Ed. by E.S. De Beer, P.H. Nidditch. Oxford, 1976-1989.

The eighteenth century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973.

The paper museum of the Academy of Sciences in St Petersburg c. 1725–1760. Introduction and interpretation / Ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers, G.V. Vilinbakhov. [Amsterdam], 2005.

Tous les savoirs du monde. Encyclopédies et bibliothèques, de Sumer au XXIe siècle / Red. R. Schaer. P., 1996.

Townsend Sue. The Queen and I. L., 1993.

Turner G.L.E. Forms of patronage and institutionalisation of science in the eighteenth century // The eighteenth century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 193–199.

Valentini Michael Bernard. Schaubühne oder Natur- und Materialienkammer. Frankfurt am Main, 1704–1714.

Van Stevin tot Lorentz / Red. A.J. Kox, M. Chamelaun. Amsterdam, 1980.

Vanderbeek Michail. O sostojanii prosvesjtsjenia v Rossii v 1725 godoe // Syn otetsjestva. SPb., 1842.

Veen Jaap van der. Dit klain vertrek bevat een weerd vol gewoel. Negentig Amsterdammers en hun kabinetten // De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 232–259.

Veen Jaap van der. Gegevens over negentig Amsterdamse verzamelaars en hun collecties // De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 313–335.

Veen Jaap van der. Liefhebbers, handelaren en kunstenaars. Het verzamelen van schilderen en papierkunst // De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 117–135.

Veen Jaap van der. Met grote moeite en kosten. De tot standkoming van zeventiende-eeuwse verzamelingen // De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 51–69.

Veluwenkamp J.W. Een huis op Archangel. De Amsterdamse koopmansfamilie Thesingh 1650–1725 // Jaarboek Amstelodamum. 1977. No. 69. P. 123–139.

Veluwenkamp Jan Willem. Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785. [Amsterdam], 2000.

Vermij Rienk H. Secularisering en natuurwetenschap in de zeventiende en achttiende eeuw: Bernard Nieuwentijt. Amsterdam, 1991.

Visser R.P.W. The zoological work of Petrus Camper (1722–1789). Amsterdam, 1985.

Vries Jan de, Woude Ad van der. Nederland 1500–1815. De eerste ronde van moderne economische groei. 2-e dr. Amsterdam, 1995.

Waaals Jan van der. Met boek en plaat. Het boeken- en atlasbezit van verzamelaars // De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 205–231.

Waaals Jan van der. Wankelend wereldbeeld. Onderzoek naar taal, geloof en tijd in rariteitenkabinetten // De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 135–152.

Waliszewski K. Pierre le Grand. L'éducation, l'homme, l'oeuvre d'après des documents nouveaux. P., 1897.

Waquet Françoise. Plus ultra. Inventaire des connaissances en progrès du savoir à l'époque classique // Tous les savoirs du monde. Encyclopédies et bibliothèques, de Sumer au XXIe siècle / Red. Roland Schaer. P., 1996. P. 170-177.

Wes M.A. Tussen twee bronzen ruiters. Klassieken in Rusland, 1700-1855. Baarn, 1991.

Widmaier Rita. Die Rolle der chinesischen Schrift in Leibniz' Zeichentheorie. Wiesbaden, 1983.

Wigzell Faith. Reading Russian Fortunes: Print Culture, Gender and Divination in Russia from 1765. Cambridge, 1993.

Wijnands D.O., Zevenhuizen E.J.A., Heniger J. Een sieraad voor de stad. De Amsterdamse Hortus Botanicus 1638-1993. Amsterdam, 1994.

Wilde Jacob de. Gemmae selectae antiquae e museo Jacobi de Wilde. Amsterdam, 1703.

Willison I.R. The development of the British Library to 1857 in its European context: a tour d'horizon // Öffentliche und Private Bibliotheken im 17. und 18. Jahrhundert: Raritätenkammern, Forschungsinstrumente oder Bildungstätten? / Red. P. Raabe. Bremen; Wolfenbüttel, 1977. S. 33-63.

Wills John E. 1688. Een jaar in de wereldgeschiedenis. Amsterdam, 2001.

Winter Eduard. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.

Witsen Nicolaas. Moskovische reyse, 1664-1665: Journael en aantekeningen / Red. Th.J.G. Locher, P. de Buck. 's-Gravenhage, 1966, 1967. 3 dln.

Witsen Nicolaas. Noord en Oost Tartarije. 2 dln. Amsterdam, 1705. (1-е изд.: Amsterdam, 1692).

Wittop Koning D.A. De oude apotheek. Bussum, 1966.

Wolff Christian. Briefe aus den Jahren 1719-1753. Ein Beitrag zur Geschichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Hildesheim; N.Y., 1971.

Zwager H.H. Nederland en de verlichting. Haarlem, 1980.

Zweerman Th.H. Benedictus de Spinoza: over macht en onmacht, gevangenschap en bevrijding // De eeuwwende 1700. Natuurwetenschappen en filosofie / Red. A. Klukhuhn. Utrecht, 1991. P. 37-51.

Приложения

Приложение I

Список предметов из коллекции А. Себы, сохранившихся в петербургских музеях

Натуралии

I. Раковины.

1. *Nerita peloronta* (Linnaeus 1758), или Окровавленные зубы.

Распространение: Южная Флорида, Вест-Индия, Бермудские острова.

Размер: 3,3×3,16 мм.

Поступление: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Санкт-Петербург. Зоологический институт РАН.

Изображения:

*Seba Albertus. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba... Dl. III. Tab. XLI, LIX;

*Peter de Grote en Holland... P. 168. Afb. 54, в центре.

*Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства... С. 158. Ил. 244.

2. *Lambis truncata sebae* (Kiener 1843), или раковина-паук Себы.

Распространение: Тихий океан, Красное море, восточная Арабия.

Раковина названа в честь А. Себы.

Размер: 27,6×18 мм.

Поступление: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Санкт-Петербург. Зоологический институт РАН.

Изображения:

*Seba Albertus. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba... Dl. III. Tab. LXXXII.

*Peter de Grote en Holland... P. 168. Afb. 54, вверху;

*Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства... С. 158. Ил. 242.

3. *Neptunea despecta*, Linnaeus 1758.

Распространение: южное, западное и северное побережье Шпицбергена, район южных островов Земли Франца Иосифа, Баренцево море, восточные и северные берега Исландии, побережье Гренландии, Британии, Шетландские и Фарарские острова.

Размер: 9,64×5,05 мм.

Поступление: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Санкт-Петербург. Зоологический институт РАН.

Изображения:

*Seba Albertus. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba... Dl. III. Tab. LII.

*Peter de Grote en Holland... P. 168. Afb. 54, слева.

*Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства... С. 158. Ил. 243.

4. *Fissurella glaucopsis* (Reeve 1848), или Фиссурелла-Совиный глаз.

Распространение: острова Зеленого Мыса.

Размер: 1,27×4,12 мм.

Поступление: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Санкт-Петербург. Зоологический институт РАН.

Изображения:

*Peter de Grote en Holland... P. 168. Afb. 54, справа.

*Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства... С. 158. Ил. 241.

5. Чучело анаконды.

Длина 300 см.

Происхождение: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Санкт-Петербург. Зоологический музей Зоологического института РАН.

Артификалии

1. Ларец из слоновой кости с изображением сцен грехопадения.

Цейлон (?). XVI–XVII вв.

Размер: 20,5×15×14,5 см.

Слоновая кость, дерево, серебро.

Поступление: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Государственный Эрмитаж. Э-7583.

Себа А. Перечень (Приложение II). Разное № 10. Маленький резной кабинет из слоновой кости, который содержит 24 китайских резных фигурки ползающих детей, выполненных из мыльного камня.

MIP¹. Vol. II. Pars prima. P. 203. № IV: Arcula tribus capsulis exemtilibus constans, ex ebore facta; latera etus historiam sceleris ab Adamo et Eva primum commissi exprimunt

(Ящик из слоновой кости, в котором три маленьких выдвигаемых ящика; на боках онаго вырезана история о первом грехе Адама и Евы)².

Изображения:

*Peter de Grote en Holland... P. 167. Afb. 52 a.

*Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства... С. 174. Ил. 273.

1 Musei Imperialis Petropolitani volumen II, pars prima, qua continentur res artificiales. Petropoli, 1742. Далее — MIP.

2 Перевод с лат. Г.М. Воробьева.

2. Статуэтки ползающих мальчиков из мыльного камня. Китай. До 1716 г.

Размер: ок. 3 см.

Поступление: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Санкт-Петербург. МАЭ РАН.

Себа А. Перечень (Приложение II). Разное. № 10: Маленький резной кабинет из слоновой кости, который содержит 24 китайские резные фигурки ползающих детей, выполненные из мыльного камня.

MIP. Vol II. Pars prima. P. 109. № 112: Icunculae Chinenses 24 ex alabastro Indico diversicolore sectae (Двадцать четыре фигурки китайцев, высеченные из разноцветного индийского алебастра).

Изображения:

*Акварельный рисунок с изображениями статуэток ползающих мальчиков, из мыльного камня. Китай. До 1716 г.

Слева внизу: Scrin XVI n.[38 зачеркнуто] 112.

Справа внизу: «рисовал Михайла Махаевъ 1736 года июля 27 дня»

СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 50.

3. Две пары рожков мускусного оленя в золотой оправе. Приспособления для набивания трубки.

Тонкин / Нидерланды. XVII в.

См. цветные иллюстрации.

Размер: 8 см. Кость, рог.

Поступление: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Государственный Эрмитаж. Э-3415, Э-3416.

См. Приложение II. Разное. № 41: две пары рогов мускусной косули из Тонкина [= Ханой. В империи Тонкин с 1636 по 1699 г. Объединенная Ост-Индская компания имела торговый пост].

MIP. Vol II. Pars prima. P. 203. № 4: Quatuor cornua cervorum Guineensium, lamina aurea ornata (Четыре рога гвинейских оленей, золотом оправлены).

Изображения:

*Seba Albertus. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba... Dl. I. Tab. 43.

*1730-1740. Неизвестный художник. Акварель, золотая краска.

Размер: 535×320 мм. Государственный Эрмитаж. ЭРП-7135.

*Peter de Grote en Holland... P. 167. Afb. 52, слева.

*Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства... С. 174. Илл. 273, 274.

4. Два копытца гвинейского оленя в золотой оправе. Приспособления для набивания трубки XVII в. Гвинея [Гана]. См. цветные иллюстрации.

Размер: 4,2×4,7 см. Рог, золото.

Поступление: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Государственный Эрмитаж. Э-3418.

См. Приложение II. Разное. № 43: два маленьких рога горного козла из Эльмины.

MIP. Vol II. Pars prima. P. 204. № 5: Pes eiusmodi [Guineensi] cervi, eodem modo ornatus [lamina aurea ornata]. (Ноги такого же оленя и с такою же оправою).

Изображения:

* Seba Albertus. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba... Dl. I. 1734. Tab. 43.

* 1730–1740. Неизвестный художник. Акварель, золотая краска.

Размер: 535×320 мм.

Поступление: Кунсткамера.

Государственный Эрмитаж. ЭРР–7135.

*Peter de Grote en Holland... P. 167. Afb. 52, слева.

*Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства... С. 174. Ил. 273, 274.

5. Два зуба козерога в долотой оправе. XVII в. Происхождение неизвестно.

См. цветные иллюстрации.

Размер: 5,0 см. Зубная ткань, золото

Поступление: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Государственный Эрмитаж. Э–3420.

См. Приложение II. Разное. № 42. два рога горного козла.

MIP. Vol II. Pars prima. P. 203. № 6. Duo dentes apri [sic], auro muniti (Два зуба кабаньих, золотом оправлены).

Изображения:

* Seba Albertus. Naaukeurige beschryving van het schatryke kabinet der voornaamste seldzaamheden der natuur van Albertus Seba... Dl. I. Tab. 43.

* 1730–1740. Неизвестный художник. Акварель, золотая краска.

Размер: 535×320 мм.

Государственный Эрмитаж. ЭРР–7135.

*Peter de Grote en Holland... P. 167. Afb. 52 b;

*Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства... С. 174. Ил. 273.

6. Кинжал-крис³. Ява. XVII в. Длина 52 см.

Поступление: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Государственный Эрмитаж. Инв. № ОР–454.

См. Приложение II. Разное. № 102: японский кинжал-крис, инкрустированный золотом и серебром.

MIP. Vol II. Pars prima. P. 183. № 5. Pugio Americanus, cuius manubrium speciem. Idoli Indici praefert, formatum ex argento inaurato, ferrum instar flammae curvatum, auro distinguitur et vagina bracteis aureis, sculptura conspicuis, tegitur. (Кинжал американский, рукоять которого, выполненная из позолоченного серебра, воспроизводит вид индейского идола; клинок изогнут наподобие языка пламени, отделан золотом, а ножны покрыты золотыми пластинками, примечательными чеканкою.)

3 На Яве крису приписываются магические свойства. В начале XVIII в. подобные крисы были большой редкостью в коллекциях европейцев. Существует всего несколько таких кинжалов, о которых нам известно, что они попали в ту или иную европейскую коллекцию уже в то время.

Изображение:

*1730–1740. Неизвестный художник. Акварель. 535×320 мм.

Государственный Эрмитаж. ЭРР-7070.

* Peter de Grote en Holland... Р. 166, afb. 49;

*Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства... С. 153. Ил. 223.

Благодаря этой акварели удалось установить, какой именно крис из того множества кинжалов, что в хранятся в отделе Востока Эрмитажа, принадлежал Себе.

Изображение акварельного рисунка: Peter de Grote en Holland... Р. 166. Ил. 50; Петр I и Голландия. К 300-летию Великого посольства... С. 153. Ил. 69.

7. Корень дерева, украшенный резьбой. Китай (?). XVII в.

89×64×20 см.

Происхождение: коллекция А. Себы; Кунсткамера.

Государственный Эрмитаж. Д-112.

См. Приложение II. Разное. № 106: ящичек, содержащий очень редкий корень алойного дерева и весьма искусные резные фигурки, изображающие китайцев с лодочками на речушках.

MIP. Vol II. Pars prima. Р. 113. № 221. Fani Chinensis simulacrum, in quo idolum inauratum, et aliae imagines sanctorum et litteratorum Chinens. conspiciuntur. (Подобие китайского святилища, в котором видны позолоченный идол и другие изображения китайских святых и ученых.)

Изображение:

*1735–1740. Неизвестный художник. Слева: *Die Lange ist 3 schu 1 zoll. Die breite 2 schu.*

Акварель, тушь. Размер 470×280 мм.

СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 229.

Приложение II

Перечень экспонатов коллекции Себы, составленный самим коллекционером (по копии, сделанной в Санкт-Петербурге в 1716 г.)

Albert Seba. *Notitie van verscheyde uytmuntende Cabinette met alle bedenkyke soorten van Rareyten*. Альберта Себы собрание натуральных вещей. Санкт-Петербург, 1716. Санкт-Петербург. Библиотека Российской академии наук. Инв. рук. № 188. 1–18 об.

Рукопись написана по-голландски, скорописью, не рукой А. Себы. Вторая часть рукописи носит название «*Musaei Gottwaldiani* [...]» и написана другим почерком на немецком языке.

Высота тетради 45,5 см. Ширина в развернутом виде 62 см, в закрытом — 29,5 см. Толщина — 1 см. Водяной знак CDG.

Петр I приобрел коллекцию А. Себы в январе 1716 г. Примерно в то же время государь купил коллекцию Христофора Готтвальда (1636–1700) из Гданьска, которая главным образом состояла из минералов, раковин, драгоценных камней и многочисленных насекомых в янтаре¹. В 1714 г., до того как Петр приобрел коллекцию Готтвальда, часть ее экспонатов была зарисована².

Этот перечень был скопирован в Петербурге писцом, который плохо владел голландским языком. При публикации текста оригинала мы исправили встретившиеся нам орфографические ошибки. В переводе знаки препинания расставлены в соответствии с современными требованиями русского языка.

Альберта Себы собрание натуральных вещей

Л. 1.

Анималии. Влажные препараты

1. Крупный ленивец из Америки.
2. Чрезвычайно крупная и красивая игуана из Америки.
3. Крупная змея из Америки.
4. Туванский дьявол из Азии.
5. Крупная рыба-попугай с о-ва Амбон с двумя красивыми змеями.
6. Пойманная в море близ берегов Голландии каракатица, внутри которой растет [раковина, так называемая] осса-сепия.
7. Еще одно морское чудовище под названием цейлонская каракатица.

1 *Vacmeister J.* Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de Saint-Petersbourg. Imprimerie privilégiée de Weitbrecht et Schnoor, Saint Petersburg 1776. P. 86.

2 *Gottwaldt Ch.* Museum Gottwaldianum. [Danzig 1714]. Без титульного листа. Первая часть содержит 60 страниц с иллюстрациями и 1 с портретом. Во вторую часть вошло 48 страниц иллюстраций. См.: *Nissen C.* Die zoologische Buchillustration: Ihre Bibliographie und Geschichte. Th. II. Geschichte. Stuttgart, 1978. S. 146, 610.

8. Опоссум из Америки, чьи детеныши могут вылезать из живота родителя и залезать обратно.
9. Еще один опоссум, самец.
10. Змея красивого окраса из Америки.
11. Очень красивого окраса ящерица savogaar³ из Америки.
12. То же самое.
13. Муравьед из Суринама
14. Красивая змея из Америки.
15. Еще одна такая же.
16. Красивая ост-индская голубая змея.
17. Ост-индский лазающий полоз и игуана.
18. Еще две ост-индские красивые змеи.
19. Еще две ост-индские красивые змеи с красивой длиннохвостой игуаной.
20. Красивая змея из Америки, именуемая птицеловом.

Л. 1 об.

Анималии. Влажные препараты

21. Красивая американская игуана с гребнем.
22. Красивая змея из Ост-Индии.
23. Большая белая двуглавая змея из Америки.
24. Китайский удав красивого и совершенного окраса.
25. Еще один подобный удав, также очень красивый.
26. Необычайно красивая гремучая змея из Ост-Индии.
27. Прекрасная очковая змея с о-ва Амбон.
28. Змея красивого окраса, обитающая в Ост- и Вест-Индии, с ост-индским растением.
29. Красивая ост-индская змея.
30. Целая кладка больших яиц змеи из Ост-Индии.
31. Матка овцы с двумя нерожденными ягнятами, один в околоплодном пузыре, а другой с пуповиной.
32. Ост-индская ласточка с ящеркой.
33. Гвинейский конгони, самый крупный представитель этого вида.
34. Белочка из Норвегии.
35. Нерожденный детеныш муравьеда из Ост-Индии, очень редкий и необычный.
36. Шестимесячный негритенок из Вест-Индии с колибри на ладошке.
37. Ост-индский Лори, самец, с маленьким скорпионом.
38. Еще один ост-индский Лори, самка, но неосеменная.
39. Суринамская акула.
40. Прекрасная полосатая рыба с о-ва Амбон.
41. Две другие ост-индские рыбы.
42. Две миноги, которые были пойманы в канале Кайзерсграхт в Амстердаме.

³ В тексте встречаются четыре варианта написания: savogaar, savogaard, savogaarde и savougaard. Что это за ящерица, выяснить не удалось. (*Прим. пер.*)

43. Чрезвычайно крупная Ост-индская лягушка.
44. Крупная пипа, или жаба, из Америки, из спины которой рождаются и выползают головастики.
45. Самец ранее упомянутого вида.

Л. 2.

Анималии. Влажные препараты

46. Две редкие ушастые лягушки и морской⁴ из Америки.
47. Еще одна очень необычная и редкая жаба *Bufo Margautifera* из Азии.
48. Кошка с одной головой, восемь лапами и двумя хвостами из Ост-Индии [см. цветную иллюстрацию].
49. Броненосец из Америки.
50. Две необычные ящерицы из Ост-Индии.
51. Рыба красивого окраса с о-ва Амбон, глотающая другую.
52. Суринамская рыба, похожая на миногу.
53. Редкая ост-индская рыба с очень длинным хвостом.
54. Самец ящерицы *Savogaard* красивого окраса, из Ост-Индии, с белой двуглавой змеей.
55. Самка ящерицы *Savogaard* из Ост-Индии.
56. Еще одна такая же прекрасная ящерица.
57. Ост-индский крокодил, или кайман, с редкой змеей и рыбкой.
58. Крокодил из Америки.
59. Еще два таких же крокодила.
60. Еще один такой же крокодил из Африки с молодым опоссумом и летучей мышью.
61. Ост-индская маленькая обезьянка, или беличья обезьяна, самка.
62. Самец той же породы.
63. Вест-индский кролик с красивой змеей.
64. Редкая ост-индская птица.
65. Еще одна птица той же породы.
66. Суринамская игуана с горловым мешком и две другие ящерицы.
67. Крокодил с Капа⁵.
68. Длиннохвостая ящерица и две красивые змеи из Америки.

Л. 2 об.

Анималии. Влажные препараты

69. Самец опоссума из Вест-Индии.
70. Редкие морские и лягушка.
71. Ост-индский сурикат.

4 Морские растения-кораллы, губки или водоросли. (Прим. пер.)

5 Каар — Кап — Капская колония (нидерл. Kaarkolonie, от голл. «Каар de Goede Hoop» — мыс Доброй Надежды, также англ. Cape Colony) — первая голландская переселенческая колония.

- 72 Змея прекрасного окраса с Мыса Доброй Надежды.
- 73 Очень красивого окраса редкая змея с о-ва Кюрасао с тремя змеиными яйцами.
- 74 Морская улитка с африканским скорпионом.
- 75 Очень ядовитая змея *Viduda* из Вест-Индии.
- 76 Европейская гюрза.
- 77 Змея из Вест-Индии очень красивого окраса.
- 78 Ост-индская морская свинья.
- 79 Две ящерицы *Savogaarde* красивого окраса с американской гусеницей.
- 80 Красивый совершенный ост-индский кайман, или крокодил.
- 81 Суринамская змея-птицелов.
- 82 Каракатица из Норвегии.
- 83 Белый горностай.
- 84 Голубая игуана с горловым мешком и лягушка из Америки.
- 85 Красивая цветная двуглавая змея со сколопендрой из Вест-Индии.
- 86 Красивый суринамский дрозд-рябинник.
- 87 Очень редкая ост-индская маленькая ящерица *Savogaard*.
- 88 Цветок, листья и плоды корицы с Цейлона и иерихонская роза.
- 89 Вест-индская белочка.
- 90 Лосось из реки Рейн, английская шпрота и две морские звезды.

Л. 3.

Анималии. Влажные препараты

- 91 Две рыбы из семейства игловых.
- 92 Американская лесная крыса, которая носит свое потомство на хвосте.
- 93 Две особенно красивые американские змеи.
- 94 Ост-индский краб, словно солдат без своих лат.
- 95 Нерожденный ягненок, самец.
- 96 Еще один, самка.
- 97 Две редкие ост-индские рыбы.
- 98 Еще одна редкая ост-индская рыба.
- 99 Еще одна.
100. Еще одна.
- 101 Рыба и *Karssen* [?] из Суринама.
- 102 Красивая двуглавая змея из испанской Вест-Индии.
- 103 Стебель риса из Африки.
- 104 Африканский сцинк с зелеными полосками и растение с Капа.
- 105 Летучая рыба с Капа.
- 106 Ящерица из испанской Вест-Индии с редким крабиком и белой лягушкой.
- 107 Зеленая змея с желтыми полосками из Америки.
- 108 Необычная рыба с двумя лапами с Кюрасао.
- 109 Две экстраординарные ост-индские рыбы.
- 110 Генуэзский геккон, или саламандра.
- 111 Голубая змея из Америки.
- 112 Красивая игуана с горловым мешком.

Л. 3 об.

Анималии. Влажные препараты

- 113 Очень редкая летучая рыба с о-ва Тарнате.
- 114 Американский крокодил.
- 115 Суринамская жаба с икринками на спине, из которых появляется потомство.
- 116 Ост-индская рыбка и рыба-брызгун.
- 117 Красивая золотая рыбка с Суматры.
- 118 Еще одна рыба той же породы.
- 119 Другая редкая рыба с Суматры с маленьким *sartelletje* [?].
- 120 Еще одна ост-индская рыбка с рыбой-прилипалой.
- 121 Лягушка с широкими и круглыми лапками с Виргинских островов.
- 122 Китайский мохнатый дьявол.
- 123 Гюрза и сцинк из Суринама.
- 124 Военные доспехи, покрытые морскими и мидиями из Средиземного моря.
- 125 Пестрый ост-индский горный козел.
- 126 Ост-индский геккон, или саламандра.
- 127 Волнистый попугайчик из Америки.
- 128 Броненосец.
- 129 Цейлонская ящерица, еще одна африканская ящерица, у которой почти тысяча лапок.
130. Летучая рыба с о-ва Тернате.
- 131 Еще одна из Ост-Индии.

Л. 4.

Анималии, влажные препараты

- 132 Редкая черная птица с красной грудкой из Вест-Индии.
- 133 Крокодил.
- 134 Ост-индская креветка.
- 135 Ящерица с кладкой яиц.
- 136 Голубая игуана.
- 137 Прекрасная ящерица «турухтан» из Америки.
- 138 Змея, которую, по свидетельствам очевидцев, живьем вытошнил негр, или мавр, в Суринаме.
- 139 Редкая ост-индская птица с длинным хвостом.
140. Двенадцать суринамских пауков разных видов.
- 141 Крапчатая лягушка с Виргинских островов.
- 142 Ост-индская серебряная рыбка.
- 143 Еще одна рыбка с Кюрасао.
- 144 Еще одна редкая рыба с *Isakeep* [?].
- 145 Две красивые полосатые рыбы из Ост-Индии.
- 146 Ост-индская летучая рыба.
- 147 Еще одна американская рыба.
- 148 Красивый голубой геккон из Кюрасао.
- 149 Плацента, оставшаяся после аборта.
150. Прекрасная ост-индская змея с одной африканской ящерицей.

Л. 4 об.

Анималии, влажные препараты

- 151 Две суринамские змеи красивого окраса.
 152 Рыба из Гвинеи с необычными полосками и рыбка steus [?]⁶.
 153 Очень редкая змея красивого окраса из Америки.
 154 Амбонский рак.
 155 Горшок из змеиноного дерева с пауками и т.д. из Суринама.
 156 Редкая ост-индская ящерица.
 157 Различные красивые крапчатые и полосатые змеи.
 158 Ост-индская рыба с красивыми пятнами и летучая рыба с Капа.
 159 Гренландская птица.
 160 Суринамская лягушка, которая в реке Комарина постепенно превратилась в настоящую рыбу, которая затем была [выловлена] и съедена на суше [см. иллюстрации на с.]
 161 Того же вида лягушка, у которой уже появился хвост, а передние лапы уменьшались и [потом] полностью отсохли [атрофировались].
 162 Такая же лягушка, у которой постепенно увеличивается хвост, а передние лапы продолжают усыхать.
 163 Того же вида лягушка, у которой передние лапы уже отсохли, а задние начали уменьшаться, в то время как голова превратилась в рыбу, и хвост вырос.
 164 Такая же лягушка, которая почти полностью превратилась в рыбу, если не считать фрагмента задних лап, которые укоротились или атрофировались.
 165 Того же вида лягушка, полностью превратившаяся в рыбу.
 166 Еще одна, схожая с предыдущей.

Л. 5.

Анималии, влажные препараты

- 167 Тигровая рыба с очень красивыми пятнами с Амбона.
 168 Желтая жаба с Виргинских островов.
 169 Зеленый лазающий полоз из Америки.
 170 Рыба-ангел, пойманная в пригороде Гааги.
 171 Красивая ящерица и лягушка из Пенсильвании.
 172 Две красивые рыбки и змея из Бербиса.
 173 Два ост-индских скорпиона.
 174 Рыбка с необычными полосками из Пенсильвании.
 176 Еще две такие же рыбки с шипами.
 177 Еще одна чрезвычайно крупная рыба.
 178 Красивая пятнистая лягушка с Виргинских островов.
 179 Геккон, или саламандра, из Бербиса.
 180. Две морские гусеницы, которые красиво переливаются разными цветами.
 181 Различные лягушки с Виргинских островов.

6 В перечне есть слова, которые написаны неполно, что не позволяет перевести названия некоторых животных. (Прим. пер.)

- 182 Три американских скорпиона с красивой змеей.
183 Очень красивая зеленая ящерица и белая лягушка из Америки и змеиное яйцо.

Л. 5 об.

Анималии, влажные препараты

- 184 Ящерица Savouaard очень красивого окраса с о-ва Амбон.
185 Суринамская змея с красивыми полосками и окрасом, проглотившая лягушку, которая все еще полностью находится в ее желудке.
186 Несколько суринамских лягушек и жаб.
187 Ост-индская пресноводная черепаха.
188 Гусеница с о-ва Амбон чрезвычайно красивого окраса и красивая пестрая змея.
189 Змея с красивыми полосками, еще одна коричневая змея из Эльмины и хамелеон.
190 Ост-индская ящерица.
191 Красивый морской сцинк из Америки.
192 Пестрая двуглавая змея из Эльмины.
193 Игуана.
194 Лазающий полоз из Эльмины.
195 Суринамская креветка.
196 Два красивых лазающих полоза из Америки.
197 Золотая рыбка с о-ва Амбон.
198 Суринамская летучая мышь.
199 Две африканских мыши с хамелеоном.
200 Три морских сцинка из Америки.

Л. 6.

Анималии, влажные препараты

- 201 Вест-индский кролик, сколопендра, белая волосатая гусеница.
202 Тигровая змея из Эльмины.
203 Тигровая рыба с о-ва Амбон.
204 Ост-индский паук.
205 Редкая ост-индская рыбка.
206 Красивая зеленая игуана.
207 Чрезвычайно красивая зеленая с серебряным отливом змея-птицелов из Америки.
208 Сумчатый краб с о-ва Амбон.
209 Редкая волосатая гусеница с тысячей лапок и черная конусовидная раковина — обе из Суринама.
210. Разные африканские жабы.
211 Белая канарейка.
212 Красивая гусеница с шипами с редкой лягушкой и раком.
213 Маленькая змея с африканской жабой.
214 Красивая двуглавая змея из Эльмины.
215 Броненосец и рыба из Суринама.
216 Ост-индская гага.
217 Ост-индский геккон, или саламандра.

Л. 6 об.

Анималии, влажные препараты

- 218 Ост-индский тигровый геккон.
- 219 Ящерица с Капа с колючим хвостом и лягушка.
- 220. Крот.
- 221 Две ост-индские рыбки и яблоко любви (помидор).
- 222 Ост-индская крыса и летучий дракон⁷.
- 223 Черепашие яйцо и красивая змея.
- 224 Красивая рыба с о-ва Амбон.
- 225 Краб с Кюрасао красивой расцветки.
- 226 Европейская саламандра из Италии.
- 227 Еще одна.
- 228 Три африканские ящерицы с колючими хвостами.
- 229 Красивая полосатая змея.
- 230. Летучий дракон из Африки.
- 231 Еще один.
- 232 Асписовая гадюка и две другие змеи из Ост-Индии.
- 233 Три редкие ост-индские рыбы.
- 234 Рыба с Кюрасао.
- 235 Двуглавая змея из Гвинеи с тремя кузнечиками из московской Вологды.
- 236 Серебряная рыбка из Эльмины.

Л. 7.

Анималии, влажные препараты

- 237 Золотая рыбка с о-ва Амбон.
- 238 Амстердамский морской петух.
- 239 Красивая гусеница и два паука с о-ва Амбон.
- 240. Две ост-индские рыбки.
- 241 Немецкий речной рак.
- 242 Зеленый сцинк.
- 243 Две рыбки из Америки.
- 244 Луна-рыба.
- 245 Птичка из Франции.
- 246 Крокодил с карликом в пасти и красивая африканская змея.
- 247 Яйца американских ос.
- 248 Яйца турухтана.
- 249 Большая ост-индская колибри и африканский кузнечик.
- 250. Herff [?] и матрица, в которой он растет.
- 251 Несколько редких и красивых змей из Кандии.
- 252 Три красивых гусеницы с редкими растениями из Африки.
- 253 Змея с канадским клеймом из Италии.
- 254 Зимородок с золотым жуком с о-ва Амбон.
- 255 Две красивые гусеницы с о-ва Амбон.

7 Вид ящериц. (Прим. пер.)

Л. 7 об.

Анималии, влажные препараты

- 256 Ост-индская рыбка с ... [так в рукописи].
- 257 Еще одна рыбка такого же вида наряду с рыбками других пород.
- 258 Гвинейская мышь.
- 259 Опоссум из Суринама.
- 260. Морской конек из Ост-Индии.
- 261 Две колочие гусеницы из Суринама.
- 262 Амбонская рыбка редкого окраса.
- 263 Хамелеон с красивой змеей с Мыса Доброй Надежды.
- 264 Маленькая рыба seutoer [?] из Эльмины.
- 265 Ост-индский кузнечик.
- 266 Три красивых сороконожки, или сколопендры, из Америки.
- 267 Рыбка из Америки.
- 268 Чрезвычайно красивая змея.
- 269 Рыбка из Африки.
- 270. Два суринамских граната.
- 271 Черепаха красивого окраса с о-ва Амбон.
- 272 Красивый африканский хамелеон.
- 273 Амбонская креветка.
- 274 Необычный амбонский краб с большой клешней.

Л. 8.

Анималии, влажные препараты

- 275 Две маленькие летучие рыбы из Смирны в Леванте.
- 276 Две рыбки из Ост-Индии.
- 277 Серая колибри из Азии.
- 278 Чрезвычайно редкий паук из Эльмины.
- 279 Три редких полосатых рыбы с о-ва Амбон.
- 280. Амбонская серебряная рыбка.
- 281 Асписовая гадюка и толстоголовая змея из Эльмины.
- 282 Редкая птичка с о-ва Тернате.
- 283 Два больших американских золотых жука.
- 284 Красивая голубая змея с полуострова Морея.
- 285 Полосатый хирот из Эльмины.
- 286 Маленький броненосец из Америки.
- 287 Молодая птичка из Гренландии.
- 288 Еще одна такая же птичка.
- 289 Редкая змея с яйцом с острова Явы.
- 290. Красивый скорпион из Банды в Ост-Индии.
- 291 Две колочие гусеницы из Санто-Доминго в Америке.
- 292 Птичка из Германии.
- 293 Две красивые черепахи из Америки.

Л. 8 об.

Анималии, влажные препараты

- 294 Красивая полосатая рыбка с о-ва Банда в Ост-Индии.
 295 Еще одна рыбка необычного окраса из Танабима.
 296 Удивительная гюрза Бадаки, Ява.
 297 Краб с Амбона.
 298 Ост-индский скорпион с Банды.
 299 Красивая черепаха из Америки.
 300. Необычная белая змея с пестрой головой с полуострова Кормандел.
 301 Необычная колючая рыба, или Orbicularis, с Суматры.
 302 Птичка из Америки.
 303 Полосатая ящерица с острова Елена в Африке.
 304 Местный краб.
 305 Полосатая рыба с Явы.
 306 Еще три с о-ва Амбон.
 307 Черепаха с Мадурь.
 308 Рыба Orbicularis с Суматры.
 309 Американский опоссум.
 310. Две рыбы из Америки.
 311 Змея с необычными полосками, белая лягушка из Америки.
 312 Две ост-индские рыбы.
 313 Голландские рыбы, относящиеся к виду тресковых, и креветки.

Л. 9.

Анималии, влажные препараты

- 314 Две рыбы с о-ва Амбон.
 315 Еще две рыбы из той же местности чрезвычайно красивого окраса.
 316 Еще одна такая же рыбка.
 317 Еще одна такая же рыбка.
 318 Две иглобрюхие рыбы.
 319 Две рыбы из Эльмины.
 320. Две рыбы из Портобелло.
 321 Две рыбы с о-ва Амбон.
 322 Еще две из Эльмины.
 323 Большой американский паук.
 324 Ракообразный «морской желудь» из Шотландии.
 325 Три африканские полосатые ящерицы.
 326 Гадюка из Ливии, гусеница и гага из Африки.
 327 ... [так в рукописи]
 328 Суринамский жук и equus marinus⁸.

8 Equus marinus — название мифического животного гиппокампус (морское чудовище), или гидриппус (водяная лошадь). Вероятно, в данном случае речь идет о морском коньке. (Прим. пер.)

- 329 Рогатая гадюка из Ливии и большой скорпион.
 330. Необычный кузнечик и рыбка из Африки.
 331 Три редких коралла из Ост-Индии.

Л. 9 об.

Анималии, влажные препараты

- 332 Еще два коралла из Саргассова моря.
 333 Три других коралла из Эльмины.
 334 Еще один красный коралл.
 335 Еще один такого же вида.
 336 Красивая гадюка из Эльмины.
 337 Голландский хорек.
 338 Большая колба с различными анималиями из Америки.
 339 Еще одна колба с различными анималиями из Ост-Индии.
 340. Еще одна колба, наполненная американскими змеями.
 341 Еще одна с различными анималиями из Африки.
 342 Еще одна колба с различными редкими животными.
 343 Морская водоросль с плодами и листьями.
 344 Еще одна.
 345 Еще одна.
 Различные маленькие склянки с различными редкими животными из различных стран.
 NB: 4 редких анатомических препарата господина профессора Рюйша.

Л. 10.

Насекомые

Различные известные и неизвестные виды насекомых, бабочки, большие и маленькие, а также иные необычные создания из Азии, Африки, Америки и Европы, с большими стараниями собранные вместе и помещенные в большие прямоугольные ящики с выдвигаемыми крышками, пронумерованные в следующем порядке, а именно:

- 1 Четыре чрезвычайно крупные бабочки-совки с о-ва Амбон, еще одна того же вида из Америки и три бабочки иного вида.
- 2 Две очень крупные бабочки Павлиний глаз, еще одна того же вида поменьше и бабочки иных различных видов.
- 3 Две прекрасные бабочки в черно-зеленую точку с о-ва Амбон, а также иные бабочки с красивым узором на крыльях, вероятно, из Ост- и Вест-Индии.
- 4 Еще одна бабочка необычной расцветки из Ост- и Вест-Индии.
- 5 Еще одна такая же бабочка и 12 диковинных с [?], переливающимися синим и зеленым цветом, из Ост- и Вест-Индии.
- 6 Различные бабочки всевозможных красивых расцветок из Ост- и Вест-Индии.
- 7 40 различных бабочек.
- 8 30 различных бабочек.
- 9 Прекрасные бабочки различных видов из Ост- и Вест-Индии.
- 10 Бабочки с красивым узором на крыльях из Ост- и Вест-Индии.

- 11 Различные американские бабочки с [?] отливом.
- 12 Различные бабочки, все с о-ва Амбон.
- 13 Три желтые бабочки: посередине из Ост-Индии, а все остальные из Вест-Индии.

Л. 10 об.

Насекомые

- 14 Чрезвычайно редкие американские бабочки: золотые, серебряные и иных видов.
- 15 Американские бабочки.
- 16 Американская бабочка.
- 17 Американская бабочка.
- 18 Американская бабочка.
- 19 Американская бабочка.
20. Американская бабочка.
- 21 Американская бабочка.
- 22 Композиция.
- 23 Композиция.
- 24 Американские бабочки.
- 25 Американская бабочка.
- 26 Африканская и американская бабочки.
- 27 Три суринамские носатки, амбонские круглые совки и иные виды американских и европейских бабочек.
- 28 Суринамские и местные бабочки.
- 29 Крупный жук-долгоносик из Ост-Индии, иное чрезвычайно крупное насекомое. Жук из Суринама, а также большое количество американских бабочек и жуков.
30. Полный цикл развития *Folium Ambolans* и других организмов.

Л. 11.

Насекомые

- 31 Суринамские анноновые⁹, ночные бабочки, или «беспокойные шарманщики», и иные бабочки.
- 32 Различные виды азиатских и американских кузнечиков, или прямокрылых.
- 33 Два больших и маленьких длинноногих амбонских жука, три черных амбонских жука-носорога, долгоносик и различные красивые суринамские жуки.
- 34 Суринамские жуки с длинными усиками и передними ногами, или «буквенные жуки», и иные виды жуков.
- 35 Три привиденьевых и три больших скорпиона с Амбона, три суринамских и два тирольских скорпиона, странное ракообразное, капские кузнечик и одна креветка, и суринамская креветка.
- 36 Систематизированное собрание различных жуков из Азии, Африки и Европы.
- 37 Два суринамские привиденьевые, два капские летучие дракона и две молодые летучие мыши, и большая летучая мышь с собачьей головой из Суринама.

- 9 Аннона колючая, или сметанное яблоко, — вечнозеленое тропическое плодовое дерево. (Прим. пер.)

- 38 Различные редкие вест-индские стрекозы, folium Ambolans, кузнечики и прочее.
- 39 Всевозможные большие пауки из разных краев и пауچه гнездо из земли.
40. Различные чучела крокодилов, игуан, ящериц, синру сен¹⁰ и т.д.
- 41 Разные необычные паукообразные, большие муравьи, жуки и т.д., найденные за границей.
- 42 Разные необычные жуки, найденные за границей.

Л. 11 об.

Насекомые

- 43 Различные редкие чужеземные жуки.
- 44 Различные редкие чужеземные жуки.
- 45 Различные редкие чужеземные жуки.
- 46 Различные виды персидских, суринамских и капских пчел, червей и ос.
- 47 Различные виды редких американских жуков и мух.
50. Различные скорпионы с четырех концов света.
- 51 Большие ост- и вест-индские сколопендры, или сороконожки, черепашка и щит-пауки.
- 52 Различные чрезвычайно редкие американские жуки и бабочки.
- 53 Различные редкие ост- и вест-индские птицы, зарянка в гнезде, второй вид лесной крысы, которая носит свое потомство на хвосте.
- 54 Различные ост- и вест-индские колибри и т.д.
- 55 Различные редкие ост-индские птицы, среди которых три красивых королевских птицы.
- 56 Две чрезвычайно красивые священные птички с о-ва Тарнате обоих полов и две чрезвычайно красивые могольонские птицы.
- 57 Различные ост- и вест-индские птицы.
- 58 Различные ост- и вест-индские птицы.

Л. 12.

Насекомые

- 59 Странные птицы Cheletons.
- 60 Высушенный суринамский кролик, одна лесная крыса, одна белка, беличья обезьянка, три маленьких опоссума.
- 61 Различные редкие виды ост- и вест-индских крабов.
- 62 Иные редкие виды ост- и вест-индских крабов.
- 63 Пять прекрасных крабов с о-ва Амбон.
- 64 Очень крупный суринамский краб, два больших краба из Эльмины, три маленьких краба, два голландских краба.
- 65 Краб с Кюросоа и амбонское редкое ракообразное из Малакки.
- 66 Два больших амбонских долгоносика, геккон из Ост-Индии, один крокодил, три новорожденных крокодилчика, вылупившихся из яиц, две зеленые ящерицы из Константинополя [см. цветную иллюстрацию].

- 10 Переводчику не удалось выяснить, что стоит за этим названием.

- 67 Различные ящерицы с Капа; два летучих дракона; два маленьких крокодилчика, которых извлекли из яиц еще до вылупления, с пуповиной; колония морских желудей с Капа. Одна змея с четырьмя лапками с о-ва Явы.
- 68 Различные редкие ост-индские рыбки и морские коньки.
- 69 Иные морские обитатели, среди которых *Tringularis cornutus*; один ромбик красный¹¹; рыба-утконос; одна японская серебряная рыбка; одна рыба с двумя лапами [так!]; две черепашки.
- 70 Различные гнезда диких ос в листьях какао, одно на апельсиновой ветке, и пузыри, в которых развиваются редкие американские мухи.
- 71 Круглый ящик, содержащий различных местных редких жуков, которые вместе изображают герб Амстердама.

Л. 12 об.

Насекомые

- 72 Еще один подобный красиво украшенный ящик с жуками.
- 73 Еще один подобный ящик.
- 74 Еще один подобный ящик.
- 75 Еще один подобный ящик.
- 76 Еще один такой же ящик, украшенный цветами и редкими чужеземными бабочками.
- 77 Еще один подобный ящик.
- 78 Ящик с местными бабочками для [...].
- 79 Еще один подобный ящик.
- 80 Еще один подобный ящик.

Разное

- 1 Необычный резной кабинет из слоновой кости из Японии, который содержит 12 китайских фигурок, вырезанных из сандалового дерева.
- 2 Две книги на малайском языке.
- 3 Четыре резные фигурки из мыльного камня.
- 4 Одна фигурка божества, сидящего на троне, из того же материала.
- 5 Один резной дракончик со своим детенышем, также из мыльного камня.
- 6 Различные редкие резные статуэтки: львы, козлы, олени и т.д.
- 7 Различные античные монеты.
- 8 Два шутовских колпака, естественным образом выросших на кокосовой пальме в Америке [см. цветную иллюстрацию].
- 9 Один коралловый кусочек на тесемке, который вожди негритянских племен использовали в качестве повязки, прикрывавшей shameful место.

- 11 *Antigonia rubescens* (Günther, 1860), ромбик красный.

Л. 13.

Разное

10. Маленький резной кабинет из слоновой кости, который содержит 24 китайских резных фигурки ползающих детей, выполненных из мыльного камня [см. цветную иллюстрацию].
11. 24 фигурки японских детей, очень редкие, выполнены из неизвестного японского материала [см. цветную иллюстрацию].
12. Красивый ост-индский красный деревянный кабинет для заспиртованных животных, упакованный в ящик [см. цветную иллюстрацию].
13. Три красивых резных страусиных яйца.
14. Три нерезных красивых страусиных яйца.
15. Три яйца казуара.
16. Два крокодилийх яйца.
17. Яйцо игуаны.
18. Яйцо пресноводной черепахи.
19. Четыре голубых яйца американского рябчика.
20. Два узорчатых яйца из Персии.
21. Различные яйца других ост- и вест-индских и местных птиц.
22. Шкурка африканской мускусной крысы.
23. Шкурка восточно-фризландского белого крота из Рункампа.
24. Редкий резной ост-индский орех в корзинке с необычным плетением.
25. Мальдивский кокос на подставке.

Л. 13 об.

Разное

26. Четыре необычайно больших тритоновых рога.
27. Еще один более крупного размера с о-ва Тарнате.
28. Шлем с о-ва Серам из черепашных панцирей [см. цветную иллюстрацию].
29. Два больших воинских шлема с рогами.
30. Четыре больших длинных раковины морских гребешков на подставках.
31. Три пирамиды из рогов на пьедесталах.
32. Ткацкий станок из Сурата, на котором ткали ситец и муслин.
33. Большая летучая кошка, или летучая мышь, с о-ва Тарнате.
34. Высушенный крокодил, или кайман, из Ост-Индии.
35. Две большие американские змеи.
36. Две большие змеиные кожи из Ост-Индии.
37. (Эскимосский) челнок из пролива Давида.
38. Neptunus Muz, или морская губка.
39. Большой губчатый ствол того же вида.
40. Единорог из пролива Давида.
41. Две пары рогов мускусной косули из Тонкина [см. цветную иллюстрацию].
42. Два рога горного козла.
43. Два маленьких рога горного козла из Эльмины.
44. Свернувшаяся в клубок большая змея из Ост-Индии.

Л. 14.

Разное

- 45 Два сросшихся рога носорога с Капа.
- 46 Копыто носорога из той же местности.
- 47 Чрезвычайно крупный панцирь черепахи.
- 48 Череп кита.
- 49 Колчан с маленькими стрелами и лук из Мории.
- 50 Кожа большой зубастой рыбы, а также нескольких маленьких.
- 51 Еще одна кожа рыбы, но без зубов.
- 52 Китайская обувь, одна пара.
- 53 Японская обувь.
- 54 Еще одна пара обуви из Вест-Индии.
- 55 Чрезвычайно крупный морской.
- 56 Ост-индский тростник в цвету.
- 57 Новоизобретенный костюм для плавания [см. цветную иллюстрацию].
- 58 Прекрасный ост-индский кабинет из кедрового дерева, который содержит все известные и неизвестные виды раковин «морской рог» из Азии, Африки и Америки, а также иные редкие морские и прочие красивые экспонаты.
- 59 Японская мухогонка.
- 60 Два фрагмента гиппопотама Marin.
- 61 Три головы обезьян.
- 62 Отравленные негритянские стрелы.

Л. 14 об.

Разное

- 63 Такие же стрелы из морского языка.
- 64 Две пары клвовов ибисов.
- 65 12 китайских черных резных кистей рук из эбенового дерева.
- 66 Раковины, по форме напоминающие рога, и денталиумы.
- 67 Два безоаровых шара, извлеченных из европейского теленка Vitulis Europiani.
- 68 Зародыши рыб.
- 69 Пагода из Суринама.
- 70 Различные редкие морские и прочее.
- 71 Японская сабля.
- 72 Три королевских скипетра диких американских племен.
- 73 Шесть китайских гравюр на бумаге размером в человеческий рост, на которых изящно изображены, в полном соответствии с натурой, представители знати этой страны и которые раскрашены цветными акварельными красками.
- 74 Шесть таких же гравюр с изображением их жен.
- 75 12 портретов римских цезарей из свинца, в круглых рамках [см. цветную иллюстрацию].
- 76 12 портретов с изображением жен римских цезарей, также из свинца и в круглых рамках.
- 77 Длинный ящичек с двумя райскими птицами.

- 78 Пять обычных прекрасных и совершенных райских птиц, и одна без лапок.
79 Одна очень редкая и необычная райская птица с о-ва Тарнате.

Л. 15.

Разное

- 80 Две редкие птицы с очень длинными хвостами, с о-ва Серам в Ост-Индии.
81 Совершенный голубой вест-индский ворон.
82 Чучело красивого красного тарнатского попугая.
83 Целый тукан.
84 Ост-индская курица.
85 Ящик, в котором находятся различные редкие иноземные и местные птицы, среди которых несколько редких видов колибри из Америки, с гнездышками и яйцами.
86 Различные туканы и другие редкие птицы с большими клювами.
87 Лакированный кабинет, обшитый благородным серебром, который содержит 12 красивых резных фигурок из мыльного камня, сделанных с натуры.
88 Всевозможные редкие морские различных цветов.
89 Еще один подобный кабинет, содержащий различные редкие японские покрытые лаком предметы и коробочки.
90 Два маленьких китайских божка.
91 Две прекрасные резные японские ступки из слоновой кости с пестиками.
92 Японская картина с изображением охоты знатного господина, очень изящно написанная и свернутая в свиток [см. цветную иллюстрацию].
93 Микроскоп.
94 Набор из ста выточенных из дерева чаш, которые вставляются одна в другую.
95 Две чаши, выточенных из змеиноного дерева.

Л. 15 об.

Разное

- 96 Красивое резное блюдо из мыльного камня.
97 Еще одно блюдо из мыльного камня.
98 Два японских экрана для камина.
99 Две вылепленных из воска фигурки стариков, олицетворяющих зиму.
100 Еще одна фигурка из воска: спящая обнаженная итальянка и ее возлюбленный-крестьянин.
101 Мешочек с суринамским хлебом, сделанный из корней дерева.
102 Японский кинжал-крис, инкрустированный золотом и серебром.
103 Две фигурки резные из алойного дерева.
104 Различные семена и растения из Ост- и Вест-Индии.
105 Длинная коричневая палочка, несколько ост- и вест-индских пик, стрел и луков и т.д.
106 Ящичек, содержащий очень редкий корень алойного дерева, и весьма искусные резные фигурки, изображающие китайцев с лодочками на речушках.
107 Две резные птички и прочее, все предметы вырезаны из алойного дерева.

- 108 Японский кабинет с замком из кроваво-красного коралла на скале с различными фигурками, воспроизводящими сцену суда царя Соломона, все очень искусно вырезано [см. цветную иллюстрацию].
- 109 Распятие из кроваво-красного коралла, которое англичане похитили с алтаря в порту Виго и перевезли в Голландию.
- 110 Сплетенное из тонких тростинок и покрытое лаком устройство, которое жители Амбона в путешествиях для кофе и чая

Л. 16.

Разное

- 111 использовали, изготовлено для отставного генерал-губернатора Ван Хоорна.
- 112 Различные изящные веточки красного коралла.
- 113 Различные рыбы и морские.
- 114 Японский лакированный кабинет с сервизом для кофе, чая и шоколада, а также различные мисочки, все изящно покрыто черным и красным лаком.
- 115 Две редких резных подставки из мыльного камня.
- 116 Еще две редких резных подставки из мыльного камня.
- 117 Венец из гвоздичного дерева, сделанный на Цейлоне.
- 118 Красно-белая лодочка из сандалового дерева с различными красивыми цветами и ягодами¹², инкрустирована мыльным камнем.
- 119 Два черных кабинета из эбенового дерева, инкрустированных серебром и черепаховой костью, ящички содержат различные редкости.
- 120 Три фарфоровых скалы, различные алебастровые фигурки из Неаполя, а также две пирамиды из итальянского мрамора и более 150 различных окаменелых раковин и прочих морских.
- 121 Инкрустированный кедровый кабинет с большим количеством выдвигаемых ящичков, которые наполнены европейскими насекомыми и наилучшим образом систематизированы.
- 122 К тому же различные книги о всех объектах этого собрания: «Opera Omnia» Альдрованди, в 13 томах, все в белом роговом переплете и в отличном состоянии.

Л. 16 об.

Разное

- 123 Очень объемный фолиант госпожи Сюзанны Мериан¹³ о растениях и насекомых из Суринама, очень красиво иллюстрированный.
- 124 «Amboinse Rariteitenkamer» Румфа¹⁴, французский переплет.
- 125 «De avibus et insectis», Йонстон Ян¹⁵, формат in folio, французский переплет.
- 126 Еще один английский автор, in folio, французский переплет.

12 В тексте на голландском: beesjes: 1. beestjes: насекомыми? 2. besjes: ягодами.

13 Мария Сибилла Мериан (1647–1717).

14 Георг Эберхард Румф, или Rumphius (1627–1707), губернатор Молуккских островов.

15 Ян Йонстон (Jan Jonston, 1603–1675), европейский врач и естествоиспытатель.

- 127 Различные книги о флоре Саргассова моря.
- 128 Книга, в которой в полном соответствии с натурой очень красиво нарисованы все ост-индские рыбы из моря, омывающего берега острова Амбон.
- 129 Ост-индская книга с малайскими иероглифами и различными редкостями.
- 130 Ост-индская большая коробка для чая со снимающейся крышечкой, покрытая красным и белым лаком.

Конец

Приложение III

Список заказанных птиц из коллекции А. Себы, продаваемых на аукционе его наследниками в 1752 г. в Амстердаме¹

Л. 305

Птицы

Смотри во второй части Каталога²

Таблица 30. № 5.

[Таблица] 31 [№] 10

[Таблица] 36 [№] 6

[Таблица] 37 [№] 4

[Таблица] 38 [№] 6

[Таблица] 42 [№] 5 & 6

[Таблица] 45 [№] 3

[Таблица] 46 [№] 3

[Таблица] 51 [№] 7

[Таблица] 52 [№] 3

[Таблица] 57 [№] 3 и 4

[Таблица] 59 [№] 3, 4, 5

[Таблица] 60 [№] 1, 4, 5, 6, 7, 8

[Таблица] 61 [№] 4, 5

[Таблица] 62 [№] 3

[Таблица] 63 [№] 3 и 4

[Таблица] 65 [№] 2 и 3

[Таблица] 66 [№] 1, 2, 3, 5

[Таблица] 67 [№] 4 и 3

Всякия куриозныя гнезды и яйца. Разных сортов ост-индских и американских ма-линких птиц, что называют колибри и урисиис.

Подлинник. Приложен к Репорту ассессора Ивана Тауберта в Канцелярию Академии наук от 15 апреля 1752 г. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 164. Л. 305.

1 В издании книги на нидерландском языке в Приложении III опубликован документ, написанный И. Таубертом на немецком и частично на латинском языках: СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 164. Л. 303. Здесь публикуется его перевод на русский, выполненный в Канцелярии Академии наук в апреле 1752 г.

2 В списке перечислены иллюстрации (таблицы) с их номерами и номерами изображенных на них животных из второго тома каталога А. Себы: *Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam*. 8 vol. Amsterdam, 1734. Vol. 2.

Приложение IV

Список препаратов животных из коллекции Альберта Себы, купленных Императорской Санкт-Петербургской академией наук и художеств на аукционе 1752 г. в Амстердаме с указанием оплаченной стоимости

В аукционном каталоге¹ лишь в трех случаях указана другая, по сравнению с публикуемым ниже списком, цена. Она дана в квадратных скобках со звездочкой. Сравнение цен показывает, что Дитрих Шмидт действовал в ущерб не Академии наук, а самому себе. В квадратных же скобках мною указан номер изображения соответствующего животного в томе I Тезауруса². Номер таблицы и номер изображения взяты из аукционного каталога, где также даны ссылки на Тезаурус. Одна опечатка в номере таблицы в аукционном каталоге мною исправлена.

Л. 329

Перевод с фактуры, присланной из Амстердама от материалиста Дитриха Шмита о купленных им для Императорской Кунсткамеры зверях и птицах.

По определению Академии наук куплены мною из Себова натурального кабинета с публичного торгу нижеследующие звери и птицы и отправлены в Санкт-Петербург со шкипером Элртом Бодекером, а именно:

№ Себова каталога лист А		Гульдены	Штиверы
2	Щенок тигровой [Tab[ula] 48. No. 2]	f 42	
3	Американская лесная кошка [Tab. 30. No. 2]	f 36	
6	Тамандуа американская белая [указание на Tab. отсутствует]	f 20	
8	Филандер, американская самка с щенятами [Tab. 36. No. 2]	f 42	
12	Тамандуа мексиканская, называемая эксквипатель, или лисенок [Tab. 42. No. 2] [f12*]	f 10 ³	15

1 [Seba Albertus]. Catalogus van de uitmuntende cabinetten, met allerley soorten van ongemeene schoone gepolyste hoorns, dublet-schelpen, coraal- en zeegewassen; benevens het zeldzame en vermaarde cabinet van gediertens in flessen en naturalia, en veele raare anatomische preparaten van den professor Ruysch: als mede een verzameling van diverse mineralen, versteende zaaken, agaate boomsteenen, edele gesteentens, en verscheide andere rariteiten ... nagelaten door wylen den Heere Albertus Seba. Dewelke verkogt zullen worden door Th. Sluyter, J. Schut en N. Blinkvliet, den 14 April 1752 en volgende dagen ... te Amsterdam. [Amsterdam, 1752].

2 Seba A. Locupletissimi rerum naturalium thesauri accurata descriptio et iconibus artificiosissimis expressio per universam physices historiam. Amsterdam, 1734. Vol. I.

<i>Л. 329 об.</i>			
13	Американская лесная собака с долгими ушами [Tab. 30. No. 1] [<i>f</i> 20*]	<i>f</i> 12	
14	Горная кошка американская [указание на Tab. отсутствует] [<i>f</i> 16*]	<i>f</i> 20	
18	Пгневмом, или лисица цейлонская, по галлански квассие [указание на Tab. отсутствует]	<i>f</i> 18	10
26	Мышь полевая, виргинская белая [указание на Tab. отсутствует]	<i>f</i> 9	
31 ⁴	Армодил чешуйчатой, или диавол тасованской с острова Формозы [Tab. 53. No. 5]	<i>f</i> 31	10
34	Тамандуа американская бурая [Tab. 37. No. 3]	<i>f</i> 16	
39	Мышь американская лесная с щенятами [Tab. 31. No. 2]	<i>f</i> 13	
42	Тавоманской диавол, или муравейник из Гишпанской Остиндии [указание на Tab. отсутствует]	<i>f</i> 27	
44	Крайней конец хвоста дикобраза ост-индийского [Tab. 52. No. 2]	<i>f</i> 21	
+45	Собака летучая тернатская [Tab. 57. No. 1]		
46	Кошка летучая тернатская [Tab. 58. No. 3]		
+47	Жаба американская, со спины щенят выпускающая [указание на Tab. отсутствует]//	<i>f</i> 33	
<i>Л. 330</i>			
56	Тату, или армодил американской [указание на Tab. отсутствует]	<i>f</i> 30	10
57	Ящерица цейлонская с белыми крапинами и полосками [указание на Tab. отсутствует]		
+58	Норка белая с черным хвостом [указание на Tab. отсутствует]	<i>f</i> 17	
61	Негопырь американской с кошачей головою [Tab. 55. No. 2]		
+62	Такой же [Tab. 55. No. 1]	<i>f</i> 27	
65	Крот вергинской [указание на Tab. отсутствует]		
+66	Такие же два [указание на Tab. отсутствует]	<i>f</i> 12	
82	Обезьяна цейлонская [Tab. 47. No.1]	<i>f</i> 13	
85	Червь морской с зелеными и голубыми с радужными волосами [указание на Tab. отсутствует]		
+86	Ленивый американской, по-голландски лигулиарт [указание на Tab. отсутствует]	<i>f</i> 33	
96	Армодил африканской лесной [указание на Tab. отсутствует]	<i>f</i> 20	

3 (*f*12*)

4 Номера предметов, купленных сверх заказанного, выделены полужирным шрифтом.

105	Щенок ленивого [Tab. 33. No. 4]		
+106	Белка с черною спиною и белыми полосами, из Новой Гишпании [Tab. 47. No. 2]	<i>f</i> 17	
115	Собака летучая из Новой Гишпании [Tab. 56. No. 1]		
<i>Л. 330 об.</i>			
+116	Нетопырь американской с цветком на носу. [указание на Tab. отсутствует]		
+117	Ящерица индийская, легван называемая [указание на Tab. отсутствует]	<i>f</i> 37	
Лист «В» Себова каталога			
3	Две птицы райские цейлонские красно-бурые или каштанового цвета [указание на Tab. отсутствует]	<i>f</i> 12	5
39	Засушенные Армодил чешуйчатой Цейлонский [указание на Tab. отсутствует]		
+40	Дикобраз Остиндийской [указание на Tab. отсутствует]	<i>f</i> 29	
	Итого	<i>f</i> 599	10 шт.
	Дитрих Шмит		

Перевод с голландского. Рукой писца. [Апрель] 1752 г. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 164. Л. 329-330 об.

Приложение V

Список заказанных из Амстердама художественных материалов
для Академии наук в Санкт-Петербурге. 31 марта 1724 г.¹

Л. 201 об.

Спецификация.

Всевозможные виды красок, которые за счет Академии должны быть куплены в Голландии и посланы коммерческим советником и агентом Его Императорского Величества господином Ван ден Бургом. Санкт-Петербург, 31 марта 1724 г.

- 10 штук пергамента из неродившихся телят для писания красками, грунтованного свинцовыми белилами
- 2 тысячи кистей для акварели, от больших до малых, всех видов.
- 13 полу-треккеров² от самых больших до самых малых
купить у Ван Брея на канале Эхлантирсхрахт для юффрау Мериан.
- 2 тысячи карандашей.
- 20 фунтов свинцовых белил.
- 1 фунт гуммигута³.
- 1 фунт массикота⁴.
- 1 фунт киновари.
- 1 фунт лакмуса.
- 1 фунт очищенной испанской зеленой⁵.
- 1 фунт умбры.
- 1 фунт индиго.
- 4 фунта квасцов.
- 1 фунт гуммиарабика.
- 2 фунта судак (сумах?).
- 6 фунтов свинцового сурика.
- 1/4 фунта коншениля⁶.
- 1/2 фунта черной слоновой кости.

1 Документ на нидерландском языке. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 201 об. — 202. Перевод с нидерландского И.М. Михайловой.

2 Кисти для проведения линий или написания букв. (Прим. пер.)

3 Красновато-желтая, твердая и блестящая смола, добываемая из дерева Гарциния в Сиаме, служит для получения краски. (Прим. пер.)

4 Порошкообразная окись свинца, использовавшаяся как желтая краска. (Прим. пер.)

5 Ярь-медянка, зеленая краска, получаемая путем окисления меди. (Прим. пер.)

6 Красная краска, которая добывается из высушенных насекомых кошениль. (Прим. пер.)

- 1/4 фунта коричнево-красного [скипидара].
- 1/4 фунта зелени из сока [сок крушин].
- 4 лота шафранового⁷.
- 2 лота берлинской лазури.
- 1/2 лота ультрамарина.
- 1/2 лота кармина.
- 4 лота мастики⁸.
- 2 лота янтаря всех видов от серой золы до зеленого.
- 2 кипы почтовой бумаги.
- 6 – хорошей голландской бумаги.
- 2 – королевской бумаги⁹.
- 3 – медиан¹⁰.
- 2 фунта красного сургуча.
- 1 фунт черного того же.
- 1 фунт всевозможных эртеблаттен [?].
- 20 перьев.
- 300 книжек золотой фольги [листовое золото].

7 1 лот = 1/30 фунта. (Прим. пер.)

8 Смола мастикового дерева. (Прим. пер.)

9 Формат 50×65 см (Прим. пер.)

10 Бумага большего формата, чем обычно, от 40×53 см до 60 1/2×92 см. (Прим. пер.)

Приложение VI

Список монет и медалей, предложенных наследниками Якоба де Вильде
Петербургской академии наук для покупки¹Gazophilacium Jacobi de Wilde, 14 april 1722²(Сокровищница Якоба де Вильде, 14 апреля 1722)³

1.	Numismata aurea imperatorum (Золотые монеты императоров)	166.
2.	Signa Zodiaci aurea completa (Полный набор золотых знаков Зодиака)	12.
3.	Signa Zodiaci argentea (Серебряные знаки Зодиака)	11.
4.	Series Reges Syriae & Aegypti (Серия [монет] правители Сирии и Египта)	180.
5.	Nummi Consulares argentei (Серебряные монеты консулов)	489.
6.	Idem aurei (Те же медные) comprehendunt inter se 143 familias differentes (включают 143 различные семьи).	71.
7.	Series Imperatorum Romanorum argentei (Серия [монет] римских императоров, серебряные)	953.
8.	Series Imperatorum Romanorum aerei (Серия [монет] римских императоров, медные)	1373.
9.	Series Imperatorum Graecis inscriptionibus (Серия [монет] императоров с греческим надписями)	409.

1 Дети Де Вильде сохраняли коллекцию в полном составе в течение почти 20 лет, так как пытались продать ее как единое целое. Однако никаких серьезных предложений не поступало. Поэтому в 1740 г. они все же решили распродать ее на аукционе. Существует весьма объемный каталог, экземпляр которого хранится в Гааге в Государственном бюро художественных документов. Выручка от распродажи кабинета составила f 5.361.6. Дом Якоба де Вильде перешел впоследствии во владение издательской фирмы «Холкема и Варендорф». См.: *Eeghen I.H. van. De verzameling van Jacob de Wilde of het Museum Wildeanum op Keizersgracht 333 // Jaarboek Amstelodamum. 1951. No. 38. P. 91.*

2 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 105.

3 Здесь и далее в этом приложении перевод на русский язык указан в круглых скобках, дополнения от переводчика — в квадратных скобках. Перевод с лат. М.Л. Сергеева.

<i>Приложения</i>	331
10. <i>Selecta Numismata Jacobi de Wilde publicata</i> (Избранные монеты Якоба де Вильде, опубликованные)	150.
11. <i>Numismata Arabica Samaritana etc</i> (Монеты арабские, самаритянские и др.)	39.
12. <i>Numismata Geographica plurima Graecis inscriptionibus</i> (Многочисленные географические монеты с греческими надписями)	
13. <i>Medalliones argentei Graecis inscriptionibus</i> (Большие серебряные медальоны с греческими надписями)	58.
14. <i>Etiam aliae</i> (И другие)	32.
15. <i>Reges Macedonum et alii aerei Graeci</i> (Македонские цари и другие медные греческие [монеты])	72.
16. <i>Gemmae selectae Jacobi de Wilde publicatae</i> (Избранные драгоценности Якоба де Вильде, опубликованные)	188.
17. <i>Dito plurimis auctae</i> (Такие же с прибавлением многих [других])	455.
18. <i>Etiam diversae rarissimae</i> (И еще разнообразные, редчайшие)	26.
19. <i>Signa antiqua Jacobi de Wilde publicata</i> (Древние изображения Якоба де Вильде, опубликованные)	60.
20. <i>Aucta marmoribus sacrificio Priapi rarissimo</i> (к которым прибавлены мраморные; с редчайшим [изображением] жертвоприношения Приапу)	1.
21. <i>Eodem alio modo sacrificio</i> (С похожим жертвоприношением, но другим)	1.
22. <i>Jove cygno, Laedae obstetricis vice fungenti cum Castor et Pollux par</i> (С Юпитером-лебедем, помогающем Леде при рождении Кастора и Поллукса)	1.
23. <i>Izaci benedictione in Jacobum</i> (Благословление Иакова Исааком)	1.
24. <i>Idola Cinensia diversa</i> (Различные китайские идолы)	
25. <i>Varia alia signa</i> (Разные другие фигурки)	

Приложение VII

**Инструменты, заказанные у Яна ван Мушенбрука в Лейдене
для проф[ессора] Бюльфингера
в Санкт-Петербурге по книге Гравезанда¹**

(Л. 332)

8 марта 1726 г. Господину Мушенбруку

Я помню, когда я имел честь быть у Вас, Вы сказали мне, что для [заказа] недостающих машин и приборов, которые находятся в книге господина // (Л. 332 об.) Гравезанде, нужно отметить [номера] таблиц и фигур. Господин Бюльфингер, профессор физики, так и сделал. Я прошу Вас все сделать согласно его пометам и передать в руки господина Ван дер Бурга, коммерц-советника и агента Его Величества Российского Императора, и получить деньги, которые записаны за Академией наук.

Том 1

Tab. 1. fig. 6. 7. et 5.

Tab. 2. fig. 1 cum omnibus eo pertinentibus sic tamen ut plura quam duo vitra sibi super imponi possint mittantur si haberi possint, set <sic!> eiusmodi vitra ad minimum (рис. 1. со всем сюда относящимся (но так, чтобы больше двух стекол могли быть поставлены друг на друга) пусть будут присланы, если имеются, но такого рода стекла — по меньшей мере)².

fig. 4. cum pondusculis (с гирьками).

Tab. 3. fig. 5. 6.

Tab. 4. fig. 5.

6. fig. 2. 3. 4. 5. 7. 9.

5. fig. 3. 4. 5. 7 — // (Л. 333).

Tab. 7. fig. 1. et 2. Hoc est exactu[s] bilanx sed sine Magnete (рис. 2: то есть точные весы, но без магнита).

7. fig. 4 sed ita ut brachiu[m] B sit longius, quo globus possit impingere, in distantia dupla, tripla quadrupla. Praestaret igitur duplicis generis juga facere, unum quale est in libro, et unum uti hic pr[ae]sentatur: [ил. в рукописи] ead. (но так, чтобы коромысло B было длиннее, так чтобы на него мог быть брошен (?) шар, на двойном, тройном, четверном расстоянии. Таким образом, предпочтительнее было бы сделать коромысла двух сортов — такое, как в книге, и такое, как здесь изображено).

1 И.Д. Шумахер Я. ван Мушенбруку. Санкт-Петербург. 8 марта 1726 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 332–333 об. Копия.

2 В круглых скобках перевод с латинского языка, выполненный М.Л. Сергеевым.

Таб. 7. fig. 7.

8. fig. 6.

9. integra (полностью).

10. aliq[uo]t globuli simpli dupli, tripli et sexdupli (несколько шариков простых, двойных, тройных и двенадцатикратных (?).

12. fig. 1.

13. fig. 8 cum pluribus cochleis & pondusculis (с многочисленными блоками и гирьками).

14. fig. 4 & vectes incurvi sub angulo 30 grad. ex fig. 8 (рис. 4. и рычаги, согнутые под углом 30 градусов, из рис. 8).

15. fig. 4.

16. fig. 1.

17. fig 1, 6.

18. fig 1, 7, 8.

19. integra (полностью).

20. integra (полностью).

21. 22. 23. // (Л. 333 об.).

Tab. 24.

26. fig. 6.

29. fig. 5.

32. fig. 2, 3, 4.

33. fig. 3 et q[ui]dem utrum in duplo (и притом обоих по два).

Том 2

[Tab] 13. ubi non addita sunt figura tabula- / rum hic nominatarum ibi intelligitur ut omnia mittantur quae ad totum apparatus illorum / experimentorum pertinent.

Том 2

Tab. 3. integra (полностью) 4, 5, 6, 7, 8, 9. fig. 1. et 4. 11. fig. 4. 12. fig. 3. 15, 16, 17, 18.

[Tab] 13. NB ubi non additae sunt figurae tabularum hic nominatarum ibi intelligitur ut omnia mittantur quae ad totum apparatus illorum experimentorum pertinent. (Внимание! Там, где не прибавлены [номера] изображений в названных таблицах, имеется в виду, что должно быть прислано всё, что относится к устройению соответствующих экспериментов.)

Приложение VIII

[Иоганн Даниэль Шумахер]. Краткое известие о Академии наук и учреждении Библиотеки и Кунсткамеры // Палаты Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей, сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб., 1744. С. 13–25¹.

Чертеж V

План Императорской Библиотеки и Кунсткамеры

А. Сени.

I – XI. Лестницы.

В. С. D. Магазин с книгами академической печати.

Е. F. Переплетная палата.

Г. Палата для унтер-библиотекаря.

Шкаф 1.

Каталоги книгам, в Императорской библиотеке находящимся.

Шкаф 2

Каталоги всем вещам, находящимся в Императорской Кунсткамере.

Шкаф 3

Журналы, содержанные при Императорской Библиотеке и Кунсткамере, и другие до наук касающиеся записки.

Шкаф 4

Разные о чужестранных библиотеках и кунсткамерах собранные каталоги.

Н. Первая часть библиотеки, в которой

Шкафы от 1 до 5

Книги, содержащие историю о науках.

Шкафы 7–11

Книги философские древние и новые

Шкафы 6–8–9–10

Писатели о натуральных и народных правах, также нравоучительные и политические книги.

Шкафы 12–13

Книги математические вообще.

Шкафы 14–17

Книги грамматические и лексиконы.

Шкафы 18–21

Книги критические и различного содержания.

Шкафы 22–23

Писатели о древностях и монетной науке.

¹ При публикации текста орфография, грамматические формы и пунктуация приведены в соответствии с современными нормами русского языка. Исключение составляют имена собственные и термины, которые публикуются в соответствии с текстом XVIII в.

Шкафы 24–25

Книги ораторские, риторические и сочинятели всяких писем.

Шкафы 26–28

Стихотворцы латинские, немецкие, французские, греческие и другие.

Шкафы 29–31

История универсальная, хронология и география.

Шкафы 32–34

История церковная.

Шкафы 35–36

История греческая, древняя персидская и константинопольская.

Шкафы 37–38

История римская, древняя и новая.

Шкафы 39–40

История Немецкого государства и писатели о публичных правах

Римской империи в Германии.

Шкафы 41–42

История о Португалии, Гишпании и Италии.

Шкаф 43

История о Франции.

Шкаф 44

История о Великой Британии.

Шкаф 45–46

История о Нидерландах.

I. Палата для библиотекаря.

Шкаф 1

Книги рукописные, греческие и латинские.

Шкафы 2 и 3

Книги рукописные, французские, немецкие и проч.

Шкаф 4

Книги рукописные арабские, татарские, персидские, турецкие и проч.

K. Палата для переводчиков.

L. M. N. O. Канцелярия.

P. Вторая часть библиотеки.

Шкафы от 1 до 8

Книги медицинские, анатомические, хирургические, аптекарские и химические.

Шкафы 9–11

Писатели истории натуральной.

Шкафы 12–14

Описание путешествий и прочих трех частей света.

Шкафы 15–19

Книги юридические.

Шкафы 20–22

Книги церковные.

- Q. Камера с книгами и грьдорованными фигурами академической печати.
 R. Дуплеты и неполные книги.
 S. Т. Смешенные и заповедные книги.
 V. Камера для экспериментов оптических и других, касающихся до разных свойств солнечного света и цветов.
 W. Третья часть библиотеки.

Шкафы 18–19

История Северных стран.

Шкаф 17

Книги генеалогические и геральдические.

Шкаф 16

Книги о художествах, экономии, содержании садов и огородов, земледельстве и проч.

Шкаф 15

Архитектура воинская, артиллерия и воинские экзерциции.

Шкафы 12–14

Всякие грьдорованные фигуры; рисовальное, живописное и токарное художество; наука, символическая; архитектура гражданская и корабельная; гномоника, оптика, механика, гидраулика и проч.

Шкафы 9–11

Атласы и книги топографические.

Шкаф 8

Книги арабские, турецкие, персидские и другие подобные.

Шкафы 5–7

Книги китайские.

Шкаф 4

Книги российские, академической печати.

Шкафы 1–3

Книги российские печатные, церковные и гражданские, прежней печати.

Шкафы 20–22

Книги российские рукописные: и церковные, и гражданские.

X. Большой Готторпский глобус.

Шкаф 1 до 11.

Всякие инструменты геометрические и оптические, солнечные часы, зажигательные зеркала, глобусы, сферы, корабельные, крепостные и разных машин модели и другие тому подобные вещи.

Y. Нижняя астрономическая обсерватория.

Z. Верхняя большая обсерватория.

AA. Самая верхняя меньшая обсерватория.

BB. Галерея, на которой хранятся всякие художественные и редкие вещи, а именно:

Шкаф 1–3

Всякие из воску и гипсу сделанные портреты, статуи и другие фигуры.

Шкафы 4–8

Всякие резной и токарной работы вещи из дерева, камня и кости.

Шкафы 9–10

Платье сибирских и других в России обретающихся народов.

Шкаф 11

Платье китайское, турецкое и проч.

Шкафы 12–14

Шаманское платье, бубны и идолы язычных в России и Сибири народов.

Шкафы 15–17

Китайские и другие идолы, статуйки и подобные сему резной работы вещицы из дерева, камня и меди.

Шкафы 18–19

Всякие азиатских народов сосуды, уборы и другие подобные вещи

Шкафы 20–22

Собрание разных курioзных и достопамятных вещей древних и нынешних времен.

СС. DD. Запасные камеры со всякими художественными и курioзными вещами.

ЕЕ. FF. Всякие в России собранные натуральные вещи.

GG. HH. II. Токарные машины со всеми ко оным принадлежащими инструментами блаженной и вечнодостойной памяти Государя Императора ПЕТРА ВЕЛИКОГО, при чем в особливом шкафу хранятся несколько штук собственной Его Величества работы.

KK. Его Императорского Величества из воску сделанной портрет на троне, означенном ном[ером]: 1, а по сторонам в шкафах под ном[ерами] 2 и 3 платье, которое было на Его Величестве в день Полтавской баталии, также шпага, шпонтон и некоторые другие достопамятные вещи.

LL. Зала, в которой хранятся животные четвероногие, птицы и травы.

В середине залы и в шкафах 15–22

Животные четвероногие, большие и малые, и притом несколько уродов.

Шкафы 4–8

Разных родов птицы, также и их яйца и гнезда.

Шкафы 9–10

Травник Руйшиев, Турнефортовым порядком расположенный.

Шкаф 11

Внизу

Травы, собранные адъюнктом Штеллером около Иркутска, также и доктора Гмелина первое и второе собрание всяких трав, и часть третьего.

Шкаф 12

Внизу

Остальные травы доктора Гмелина, третьего собрания; также и травы, собранные от Гейнцелмана около Оренбурга и около Самары по Волге.

Шкафы 9–14

Вверху

Всякие в море растущие вещи, яко корольки и проч.

Шкафы 1–3

Всякие семена трав, в лекарствах употребляемых.

ММ. Проход к театру анатомическому.

Шкафы 1–8

Мамонтовые и другие кости и разных зверей рога, также и несколько скелетов.

Шкафы 9–11

Китовые кости.

Шкафы 12–19

Скелеты или собранные кости разных животных четвероногих.

NN. Театр Анатомический.

Шкаф 1–12

Всякие препараты, учиненные при театре Анатомическом.

Каморки отгороженные 13–15

В оных работает прозектор и его помощники, притом же находятся инструменты анатомические и прочие к тому принадлежащие припасы.

ОО. Зала, в которой хранятся привезенные из Голландии славного доктора Руйша препараты анатомические, также всяких родов рыбы и гады, а именно:

Наружные шкафы 1 и 2 содержат

Разделение первое о коже.

Шкаф 3

Разделение второе о миологии, или мускулах и мускульных жилах.

Шкафы 4 и 5

Разделение третье о мозге.

Шкаф 6

Разделение четвертое о чувствах.

Шкаф 7

Разделение пятое о легком и сердце.

Шкафы 8 и 9

Разделение шестое о желудке, внутренних и прочих к тому надлежащих частях.

Шкаф 10

Разделение седьмое о печени, селезенке и рубцах.

Шкаф 11

Разделение восьмое о почках и уринном пузыре.

Шкаф 12

Разделение девятое о мужеских детородных частях.

Шкаф 13

Разделение десятое о женских детородных частях.

Шкаф 14

Разделение одиннадцатое о матичной печени и сорочках.

Шкафы 15 и 16

Разделение двенадцатое о зародах и недоношенных младенцах.

Шкафы 17 и 18

Разделение тринадцатое об уродах и больных частях человеческого тела.

При том же в пристойных местах между шкафами, в самых шкафах поставлены большие и малые скелеты или собранные человеческие кости.

Внутренние шкафы 7-8

Лягушки и живописные черепокожные.

Шкафы 1-24-23-22-21-20

Всяких родов ящеры.

Шкафы 12-13-14-15-16-17-18

Змеи.

Шкафы 2-3-4-5-9-10-11

Рыбы.

Шкафы 6 и 19

Всякие гады.

PP. QQ. RR. Минеральный кабинет.

Шкаф 1

Разного роду земли и глины, также кизи, купорос, квасцы, сера, смола, кобальт и проч.

Шкаф 2

Марказиты и бисмуты, нашатырь, аурипигмент, соль и оловянные руды.

Шкаф 3

В середине

Модель рудокопного завода.

В левой стороне.

Киноварные руды.

В правой стороне.

Золото и золотые руды.

Шкаф 4

Медные руды.

Шкаф 5

Свинцовые и серебряные руд.

Шкаф 6

Железные руды.

Шкаф 7

Дорогие камня, мраморы и ентарь.

Шкаф 8

Всякие большие и необделанные камня.

Шкафы 9-10

Окамененная вещи и камни, во внутренних у разных животных найденные.

Шкаф 11

Горные хрустали и машки, в которых рождаются дорогие камни.

Шкафы 12-16

Разные в России найденные медные железные и другие руды и камни.

Шкаф 17

Кабинет с раковинами, а по сторонам два грота из морских камней, трав и раковин, искусно составленные.

SS. Минц-Кабинет.

Шкаф 1

Древние греческие и римские медали и монеты.

Шкафы 2–3

Деньги и медали российские и прочих европейских государей,
республик, городов, знатных мужей и проч.

№: 4

Ящик с медными медалями французского короля Людовика XIV от 1638 по 1700 г.,
сделанные по инвенциям Французской академии надписей и изрядных наук
чрез Можера² и других медальеров.

Шкаф 5

Медали всех римских пап от самого начала до Климента XI. Лауферовой³ работы.

Шкаф 6

Монеты пунические, готские, еврейские, индийские и проч.

Шкаф 7

Монеты арабские и татарские.

Шкаф 8

Монеты персидские, турецкие, древние арабские и проч.

ТТ. Всякие курioзные и дорогие вещи из золота, серебра и дорогих камней.

№: 1

Ящик японской из слоновой кости весьма искусной работы, в котором несколько
древних татарских и персидских золотых кинжалов с дорогими камнями,
также золотые поручни, ожерелья, диадемы и конские уборы.

№: 2

Шкаф, в котором всякие древние татарские сосуды, изображения разных животных
и другие домовые вещи и уборы из золота и серебра с дорогими камнями,
найденные в могилах, так как и вышеозначенные.

№: 3

Шкаф, в котором также всякие дорогие вещи из золота и серебра как, например,
стаканы, чаши и другие подобные сосуды, при том же и ключи разных
завоеванных городов.

№: 4, 5, 6

Три ящика из слоновой кости с разными золотыми и другими вещицами,
также и всякими на дорогих камнях вырезанными фигурами.

УУ. Камера, в которой

№: 1

Английской кабинет Государя Императора ПЕТРА ПЕРВОГО с живописными
картинами миниатюрной работы.

№: 2

Книги, в которых содержатся рисунки всем в Кунсткамере находящимся вещам.

2 Може Жан (Moger Jean, 1648–1722), французский медальер.

3 Лауфер Каспер Готтлиб (Laufer Casper Gottlieb), нюрнбергский медальер и монетчик.

№: 3

Книги с фигурами, водяными красками писаными.

№: 4 и 5

Два ящика из черного дерева изрядной работы, из которых в одном полевая аптека с серебряными и позолоченными сосудами, а на другом снаружи изображены изрядные ландшафты.

Чертеж VI

Фасад Императорской библиотеки и Кунсткамеры на восток.

Чертеж VII

Профиль Библиотеки и Кунсткамеры на восток

Чертеж VIII

А. Фасад Библиотеки и Кунсткамеры на полдень.

В. Профиль Библиотеки на полночь.

С. Профиль Кунсткамеры на полдень.

Чертеж IX

Профиль второй залы с курioзными вещами в первом апартаменте.

А. Шкафы с анатомическими вещами доктора Руйша.

В. Шкафы, в которых хранятся всякие рыбы, ящерицы и инсекты.

Чертеж X

Профиль галереи и первой залы с курioзными вещами во втором апартаменте на восток.

Чертеж XI

Профиль Кунсткамеры на полдень.

Чертеж XII

Перспективный вид Библиотеки, второго и третьего апартаментов.

Именной указатель

- Аа Пьер (Питер) ван дер (1659–1733), нидерландский издатель и книготорговец 17, 20, 201, 202, 220, 221, 234, 270
- Аврамов Михаил Петрович (1681–1752), дьяк Оружейной палаты с 1702; директор Санкт-Петербургской типографии (1711–1721; 1724–1727) 38, 184
- Александр Великий (Македонский) (356–323 до н.э.), полководец; македонский царь с 336 г. до н.э. 27, 55, 195, 217
- Алексеева Мария Андреевна (1930–2011), историк искусства 225
- Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь с 1645 26, 27, 29, 76, 81, 165
- Алексей Петрович (1690–1718), царевич, сын Петра I 109, 152, 153, 168
- Альбинус Бернард Зигфрид (Bernhard Siegfried Albinus, 1697–1770), немецкий анатом; почетный член Петербургской академии наук¹ с 1753; член Лондонского королевского общества с 1764 265
- Альдروванди Улисс (Улиссе) (Ulisse Aldrovandi, 1522–1605), итальянский врач, натуралист, основатель ботанического сада в Болонье 42, 46, 47, 172, 322
- Амман Иоганн (Johann Amman, 1707–1741), ботаник; член Лондонского королевского общества (1731), профессор ботаники и натуральной истории Петербургской академии наук с 1733 17, 253, 254
- 1 С 1724 г. по настоящее время Академия наук в России неоднократно меняла свое название: Академия наук и художеств (1724–1803), Императорская Академия наук (1803–1836), Императорская Санкт-Петербургская академия наук (1836–1917), Российская академия наук (1917–1925), АН СССР (1925–1991), Российская академия наук с 1991 г. До 1917 г. Академию наук часто называли Петербургской. Следуя сложившейся традиции, в указателе мы будем называть Академию наук периода 1725–1917 гг. Петербургской.
- Амман Иоганн Конрад (Johann Conrad Amman, 1669–1724), голландский врач; педагог глухонемых 17, 253, 254
- Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959), историк, археограф, архивист 20, 62, 142, 159, 210, 212, 214–218, 223
- Апраксин Федор Михайлович (1661–1728), граф; генерал-адмирал (1708) 74
- Арескин (Эрскин) Роберт Карлович (Robert Erskine, 1674/77–1718), врач; доктор медицины и философии Оксфордского университета; член Лондонского королевского общества (1703); на русской службе с 1704; домашний врач А.Д. Меншикова с 1706, лейб-врач Петра I с 1714, президент Аптекарского приказа, архивист с 1716 I, 16–18, 24, 54, 59, 64, 66, 69–77, 78, 82–90, 92–116, 131–133, 136–154, 157, 158, 164–190, 192, 193, 194, 216, 256, 270–276, 279, 280
- Аристотель (384–322 до н.э.), древнегреческий философ 31–33, 44, 50, 55, 217
- Артеди Петер (Петрус) (Peter Artedi, 1705–1735), шведский натуралист; один из основоположников научной ихтиологии 48, 257
- Астахова (Торицына) Екатерина Игоревна, переводчик с нидерландского 23, 121
- Базарова Татьяна Анатольевна, историк 175
- Байер Готлиб (Геофил) Зигфрид (Gottlieb (Theophil) Siegfried Bayer, 1694–1738), историк, филолог, востоковед; профессор по кафедре греческих и римских древностей Петербургской академии наук с 1725 230
- Бакланова Наталья Апполинарьевна (1891–1977), историк 142, 159
- Бакмейстер Иван Григорьевич (Johann Vollrath Bacmeister, 1732–1788), писатель, историк; коллежский ассессор; в России с 1755; адъюнкт Петербургской академии наук, унтер-библиотекар; выполнял работы при Библиотеке и Кунст-

- камере с 1756 16, 138, 146, 155, 193, 250, 264, 305
- Балсигер Барбара, см. Balsiger Barbara Jeannne
- Бас Дирк (Dirk Bas, ум. 1709), член Амстердамского магистрата 37
- Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950), историк, член-корр. АН СССР с 1939 72
- Бейль Пьер (Pierre Bayle, 1647–1706), французский философ 31, 182
- Бейс Виллем (Buys Willem, 1661–1749), таможенный чиновник 150
- Беккер Бальтазар (Balthasar Bekker, 1634–1698), голландский протестантский богослов, философ 33
- Беккер Б.Б. (Bekker В.В.), нидерландский историк 118, 156, 165
- Беллекин Корнелис (Cornelis Bellekin, работал между 1650–1700), художник, гравер 68
- Бентли Ричард (Richard Bentley, 1662–1742), английский богослов, филолог-классик 181
- Бер, аптекарь 94
- Беркель К. ван, см. Berkel Klaas van
- Бернажи Петрус (Petrus Bernagie, 1656–1699), нидерландский врач, профессор анатомии Atheneum Illustre в Амстердаме 76
- Бернулли Даниил (Daniel Bernoulli, 1700–1782), физик, механик, математик, профессор математики с 1727, иностранный почетный член Петербургской академии наук с 1733 218, 224, 243, 244
- Бернулли Иоганн (Johann Bernoulli, 1667–1748), швейцарский математик, механик, филолог-классик 218, 243
- Бернулли Николас II (1695–1726), швейцарский математик, профессор механики в Петербургской академии наук с 1725 218, 224, 243
- Берхгольц Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm von Bergholz, 1699–1765), камерюнкер, член Голштинского посольства в Россию (1721–1727) 74
- Беспярых Юрий Николаевич, историк 30, 103, 161, 194, 195, 251, 252
- Бидлоо Ламберт, аптекарь, отец Николааса Бидлоо 50
- Бидлоо Николаас (Nicolaas Bidloo, 1673/4–1735), нидерландский врач; с 1703 работал в Москве в качестве личного врача Петра I; по его проекту в Москве в 1707 были открыты госпиталь и первая в России госпитальная врачебно-хирургическая школа 50, 82, 228, 229, 236, 242
- Билс Луи де (Louis de Bils, 1624–1669), нидерландский анатом 124
- Биньон Жан-Поль (Jean-Paul Bignon, 1662–1743), аббат, королевский библиотекарь, президент Французской академии наук 77, 146, 147, 187, 203, 221
- Бион Николя (Nicolas Bion, 1652–1733), французский физик; автор руководства по экспериментальной физике и учебника по использованию астрономических инструментов, мастер по изготовлению научных инструментов 221
- Блюментрост (Блументрост) Лаврентий Лаврентьевич (Laurentius Blumentrost, 1692–1755), доктор медицины с 1714, лейб-врач царевны Натальи Алексеевны (1714–1716), лейб-врач Петра I с 1718, заведующий Императорской Библиотекой и Кунсткамерой с 1718, президент Петербургской академии наук (1725–1733) I, 16, 24, 54, 59, 74, 76–78, 104, 137–144, 146, 164, 167, 168, 187–193, 199, 201, 203–205, 209, 210, 212–221, 223, 225–227, 231, 253, 271, 274, 275, 277, 279, 280
- Блюментрост Иоганн Деодат (Иван Лаврентьевич) (Johann Deodat Blumentrost, 1676–1756), доктор медицины с 1702, гоф-врач при Петре I, лейб-врач царицы Екатерины Алексеевны с 1707, архиатр, президент Медицинской канцелярии (1721–1730); действительный статский советник с 1722 187–191, 197, 199, 204
- Боброва Елизавета Ивановна (1898–1976), филолог, библиограф 38, 236
- Богословский Михаил Михайлович (1867–1929), историк, академик АН СССР с 1921 31, 83
- Бодиско Хендрик Питерсзон (Bodisco, Hen. Pietersz.), нидерландский купец, торговавший в Москве 102, 104, 189

- Бойль Роберт (Robert Boyle, 1627–1691), англо-ирландский физик, химик, богослов 35, 53
- Бок Иеронимус (Hieronymus Bock, 1498–1554), немецкий ботаник, лейб-врач 45
- Боом Теодор (Boom Theodorus), амстердамский издатель 126
- Боом Хенрик (Boom Henric), амстердамский издатель 126
- Боонен Арнольд (Arnold Boonen, 1669–1729), нидерландский художник, учитель русского художника Андрея Матвеева 207, 211
- Борель Якоб (Jacob Boreel, 1630–1697), нидерландский дипломат, бургомистр Амстердама; глава голландского посольства в Россию в 1664–1665 26
- Босс Валентин, см. Boss Valentin
- Ботс И., член Ордена иезуитов 36
- Боэ Сильвий Франц де ле (François de le Voë Sylvius, 1614–1672), голландский врач, анатом, химик 67, 120
- Бранд Хенниг (Hennig Brand, ок. 1630 — ок. 1710), немецкий алхимик; в 1669 открыл фосфор 86
- Брантс Кристоффель ван (Christoffel Brants, 1664–1732), купец; в России с 1704; в 1717 получил дворянское звание от Петра I; в 1717–1732 российский резидент в Амстердаме (1717–1732); с 1728 по 1731 единственный представитель России в Нидерландах 78, 79, 87, 104, 133, 137, 144, 189, 190, 205, 210, 274, 279
- Браун, английский моряк 73, 175, 176
- Брей ван, владелец магазина в Амстердаме 223, 328
- Бренева Ирина Владимировна (1946–1995), историк науки 264
- Бри Йоханн Теодор де (Johann Theodor de Bru, 1561–1623), гравёр, издатель 47
- Брикнер Александр Густавович (1834–1896), историк 152
- Брунфельс Отто (Otto Brunfels, ок. 1488–1534), немецкий ботаник, городской врач в Берне 45
- Брюин Корнелис де (Cornelis de Bruijn (Bruyn), 1652–1727), нидерландский художник, писатель, путешественник 69–72
- Брюс Питер Генри (Peter Henri Bruce, 1692–1757), шотландец; военный, на русской службе с 1710 69, 162
- Брюс Яков Вилимович (James Daniel Bruce, 1669–1735), граф с 1721; русский государственный деятель, военный, дипломат, инженер и ученый 31, 38, 59–64, 73, 162, 176, 227, 230, 235, 243
- Буксбаум Иоганн Христиан (Johann Christian Vuxbaum, 1693/4–1730), ботаник, профессор Петербургской академии наук (1725–1729) 210, 223, 231, 253
- Бург ван ден Йоханесс (Johannes van den Burgh, ок. 1670–1731), нидерландский купец; с 1703 русский агент в Амстердаме 151, 197, 204, 205, 207, 210–212, 226, 227, 262, 279, 328, 332
- Бургаве Герман (Herman Boerhaave, 1668–1738), нидерландский врач, химик, ботаник 16, 24, 33, 34, 53, 65, 67, 124, 132, 139, 178, 202, 219, 220, 227, 229, 253
- Бурман Йоханнес (Johannes Burman, 1706–1779), нидерландский ботаник, врач, почетный член Петербургской академии наук с 1776 51, 265
- Быховский Израиль Адольфович, историк 30
- Бэкон Фрэнсис (Francis Bacon, 1561–1626), английский политик, философ, историк 44, 45, 51, 57, 60, 62, 64, 180, 271
- Бюльфингер (Бильфингер) Георг Бернхард (Georg Bernhard Bilfinger, 1693–1750), физик, математик; профессор экспериментальной и теоретической физики с 1726, иностранный почетный член Петербургской академии наук с 1731 218, 227, 332
- Бюффон Жорж-Луи Леклерк, граф де (Georges-Louis Leclerc, Comte de Buffon, 1707–1788), французский натуралист; с 1739 интендант Королевского ботанического сада в Париже 192, 193, 278
- Ваалс Ян ван дер, см. Waals Jan van der
- Вайдитц Ханс (Hans Weiditz, ок. 1495–1536), немецкий художник 45
- Вайзе Каспар (Caspar Weise), нидерландский хирург, в России с 1697 85, 86

- Вайсберг ван (Waesberge), нидерландский издатель и книготорговец 227, 230, 270
- Валентини Михаэль (Michael Bernhard Valentini, 1694–1728), немецкий врач, естествоиспытатель 169
- Валкенир Корнелис (Cornelis Valckenier, 1640–1700), бургомистр Амстердама с 1696 по 1699 37
- Вальтен Эрикус (Ericus Walten, 1663–1697), нидерландский мыслитель, памфлетист 34, 37
- Вальхаузен Якоби фон (Johann Jacobi von Wallhausen, 1580–1627), немецкий военный, советник Маурица Оранского, автор книги «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», изданной в Москве в 1647 27
- Вандербек (Шенд-фон-дер-Бех, Вандербех, Фан-дер-Бех, Фандербек) Михаил (Michael Schend von der Bech), нидерландский врач; доктор медицины и философии Падуанского университета; начальник военных госпиталей Петербурга с 1723 30
- Везалий Андреас (Andries van Wesel, лат. Andreas Vesalius, 1514–1564), нидерландский врач; основоположник научной анатомии 45, 46
- Вейланд Агнес (Agnes Weyland), аптекарь 65
- Вейн Хендрина, сестра жены Якоба де Вильде 84
- Вейн Яап ван дер, см. Veen Jaap van der
- Вейтбрехт Иосия (Josias Weitbrecht, 1702–1747), анатом, физиолог, врач; адъюнкт по физиологии с 1725, профессор физиологии Петербургской академии наук с 1731 254
- Велувенкамп Ян Виллем, см. Veluwenkamp Jan Willem
- Веттевогел Ян Питерс (Jan Pietersz. Vettevogel), голландский шкипер 102, 151, 153, 167
- Вилинбахов Георгий Вадимович, историк 23, 76, 143, 175, 206, 229, 261, 263
- Вильгельм III Оранский (Willem III, 1650–1702), статгальтер Республики Нидерландов с 1672, король Англии и Шотландии с 1689 14, 20, 21, 34
- Вильгельм (Виллем) V (Willem V, 1748–1806), последний статгальтер Республики Нидерландов (1751–1795) 48, 68
- Вильде Мария де (Maria de Wilde, 1682–1729), нидерландская художница, поэтесса; дочь Якоба де Вильде 135
- Вильде Якоб де (Jacob de Wilde, 1645–1725), нидерландский купец, занимал высокий финансовый пост в Адмиралтействе Амстердама, коллекционер 84, 134, 135, 139, 201, 202, 204–206, 241, 280, 330, 331
- Виниус Андрей Андреевич (1641–1717), думный дяк; служил в Посольском приказе; возглавлял Сибирский и Артиллерийский приказы 82, 178–180
- Виноградов Юрий Абрамович (1931–2015), историк, архивист 225
- Винсент Левинус (Levinus Vincent, 1658–1727), нидерландский купец, коллекционер 109, 117, 134, 159, 202, 241, 269, 273
- Виссер Якоб Паулс, голландский шкипер 92, 108
- Витсен Николаас (Nicolaas Cornelisz. Witsen, 1641–1717), нидерландский купец, государственный деятель, любитель искусств и наук 26, 27, 37, 42, 47, 48, 50, 60, 64, 82, 126, 148, 156, 241, 251
- Витт Ян де (Johan de Witt, 1625–1672), голландский государственный деятель; адвокат, математик 31, 33
- Волдер Бурхард де (Burcher de Volder, 1643–1709), голландский физик, математик 53
- Вольтер (Voltaire, имя при рождении Франсуа-Мари Аруэ, 1694–1778), французский просветитель; историк, публицист, писатель, поэт 54
- Вольф Каспар Фридрих (Caspar Friedrich Wolff, 1734–1794), эмбриолог; профессор анатомии и физиологии Петербургской академии наук с 1767 265
- Вольф Христиан (Christian Wolff, 1679–1754), немецкий математик, философ 35, 124, 196, 206, 207, 217, 218
- Ворм Оле (Olaus Worm, 1588–1654), датский ученый; эмбриолог, археолог, коллекционер 170, 171
- Воронихина Анна Николаевна, историк искусства 158, 167

- Вортман Христиан Альберт (Christian Albert Wortmann, 1680–1760), гравер; в России с 1728; руководитель Гравировальной палаты Петербургской академии наук (1728–1731; 1735–1744) 230
- Восмар Арнаут (Arnout Vosmaer, 1720–1799), коллекционер; до 1795 хранитель коллекций статгальтера Вильгельма V 48
- Вриз Иохан де (1633–1708), купец, торговавший с Италией; четвертый бургомистр Амстердама 126
- Вьессан Раймон де (Raymond de Vieussens, 1635/41–1715/16), французский анатом 124
- Гагарин Матвей Петрович (ок. 1659–1721), государственный деятель, первый губернатор Сибири (1708–1719) 103, 183, 184
- Гален (129 или 131 — ок. 200 или 217), римский (греческого происхождения) врач 45
- Галилео Галилей (Galileo Galilei, 1564–1642), итальянский астроном, основатель экспериментальной физики; сторонник гелиоцентрической системы мира 32, 37, 38
- Галлей Эдмунд (Эдмонд) (Edmond Halley, 1656–1742), английский королевский астроном 62, 244
- Гарвин Томас (Thomas Garwin, 1690–1766), шотландский врач, хирург при петербургской больнице 72, 182
- Гаубиус Иероним Давид (Hieronimus David Gaubius, 1705–1780), нидерландский врач, почетный член Петербургской академии наук с 1754 65
- Гейнзиус Готфрид (Gottfried Heinsius, 1709–1769), математик, профессор астрономии (1736–1744), почетный член Петербургской академии наук с 1745 222, 264
- Гейнцельман Гебхард Вернер (Gebhard Werner Heinzemann), натуралист; в 1734 участник Оренбургской экспедиции И.К. Кириллова 253
- Гелдерен Йост ван, филолог-классик, переводчик Плиния на нидерландский язык 263, 264
- Гельмонт Ян Баптиста ван (Jan Baptista van Helmont, 1577–1644), нидерландский врач, химик 32
- Генелон Питер (Pieter Guenellon, 1650–1722), нидерландский врач, преподаватель корабельной медицины в Адмиралтействе в Амстердаме 84, 139, 143, 144, 274
- Георг I (1660–1727), король Великобритании с 1714 136, 137, 204
- Герберштейн Сигизмунд фон (Siegmund von Herberstein, 1486–1566), дипломат; в России с дипломатическими миссиями в 1571 и 1526; издал «Записки о Московии» на латинском языке 252
- Герман Якоб (Jacob Hermann, 1678–1733), швейцарский математик, профессор высшей математики с 1725; иностранный почетный член Петербургской академии наук с 1731 230
- Германн Пауль (Paul Hermann, 1646–1695), голландский врач, ботаник 69
- Геснер Конрад (Conrad Gesner, 1516–1565), швейцарский врач, зоолог, ботаник 46, 47, 174
- Гзелль Георг (Georg Gsell, 1673–1740), швейцарский художник; на российской службе с 1717, работал в Кунсткамере и Петербургской академии наук 155, 189, 207, 208, 222, 243, 281
- Гзелль Доротея Мария (Dorothea Maria Gsell, 1678–1743), нидерландская художница; на российской службе с 1717, работала в Кунсткамере и Петербургской академии наук 189, 222, 223, 276
- Глюк Иоганн Эрнст (Johann Ernst Glück, 1652–1705), немецкий лютеранский пастор, педагог, с 1702 в Москве, переводил Новый Завет на русский язык 76
- Гмелин Иоганн Георг (Johann Georg Gmelin, 1709–1755), врач, ботаник, этнограф; профессор Петербургской академии наук (1731–1748) 224, 253–255, 265, 337
- Гмелин Самуэль Готлиб (Samuel Gottlieb Gmelin, 1745–1774), врач, ботаник; профессор ботаники Петербургской академии наук с 1767 265
- Гоббс Томас (Thomas Hobbes, 1588–1679), английский философ 39
- Говиус Якоб (Jacob Hovius, род. 1675), голландский врач 124

- Голиков Иван Иванович (1735–1801), историк, предприниматель 208
- Головин Иван Михайлович (1680?–1731?), военный деятель, вице-адмирал (1732) 74
- Головин Федор Алексеевич (1650–1706), государственный деятель, один из послов в составе Великого посольства 1696–1698 83
- Головкин Александр Гаврилович (1689–1760), дипломат, сенатор, посол в Пруссии, Франции и Голландии 174, 221
- Голосов Лукьян Тимофеевич (1620–1680-е), думный дьяк 26, 82
- Гордон оф Охинтул Александр (англ. Alexander Gordon of Auchintoul, 1669–1752), шотландец, генерал-майор русской службы, зять генерала П. Гордона 71
- Гордон оф Охлухрис Патрик Леопольд (Patrick Leopold Gordon of Auchleuchries, 1635–1699), шотландец по происхождению, российский военный деятель 28, 79, 81
- Горн Иоганн ван (Johannes van Horne, 1621–1670), нидерландский анатом 120
- Готтвальд Христоф (Christoph Gottwald, 1636–1700) 113, 305
- Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960), художник, реставратор, искусствовед 162, 164, 165, 167
- Гравезанд Виллем Якоб ван (Willem Jacob 's Gravesande, 1688–1722), голландский физик, математик 16, 53–55, 198, 201, 206, 207, 218, 219, 225–227, 229, 244, 332
- Греков Андрей Ангилеевич (1711–1791), рисовальщик; ученик рисовального художества в Канцелярии от строений (1726–1729), ученик рисования (1729–1732), смотритель и рисовальщик в Кунсткамере (1732–1750), учитель рисования при университете (1750–1760), учитель рисования великого князя Павла Петровича (1760–1765) 246, 254
- Грёнинген, аптекарь в Петербурге 189
- Гроций Гуго (Hugo Grotius, 1583–1645), голландский правовед, философ 39
- Грунд Георг (Grund), датский посол, служивший в Москве с 1705 по 1708 103
- Грю Неемия (Nehemiah Grew, 1641–1712), английский врач, ботаник 170
- Гудевиль Николая (Nicolas Gueudeville, ок. 1652–1721), бенедиктинский монах, в Роттердаме стал кальвинистом; журналист, переводчик, историк 202
- Гусятников Михаил Яковлевич, купец, комиссар русского торгового каравана в Китай в 1714–1719 103
- Гюйгенс Теодор (Theodoor Huygens, 1675–1740), член городского совета Амстердама 136, 137, 256, 259
- Гюйгенс Христиан (Christiaan Huygens, 1629–1695), нидерландский физик, философ, механик, изобретатель 32, 37, 38, 53, 54, 60, 64, 86, 149, 184
- Даниленко Михаил Васильевич (1918–2002), хирург 82, 228
- Дантен (д'Антен) Луи Антуан де Пардайан де Гондрен (Louis Antoine de Pardailan de Gondrin, 1665–1736), герцог; директор резиденций французского короля в период с 1708 по 1736; глава Совета по внутренним делам в эпоху регентства при малолетнем короле Людовике XV 146
- Декарт Рене (René Descartes, 1596–1650), французский философ, физик, математик 31, 32, 64, 198, 218
- Декнател Адриан (Adrianus Deknatel, ок. 1708–1765), амстердамский коллекционер 155, 251, 255, 280
- Делиль Жозеф Николая (Joseph Nicolas Delisle, 1688–1768), астроном, картограф; профессор астрономии (1725–1747), иностранный почетный член Петербургской академии наук (1747–1748) 196, 203, 218, 225, 227, 228, 230, 276, 277
- Демидов Григорий Акинфиевич (1715–1761), промышленник, ботаник-любитель 51, 265
- Демидов Прокофий Акинфиевич (1710–1786), промышленник, меценат 51, 265
- Дерэм Уильям (William Derham, 1657–1735), английский священник, натурфилософ, физик; с 1703 член Лондонского королевского общества 35

- Джонстон, см. Йонстон Ян
- Додунс Ремберт (Rembert Dodoens, 1517–1585), нидерландский ботаник, врач 46
- Домстерф Николас (Nicolaes Domsterf), амстердамский аптекарь 65
- Донель Иоганн (Johann Dohnel, ум. 1711), доктор медицины, лейб-врач Петра I 82
- Доннерт Эрих, немецкий историк, славист 19
- Доппельмайер Иоганн Габриель (Johann Gabriel Doppelmayr, 1677–1750), немецкий астроном, математик 221
- Дорофеева Людмила Павловна (1928–2009), историк искусства 30
- Дракенштейн Хендрик Адриан ван Рее тот (Hendrik Adriaan van Rheeде tot Drakenstein, 1636–1691), видный деятель нидерландской Ост-Индской компании; натуралист 175
- Дриссен-ван хет Reve Йозин Й. (Driessen-van het Reve Jozien J.), нидерландский историк 17, 28, 79, 207, 254, 263, 281
- Дю Ри Самюэль (Samuel Du Ry, 1651–1729), французский врач, химик 219, 220
- Дюверней Жозеф Гишар (Joseph Guichard Du Verney (Duverney), 1648–1730), французский анатом; член Французской академии наук с 1676 54, 69, 77, 146, 147, 151, 152, 196, 271, 274, 275
- Дювернуа Иоганн Георг (Johann Georg Duvernoy, 1691–1759), врач, анатом; профессор анатомии, хирургии и зоологии Петербургской академии наук с 1725, иностранный почетный член академии с 1741 229, 254
- Екатерина I Алексеевна (1684–1727), супруга Петра I, российская императрица (1725–1727) 40, 74, 133, 136–138, 148, 174, 176, 207, 216, 227, 230, 232
- Екатерина II Алексеевна (1729–1796), российская императрица (1762–1796) 82, 208, 229
- Елаич Франц Лука, хорват, в России с 1740; подлекарь в Санкт-Петербургском генеральном сухопутном госпитале с 1743, штаб-лекарь и хирург Московского генерального госпиталя с 1756, хирург Санкт-Петербургского генерального сухопутного госпиталя с 1764, городской акушер в Москве (1765–1766); лекарь при торговых караванах в Китай (1743–1747, 1754–1756, 1757–1764) 261
- Елизавета Петровна (1709–1761), дочь императора Петра I, российская императрица (1741–1761) 261
- Зайцева Александра Александровна (1927–1996), историк 33, 221, 224
- Захаров Виктор Николаевич, историк 19, 75, 76, 79, 80, 81, 88, 106, 176
- Зубов Алексей Федорович (1682 или 1683 – 1751), художник, гравер; с 1711 в гравировальной мастерской Оружейной палаты; в Петербурге с 1711 по 1727 во главе гравировальной мастерской при Санкт-Петербургской типографии 20, 164
- Иван (Иоанн) IV Васильевич (Грозный, 1530–1584), великий князь Московский и всея Руси с 1533, первый царь всея Руси (с 1547) 79, 243
- Иван (Иоанн) V Алексеевич (1666–1696), русский царь с 1682, старший брат и соправитель Петра I 28
- Иванс Джайль, английский купец в России 79
- Ивлин Джон (John Evelyn, 1620–1706), английский писатель, коллекционер, садовод; один из основателей Лондонского королевского общества 51, 235
- Израэль Джонатан, английский историк 21, 41, 269
- Иоганн Вильгельм Пфальцский (Johann Wilhelm von der Pfalz, 1658–1716), пфальцграф-курфюрст Пфальца и пфальцграф-герцог Пфальц-Нойбурга с 1690; казначей Священной Римской империи 120
- Иосиф I (Joseph I, 1678–1711), император Священной Римской империи с 1705; король Чехии с 1705, король Венгрии с 1687 20
- Йонстон Ян (Джон Джонстон) (Jan Jonston, John Johnston, 1603–1675), шотландский врач, естествоиспытатель 43, 47, 120, 172, 191, 322

- Калязина Нинель Васильевна (1930–2000), историк искусства 30, 167, 223, 236
- Каминская Анна Генриховна, историк искусства 207, 223, 281
- Кантемир Антиох Дмитриевич (1708–1744), дипломат, писатель, переводчик 232
- Карл II (Charles II, 1630–1685), король Англии и Шотландии с 1660 235
- Карл V Мудрый (Charles V le Sage, 1338–1380), король Франции с 1364 180
- Карл VI (Karl VI, 1685–1740), император Священной Римской империи с 1711; король Чехии с 1711, король Венгрии с 1711 57
- Карл XII (Carolus XII, 1682–1718), шведский король с 1697, полководец 182
- Карл Гессен-Кассельский (Karl von Hessen-Kassel, 1654–1730), ландграф Гессен-Касселя с 1670 по 1730 207
- Качалов Григорий Аникиевич (1711/12–1759), гравер, рисовальщик 163, 164, 225, 233, 239
- Квинкхард Ян Мауритс (Jan Maurits Quinkhard, 1688–1772), нидерландский живописец, рисовальщик 43
- Кемпфер Энгельберт (Engelbert Kaempfer, 1651–1716), немецкий врач, путешественник; в качестве врача во флоте путешествовал в 1683–1694 по Персии, Индии, Цейлону, Яве и Японии 47, 251
- Кеплер Иоганн (Johannes Kepler, 1571–1630), немецкий математик, астроном, оптик 32
- Киггелар Франс (Kiggelar Frans, 1648–1722), нидерландский аптекарь, ботаник 37
- Кикин Александр Васильевич (1670–1718), государственный деятель, дипломат 167, 198, 212
- Кирхер Афанасий (Athanasius Kircher, 1602–1680), немецкий ученый-энциклопедист, изобретатель 169, 170, 183
- Кистемакер Рене (Kistemaker Renée), нидерландский историк 15, 22–24, 70, 71, 76, 134, 143, 160, 167, 169, 206, 236, 250, 257, 261, 267, 277, 281
- Клермонт (Gothofredus Clermontius? Elbert Clermont jr.), корреспондент Р. Арескина и И.Д. Шумахера 73, 149, 150, 176, 181, 182, 276
- Клиффорд Исаак (Isaac Clifford), купец в России 88–90, 92, 93
- Клузиус (Клузий) Карл (Carolus Clusius, 1526–1609), нидерландский врач, ботаник, знаток древних языков 46
- Койманс Люк, нидерландский историк 23, 84, 121, 125, 132, 140, 142
- Кологривов Юрий Иванович (не позднее 1692–1754), стольник Петра I, камергер двора с 1718; агент Петра I в Европе по приобретению произведений искусства и книг 207
- Кольбер Жан-Батист (Jean-Baptiste Colbert, 1619–1683), французский государственный деятель; с 1667 член Французской академии наук 54, 58
- Коменский Ян Амос (1592–1670), чешский педагог 47
- Коммелин Каспар (Caspar Commelin, 1668–1731), нидерландский ботаник 37, 50, 175
- Коммелин Ян (Johannes Commelin, 1648–1722), нидерландский ботаник 37, 49, 50
- Конхорст Петер ван, нидерландский филолог-классик, ректор гимназии 263
- Копанев Николай Александрович (1957–2013), историк 20, 202, 221, 230, 231, 234
- Копанева Наталья Павловна, историк II, 20, 22, 23, 33, 42, 70, 71, 143, 160, 167, 206, 221, 224, 229, 236, 254, 261, 263, 267, 281, 343
- Копелевич Юдифь Хаймовна (1921–2009), историк 19, 212, 213, 218, 224, 230, 231, 263
- Коперник Николай (Nikolaus Kopernikus, 1473–1543), астроном, создатель гелиоцентрической системы мира, математик, механик 32, 45
- Копиевский (Копиевич) Илья (Элиаш) Федорович (ок. 1651–1714), издатель, писатель, переводчик 59
- Корб Иоганн Георг (Johann Georg Korb, 1672–1741), секретарь посольства в России 29, 82, 83
- Коровин Степан Михайлович (ок. 1700–1741), гравер, переводчик 225
- Коршунова Милица Филипповна, историк искусства 167
- Котошихин Григорий Карпович (ок. 1630–1667), подьячий Посольского приказа, писатель 79, 81

- Крафт Георг Вольфганг (Georg Wolfgang Krafft, 1701–1754), математик, астроном, физик; профессор математики и физики (1731–1744), иностранный почетный член Петербургской академии наук с 1745 244, 245
- Крафт Иоганн Даниэль (Johann Daniel Kraft, 1624–?), аптекарь 86
- Крейкрафт Джеймс (James Cracraft), американский историк 20, 39
- Кристиан V (Christian V, 1646–1699), король Дании и Норвегии с 1670 171
- Кротов Павел Александрович, историк 74
- Крюйс Корнелиус (Cornelis Cruijs, 1655–1727), на русской службе с 1698, адмирал Российского флота с 1721 14, 74
- Купер Гисберт (Gisbert Super, 1644–1716), бургомистр Девентера, историк 48
- Куприянов Николай Григорьевич (ум. 1897), врач 82
- Кур ван дер Воорт Питер де ла (Pieter de la Court van der Voort, 1664–1737), садовник, торговец картинами 17, 24, 196, 199–201, 209–212, 220, 229, 279
- Куракин Борис Иванович (1676–1727), князь, государственный деятель, дипломат, писатель 29, 108–110, 133, 137, 154, 185, 189, 205, 218, 221, 273
- Курбатов Петр Васильевич (1672–1747), секретарь посольской канцелярии с 1707, секретарь-ассессор Коллегии иностранных дел с 1719 173
- Кэмбридж Натаниэль, купец в Лондоне 100–102, 272
- Кэмбридж Ричард, купец в Лондоне 100–102, 272
- Л'Обель Маттиас де (Mathias de l'Obél, или de Lobél, Lobélius, 1538–1616), нидерландский ботаник 46
- Ламберт Кате тен (Lambert ten Kate, 1674–1731), нидерландский лингвист, специалист по сравнительной исторической лингвистике 53
- Ланг Лоренц Лаврентий (1690–е — 1752), шведский инженер, дипломат; в России с 1712; участник дипломатических миссий в Китай по вопросам русско-китайской торговли (1715–1716, 1727–1728, 1731–1732, 1736–1737); член русских посольств в Китай Л.В. Измайлова (1719–1722) и С.Л. Рагузинского (1725–1727); иркутский вице-губернатор с 1739 72, 182
- Леблон Жан-Батист Александр (Jean-Baptiste Alexandre Le Blond, 1679–1719), французский архитектор, в России с 1716 165, 166, 276
- Левенгук Антони ван (Leeuwenhoek Antony van, 1632–1723), нидерландский естествоиспытатель, один из основоположников микроскопии 32, 60
- Левинсон-Лессинг Владимир Францевич (1893–1972), историк искусства 19, 208, 209, 241, 242
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (Gottfried Wilhelm von Leibniz, 1646–1716), немецкий философ, математик, историк, дипломат 21, 52, 53, 56–62, 77, 84, 86, 137, 174, 187, 198, 217, 218, 231, 276
- Лейпольд Якоб (1674–1727), инструментальный мастер 221
- Леонардо да Винчи (1452–1519), итальянский художник, изобретатель, инженер, естествоиспытатель эпохи Возрождения 46
- Леонов Валерий Павлович, специалист в области библиотековедения, книговедения, информатики II
- Лефорт Петер (Peter Le Fort, 1676–1754), генерал-майор на русской службе, племянник Франса Лефорта 73, 165
- Лефорт Франц Яковлевич (1655/1656–1699), швейцарец, сподвижник Петра I, на русской службе с 1678; адмирал; один из трех послов Великого посольства русско-го в Европу 30, 31
- Линней Карл (Carl Linnaeus, Carl Linné, 1707–1778), шведский естествоиспытатель, создатель единой системы растительного и животного мира; иностранный почетный член Петербургской академии наук с 1753, Парижской академии наук с 1762 18, 43, 44, 50, 193, 251, 252, 261, 277, 300
- Листер Мартин (Martin Lister, 1639–1712), английский врач; вице-президент Лондонского королевского общества 124

- Локк Джон (John Locke, 1632–1704), английский философ, педагог; представитель эмпиризма 31, 39, 84, 198
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, историк, поэт; адъюнкт физического класса с 1742, профессор химии Петербургской академии наук с 1745 64, 75, 217
- Лопес Анна (Anna Lopes), жена Альберта Себы 66
- Луппов Сергей Павлович (1910–1987), историк, книговед 20, 38, 73–75, 167, 169, 177, 178, 182, 234
- Людерс Иоганн, гамбургский купец, кол-лекционер, нумизмат 206, 241
- Людовик XIV де Бурбон, Людовик Великий (1638–1715), король Франции и Наварры с 1643 20, 34, 55, 56, 58, 83, 138, 340
- Людовик XV (1710–1774), король Франции (с 1715) из династии Бурбонов 138
- Люпс Ян (1667–1738), нидерландский купец, в России с 1690 по 1718 78, 79
- Майор Иоганн Даниэль (Johann Daniel Major, 1634–1693), немецкий врач, естествоиспытатель, коллекционер 169
- Макаров Алексей Васильевич (1674/75–1750), кабинет-секретарь Петра I с 1710, тайный кабинет-секретарь с 1722, генерал-майор с 1725, тайный советник с 1726 99, 184, 211, 279
- Маколей, см. Macauley Thomas Babington
- Максимилиан II (1527–1576), император Священной Римской империи, эрцгерцог Австрии с 1564 46
- Маржерет Жак (Jacques Margeret, 1550-е – 1618), французский военный, на русской службе в чине капитана с 1600 по 1611 81
- Мартини Николас (Nicolas Martini), рижский корреспондент Р. Арескина 179, 218
- Мартини Христиан (1699–1739), немецкий физик; с 1725 профессор Петербургской академии наук 218
- Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728), государственный деятель и дипломат, посол в Голландии и Англии (1699–1712), в Австрии (1712–1715) 29, 82, 181
- Матвеев Андрей Матвеевич (1701/04–1739), художник; один из основоположников русской светской живописи 207, 211
- Маттарнови Георг Иоганн (Егор Иванович) (Georg Johann Mattarnovy, ум. 1719), архитектор, скульптор; в России с 1714; один из архитекторов здания Кунсткамеры (1718) 158, 166, 167, 276
- Мегенбург Конрад (Konrad Megenberg von, 1309–1374), немецкий писатель, теолог; создатель первой энциклопедии натуральной истории 45
- Мейерс Дебора, нидерландский историк искусства 21, 23, 76, 143, 206, 261, 277
- Мейнуэринг (Родион или Роман), английский купец (торговал в России в 1705–1726) 73
- Менке Иоганн Буркхард (Johann Burckhard Mencke, 1674–1732), немецкий ученый, писатель 221
- Ментсе Клас, голландский шкипер 94
- Меншиков Александр Данилович (1673?–1729), государственный, военный, политический деятель; первый губернатор Санкт-Петербурга (1703) 22, 30, 31, 69, 162, 165, 174, 176
- Мериан Мария Сибилла (Maria Sibylla Merian, 1647–1717), немецко-голландская художница, естествоиспытательница, энтомолог 60, 191, 222, 223, 251, 276, 322, 328
- Мериан Маттеус (Matthäus Merian der Ältere, 1593–1650), швейцарский гравер, картограф, издатель 47
- Мессершмидт Даниэль Готлиб (Daniel Gottlieb Messerschmidt, 1685–1735), доктор медицины, естествоиспытатель; в России с 1718; руководитель первой научной экспедиции в Сибирь (1719–1727) 72, 203, 253
- Мид Ричард (Mead Richard, 1673–1754), английский врач, член Лондонского королевского общества 69
- Миллер Герард Фридрих, Федор Иванович (Gerhard Friedrich Müller, 1705–1783), историк, археограф; в России с 1725; адъюнкт с 1725, профессор истории с 1730;

- конференц-секретарь (1728–1730, 1754–1765) Петербургской академии наук; участник академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743); надзиратель Московского воспитательного дома с 1765, начальник Московского архива Коллегии иностранных дел 72
- Михайлов Григорий Владимирович, архитектор 30
- Михайлова Ирина Михайловна, филолог, переводчица с нидерландского 23, 121, 254, 328
- Моллем Давид (David van Mollem, 1670–1746), голландский фабрикант, владелец шелковой фабрики 137
- Мориц (Мауриц) Оранский, также Мориц Нассауский (Maurits van Oranje, 1567–1625), штатгальтер Республики Соединенных Нидерландов, мастер военнотехнического искусства 32
- Мотрэ Обри де ла (Aubrey de la Mottraye, 1674?–1743), французский путешественник, писатель 251, 252
- Мусин-Пушкин Иван Алексеевич (ок. 1660–1729), граф, государственный деятель; сенатор с 1711 144
- Мушенбрук Самуэль ван (Samuel van Musschenbroek, 1640–1681), нидерландский инструментальный мастер 53, 244
- Мушенбрук Иоганн (Йохан, Ян) ван (Johan van Musschenbroek, 1687–1748), нидерландский инструментальный мастер 16, 24, 53, 104, 105, 197, 198, 201, 218, 225–227, 270, 277, 332
- Мушенбрук (Мюншенбрук) Питер (Петрус) ван (Pieter van Musschenbroek, 1692–1761), голландский физик, математик; иностранный почетный член Петербургской академии наук с 1754 36, 48, 53, 65, 225, 226, 244, 265, 271, 332
- Мюллер-Бальке Томас Й., немецкий историк 22
- Наарден Бруно, нидерландский историк 23, 24, 42
- Нартов Андрей Андреевич (1737–1813), переводчик, писатель; сын А.К. Нартова; президент Берг-коллегии (1796–1798), почетный член Петербургской академии наук с 1796; президент Российской академии (1801–1813) 40, 74, 156, 177
- Нартов Андрей Константинович (1693–1756), инженер, механик, изобретатель; с 1712 в Токарной мастерской Петра I, руководитель Инструментальной палаты Петербургской академии наук с 1735 177, 264
- Наталья Алексеевна (1673–1716), великая княжна, сестра Петра I 186
- Наторп Иоганн Фридрих (Johann Fridrich Natorp), аптекарь в Гамбурге 48, 49, 98, 99
- Неверов Олег Яковлевич (1934–2014), историк искусства 17, 22, 160, 206, 241
- Нек Ян ван (Jan van Neck, 1634–1714), нидерландский художник 120
- Ниропп Дирк Рембрандтзоон ван (Dirck Rembrandtsz van Nieropp, 1610–1682), нидерландский картограф, математик, астроном и астролог 64
- Ниропп Хенк ван, нидерландский историк 24
- Ниссен Клаус, см. Nissen Klaus
- Ньютон Исаак (Isaac Newton, 1642/43–1727), английский физик, математик, механик, астроном; президент Лондонского королевского общества (1703–1727) 30, 33, 35, 54, 62, 64, 178, 179, 198, 207, 217, 218, 244, 246
- Овербек Аннемик, нидерландский историк искусства, издатель 22, 70, 71, 160, 167, 236, 267, 281
- Олеарий Адам (Adam Olearius, 1599–1671), немецкий путешественник, географ, историк, математик, физик, конструктор Большого Готторпского глобуса; посол Фридриха III Гольштейн-Готторпского в России 210, 244
- Ольдекоп С.Х. (S.H. Oldecop), русский агент в Амстердаме 262
- Орсой Ян Арнольд ван (Jan Arnold van Orsoy, 1700–1753), амстердамский купец и литератор 36
- Орфиреус (Orffyreus, 1680–1745), псевдоним немецкого физика Иоганна Эрнста Элиаса Бесслера (Johann Ernst Elias Bessler) 196, 206, 207, 217

- Осколков Григорий Афанасьевич (ум. 1714), купец из Яренска, комиссар каравана в Китай в 1705 103
- Остерман Генрих Иоганн Фридрих, Андрей Иванович (Heinrich Johann Friedrich Ostermann, 1687–1747), государственный деятель, дипломат; граф с 1730; вице-президент Коллегии иностранных дел с 1723, вице-канцлер (1725–1741), член Верховного тайного совета с 1726 14, 95, 209
- Павел Петрович (2 (13) января 1717 — 3 (14) января 1717), великий князь, сын Петра I, умерший в младенчестве 136
- Пажо д'Онз-ан-Бре Луи-Леон (Louis-Léon Rajot comte d'Ons-en-Bray, 1678–1754), граф, начальник Почтового ведомства Франции; естествоиспытатель, математик; почетный член Французской академии наук 145–147, 152, 184–187, 193
- Паллас Петер Симон (Peter Simon Pallas, 1741–1811), ученый-энциклопедист, естествоиспытатель; профессор естественной истории с 1767, руководитель Кабинета натуральной истории в 1767 Петербургской академии наук; один из руководителей академических «Физических» экспедиций (1768–1774) 48, 265
- Панкрас Гербранд (1658–1716), бургомистр Амстердама 50
- Парацельс (Paracelsus, наст. имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, Philippus Aureolus Theophrastus Bombast von Hohenheim, 1493–1541), алхимик и врач швейцарско-немецкого происхождения 67
- Паузе (Паус) Иоганн Вернер (Paus Johann Werner, 1670–1735), магистр философии, филолог, поэт, переводчик; с 1702 в России; учитель в Москве в школе пастора Э. Глюка; с 1724 переводчик при Петербургской академии наук 38, 76
- Пекарский Петр Петрович (1827–1872), историк, экстраординарный с 1863, ординарный академик Петербургской академии наук с 1868 71, 74, 75, 109, 111, 155, 197, 202–204, 209, 218, 235, 253
- Перри Джон (John Perry, 1670–1732), английский моряк, морской инженер; на службе в России с 1698 по 1715 71
- Перро Клод (Claud Perrault, 1613–1688), архитектор, врач, анатом зверей; с 1666 член Французской академии наук 13, 54–56
- Петивер Джеймс (Якобус) (James Petiver, ок. 1663–1718), английский аптекарь, ботаник, энтомолог; с 1695 член Лондонского королевского общества 64, 69, 172, 181, 260
- Петр I Великий (1672–1725), русский царь с 1682, российский император (1721–1725) I, II, 14–31, 33, 38–42, 56, 58–64, 67–74, 76, 78, 80, 82–84, 88, 107–109, 111, 112, 116–119, 126, 129, 131–138, 142, 145, 146, 148, 149, 151–153, 154–156, 158–162, 164–169, 174–178, 180, 181, 184, 186, 187, 189, 194, 200, 202–204, 207–210, 212, 215–217, 220, 224–227, 232, 235, 236, 240–243, 245, 248, 252, 254, 256, 267, 268–270, 274, 275, 279, 282, 300–305, 337, 340
- Петр II (1715–1730), российский император (1727–1730), сын царевича Алексея Петровича 230, 231
- Пижон Жан (Pigeon d'Osangis Jean, 1654–1739), французский механик 145, 244
- Пикарт Питер (Pieter Picaert, 1668/69–1737), нидерландский гравер; в России с 1699, с 1705 в Оружейной палате, с 1714 глава гравировальной мастерской в Санкт-Петербурге 20
- Пиотровский Борис Борисович (1908–1990), археолог, историк-востоковед; академик АН СССР с 1970 169, 241
- Пипер Карл (Karl Piper, 1647–1716), шведский государственный деятель; военнопленный с 1709; в 1715 переведен в Шлиссельбург, где он скончался 182, 183
- Питерс Флоренс, см. Pieters Florence
- Питкарн Арчибальд (Archibald Pitcairne, 1652–1713), шотландский врач; профессор анатомии в Лейдене 178, 179
- Плантаен Христофор (Christophe Plantin, или Christoffel Plantijn, ок. 1520–1589), нидерландский издатель и типограф 46
- Пол Юрриан (Jurriaan Pool, 1665/66–1745), нидерландский художник, зять Фр. Рюйша 119, 120

- Поол Клаас Ян (Klaas Jan Pool), корабельный мастер на верфи Объединенной Ост-Индской компании 28
- Порфирий (Porphyrius, ок. 233 – ок. 304), древнегреческий философ 50
- Пост Мария (Maria Post), жена Фр. Рюйша 120, 140
- Пост Питер (Pieter Post, 1608–1669), нидерландский архитектор, художник 120
- Постников Петр Васильевич (1666–1703), доктор философии и медицины, врач 83, 84, 139
- Прасковья Федоровна (1664–1723), русская царица, с 1684 супруга Ивана V Алексеевича 161–163, 229, 231, 246, 277
- Птолемей Клавдий Александрийский (ок. 100 – ок. 170), астроном, математик, механик, географ 45
- Пуфендорф Самуэль (Samuel Pufendorf, 1632–1694), немецкий правовед, историк, философ 38, 39
- Пфайль (ум. 1718), аптекарь в Петербурге 104, 174
- Пютте Ван де (van de Putte), купец в России 88–90, 92, 93
- Пятницкий Юрий Александрович, историк науки 225
- Раабе Пауль (1927–2013), немецкий литературовед, библиотечарь; с 1992 по 2000 руководитель Фонда Франке в Галле 21
- Рабус Питер (Pieter Rabus, 1660–1702), нидерландский издатель 32, 37
- Радзюн Анна Борисовна, историк науки, антрополог 70, 71, 131, 196, 229, 267
- Раев Марк Исаевич (1923–2008), американский историк 221
- Разумовский Кирилл Григорьевич (1728–1803), граф с 1744; президент Петербургской академии наук (1746–1798), генерал-фельдмаршал (1764) 264
- Рей Джон (John Ray, 1628–1705), английский натуралист 50
- Рен Кристофер (Christopher Wren, 1632–1723), математик, астроном, инженер, создатель физических приборов и анатом, архитектор; один из основателей Лондонского королевского общества 51
- Ригер Иоганн Христоф (Johann Christoph Rieger, ум. 1774), лейб-врач Анны Иоанновны, архиатр (1732–1734) 275
- Рихман Георг Вильгельм (Georg Wilhelm Richmann, 1711–1753), физик; адъюнкт по физике с 1740, профессор с 1741, заведующий Физическим кабинетом Петербургской академии наук с 1744 64
- Ромсвинкель Николаас (Nikolaas Romswinkel, 1674–1716), нидерландский купец, торговавший с Россией 99–102, 188, 272
- Роозен Ян (Jan Roozen, ум. 1726), голландский садовый мастер; в России с 1698 158
- Роули Джон (John Rowley, 1674–1728), английский инструментальный мастер 206, 207
- Румф Георг Эберхард (Georg Eberhard Rumpf или Rumphius, 1627–1702), голландский натуралист, коллекционер 172, 257, 322
- Рындина Анна Вадимовна, искусствовед 27
- Рюйш Рахель (Rachel Ruysch, 1664–1750), художница 120
- Рюйш Фредерик (Frederik Ruysch, 1638–1731), нидерландский анатом, врач, аптекарь; профессор анатомии с 1665, профессор ботаники с 1685 Амстердамского университета I, 15, 23–25, 29, 30, 37, 53, 70, 76, 77, 109, 117–133, 136, 138–157, 160, 165, 167, 168, 183, 185, 188, 191, 193, 194, 202, 221, 223, 226, 237, 241, 245–248, 250, 254, 255, 266–268, 270, 271, 273–275, 277, 280, 281, 315
- Рюйш Хендрик (Hendrik Ruysch, 1673–1727), нидерландский врач, ботаник 120, 191
- Рюйш Элизабет (Elisabeth Ruysch, 1684–?), дочь Фр. Рюйша 120
- Савельева Елена Алексеевна, историк, библиограф II, 62, 343
- Сатаров Максим Петрович (ум. 1732), лекарь, переводчик 223, 254
- Сваммердам Ян (Jan Swammerdam, 1637–1680), нидерландский энтомолог 53, 60, 65, 170
- Себа Альберт (Albertus Seba, 1665–1736), голландский аптекарь, коллекционер I, 15–18, 22–25, 35, 42–44, 48, 50, 57, 59, 64–69, 73,

- 76–81, 84–118, 131–133, 135, 136, 138–144, 149–151, 153–157, 160, 164, 165, 169, 172, 173, 176, 182–194, 201, 202, 204, 241, 243, 249–251, 253, 254, 256–263, 265–268, 270–277, 279–282, 300–305, 324, 325, 327
- Семи Андреас (Andreas Semy), аптекарь 65
- Сент-Иасент Темизель де (Hyacinthe Thémiseul de Saint-Hyacinthe, 1684–1746), французский литератор, сатирик, политический беженец 198
- Сиверс Вибе, голландский шкипер 94, 102, 113, 151
- Синявин Ульянов Акимович (ум. 1740), комиссар с 1703, обер-комиссар с 1711 при строительных работах; руководитель Городской канцелярии (Канцелярии от строений) (1718–1732) 165, 212
- Слоун Ханс (Hans Sloane, 1660–1753), английский естествоиспытатель, коллекционер; лейб-врач короля Георга II; президент Лондонского королевского общества (1727–1741); иностранный почетный член Петербургской академии наук с 1734 50, 64, 69, 172, 181, 253
- Соколов Иван Алексеевич (ок. 1717–1757), гравер; мастер Гравировальной палаты Петербургской академии наук с 1746 161–163, 225, 238
- Соловьев Осип Алексеевич, торговый агент Петра I 87, 133, 148, 208
- Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), историк 177
- Сомов Владимир Александрович, историк 20, 33, 193, 221, 224, 233
- София Шарлотта Ганноверская, герцогиня Брауншвейга и Люнебурга (Sophie Charlotte von Hannover, 1668–1705), с 1701 королева Пруссии 56, 58, 60
- София Ганноверская (Пфальцская) (1630–1714), дочь курфюрста Фридриха V Пфальцкого, супруга курфюрста Ганновера Эрнста Августа 56, 137
- Софья Алексеевна (1657–1704), дочь царя Алексея Михайловича, с 1682 по 1689 правила при малолетних царях Иване и Петре 19, 28, 29
- Спелман Якоб (Jacob Spellman), английский купец 73, 79, 89
- Спиноза Барух (Baruch de Spinoza, 1632–1677), нидерландский философ 33–35, 39, 60, 270
- Станюкович Татьяна Владимировна (1916–1992), этнограф, историк науки 19, 75, 156, 194, 244, 265
- Стецкевич Елена Сергеевна, историк 75, 76
- Столяров Юрий Николаевич, специалист в области библиотекovedения, книговедения, информатики II
- Сухомлинов Михаил Иванович (1828–1901), филолог, литературовед, экстраординарный с 1872, ординарный академик Петербургской академии наук с 1876 74
- Схаап Мария (1658–1725), супруга Хендрика Бикера (1682–?), амстердамского бургомистра и комиссара Хортуса в 1717 148
- Схейнвут Симон (Simon Schijnvoet, 1652–1727), амстердамский ландшафтный архитектор, коллекционер 169, 203
- Схиппер Ян Якобс (Jan Jacobsz Schipper, 1617–1669), амстердамский издатель 172
- Схотен Франс ван (Frans van Schooten, 1615–1660), нидерландский математик 64
- Татищев Василий Никитич (1686–1750), государственный деятель; историк, географ, экономист 64
- Тауберт Иоганн Каспар, Иван Иванович (Johann Caspar Taubert, 1717–1771), статский советник с 1762; адъютант по истории с 1738, унтер-библиотекарь с 1741, советник Канцелярии Петербургской академии наук с 1757 261–263, 324
- Таунсенд Сью (Susan Lillian “Sue” Townsend, 1946–2014), английская писательница 155, 156
- Тесинг Эгберт (Egbert Thesingh), нидерландский купец, торговавший с Россией 59, 87
- Тиммерман Франц Федорович (Frans Timmerman, 1644–1702/10?), голландский купец, корабельный мастер 28
- Толстой Петр Андреевич (1645–1729), вице-адмирал 74, 153, 167, 168
- Трезини Доменико Андреа, Андрей Акимович (Екимович) (Domenico Trezzini,

- ок. 1670–1734), архитектор и инженер швейцарского происхождения 158, 167, 212, 213
- Трисман Вильгельмина Герардовна (1901–1982), этнограф, переводчик с нидерландского 26, 42
- Тройен Майнард (Maïjnard Troijen), нидерландский купец 97
- Трофимова Надежда Сергеевна, библиограф, историк книги 33, 224
- Трускот (Трускотт) Иван Фомич (1719–1786), географ, картограф; адъютант по Географическому департаменту Петербургской академии наук с 1742 161–163
- Тсевен Абрахам (Abraham Tzeewen), амстердамский нотариус 139–141, 280
- Турнефор Жозеф Питтон де (Joseph Pitton de Tournefort, 1656–1708), французский врач, ботаник; член Парижской академии наук с 1691; профессор медицины в Коллеж де Франс с 1702; автор системы растений (1694–1700) 69, 248, 337
- Тюльп Николаас (Nicolaas Tulp, 1593–1674), врач, бургомистр Амстердама 121
- Уайдт (Вайдт) Томас, английский купец в России 79, 93, 96
- Уиллоби Фрэнсис (Francis Willugby, 1635–1672), английский натуралист, путешественник; ученик Джона Рея 172
- Уоттон Эдвард (Eduard Vottom, 1492–1555), английский врач, натуралист 46
- Фарварсон Генри (Андрей Данилович) (Henry Fargwarson, 1674–1739), шотландец; математик, астроном; в России с 1701 преподавал в Школе математических и навигацких наук в Москве, с 1716 — в Морской академии в Петербурге 31, 62, 63
- Фаренгейт Габриель Даниель (Daniel Gabriel Fahrenheit, 1686–1736), немецкий физик; изобретатель температурной шкалы 53, 196, 204, 244, 270
- Фельтен Иоганн-Бурхард, обер-кухмистер, тесть И.Д. Шумахера 74
- Фенелон Франсуа Солиньяк де ла Мот (Fenelon Salignac de la Mothe, 1651–1715), французский писатель, педагог, религиозный деятель 34
- Феофан Прокопович (1681–1736), государственный и церковный деятель; писатель; епископ Псковский и Нарвский (1718–1725), архиепископ Новгородский (1725–1736) 31, 39, 149
- Филипп II, герцог Орлеанский (Philipp duc Orléans, 1674–1723), регент при пятилетнем Людовике XV с 1715 по 1723 138
- Флемстид Джон (John Flamsteed, 1646–1719), английский астроном; первый директор Гринвичской обсерватории 62, 244
- Фонтенель Бернар ле Бовье де (Bernard le Bovier de Fontenelle, 1657–1757), французский писатель, ученый; член Французской академии наук с 1691; секретарь Французской академии наук с 1699 по 1737 151, 203
- Форхаген Барфоломей (Bartel von Hagen), амстердамский купец 159
- Фоссий (Воссий) Исаак (Isaac Vossius, 1618–1689), голландский филолог-классик, каноник 178
- Франке Август Герман (August Hermann Francke, 1663–1727), немецкий богослов, педагог 22
- Фредерик III (1609–1670), король Дании и Норвегии с 1648 171
- Фредерик V (Frederik 5, 1723–1766), король Дании и Норвегии с 1746 25
- Фридрих Август I (1670–1733), с 1694 г. курфюрст Саксонии, король Август II Польский с 1697 254
- Фридрих Вильгельм I Прусский (1688–1740), король Пруссии, курфюрст Бранденбурга с 1713 56, 217
- Фридрих II Великий (Friedrich II, Friedrich der Große, 1712–1786), король Пруссии с 1740 217
- Фридрих III Гольштейн-Готторпский (Friedrich III von Schleswig-Holstein-Gottorf, 1597–1659), герцог Гольштейн-Готторпский 56, 210
- Фукс Леонард (Леонхарт) (Leonhart Fuchs, 1501–1566), немецкий врач, ботаник 46
- Фундаминский Михаил Исаакович (1950–2006), историк 193, 233

- Хайстер Лоренц (Lorenz Heister, 1683–1758), немецкий врач, студент Фр. Рюйша, анатом, ботаник 221
- Хайуитт Родион, английский купец, торговавший с Россией с 1708 по 1716 73
- Хаубракен Якоб (Jacobus Houbraken, 1698–1780), нидерландский художник, гравёр 43, 208, 222
- Хауттуйн Мартинус (Martinus Houuttuyn, 1720–1798), голландский врач, зоолог, ботаник 48
- Хейдекопер Йохан (Johan Huydecoper, 1625–1704), член магистрата Амстердама 49, 126
- Хови Йохан (Johan Hovuy, 1674–1743), нидерландский корабельный хирург на русской службе 104
- Ходжкин Эндрю (Andrew Hodgkin(s)), английский купец, торговавший с Россией 79, 89
- Ходжкин Якоб (Jacob Hodgkin(s)), английский купец, торговал в России с 1708 по 1730 73, 176
- Хольгер Якобсен (Jacobsen Holger, 1650–1701), составитель каталога кунсткамеры датского короля Кристиана V 171
- Хотеев Павел Иванович, историк 33, 224
- Хоогс Ромейн де (Romeyn de Hooghe, 1645–1708), нидерландский гравёр 21, 34, 173
- Хьюз Линдси, см. Hughes Lindsay
- Хюдде Иоханнес (Johannes Hudde, 1628–1704), нидерландский математик; бургомистр Амстердама, член правления Ост-Индской компании 37, 60, 126
- Черкасский Алексей Михайлович** (1680–1742), князь; губернатор Сибири (1719–1724), сенатор с 1726, канцлер Российской империи с 1740 165, 166, 177
- Чистович Яков Алексеевич (1820–1885), врач, профессор (с 1858) Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, академик с 1868 229
- Шафиров Петр Павлович** (1669–1739), государственный деятель, дипломат; вице-президент Коллегии иностранных дел с 1717, вице-канцлер с 1720 33, 61, 178, 224, 231
- Шафрановская Тамара Константиновна (1926–2007), историк 72, 261
- Шахер Поликарп Готтлиб (Polycarp Gottlieb Schacher, 1674–1737), немецкий врач; профессор физиологии с 1706, анатомии и хирургии с 1719, патологии с 1723 Лейпцигского университета 18
- Шевалье Николас (Nicolas Chevalie, 1661–1720), нидерландский издатель и книготорговец, коллекционер 203, 241
- Шейхцер Иоганн Якоб (Johann Jacob Scheuchzer, 1672–1733), швейцарский естествоиспытатель; директор городской библиотеки и коллекций, натуралий и артифициалий в Цюрихе 18, 64
- Шерард Вильям (William Sherard, 1659–1728), английский ботаник; член Лондонского королевского общества с 1718 69
- Шерард Джеймс (Jame Sherard, 1666–1738), английский аптекарь, ботаник 69
- Шлютер Андреас (Andreas Schlüter, 1660–1714), немецкий скульптор, архитектор; с 1713 в России 158, 162, 165, 167
- Шмидт Дитрих, амстердамский торговец травами; участник аукциона по продаже собрания А. Себы по поручению Петербургской академии наук 261–263, 325
- Шобер Готтлиб (Gottlieb Schober, ок. 1675–1739), немецкий врач; с 1713 в России лейб-врач, инспектор Московской придворной аптеки, врач при Медицинской канцелярии 72, 152, 153
- Штайервальд Ульрика, см. Steierwald Ulrike
- Шталь Георг Бальтазар (Balthasar Staebl), аптекарь, подмастерье А. Себы; смотритель за натуралиями в Кунсткамере в 1719 110, 113–115, 189
- Штёберлайн Иоганн Леонард (Johann Leonhard Stöberlein, 1636–1696), нюрнбергский аптекарь, коллекционер 65
- Штелин Якоб фон, Яков Яковлевич (Jacob von Staehlin, 1709–1785), переводчик, писатель, художник; профессор элоквенции с 1737, конференц-секретарь (1765–1769) Петербургской академии наук; воспитатель и библиотекарь вел. кн. Петра Федоровича 39, 40, 207, 208, 281

- Шумахер Иоганн Даниэль (Даниель) (Johann Daniel Schumacher, 1690–1761), в России с 1714; секретарь Аптекарской (Медицинской) канцелярии, смотритель библиотеки и кабинета редкостей Петра I (1714–1724); секретарь с 1724, советник Канцелярии с 1747, руководитель Библиотеки и Кунсткамеры (1724–1761) Петербургской академии наук I, II, 16, 18, 24, 59, 67, 68, 70, 73–76, 78, 89, 90, 92–116, 131, 132, 136, 138, 149, 151, 153–155, 157, 158, 159, 164–169, 172–194, 196–207, 209–236, 242, 243, 245, 251, 252, 263–265, 272, 273, 276, 277, 279, 332, 334
- Шхонебек Адриан (1661–1705), нидерландский художник, гравер; в России с 1698; глава гравировальной мастерской Оружейной палаты 20, 21, 34, 135, 281
- Эзоп, древнегреческий поэт 60
- Эйкенхед Томас (Thomas Aikenhead, 1679–1697), шотландский студент-врач, сын аптекаря; последователь Б. Спинозы; повешен за богохульство 37
- Эйлер Леонард (Leonhard Euler, 1707–1783), математик, механик, астроном, физик; профессор Петербургской академии наук (1731–1741, 1766–1783) 19, 222, 224, 243, 264, 265
- Эллигер Оттомар (Ottomar Elliger, 1701–1735), нидерландский гравер; в России при Петербургской академии наук с 1726 225
- Эльмсель Уильям (William Elmsall), английский купец, торговавший с Россией 79, 83
- Энгел Х., см. Engel Hendrik
- Эразм Роттердамский (Desiderius Erasmus Roterdamus, 1469–1536), нидерландский ученый, гуманист 202, 220
- Эрскин Мэри (Mary Erskine), родственница Р. Арескина 179
- Эффен Юстус ван (Justus van Effen, 1684–1735), нидерландский писатель, издатель журнала «Journal littéraire de la Haye» с 1713, член Лондонского королевского общества в 1715 198
- Южаков Сергей Николаевич (1849–1910), публицист, социолог, издатель 29
- Ahlich Erhard, немецкий историк 65
- Aiton Eric John, американский историк 57, 58, 60, 61, 86
- Amburger Erik, немецкий историк 82, 183, 187
- Amman Johann Konrad, см. Амман Иоганн Конрад
- Appleby John H., английский историк 17, 69, 94, 113, 148, 175
- Bacmeister J., см. Бакмейстер Иоганн
- Bacon Francis, см. Бэкон Фрэнсис
- Balbian Verster J.F.L. de, нидерландский историк искусства 149
- Balsiger Barbara (1927–2011), американский историк искусства 21, 192
- Bergvelt Ellinoor, нидерландский историк 21, 22, 134, 169, 250, 257, 266, 277
- Berkel Klaas van, нидерландский историк 36, 57, 250, 253
- Blankaart Stephanus, нидерландский врач 25, 184
- Boonstra Jap U.D., нидерландский историк 262
- Boss Valentin, американский историк науки 30, 31, 37, 62, 217–219, 246
- Bots J., нидерландский историк науки 31, 32, 36
- Bruce Peter Henry, см. Брюс Питер Генри
- Büsching Anton Friedrich (1724–1793), немецкий географ, педагог, издатель; с 1761 в Петербурге возглавлял Петришуле 75
- Campen Jan van, нидерландский историк искусства 241
- Carayol Elisabeth, историк 198
- Clercq Peter de, нидерландский историк 53, 105, 270
- Cohen Ernst W.A.T., нидерландский врач 53
- Cross A.G., английский историк 19, 41, 224
- Deknatel Adrianus, см. Декнател Адриан
- Dijksterhuis E.J., нидерландский историк 44
- Dodart Denis (1634–1707), французский физик, ботаник 54, 55
- Donnert Erich Wilhelm, немецкий историк, славист 16, 19
- Driessen van het Reve Jozien J., см. Дриссен-ван хет Reve Йозин

- Eeghen I.H. van, нидерландский историк 84, 135, 205, 330
- Eekman Thomas, нидерландский историк 152
- Engel Hendrik (1898–1981), нидерландский историк 18, 44, 64–66
- Eso I. van, нидерландский врач 83
- Euler Leonhard, см. Эйлер Леонард
- Gebhard Johan Frederik (1849–1913), историк, биограф Николааса Витсена 42, 48, 64, 148
- Guerrier W. 61
- Hansen Thorkild (1927–1989), датский историк науки 25
- Heniger J., нидерландский историк науки 21, 50, 51, 69, 76, 122, 175, 265
- Henry John, английский историк 44, 51, 52
- Hughes Lindsey (1949–2007), английский историк, литератор 19, 40, 41, 109, 152
- Huygens Christiaan, см. Гюйгенс Христиан
- Israel Jonathan I., английский историк 21, 34, 269
- Johnson Samuel (1709–1784), английский эссеист, историк литературы 33, 34, 179
- Kaljazina N.V., см. Калязина Нинель Васильевна
- Kistemaker Renee, см. Кистемакер Рене
- Klein J., немецкий славист 156
- Knoppers Jake V.Th., нидерландский историк 134, 137, 148
- Kooijmans Luuc, см. Койманс Люк
- Koraneva N.P., см. Копанева Наталья Павловна
- Korelevich Iu.K., см. Копелевич Юдифь Хаимовна
- Krafft Georg Wolfgang, см. Крафт Георг Вольфганг
- Laissus Yves, французский историк культуры 51
- Lebedev Sergej 95
- Leeuwenhoek Antoni van, см. Левенгук Антони ван
- Leibniz G.W., см. Лейбниц Готфрид
- Lindeboom G.A., нидерландский историк 140, 179
- Linnaeus Carolus, см. Линней Карл
- Luyendijk-Elshout A.M., нидерландский историк науки 67, 178
- Macauley Thomas Babington (1800–1859), английский историк, политик 208
- MacGregor Arthur, английский историк 17
- Mancall Mark, английский историк 103
- Marcus J. 64
- Meijers Debora J., см. Мейерс Дебора
- Merian Dorothea Maria Henriëtte, см. Гзель Доротея Мария
- Merian Maria Sibylla, см. Мериан Мария Сибилла
- Motraye Aubry de la, см. Мотрэ Обри де ла
- Müller-Bahlke Thomas J., см. Мюллер-Бальке Томас
- Murray John J. 137
- Musschenbroek Petrus van, см. Мушенбрук Питер
- Naarden Bruno, см. Наарден Бруно
- Neverov O.Ya., см. Неверов Олег Яковлевич
- Nissen Claus, немецкий историк книги 46, 47, 171, 305
- Okenfuss Max J., американский историк 29, 63
- Olearius Adam, см. Олеарий Адам
- Overbeek Annemieck, см. Овербек Аннемик
- Perrault Claude, см. Перро Клод
- Perry John, см. Перри Джон
- Peter de Grote, см. Петр I Великий
- Pieters Florence, нидерландский биолог, историк науки 18, 192, 193
- Radzjoen (Radziun) A.B., см. Радзюн Анна Борисовна
- Raeff Marc, см. Раев Марк
- Richter Wilhelm Michael von (Рихтер Вильгельм Михайлович, 1767–1822), врач, профессор Московского университета (1795–1819), лейб-врач (1818); почетный член Санкт-Петербургской академии наук с 1814 71, 82, 83, 86, 177, 186, 254

- Rieger J.C., см. Ригер Иоганн Христоф
- Roemer Gijsbert Maurits van de, нидерландский историк искусства 203
- Romeyn de Hooghe, см. Хоогге Ромейн де
- Royer Jean Theodore (1737–1807), нидерландский юрист 241
- Ruysch Frederik, см. Рюйш Фредерик
- Salman Jeroen, нидерландский историк 64
- Sawday Jonathan 51
- Schaer Roland, французский историк 44, 277
- Schreiber Johann Friedrich (1705–1760), немецкий врач 120, 124, 125
- Schröder Peter 38
- Schulte-Albert Hans Georg, историк науки 174
- Schumacher Johann Daniel, см. Шумахер Иоганн Даниэль
- Seba Albert, см. Себа Альберт
- Snelders H.A.M., нидерландский историк 32, 36
- Spies Paul, нидерландский историк 133
- Spinoza Benedictus de, см. Спиноза Борух
- Sprat Thomas (1635–1713), английский писатель 52
- Stählin Jacob von, см. Штелин Якоб
- Steierwald Ulrike, немецкий историк науки 21, 58
- Stetskevich Elena S., см. Стецкевич Елена Сергеевна
- Struys Jan Jansz. (Стрейс Ян Янсзон), нидерландский парусный мастер, путешественник 27, 81
- Swammerdam Jan, см. Сваммердан Ян
- Terzioglu Arslan 83
- Valentini Michael Bernard, см. Валентини Михаэль
- Veen Jaap van der, нидерландский историк искусства 23, 43, 256
- Veluwenkamp Jan Willem, нидерландский историк 19, 76, 79, 80, 88, 104, 106
- Vilinbakhov Georgy V., см. Вилинбахов Георгий Вадимович
- Vries Jan Pieter Marie Laurens de, нидерландский лингвист 94, 281
- Waals Jan van der (Jan (Johannes Diderik), 1947–2009), нидерландский историк искусства 23, 169, 174, 277
- Waliszewski Kasimir (Валишевский Казимир Феликсович, 1849–1935), польский историк, писатель 39, 145
- Waquet Françoise, французский историк 44
- Wes M.A., нидерландский историк 58
- Wigzell Faith 64
- Wijnands D.O., нидерландский историк 21, 50, 51, 69, 76, 122, 175, 265
- Wilde Jacob de, см. Вильде Якоб де
- Willison I.R. 181
- Wills John E. 56
- Winter Eduard, немецкий историк науки 19, 217, 265
- Witsen Nicolaas, см. Витсен Николаас
- Wittop Koning D.A., нидерландский историк, аптекарь 45, 66, 67, 90
- Wolff Christian, см. Вольф Христиан
- Worm Olaus, см. Ворм Оле
- Woude Ad van der, нидерландский историк 94
- Zevenhuizen E.J.A., нидерландский историк 21, 50, 51, 69, 76, 122, 175, 265

Научное издание

Й. Дриссен-ван хет Реве

**Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого:
история в письмах (1711–1752)**

Редакторы М.В. Банкович, М.А. Ильина, Т.В. Никифорова

Верстка Н.И. Пашковская

Корректор Л.Г. Амбросенко

Подписано в печать 28.04.2015.

Усл.печ.л. 27. Уч-изд.л. 30.

Формат 154×240. Бумага мелованная.

Тираж 200 экз. Заказ № 368.

МАЭ РАН

190034. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»

199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24.

Тел. 323-67-74, e-mail: izd_lemma@mail.ru